

5 СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ
5 МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

**Собрание сочинений
в шести томах**

**МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982**

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

ТЕАТР
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
•

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

P2
M69

Оформление художника
Ю. БАЖАНОВА

М 4702010200-002 подписное
028(01)-82

ТЕАТР ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

•

РАКИ

Сатирическая комедия в трех действиях

Посвящается И. В. Ильинскому

... Господин П. Ну да сам посудит ты: ну как же, право? Все пороки да пороки; ну какой пример подаст это зрителям?

Господин Б. Да разве пороки хвалятся? Ведь они же выведены на осмеяние.

Господин П. Ну, да все, брат, как ни говори: уваженье... ведь через это теряется уваженье к чиновникам и должностям.

Господин Б. Уважение не теряется ни к чиновникам, ни к должностям, а к тем, которые скверно исполняют свои должности...

Н. В. Гоголь. Театральный разъезд после представления новой комедии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Степан Феофанович Лопухов, лицо номенклатурное, лет 50. Самовлюбленный бюрократ, человек плотный, малообразованный и отставший от жизни. По тому, как ведет себя дома, можно угадать стиль его «руководства». Возражений от подчиненных не терпит. О себе высокого мнения, почему и позволяет себе судить обо всем безапелляционно и глубококомысленно.

Аглая Ивановна, его супруга. Безвкусные туалеты, вкусный стол, сплетни, пересуды — вот и все ее интересы. В дочери души не чает и, будучи женщиной слабовольной, ни в чем ей не перечит. Мужа считает одним из самых достойных работников в городе. Несмотря на свой возраст, любит цвета голубой и розовый.

Серафима, их дочь. Существо избалованное, бездумное и легкомысленное. Мамой командует, отца побаивается. Принципов никаких.

Леонид Аркадьевич Ленский, неизвестный человек с лицом положительного героя, лет 35, по профессии мошенник. Честный труд считает уделом обывателей. Неглуп и не лишен таланта артиста-импровизатора. Умеет найти общий язык с любым собеседником. Отличается привычкой не сразу отвечать на заданный вопрос.

Самсон Петрович Кареглазов, земляк и заместитель Лопухова по всем вопросам. Разновидность формалиста и бюрократа. С подчиненными груб, с начальством подхалим. Любит поучать и разглагольствовать. Труслив и хитер, хотя в своих корыстных побуждениях порой теряет чувство меры. Призывает к критике, сам критики не терпит. Можно сказать, что земляки дополняют друг друга.

Люция, его жена. Бездарная актриса с характером склочницы. Искренне думает, что всюду надо иметь «руку».

Уклейкин, помощник Лопухова. Человек ограниченный, недалекий, но ловкий. Перед «хозяином» угодничает и откровенно льстит. Скользкий, как уж, но может ужалить, как гадюка.

Мамочкин, инспектор отдела кадров, человек с неопределенным выражением лица. Подозрителен. Перед начальством нем. Выискивает в анкетах сослуживцев «блех» и пропускает мимо носа главное. Растяпа.

Жезлов, начальник отделения милиции. Один из тех, кто, выдавая себя за блюстителя порядка и законности, сам может «порадеть родному человечку» и обойти закон. Внешний вид скорее добродушный, чем глупый.

Счеткин, бухгалтер. Честный, дотошный старик с желчным характером. В жизни у него одна страсть — рыбная ловля.

Секретарша	}	ничем не примечательны, в своем роде тоже простофили.
Администратор		
гостиницы		
Швейцар		
Кассир		

Леша, шофер. Молодой парень с простодушным лицом. Когда ждет в машине хозяина, любит читать книги.

Кладовщик из колхоза, пожилой человек. Глаза смотрят с хитрецей. Честный и исполнительный.

Крокотил, прямо с обложки журнала: с трубкой в зубах, с вилами в лапах.

Премьера спектакля состоялась в мае 1953 года в Театре имени Евг. Вахтангова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в квартире Лопуховых. Безвкусовая, мещанская обстановка. Стол. Сервант. Диван с полочкой. На серванте и диванной полочке семь слонов и статуэтки — ширпотреб. В одном углу большие настенные часы, в другом — холодильник. На стене две одинаковые копии с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». У окна фикусы в кадках. Леша стоит у двери и разговаривает с Аглаей Ивановной.

Аглая Ивановна. Так ты меня понял, Леша?

Леша. Понял, Аглая Ивановна.

Аглая Ивановна. Значит, приедешь в колхоз, найдешь там кладовщика, скажешь ему: так, мол, и так, от Степана Феофановича Лопухова, личный шофер. Приехал за раками. Он тебе и отпустит. Платить ничего не надо. Степан Феофанович потом рассчитается. Ты раков-то сам перебери, а то накидают тебе всякую мелочь! Да смотри, чтобы все шебаршились. Среднеживых-то в сторону.

Леша. Не беспокойтесь, живых возьму.

Аглая Ивановна (*подумав*). Доверенность тебе писать не надо?

Леша (*с иронией*). Это на раков-то? Так отпустят, без доверенности.

Аглая Ивановна. Ну, езжай! Смотри нигде не задерживайся. Машина может понадобится. Серафимы еще дома нет.

Леша. Только скоро вы меня не ждите. До Старого Хрякина километров сорок, а то все пятьдесят. Да и дорога сейчас сами знаете какая...

Аглая Ивановна. А ты поаккуратней езжай. Поаккуратней! Береги машину. Машина-то казенная!

Леша. Ладно уж... Знаем, как ездить. (*Уходит.*)

Аглая Ивановна. Столько забот, столько забот!.. Дуняша расчет взяла. И этот чем-то недоволен...

Подумаешь, трудно ему для Степана Феофановича за раками съездить. *(Начинает накрывать на стол.)*

В передней звонок. Аглая Ивановна выходит и возвращается с Уклейкиным. У него в руках толстый портфель и пачка книг.

Уклейкин *(торопливо)*. Я звонил Степану Феофановичу, просил разрешения у вас посидеть, позаниматься. Доклад ответственный, времени осталось мало. Язык у Степана Феофановича специфический, много цифровых данных. На работе мне писать неудобно, дома обстановка не позволяет, так что разрешите, Аглая Ивановна, я уж вас побеспокою, пройду в кабинет шефа, позанимаюсь.

Аглая Ивановна. Сделайте одолжение, товарищ Уклейкин. Вы свой человек. Располагайтесь, работайте... В ваших делах я вам плохой советчик. Важно, чтобы Степан Феофанович остался доволен.

Уклейкин. Постараюсь, Аглая Ивановна. У меня, собственно говоря, почти все готово. Осталось только кое-что систематизировать и переписать набело.

Аглая Ивановна *(пропускает Уклейкина в кабинет)*. Запирайтесь, думайте, сочиняйте, переписывайте — словом, что вам нужно, то и делайте. Вам никто не будет мешать.

Уклейкин. Вы уж меня извините. Дело-то у нас больно спешное...

Аглая Ивановна. Я и то гляжу, на вас сегодня прямо лица нет.

Уклейкин. С утра на рысях. Материалы к докладу готовил, подбирал... Вот! *(Хлопает по портфелю.)*

Аглая Ивановна. За это вас Степан Феофанович и ценит, товарищ Уклейкин. Вы у него правая рука. Первый помощник. Референт!

Уклейкин *(деликатно)*. Вы, Аглая Ивановна, подсказали бы Степану Феофановичу, чтобы он своей правой руке несколько улучшил жилищно-бытовые условия. Квартирку помог бы обменять. Мне бы с ванночкой. Надоело в баню ходить. Не люблю на людях мыться. Стыдлив...

Аглая Ивановна. Подскажу, товарищ Уклейкин. Напомню.

Уклейкин *(оглядываясь по сторонам)*. Люблю я у вас бывать, Аглая Ивановна. Хорошо у вас, уютно. Какие культтовары! Выставка! Музей!

Аглая Ивановна. И вещи-то все недорогие. Представьте себе, такой пингвинчик — и всего два рубля.
Уклейкин. Что вы говорите? Два рубля? Кто бы мог подумать? Как это говорится: дешевле пареной репы!

Аглая Ивановна. Да ведь не в цене дело. Дело во вкусе.

Уклейкин. Чистая работа! (*Любуется копией Шишкина.*) Очень натурально нарисовано.

Аглая Ивановна. «Художник РСФСР»!

Уклейкин. Молодец парень!.. Ну, так я, с вашего разрешения, запираюсь.

Аглая Ивановна. Запирайтесь, пожалуйста. Лишь бы Степан Феофанович остался доволен. (*Закрывает за Уклейкиным дверь в кабинет.*) Да-а... (*Вздыхает.*) Тяжелый воз везет мой Степан Феофанович!.. И ведь не каждому можно довериться. Ох, не каждому! Другой напишет тебе бог знает что, а ты возьмешь да по простоте душевной и произнесешь с трибуны. Хорошо, если не расслышат, а ведь если расслышат да придерутся — неприятностей не оберешься.

Входит Серафима.

Серафима. Мама, отец дома?

Аглая Ивановна. Не приходил еще. (*Показывает на дверь.*) Там Уклейкин сидит, отцовский доклад пишет. Что с тобой? Чем ты взволнована?

Серафима. Мама, я должна тебе что-то сказать...

Аглая Ивановна. Сима, ты меня пугаешь. Что случилось? (*Опускается на диван.*)

Серафима. Ничего особенного не случилось, но вопрос очень, очень серьезный.

Аглая Ивановна. Бросила институт?

Серафима. Мама! Гораздо серьезнее!

Аглая Ивановна. Тебе в ателье испортили пальто?

Серафима. Я выхожу замуж!

Пауза.

Аглая Ивановна (*не сразу*). Бог ты мой! За кого ты выходишь замуж? Неужели за этого... как его?.. (*Пытается вспомнить фамилию.*)

Серафима. Нет, не за него. Я выхожу замуж за инженера Ленского.

Аглая Ивановна. Это какой Ленский? Где-то я уже слышала эту фамилию... чуть ли не по радио...

Серафима. Леонида Аркадьевича Ленского ты не знаешь. Сегодня я тебя с ним познакомлю. Он будет у нас. Час назад он сделал мне предложение, и я дала ему свое согласие.

Аглая Ивановна. Не посоветовавшись с отцом? Кто он такой, этот Леонид Аркадьевич? Мы его никогда не видели.

Серафима. Вы его не могли видеть: он всего три дня в нашем городе. Но у него есть все. Все! Все!

Аглая Ивановна. Что все?

Серафима. И внешность, и специальность, и положение. Прекрасное прошлое, замечательное настоящее и великолепное будущее!

Аглая Ивановна (*недоверчиво*). Что-то удивительно, чтобы у одного человека было все сразу — и прошлое, и настоящее, и будущее.

Серафима. Мама, он крупный инженер. Имеет массу наград. Один брат у него адмирал, другой профессор, третий еще кто-то, я уже не помню... Ему тридцать семь лет.

Аглая Ивановна. И он еще не женат?

Серафима. Ему некогда было думать о любви, об увлечениях. Это человек науки и... техники. Только теперь, когда он немного разгрузился от работы, стал жить не только для общества, но и для себя, он понял, что ему надо жениться, надо создавать семью.

Аглая Ивановна. В прошлом году твой доцент из Мичуринска тоже «понял», что ему надо создавать семью, а потом выяснилось, что у него есть жена и трое детей. Может быть, и этот такой же?.. Где ты с ним познакомилась?

Серафима. На пароходе.

Аглая Ивановна. Почему ты до сих пор ничего о нем не говорила? Ты уже три дня дома.

Серафима. Мама, мы с Леонидом решили сначала проверить наши чувства. Сегодня мы оба поняли, что должны быть вместе.

Аглая Ивановна. Ты так мало с ним знакома...

Серафима (*горячо*). Мама! Мама, что ты говоришь? Что значит «мало знакома»? Разве для того, чтобы понять настоящего человека, нужны месяцы,

годы?.. Да хорошего, приличного человека сразу видно! По тому, как он себя ведет, о чем говорит, какие высказывает мысли, суждения... Разве ты сама не говорила, что можно век прожить вместе и так и не узнать человека? Вот Самсон Петрович Кареглазов! Двадцать лет с женой прожил и бросил ее с двумя детьми. А ведь за двадцать лет она, кажется, могла бы узнать его как человека?

Аглая Ивановна. Но все ж... Такой поворот в твоей жизни...

Серафима. Мама, когда-нибудь это должно было случиться?

Аглая Ивановна. Конечно. Обязательно. Непременно... Но все же это так неожиданно для нашей семьи. Что скажет отец? Он еще не забыл твоего мичуринского доцента... Право, меня даже знобить начало!

Серафима. Мама, главное ведь, чтобы я была счастлива! А я счастлива. *(Неожиданно начинает плакать.)*

Аглая Ивановна бросается успокаивать дочку, обнимает ее, прижимает к своей груди. Серафима продолжает всхлипывать.

Аглая Ивановна. Симочка моя! Куколка моя! Ну успокойся, успокойся!.. Расскажи лучше, откуда он взялся? Что он делает у нас в городе? Он в командировке?

Серафима *(перестав всхлипывать)*. В нашем городе он только из-за меня. А вообще он москвич, и о себе он все вам расскажет сам. Одним словом, это лучшее, на что я могла бы нарваться в жизни!

Аглая Ивановна. Он красивый, по крайней мере? Опиши мне его наружность.

Серафима *(совсем успокоившись)*. Ну, как тебе объяснить, мама? У него очень положительная внешность... Только это в нем не главное. Он вежлив, тактичен, образован, умен, но больше всего меня подкупило в нем то, что он необычный человек! Не такой, как все!

Аглая Ивановна *(испуганно)*. Не такой, как все? А какой же?

Серафима. Мама, он сказал мне такое, что в наше время не от каждого услышишь.

Аглая Ивановна *(крайне заинтересованная)*. Что же он тебе сказал?

Серафима (*задыхаясь от волнения*). Он сказал мне, что соединит свою судьбу с моей только в том случае, если я дам согласие... на церковный брак.

Пауза.

Аглая Ивановна (*ошеломленно*). Да-а-а... Прямо так и сказал?

Серафима. Прямо так и сказал!..

Аглая Ивановна. На церковный брак?!

Серафима. На церковный брак! Ты понимаешь, мама? В его положении — и вдруг такое условие! Может быть, это странность. Он ученый человек, а у ученых людей бывают странности, это всем известно. Но это меня подкупило. Буквально подкупило!

Аглая Ивановна. Ты меня просто поразила!

Серафима. Мама, я сама сначала своим ушам не поверила. Но потом, когда он доказал мне, насколько это все для него серьезно, я поняла, что это не какое-нибудь мальчишество, а настоящее предложение. До гражданской записи мы будем венчаться в церкви, а потом уже оформим наш брак по закону в загсе.

Аглая Ивановна. Чем он объяснил тебе свое такое экстраординарное желание?

Серафима. Он сказал, что, по его твердому убеждению, такой брак гораздо прочнее.

Аглая Ивановна (*схватившись за голову*). Ой, Серафима! А что скажет отец? Что будут говорить в городе? Дочь члена партии — и вдруг венчается в церкви. Да нашего отца после этого обязательно проработают на каком-нибудь совещании. А тебя исключат из комсомола. Ты ведь, кажется, комсомолка?

Серафима. Ну, какая я комсомолка! Мама, решается моя судьба! Мое личное счастье! Я, может быть, с этим человеком проживу всю жизнь. Ты должна повлиять на отца!

Аглая Ивановна. Ты себе с ним ничего не позволяла? В ресторан ты с ним не ходила?

Серафима. Мама, за кого ты меня принимаешь? И потом он себе этого никогда не позволит. Ты его просто плохо знаешь!

Аглая Ивановна. Господи боже мой! Какая, однако, неожиданность! Как снег на голову!

Входит Лопухов.

Лопухов (*еще в дверях*). Уклеikin здесь?

Аглая Ивановна. Здесь, в кабинете сидит. Твой доклад пишет.

Лопухов (*целует дочь, бросает портфель на диван*). Дотянут до последнего, а потом за них отдувайся. Прошлый раз такой доклад подсунили, сам черт язык себе сломает. Каких только слов не понаставляли — и все невпопад. А почему? Потому что лень-матушка! Нет того, чтобы заранее посидеть, подумать, привести к общему знаменателю, перепечатать на машинке, проверить, выправить, еще разок перепечатать и уж потом, в готовом виде, дать докладчику. Никак не научишь людей работать с головой! Раков привезли?

Аглая Ивановна. Леша поехал.

Лопухов. Никто не звонил? (*Достает из холодильника бутылку пива. Садится к столу.*)

Аглая Ивановна. Люция Кареглазова звонила, спрашивала, когда ты будешь.

Серафима. Говорят, у нее в театре какие-то неприятности.

Лопухов. А я что, театрами заведую? Нет, это им, наверное, опять на дачу чего-нибудь не хватает. Или теса, или железа. Пусть Самсон сам где хочет достает. Я Синице никаких указаний давать не буду. Ох эта мне Синица, Синица!.. Вот ведь невелика пташка, а коготки показывает!

Аглая Ивановна. Да как он смеет? Удивительно, что ты его до сих пор терпишь!

Лопухов. А я и не потерплю. Найду подходящего человека — выгоню эту Синицу. Изыму из аппарата! (*Смотрит на жену и дочь.*) А вы что такие?

Серафима. Какие?

Лопухов. Красные. Поругались, что ли?

Аглая Ивановна. Тут у нас свои разговоры были... женские...

Лопухов. Женские? Ну-ну...

Уклеikin (*приоткрывает дверь из кабинета*). Не помешаю, Степан Феофанович?

Лопоухов. Заходи, заходи! Ну, как там у тебя? Готово?

Уклейкин. Подходим к финишу. Осталось только резюмировать и переписать.

Мать и дочь, переглянувшись, выходят.

Лопоухов (*Уклейкину*). «Резюмировать»... «резюмировать»... Ты мне поменьше таких-то слов вписывай. Ты попроще пиши, как народ говорит. Я ведь с народом толковать буду. Ну покажи, что там у тебя... Большой доклад получился?

Уклейкин. Чистого текста, как вы читаете, минут на сорок пять. Плюс реакция зала: смех, аплодисменты... Около часу выйдет, Степан Феофанович.

Лопоухов. Юмор есть?

Уклейкин (*мрачно*). Есть, Степан Феофанович. Есть! Перед зеркалом читал, сам смеялся.

Лопоухов, надев очки, вникает в написанное Уклейкиным.

Уклейкин (*перегнувшись через плечо начальства*). Цитатки я разбросал по всему тексту. Хорошие подобрал. Сверил. Вот, обратите внимание, любопытная цитатка из «Робинзона Крузое». Просто блеск! Насчет проявления личной инициативы и мобилизации внутренних ресурсов. (*Показывает.*)

Лопоухов. Из кого, из кого цитатка?

Уклейкин. Из «Робинзона Крузое». Вы не беспокойтесь, Степан Феофанович, не подведу! Очень она к слову будет, эта цитатка! Это в том месте, где вы подвергаете критике наш деревообделочный комбинат.

Лопоухов (*притодняв очки*). А я его критикую?

Уклейкин. Обязательно! Вот здесь. (*Показывает.*)

Лопоухов (*прочитав указанное место*). А не слишком ли я его, а?

Уклейкин (*убежденно*). Не слишком, Степан Феофанович. Нисколько не слишком! Я бы даже сказал, что вы их щадите. Вышестоящие организации осудили порочную практику комбината. Резко осудили.

Лопоухов. Я что-то не слышал.

Уклейкин. Готовится специальное выступление газеты. Вы не беспокойтесь, уж я вас не подведу! Себе дороже.

Л о п о у х о в (*в раздумье*). Тогда, может быть, мне следует их как следует? А? Критика — вещь полезная, от нее никто еще не помирал. (*Смеется.*)

У к л е й к и н. Завидный у вас характер, Степан Феофанович! Хорошо вы критику воспринимаете: с вас как с гуся вода!

Л о п о у х о в. А ты, Уклеikin, критику принимаешь?

У к л е й к и н. Принимаю, Степан Феофанович. Принимаю, когда прописывают. Три раза в день по столовой ложке. Ну а больше-то не рекомендуется. Может иметь обратное действие! (*Смеется.*)

Л о п о у х о в (*возвращаясь к теме доклада*). Так добавь сюда еще две-три ложки. Да покрепче!

У к л е й к и н. Добавлю, Степан Феофанович! (*Делает карандашом пометку в докладе.*)

Л о п о у х о в. С критикой как будто нормально получается. А как с самокритикой? Не скажут, что маловато?

У к л е й к и н. Что вы, Степан Феофанович! Никак не скажут! Уж я постарался. Учил прошлые нарекания. Учел!.. Вы эти странички пропустили? Двадцать вторая, двадцать третья, вот тут еще половинка... (*Показывает.*) Я здесь со всей принципиальностью, со всей, так сказать, резкостью обрушился. На вас лично, на товарища Кареглазова... Одним словом, останетесь довольны.

Л о п о у х о в. Вот за это, брат, спасибо!

У к л е й к и н. Так ведь для дела, Степан Феофанович!

Л о п о у х о в. Ладно. Перепишешь начисто, а если успеешь, то и перепечатаешь в двух экземплярах: один — мне, один — в наш архив. Черновик порвешь. Ясно?

У к л е й к и н. Не в первый раз, Степан Феофанович!

Л о п о у х о в. И не в последний... Завтра утром дашь мне доклад. Я его на свежую голову просмотрю. Может быть, чего забыли. А в основном ничего получилось? Как твое, личное?

У к л е й к и н. Боевое, целеустремленное выступление. Просто блеск! Разрешите идти, Степан Феофанович? Я сегодня в баньку собрался, как бы не опоздать...

Л о п о у х о в. Иди мойся, Уклеikin. Объявляю тебе благодарность. Выпишу премиальные... (*Как бы про се-*

бя.) Паршивое это дело — с докладом выступать. А надо... надо!..

Уклеikin. Надо, Степан Феофанович! На то вы и начальство. А за доклад вы не беспокойтесь. Не один докладик мы с вами провернули и, как видите, держимся на поверхности. Держимся на волне, так сказать!

Лопухов. «Держимся»... Ты у меня за это зарплату получаешь. Премияльные! Пивка!.. *(Наливает Уклеикину бокал пива.)*

Уклеikin *(выпив пиво)*. Стараемся, Степан Феофанович! Нравится мне с вами работать! Так сказать, расти под вашим непосредственным руководством... Получать ценные указания.

Лопухов. Иди, иди! Не люблю подхалимажа! Иди! Дай знать, когда все будет готово.

Уклеikin. Супругу поприветствуйте!

Лопухов. Поприветствуем, поприветствуем...

Уклеikin уходит.

Серафима *(появляясь в дверях)*. Отец, ты свободен? Мне нужно с тобой поговорить по личному делу.

Лопухов. Пройдем в кабинет.

Отец и дочь уходят в кабинет. Затем туда проходит Аглая Ивановна.

Сцена некоторое время пуста.

Аглая Ивановна *(выходит из кабинета, останавливается в раздумье посредине комнаты)*. Подумать только, такой заслуженный деятель, и вдруг такое стремление — венчаться! Удивительно! Однако не зря, значит, говорят, будто есть еще ответственные работники, которые верующие. И на пасху разговляются, и с попом хоронят, и детишек крестят... *(Прислушивается к голосам в кабинете.)* А лучше жениха, пожалуй, не найдешь!..

В передней звонят. Аглая Ивановна спешит открыть дверь. Она возвращается в комнату в сопровождении Ленского. Ленский хорошо одет. В петлице костюма университетский значок. Над карманом орденская колодка.

Аглая Ивановна *(растерянно)*. Извините меня, пожалуйста... Я сейчас... одну минуточку... *(Нервно поправляет прическу.)*

Ленский. Сделайте одолжение... Я подожду.

Аглая Ивановна быстро исчезает в передней. Ленский остается один. Осматривается. Входит Аглая Ивановна.

Аглая Ивановна. Так, значит, вы и есть Леонид Аркадьевич Ленский?

Ленский. Кто? Я?.. Да. Это я.

Аглая Ивановна. Как приятно с вами познакомиться! Дочь так много говорила о вас! Проходите, пожалуйста, садитесь.

Ленский (*оглядывает комнату*). Благодарю вас. Я уже насиделся...

Аглая Ивановна. Вы очень удачно пришли. У нас все дома. Степан Феофанович в кабинете. У них там как раз разговор с Симочкой. Это для нас такая... (*разглядывает Ленского*) неожиданность!

Ленский. Надеюсь, приятная! (*Улыбается.*)

Аглая Ивановна (*не расслышав*). Безусловно... безусловно. Кто из нас, матерей, не желает своему ребенку счастья? Симочка у нас одна...

Ленский (*глубокомысленно*). Да-а-а... Дети, дети... «Маленькие дети — руки болят, большие дети — сердце болит...» Так, кажется?

Аглая Ивановна (*очарованная Ленским*). Симочка у нас одна, так что вы можете себе представить, как мы переживаем сейчас ее решение выйти за вас замуж. Вы ведь, кажется, не были еще женаты?

Ленский. Кто? Я?.. Нет. Не был. Пока еще не был.

Аглая Ивановна. Симочка мне о вас рассказывала. Она вами просто бредит. Вы совершенно очаровали ее.

Ленский (*улыбаясь*). Она тоже нарушила мой покой...

Аглая Ивановна. Я вам честно скажу, как своему человеку, хотя и не очень удобно хвалить родную дочь, но мы со Степаном Феофановичем на Симочку не нарадуемся. Она у нас девушка умная, воспитанная, не какая-нибудь легкомысленная кокетка, не современная вертихвостка.

Ленский (*с достоинством*). Серафима Степановна произвела на меня исключительно отрадное впечатление. Я, надо вам сказать, человек далеко не увлекающийся. У меня свой, может быть, несколько оригинальный взгляд на вещи. Серафима Степановна поставила вас в известность?

Аглая Ивановна (*несколько смутившись*). Да, да...

Безусловно, я знаю...

Ленский (*серьезно*). Я смотрю на брак со своих позиций.

Аглая Ивановна. Это безусловно... безусловно.

Ленский (*в возвышенном тоне*). Мне в жизни нужен друг. Спутник. Товарищ. Такой друг, такой товарищ, чтобы я в трудную минуту своей жизни мог бы смело, не оглядываясь, не задумываясь, опереться на его руку. Я должен ему верить, как самому себе! Легкие, временные связи, увлечения меня не устраивают. По роду своей деятельности я человек замкнутый, необщительный. Вы меня понимаете, в каком смысле я это говорю?

Аглая Ивановна (*растроганно*). Дорогой Леонид Аркадьевич, я прекрасно вас понимаю! Вас трудно не понять! И наша дочь именно такой человек! Она может быть верным, надежным другом! Это я вам говорю как мать, которая ее знает с детства, которая вскормила ее своим материнским молоком.

Ленский. Я вам очень признателен, Аглая Ивановна. Признателен за такие слова и доверие. Приятно, знаете ли, попасть в такой дом, в такую семью, где все дышит простотой и сердечностью... Я не избалован, я прошел суровую школу жизни...

Аглая Ивановна (*взволнованно, помолчав*). Не знаю, право, что скажет Степан Феофанович! Я со своей стороны благословляю, но он у нас человек неверующий. Как он посмотрит... (*Вздыхает.*)

Серафима и Лопухов выходят из кабинета.

Серафима (*увидев Ленского и вспыхнув*). Отец, познакомься, пожалуйста! Вот это...

Ленский (*пожимает руку Лопухову*). Будем знакомы, Ленский, Леонид Аркадьевич. Очень рад, Степан Феофанович. Очень рад!

Лопухов (*солидно*). Взаимно. Взаимно. Мы с дочерью только что о вас говорили. Всесторонне обсуждали интересующий вас вопрос. Очень много лестного было о вас сказано. Прекрасная характеристика. Много приведено веских доводов.

(*Изучает орденскую колодку на груди Ленского.*)

Аглая Ивановна. А мы здесь тоже поговорили.
Познакомились.

Лопухов. Ну вот и прекрасно! С новым человеком всегда любопытно познакомиться... *(Садится на диван. Жестом приглашает Ленского сесть рядом. Тот садится.)*

Аглая Ивановна. Вы не обращайтесь на меня внимания. Я буду хлопотать по хозяйству. Работница у нас рассчиталась, так что уж мне самой придется...

Серафима. Мама, я тебе помогу!

Мать и дочь продолжают накрывать на стол, время от времени прислушиваясь к разговору мужчин.

Лопухов *(Ленскому)*. Давно в нашем городе?

Ленский. Кто? Я?.. Несколько дней, Степан Феофанович. *(Достает из кармана горсть леденцов в бумажках и протягивает их на ладони Лопухову.)*
Прошу вас! «Театральные»! Освежают.

Лопухов вопросительно смотрит на гостя, берет один леденец, разворачивает его и кладет в рот. То же самое делает Ленский.

Лопухов *(сосет леденец)*. Как вам у нас нравится?

Ленский *(сосет леденец)*. Очень хороший город. Красивый, чистый. Областной.

Лопухов. Давно из Москвы?

Ленский. Кто? Я?.. Да. То есть нет. Недавно.

Лопухов. Ну как там Москва? Какие нововведения?
Я в Москве давно не был. Не вызывают.

Ленский. Много, много нового. Высотные здания...
Вот памятники тоже: Пушкин — не там... Гоголь — не тот!..

Лопухов. А мы вот тут живем. Свою лепту вносим в общее дело — руководим. Вы, кажется, инженер по образованию?

Ленский. Кто? Я?.. Да. Я инженер. Конструктор.

Лопухов *(грызет леденец)*. Где работаете?

Ленский *(угощает Лопухова леденцами)*. Последнее время я замещал главного инженера одного строительства... Там... *(Делает неопределенный жест рукой.)*

Лопухов *(сосет леденец)*. Ясно... ясно...

Ленский. А сейчас я временно работаю совсем в другой области...

Лопухов. В какой области?

Ленский. Сейчас я заканчиваю свою кандидатскую диссертацию. Такое дело совмещать с работой на строительстве трудно. Я ушел. Отпросился. Не хотели отпускать, но пришлось. Правда, потребовался приказ свыше. Отпустили.

Лопухов. Ясно, ясно... А какая тема вашей диссертации, если не секрет?

Ленский (*улыбнувшись*). Секрет. Как раз секрет. Тема особого значения. Но вам, как ответственному работнику, я, пожалуй, скажу...

Лопухов. Ясно... ясно...

Ленский (*доверительно*). Моя тема называется: «Гидратация винил-циклогексенил-ацетиленов и циклизация аллил-циклогексинил-кетон»... Ну, и так далее!

Серафима (*матери*). Слышишь?

Аглая Ивановна кивает.

Лопухов (*сосет леденец*). Ясно... ясно...

Аглая Ивановна. Простите за нескромный вопрос, Леонид Аркадьевич. Зарплату вы сейчас получаете?

Серафима (*матери*). Мама, ну какое это имеет значение?

Ленский (*снисходительно улыбнувшись*). Действительно, как ни странно, это не имеет никакого значения. Как раз перед тем как уйти в долгосрочный отпуск — я не уволился, а ушел в долгосрочный отпуск, — я получил довольно большую премию за одно изобретение. Мне хватит на год жизни. А может, и на два. Я еще не знаю. Не подсчитал.

Аглая Ивановна. А что вы изобрели?

Ленский. Кто? Я?.. Что я изобрел?.. К сожалению, это также относится к тем вещам, о которых сейчас не принято говорить во всеулышание.

Серафима (*матери*). Понимаешь?

Лопухов. Ясно... ясно... (*Хрустит леденцом.*)

Пауза.

Значит, на пароходе познакомились?

Ленский. Кто? Я?.. Да. Мы с Серафимой Степановной познакомились на «Академике Павлове». На верхней палубе. Мне надо было отдохнуть, и я решил прокатиться по Волге. Пять лет, знаете ли,

просидеть... (*поперхнулся, но тут же нашелся*) просидеть в душном служебном помещении, без отпуска — не шутка! Трудно сразу окунуться в науку. Нужен перерыв. Необходимо перестроиться. Перейти, говоря языком техническим, на новый режим...

Л о п о у х о в. Это вы верно подметили. «На новый режим». Я это по себе знаю. На мне — управление! Так вот мне, знаете ли, тоже, для того чтобы взять книгу в руки, нужно, очевидно, сперва отдохнуть как следует. Мозги у меня, как видно, за последние десять — пятнадцать лет привыкли к восприятию главным образом сухих, официальных материалов — разных документов, отношений, докладных записок, протоколов и тому подобное... На художественную литературу им сейчас уже не так просто перестраиваться. Не так просто. Нужно время. А где его возьмешь?

Л е н с к и й. Знакомо, знакомо. Совещания. Заседания.

Л о п о у х о в. Всевозможные совещания и заседания по всем вопросам! Да-а-а... И получается, если хотите знать, такая картина: мне акт ревизии легче наизусть выучить, чем прочитать какой-нибудь художественный рассказ или повесть в «Огоньке». Вот что получается! (*Вздыхает.*)

Мать и дочь выходят.

Л е н с к и й (*встает*). Я хотел бы, Степан Феофанович, слышать от вас ваши соображения...

Л о п о у х о в (*не дает Ленскому говорить*). По поводу ваших намерений? Я вас так понимаю?

Л е н с к и й. Именно так.

Л о п о у х о в (*не сразу*). Она вас любит. Она мне сказала.

Л е н с к и й. Я в этом не сомневаюсь. Можно сказать, что мы оба нашли друг друга.

Л о п о у х о в (*помолчав*). Однако меня, откровенно говоря, смущает это... ваше условие!

Л е н с к и й. А чем же оно вас смущает, Степан Феофанович?

Л о п о у х о в (*с удивлением*). Как то есть чем? Странный вопрос. Меня в городе все знают. Я лицо номенклатурное. Между прочим, член партии. А тут, выходит, я должен дать свое благословение... да еще в полном смысле...

Ленский. Какое благословение? Просто я не считал для себя возможным не поставить вас в известность. Это не в моих правилах. Что же касается самого обряда, то пусть он вас не волнует. Все останется между нами. В своей семье! Организация всего этого пройдет мимо вас. Общественность знать ничего не будет.

Лопухов. Неужели нельзя обойтись без этого... ну, что ли... тайнства? Я ведь с нашим городским служителем культа даже не кланяюсь, а тут вдруг — на тебе! Дочка венчается! «Хорош, скажут, Лопухов! Хорош зять у Лопухова!» Мне худо будет, да и вы рискуете...

Входит Аглая Ивановна.

Ленский. Вы, Степан Феофанович, обо мне не беспокойтесь. И вас лично это ни в какой мере не коснется. Ни в какой мере! В этом вопросе положитесь на меня. А для меня это имеет первостепенное значение. Пусть это вас не удивляет. Вы можете мне возразить. Вы можете сказать, что это вообще условность, уходящая корнями в далекое прошлое. Я с вами спорить не собираюсь. Я с вами заранее согласен. Более того — я такой же, как и вы, материалист. Ни в бога, ни в черта мы с вами, безусловно, не верим. Сейчас не та эпоха! Но вы не можете со мной не согласиться, что торжественная обстановка, в которой происходит данный обряд, — свечи, запах ладана, обручальные кольца — все это, несомненно, оставляет неизгладимое впечатление на бракосочетающихся. Это как раз и есть та псевдоромантика, которая украшает процесс бракосочетания и, как это ни смешно, дисциплинирует обе стороны в дальнейшем. Казалось бы, глупости? Предрассудки? Возможно! Но факт! Факт! А факты упрямая вещь! *(Вздыхнув.)* Вот что я вам хотел сказать, Степан Феофанович!

Лопухов. Дочь-то комсомолка!

Ленский *(неожиданно)*. Ну, знаете ли, я тоже не беспартийный.

Лопухов *(с удивлением)*. Так как же это вы так... совмещаете?

Ленский *(горячо)*. А я не совмещаю. Совершенно не совмещаю! В том-то и дело. Это существует от-

дельно от меня и никак не отражается на моем мировоззрении. То есть абсолютно никак не отражается. Я убежденный атеист! Но в этом единственном случае я разрешаю себе отступить от правил. Женюсь я в жизни один раз. Могу я себе в конце концов позволить такой каприз?

Аглая Ивановна (*вдумчиво, но осторожно*). Вы меня извините, пожалуйста, но я не могу не вмешаться в вашу беседу...

Лопухов (*сердито*). Ты обязана вмешаться, ты — мать!

Аглая Ивановна (*Ленскому*). Откровенно говоря, я была поражена, узнав от Симочки о вашем намерении обязательно венчаться...

Ленский. Именно так...

Аглая Ивановна. В наше время это исключительный случай.

Лопухов. Что и говорить! Тут такую шумиху вокруг этого поднимут. По улице пройти нельзя будет...

Аглая Ивановна (*одновременно Ленскому и мужу*). Но, как ни странно, чем больше я сейчас об этом думаю, тем больше убеждаюсь в том, что я бы как мать...

Лопухов настораживается. Аглая Ивановна проглатывает окончание фразы.

Конечно, если все это не исключает законного оформления в загсе.

Входит Серафима.

Ленский. Не исключает. Загс загсом, а обряд обрядом.

Аглая Ивановна (*робко*). Ну так как же, Степан Феофанович? Что ты скажешь? Все равно все знают, что ты у нас с двадцать пятого года неверующий.

Серафима (*дрожащим голосом*). Отец, решается моя судьба!

Лопухов (*не сразу*). Вот что я вам скажу, товарищи. Я человек идейный. Религия мне противопоказана. Хотите жениться — женитесь. На это я даю вам свое отцовское согласие. А на обряд не даю! Не

могу. Не имею морального права. Хочу, но не могу! Вот вам мое окончательное решение. Ясно?

В кабинете звонит телефон. Лопуухов уходит в кабинет. Говорит там по телефону.

Серафима (*Ленскому и матери*). Как же нам теперь быть?

Аглая Ивановна. Положительно не знаю. Степан Феофанович — человек очень идейный...

Ленский (*неожиданно и решительно*). А что, если нам, так сказать, самим этот вопрос решить в положительном смысле? Не привлекая Степана Феофановича?

Серафима. Мама, это выход!

Аглая Ивановна. Я не совсем поняла...

Ленский. Очень просто. Степан Феофанович просто-напросто ничего не будет знать. Ровным счетом ничего! Все совершится в районе.

Аглая Ивановна. В каком районе?

Ленский. В любом ближайшем районе. В радиусе пятидесяти — шестидесяти километров. Найдем подходящее село, в котором действует церковь. Я лично договарюсь с руководством прихода. Назначим день и час. Выедем туда на подходящем транспорте и к вечеру вернемся прямо к столу. Приход и расход я беру на себя.

Серафима. Мама, это гениально!

Аглая Ивановна (*сдаваясь*). Не хотелось бы поми-
мо Степана Феофановича...

Ленский. Аглая Ивановна, вы поймите! Степану Феофановичу просто неудобно давать свое согласие. Я понимаю его соображения. Но я уверен, что в конце концов нам удастся убедить его в том, что это все не так уж страшно.

Аглая Ивановна. Когда убедить?

Ленский. Потом, когда все уже будет позади.

Серафима. Мама, ты же отца знаешь. Отец пошумит-пошумит и успокоится.

Аглая Ивановна. Вы думаете?

Ленский. Уверен! И не будем особенно откладывать. Чем скорее, тем лучше. День, два, три!

Серафима. Мама, это мудро!

Аглая Ивановна. Если в район выезжать, то сейчас надо. Позднее дороги так развезет, что и захочешь — не доедешь.

Ленский. Вот и прекрасно! Пусть это будет нашей первой маленькой семейной тайной. Никому ни слова!.. Я очень рад, что мы нашли общий язык. А то я, откровенно говоря, начал беспокоиться... *(Быстро подходит к столу, наливает матери и дочери по рюмке вина, себе — стопку водки. Чокается с обеими.)* За исполнение желаний!

Все быстро выпивают.

Лопухов *(выходя из кабинета)*. Кареглазовы звонили. Сейчас зайдут. *(Ленскому.)* А вы где остановились, товарищ Ленский?

Ленский. Кто? Я?.. В «Центральной».

Аглая Ивановна. Переезжайте к нам, Леонид Аркадьевич.

Лопухов. В самом деле, переезжайте! Места хватит. Широко живем.

Ленский. Благодарю вас. Но я повременю. Нет, нет! Не потому, что я боюсь вас стеснить. Нет, просто так, принципиально. Потом, когда наши взаимоотношения с Серафимой Степановной будут соответствующим образом оформлены в загсе, тогда я возьму на себя смелость воспользоваться вашим любезным приглашением. А мне в гостинице хорошо. Честное слово! Номер был забронирован за одним депутатом, но я приехал раньше, и его дали мне. Очень уютный, удобный номер. Ванна. Туалет. Беде. Телефон. Я доволен.

Аглая Ивановна. А вы, Леонид Аркадьевич, случайно не депутат?

Ленский. Кто? Я?.. Нет, не депутат. К сожалению, не депутат. Что нет, то нет!

Аглая Ивановна. Почему же вы не депутат, Леонид Аркадьевич? Такой человек...

Ленский *(пожав плечами)*. Не выбрали...

Аглая Ивановна. Удивительно, как это так случилось, что не выбрали.

Лопухов *(жене)*. Что ж тут удивительного? Я ведь вот тоже не депутат! Ни городского, ни районного! Не всех сразу выбирают. Другим долго ждать приходится...

Аглая Ивановна *(Ленскому)*. Вот жили бы в нашем городе, так уж обязательно были бы депутатом.

Ленский. Возможно... возможно... Есть у меня приятель, некто Харахорин. Так вот его уже третий раз выбирают.

Лопухов. Это какой Харахорин?

Ленский. Харахорин — заместитель министра. Мой товарищ по школе, а потом по Московскому государственному университету имени Ломоносова. *(Дотрагивается до университетского значка.)*
А потом по заграничной работе...

Лопухов. А вы и за границей работали?

Ленский. Кто? Я?.. Работал. А что?

Лопухов. Любопытно, в каких странах?

Ленский. В южнокапиталистических.

Аглая Ивановна. Жарко там?

Ленский. Как вам сказать... В тени ничего, прохладно, а на солнце жарко. Ужас как жарко! Как в Сочи. Даже жарче.

Лопухов. А вы и языки знаете?

Ленский. Кто? Я?.. Нет. Языков я не знаю, но, когда говорят, понимаю. Почти все понимаю. За исключением отдельных иностранных слов.

Аглая Ивановна. Наша Серафима тоже начинает кое-что понимать по-французски. Она у нас на французском занимается.

Серафима. Мама, перестань! Ком се бет!¹

Ленский. Прекрасно. Это прекрасно! *(Деликатно аплодирует.)*

Аглая Ивановна. Может быть, доведется и Симочке с вами за границу проехать.

Ленский. Вероятно. Весьма вероятно!

В передней звонят. Серафима выходит открыть дверь. Ленский настораживается.

Аглая Ивановна. Это, наверное, раки!

Входят Кареглазовы.

Кареглазов. Начальство дома?

Аглая Ивановна. Дома, дома!

Лопухов. Под первую рюмку пришли! Мы еще не начинали. Присоединяйтесь к нашему коллективу. Знакомьтесь. Товарищ Ленский из Москвы. А это мой земляк и заместитель по всем вопросам — Ка-

¹ Как это глупо! *(фр.)*

реглазов Самсон Петрович. Прошу любить и жаловать.

Ленский (*Кареглазову*). Будем знакомы. Ленский.

Кареглазов (*знакомит Ленского с Люцией*). Моя жена. Актриса.

Люция (*всем*). Вы знаете новость?

Аглая Ивановна. Нет, не знаем. Какую новость?

Люция. Нам сегодня живого медвежонка в подарок преподнесли. Дикая прелесть!

Аглая Ивановна (*в недоумении*). Живого?.. Настоящего?..

Входит Серафима. Садится рядом с Ленским.

Кареглазов. Да, настоящего, живого медвежонка. Пуда на три.

Ленский (*заинтересовавшись*). Простите, товарищ, а зачем вам живой медведь? Что вы с ним делать будете?

Кареглазов. Пушу его по проволоке вокруг дачи бегать. Пусть хозяйство стережет. А на воротах напишу: «Звоните. Во дворе злой ведмедь!»

Аглая Ивановна. Это вроде собаки, значит? Ха-ха-ха!

Все смеются.

Лопухов. Смотри, Самсон Петрович, как бы не сказали, что ты взятки берешь.

Кареглазов. Медведями-то! Если бы шкура-ковер — другое дело. А живой медведь не взятка. Не товар. Детишкам разве развлечение. (*Смеется.*)

Серафима. А чем вы его кормить будете?

Люция. Как — чем? Медом. Нам и бочонок меда вместе с ним прислали. Специально для него. Приходите чай пить. (*Неожиданно обращается к Ленскому.*)

Вы мне страшно напоминаете одного заслуженного артиста, с которым я вместе играла «Отелло». Он играл самого Отелло — это тот, который мавр, а я — Дездемону, которую душат. Публика была в восторге! Я очень натурально погибала. Последний раз он так схватил меня за горло, я чуть не задохнулась! (*Мужу.*) Помнишь, Самсоня?

Лопухов (*тихо Кареглазову*). Нужный человек. Вот бы его на место Синицы? Ясно?..

Кареглазов. Так в чем же дело? Оформим?..

Люция (*Ленскому, продолжая разговор*). И в то же самое время у всех на глазах происходят действительно безобразия. Если бы я была женой главного режиссера, никто бы не посмел мне слова сказать. Я играла бы во всех спектаклях. Да так оно и было, когда я работала в Шуе. Но стоило мне полюбить другого человека, выйти замуж за Самсона Петровича и переехать в этот город, как у меня вдруг сразу ни с того ни с сего не оказалось «искры божьей»! Да что же это такое? Десять лет я работала в театре без этой «искры», имела прессу, меня называли ведущей, я везла на себе весь основной репертуар, не допускала никаких дублерш, играла и мальчиков, и девочек, и Марию Тюдор, и вдруг теперь на том основании, что у меня нет этой проклятой «искры», меня выбрасывают из театра. Как вам это нравится?

Ленский. Мне не нравится.

Кареглазов. Люция! Люция!

Люция (*мужу*). Я знаю, что говорю, Самсоня! Помнишь, как я играла Дездемону? Помнишь, как я задыхалась в сцене удушения?

Кареглазов. Как же, это было замечательно!

Люция (*Ленскому*). У вас есть связи в Москве? По моей линии?

Ленский. Есть. Безусловно, есть.

Люция. А вы случайно не артист?

Серафима (*Люции*). Леонид Аркадьевич — конструктор.

Ленский. А сейчас даже еще и жених.

Люция. Чей жених? Почему жених?..

Серафима. Мой жених. Я выхожу замуж за Леонида Аркадьевича.

Люция. Что вы говорите? Неужели? Дикая прелесть.

Кареглазов. Аглая Ивановна, что же это вы от нас скрывали?

Аглая Ивановна. Сюрприз. Вы нас медведем, а мы вас женихом. Прошу к столу!

Все садятся за стол. Лопухов разливает водку по рюмкам и стопкам.

Лопухов (*торжественно и официально*). Товарищи, я предлагаю поднять по маленькой, а потом еще

и по большой за присутствующего среди нас дорогого гостя, москвича, кандидата наук Леонида Аркадьевича Ленского! Ленский, за тебя!

Все чокаются с Ленским. Ленский улыбается, кланяется. Лопухов пьет с Ленским на «ты», целуется.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пустой служебный кабинет. В углу — сейф. Вешалка. На стене карта железнодорожных и водных путей сообщения Советского Союза, под самым потолком лозунг: «Смелее критиковать отдельные недостатки!» Звонит телефон. Входит секретарша. Подходит к телефону.

Секретарша (*в трубку*). Слушаю вас... Кого надо? Товарищ Синеца здесь больше не работает... Почему? Освобожден... За что? За критику... Как понимать? Не сработался с начальством... Кто говорит? Очевидец!.. (*Кладет трубку.*)

Входят Кареглазов и Люция. В руках у Люции сверток.

Кареглазов (*секретарше*). Найдите мне вашего Мамочкина. Пусть зайдет минут через десять сюда, в кабинет товарища Ленского. От меня будут звонить, скажите, что я здесь. У Ленского. А вообще меня нет! Все!..

Секретарша выходит.

Люция. Ты ему ничего не говорил? (*Кладет сверток на стул.*)

Кареглазов (*раздраженно*). Когда же? Мы с ним только вчера познакомились. (*Раздевается у вешалки.*)

Люция. Он один может мне помочь! Он один. У него в Москве такие связи! Наверняка! Самсоня, мы должны во что бы то ни стало отыграться. Ты только подумай, что будет твориться в нашем театре, когда узнают, что я восстановлена! Я им еще покажу, какая я бездарность! Все свои роли назад позабираю! Нет, нет! Я уверена, что Леонид Аркадьевич пойдет нам навстречу. Надо будет пригласить его к нам на пельмени. Он знает, что ты земляк Лопухова?

Кареглазов. Кажется, знает.

Люция. Напомни. Обязательно напомни. Теперь это для него может иметь значение.

Входит секретарша, за ней Ленский.

Ленский (*секретарше, любезно*). Как ваше имя-отчество?

Секретарша (*сдержанно*). Вера Петровна.

Ленский. Очень приятно. Вы можете быть свободны, Вера Петровна. Благодарю вас.

Секретарша выходит, затворив за собой дверь.

Кареглазов. Леонид Аркадьевич! Мы уже тут!

Ленский. Приношу свои извинения, что заставил вас ждать. Говорил с Москвой. Приветствую вас, Самсон Петрович! Добрый день! (*Раздевается у вешалки.*)

Звонит телефон.

Кареглазов (*снимает трубку*). Говорите... Простите, Степан Феофанович! Не узнал по голосу!.. Надо узнавать?.. Да я-то сразу понял, что начальство, а вот кто именно — не разобрал!.. Слушаю, Степан Феофанович! Так, так... Понятно... Безусловно... (*Смотрит на Ленского, тот настораживается.*) Справедливое замечание... Целесообразно... Приму меры... Все будет, как вы указали... Прослежу лично. (*Кладет трубку. Ленскому.*) Ну-с, вот! С вас, как говорится, причитается. (*Серьезно.*) Приказ о вашем назначении товарищем Лопуховым только что подписан. Вне всякой очереди! Сегодня товарищ Синица сдаст вам дела, ключ от сейфа, ну и так далее... Кабинет, как видите, мы вам уже освободили. Лозунг повесили. Нельзя сказать, чтобы мы были формалисты.

Ленский. Нет. Этого нельзя сказать. (*Задумывается.*)

Кареглазов. А вот некоторые слои населения придерживаются другого мнения. Да, да! Считают нас и формалистами, и бюрократами, и еще черт знает чем! Пишут заявления, жалуются в вышестоящие организации... выступают с трибуны... А ведь если вдуматься, приглядеться к нам поближе, ну какие же мы формалисты и бюрократы? В чем это выра-

жается? Может быть, в том, что товарищ Лопухов, человек безусловно думающий, незаурядный, отдающий всего себя без остатка нашему делу, не смог, видите ли, принять какую-то там гражданку Овечкину, которая пришла к нему жаловаться на то, что ее кто-то там обижает? (*Зловещим шепотом.*) Подождите, она еще и до вас доберется! А не она, так другие доберутся!

Люция. Зачем ты пугаешь Леонида Аркадьевича?

Ленский. Продолжайте, продолжайте, Самсон Петрович!

Карглазов (*распалась*). Доберутся! Обязательно доберутся! Не посмотрят, что вы кандидат наук, что у вас вся грудь в орденах, высшее образование — МГУ!.. Уверяю вас, не посмотрят! Настрочат какой-нибудь пасквиль в «Крокодил»! А то и повыше!

Ленский. Фельетончик в газетку! Ха-ха!

Карглазов. Да, да, да! Я уж их знаю! Теперь всем критиковать разрешается! Всем и всех! (*Показывает на лозунг.*)

Люция (*заученным тоном*). И в то же самое время у всех на глазах происходят действительные безобразия! Если бы я была женой главного режиссера, никто бы не посмел мне слова сказать. Я играла бы во всех спектаклях! Да так оно и было, когда я работала в Шуе. Но стоило мне полюбить другого человека, выйти замуж за Самсона Петровича и переехать в этот город, как у меня вдруг сразу ни с того ни с сего не оказалось «искры божьей»! Да что же это такое? Десять лет я работала в театре без этой «искры», имела прессу, меня называли ведущей, я везла на себе весь основной репертуар, не допускала никаких дублерш, играла и мальчиков и девочек, Анну Каренину! Мое имя писали в афишах жирным шрифтом, и вдруг теперь на том основании, что у меня нет этой проклятой «искры», меня выбрасывают из театра! Как вам это нравится?

Карглазов. Люция!

Люция. Я знаю, что я говорю!

Карглазов. Люция! Успокойся! Леонид Аркадьевич нам поможет. (*Ленскому.*) Надеюсь, вы не откажете помочь нам хотя бы советом?

Ленский. С удовольствием. Я готов.

Люци я. Леонид Аркадьевич, умоляю вас, вы все можете!

Секретарша (*появляясь в дверях*). Товарищ Кареглазов! Пришла гражданка Овечкина. Вас спрашивает. Кареглазов (*Ленскому*). Слышите? Легка на помине! И здесь меня нашла! (*Секретарше.*) Кто ее пропустил? Что ей надо? Меня здесь нет!

Секретарша. У нее какое-то срочное дело.

Кареглазов. Она начала ходить к Лопухову, пусть и продолжает ходить к Лопухову. К Лопухову, к Лопухову!

Секретарша хочет что-то сказать.

Что вы на меня смотрите?

Секретарша. С вашей дачи звонили.

Кареглазов. Что случилось?

Секретарша. Ваш медведь с цепи сорвался.

Кареглазов. Медведь? Поймали?

Секретарша. Загнали в гараж. Ждут ваших указаний.

Кареглазов. Хорошо. Разберемся. Все! (*Вытирает лоб платком.*)

Секретарша выходит.

(*Ленскому.*) Ядовитая штучка! Вы к ней приглядитесь хорошенько. Она безусловно строчит в стенгазету!

Ленский. Я лично критики не боюсь.

Люци я. Потрясающе! Неужели действительно не боитесь? Первый раз вижу такого человека!

Ленский. Представьте себе — не боюсь.

Кареглазов. Вот и наш Степан Феофанович такой же! С него как с гуся вода! Завидный характер. А мне как-то не по себе, когда меня на людях критикуют. Ну, не нравится тебе, как я руковожу, — зайди лично ко мне, скажи, по-дружески, по-приятельски скажи... Разве ж я не пойму? Разве я обижусь? Да я тебе рюмку водки за такую критику поставлю, да еще и сам с тобой выпью! (*Наливает в стакан воды из графина. Пьет.*) А тот, кто открыто, при всех, да еще в резкой форме, — у того цель ясная: подорвать твой авторитет и сесть на твое место. Я это так понимаю!

Люци я (*о своем*). Я то же самое говорю! Просто люди завидуют. Стоило мне только уйти из театра, как

все мои роли тут же передали другой актрисе.
Немедленно!

Ленский (*равнодушно*). Жене главного режиссера?
Люция (*возмущенно*). Если бы жене главного режиссера! Я бы это поняла. В этом есть своя логика. А то просто какой-то молодой, одинокой Зайцевой! Вот в чем ужас! Леонид Аркадьевич! Я написала заявление, я буквально всех засыпала заявлениями... (*Достает из сумочки на нескольких листах заявление.*) Вот! (*Подает заявление Ленскому.*) Я вас очень прошу. Очень! Передайте его кому-нибудь лично! И повыше! Пожалуйста! У вас такие связи! Министру!

Кареглазов. Если это все не затруднит, Леонид Аркадьевич... Степан Феофанович обещал мне поговорить с вами по этому вопросу. Мы ведь с ним земляки...

Люция. Да, да! Земляки!

Кареглазов. Неразлучники! Куда он, туда и я! У нас и общий стиль работы выработался...

Ленский. Я заметил. (*Просмотрев заявление, прячет его в карман.*) Я постараюсь вам помочь... Постараюсь... У меня есть возможности. Думаю, что мне это удастся...

Люция. Мы вам будем обязаны. (*Мужу.*) Самсоня! Правда, мы будем обязаны?

Кареглазов. Ну, какой может быть разговор! Конечно.

Ленский. Справедливость прежде всего. Это мой жизненный принцип. Я вам помогу.

Люция. Леонид Аркадьевич! Вы — дикая прелесть!

Входит Мамочкин.

Мамочкин. Меня вызывали?

Кареглазов. Мы вас ждем, товарищ Мамочкин!

Мамочкин. Задержался... Оформлял... оформлял новую уборщицу.

Кареглазов. Вы еще незнакомы с вашим новым руководством? Товарищ Ленский. Из Москвы. Кандидат наук. Инженер с большим опытом работы на строительствах не нашего масштаба. А это товарищ Мамочкин...

Мамочкин (*пожимает руку Ленскому*). Отдел кадров.

Ленский. Будем знакомы. Будем вместе работать, товарищ Мамочкин. Надеюсь, сработаемся!

Мамочкин (*польщен*). Так точно.

Кареглазов. Приказ о назначении товарища Ленского только что подписан. Завтра вам его спустят.

Мамочкин. Мне уже звонили. Я получил санкцию.

Ленский (*настораживается*). Кто звонил?

Мамочкин. Лично товарищ Лопухов.

Кареглазов. Вы проследите, товарищ Мамочкин...

Лично проследите! Оперативно... Чтобы нам с товарищем Лопуховым не пришлось краснеть за наше учреждение. Я со своим временем не посчитался, сам сюда, на место, выехал, чтобы убедиться... Так что вы уж тут... Одним словом, ясна задача?

Мамочкин. Будет выполнено.

Ленский (*неожиданно, с подъемом*). Непостижимо! До сих пор не понимаю: как это вы уговорили меня согласиться сесть в это кресло? С таким трудом вырваться на волю... во имя большой научной работы — и попасть в этот кабинет! Непостижимо!

Кареглазов. Надо отдать должное Степану Феофановичу. Уговорил вас. Что значит громадный опыт работы с людьми.

Мамочкин (*Ленскому*). Я могу быть свободен?

Ленский. Зайдите ко мне попозже. Есть разговор. (*Смотрит на часы.*)

Мамочкин. Есть зайти. (*Выходит.*)

Кареглазов (*жене*). Не будем мешать Леониду Аркадьевичу! Ему надо осмотреться на новом месте. Поговорить с людьми.

Ленский. Да. Надо собраться с мыслями. (*Смотрит на часы.*)

Люция. Так я надеюсь, Леонид Аркадьевич... Очень надеюсь!..

Ленский. Я слов на ветер не бросаю, вылетит, знаете ли, не поймаешь! Так вы у нас завтра будете?

Люция. Мы приглашены. Аглая Ивановна нам звонила. Мы будем.

Ленский. Обязательно. Мы вас ждем. Это, правда, пока еще так, предварительно... Так называемая помолвка! Свадьба будет несколько позже. Но тем не менее семейное торжество.

Люция (*протягивая Ленскому сверток*). Вот, как раз...

Ленский (*не понимая*). Что такое?

Люция. От меня и от Самсона Петровича вам презент... на костюм.

Кареглазов. По случаю законного брака...

Ленский (*отталкивая руками сверток*). Что вы, что вы... Это неудобно... Я не могу...

Кареглазов. Нет уж, нет уж... Нельзя отказываться. Это уж обязательно.

Ленский. Вот уж совсем не обязательно.

Люция. Пустяк. Совершеннейший пустяк. Вы нас обидите, Леонид Аркадьевич!

Кареглазов. Нет уж, как хотите, а вам придется... У нас так принято...

Ленский. Честное слово, я удивлен... Право, удивлен... Ну что ж, тронут вниманием... (*Берет сверток.*)

Кареглазов. Свои люди — сочтемся!

Люция. Совершеннейший пустяк! Не стоит даже говорить об этом. Такая мелочь. До свиданья, Леонид Аркадьевич!

Кареглазов. Так мы у вас будем. (*Уходит с женой.*)

Ленский остается один. Он надрывает сверток и, пожав плечами, кладет его в ящик стола. Садится за стол. Сидит некоторое время в раздумье. Затем достает записную книжку и просматривает какие-то записи. Снимает трубку телефона. Собирается звонить.

Входят Аглая Ивановна и Серафима. Ленский опускает телефонную трубку и выходит из-за стола.

Аглая Ивановна. Леонид Аркадьевич! Неприятности!

Ленский. Аглая Ивановна! Серафима Степановна! Что случилось? Узнал Степан Феофанович?

Аглая Ивановна. Нет. Степан Феофанович ничего не подозревает. Он живет своей жизнью. Но вот отец Сергей...

Ленский. Не понимаю. Что — отец Сергей?

Серафима. Отказывается нас венчать без брачного свидетельства из загса.

Ленский (*решительно*). Ерунда. Обвенчает. Пустые формальности. Я их уговорю. Лично уговорю. Какая разница — завтра венчанье, послезавтра регистрация в загсе или наоборот? От перемены мест слагаемых сумма не меняется! Я им это докажу. Они сделают исключение.

Аглая Ивановна. Кто мог знать, что у них теперь такие правила?

Ленский. Что еще?

Серафима. Еще Леша...

Ленский. Что — Леша?

Серафима. Отказался.

Ленский. Как отказался?

Аглая Ивановна. Представьте себе! Наотрез!

Ленский. Что он сказал?

Серафима. Он не хочет нас везти в Старое Хрякино.

Аглая Ивановна. Он здесь. Может быть, вы сами с ним поговорите, Леонид Аркадьевич?

Ленский. Где он, этот ваш Леша?

Аглая Ивановна. У вас в приемной. *(Открывает дверь в приемную, зовет.)* Леша! Войдите!

Входит Леша. Останавливается в дверях.

Ленский. Здравствуйте, Леша!

Леша. Здравствуйте!

Ленский. Леша! Аглая Ивановна просила вас об одной любезности?

Леша. Просила.

Ленский. Ну так почему же вы отказываетесь? Вам заплатят за эту поездку. Особо заплатят.

Леша *(решительно)*. Не нужно мне ничего платить. Я все равно с таким заданием ни в какое Старое Хрякино не поеду! И вообще как член ВЛКСМ я лично не желаю участвовать во всей этой комедии! Ни в виде шафера, ни в виде шофера! Можете на меня жаловаться хоть самому митрополиту. Будьте здоровы! *(Выходит, хлопнув дверью.)*

Аглая Ивановна. Избаловали парня!

Серафима. Я никак не предполагала, что он такой принципиальный!

Аглая Ивановна. Леонид Аркадьевич! Как же быть? Кроме вас, нам просто не с кем посоветоваться.

Серафима. Не откладывать же нам из-за какого-то Леша то, что мы задумали?

Ленский думает.

Аглая Ивановна. С таким трудом все организовали...

Ленский. До вашего Старого Хрякина километров пятьдесят?

Серафима. Около этого.

Ленский (*решительно*). Придется выехать на попутной машине. Ходят же туда попутные машины с грузом или порожняком? Несомненно, ходят. На грузовой машине ехать часа два. Ну, два с половиной. Выехать надо в двенадцать. В три — там. В четыре — начало. В шесть церемония кончится, в девять — мы уже дома. В десять — одиннадцать сядем к столу.

Аглая Ивановна. Что вы за человек, Леонид Аркадьевич! Поговоришь с вами — и сразу на душе легче становится... Но как же все-таки ехать на грузовике? Как-то неудобно. Я и не заберусь на него.

Ленский. А вам, Аглая Ивановна, и не следует ехать. Симочке надо ехать одной. Вам лучше остаться дома.

Аглая Ивановна (*жалобно*). Очень хотелось бы присутствовать...

Ленский. Нет, нет. Вам надо остаться дома.

Аглая Ивановна. Я все-таки мать...

Ленский. Ваше отсутствие в городе может вызвать нежелательные толки. Хватится Степан Феофанович: куда уехали? Зачем уехали? Начнет звонить, наводить справки...

Серафима. Мама! Леонид Аркадьевич лучше знает, что нам лучше.

Ленский. Что касается меня, то я выеду еще раньше. Часов в десять утра. Выеду в то же самое Старое Хрякино, якобы в служебную командировку. Приеду, отпущу машину и останусь ждать Симочку. Вечером мы опять же на попутной машине, но уже вдвоем с Симочкой вернемся домой. Вот вам план действий!

Серафима. А всем скажем, что мы были в театре. Завтра там как раз новая премьера.

Ленский. Обручальные кольца купили?

Серафима. Купили.

Ленский. Кольца при вас?

Аглая Ивановна. При мне. Я как раз думала их вам показать. (*Достает из сумочки кольца. Передает их Ленскому.*)

Ленский берет кольца, подкидывает их на ладони. Пробует надеть на палец. Морщится.

Серафима. Мне лично не очень нравятся. Слишком массивные. Надо бы легче.

Аглая Ивановна (*дочери*). Леонид Аркадьевич просил именно помассивнее. Я так и искала.

Ленский. Обручальные кольца покупаются не на год, не на два, а на всю жизнь. Они, как память, переходят по наследству детям. Вы мне их оставьте. Я отдам выгравировать на них наши имена и дату.

Аглая Ивановна. А успеют до завтра?

Ленский. Безусловно успеют! (*Прячет кольца в карман.*) Итак, теперь у нас все обговорено. Вопросов нет?

Аглая Ивановна (*поднимается*). И все же я волнуюсь. А вдруг Степан Феофанович узнает, что мы за его спиной...

Серафима. Мама! Откуда он узнает?

Аглая Ивановна. Леша...

Серафима. Не скажет. Ему вообще на нас наплевать.

Ленский. Будем надеяться, что наплевать!

Аглая Ивановна. Леонид Аркадьевич! Я вам хотела что-то сказать, да не знаю, стоит ли... (*Хихикает.*)

Серафима. Мама...

Ленский. А что именно?

Аглая Ивановна (*нерешительно*). Право, не знаю, стоит ли на это обращать внимание.

Ленский. Нет, нет, все же... Очень интересно.

Аглая Ивановна (*собравшись с духом*). Леша про вас сказал...

Ленский (*настораживается*). Что он про меня мог сказать?

Аглая Ивановна. Он сказал, что вы подозрительная личность.

Серафима. Ничего особенного. Не стоит обращать внимания!

Ленский. Нет. Позвольте! То есть как это так не стоит обращать внимания? Где у него доказательства? Он будет за это отвечать! Откуда он знает, какая я личность? Безобразие!

Аглая Ивановна. Это все из-за этого... из-за венчания...

Ленский (*беря себя в руки*). Ну, хорошо... В сущности, действительно не стоит обращать на это внимания. Темный парень.

Серафима. Деревня!

Ленский. И не его ума дело судить обо мне как о личности. Без него хватает!

Входит Мамочкин.

Аглая Ивановна. Леонид Аркадьевич, мы вас ждем к обеду.

Серафима. Мы вечером идем на «Гарзана»?

Ленский. Конечно. Я заказал билеты.

Мать и дочь уходят. Ленский провожает их до дверей. Закрывает за ними дверь. Садится к столу. Смотрит на Мамочкина.

Мамочкин. Будут какие-нибудь указания?

Ленский. Будут.

Мамочкин. Слушаю вас.

Ленский (*достает из кармана горсть леденцов*). Угощайся, Мамочкин! «Театральные»! Освежают!

Мамочкин осторожно берет леденец.

(*После паузы.*) У меня такое правило, Мамочкин, прежде всего я должен знать, с кем я работаю, кто меня окружает.

Мамочкин (*сосет леденец*). Так точно. Надо знать. Допустим, уборщица... Она ведь тоже может просочиться... как элемент... Родится в Рязани, а напишет — в Казани... А ты потом за нее... отвечай!

Ленский (*развивает свою мысль*). Надо знать лицо аппарата, которым ты руководишь... Только при этом условии можно достигнуть определенных успехов. Ты меня понимаешь?

Мамочкин. Понимаю, товарищ Ленский. У меня бдительность на первом плане!

Ленский. Молодец!.. Ну, так вот. Я, Мамочкин, с сегодняшнего дня начну знакомиться с личными делами наших сотрудников. Ты должен мне в этом помочь. Могу я на тебя рассчитывать?

Мамочкин. Это входит... в мои функции как работника... отдела кадров.

Ленский. Ну, ты лично для меня человек ясный. Твоя анкета меня не волнует. А вот что касается остальных, то в первую очередь я хотел бы познакомиться с делами сотрудников нашего финансового отдела. Пожалуй, на сегодня ограничимся двумя товарищами, а именно бухгалтером и кассиром. С ними мне чаще всего придется общаться. Приноси мне их личные дела. И вызови ко мне кассира... нет, бухгалтера! Я буду ждать.

Мамочкин. Разрешите выполнять?
Ленский. Выполняйте.

Мамочкин идет к двери.

Мамочкин!

Мамочкин оборачивается.

Забери свою папочку! *(Протягивает Мамочкину забытую им папку.)*

Мамочкин уходит.

(Сидит некоторое время в раздумье. Затем, встретившись, находит в записной книжке номер телефона и снимает трубку.) Отделение милиции?.. Седьмое?.. Мне начальника... Ну, кто там у вас начальник?.. Жезлов? Ну вот, значит, Жезлова! Соедините!.. Кто спрашивает? Спрашивает товарищ из Москвы. *(Подождав немного)*. Привет, товарищ Жезлов! Говорит Ленский... Какой Ленский?.. Да по телефону не совсем удобно... Вы у себя долго пробудете? Я в течение дня подъеду... Есть неотложное дело... Привет, товарищ Жезлов! *(Кладет трубку. Задумывается. Напевает.)* «Цыганка с картами — дорога дальняя, дорога дальняя — казенный дом...»

Входит Счеткин. Под мышкой папка с бумагами.

Счеткин. Вы вызывали бухгалтера, товарищ Ленский?
Ленский. Кто? Я?.. Бухгалтера? Вызывал.

Счеткин. Я бухгалтер.

Ленский. Очень приятно. Будем знакомы.

Счеткин *(подходит и пожимает протянутую Ленским руку)*. Счеткин.

Ленский. Садитесь, товарищ Щеткин! *(Приглядывается к бухгалтеру.)*

Счеткин. Не Щеткин, а Счеткин! Эс, ча! Счеткин!

Ленский. Товарищ Счеткин? Правильно?

Счеткин. Теперь правильно.

Ленский. Ну вот и познакомились.

Счеткин садится в указанное Ленским кресло. Ленский, помолчав, достает из кармана горсть леденцов. Угощает бухгалтера. Входит М а м о ч к и н. Кладет перед Ленским два дела. Говорит что-то Ленскому так, чтобы не слышал Счеткин.

Ленский кивает. Мамочкин выходит. Счеткин разбирает бумаги в своей папке, сосет леденец. Ленский перелистывает личное дело бухгалтера.

(*Неожиданно.*) Отдыхали в этом году, Карп Карпыч?

Счеткин. Нет. Еще не отдыхал.

Ленский. Что так?

Счеткин. У меня отпуск в сентябре.

Ленский (*строго*). А в феврале у вас, кажется, был выговор в приказе?

Счеткин (*независимо*). Да. Его сняли. А потом еще я получил три благодарности.

Ленский (*строго глядит на Счеткина*). Это я знаю. Но выговор все же был?

Счеткин (*спокойно*). Я был виноват. Задержался по личному делу. Но его потом сняли. И три благодарности.

Ленский (*помолчав*). Стало быть, в этом году вы еще не отдыхали. Отпуск у вас в сентябре?

Счеткин. В сентябре.

Ленский. Что так поздно? Почему не в июле, не в августе?

Счеткин (*сердито*). А мне и в сентябре хорошо.

Ленский. Э-э-э, батенька! Да вы, я вижу, ершистый!

(*Подумав.*) Где намереваетесь провести отпуск?

Счеткин. Поеду рыбу ловить.

Ленский. Рыбу ловить?

Счеткин. Да. А что?

Ленский. Так вы рыбак?

Счеткин. Рыбак.

Ленский (*неожиданно*). Мне почему-то, как только вы вошли в кабинет, сразу показалось, что вы рыбак! Рыбак рыбака видит издалека! Я ведь тоже, можно сказать, этим болею. Вы куда на рыбалку ездите?

Счеткин (*оживившись*). На озера. Километров десять отсюда. Карасей много.

Ленский. Батенька мой! Мы с вами обязательно туда вместе выберемся. И в самое ближайшее время.

А вы чем предпочитаете? Удочкой? На спиннинг?

Я лично бреднем. Уж зацепишь так зацепишь!

Счеткин (*горячо*). А я с лодки, на удочку.

Ленский (*ходит по кабинету*). Нет, в самом деле, мне поразительно повезло, что вы рыбак! Кто бы мог

подумать? Когда вы вошли, я бы ни за что не мог предположить, что вы рыбак. Приятная неожиданность. А какой отдых! Полное выключение центральной нервной системы! А вы на что ловите, Карп Карпыч?

Счеткин. Так ведь в зависимости... Голоавль или язв когда играют, так их лучше нет как на стрекозу брать.

Ленский. Да, да! На стрекозу! Это верно!

Счеткин. Окуня и ерша — тех на мотыля.

Ленский. На мотыля! Только на мотыля!

Счеткин. Карпа на тесто!

Ленский. Как вы сказали? Карпа на тесто? Замечательно! *(Хохочет.)* Так как же, Карп Карпыч? Значит, следующая рыбалка вместе?

Счеткин *(заинтересованно)*. Если соблаговолите.

Ленский. Уговор дороже денег!.. *(Серьезно.)* Однако мы отвлеклись от дела... Итак, вы меня, Карп Карпыч, и как бухгалтер и как рыбак вполне устраиваете. Вполне. *(Просматривает второе личное дело.)* А что бы вы сказали насчет нашего кассира? Что он за человек? Случайно не рыбак? А может, охотник? Я ведь еще и охотник! Да, да! Люблю с ружьишком побродить! Не пригласить ли нам его сейчас сюда, на наше собеседование?

Счеткин. Его нет на месте. Он с утра в банк ушел за деньгами.

Ленский. У вас что сегодня, платежный день?

Счеткин. Послезавтра производим выплату зарплаты загородным рабочим. Сегодня он получит деньги, а послезавтра с утра выедет в район.

Ленский. И сколько же раз в месяц ему приходится туда выезжать?

Счеткин. Каждое второе и шестнадцатое.

Ленский *(ознакомившись с личным делом кассира)*. И не жалко вам старика? Ему же на днях шестьдесят стукнет.

Счеткин. Ничего не поделаешь. Когда он болеет, я лично выезжаю.

Ленский *(смотрит на календарь)*. Знаете, Карп Карпыч, я завтра утром еду с одной комиссией в район. Я бы мог попутно произвести расчет с рабочими. Так сказать, заодно... Какая сумма предстоит к выплате? Тысяч пять? Шесть? Не больше?

Счеткин (*уточняет по бумагам*). Две тысячи сто сорок рублей двадцать копеек. Сумма небольшая.
Ленский. Все равно деньги... Да... Кассиру нет никакой надобности ехать послезавтра туда, куда я завтра еду сам. Это нецелесообразно. А я не посчитаю для себя за труд... Тем более — мне не повредит личное знакомство с глубиной. Поговорю с народом. А в дальнейшем вам надо будет продумать этот вопрос. Гонять старика два раза в месяц по районам не дело! Доложите мне ваши соображения через два-три дня. А сейчас дайте распоряжение, чтобы мне приготовили ведомостичку и наличные деньги. А я вам соответственно — расписочку.

Счеткин пытается что-то возразить.

(*Похлопывает его по плечу.*) А на рыбалку на эти ваши озера мы теперь вместе ездить будем. На моей машине.

Счеткин опять хочет что-то возразить, но, ничего не сказав, выходит.

Все равно — деньги!..

Звонит телефон.

(*Снимает трубку.*) У телефона!.. Откуда?.. (*Серьезно.*) Слушаю вас, товарищ... Что?.. Да. Товарищ Синица здесь больше не работает... Не знаю... Кто? Я?.. (*Помедлив.*) Моя фамилия... ский... Яснее? Ленский... Да. Новый работник... Понимаю... Хорошо... До свиданья... (*Кладет трубку.*) Так... С завтрашнего дня в этом тресте начинает работать авторитетная комиссия. Кажется, эта Синица подожгла море... (*Задумывается. Вздыхает.*) Да-а-а... (*Напевает.*) «Пора в путь-дорогу, в дорогу дальнюю, дальнюю...» Эх, Ленский, Ленский... Посмотрим, посмотрим... «Что день грядущий нам готовит!» (*Изучает карту, висящую на стене, как бы выбирая себе маршрут предстоящего путешествия.*)

Входит Счеткин, за ним Кассир. В руках Кассира ведомость и пачки денег. Ленский, улыбаясь, идет им навстречу.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Лопуховых. Празднично накрытый стол. В центре большое блюдо с крупными вареными раками. На серванте корбки с тортами, конфеты, фрукты. В стороне маленький столик, на нем и под ним бутылки с пивом. На холодильнике большая декоративная ваза с драконами. На табурете патефон. Возле стола Аглая Ивановна и Люция. Люция в накидке из рыжих лис.

Аглая Ивановна. Нет, по-моему, положительно не к чему придраться! А по-вашему? Что бы вы, Люция, еще добавили или сняли?

Люция. Меня смущают эти раки...

Аглая Ивановна. Чем же они вас смущают? Раки как раки.

Люция. Немного крикливо. Может быть, их пока поставить на маленький столик? Поближе к пиву?

Аглая Ивановна. Что вы! Что вы, Люция! Это же украшение стола! Уверяю вас, вы только приглядитесь хорошенько.

Люция. Нет, все же крикливо. А потом — уместны ли для такого семейного торжества именно раки? Както символично. Как в пивной!

Аглая Ивановна. Нет, нет! Я с вами никогда не соглашусь. И потом Степан Феофанович так распорядился. Это его любимая закуска...

Из кабинета выходят Лопухов, Кареглазов и Уклейкин. Они в новых, совершенно одинаковых серых костюмах. Одинаковые сорочки, одинаковые галстуки. У Кареглазова забинтован указательный палец.

Лопухов (*сердито Кареглазову*). Ну хорошо! Ну пускай комиссия. Я ничего не имею против комиссии! Я сам назначаю комиссии, сам выезжаю с комиссиями... Проверка всегда что-нибудь дает. Но что проверять в нашем тресте? Человека только что назначили. Дайте ему сначала самому разобраться. Дайте проявить инициативу! Пусть поработает как следует. А потом уж и посылайте к нему комиссию.

Уклейкин. А то, что вы Синицу освободили, — это ваше дело, хозяйское. Вы осуществляете общее руководство, вам и кадры в руки.

Лопухов. Я освежаю аппарат. Я окружаю себя такими людьми, с которыми мне легко работать... Синица! Да, по мне, будь он хоть филином, но таким,

чтобы не будил меня по утрам заместо петуха. На это у меня два будильника есть. Вот еще эта Овечкина! Чего она ко мне ходит?

Кареглазов. Вот именно! Чуть ли не с самого утра сидит у вас в приемной. Я ее лично каждое утро там вижу. Приходит и сидит.

Уклейкин. Значит, у нее есть время сидеть.

Кареглазов. И она не понимает, она не хочет понять, что, если у нее есть свободное время, это еще не значит, что оно есть у вышестоящего лица. Ей безразлично то обстоятельство, что, может быть, в тот самый момент, когда она сидит и бесполезно проводит время в ожидании приема у товарища Лопухова, товарищ Лопухов решает вопросы, от решения которых, весьма вероятно, в той или иной степени зависит судьба самой гражданки Овечкиной. (*Передохнув.*) Она не понимает этого и потому пишет всюду жалобы на товарища Лопухова, на меня, на всех тех, кто, по ее личному мнению, видите ли, мешает ей нормально жить и работать. А она, спрашивается, нам не мешает? (*Зловещим шепотом.*) Мешает! Еще как мешает!..

Уклейкин. Походит-походит и перестанет. Ноги у нее большие... А хочет жаловаться, пусть обращается к Советской власти. Советская власть сидит в исполкоме. Вы — не Советская власть!

Лопухов. Правильно ты говоришь. Какая же я Советская власть? Ничего общего!

Кареглазов. Аглая Ивановна, куда же это молодые пропали?

Аглая Ивановна. Они должны быть с минуты на минуту. Буквально с минуты на минуту.

Лопухов. Может, в театр позвонить? Узнать, как там, кончилось или нет?

Люция. Спектакль давно уже кончился. Это очень коротенькая комедия.

Лопухов (*подозрительно*). А что за комедия такая? Кто ее написал?

Уклейкин. Наш местный автор, Степан Феофанович. Коротенькая, это верно, но, я бы сказал, довольно ехидная штучка...

Кареглазов. Я сам еще не видел, но, говорят, смешно. Народ смеется.

Лопухов. А над чем он, с позволения сказать, смеется?

Кареглазов. Да уж там, говорят, нашли кого на смех поднять.

Уклейкин. Много намеков...

Лопухов. И на кого намекают?

Уклейкин. На разных лиц... И даже с положением.

Кареглазов *(с иронией)*. Бичуют, так сказать, родимые пятна! Пережитки в сознании. Это неплохо... Но как и в какой степени — вот в чем вопрос. Ведь пережитки у кого? У нас, у советских людей?! А что скажут за границей?..

Лопухов *(откупоривает пиво и разливает по бокалам)*. Я бы этого автора вызвал и указал бы ему... Есть у тебя талант — пиши! Мы не запрещаем. Хочешь обязательно про нас писать — собери материал, подработай его как следует, с нами посоветуйся. Мы плохого не подскажем. Покажи, как мы работаем день и ночь, руководим... *(Пьет пиво.)* Богатейший материал собрать можно. А уж плохие мы или хорошие, это наше непосредственное начальство лучше знает! И на сцену нас для этого вытаскивать не к чему! Нужно будет, так безо всякого смеха, по-деловому, как назначили меня, так и освободят, когда время придет.

Уклейкин. Я думаю, Степан Феофанович, запретят эту комедию как миленькую. Да еще автору всыплют по первое число. И тому, кто играл, всыплют, и тем, кто смотрел. Всем всыплют.

Лопухов *(продолжает, не слушая)*. Если ты автор, ну, зайди лично ко мне, по-приятельски скажи: мол, не нравится тебе, как я руковожу. Разве ж я не пойму?! Разве я обижусь? Да я тебе рюмку водки за такую критику поставлю и сам с тобой выпью! А тот, кто открыто, при всех, да еще в резкой форме, — у того цель ясная: подорвать твой авторитет и сесть на твое место. Я это так понимаю. Если у тебя рука чешется, хочешь кого-нибудь высмеять, изобличить, посмотри вокруг, выбери, что потипичнее, и смейся на здоровье! Я бы, к примеру, эту Овечкину на сцену выгацил да в какой-нибудь комедии и прохватил как следует. Вот уж тут бы и я посмеялся от души, и ей бы полезно было!

Кареглазов. Однако, я слышал, наше новое начальство артистам хлопало. И автора вызывали. Говорят, понравилось...

Уклейкин. А может, еще поощрением отметят и автора, и тех, кто играл. И так бывает...

Лопоухов. Пока вышестоящие организации официально этот спектакль не одобряют, я лично смотреть его не пойду. И вам не советую. А то рассядешься в первом ряду, на виду у всех, да еще с Аглаей Ивановной, а она у меня смешливая. Начнешь поначалу смеяться, а по концу-то выйдет — не смеяться тебе, а плакать надо!

Уклейкин. Темное дело эта сатира!.. *(Вздыхает.)* Ох, темное!..

Люция. А где же все-таки Леонид Аркадьевич с Симой? Одиннадцать часов.

Аглая Ивановна. Прямо даже не знаю. Может быть, они куда-нибудь зашли по дороге? В гастронном...

Уклейкин. Где-нибудь задержались. Дело молодое. Аглая Ивановна. Гости тоже запаздывают. Не все еще пришли.

Люция. Мы-то пришли вовремя.

Лопоухов *(Кареглазову)*. Каковы раки? А? Клешня в клешню! *(Поднимает самого крупного рака за клешню, нюхает его, дает понюхать Кареглазову и кладет обратно на блюдо.)*

Уклейкин. Валютные раки. Экспортные. Просто блеск!

Лопоухов. А ты, брат Уклейкин, вообще этих раков недостойн.

Уклейкин. Виноват, Степан Феофанович, трижды виноват!

Кареглазов. Провинился?

Лопоухов. Я по его милости сам вчера был похож на такого рака.

Кареглазов. А что такое?

Лопоухов. Я вчера с докладом выступал.

Кареглазов. А я вчера приболел немного. Меня медведь за палец тяпнул. *(Показывает забинтованный палец.)* Так что не слышал вас, Степан Феофанович. К сожалению, не слышал... Как прошло?

Лопоухов *(продолжает)*. Выступаю, значит, перед народом. Как всегда, читаю по тексту. Читаю нор-

мально. Все цитаты прошел и вот добрался до этого... (*Щелкает пальцами.*)

Уклеikin (*подсказывает*). «Робинзона Крузое».

Лопухов. А мне по ходу — вопрос из зала, реплика: «Какая такая пятница? О чем речь?»

Кареглазов. А я тоже, простите, не понимаю, при чем тут пятница, если цитата?

Уклеikin (*поясняет*). Пятница — это историческая личность. Сотрудник Робинзона Крузое.

Лопухов. Вот именно! Полчаса я с народом разобраться не мог. Вогнал ты меня в краску с этой исторической Пятницей. Я тебе неоднократно указывал, чтобы ты не умничал. Все игнорируешь! И вообще... Доклад был не на высоте. Народ плохо реагировал.

Уклеikin. Очень мало было времени на подготовку, Степан Феофанович.

Лопухов. А ты бы хотел, чтобы я тебе на год вперед разметку делал? Неважный ты мне докладешко подсунул. Поверхностный. Мало над собой работаешь! Возьми завтра стенограмму прений — сам увидишь. Так что раков ты недостоин.

Уклеikin. В порядке самокритики, Степан Феофанович, каюсь. Больше не буду. Учту на будущее! (*Кареглазову.*) Чувствовал я, что будет у меня неприятности. Дурной сон вчера видел, будто меня каким-то колесом переехало. Выходит, сон-то в руку! Вот она и неприятность!

Аглая Ивановна. Может быть, мы пока закрепим места? Кто где сядет?

Люция. Я ничего не имела бы против сидеть рядом с Леонидом Аркадьевичем. Слева от него сядет Симочка, справа — я, если разрешите. (*Мужу.*) А ты, Самсоня, от меня по правую руку. Хорошо?

Аглая Ивановна (*Кареглазову*). Тогда я сяду между вами и начальником седьмого отделения милиции.

Кареглазов. Как? И он приглашен?

Лопухов. Да. Приглашен. Хотели посидеть своей компанией, а приходится звать милицию.

Аглая Ивановна. Мы не могли не посчитаться с желанием Леонида Аркадьевича. Он в некотором роде тоже виновник торжества. Будет еще товарищ Мамочкин.

Кареглазов. Это какой же Мамочкин? Из отдела кадров?

Аглая Ивановна. Милый такой молодой человек. Кареглазов (*пожимает плечами*). Не понимаю, зачем Ленский пригласил их на такое интимное семейное торжество? Не понимаю, что у него с ними общего?

Аглая Ивановна. Они его друзья-однополчане.

Кареглазов. Странно. С Мамочкиным он при мне познакомился.

Аглая Ивановна. Может быть, я что-нибудь не так поняла. Словом, они придут, и их так или иначе надо сажать.

Люция (*иронически*). Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?..

В передней звонок. Аглая Ивановна выходит. Уклейкин заводит патефон. Гремит «Встречный марш». Входит Аглая Ивановна, за ней Мамочкин. В руках у него букет искусственных цветов. Уклейкин останавливает патефон.

Мамочкин. Приветствую вас, товарищи! Поздравляю вас! Поздравляю! С новыми семейными кадрами. (*Протягивает букет Лопухову.*) За неимением живых вот эти. Тоже красиво. Одним словом, чтоб не с пустыми руками. Для украшения.

Лопухов (*рассматривает цветы*). Стружка! Отходы нашего деревообделочного. Ничего... освоили. (*Передает букет Уклейкину; тот ставит его в вазу, букет проваливается.*)

В передней звонок. Аглая Ивановна выходит. Уклейкин заводит патефон. Гремят «Встречный марш». Аглая Ивановна возвращается в сопровождении Счеткина. Все с недоумением смотрят на него. Уклейкин останавливает пластинку.

Аглая Ивановна (*тихо, мужу*). Кто это?

Лопухов. Понятия не имею! (*Счеткину.*) Вам кого, гражданин, надо? Вы кто такой? Откуда?

Счеткин (*растерявшись*). Из бухгалтерии... Я приглашенный...

Кареглазов (*тихо, жене*). Тоже однополчанин?

Мамочкин (*приходит Счеткину на помощь*). Это наш бухгалтер Карп Карпыч Счеткин...

Счеткин (*приходя в себя*). Я... мне... товарища Ленского.

Лопоухов. Ясно, гражданин. Все ясно. Можете не объяснять. Проходите, пожалуйста. (*Кареглазову.*) Умный человек мой зять, но, что и говорить, со странностями... (*Начинает что-то вполголоса рассказывать Кареглазову.*)

Счеткин (*Мамочкину, тихо*). Мамочкин, и ты здесь? Мамочкин. Здесь. Приказано.

Счеткин. А что здесь намечается?

Мамочкин. Свадьба.

Счеткин. Кто на ком?

Мамочкин. Дочка Лопоухова замуж выходит за нашего.

Счеткин. За нового? За Ленского?

Мамочкин. За него.

Счеткин. А где же они?

Мамочкин. Я сам только что пришел.

Счеткин. А я им зачем нужен?

Мамочкин. Начальству видней. (*Доверительно.*) Вчера с твоим личным делом знакомился.

Счеткин (*испуганно*). Ох ты!..

Мамочкин. «У меня, говорит, такое правило, Мамочкин. Прежде всего я должен знать, с кем я работаю, кто меня окружает».

Счеткин. Ну, а ты что ему?

Мамочкин. Так точно, говорю. Надо знать. Допустим, уборщица... Она ведь тоже может просочиться... как элемент... Родилась в Рязани, а пишет — в Казани... А ты потом за нее отвечай.

Счеткин. Ну а он что?

Мамочкин. «Надо, говорит, знать лицо аппарата, которым ты руководишь. Поддай, говорит, мне сюда личное дело нашего бухгалтера Счеткина». Ну, я и подал... Это входит в мои функции как работника отдела кадров.

В передней звонок. Аглая Ивановна выходит. Уклейкин стоит наготове около патефона. Аглая Ивановна возвращается в сопровождении Жезлова. Он в штатском костюме, под пиджаком кобура.

Жезлов. Здравия желаю! Кажется, все уже в сборе? (*Знакомится со всеми, представляется.*) Начальник седьмого — Жезлов! Начальник седьмого — Жезлов!

Уклейкин (*Жезлову*). Вы сегодня что-то не в форме, товарищ начальник?

Жезлов. Ради семейного торжества, гражданин. Чтобы не смущать молодых, переоделся. Где же сам товарищ Ленский?

Аглая Ивановна. Они сейчас будут. Вы мимо театра не проходили? Спектакль кончился?

Жезлов. Давно кончился. Я уже и наряд снял.

Кареглазов. Что нового в городе по вашей линии, товарищ Жезлов?

Люция. Какие происшествия?

Аглая Ивановна. Расскажите пока что-нибудь интересное.

Жезлов. Ну, это ж, граждане... Главное происшествие вы уже, конечно, знаете?

Все. Какое происшествие? Мы ничего не знаем!.. Что случилось?.. Что произошло?..

Жезлов. Я имею в виду ограбление товарища Ленского.

Счеткин (*хватается за сердце*). Ох ты ба-атюшки!..

Все (*приходя в движение*). Как — ограбление?..

— Когда?..

— Мы ничего не знаем!..

— Как это случилось?..

— Какой ужас!..

— Расскажите...

Жезлов. Граждане, успокойтесь! Сейчас я все разьясню. У товарища Ленского были похищены личные документы, а именно паспорт, партийный и военный билеты, трудовая книжка и сто рублей денег.

Люция. Какой ужас!..

Счеткин. Слава тебе господи!

Аглая Ивановна. Когда же это случилось? Мы ничего не знаем.

Жезлов. Случилось это вчера. При выходе из кинотеатра. После «Тарзана в Нью-Йорке»!

Аглая Ивановна. Он нам ничего не говорил.

Жезлов. Товарищ Ленский тут же заявил нам, и я лично, учитывая его выдающиеся заслуги, в виде исключения выдал ему новый паспорт без применения штрафа. Пошел ему навстречу. Так что с этим вопросом у него все улажено.

Лопухов. Еще бы вы с него штраф взяли! Вам, товарищ Жезлов, надо будет сделать из этого происшествия соответствующие выводы.

Жезлов. Выводы будут сделаны.

Кареглазов. Так ведь и любого могут ограбить.

И меня с женой, и товарища Лопухова!.. Мы тоже иногда в кино ходим. Что же вы, того... не следите?

Жезлов. Давно таких случаев не наблюдалось.

Кареглазов. Просто неудобно перед новым человеком за наш город. Некультурно получается.

Жезлов. Действительно. И главное — перед каким человеком! Я благодаря этому несчастному случаю познакомился с товарищем Ленским. Получил удовольствие. Начитанный человек!

Кареглазов. Вы разве не друзья-однополчане?

Жезлов. К сожалению, нет.

Кареглазов. А вы, Аглая Ивановна, говорили...

Аглая Ивановна. Значит, я ослышалась... (Всем.)

Нет, вы только подумайте, товарищи! Леонид Аркадьевич нам ничего не сказал.

Уклейкин. Какая сила воли! Просто блеск!

Аглая Ивановна. Человека ограбили, украли у него деньги, документы. Такое потрясение, а он хоть бы одним словом... Культурный человек!

Люция. Да я бы, кажется, с ума сошла, если бы со мной такое случилось.

Лопухов. Да-а-а... Крепкий мужик!.. Сегодня чуть свет принес вот эту фарфоровую вазу дочери в подарок...

Все гости с интересом смотрят на вазу.

Принес эту чудесную вазу, посидел минут десять, выпил стакан какао и ушел. Так ничего и не рассказал о том, как его обчистили.

Аглая Ивановна. Он не хотел волновать нас.

В передней звонок.

Наконец-то! (Выходит.)

Кареглазов. Паспорт-то он получил, а вот с партийным документом будет посложней.

Лопухов. Не будь разиней! Смотри в оба! Не спи! Держи ухо остро! Я за свой билет крепко держусь. Прямо клешнями.

Уклейкин. Ой, не зарекайтесь, Степан Феофанович!.. Лучше сплюньте через левое плечо. Так-то вернее будет...

Появляется Аглая Ивановна, за нею кладовщик из колхоза в брезентовом плаще и Серафима в пальто, забрыз-

ганном грязью, лицо заплакано. Аглая Ивановна совершенно растерянна. Все молча смотрят на вошедших.

Л о п о у х о в (*нарушая молчание*). Серафима, в чем дело? В каком ты виде! Что случилось?

Серафима молча всхлипывает.

К л а д о в щ и к. Так что, товарищ Лопоухов, дочка ваша действительно ждали жениха. Это я подтверждаю. С обеда, можно сказать, стояли на церковной паперти и ждали жениха. А они, стало быть, не приехали. Венчание не состоялось. Так мы вашу дочку на полуторке сюда доставили. Мы в город капусту возим.

Л о п о у х о в (*жене*). При чем тут полуторка? Где моя персональная машина? Где Леша?

А г л а я И в а н о в н а (*чуть не плача*). Он отказался в Хрякино ехать. Он сказал, что он как член ВЛКСМ...

К л а д о в щ и к (*достаёт из-за пазухи венчальную позолоченную свечу, протягивает ее Лопоухову*). Вот... они обронили...

Л о п о у х о в (*быстро сует свечу в карман*). Какое такое венчание? Кто разрешил? (*Кладовщику*.) Вы можете быть свободны. Спасибо за доставку.

Л ю ц и я (*Кареглазову*). Не понимаю. Какое может быть венчание, если они еще в загсе не были...

К л а д о в щ и к. Так что, товарищ Лопоухов, я еще насчет раков к вам заехал. Попутно, стало быть.

Аглая Ивановна уводит плачущую Серафиму.

Л о п о у х о в (*опешив*). Что такое? Какие раки?

К л а д о в щ и к. Стало быть, эти вот самые, что у вас на блюде лежат. (*Показывает на блюдо раков*.)

Л о п о у х о в. А при чем тут эти раки, я не понимаю?

К л а д о в щ и к. Председатель велел передать, что насчет раков колхозники отказываются. Люди на уборке овощей заняты, ребяташки в школу пошли. Стало быть, в дальнейшем раков ловить некому.

Л о п о у х о в. Так я же не даром. Я деньги плачу. (*Лезет в карман за деньгами*.) Сколько там с меня набежало?

К л а д о в щ и к. Председатель и денег с вас брать не велел. Два раза, стало быть, сделали одолжение, по-

сколько просьба такая была, а в дальнейшем обеспечить не можем. За такие дела и в печать попасть недолго. Сегодня раки, завтра поросята — нарушение устава. А мое дело маленькое, я кладовщик. Мне было велено так передать — я и передал. Так что вы уж на меня не обижайтесь, товарищ...
Лопухов.

Лопухов. Лопухов!

Кладовщик. Извините... действительно... Лопухов.

Бывайте здоровы, товарищ Лопухов! (*Уходит.*)

Лопухов (*растерянно*). Глупость какая. Я деньги плачу! Что я, даром, что ли...

Уклейкин. Подумаешь, трудно им сотню-другую раков наловить. Делают из рака слона!

Кареглазов (*язвительно*). Однако где же Ленский?

Люция (*ехидно*). Действительно, мы о нем совсем забыли. Куда он делся?

Входит Аглая Ивановна.

Аглая Ивановна (*Жезлову*). Товарищ начальник, помогите! Надо срочно найти Леонида Аркадьевича. Срочно! Симочке дурно! Надо его найти!.. Степан Феофанович, вмешайся в это дело!

Лопухов (*мрачно*). Я в ваши дела не вмешиваюсь. Сами разбирайтесь. Сами! Я ничего не знаю!.. (*Наливает себе стопку водки, залпом выпивает ее.*)

Аглая Ивановна. Может быть, с ним что-нибудь случилось? Может быть, его убили по дороге в Старое Хрякино? Господи, да что же это такое?

Жезлов. Граждане, без паники! Убийство я исключаю. У нас не убивают. В карман, действительно, залезть могут.

В передней звонок. Аглая Ивановна выходит. Все ждут молча. Аглая Ивановна возвращается в сопровождении администратора и швейцара гостиницы. Швейцар в ливрее, в фуражке с надписью: «Центральная».

Аглая Ивановна. К тебе, Степан Феофанович.

Лопухов (*вошедшим*). В чем дело? Слушаю вас.

Администратор (*поклонившись Жезлову и Кареглазову*). Щекотливое дельце, товарищ Лопухов... Вы уж нас извините за вторжение. Помешали вам гулять...

Лопухов. Слушаю. В чем дело? Мне некогда!

Администратор (*больше Жезлову*). Неудобно, конечно, получается... В некотором роде чрезвычайное происшествие. ЧП. Но приходится, поскольку ребяташки, когда в школу шли, так видели.

Лопухов. Да что вы тут говорите, не пойму я вас. Мне некогда. Какое происшествие? Какие ребяташки? Что они видели?

Администратор. Как вот эту вазочку с дракончиками сегодня утром в вашу квартиру занесли. (*Показывает на вазу.*) Неудобно, конечно, но вещичка казенная, за номерком у нас числится по книге инвентаризации. А если из гостиницы что пропадает, то с нас в пятикратном размере... А вазочка эта как раз в вестибюльчике стояла... При выходе...

Швейцар. В нише.

Все смотрят на вазу.

Лопухов. Что вы на нее смотрите? Думать надо!.. Станет он вазу из гостиницы выносить! Что он, вазы купить не может?

Аглая Ивановна. Это оскорбление. Леонид Аркадьевич пока еще наш зять. Он живет в «Центральной»! В «люксе»!

Администратор. Это действительно. Но в настоящее время не проживает. Выбыл сегодня утречком. Точнее, скрылся в неизвестном направлении. За двое суток не заплатил, полотенчико присвоил, и вот... (*показывает на вазу*) досадное обстоятельство! Вынес... Подшутил... (*В сторону швейцара.*) А дядя Митя проглядел.

Лопухов. Да что на ней, в самом деле, написано, что ли, что она у вас в гостинице стояла?

Администратор. Вот именно что написано. На доньшке. (*Жезлову.*) Товарищ начальник, извольте посмотреть.

Жезлов переворачивает вазу, смотрит. Из вазы на пол падает букет, сыплются окурки, корки от апельсина и другой сор.

Номер пятьсот двадцать один дробь десять. Согласно инвентаризации.

Жезлов (*мрачно*). Точно. (*Ставит вазу на место.*)

Администратор (*Жезлову*). Разрешите вазочку забрать, товарищ начальник? По принадлежности.

Жезлов (*мрачно*). Забирайте.
Администратор (*швейцару*). Давай, дядя Митя.

Швейцар берет вазу в охапку.

Досадно, конечно, товарищ Лопоухов. Очень досадно! Я понимаю. Красивая вазочка! Но что поделаешь? Ребятишки видели. Обратили внимание на... жулика. (*Многозначительно.*) Ребятишки!

Швейцар. Далеко не уйдет. Поймают голубчика. Не таких ловили!

Администратор и швейцар с вазой уходят. Лопоухов мрачно сидит у стола, сжав голову руками. Аглая Ивановна стоит как бы в забытьи.

Уклейкин (*нарушая молчание*). Каков жулик? Просто блеск!

Счеткин (*схватившись за голову*). На что клюнул, Карп Карпыч!

Люция. Нечего сказать, хорош жених! Авантюрист какой-то!

Жезлов (*мрачно*). Гастролер!.. А я ему новый паспорт! В виде исключения... Прохлопал! Проморгал!

Кареглазов. Он мне сразу показался подозрительным. Что-то было в нем такое... неуловимое.

Счеткин (*чуть не падая со стула*). «Вместе на рыбалку поедем...». Поехали!.. В обратную сторону!

Мамочкин. «Надо знать, с кем ты работаешь, кто тебя окружает». Крепко сказано!..

Аглая Ивановна (*вспоминает*). Обручальные кольца... Золото...

Лопоухов. Ух!.. (*Рычит.*) Не знаю, что бы я сейчас с вами со всеми сделал!.. Всех разгоню к чертовой матери! Сам уйду к чертовой матери... (*Жене.*) Это ты во всем виновата. Ты! Подсудобили мне зятька-изобретателя. Вот он и изобрел!.. Кандидат наук!..

Аглая Ивановна (*оправдываясь*). Ты сам пил за его здоровье!

Лопоухов. Пил! Мало ли за кого я пил. Да я на своем веку за чужое здоровье столько вина выпил, что свое потерял!

Уклейкин (*в восхищении*). Нет, каков жулик?! Просто блеск!

Лопоухов. Жулик? А может, и не только жулик? Мо-

жет, какой-нибудь иностранный агент? А? Что тогда?..

Жезлов (*в протрации*). Может, и агент... А я ему без применения штрафа... Не проверил... Не выявил...

Мамочкин. Просочился... Не иначе, просочился...

Лопухов (*жене*). Кого вы ко мне в дом пустили? Кого мне подсунули? (*Оглядевшись*.) Кто его оформлял?

Кареглазов (*грозно*). Товарищ Мамочкин.

Мамочкин. Снимаю с себя всякую ответственность. Я получил санкцию. Приказ был подписан.

Кареглазов. Кто подписывал, тот пусть и отвечает. Приказ подписывал товарищ Лопухов.

Лопухов. Мало ли что я вам могу подписать! Я по тыще бумажек в день подписываю. Я не могу каждую бумажку сквозь лупу изучать.

Люция. Да без всякой лупы видно, что ваш зять аферист высшей марки. Украл у нас отрез коверкота.

Аглая Ивановна (*передразнивая Люцию*). Как это он мог украсть у вас отрез коверкота, когда он у вас даже на квартире не был?

Люция. А это уж наше дело, как он у нас украл. Уклейкин (*суетится*). Товарищи! Земляки! Не портите приятельских отношений! Они вам еще пригодятся!

Лопухов (*Жезлову*.) Вместо того чтобы его, прохвоста, задержать, вы ему новый паспорт выдали! Где голова была?

Жезлов (*бьет себя в грудь кулаком*). Ни за что бы не выдал, если бы он не был вашим зятем! А потом — заслуги! Заслуги! Заслуги!.. Столько справок и характеристик на разных бланках, заверенных разными круглыми печатями! Если бы вы их видели, вы бы сами ему выдали. Обязательно бы выдали! Вы же ему дочку выдали? Дочку!!!

Кареглазов. Да, может, у него в каждом кармане по круглой печати. Надо было его обыскать как следует. Взять и обыскать!

Уклейкин. Только круглый дурак мог поверить всем этим липовым справкам. (*Жезлову*.) Извините, я не имел в виду ваше отделение милиции в целом.

Лопухов (*Жезлову*). Не зря вы сегодня свой милицкий мундир сняли. Дурная примета! (*Всплеснув руками*.) И ведь подумать только! За три дня, под-

лец, все провернул. За три дня!.. И в мой дом пролез, и на работу ко мне поступил, и пятое, и десятое... И ведь не пошел же к кому-нибудь другому в городе, а ко мне пошел, к Лопухову! Видно, знал, прохвост, с кого начинать!.. (Жене.) В Старом Хрякине свадьбу играть задумали? С попом, со свечками... (Хлопает себя по коленкам. Хохочет.) Ха-ха-ха! И тут обман. И тут обман! И тут Лопухова вокруг пальца обвели! В своем же доме свои же и околпачили! Не свадьбу — панихиду надо было заказать! Отпевать надо Лопухова, заживо хоронить вместе с его авторитетом... Сколько лет я его себе наживал! А с чего начинал? Вспомнить страшно! За сотней раков машину в колхоз не гонял, сам без порток в речке их ловил! Краденые вазы на холодильник не ставил! Жил, как люди живут!.. (Хватается за голову.) Охохонюшки-хо-хо!.. Срамота-то какая!.. (Помолчав.) А вы, гости дорогие, что скажете? (Жезлову.) Ну, о тебе в другом месте разговор пойдет... (Машет рукой.) А ты, Уклейкин?

Укле й ки н. Что я?

Ло по у хо в. Ты думаешь, я тебе цены не знал? Знал, да забыл! Больно ты ловко на докладах руку себе набил. Без тебя я ведь теперь ни шагу. Пивка ты канцелярская!

Укле й ки н. Степан Феофанович! Я бы просил...

Ло по у хо в. Что? Ха-ха-ха! Никак, обиделся? Не можешь ты на меня обидеться! Совести у тебя на это не хватит. Я ведь тебе премиальные выписываю!.. Вот когда меня освободят от занимаемой, тогда ты первый загавкаешь. (Карглазову.) Что, земляк, волком-то на меня смотришь? С лисой живешь, а за топтыгина прячешься? Не спрячешься! Из твоей дачи медвежьим-то медом на всю округу дух идет!

Сче т ки н (выходит из своего угла). Граждане! Виноват! Опутали старого рыбака. Деньги казенные я ему доверил! Зарплата рабочим! Две тысячи сто сорок семь рублей двадцать копеек. В новом исчислении! Лично сам под расписку ему выдал! (Жезлову.) Судите меня, гражданин начальник!

Жез л ов (мрачно). Не мне вас судить, гражданин.

Лопоухов. Ну и славушка же про нас теперь пойдет!..

Ну и пойдет!..

Уклейкин. Как бы в центральную печать не попасть. В «Крокодил», а то и повыше.

Лопоухов (*показывая пальцем на Уклейкина*). Ты у нас почерк-то развиваешь? О гонорарах думаешь? Ты настроишь?

Уклейкин. Ей-богу, не я! Да разве меня там напечатают? Это они напишут! Они!

Лопоухов. Кто — они? Договаривай. Кто?

Уклейкин. Наш местный автор... Он напишет... Гражданка Овечкина, что у вас приема добивается. Я сам слышал, как она грозилась... «Я, говорит, обязательно этих бюрократов на чистую воду выведу — в «Правду» напишу!..» Потом этот еще... тоже...

Лопоухов. Кто? Кто еще?

Уклейкин. Товарищ Синица, которого вы за критику уволили. И он тоже!.. Еще секретарша трестовская. Да, да! И председатель колхоза тоже! А потом Леша, которого вы за раками послали. Я обратил внимание, он очень был настроен. Очень не одобрял. Они все напишут. Соберутся вместе, договорятся и напишут. Да они уж написали! Комиссия-то, комиссия! Это же их работа!

Лопоухов (*вытирает лоб платком, садится на диван*). Горим! Горим! Все, как один, горим!..

Звонок в передней. Пауза. На звонок выходит заплаканная Серафима.

Уклейкин. А может, еще не горим? (*Быстро выбегает и открывает дверь*.)

В молчании все смотрят на дверь. Уклейкин возвращается.

Лопоухов. Ну? Кто там еще?

Уклейкин (*в полной прострации*). Крокодил пришел!..

Лопоухов (*всем*). Ну вот! Дождались! Спасибо! Спасибочки! Вот! Уж и в «Крокодил» попали! Уже пропечатали! (*Уклейкину*.) Ну что они там про нас написали? Где «Крокодил»? Давай его сюда! Все равно пропадать, вилы нам в бок!

Уклейкин (*с трудом*). Он... сам... сюда идет!

Все в безмолвии смотрят на дверь. Свет в комнате меркнет. Неожиданный порыв ветра распахивает дверь, срывает со стола скатерть со всем, что на ней наставлено. Персонажи комедии в ужасе пятятся. На пороге комнаты появляется красный Крокодил с вилами в лапах, а за ним шофер Леша, кладовщик из колхоза, другие люди — словом, те, на чьей стороне правда.

Занавес

1952

ОХОТНИК

*Комедия в трех действиях,
шести картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Невидимский Виталий Федорович, временно исполняющий обязанности директора научно-исследовательского института, 45 лет.

Ирина, его дочь, студентка, 24 лет.

Кокорев Ефим Петрович, дальний родственник Невидимского, инженер, 60 лет.

Ольга Кирилловна, свой человек в доме у Невидимских, 55 лет.

Флюидов, научный сотрудник, 28 лет.

Зубарин, научный сотрудник, 40 лет.

Хапуновин, научный сотрудник, 40 лет.

Акустин, член-корреспондент, 60 лет.

Доброхотов, аспирант, 28 лет.

Цианова, вдова академика, 45 лет.

Шапкин, школьный товарищ Невидимского, 45 лет.

Выглазов, редактор издательства, 40 лет.

Простынкина, аспирантка, 27 лет.

Секретарша.

Инна

Светлана } подруги Ирины.

Премьера спектакля состоялась в июне 1955 года в Ленинградском театре имени Ленсовета.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Невидимских. Столовая с холлом. Отсюда ведут три двери: в переднюю, в кабинет и в глубь квартиры. Посредине комнаты стол под клетчатой скатертью, над ним деревянная люстра. В одном углу большие часы с тяжелыми гирями, в другом — горка с фарфором и хрусталем. За окнами зима. На краю стола лежит корреспонденция: письма, бандероль, газеты, журнал «Огонек». По затемненным матовым стеклам двери, ведущей в кабинет, можно судить о том, что в кабинете задернуты шторы. Часы мерно бьют три раза. В передней звонят. Появляется Ольга Кирилловна. Она, вытирая на ходу о передник руки, спешит открыть дверь. В передней раздается мужской голос. Затем на пороге комнаты появляется Кокорев. За ним Ольга Кирилловна. Кокорев в поношенном черном дубленом полушубке до колен и в валенках. На голове старая шапка-ушанка. В руках охотничье ружье в потертом кожаном чехле. Во рту мундштук с дымящейся сигаретой.

Кокорев (*мягко*). Здравствуйте, Ольга Кирилловна! Ну, где охотники? Пора ехать!

Ольга Кирилловна (*добродушно*). Выходит, один с охоты, а другой на охоту? Опоздал, Ефим Петрович!

Кокорев. Как — опоздал?

Ольга Кирилловна. Наш-то уже отохотился, теперь спит без задних ног! В десять утра завалился. Велел не будить, пока сам не проснется. И телефон выключил.

Кокорев (*с огорчением*). Как же так... Мы же договорились на сегодня, на воскресенье!

Ольга Кирилловна. Ничего я про это не знаю, как вы там промеж себя договаривались, только они в пятницу уехали. На ночь глядя. Полную машину охотников насажали и тронулись в свои леса дремучие.

Кокорев (*с обидой в голосе*). Обошли, значит, старика!.. Да-а. Ну ладно... Я, пожалуй, пойду тогда... (*Хочет идти.*)

Ольга Кирилловна (*повелительно*). Некуда тебе идти! Не велико горе — на охоту его не взяли! Успеешь еще ноги-то по оврагам наломать! Раз пришел — и раздевайся, снимай свою амуницию! У меня пирог готов!

Кокорев (*качает головой*). Да-а-а... Ну ладно... (*Выходит в переднюю, оставляет там полушубок, шапку, ружье, возвращается.*)

Ольга Кирилловна. Наш-то всю ночь глаз не сомкнул. Снегу, говорит, за городом намело — ужаси! Ни пройти, ни проехать! Всю ночь ехали... Господи! Другому бы свободный денек высвободился — он бы дома сидел, отдыхал бы от своей науки, а этот словно чумовой: ружье на плечо — и в лес! Правду люди говорят: охота пуще неволи!

Кокорев. Одни в карты играют, другие канареек разводят, а третьи охотятся! Страсть! А чего убили охотники-то?

Ольга Кирилловна (*с досадой*). Кого били, того убили.

Кокорев (*оживившись*). Ну? Неужели взяли?

Ольга Кирилловна. Пуда полтора мяса привез! (*Сердито.*) Куда его столько-то? Нас-то в семье трое всего! А теперь вот давись, а ешь! Да еще в уксусе его вымачивай: зверь-то не домашний — лесной. Мясо жестковатое.

Кокорев. Да-а-а... Ничего! Съедите!

Ольга Кирилловна. Опять же, рога притащил!

Кокорев (*снова оживившись*). Рога? Какие рога?

Ольга Кирилловна. Ну, какое они там животное пристрелили? Лося? Стало быть, и рога с него! Пыли у нас без них мало.

Кокорев. Где рога? Можно посмотреть?

Ольга Кирилловна. На кухне у меня лежат. За ноги цепляют. Чулки уже порвала.

Кокорев. Любопытно. (*Проходит в глубь квартиры.*) После небольшой паузы в передней звонят. Ольга Кирилловна идет открывать дверь. Возвращается вместе с Ириной. Ирина в лыжном костюме, в руках вафельный стаканчик с мороженым.

Ирина (*громко*). Отец проснулся?

Ольга Кирилловна. Да не шуми ты! Спит еще! Господи! На дворе мороз двадцать градусов, а она мороженое ест! Смотреть-то на тебя холодно!

Ирина. Хочешь лизнуть? Я добрая! (Смеется.)

Ольга Кирилловна (отстраняя руку девушки).
Я чаю напилась. Не хочу!

Ирина (озорно). Нет уж! Не смей отказываться! Откуси кусочек! (Заставляет попробовать мороженого.)
Вкусно?

Ольга Кирилловна (вытирает рот передником).
Вот заболēju теперь ангиной!

Появляется Кокорев.

Кокорев (девушке). Здравствуй, Ирина-ветер!

Ирина (радушно). Здравствуйте, дядя Фима! Что это вы в таком наряде?

Ольга Кирилловна. На охоту, вишь, собрался, а его не взяли! Горе-охотник!

Кокорев. Без меня уехали. Обманули.

Ирина. Вы видели на кухне рога? Красивые, правда?

Ольга Кирилловна уходит.

Кокорев. Богатые рога.

Ирина. Они его убили, а мне жаль! Это все равно что застрелить лошадь или корову. Честное слово! Ну я понимаю, если этого требует необходимость: людям нечего есть, им нужно добыть мясо... Но просто так, ради удовольствия выстрелить в бегущее мимо красивое и гордое животное! Дикость какая-то! Не понимаю... Это ведь не волк, наконец, не кабан! Кабан противный — его не жаль: все-таки свинья! (Ест мороженое.)

Кокорев (не сразу). Да-а-а... Убили лося — кончилась охота! Надо из охотника становиться мясником: свежевать тушу убитого зверя, потрошить ее, рубить мясо на куски... Грязная работа!

Ирина. Зачем же вы сами ездите на такие охоты, раз вы так говорите?

Кокорев (простодушно). А меня, признаться, всегда тревожил вопрос: ну как при мне лося убьют! Сам бы я, конечно, промазал, если бы пришлось стрелять.

Ирина (с удивлением). А при вас разве никогда не убивали?

Кокорев. Три раза за свою жизнь выезжал я на отстрел сохатого, и три раза уходил от нас лось... А последний раз прямо на меня вышел! Ей-богу!

Остановился за кустом и смотрит. Знал, подлец, на кого выйти! Глаз такой большой, теплый!..

Ирина. И, наверное, умный?

Кокорев (*не отвечая*). Пошевелился я нарочно, хрустнул веточкой, чтобы его спугнуть, он и ушел! Ну, меня охотники потом самого чуть не пристрелили!

Ирина (*смеется*). А на охоту ездить любите?

Кокорев (*серьезно*). Ну что я тебе скажу? Люблю? Не любил бы — не ездил! Одни сборы чего стоят!.. А разговоры охотничьи у костра или в избе за самоваром!.. А лес!.. Идешь на лыжах, тихо вокруг, морозно... Заденешь за ветку, а тебе снег за воротник сыплется! Это можно любить! А весной, когда земля в лесу снег пьет, когда лес сам с собой разговаривает! Это ли не поэзия? (*Махнув рукой.*) Ты меня вообще не слушай, я ведь чудака! Ты сама мне это не раз говорила!

Ирина (*смеется*). Конечно, вы чудака, дядя Фима! Ну вот взять этот ваш аппарат, который вы изобрели! Неужели действительно древние греки пользовались таким же приспособлением? Точно таким же? Ой, мне что-то не верится, дядя Фима!

Кокорев (*самоуверенно*). Ого! Я тебе это всегда докажу. Я человек, ходячий по земле.

Ирина. Вы бы, дядя Фима, пригласили кого-нибудь из знающих людей посмотреть ваше изобретение. С папой бы посоветовались. Он бы что-нибудь подсказал!

Кокорев. Мне тут на днях одна подсказала, тетя Даша, старуха с нашего двора, что прибираться ко мне ходит. На днях уговаривать меня начала: «Брось ты эту бандуру, Ефим Петрович! Поставь лучше в комнате круглый стол, поживи ты на конце дней как человек, а я тебя обхаживать буду, ты меня только пропиши на своей площади!» А когда я ей отказал, она говорит: «Вот какой сумасшедший!» Как будто бы самое простое, подходящее в жизни она мне предлагала, а я отказывался! Ну не чудака ли? Чудака!

Ирина (*обнимает старика, целует его в щеку*). За это я вас и люблю, дядя Фима! А за что не люблю, знаете?

Кокорев (*улыбаясь*). За то, что курю много. Знаю.

Ирина (*вынимает из мундштука Кокорева сигарету*).

Хватит! Довольно!

Кокорев (*прячет мундштук*). Ладно. Не буду больше.

В кабинете кто-то раздвигает шторы на окне. Слышны шаги. Из кабинета выходит Невидимский. Он в темной теплой пижаме. На ногах мягкие туфли.

Невидимский. А вот и мы! Здравствуй, старик! Опять надымил? Здравствуй, мастер спорта! (*Здороваается с Кокоревым за руку, целует дочь.*)

Ирина. Папа! Когда я с тобой здороваюсь, я не напоминаю тебе, что ты кандидат наук!

Невидимский. И правильно делаешь! Уважаешь отца, которому давно надо было бы иметь уже степень доктора...

Кокорев. А есть надежда?

Невидимский. Надежды юношей питают... Слышал? Иришка-то в Рим едет! На международные соревнования!

Ирина (*горячо*). Папа! Зачем ты так говоришь? Никуда я еще не еду! Через неделю только первенство Союза. Мне бы здесь, на родной земле, не опозориться, а ты уже в Италию меня посылаешь!

Невидимский (*разбирая почту*). Я умышленно разжигаю в тебе чувство здоровой зависти к твоим конкурентам. Ефим Петрович! Может, и нам с тобой как следует художественной гимнастикой подзаняться? А? Может, выьемся в заграничную командировку? А?

Кокорев. Для гимнастики я не подойду. Согнуться-то я согнусь, а вот разогнуться, пожалуй, не сумею!

Невидимский (*думая о другом*). Ну а если другим спортом? (*Раскрывает бандероль.*)

Ирина. Пошла переодеваться. (*Уходит.*)

Невидимский просматривает журнал. Пауза.

Кокорев (*помолчав*). Что же вы меня обошли? Уговор ведь дороже денег!

Невидимский (*не глядя на Кокорева*). Да, с тобой неловко получилось! Ты уж меня извини! Действительно, собирались ехать в воскресенье, сегодня, а тут вдруг у меня суббота свободной оказалась. Быстро организовались. Хотели тебе звонить — телефона у тебя нет. Что ты до сих пор себе телефон

не поставишь! Думали послать за тобой машину — точного адреса никто не знает. Ты ведь к себе в гости не приглашаешь! Ну, и уехали без тебя...

Кокорев. В кои веки пообещали взять меня на охоту и то обманули! *(Помолчав.)* Ладно уж...

Невидимский *(отложив журнал в сторону)*. На этот раз мы с «полем»! Прямо на меня вышел... Чистого мяса пудов семнадцать!

Кокорев. Я на охоту не за мясом езжу. Я в магазине полкило ветчины куплю, мне и довольно!

Невидимский *(сердясь)*. Я ведь тоже не из-за мяса... Но и от мяса отказываться глупо, если тебе причитается доля. Шкура — государству, а мясо делится поровну между всеми участниками охоты! Ты ведь знаешь! *(Помолчав.)* Рога видел?

Кокорев. Видел.

Невидимский. Хочу их в кабинете у себя повесить. Как ты думаешь?

Кокорев. Повесь.

Невидимский *(помолчав)*. Стою, понимаешь, на самой просеке и жду гона... Номер у меня самый крайний, девятый... Место подходящее. Ну, стою... жду... вдруг вижу: прямо на меня... прет... эдакая машина...

В передней раздается несколько частых звонков. Кокорев выходит в переднюю. В комнату входит Цианова. Она в распахнутом манто. Появляются Кокорев и где-то задержавшаяся Ольга Кирилловна.

Цианова *(эмоционально)*. Виталий Федорович! Душа моя! Что у вас с телефоном? Здравствуйте, Ольга Кирилловна!

Ольга Кирилловна. Здравствуйте, Мария Игнатьевна! *(Проходит в кабинет.)*

Невидимский *(помогает Циановой снять манто)*. Я спал после охоты и выключил телефон. *(Выходит в переднюю и вешает там манто.)*

Цианова *(поправляет прическу)*. А я звоню, звоню с самого утра — никто не подходит. Звоню Флюидову — то же самое! Мертвое молчание!

Невидимский. Флюидов, вероятно, тоже спал и тоже выключил телефон!

Цианова. Ну, слава богу, все благополучно! А то я не на шутку начала волноваться. Мне уже мерещи-

лось, что вы там все друг друга перестреляли! На охоте это бывает. Мне рассказывали...

Невидимский (*улыбаясь*). Вы главным образом беспокоились за Флюидова?

Цианова. Нет, и за вас тоже!

Невидимский. Могу вас заверить, что его драгоценная жизнь была в полной безопасности. Он просто не пошел с нами в лес и предпочел остаться в деревне досыпать. (*В сторону Кокорева, отошедшего в начале разговора к окну.*) Вы не знакомы?

Цианова (*прищурившись*). Кажется, нет.

Невидимский. Ефим Петрович Кокорев.

Цианова (*протягивая руку*). Очень приятно. Вдова академика Цианова.

Кокорев молча пожимает руку Циановой. Достает сигарету, закуривает. Из кабинета выходит Ольга Кирилловна. В руках у нее бурки, вязаные носки, телогрейка и еще какие-то принадлежности охотничьего туалета.

Невидимский. Ольга Кирилловна! Поджарьте нам всем на обед лосиной печенки! И можно накрывать на стол.

Ольга Кирилловна. Хорошо, поджарю. (*Уходит.*)

Цианова. Лосиная печенка — это вкусно?

Невидимский. Деликатес! (*Кокореву.*) Опять куришь?

Кокорев. Ухожу, ухожу! (*Уходит.*)

Цианова. Кто этот курящий старичок?

Невидимский. Мой дальний родственник. Старый инженер. Славный старикан, но со странностями. Романтик!

Цианова. Что вы говорите? Хотя я заметила — он как-то странно одет.

Невидимский (*усмехнувшись*). Не в этом дело. Дело в том, что он уже много лет изобретает какой-то аппарат, которым, по его разумению и догадкам, должны были пользоваться древние греки при построении античной скульптуры. Я полагаю, что все это не имеет никакого практического значения. Мария Игнатьевна! Вы меня простите за мой вид! Я сейчас, с вашего разрешения, переоденусь!

Цианова. Ради бога, не стесняйтесь, Виталий Федорович! Это же типичная условность! Я выше этого! Между прочим, пижама вам к лицу! Не наша?

Невидимский. Кажется, нет. Мне ее уступил Флюидов. Она ему оказалась велика.

Цианова. Очень к лицу.

Невидимский. Итак, буквально на десять минут!
(Уходит.)

Цианова садится в кресло и начинает перелистывать журнал «Огонек». Входит Ирина. На ней серый костюм.

Ирина. Здравствуйте, Мария Игнатьевна!

Цианова. Здравствуйте, душа моя! Как ваши успехи? Я имею в виду спорт.

Ирина. Готовлюсь к первенству Союза.

Цианова. Говорят, вы едете в Италию?

Ирина. Это вам, наверное, папа сказал?

Цианова. Я узнала это от Аркадия Валериановича.

Ирина. Понятно. Папа — Флюидову. Флюидов — вам. Сплетня! Никуда я не еду! Мне в Италии пока еще нечего делать!

Цианова. Душа моя! Что значит — нечего делать? А международные соревнования?

Ирина. Для того чтобы попасть на эти соревнования, надо еще заслужить право участвовать в них.

Цианова (решиительно). Раз надо «заслужить право» — значит, надо его заслужить! Все зависит от вас. Если вы поставили перед собою цель — значит, вы должны ее добиться! Я лично придерживаюсь именно такого принципа! И это относится не только к спорту. Если вы хотите выйти замуж за человека, который вам не безразличен, — действуйте и выходите замуж, добивайтесь!

Ирина (с иронией). А если он не захочет жениться?

Цианова. Что значит — не захочет? Окажитесь сильнее его. Точка зрения на нас, женщин, как на слабый пол, — реакционна и архаична! Душа моя, это общепризнано! Когда я выходила замуж за Аверьяна Леонидовича, у меня было не меньше препятствий, чем у вас на вашем спортивном поприще! Во-первых, старая жена, во-вторых, взрослые дети — старший сын уже контр-адмирал! — в-третьих, он сам как-то не очень активно решал этот вопрос в положительном смысле... И все же, как видите, я оказалась сильнее!.. Да! Я заставила его помолодеть на двадцать пять лет! И что же? Он не раз потом благодарил меня за эту встряску! Иначе он бы

просто погиб в своем семейном омуте! Вы не представляете себе, что они там с ним делали! Не представляете! Они обложили его ватой, буквально ватой! Академик уже не мог дышать! Совершенно не мог дышать! Он задыхался от мелочной опеки своих близких.

Ирина (*едва сдерживая смех*). Он, кажется, был уже в преклонном возрасте?

Цианова (*серьезно*). Когда мы познакомились в Кисловодске, Аверьяну Леонидовичу не было еще семидесяти, но на вид ему нельзя было дать и шестидесяти! Душа моя, он был бодр! Удивительно бодр! Когда мы сошлись и стали жить вместе, я сразу же изменила ему весь режим!.. Он у меня катался на коньках, ходил на лыжах. Представьте себе, в день своей смерти он играл со мной в теннис и выиграл у меня три гейма подряд!.. Я горжусь его светлой памятью, горжусь тем, что могу сказать: «Я — вдова академика Цианова!» Это был такой светлый ум! Мы потеряли такого ученого!

Ирина (*озорно*). А вы бы могли продлить жизнь академика, Мария Игнатьевна!

Цианова. Как? Каким образом?

Ирина. Если бы вы тогда не познакомились с ним в Кисловодске! (*Быстро убегает из комнаты, чтобы не рассмеяться.*)

Появляются Невидимский и Кокорев. За ними входит Ольга Кирилловна с обеденной посудой и начинает накрывать на стол.

Невидимский. Мария Игнатьевна! Хотите посмотреть на рога?

Цианова (*не поняв*). На чьи рога?

Невидимский. На рога того страшного зверя, печенку которого вы будете есть. Я хочу повесить их у себя в кабинете. Пойдемте! Они на кухне.

Цианова следует за Невидимским.

Кокорев (*после небольшой паузы*). Кто такая?

Ольга Кирилловна. Так, балаболка крашенная! Не люблю я ее... Повадилась к нам в дом ходить — помелом не выгонишь!.. Одного в гроб загнала, другого себе присматривает...

Кокорев. Уж не Виталия ли Федоровича?

Ольга Кирилловна. Нет, этот на ней не женится.
За ней Виталия Федоровича помощник увивается.
Лет на двадцать он ее моложе будет.

Кокорев. Так чего ж он в ней нашел?

Ольга Кирилловна. Площади своей у него нет, а у нее квартира — пять комнат, одна живет, мучается...

Кокорев (*помолчав*). Вот и про меня вы кому-нибудь скажете: «Повадился к нам в дом ходить — помелом не выгонишь!..»

Ольга Кирилловна. Будет глупости-то говорить! Сроду у меня и в мыслях такого не было! Вот тоже, придумал невесть что! (*Уходит.*)

Кокорев закуривает. В передней звонок. Кокорев идет открывать дверь. Возвращается в сопровождении невысокого, скромно одетого человека. Это — Шапкин. В руках у вошедшего толстый портфель и палка.

Кокорев. Я сейчас позову Виталия Федоровича.

Шапкин. Будьте так любезны.

Кокорев уходит. Шапкин ждет у двери. Появляется Невидимский.

Невидимский (*Шапкину*). Здравствуйте. Чем обязан?

Шапкин (*после небольшой паузы*). Здравствуйте, Виталий Федорович! Вы меня не узнаете?

Невидимский (*не сразу*). Не узнаю... Нет, не узнаю...

Шапкин. Я так и думал...

Невидимский. А мы разве знакомы?

Шапкин (*улыбаясь*). Да. Мы знакомы.

Невидимский. Пожалуйста, напомните мне, где же мы с вами познакомились? Кто нас познакомил?

Шапкин. Ох, это было давно.

Невидимский. Как давно? При каких обстоятельствах?

Шапкин. Это было лет тридцать назад.

Невидимский. Тридцать лет назад?..

Шапкин. Вот именно. Вспомнили? Таганрог! Школа номер три!.. Я — Шапкин! Ваня Шапкин... Вы сидели на первой парте около окна, а я через парту от вас, ближе к двери... Теперь вспомнили?

Невидимский (*нерешительно*). Да... конечно... Так вы, значит, Шапкин? Ваня?

Шапкин. Шапкин. Ваня.

Невидимский. Давно это было... Тридцать лет?..

Да... Срок немаленький... Я бы вас не узнал...

Шапкин. Ну а теперь узнали?

Невидимский (*нерешительно*). Теперь как будто узнал... Вы, конечно, сильно изменились.

Шапкин. Вы тоже! Я вас таким худеньким помню... Вместе на переменах бегали, девчонок за косы дергали... Помните? Вместе школу кончали... Детство! Юность!

Невидимский. Так где же вы теперь? Что делаете?

Шапкин. Вы разрешите мне раздеться? Я не отниму у вас много времени...

Невидимский. Да-да! Конечно! Раздевайтесь! Там, в передней, вешалка...

Шапкин. Я проездом... вы уж меня извините...

Невидимский. Пожалуйста, пожалуйста...

Шапкин, немного прихрамывая, выходит в переднюю и там раздевается. Невидимский в некоторой растерянности ждет его. Входит Цианова. Появляется Шапкин с портфелем в руках.

Шапкин (*кланяется Циановой*). Здравствуйте! (*Вопросительно смотрит на Невидимского.*)

Невидимский. Познакомьтесь, пожалуйста!

Шапкин. Супруга?

Цианова (*протягивая руку Шапкину*). Вдова академика Цианова.

Шапкин (*не разобрав*). Я так и подумал! (*Целует ей руку.*)

Невидимский (*Шапкину*). Ну что же... Прошу вас в мой кабинет! (*Пропускает Шапкина впереди себя в кабинет, захватив с собой утреннюю корреспонденцию.*)

Действие переносится в кабинет Невидимского. Пауза. (*Указывая на кресло.*) Прошу!

Шапкин (*садится*). Благодарю, Виталий Федорович! (*Улыбнувшись.*) Странная все-таки штука — жизнь! Тридцать лет назад мы были пацанами, друг другу подзатыльники давали, а теперь вот иначе как по имени и отчеству не назовешь!

Невидимский (*смутившись*). Простите, а как ваше имя и отчество?

Шапкин. Иван Павлович!

Невидимский. Ну, так я вас слушаю, Иван Павлович! У вас ко мне, как я вас понял, какое-то дело?

Шапкин. С вашего разрешения.

Невидимский. Прошу вас.

Шапкин. Сначала в двух словах о себе... После окончания школы в Таганроге уехал в Харьков. Поступил в педагогический. Окончил его. Женился. Был на войне. *(Показывает на ногу.)* Сейчас живу и работаю в Иркутске...

Невидимский. Где работаете?

Шапкин. Я на преподавательской работе.

Невидимский. В школе, в институте?

Шапкин. В институте. В педагогическом институте.

Невидимский. Выходит, в некотором роде мой коллега? Я ведь близок к педагогике — руковожу научно-исследовательским институтом элементарной психологии. НИИЭП! Слыхали? Временно замещаю директора института...

Шапкин. Как же... знаю... Я, собственно говоря, в связи с этим и решил...

Невидимский *(улыбнувшись)*. Меня побеспокоить? Чем же я могу быть вам полезен?

Шапкин *(не сразу)*. От вас зависит судьба одной рукописи.

Невидимский. Что же это за рукопись такая?

Шапкин. Рукопись научной работы. Я человек неизвестный, в научном мире у меня связей нет...

Невидимский. Как же нет? Вы ведь работаете в институте?

Шапкин. Что из того? В институте, где я работаю, никто не знает о моем труде. Я ни к кому не обращался ни за помощью, ни за консультацией. Начал я работу в свое время в Ашхабаде, а кончил только теперь, в Иркутске. Закончил и для себя решил так: покажу сразу авторитетным специалистам!

Невидимский *(посмотрев на часы)*. Так что же вы от меня хотите? Чтобы я познакомился с вашей работой и сказал свое мнение?

Шапкин. Об этом я мечтал, когда ехал сюда. Приехал, набрался храбрости и заявился к вам в воскресный день прямо на квартиру. Я думал так: приду, назо-

вусь, не выгонят же меня из дома. Все-таки школьный товарищ!

Невидимский. Как вам не стыдно? Где ваша рукопись?

Шапкин (*открывая портфель, роется в нем, шелестит бумагами, достает рукопись и подает ее Невидимскому.*) Вот она!

Невидимский (*берет рукопись*). Где же первая страница?

Шапкин (*смущенно улыбаясь*). Первую страницу мне пришлось изъять. Я ее случайно залил чернилами.

Невидимский (*перелистывает рукопись*). Как называется ваша работа?

Шапкин. Названия еще нет. Я вот тоже как раз хотел посоветоваться...

Невидимский (*просматривая рукопись*). Я вижу, вы тут разрабатываете тему формирования нравственных черт личности в трудовом коллективе?

Шапкин (*скромно*). Да. Разрабатываю.

Невидимский (*просматривая рукопись*). Интересно. Интересно... (*Кладет рукопись на стол.*) Хорошо. Я ознакомлюсь с вашей работой. Но мне на это нужно время. Сейчас я чрезвычайно загружен. Неделю, две, три...

Шапкин. Если бы вы знали, как я вам благодарен!

Невидимский. Если работа достойна, я постараюсь заинтересовать ею наш институт.

Шапкин. Тронут вниманием. Тронут. (*Помолчав.*) Виталий Федорович! Что я хотел еще вас просить... Видите ли... ну, допустим, вы прочитали мою рукопись, и она в общем оказалась приемлемой... что тогда?

Невидимский. Я не совсем понимаю!

Шапкин. Ну, как бы вам это сказать, чтобы вы меня правильно поняли... Что мне с ней дальше делать? Кому ее предложить?

Невидимский (*пожав плечами*). Ну... не знаю... Вы не имеете ученой степени?

Шапкин. Нет, не имею. Над диссертацией я сейчас работаю. У меня есть другая тема. А эту рукопись я хотел бы, откровенно говоря, издать отдельной книгой. (*Застенчиво.*) У нас обычно диссертация бывает первым и последним трудом диссертан-

та, а я хочу к защите уже иметь печатный труд.

Невидимский. Понятно. Так за чем же дело стало?

Шапкин. Как бы вам это объяснить? Я живу в Иркутске. Мне будет трудно оперативно вносить в работу необходимые поправки. А они, несомненно, потребуются. В конце концов, вы, Виталий Федорович, совершенно не обязаны шефствовать над этой книгой все время...

Невидимский. Так что же вы предлагаете?

Шапкин. Может быть, вы знаете человека, который взял бы непосредственное шефство над этой книгой? В этом случае я пошел бы даже на... соавторство.

Невидимский (с удивлением). На соавторство? Зачем? Зачем вам соавторство? Если книга хороша и полезна, то ее и так можно будет напечатать.

Шапкин. Дорогой мой Виталий Федорович, человеку с именем легче напечататься, легче получить признание. Вы вспомните, Виталий Федорович, как вы сами пробивались...

Невидимский. А как я пробивался?

Шапкин. Ну, тоже, наверное, кто-нибудь помогал... Проталкивал...

Невидимский. Не помню. Не помню.

Шапкин. Значит, вам повезло... Так вот, Виталий Федорович... Я живу у черта на куличках, а мой будущий соавтор мог бы здесь, в непосредственной близости от издательства, от вашего института, довести работу до конца и проследить за ее изданием. В конце концов, ум хорошо, а два все же лучше!

Невидимский. Вы что же, хотите, чтобы я нашел вам такого человека?

Шапкин. Вы угадали мои мысли... У вас такие знакомства в этом мире. Любой из ваших учеников...

Невидимский. Вы меня, право, ставите в неловкое положение...

Шапкин (решившись). Виталий Федорович, а может быть, вы сами...

Невидимский. Что я сам?

Шапкин (деликатно). ...согласились бы?..

Невидимский *(в изумлении)*. Стать вашим соавтором? Да вы что, в уме? С какой стати? Простите, я не привык к таким предложениям! *(Встает, ходит по комнате.)*

Шапкин. Я не хотел вас обидеть, я...

Невидимский *(возмущенно)*. Нет, вы подумайте, о чем вы говорите? Зачем мне ваше соавторство? С какой стати? И потом что это за сделки? Неужели вы полагаете, что я могу быть в этом заинтересован?

Шапкин. Безусловно — нет. Я бы рассматривал это просто как помощь школьному товарищу. И потом это, конечно, только в том случае, если бы сама рукопись оказалась бы достойной того, чтобы одним из ее авторов значился такой человек, как вы! Я не хотел вас обидеть! Избави бог! Вы меня не так поняли...

Невидимский. Вот что, Иван Павлович! Будем считать, что вы мне ничего не предлагали и я ничего не слышал. В противном случае мне придется отказаться от чтения и консультации вашей работы. Да-да! Только на этих условиях я оставлю рукопись у себя.

Шапкин. Виталий Федорович! Поймите, я не хотел вас оскорбить или обидеть. Я по простоте душевной... Провинциал!.. Не подумал... *(Запирает пустой портфель.)* Трудно... трудно пробиться неизвестному человеку... А в нашем институте, где я работаю, просто невозможно. Столько зависти к тем, кто пытается подняться на голову выше своего сослуживца... *(Вздыхает. После паузы)*. Виталий Федорович, вы видите кого-нибудь из наших соучеников? Я что-то всех потерял из виду.

Невидимский. Помните такую — Олю Воробьеву?

Шапкин. Помню, как же! Оля! Где она?

Невидимский. Сейчас заслуженная артистка республики. Работает в ленинградском театре.

Шапкин. Вот видите, тоже повезло человеку. Выбилась в люди.

Невидимский. Года два назад звонил по телефону Коровин. Служит где-то на Дальнем Севере — летчик. А так больше я никого не встречал и ни о ком ничего не слышал... Многих, наверное, уже нет и в живых... Да-а-а... вот так...

Шапкин (*встает, берет палку, протягивает руку Невидимскому*). Ну, еще раз от души — спасибо.

Невидимский. Не за что. Прочитаю — сообщу. Да! Куда вам написать?

Шапкин. Сейчас я еду в Кисловодск. У меня отпуск. На обратном пути я вам позвоню и зайду, если разрешите. Я хотел бы еще повидаться с вами и отзыв о работе получить лично, если это, конечно, не затруднит вас. Я всегда боюсь быть навязчивым.

Невидимский. Нет-нет... пожалуйста. Через месяц, я думаю, мы встретимся и поговорим. А потом уж вы решите, что делать дальше.

Шапкин. Только следуя вашему совету, Виталий Федорович!

Невидимский. Ну, это мы там посмотрим. Во всяком случае, беседа у нас состоится.

Шапкин не спеша идет к двери. Невидимский провожает его. У двери Шапкин останавливается, как бы что-то вспомнив, но затем, передумав, берется за ручку двери.

Вы хотели мне еще что-то сказать?

Шапкин. Нет-нет... пустяки... Право, пустяки...

Невидимский. Говорите уж все сейчас, а то мы теперь только через месяц увидимся.

Шапкин. Да нет. Не стоит. Не стоит.

Невидимский. Что так? Хотели что-то сказать и передумали?

Шапкин (*замявшись*). Видите ли, я было подумал обратиться к вам еще с одной небольшой просьбой, но считаю это не совсем удобным в такой ситуации.

Невидимский. Что за просьба? Не стесняйтесь, говорите.

Шапкин (*решившись*). Ну ладно. Хорошо. Если вы настаиваете. Я, видите ли, должен был вчера получить перевод из дома на сто рублей. Перевод еще не поступил. А мне сегодня необходимо расплатиться с машинисткой за эту рукопись (*указывает на рукопись, лежащую на столе*) и за гостиницу. (*Разведя руками.*) Вот, собственно говоря, и все. Я был вами так радушно встречен, так по-хорошему, по-товарищески мы с вами поговорили... Ну, мне и пришла вдруг дикая мысль одолжить у вас на один день рублей... пятьдесят, в новом исчислении, ну а потом я решил не обращаться к вам с этой

просьбой. Все же как-то неудобно. И рукопись читай, и деньги одалживай... Так что не надо. Как-нибудь вывернусь. Машинистка подождет, гостиница тоже... Не беспокойтесь, Виталий Федорович! Ерунда! Право, даже стыдно стало!..

Невидимский. Ну что вы... В конце концов, это со всяким может случиться...

Шапкин. Завтра я получу перевод обязательно.

Невидимский (*неуверенно*). Я мог бы выручить вас...

Шапкин. На один день. Буквально. Если это вас не очень затруднит. А то ведь я действительно могу обойтись!

Невидимский (*без энтузиазма*). Нет-нет. Пожалуйста. Я могу вам одолжить пятьдесят рублей. Больше не могу, а пятьдесят, пожалуй, могу. (*Отпирает ящик стола, достает деньги.*)

Шапкин (*смущенно улыбаясь*). Кредит вообще портит отношения, но я надеюсь, что он будет всего однодневным.

Невидимский. А об однодневном кредите нечего и разговаривать! (*Дает деньги.*) Пересчитайте, пожалуйста!

Шапкин. Что вы! Зачем же считать?

Невидимский. Нет, все же лучше пересчитайте.

Шапкин (*кладет деньги в карман*). Ни за что.

Невидимский. Деньги счет любят. А если я ошибся и дал больше?

Шапкин. Ну в таком случае я пересчитаю! (*Достает деньги и пересчитывает их.*)

Невидимский. Правильно?

Шапкин. Пятьдесят.

Невидимский. Ну вот.

Шапкин. А может быть, не стоит? (*Протягивает Невидимскому деньги.*)

Невидимский. Ну что вы! Мне они сейчас не нужны!

Шапкин. Хорошо. В таком случае до завтра. Если вас не будет дома, я могу их оставить кому-нибудь из ваших домашних?

Невидимский. Конечно. У нас всегда кто-нибудь дома. Можно их передать нашей домработнице. Она свой человек.

Шапкин. Завтра не позже пяти, максимум шести вечера. Я уверен, что перевод придет завтра утром. Я уже заказал разговор с женой. (*Смотрит на*

часы. Почему-то медлит. Затем подходит к столу и берет свою рукопись. Задумывается.)

Невидимский. Что вас смущает?

Шапкин *(в раздумье)*. Я вот думаю, не взять ли мне сейчас свою рукопись для того, чтобы принести ее вам завтра? Я не успел ее вычитать после машинки — могут быть опечатки, пропуски... *(Решительно.)* Я, пожалуй, так и сделаю. Завтра я вам ее привезу вместе с деньгами. *(Хочет положить рукопись в портфель.)*

Невидимский *(успевает взять из рук Шапкина рукопись)*. Не затрудняйте себя, Иван Павлович. Я уж как-нибудь разберусь и в опечатках, и в пропусках!

Шапкин *(неохотно отдавая рукопись)*. Вы думаете?..

Невидимский *(улыбаясь)*. Я уверен.

Шапкин *(помедлив)*. В таком случае... еще раз большое товарищеское спасибо!

Невидимский открывает дверь. Действие переносится в столовую. Столовая. Стол накрыт к обеду. Цианова беседует с Кокоревым.

Цианова *(Кокореву)*. У меня есть один знакомый, ведущий скульптор. Я заказала ему бюст академика Цианова для личного пользования. Он делает его из мрамора. Я могла бы вас с ним познакомиться.

Кокорев. Только если он настоящий скульптор, который действительно отрешен от всех мелочей жизни...

В столовую входят Невидимский и Шапкин. Цианова и Кокорев прекращают разговор.

Невидимский *(Шапкину)*. Может быть, вы с нами пообедаете?

Шапкин. Нет-нет. Мне надо торопиться. У меня ведь заказан междугородный разговор с женой.

Невидимский. Не смею задерживать.

Шапкин *(вежливо раскланиваясь с Циановой)*. До свидания! До свидания! Всего хорошего.

Невидимский провожает Шапкина в переднюю.

(В дверях.) Час назад я переступал этот порог с некоторым трепетом, сейчас я переступаю его окры-

ленный и благодарный! Итак, до завтра, Виталий Федорович!

Невидимский. Ни пуха ни пера!

Шапкин (*вежливо*). В таком случае идите к черту!

Невидимский (*улыбаясь*). К черту, к черту!

Шапкин уходит. Невидимский возвращается в столовую.

Цианова (*с удивлением*). Почему этот гражданин послал вас к черту?

Невидимский. Так полагается. Я пожелал ему «ни пуха ни пера». Это охотничья примета. Это значит, что я пожелал ему удачи. В этом случае он обязательно должен послать меня к черту. Иначе ему не повезет.

Цианова. Я этого не знала.

Входит Ольга Кирилловна.

Ольга Кирилловна. Можно подавать обед?

Невидимский. Подавайте, Ольга Кирилловна! И зовите нашего мастера спорта!

Ольга Кирилловна уходит.

Цианова. Ефим Петрович посвятил меня в тайну своего изобретения. Очень интересно! Я уверена, что это имеет большое будущее!

Невидимский. И еще большее прошлое!

Ольга Кирилловна вносит миску с дымящимся кушаньем. Все садятся за стол. Входит Ирина. Тоже садится к столу.

Цианова (*неожиданно*). Ефим Петрович! Пожелайте мне ни пуха ни пера!

Кокорев. Вам это очень нужно?

Цианова. Да. Я на днях ложусь на операцию.

Ирина. На операцию?

Цианова. Нет-нет. Ничего страшного. Я вам потом скажу.

Неловкая пауза.

Кокорев (*Циановой*). Ну что ж! Я желаю вам ни пуха ни пера!

Цианова (*жеманно*). Идите к черту!..

Невидимский (*всем*). А теперь давайте есть лося, которого я убил!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет Невидимского в институте. На стене портреты ученых Павлова и Сеченова. В момент поднятия занавеса на сцене находятся Невидимский и Хапуновин. Первый сидит в кресле за столом, второй — в кресле, предназначенном для посетителей. За окном лето.

Невидимский *(продолжая разговор)*. Так сколько же дней вы были в командировке от Общества?

Хапуновин *(охрипшим голосом)*. Двадцать три дня, Виталий Федорович! *(Вытирает руки носовым платком.)*

Невидимский. А всего сорок один день?

Хапуновин. Да. Мне потом продлили командировку на месте, в республике. *(Вытирает шею платком.)*

Невидимский. Сколько лекций вы прочли за свою поездку?

Хапуновин *(замявшись)*. Сколько лекций? Ну, если считать беседы и консультации...

Невидимский. Вы ведь выступали по путевкам? Сколько путевок вы предложили к оплате?

Хапуновин *(нерешительно)*. Сто сорок девять, Виталий Федорович! *(Оправдываясь.)* Я понимаю, что это может вас удивить, но я не мог, не имел права отказать местным организациям! Это же Север! Воркута! Печора! Люди истосковались по живому слову!

Невидимский. Сколько вы заработали?

Хапуновин. Со мной еще полностью не рассчитались... Тысяч десять... за вычетом подоходного, бездетного... несколько меньше.

Невидимский *(покачав головой)*. Ничего себе подработали... На какую тему вы выступали?

Хапуновин. Я выступал по трем темам. Но в основном я читал лекции на тему «Моральный облик человека социалистического общества».

Невидимский. Да-а-а... Рискованно... рискованно... Подвели вы нас... Крепко подвели... И себя тоже.

Хапуновин *(испуганно)*. Опять подвел? А что, пришло письмо?

Невидимский. Да. Пришло письмо.

Хапуновин. От кого письмо?

Невидимский. Жалуются на вас, товарищ Хапуновин. *(Читает выдержку из письма.)* «...Лектор, кан-

дидат наук тов. Хапуновин, выступал по пять, а то и более раз в день. Это не могло не отразиться на качестве его выступлений, да и сами лекции, изобилующие цитатами, носили явно *(пытается разобрать какое-то слово в письме)*... ка... ко...»

Хапуновин *(подсказывает)*. Компилятивный...

Невидимский *(взглянув на Хапуновина и продолжая читать письмо)*. «...компилятивный, несамостоятельный характер. Прочитанный же тов. Хапуновиным доклад о чистоте морали прозвучал *(опять не разбирает какое-то слово в письме)*... ка... ко...»

Хапуновин *(подсказывает)*. Кошунственно...

Невидимский *(продолжает читать)*. «...кошунственно в устах лектора, который в погоне за «длинным рублем» беззастенчиво сокращал и комкал текст своего выступления, для того чтобы успеть выступить на эту же тему в следующей аудитории...». Ну и дальше в том же духе! *(Откладывает письмо в сторону.)* Что скажете?

Хапуновин *(растерянно оправдываясь)*. Действительно... Мне приходилось иногда применяться к аудитории... В ряде случаев я вынужден был сокращаться...

Невидимский. Напишите мне объяснение. Все подробно. Даты. Суммы. Досконально. Нехорошо... Опять нам приходится с вами разбираться...

Хапуновин *(поднимается)*. Объяснение передать лично вам, Виталий Федорович? *(Подает приготовленное объяснение.)*

Невидимский. Оставьте его моему секретарю.

Хапуновин. Хорошо. До свидания, Виталий Федорович! *(Смотрит на часы.)* О-о-о! Опоздал!.. *(Убегает.)*

Невидимский, взяв со стола какие-то бумаги, уходит из кабинета. Пауза. Входит секретарша, кладет на стол книгу. Появляется Флюидов. В руках у него папка на «молнии».

Флюидов. Виталий Федорович не приезжал еще? Секретарша. Был здесь. Наверное, в партком вышел. У Хапуновина большие неприятности.

Флюидов. Опять? Что вы говорите? *(Смотрит на портреты, висящие на стене.)* О-о! Новые портреты? Кто это? Я что-то не узнаю.

Секретарша. Павлов! Сеченов!

Флюидов. Ах да! Верно!.. Я всегда их путаю.

Входит Невидимский.

Секретарша. Поздравляю вас, Виталий Федорович! Невидимский. С чем это?

Секретарша. С вашей книгой! *(Показывает.)*

Невидимский *(проходит за свой стол)*. А-а-а... *(Расматривает книгу.)* Вот как! Почему только один экземпляр?

Секретарша. Я с большим трудом уговорила товарища Выглазова дать вам хотя бы один. Книга еще не вышла. Это «сигнальный»!

Невидимский *(сердито)*. Неужели они не могли дать автору десяток экземпляров? Соедините меня с Выглазовым.

Секретарша уходит. Невидимский протягивает Флюидову книгу. Тот берет ее, разглядывает.

Флюидов. Поздравляю! Это уже солидный труд, Виталий Федорович!

Невидимский. Четыре года работы! Кое-кому придется покраснеть и пересмотреть свое отношение ко мне как к «бесплодной смоковнице».

Флюидов. Хорошая шпилька! Да-а-а... Когда вы успели?

Невидимский. Надо уметь организовать свое время. Режим — это основной фактор гигиены умственного труда.

Флюидов. Жаль только, что не вы один являетесь автором этой работы.

Невидимский. Что поделаешь? Соавтор есть соавтор. Тут уж никуда не денешься. Думаю перетащить его в наш институт. Талантливый человек!

Флюидов. Это в вашей власти, Виталий Федорович! *(Перелистывает книгу.)*

Невидимский. Не совсем в моей, правда... Но... одним словом, посмотрим...

Флюидов *(держит в руках книгу)*. «В. Ф. Невидимский, И. П. Шапкин. Личность и коллектив». Как звучит! *(Смотрит выходные данные книги.)* «Подписано к печати пятнадцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Редактор Выглазов. Тираж пятьдесят тысяч». *(Возвращает книгу Невидимскому.)* Постарались.

Невидимский. Этот Выглазов — славный малый, однако невежда. Удивляюсь, как он до сих пор держится в этом издательстве. Одно время даже замещал главного редактора!

Флюидов. Ну, вашу книгу ему, наверное, не очень-то пришлось редактировать! После таких отзывов...

Невидимский. А я не уверен, читал ли он ее вообще. Так, для вида просмотрел, может быть, раз-другой, поставил несколько птичек и подписал в печать. А не будь этого Выглазова, глядишь, и не вышла бы она «молнией», не увеличили бы тираж... Вот тут, в этом свете, и рассматривай роль личности...

Входит секретарша.

Секретарша. Выглазов у телефона, Виталий Федорович!

Невидимский. Спасибо! *(Снимает трубку.)*

Секретарша. Я звонила на аэродром. Самолет из Вены ожидается в шесть двадцать пять.

Невидимский. Благодарю вас.

Секретарша уходит.

Флюидов. Кого-нибудь встречаете сегодня? Опять какую-нибудь иностранную делегацию?

Невидимский *(держит трубку в руке)*. Дочь из Рима летит!

Флюидов. Что вы говорите!

Невидимский *(говорит по телефону)*. Алло! Издательство? Это Выглазов? Говорит Невидимский. Что же это ты, батенька мой, обижаешь своих авторов?.. Не думаешь обижать? Не думаешь, а обижаешь... Кого? Меня!.. Да... Понимаю. Но ведь нет правила без исключения! Невозможно?.. Тогда еще два!.. Крайне необходимо! Принесешь?.. Вот это другой разговор!.. Согласен!.. Да, часам к восьми... жду... жду... *(Вешает трубку.)* Сегодня вечером принесет мне лично еще два экземпляра. Аркадий Валерьянович, вы ведь тоже сегодня у нас! Я предупреждал Марию Игнатьевну!

Флюидов. Будем, будем!

Невидимский. Как это говорится, хорошенько не «обмоешь» — жди неприятностей: плохих рецензий, дурных отзывов... Кстати, ваша рецензия готова?

Флюидов. Готова. Я как раз хотел показать ее вам, перед тем как отсылать в редакцию. (*Быстро достаёт из папки рукопись.*)

Невидимский. Нет-нет! Неудобно! Не надо!

Флюидов. Ничего неудобного! Это же о вас, о вашей книге!

Невидимский (*протягивает руку*). Ну хорошо. Почитаем. (*Достаёт «вечную» ручку и начинает читать статью.*)

Флюидов смотрит через его плечо.

(*После паузы.*) А не лучше ли тут будет сказать так: «Авторы проявили смелость и оригинальность в серьёзном научном исследовании». Как вы думаете?

Флюидов. Правьте, правьте, Виталий Федорович! Пусть будет так, как вы хотите! Это же о вашей книге!

Невидимский (*исправляя строку в статье*). Как вы договорились с редакцией?

Флюидов. Дают в восьмой номер.

Невидимский (*не поднимая головы*). Дело! У вас — недюжинный талант организатора. Вы «мастер короткого удара»!

Флюидов. Стараюсь проявить себя на работе. Статья выйдет из печати почти одновременно с книгой.

Невидимский (*читает статью*). Вот еще это место! Вы пишете: «Книга читается с интересом и, несомненно, привлечет внимание широких кругов педагогической общественности». Может быть, следует сформулировать так: «Книга имеет, бесспорно, практическое значение, она читается с интересом», — ну и дальше так, как у вас!

Флюидов. Правьте, правьте, Виталий Федорович!

Невидимский. В таком случае исправим! (*Правит статью.*)

Флюидов. Название вас устраивает?

Невидимский. Гмм... Ну что ж... «Неоценимый вклад в науку»? (*Подумав.*) Я не против... Да лучше, пожалуй, и не придумаешь? (*Возвращает статью Флюидову.*)

Флюидов (*прячет статью в папку и задергивая «молнию»*). Завтра пойдет в набор. (*Интересуется «веч-*

ной» ручкой, которую Невидимский все еще держит в руке.) Это что, модель «Акула»?

Невидимский. «Акула»!

Флюидов (с завистью). Уже?

Невидимский. Уже! В оперативности, друг мой, залог успеха! (После паузы, спрятав ручку.) Ну, как ваша жизнь молодая? Как чувствуете себя в академической квартире? Не затерялись еще в пяти комнатах?

Флюидов (смущенно улыбаясь). Мы будем меняться. Нам предлагают взамен наших пяти на набережной четыре — в центре. Со всеми удобствами, конечно.

Невидимский. Тень академика Цианова не беспокоит вас по ночам?

Флюидов (улыбаясь). Пока сплю спокойно.

Невидимский. Друг мой! Вам надо думать о защите диссертации. Жить в квартире академика и не иметь степени кандидата — нонсенс! На какой теме вы остановились?

Флюидов. Я, Виталий Федорович, решил взять тему «Психологическое воздействие большой перемены на сознание учащихся неполной средней школы».

Невидимский (глубокомысленно). Ну что ж, Аркадий Валерьянович, тема заслуживает внимания. Я в свое время сам занимался проблемой направленности эмоций у школьников-подростков в предканикулярный период и в связи с этим, помнится, затрагивал вопрос о большой перемене. У меня тому лет десять назад даже была статья на эту тему. Я делился в ней своими наблюдениями над рефлекторностью восприятия третьего звонка отстающими учащимися пятых и шестых классов. Вам было бы небезынтересно ознакомиться с ней. Где-то сохранился журнал... (Ищет в шкафу, не находит.) Я вам его дам вечером. Найду дома.

Флюидов. Буду вам признателен. Для меня это очень важно. Кстати, мы посоветовались с Марией Игнатьевной и решили просить вас, Виталий Федорович, быть моим официальным руководителем.

Невидимский. Охотно, охотно. Я вам с удовольствием помогу.

Флюидов. Большое спасибо, Виталий Федорович. Я вам пока больше не нужен?

Невидимский (*подумав*). Кажется, нет. Не забудьте отправить статью в журнал. Не забудьте!

Флюидов. Что вы! Как можно! До вечера! (*Уходит.*)

Невидимский (*один, с книгой в руке*). Невидимский... Шапкин... Ну что ж. По алфавиту... Вы, Иван Павлович, можете быть мне только благодарны: ваше желание исполнилось!.. Это издание будет для вас приятным сюрпризом. (*Звонит.*)

Входит секретарша.

Вы звонили в издательство? Просили забронировать для меня и товарища Шапкина по сто экземпляров нашей книги?

Секретарша. Да, я звонила. Мне сообщили, что тираж книги ожидается только недели через две. Не раньше.

Невидимский (*качая сокрушенно головой*). Ну, хорошо!

Секретарша уходит.

(*Набирает номер телефона.*) Ольга Кирилловна?.. У вас все готово?.. (*Слушает.*) Мне кто-нибудь звонил?.. Вы одна дома?.. А что он делает?.. Курит?.. (*Слушает.*) Я еще не знаю. Если успею, поеду на аэродром, а нет, так приеду прямо домой из института. Стол накройте человек на семь!.. Хорошо! (*Кладет трубку.*)

В кабинет входит Зубарин.

Зубарин (*держит в руках толстую рукопись*). Можно, Виталий Федорович?

Невидимский. Милости прошу!

Зубарин начинает ходить по кабинету.

Что-нибудь случилось, Сергей Савельевич?

Зубарин (*останавливается посередине кабинета*). Это безобразие! Это профанация науки! Это абсурд! Бред! Научнообразный собачий бред!

Невидимский. Присядьте, ради бога! Что с вами? Чем вы так возмущены?

Зубарин (*с возмущением*). Я настаиваю на том, чтобы эта, с позволения сказать, диссертация (*потрясает рукописью*) была снята с повестки заседания завтрашнего ученого совета! Сня-га!

Невидимский (*серьезно*). Чья диссертация?

Зубарин (*смотрит на название работы и имя автора*).
Аспирантки Простынкиной! (*Про себя*.) И фамилия-то какая, нарочно не придумаешь!..

Невидимский (*недовольным голосом*). Странно. Я знаю эту работу. А фамилии, Сергей Савельевич, разные бывают... (*Протягивает руку*.)

Зубарин (*кладет перед ним рукопись*). Вы считаете это исследовательской работой? Весь этот набор научных терминов и цитат, притянутых за уши для того, чтобы скрыть отсутствие собственных мыслей. Удивительно! Поразительно! Эдак мы черт знает до чего докатимся!

Невидимский (*бегло просматривает рукопись и неожиданно читает вслух*). «Утвердившееся чувство ответственности у комсомольца через выполнение комсомольских поручений есть не что иное, как установление определенной формы равновесия, которая возникает в организме животного и человека в процессе жизни». (*Качает головой*.) Да, действительно...

Зубарин (*с усмешкой*). «В организме животного...». Новое в науке: комсомолец-активист в состоянии равновесия! Эквилибристика какая-то! Цирк! Читайте, читайте дальше!

Невидимский. Чья, чья это работа?

Зубарин. Аспирантки Простынкиной!

Невидимский. Ах, Простынкиной? Ну что ж... я знаю работу... Может быть, действительно здесь надо кое-что подправить, подчистить... (*Становится серьезным*.)

Зубарин. Там нечего чистить. Ни одной мысли! Галиматя! Макулатура! Типичная вульгаризация павловских идей!

Невидимский (*выходит из-за стола*). Драгоценный Сергей Савельевич! Нельзя так! Нельзя, нельзя, нельзя! Приходится иной раз идти на компромиссы!

Зубарин (*строго*). С чем? С совестью? Простите, не так воспитан!

Невидимский (*шутливо*). Наше мышление определяется условиями жизни и окружающей среды. По этим условиям мы обязаны выпустить в этом году десять кандидатов и четырех докторов наук. А если

мы их не выпустим, то окружающая среда в лице академии и министерства запишет нам невыполнение плана. Каждый новый кандидат — это процентная единица нашего плана!

Зубарин. Но нельзя же давать пропуск в науку невеждам вроде Простынкиной, людям, неспособным мало-мальски самостоятельно творчески мыслить! Это безответственно!

Невидимский (*пожав плечами*). Человек три года учился в нашей аспирантуре. Мы ему государственные деньги платили. Что-то делал человек за эти три года? Как же мы ему теперь вдруг не дадим ученой степени? С нас ведь спросят! И, между прочим, не с вас, Сергей Савельевич, а с меня!

Зубарин. Готов отвечать наравне с вами. Но на сделки с совестью я не пойду. Вы можете этой Простынкиной натягивать ученую степень, а я буду протестовать — буду в самой резкой форме выступать на ученом совете! В самой резкой форме!

Невидимский (*сухо*). Как вам будет угодно. Это ваше право.

Зубарин уходит.

(Сидит некоторое время один, задумавшись, барабанила пальцами по диссертации. Затем, решив что-то, набирает номер телефона.) Степан Иванович у себя?.. Соедините меня с ним, пожалуйста!.. Да, это Невидимский... Спасибо... *(Ждет. Затем говорит мягко и душевно.)* Степан Иванович! Хотел бы зайти к вам сегодня... Да нет... Есть необходимость посоветоваться... Что волнует? Волнуют рутинеры, мешающие росту молодых научных кадров... Через час? Хорошо, Степан Иванович! Всего доброго, Степан Иванович! *(Осторожно кладет трубку на рычаг.)*

Входит секретарша. Закрыв за собой дверь, смотрит на Невидимского. Небольшая пауза.

Секретарша (*вполголоса*). К вам аспирантка Простынкина.

Невидимский (*не сразу*). Пусть войдет.

Секретарша уходит. В кабинет стремительно входит яркая молодая блондинка. Она решительно идет на Невидимского,

который, растерянно улыбаясь, поднимается ей навстречу. Девушка кидает свою сумочку на стол, резко опускается в кресло, гневно смотрит на Невидимского.

Простынкина (*нагло и многозначительно*). Ну?..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

То же место действия, что и в первой картине. Вечер. В момент поднятия занавеса на сцене (в столовой) находятся Ирина, Кокорев, Доброхотов, Инна и Светлана — подруги Ирины. У девушек в руках только что полученные ими от Ирины небольшие подарки из-за границы: духи, бусы и прочие мелочи. Кокорев рассматривает какие-то открытки и снимки, лежащие перед ним на столе. Доброхотов перелистывает заграничный журнал. Он небрит и время от времени поглаживает ладонью щеки.

Ирина (*с увлечением*). Музей под открытым небом! Так интересно! Вот я много читала про Рим, и вы, дядя Фима, тоже часто рассказывали мне про Римскую империю, и вот я собственными глазами увидела развалины Колизея! (*Передохнув.*) Ну, конечно, ходили смотреть Ватикан. Монахи там, капуцины всякие ходят — иезуиты. Правда, Леша?

Доброхотов. Ходят.

Инна. Папу видели?

Светлана (*не поняв*). Какого папу?

Инна. Какого? Римского! Не твоего, конечно! (*Смеется.*)

Доброхотов. Нет, папу римского мы не видели. Хотели на него посмотреть, только нам его почему-то не показали!

Ирина (*продолжая рассказывать*). Итальянского языка мы, конечно, не знаем, так что объясняться нам было трудно. «Синьор», «синьорита», «бона сера», «си», «но», а дальше не понимаем! Переводчики наши были просто нарасхват: то надо спросить, про это узнать! Нет, я теперь обязательно займусь настоящим изучением какого-нибудь иностранного языка.

Светлана. Не зря я французский и английский учу! Как ты думаешь, Ира, двух языков хватит?

Инна. Такого, как у тебя, и одного хватит.

Кокорев (*усмехнувшись*). Нет, язык, конечно, знать надо. Без него за границей трудно.

Ирина. Как без рук! Правда, Леша?

Доброхотов (*просматривая журнал*). Безусловно.

Инна. А из Рима, значит, махнули прямо в Париж?

Ирина. В Париж.

Кокорев. Так-так... Ну? Что в Париже видели?

Ирина. Мальчишек что интересовало? Полезть на Эйфелеву башню! Оттуда весь Париж как с птичьего полета. А мы — смотреть собор Парижской богоматери!

Доброхотов (*улыбаясь*). Вы представляете себе, Ефим Петрович, подошли они к собору и давай кричать: «Квазимодо, Квазимодо!» (*Смеется.*)

Ирина (*серьезно*). Ну да! А другие Эсмеральду звали!

Инна. Наверное, как-то не верилось, что вы находитесь там, где все у Гюго происходило?

Ирина. Конечно, не верилось! Ходим по Парижу и вспоминаем: здесь гулял Растиньяк, тут жил отец Горио...

Инна. Теперь тебе обязательно надо будет перечитать заново и Бальзака, и Гюго, и Золя...

Светлана. И Мопассана... (*Смеется.*)

Инна. Ну, чего ты, Светка, смеешься, она правильно сказала. Мопассан тоже про Париж много писал!

Кокорев. В Лувре-то были?

Ирина (*живо*). А как же! Вот только жаль, что у нас в этот день было так мало времени. Сначала мы пошли искать Джоконду. Нашли и разочаровались... Она оказалась маленькой!

Светлана (*с удивлением*). Почему маленькой?

Инна. Ну, просто маленькая картина, как ты не воображаешь!

Ирина. Но кто увидел ее, тот отойти уже не может! Правда, Леша?

Доброхотов. Правда. И тут только понимаешь, какая она великая!

Кокорев (*глубокомысленно*). Леонардо да Винчи тоже был человеком, ходящим по земле...

Инна. Ира! Ты хотела показать медали! Покажи!

Светлана. И еще что-нибудь интересное! Ты, наверное, привезла?

И н н а (*Светлане*). Я просто на тебя удивляюсь! (*Пожимает плечами.*)

И р и н а. Сейчас! (*Убегает.*)

Девушки склоняются над каким-то альбомом.

К о к о р е в (*Доброхотову*). Вы, стало быть, тоже мастер спорта?

Д о б р о х о т о в. Тоже. И тоже гимнаст, как и Ирина.

К о к о р е в. А вообще кто?

Д о б р о х о т о в. А вообще я аспирант пединститута. Живу в Новосибирске.

К о к о р е в. Выходит, из Новосибирска в Рим и обратно?

Д о б р о х о т о в. Да. Сегодня уже домой!

К о к о р е в. Поездом?

Д о б р о х о т о в. Нет, самолетом. С самолета на самолет. (*Улыбнувшись и потерев ладонью небритую щеку.*) Вот хотел еще в Вене побриться, а Ира не советует, говорит, что есть такая примета... Перед полетом не рекомендуют бриться...

К о к о р е в. Кто не рекомендует?

Д о б р о х о т о в. Не знаю. Примета такая есть. Как вы думаете?

К о к о р е в (*серьезно*). Ире виднее...

Появляется И р и н а. Она кладет на стол два футляра и раскрывает их. Девушки перестают смотреть альбом.

И р и н а (*не без гордости*). Вот мои достижения!

Медали переходят из рук в руки.

С в е т л а н а. Это настоящее золото?

И р и н а. Нет, они только так называются: «золотая» и «серебряная». Условно.

С в е т л а н а (*разочарованно*). Ну-у-у... Не люблю условностей!

И н н а (*Светлане*). Какая ты, право... Тебе обязательно нужно, чтобы из золота? Не все ли равно!

И р и н а (*Кокореву, показывая на Доброхотова*). А у него их три — и все золотые!

К о к о р е в. Славно, славно... (*Рассматривает медали.*)

Д о б р о х о т о в. Из тридцати пяти медалей сборная СССР забрала двадцать девять. А всего участвовало двадцать три страны!

К о к о р е в. Это — знай наших!

Ирина (*Кокореву*). Уж мы так старались, так старались... Правда, Леша?

Доброхотов (*улыбаясь*). Не без этого...

Впередней звонят. Ольга Кирилловна проходит через комнату, чтобы открыть дверь. Входят Невидимский и Акустин. Последний — невысокого роста, склонный к полноте мужчина с добрым, симпатичным лицом. Доброхотов поднимается и, смущенно потирая ладонью небритую щеку, отходит к окну. Девушки берут со стола свои подарки и скромно умолкают, стоя рядом возле стены.

Невидимский (*увидев дочь, шумно*). О-о! Мой мастер вернулся! Ты ли это, мой интурист!

Ирина. Папа! Здравствуй! (*Обнимает отца*.)

Невидимский (*обнимает дочь*). Иван Васильевич. Разрешите представить вам мою единственную дочь! (*Ирине*.) А это Иван Васильевич Акустин. Ты должна знать: наш уважаемый член-корреспондент академии.

Акустин (*подходит к Ирине*). Очень приятно! Добрый вечер!

Невидимский. Только что прилетела из Италии! Она у меня мастер спорта! Участвовала в международных соревнованиях. (*Здоровается за руку с подружками Ирины*.) Здравствуйте, девушки! Подружку встречали?

Светлана. Конечно, встречали.

Невидимский. А я вот не успел. Задержался на работе.

Акустин (*тихим, мягким голосом*). Теннис? Плаванье? Волейбол?

Ирина. Гимнастика.

Акустин. Гимнастика? Отлично. Это красиво.

Ирина. Отец! Познакомься, пожалуйста. Мой товарищ. Мы вместе сегодня прилетели.

Невидимский (*Доброхотову*). Тоже мастер?

Ирина. И даже заслуженный!

Невидимский (*протягивая Доброхотову руку*). Рад познакомиться. Виталий Федорович.

Доброхотов (*пожимает руку Невидимскому*). Алексей Доброхотов.

Невидимский (*Акустину*). Знакомьтесь дальше, Иван Васильевич, — Ефим Петрович Кокорев, мой дальний родственник. Инженер. А это подружки дочери.

Все знакомятся.

(Смотрит на сервированный стол.) Ну, тут у вас как будто все готово? (Акустину.) Иван Васильевич! Приглашаю вас пройти пока в мой кабинет. Сейчас подойдут остальные, и мы сядем к столу. Вы не возражаете?

Акустин. Командуйте, Виталий Федорович, командуйте!

Невидимский (дочери). Дочь моя! Прошу, распорядись тут как хозяйка! Чтобы все было в порядке! Как хорошо, что ты прилетела! Я, понимаешь, хотел тебя встретить, но задержался в институте. Знаю, знаю про твои успехи! Читал во всех газетах! Поздравляю! Галстук мне привезла? Спасибо! Ну, ты потом все, все мне расскажешь! (Пропускает Акустину в кабинет и сам следует за ним.)

Светлана (Ирине). Ира, мы пошли!

Девушки шумно выходят из квартиры.
Действие переносится в кабинет.

Кабинет. Та же обстановка, что и в первой картине. Только над дверью висят большие рога лося.

Невидимский. Я очень рад, Иван Васильевич, что мне удалось сегодня затащить вас к себе. А то встречаемся все больше на ученых советах и заседаниях. Сегодня поистине редкий для меня день!

Акустин (садится в кресло, осматривается). Для меня тоже, давно никуда в гости не выбирался. (Смотрит на рога.)

Невидимский (показывая на рога). Мои охотничьи трофеи!

Акустин. Вы охотник? Не знал за вами таких способностей.

Невидимский (скромно). Неудивительно, Иван Васильевич! Как сегодня выяснилось, вы за мной не знали и способности исследователя. Вы ведь думали, что я только администратор, так сказать, человек, работающий при науке, а не в науке.

Акустин. Каюсь. Грешен. Думал о вас именно так. О ваших организаторских способностях я от многих слышал, да и сам не раз был свидетелем... Энергии у вас много! Человек вы, как это теперь говорят, «пробивной силы», а вот то, что придется мне ваш

научный труд рецензировать да еще получать при этом удовольствие, — не думал. Полезную вы книгу написали. Как фамилия вашего соавтора?

Невидимский. Шапкин. *(Между прочим.)* Ему принадлежат только две из десяти глав всей работы, да и то сильно мною переработанные. Но я очень щепетилен в такого рода вопросах. Вот и стоят теперь на обложке две фамилии. Что поделаешь?

Акустин. Понятно.

Невидимский. Я обязательно преподнесу вам экземпляр книги.

Акустин. Премного буду обязан.

В кабинет входит Выглазов. В руках у него две книги.

Выглазов *(громко)*. Здравствуйте, товарищи!

Невидимский. А вот и товарищ Выглазов! *(Представляет Выглазова Акустину.)* Иван Васильевич! Знакомьтесь! Мой редактор!

Выглазов *(протягивает Невидимскому книги)*. Лично от меня! *(Здоровается с Акустиным.)* Привет!

Невидимский *(Акустину)*. Иван Васильевич! Она — ваша! *(Показывает книгу.)* Я вам ее сейчас надпишу! *(Садится к столу, достает ручку, думает, медленно надписывает книгу.)*

Акустин *(Выглазову)*. Много сейчас новых книг выпускаете?

Выглазов. До черта! Все пишут и пишут, а мы — редактируем!

Акустин *(не без удивления)*. Ну и как? Справляетесь?

Выглазов. Выходим из положения. Кляузный народ эти авторы. А особенно которые корифеи! Ты ему стиль править, а он возражает! Не понимает, что я зарплату за это получаю, что на то и редактор, чтобы стиль править!.. А потом цитаты замучили! Без цитат сейчас никто не пишет. Их ведь сверять надо! Вот и сидишь по целым дням над классиками. *(Качает головой.)* Ум за разум заходит!

Акустин *(с иронией)*. Смотрите! Это ведь не безопасно, если ум за разум.

Выглазов *(не поняв иронии)*. Работа редактора над научным произведением есть очень сложный, кропотливый труд, требующий подчас предельного напряжения ума и душевных сил. Иной раз какое-нибудь место в рукописи по несколько раз перера-

батываешь, корректируешь, шлифуешь, усилиешь — работаешь усердно над каждой строчкой, над каждым словом, чтобы только к вечеру, к концу своего рабочего дня получить гладкий, глубоко осмысленный и политически выдержанный абзац!

Акустин (*издеваясь*). Абзац?

Выглазов. Абзац.

Невидимский (*подходит с книгой к Акустину*). Примите, Иван Васильевич! И не судите строго!

Акустин (*читает надпись на книге*). Не много ли чересчур лестных слов для меня: «друг», «учитель», «корифей»?

Невидимский. От души, Иван Васильевич! От всего сердца! Вы ведь у нас действительно корифей! А разве вы нам не друг и не учитель? Мы ведь на ваших трудах выросли — у вас учимся!

Акустин. Ну ладно, допустим. (*Начинает перелистывать книгу.*)

Невидимский и Выглазов в стороне о чем-то договариваются. Действие переносится в столовую.

Столовая. Ирина, Цианова, Кокорев и Доброхотов продолжают беседовать.

Цианова (*Ирине*). Я очень изменилась?

Ирина. По-моему, нет.

Цианова. Разве?

Ирина. А почему вы должны были измениться?

Цианова. Я же подверглась операции! Вы разве забыли?

Ирина (*вспоминая*). Да, помню, вы что-то говорили.

А что это была за операция? Очень серьезная?

Цианова (*пожав плечами*). Нет несерьезных операций.

Неужели вы ничего не замечаете?

Ирина. А что именно?

Цианова (*с обидой в голосе*). Ну лицо!.. Лицо!

Ирина. Что — лицо?

Цианова (*тихо*). Я же сделала себе пластическую операцию. Подтяжку кожи на лице. Подобрала морщины. Неужели незаметно?

Ирина (*приглядывается*). Да... Как будто... (*Неуверенно.*) Действительно, вы помолодели.

Цианова. Правда? Ну вот видите! Чудесный врач! К нему надо записываться за несколько месяцев, но

для меня, как для вдовы академика, сделали исключение. Душа моя! Я бы вам посоветовала сделать себе коррекцию спинки носа!

Ирина. Зачем?

Цианова. Что значит — зачем? При такой, как у вас, фигуре надо иметь соответствующий нос. Пустяковая операция, всего двадцать пять рублей. Зато вы сможете выбрать себе форму носа какую хотите — римский, греческий!.. Я вам помогу! У меня там теперь такие связи!

Ирина (*смеется*). Нет уж, я свой нос не собираюсь переделывать. И не подумаю его менять. Правда, Леша?

Доброхотов (*отрываясь от беседы с Кокоревым*). Что? Я не слышал, о чем вы говорили.

Ирина. Марья Игнатьевна рекомендует мне переделать нос.

Цианова (*поясняя*). Сделать себе коррекцию спинки носа!

Доброхотов (*с удивлением*). А зачем?

Цианова. Для красоты. Женщина должна следить за своей внешностью, и современная медицина идет ей навстречу. А для того чтобы быть красивой, надо страдать! Сколько, по-вашему, мне лет! Говорите! Не стесняйтесь! Я не обижусь! На сколько лет я выгляжу? Как вы думаете? Смелее!

Доброхотов (*помолчав*). Вам, наверное, лет тридцать девять, сорок...

Цианова (*самодовольно*). Открою вам тайну. Мне сорок пять лет!

Кокорев (*приглядевшись*). Вот это скорее...

Цианова (*делая вид, что она не расслышала, рассматривает медали Ирины*). Вы знаете, одна моя приятельница переделала на брошь медаль, которую присудили ее пуделло на собачьей выставке в Париже. Получилась оригинальная брошь, вроде камней с собачьей головкой.

Ирина, с трудом сдерживая смех, переглядывается с Доброхотовым. Из кабинета выходит Невидимский.

Невидимский. А, Мария Игнатьевна! А где ваш благоверный Флюидов? (*Подходит, целует руку*.)

Цианова. Он скоро будет. У него там что-то с машиной случилось. Я приехала на такси.

Невидимский. В таком случае мы его еще немного подождем. Идемте ко мне в кабинет. (*Кокореву.*) Пошли, старик! (*Доброхотову.*) И вас прошу!

Цианова проходит в кабинет.

Доброхотов. Благодарю, но я, к сожалению, не смогу. Большое спасибо. Я через десять — пятнадцать минут тронусь — лечу домой! Через два часа буду уже в воздухе.

Невидимский. В таком случае пожелаю вам счастливого пути. Будете в наших краях, заходите запросто. У нас дом открытых дверей. Был рад познакомиться.

Все, кроме Ирины, прощаются с Доброхотовым и проходят за Невидимским в кабинет. Доброхотов и Ирина остаются одни.

Ирина (*после паузы*). Ну вот... Значит, еще десять — пятнадцать минут...

Доброхотов. Как быстро идет время... Подумать только... Три дня назад мы стояли в Париже на набережной Сены, а сегодня я здесь, а завтра уже буду в Сибири.

Ирина (*задумчиво*). Завтра пойду в институт, мне скажут, куда меня распределили. (*Лукаво.*) Может быть, ты удержишься до завтра?

Доброхотов. Ты серьезно? Я могу!

Ирина. Я пошутила! Это было бы неразумно...

Доброхотов. Ира! А вдруг тебя пошлют...

Ирина (*подсказывает*). ...в Новосибирск? Не пошлют, не беспокойся!

Доброхотов (*смущаясь*). Нет, я не то хотел сказать... А ты можешь сама выбрать?

Ирина. Я мечтала бы попасть куда-нибудь на юг, в какую-нибудь обычную среднюю школу. Ты знаешь, я ведь не очень люблю зимний спорт и вообще север. Не знаю, не знаю, куда занесет меня судьба, но здесь я тоже не останусь. Папа собирался нажимать там какие-то кнопки, педали... Обещал пристроить меня в аспирантуру, но у меня нет пристрастия к научной деятельности, а жить, как Флюидов, я не могу и не хочу!

Доброхотов. А кто такой Флюидов?

Ирина. Папин сотрудник, муж вот этой, с «коррекцией носа»... У него девиз: «Ученым можешь ты не быть,

но кандидатом быть обязан». Я понимаю, Леша, ты сейчас готовишься защищать диссертацию, и мои слова звучат для тебя кощунством.

Пауза.

Доброхотов (*задумавшись*). Там, на чужой земле, под чужим небом, около чужих памятников, у нас с тобой было все общее: одни интересы, одна цель, одна профессия... А тут, когда мы вернулись домой, у нас оказалось всего только пятнадцать минут для того, чтобы выяснить, какие мы разные.

Ирина. Почему — разные?

Доброхотов. Я — на север, ты — на юг; я — в теорию, ты — в практику!

Ирина (*улыбнувшись*). Да ведь нет практики без теории, и наоборот!

Доброхотов. Так-то оно так.

Пауза.

Мне пора... Ты все-таки напиши мне...

Ирина. Напишу. А в октябре мы, наверное, встретимся на соревнованиях. Правда, Леша?

Доброхотов (*грустно улыбнувшись*). Организация наших свиданий поручается Всесоюзному комитету физкультуры и спорта?

Ирина. Хочешь, я тебя провожу?

Доброхотов. Нет-нет. Что ты, Ира! Это далеко, и у вас гости! Ну! (*Протягивает ей руку.*)

Ирина (*решительно*). Я провожу тебя до метро.

Доброхотов и Ирина выходят в переднюю. Хлопает дверь. Сцена некоторое время пуста. Затем появляются Невидимский, Акустин, Выглазов, Цианова и Кокорев.

Невидимский. К столу! К столу! Флюидова больше ждать не будем, Мария Игнатьевна! Где-то он у вас загулял. Иван Васильевич! Вот ваше место! Выглазов — здесь! (*Указывает на стул.*) Я займу место председателя! Ефим Петрович! Вы рядом с Иваном Васильевичем!

Все садятся.

Кокорев (*продолжая разговор с Акустиным*). Ни одна библиотека, ни одно археологическое общество мне

на этот вопрос не ответили утвердительно. Мне отвечали, что никто об этом не знает, никаких догадок и следов не имеется!

Невидимский (*Акустину*). Иван Васильевич, Иван Васильевич! Ефим Петрович вас совсем заговорит. Акустин. Нет, это занятно! Право, занятно!

Кокорев. А для меня было ясно как дважды два, что древние скульпторы пользовались специальным приспособлением!

Невидимский (*Акустину*). Тут без бутылки не разберешь!.. Вам вина или водки?

Акустин. Сегодня, пожалуй, я не откажусь от рюмки коньяку.

Невидимский. Выглазов, ты что пьешь?

Выглазов. Я все пью. Кроме сырой воды! Боюсь занести инфекцию.

Невидимский. Понятно. Стало быть, водку!

Цианова. Мне, пожалуйста, вина! Это «Массандра»?

Невидимский (*наливает Циановой рюмку вина*). Прошу вас! (*Акустину*.) Иван Васильевич! Салатик!

Цианова. Передайте мне, пожалуйста, крабов. Обожаю крабы! Они такие нежные и в таких симпатичных коробках. А вы знаете, как их готовят? Они варятся в своем собственном соку.

Акустин. Совсем как мы в нашем институте! Вы не находите, Виталий Федорович, что мы уже достаточно долго варимся в собственном соку, и придет время, вскроют наш институт, как вот эту консервную банку с красивой этикеткой. (*Показывает.*)

Невидимский. И обвинят в консерватизме? (*Смеется.*) Пессимистический прогноз, Иван Васильевич! Этак можно к любому институту придраться! Ну, кажется, у всех налито! Товарищ редактор! Отредактируйте нам первый гост!

Выглазов. А какой гост? За что пьем? За книгу! Я наложил на нее свое «вето»: разрешаю! За первое «массовое» издание! За двух авторов! Товарища Шапкина я, правда, лично не знаю! Не видел! Все чокаются.

Невидимский (*чокаясь со всеми*). Спасибо! Спасибо! Спасибо!

В передней звонят. Входит Флюидов.

Флюидов объявился! Салют Флюидову!

Флюидов (*поклонившись всем за столом, подходит к Невидимскому*). Виталий Федорович, можно вас на минуточку? (*Отходит в сторону.*)

Невидимский (*быстро выходит из-за стола, гостям*). Извините, товарищи, я сейчас! (*Проходит с Флюидовым в кабинет.*)

Кабинет. Невидимский закрывает за собой дверь.

Флюидов (*взволнованно*). Ну, Виталий Федорович! Невидимский. Что случилось, Аркадий Валерьянович?

Флюидов достает из бокового кармана небольшую брошюру и подает ее Невидимскому.

(*Берет брошюру.*) Что это?

Флюидов (*многозначительно*). Автореферат диссертации на защиту кандидатской степени. Только что получен нашей библиотекой.

Невидимский просматривает автореферат.

Ваши мысли, ваши идеи, все ваше! Как? Каким образом? Какой-то Доброхотов из Новосибирска!

Невидимский (*вне себя*). Черт знает что такое! Надо сейчас же написать туда. Нужно привлечь к ответственности этого жулика!

Флюидов. Ну хоть бы переделал что-нибудь! Перефразировал! А то и расположение глав, и названия разделов — все целиком так, как у вас в книге. И ведь она еще не вышла из печати. Вот что удивительно!

Невидимский. Я это так не оставлю! Я добьюсь, что этого проходимца выгонят не только из института, но и из партии, если только он член партии.

Флюидов. Фельетон в «Комсомольскую правду»! «Моральный облик молодого ученого»! Я напишу! Напишу! У меня там есть знакомые!

Невидимский и Флюидов выходят в столовую. Все головы поворачиваются в их сторону.

Невидимский (*громко*). Товарищи! Прошу внимания! Не успела выйти из печати моя книга, как какой-то аспирант в Новосибирске переписывает ее и выдает за свою диссертацию! (*Поднимает над го-*

ловой брошюру.) Ну и нравы! Стыд и позор!
Невероятно!

Г о л о с а. Не может быть!

— Покажите!

— Как ему не стыдно!

— Бывает!

— Так ли это?

Н е в и д и м с к и й. Извольте посмотреть! (*Передает брошюру Акустину.*)

Акустин, надев очки, просматривает ее. Входит Ирина.

(*Вспоминая.*) Доброхотов... Доброхотов... Какая-то знакомая фамилия... Где я ее слышал?

Ирина. Ты ее слышал здесь, папа. Полчаса назад.

Н е в и д и м с к и й (*смотрит на дочь*). Полчаса назад?

(*Соображает.*)

Ирина. Да Я тебя познакомила с ним. Это мой товарищ. Он только что уехал на аэродром.

Н е в и д и м с к и й. Разве его фамилия Доброхотов?

Ирина. Доброхотов.

Н е в и д и м с к и й (*повышая тон*). Он аспирант?

Ирина. Да. Аспирант педагогического института.

Н е в и д и м с к и й. Новосибирского института?

Ирина. Новосибирского.

Н е в и д и м с к и й (*кричит*). Жулик он, этот твой аспирант! Бандит с большой дороги! Он обокрал твоего отца! Нет, как вам это нравится? А?

Немая сцена. Все смотрят на Невидимского. Ирина, ничего не понимая, замерла в дверях столовой.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Невидимского в институте. В момент поднятия занавеса на сцене находятся Невидимский, Акустин и Зубарин. Невидимский, явно чем-то взволнованный, ходит по кабинету. Зубарин стоит у окна. Акустин сидит в кресле у стола.

Н е в и д и м с к и й (*с возмущением*). Я поступил так, как считал это нужным. Мне плюнули в лицо, и я на это реагировал. Да! Я написал от себя лично и от имени своего соавтора письмо руководству Новосибирского пединститута, в котором обвинил аспиранта Доброхотова в беззастенчивом плагиате! Вы скажете, что я не должен был этого делать? А что же, я позволю себе вас спросить, делать? Ждать, пока

Доброхотов незаконно получит ученую степень кандидата?

Зубарин. Вам не следовало обращаться в Комитет физкультуры с требованием лишить Доброхотова звания мастера спорта. Здесь вы поторопились. Виталий Федорович. Надо было дождаться ответа из Новосибирска.

Акустин. А что ответил Новосибирск, если это не секрет?

Зубарин. Они ответили телеграммой «Доброхотов выехал всеми материалами».

Акустин. Ну-ну...

Невидимский. Согласитесь со мной, уважаемый Иван Васильевич, что плагиатор не может оставаться мастером спорта, тем более заслуженным.

Зубарин. Но надо же сперва доказать, что это действительно так.

Невидимский. Вы берете это под сомнение? «Выехал со всеми материалами»! Какие тут могут быть еще материалы? Налицо: автореферат Доброхотова и книга Невидимского и Шапкина «Личность и коллектив». Положите их рядом и сличите, Сергей Савельевич! Вы найдете в них одни и те же формулировки, одну и ту же постановку проблемы и, наконец, одни и те же фразы. Чего больше?

Акустин. Мне лично, например, не совсем ясно, как этот молодой человек из Новосибирска мог рискнуть на такой шаг?

Невидимский. Авантюрист! Стянул, прохвост, думал проскочить, а не вышло!

Акустин. Где он мог ознакомиться с вашей работой, Виталий Федорович, если она фактически еще не вышла из печати?

Невидимский. Не знаю. Может быть, в издательстве! Не знаю. Рукопись была распечатана в нескольких экземплярах. Ее читали рецензенты... Вы ее читали! Одним словом, я не знаю, где он ее добыл. Факт остается фактом: ее переписали!

Зубарин. Вот приедет Доброхотов — разберемся...

Невидимский. Я надеюсь, что вы как члены комиссии сочтете целесообразным дождаться также приезда моего соавтора? Я бы не хотел, чтобы без него разбирали этот вопрос. Я настаиваю...

Акустин. А где он, этот ваш Шапкин?

Невидимский. Я сегодня же свяжусь с ним по телефону или по телеграфу. Он прилетит.

Входит секретарша.

Секретарша (*Невидимскому*). Виталий Федорович, по телефону товарища Никитина звонят из Общества по распространению знаний — просят вас. Вы подойдете или перевести на ваш аппарат?

Невидимский (*быстро сообразив*). Я подойду. Извините, товарищи! (*Уходит.*)

Акустин (*Зубарину*). Сергей Савельевич! Увольте меня от разбирательства этого дела. Я терпеть не могу копаться в грязном белье! А все это как-то дурно пахнет... Да и не умею я, откровенно говоря... Человек я беспартийный, у меня гипертония...

Зубарин. Ваша беспартийность не может помешать вам быть объективным, Иван Васильевич! А потом вы рецензировали книгу, так как же вам теперь вдруг оказаться в стороне и умыть руки? Придется потерпеть, Иван Васильевич! И придется покопаться «в грязном белье»! Вы должны помочь нам. И это не только мое личное мнение, вы знаете...

Акустин. Ну, я буду у себя. В пять часов ученый совет, увидимся. Кстати, о нашем ученом совете. Я в прошлый раз не был — лежал опять со своей гипертонией, — но слышал, что на заседании разыгрался скандал!

Зубарин. Скандал действительно разыгрался. Все, кроме меня, единодушно выступили в защиту диссертации Простынкиной, а когда огласили результаты голосования, оказалось, что все, кроме одного, единогласно против: у членов совета не хватило совести открыто выступить против. Хорошо, что хоть хватило мужества не проголосовать «за»!

Акустин. Но ведь сама работа этого стоит! Фантастика какая-то! (*Уходит.*)

Невидимский (*входя в кабинет, Зубарину, который тоже поднялся, чтобы уходить*). Сергей Савельевич! Я, откровенно говоря, ожидал от своих товарищей по науке поддержки, а не... следствия!

Зубарин. Речь идет не о следствии, а о выяснении всех обстоятельств этого дела. А дело, как вы сами видите, не очень приятное! Для вас не секрет, что последнее время вокруг вашего имени идут всевоз-

возможные разговоры, толки... А тут теперь еще эта история...

Невидимский (*грустно улыбнувшись*). Я понимаю... Я нахожусь в положении того человека, про которого говорят, что «не то он калоши украл, не то у него калоши украли». Печально, но факт!

Зубарин. В данном случае я имею в виду не вопрос о плагиате, а то, в связи с чем вас вызывают на партийное бюро.

Невидимский (*помрачнев*). Это ведь тоже еще надо доказать, Сергей Савельевич! Мало ли какую анонимку вам там напишут. Вы и будете все разбирать?

Зубарин. Ну, тут ведь дело не в анонимке. Вы же прекрасно знаете, о чем я говорю.

Невидимский. Во всяком случае, пока что вы как член партийного бюро должны оградить меня от сплетен по моему адресу. В такой атмосфере, знаете ли, трудно работать!

Зубарин. Виталий Федорович, «на чужой роток не накинешь платок». А потом вы сами дали повод для всех этих нежелательных вам разговоров. Сами дали повод...

Невидимский (*провожая Зубарина до двери*). Ну хорошо... сам дал повод...

Зубарин (*горячо*). Что же касается атмосферы в нашем институте, то давно пора открыть окна! Пора наконец всерьез начать заниматься настоящей творческой наукой! Пора! (*Быстро уходит.*)

Невидимский, оставшись один, устало проходит к своему столу и вяло начинает разбирать на нем какие-то бумаги. Затем он нажимает кнопку звонка. Входит секретарша.

Секретарша. Я вас слушаю, Виталий Федорович! Невидимский (*устало*). Вот что... (*Собирается с мыслями.*) Как там Иркутск?

Секретарша. Обещали скоро предоставить. Я никуда не отхожу от телефона. Разговор заказала срочный.

Невидимский. Я буду ждать.

Секретарша. С Иркутском вы сами будете говорить или мне...

Невидимский. Я сам буду говорить.

Входит Флюидов.

Флюидов. Разрешите?

Невидимский. Вы мне как раз очень нужны, Аркадий Валерьянович!

Секретарша уходит.

Флюидов (*садится в кресло*). Я прямо из редакции, Виталий Федорович! Статья из номера вылетела! Стояла и вылетела! Это точно!

Невидимский. Кто ее снял?

Флюидов. Ответственный редактор — профессор Калугин.

Невидимский. Основания? Вам они известны?

Флюидов. Основания формальные: книга еще не вышла из печати, и поэтому статья о ней несколько преждевременна. Не нравится тон самой статьи.

Невидимский. Тон им не нравится?

Флюидов. Да. Автор рецензии, видите ли, ваш покорный слуга, в излишне хвалебных формулировках отзывается о работе одного из руководителей учреждения, в котором он сам работает! Говорят: нескромно!

Невидимский (*с явным раздражением*). Где он был раньше?

Флюидов. Кто?

Невидимский. Ответственный редактор.

Флюидов. Он был в отпуске.

Невидимский (*помолчав*). Что же, они совсем от нее отказались? Не будут, значит, печатать?

Флюидов. Может быть, вам удастся устроить ее в другом органе? Я забрал статью. (*Кладет на стол статью.*)

Невидимский (*не отвечая на вопрос*). Уж не повезет, так не повезет!.. Вы думаете, им кто-нибудь звонил из нашего института? Может быть, Зубарин?

Флюидов. Не исключена возможность. Этот может!

Невидимский (*помолчав*). Да-а-а... И с книгой задержка... Тираж отпечатан, а сдавать его почему-то не сдают.

Флюидов. Вы бы позвонили Выглазову.

Невидимский. Выглазов в издательстве больше не работает. Освобожден от занимаемой должности как интеллектуально робкая личность.

Пауза.

Флюидов. Я слышал, у вас неприятности и по другой линии?

Невидимский. Да. Как вы думаете, чем это кончится?

Флюидов (*пожав плечами*). Смотря по тому, как обернется дело. Могут ограничиться разговором, а могут...

Невидимский. Если уж на то пошло, в данное время я человек свободный — жены у меня нет. Потом я с ней больше не встречаюсь. Ученой степени она не получила.

Флюидов. Могла бы получить, если бы не Зубарин!

Невидимский. Акустин тоже дал отрицательный отзыв.

Флюидов. Этот мудрец при всяком удобном случае показывает свою стариковскую принципиальность.

Невидимский (*зло*). Ханжа!

Входит секретарша.

Секретарша. Простите! Виталий Федорович, Иркутск на проводе! У телефона начальник отдела кадров.

Невидимский (*снимает трубку телефона*). Алло! Кто это?.. Здравствуйте, товарищ! Говорят из Научно-исследовательского института элементарной психологии! Не откажите в любезности сообщить нам адрес вашего преподавателя товарища Шапкина!.. Что? Я плохо слышу!.. (*Слушает.*) Шапкина Ивана Павловича!.. Как вы сказали?.. Такого не знаете? Не может быть! Он у вас должен работать!.. Не работает? Простите, у вас в городе один пединститут? Алло!.. Разъединили... (*Кладет трубку, обращается к ожидающей его возле двери секретарше.*) Два! У них, наверное, два института! Постарайтесь дозвониться до второго. Мне нужен Шапкин. Закажите «Молнию».

Секретарша уходит.

Флюидов (*усмехнувшись*). Как же это вы до сих пор не знаете адреса своего соавтора?

Невидимский. Представьте себе. Не знаю. Фатальность какая-то! Он мне звонил один раз по телефо-

ну, когда я был в Гаграх. Потом я получил от него телеграмму из Одессы. Может быть, он вообще уже переехал из Иркутска и работает где-нибудь в другом городе. Легкомысленный человек! Не знаю! Но найти его нужно. На днях приезжает этот плагиатор и начнется выяснение дела. Без Шапкина обойтись нельзя.

Флюидов. Я, к сожалению, не могу быть вам ничем полезен. Послезавтра на рассвете уезжаю на Кавказ.

Невидимский. С Марией Игнатьевной?

Флюидов (*радостно*). Нет, Мария Игнатьевна едет в Цхалтубо. У нее открылся ревматизм. А я — на машине, сам за рулем. Москва — Ростов — Туапсе и дальше по побережью. По дороге прочту несколько лекций по путевкам Общества.

Невидимский. С удовольствием составил бы вам компанию. (*Вздыхнув.*) Устал. Знаете, Аркадий, говорят, что если из сена в кормушке перед высокоудойной коровой неожиданно выскочит лягушка и корова испугается, то она может снизить удои молока! На десять дней! И чем удойнее корова, тем резче она реагирует на изменение условий внешней среды. Корова! Что же говорить тогда о людях интеллектуального труда? А у меня сейчас такое ощущение, как будто передо мной из кормушки тоже выпрыгнула лягушка! Да что лягушка! Жаба! Я выбит из колеи...

Входит секретарша.

Секретарша (*испуганно*). Виталий Федорович! Приехал! Аспирант Доброхотов из Новосибирска! Хочет с вами говорить!

Невидимский (*истерически*). Не желаю его видеть! Я его не приму! Приедет Шапкин, тогда и поговорим! Где Шапкин? Мне нужен Шапкин!

Секретарша поспешно убегает. Продолжительно звонит телефон.

(*Снимает трубку.*) Да! Алло!.. Что?.. Иркутск? Давайте, давайте!.. (*Ждет.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Летнее кафе. За круглым столиком Ирина и Доброхотов. Перед ними бутылка воды, мороженое. Ирина просматривает документы в толстой папке. Доброхотов курит. Играет музыка. Ирина дочитывает последнюю страницу и закрывает папку. Откинувшись на спинку стула и устремив взгляд вдаль, она сидит так некоторое время, молча, с трудом скрывая свое волнение.

Ирина (*помолчав*). Отец отказался принять тебя?

Доброхотов. Да. Он отказался говорить со мной и не принял меня.

Ирина (*тихо*). Что ты думаешь делать дальше?

Доброхотов. Я был у секретаря партийной организации института.

Ирина. Ты показывал ему эти документы?

Доброхотов. Показывал.

Ирина. Что он тебе сказал?

Доброхотов. Он просил их оставить ему, но я не оставил.

Ирина. Почему?

Доброхотов. Я должен был во что бы то ни стало увидеть тебя! Я должен был в первую очередь доказать тебе, что я ни в чем не виноват! Что меня оклеветали! Ты понимаешь, как это было важно для меня? Пусть еще неделю, две, наконец, месяц они будут разбираться во всем этом, взвешивать все «за» и «против», пока не убедятся в том, что правда на моей стороне. Но ты, Ирина, ни дня, ни часа, ни лишней минуты не должна была сомневаться в том, что я честен перед тобой и перед твоим отцом. Не-е-ет. Я не вор! Вот почему я не оставил сегодня этих документов в институте и позвонил тебе. Вот почему мы с тобой встретились сегодня.

Ирина. Хорошо, что ты позвонил мне.

Доброхотов (*помолчав*). Я работал три с половиной года. (*Положив руку на папку.*) Ира! Это мой труд! Мои мысли, мои сомнения, мои бессонные ночи. Через месяц я должен был защищать диссертацию, и вдруг... эта книга! (*Берет в руки лежащую на столе книгу.*) То же расположение глав, название разделов, слово в слово те же формулировки и обороты речи... Сначала я, честно скажу, просто поте-

рял голову! Так неожиданно все обрушилось на меня. Я не мог понять, как это случилось? Кому могла прийти в голову нелепая мысль таким наивным образом воспользоваться чужой работой? Для чего? Это неминуемо должно было открыться! *(Помолчав.)* В партийную организацию поступает заявление за подписью твоего отца. Меня обвиняют в плагиате. Требуют объяснений. А тут еще телеграмма из Комитета по делам физкультуры.

Ирина. И до них дошло?

Доброхотов. Стоит вопрос о лишении меня звания мастера спорта. Назначается комиссия. Ни о какой защите диссертации не может быть и речи. По улицам хожу — стыдно людям в глаза смотреть, кажется, что перед каждым прохожим надо оправдываться, объяснять, что не виновен... Домой прихожу, скрываю, вру, что все идет отлично... А врать ведь тоже надо уметь! Без тренировки не много наврешь! *(Грустно улыбается.)* Вот курить начал. *(Показывает на папирсы.)*

Ирина. Ну а дальше что?

Доброхотов. Кое-как собрался с духом, с мыслями. Раз, думаю, не виноват — буду бороться!

Ирина. Правильно!

Доброхотов. Не сдамся без боя!

Ирина. Конечно!

Доброхотов. Но как вспомню, с кем бороться, так сразу руки опускаются! Невидимский — это же твой отец!

Ирина. Да, мой отец...

Доброхотов *(продолжая рассказывать)*. Ну, посоветовался с друзьями, обратился к профессорам, что меня три года консультировали. Хорошо, что сохранились у меня, да и у них, черновики работы, отдельные главы, отзывы, рецензии.

Ирина. Ну...

Доброхотов. Собрал все в кучу в эту папку и представил комиссии на рассмотрение.

Ирина. Ну а комиссия что?

Доброхотов. Комиссия знакомилась с материалами, слушала мои объяснения, изучала вопрос и наконец вынесла решение.

Ирина. Какое решение?

Доброхотов (*достает из кармана документ, читает его вслух*). «Диссертация аспиранта Доброхотова «Формирование нравственных черт личности в трудовом социалистическом коллективе» представляет собой вариант работы авторов Невидимского и Шапкина «Личность и коллектив». Однако достаточных оснований для обвинения Доброхотова в плагиате не установлено. По справке издательства, выпускающего книгу вышеупомянутых двух авторов, рукопись книги поступила в издательство значительно позже, нежели рукопись Доброхотова, представившего ее на защиту как свою диссертацию. По прилагаемым черновикам рукописи Доброхотова, помеченным 1953—1954 годами, а также из отзывов и рецензий консультантов можно установить, что аспирант Доброхотов разрабатывал данную тему в продолжение трех лет. В связи с этим вопрос перенести на рассмотрение вышестоящих инстанций». (*Прячет документ в карман.*) Дали мне отпуск за свой счет и отпустили за правдой!

Ирина (*с большим волнением*). Выходит, что не ты, а мой отец совершил нечестный поступок! Алексей! Он член партии! Он ученый! Здесь какая-то страшная неправда! У отца есть враги! Ему завидуют! Он всегда говорит об этом! Шапкин... Кто этот Шапкин? Я никогда раньше не слышала этой фамилии! Шапкин... Шапкин!... (*Встает и отходит в сторону. Стоит спиной к Доброхотову.*)

Доброхотов (*подходит к ней; дрогнувшим голосом*). Ну а мне-то ты веришь?

Ирина (*решительно обернувшись*). Идем к отцу! Да! Идем к нему! Ты покажешь ему все эти документы! Вы должны объясниться, и обязательно при мне! Идем! Он сейчас в институте! Он тебя примет! Я должна знать правду! Идем! Идем! (*Тянет его за руку.*)

Доброхотов. К отцу? Сейчас? С тобой?

Ирина. Да! Сейчас! Со мной! Идем! Идем! (*Увлекает Доброхотова за собой, захватив папку с документами.*)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Декорация первой и третьей картин. Невидимский лежит в своем кабинете на диване и, заложив руки под голову, смотрит перед собой на рога лося. Кокорев сидит в кресле. Пауза.

Невидимский (*думая о своем*). Черт! Никогда я дураком не был, а последние две недели живу как дурак!

Кокорев. Как же это вы человека найти не можете? Ведь не иголка! Вы бы через милицию.

Невидимский. Этого еще не хватало... Да-а-а... Глупейшая история: был Шапкин. Был Невидимский. А теперь получается: «Шапкин-Невидимский!»

Стук в дверь. Входит Ольга Кирилловна.

Ольга Кирилловна. Виталий Федорович, до вас с черного хода гражданин пришел.

Невидимский (*быстро приподнимаясь на диване*). Кто? Какой гражданин?

Ольга Кирилловна. Выползов какой-то. Говорит, редактор.

Невидимский (*раздраженно*). Скажите, что я сплю. Отдыхаю. Одним словом, пусть зайдет завтра. Я болен. И вообще никого ко мне не пускайте. Меня нет дома.

Ольга Кирилловна уходит.

Опять этот Выглазов! Его сократили, вот он и ходит теперь, подписи под свою жалобу собирает... Ничего ему подписывать не буду. Сам скоро с подписным листом пойду! Ты куда?

Кокорев. На кухню.

Невидимский. Ладно, кури здесь!

Кокорев (*закуривая*). Теперь многие, которых сокращают, за писанину взялись. Поскольку все грамотные — разбираются, что к чему, слабые места в аппарате знают, ну и пишут во все инстанции. У нас в управлении тоже... кое-кого сократить хотели, так они заранее пронюхали и нашли противоядие: давай доносы строчить — и в инспекцию, и в министерство, и в контроль, и в прокуратуру... Такая началась свистопляска! Да-а... Не все из города уезжать хотят. Здесь газ, а там надо дрова колоть! И все пишут!..

Невидимский. А мне что делать прикажешь? Тоже на целину ехать? Я даже на балалайке играть не умею.

Кокорев. Ты тоже грамотный. Напишешь куда-нибудь...

В кабинет неожиданно входит Цианова. Она в пальто и в шляпе с вуалеткой. Невидимский вскакивает с дивана. Кокорев поднимается.

Цианова (*возбужденно*). Виталий Федорович! Меня к вам не пускают! Душа моя! Я знала, что вы дома! Мне необходимо вас видеть! Необходимо! Простите, но я не могу ждать до завтра. (*Кокореву*.) Извините, нам нужно поговорить визави.

Кокорев, молча поклонившись, уходит из комнаты.

Невидимский. Что случилось, Мария Игнатьевна? Чем вы так взволнованы?

Цианова (*опускается в кресло, достает носовой платок*). Душа моя! Заклинаю вас, ничего от меня не скрывайте! Я готова на все! Говорите мне только правду! Только чистую правду!

Невидимский (*с удивлением*). Какую правду? В чем дело?

Цианова. Я хочу знать все! Кто такая Простынкина? Да! Да! Кто она? Кто эта женщина?

Невидимский (*встает*). Ну, знаете ли... это уж слишком! Недоставало, чтобы я еще рассказывал вам про Простынкину!.. Это по меньшей мере бестактно с вашей стороны... Да-да! Бестактно!

Цианова (*порывается что-то сказать*). Виталий...

Невидимский (*не давая Циановой договорить*). Я удивляюсь. Ну вам-то что за дело?

Цианова (*пытаясь объяснить*). Я должна... должна знать все...

Невидимский. Что вы должны знать? Зачем? Собираете сплетни по городу и врываетесь ко мне для того, чтобы я беседовал с вами на интимные темы? Не желаю!

Цианова (*со слезами в голосе*). И вы... мне это говорите?

Невидимский (*ходит по комнате*). Простынкина!.. Никому не дает покоя эта Простынкина! Свет клином сошелся на этой Простынкиной. Как будто нет

другой темы, кроме этой Простынкиной! Ну я понимаю одних, понимаю других, но вам-то, вам-то что за дело?

Цианова (*сквозь слезы*). Я... я любила...

Невидимский (*оторопев*). Это что, сцена ревности? Это уж слишком! Вы!.. Меня... любили?

Цианова (*рыдая*). Нет... не вас... Флюидова...

Невидимский (*потирая лоб*). Ничего не понимаю!..

Цианова (*сквозь слезы*). Он... обманул меня... Он уехал... на... на моей «Победе»... с ней... Он уехал... отдыхать... Его видели в Сочи... потом на Риге... В Сухуми тоже... Он всюду с ней... У него роман с Простынкиной... Зачем я вышла за него замуж... Какой негодяй!.. Какой подлый человек!

Невидимский. Ах вот оно что!

Цианова (*дрожащими руками достает из сумочки письмо и фотопленку*). Я получила письмо... от подруги... она мне пишет... она их сфотографировала... вот!.. На моей «Победе»... Как я несчастна!.. (*Передаст все Невидимскому.*)

Невидимский берет со стола большую лупу и с интересом рассматривает пленку на свет. Цианова, всхлипывая, сидит в кресле, прикладывая платочек к глазам.

Действие переходит в столовую. Столовая. За столом, беседа вполголоса, сидят Ольга Кирилловна и Кокорев.

Ольга Кирилловна (*продолжая разговор*). Плагиат у него какой-то украли! И кто украл-то! Помнишь, наша Ирочка приятеля в дом привела? Спортсмена? Помнишь? Вот он, говорят, и украл!.. А что это за плагиат такой, ума не приложу, в глаза его не видала и где лежал у нас, не знаю!

Кокорев. Как я понимаю, дело тут серьезное, Ольга Кирилловна! Как бы перед этим спортсменом нашему Виталию Федоровичу самому бы не пришлось шапку ломать! Осечка у него получилась, вот как я понимаю...

Ольга Кирилловна. Да ну? (*Помолчав и махнув рукой.*) Что уж тут говорить! (*С горечью.*) Вроде одной семьей мы тут находимся, а живем — только что под одной крышей ночуем. Одно слово — жильцы! Галки и те в стаю сбиваются, а у нас все врозь! Что у самого на уме, что у дочери на сердце — потемки!

- Кокорев (*помолчав, в раздумье*). Вот ты надо мной все смеешься: «Горе-охотником» меня зовешь!
- Ольга Кирилловна. Это я люблю... Ты не обижайся на это...
- Кокорев. А я не обижаюсь. Я, может, и на самом деле «горе-охотник». Я сутки в лесу провел, ничего не убил, мне и то ладно! Я от охоты выгоды не ищу. Я вообще от жизни выгоды не ищу! Да!.. А есть охотники, которым только бы побольше мяса наколотить! Ну, этих я на два состава делю: на промысловых и на жадных! И этих прощаю!.. Да-а-а... Но есть еще, как бы тебе попроще сказать, такие охотники, что без ружья охотятся! В бумажные капканы дичь ловят! Чужие мысли, чужие идеи вместо дичи в свой мешок кладут, а потом хвастаются: «Глядите! А мы «с полем»!.. Я, говорит, стою, гляжу: он со своим изобретением прямо на меня выходит! Ну, я не растерялся, нажал на все кнопки! Зато теперь у меня все в ажуре: и патент и премия!» Вот это охотник! Была бы моя воля, поотбирал бы я у таких охотников степени и дипломы! А то ведь они их за охотничьи билеты выдают! Вот и я потому свой станок показать кому-нибудь боюсь. Налетишь на такого стрелка — сдулетит, проклятый!
- Ольга Кирилловна (*серьезно*). Вот оно что...
- Кокорев. Ну, станок, в конце концов, шут с ним... Ты мне скажи, что мне с собой делать?
- Ольга Кирилловна (*испуганно*). А что тебе с собой делать?
- Кокорев (*после паузы*). Мне бы хоть усыновить кого-нибудь... или удочерить... Помрешь в одиночестве... Комнату чужими людьми заселят, вещи вывезут. Немного у меня имущества, а жалко, если не в добрые руки попадет. Шкаф у меня голландский, конца шестнадцатого века! В свое время пять тысяч мне за него давали — не отдал! Книг более тысячи.
- Ольга Кирилловна. Рано тебе, Ефим Петрович, о смерти думать!
- Кокорев. А как не думать?
- Ольга Кирилловна. Ты вот про себя все говоришь, что ты человек, ходячий по земле! Так ты и живи, как ходячий!
- Кокорев. Уж не жениться ли присоветуешь? Кому я такой-то нужен?

Ольга Кирилловна. А ты еще не старый. Смотри: и седины мало, и все зубы целы. Орехи еще кусать можешь!

Кокорев. Старый я гриб, Ольга Кирилловна! Кто за меня пойдет?!

Ольга Кирилловна. Каждый гриб свою поганку найти должен.

Кокорев (*помолчав*). Отдохнуть мне надо. Устал я...

Ольга Кирилловна. Почему тебе и не отдохнуть? Возьми себе отпуск.

Кокорев. Мне предложили на службе бесплатную путевку, чтобы ехал отдыхать. А санатории я терпеть не могу, дома отдыха терпеть не могу. Не люблю жить в окружении людей, которые имеют массу претензий: одного плохо накормили, другому не те процедуры выписали. Это меня утомляет. Лучше поехать к какому-нибудь Прошке или дяде Ивану в колхоз, где он тебя понимает и ты его понимаешь, безо всяких докторов и сестер медицинских...

Ольга Кирилловна. Я через месяц к себе на родину поеду. Хорошо у нас. Леса какие... А грибов сколько!

Кокорев (*лукаво*). Может, среди них и моя поганка растет?

Ольга Кирилловна (*не отвечая на вопрос*). Будешь у меня жить. Хата у нас большая, светлая, коровы, овцы, куры. Брат на пасеке работает.

Кокорев. Поехать, что ли!

Ольга Кирилловна (*оживленно*). И то правда! А там видно будет.

В передней раздается несколько звонков. Ольга Кирилловна выходит в переднюю и вскоре возвращается. Появляются Ирина и Доброхотов. Доброхотов кланяется Кокореву.

Ирина (*Ольге Кирилловне, порывисто*). Отец дома?

Ольга Кирилловна. Дома.

Ирина. Он один?

Ольга Кирилловна. Был один. Велел никого не пускать. Да разве ее удержишь?

Ирина. Кого это?

Ольга Кирилловна. Известно кого. Вашу балаболку крашеную. Прорвалась к нему в кабинет. Сидит теперь, голову ему морочит.

Ирина (*озабоченно*). Ну хорошо! (*Кокореву.*) Добрый вечер, дядя Фима! Простите, что я с вами сразу не поздоровалась!

Кокорев. Здравствуй, Ирина-ветер! Я тебе книги принес: Цицерона и еще кое-что!

Ирина. Спасибо, дядя Фима! (*Доброхотову.*) Вот что, Алеша! Пройдем ко мне. Посидишь там, подождешь. Когда отец освободится, я приду к нему. А потом тебя позову.

Доброхотов (*серьезно*). Удобно ли все это? Может быть, я пойду! Лучше я завтра еще раз сам попытаюсь, в институте...

Ирина (*решительно*). Алеша! Будет так, как я сказала.

Доброхотов и Ирина проходят в глубь квартиры.

Ольга Кирилловна (*Кокореву*). Гляди ты! Никак, плагиат пришел отдавать? Привела она спортсмена, видно, застыдила!

Кокорев. Не берусь судить, Ольга Кирилловна, однако думаю, что отдавать ему нечего!

Из кабинета выходит Цианова с заплаканным лицом. За ней Невидимский. Почти одновременно появляется Ирина, за ней — Доброхотов.

Ирина (*твердо, отцу*). Папа! Моему товарищу, Алексею Доброхотову, которого ты знаешь, нужно с тобой поговорить!

Невидимский (*увидев Доброхотова*). Как вы посмели явиться в мой дом?

Ирина. Отец! Не смей так говорить!

Доброхотов. Виталий Федорович! Я думал...

Невидимский (*перебивая Доброхотова*). Я прошу вас оставить мою квартиру.

Ирина (*повелительно*). Леша! Остайся!

Доброхотов (*Ирине*). Я предупреждал тебя, Ира, что...

Ирина (*отцу*). Папа! Ты должен поговорить с Алексеем! Сейчас же! При мне! Он ни в чем не виноват! Я прошу тебя, папа! Выслушай его. Это важно и для тебя тоже. Важно, папа!

Невидимский (*теряя самообладание*). Я не желаю ничего выслушивать от этого гражданина! Нам не о чем говорить!

Доброхотов (*запальчиво*). Вы ошибаетесь, товарищ

Невидимский! Нам есть о чем говорить, и боюсь, что этот разговор будет не в вашу пользу!

Невидимский (*кричит*). Мальчишка! И вы еще смеете мне угрожать! Мы поговорим в другом месте!

Доброхотов хочет уйти.

Ирина (*удерживает его*). Алексей! Останься! Ты никуда не уйдешь! (*Отцу.*) Папа! Я должна знать правду! Я за Алексея выхожу замуж! Кто же из вас двоих обманывает меня?

Цианова (*всплеснув руками*). Боже мой! Что я слышу! Боже мой! (*Выходит.*)

В передней звонят. Все умолкают. Ольга Кирилловна выходит в переднюю. Пауза. В комнату входит Шапкин. В руках у него букет красных роз. Вежливо поклонившись всем присутствующим, Шапкин идет навстречу Невидимскому. По всему видно, что он навеселе.

Шапкин (*весело*). Виталий Федорович! Не ожидали? Я на минуточку!

Невидимский (*не владея собой*). Шапкин! Я вас ищу! Вы мне страшно нужны! Куда вы пропали? Шапкин!

Шапкин. Я перед вами, дорогой школьный друг! Я вижу, как вы взволнованы нашей встречей! Я рад! Я тронут! (*Протягивает Невидимскому цветы.*) Сочинские!

Невидимский (*машинально берет букет*). Идемте ко мне! Наконец-то! Наконец-то! Куда вы пропали?

Шапкин. Был занят. Занят. Много личных дел!

Невидимский. Бог мой, если бы вы только знали, что я тут без вас пережил!

Шапкин. Вы? Без меня?

Невидимский. Я вам сейчас все расскажу! Это замечательно, что вы сегодня приехали! Мне просто повезло! Шапкин! (*Обнимает Шапкина за плечи.*) Мне дьявольски повезло, что вы объявились! (*Проводит Шапкина в кабинет. Закрывает дверь.*)

Действие переносится в кабинет.

Шапкин (*осматривается*). Ну? Все как и было! Уют, комфорт! (*Замечает рога.*) Рогов не было!

Невидимский (*в изнеможении падает в кресло, не*

выпуская из рук букета). Шапкин! Дорогой!.. Я вам писал... Телеграфировал, звонил... Почему вы не отвечали? Вы получили мои письма? Телеграммы? Куда вы провалились? Деньги вы получили?

Шапкин. Какие деньги?

Невидимский. В счет наших будущих расчетов. Я перевел по почте.

Шапкин. Каких расчетов? Какие деньги? Я не получал от вас никаких переводов!

Невидимский. Я вам верю, но перевод я все-таки посылал. В Иркутск. В адрес института.

Шапкин. При чем тут Иркутск? При чем институт?

Невидимский. Но вы же там живете? Работаете?

Шапкин. *(вздыхнув)*. О! Где я живу, где я работаю... Все это не так просто! *(Грустно.)* Ну, об этом потом. *(Неожиданно.)* Я, Виталий Федорович, заскочил к вам в связи с рукописью. А ну, думаю, как Виталий Федорович возьмет, да при своих связях и даст ей ход. Признаться, я не хотел ее тогда вам оставлять. Помните? Это когда я уже получил от вас деньги. Пятьдесят в новом исчислении. Взаимообразно! Забыли? Жаль. А сочинение-то чужое! Я его проездом в Новосибирске у знакомой машинистки в дорогу почитать взял... для самообразования...

Невидимский *(заикаясь)*. Но вы же... сами... предлагали мне... это... соавторство...

Шапкин. Предлагал! А что было делать? Так сложилась ситуация: я у вас, вы меня, естественно, не помните. А мне позарез нужны деньги! Хотя бы пятьдесят! И вдруг идея: рукопись — соломинка, за которую хватается утопающий. Ну, и покривил душою. Сегодня приехал, выпил на вокзале бокал шампанского, решил: заеду и предупрежу — могут быть неприятности!.. Так что я, собственно, во имя школьной дружбы... чтобы не терять знакомство.

Невидимский *(глухо)*. Работа напечатана!

Шапкин *(с удивлением)*. Напечатана? Что вы говорите? Уже напечатана?

Невидимский *(дрожащими руками протягивает Шапкину книгу)*. Вот она! Вот!

Шапкин *(читает вслух название книги)*. «Личность и коллектив. Невидимский. Шапкин». *(Невозмутительно)*

мо кладет книгу на стол.) Действительно напечатана. Не ожидал!

Невидимский (*глухо*). Нам придется за нее отвечать...

Шапкин (*пожав плечами*). Почему — нам? Я тут совершенно ни при чем!

Невидимский (*ничего не понимая*). Но вы же — Шапкин?

Шапкин (*неожиданно*). Это еще надо доказать! Надо доказать! (*Поднимается.*)

Невидимский. Вы... вы... (*кричит*) мошенник!

Шапкин. А вы?.. Ах да! Вы ведь подвижник науки! Приношу свои извинения!

На крик Невидимского в кабинет входят Ирина, Доброхотов, Кокорев, Цианова, Ольга Кирилловна.

(*Как бы продолжая разговор, Невидимскому*). Вы говорите: мошенник! Может быть! (*Улыбается.*) Только не напрягайте свою память, Виталий Федорович! Вы все равно не вспомните его фамилию. Он всего год просидел с вами в одном классе, с другими он сидел дольше... (*Вошедшим.*) Вот, вспоминаем школьные годы! (*Невидимскому.*) Помните, Виталий Федорович, как один мальчик в нашем классе списал однажды чужое сочинение и выдал его за свое? Списал и выдал за свое! Вот шалун! А тот остался ни с чем! (*Смеется, смотрит на часы.*) Простите, мне пора! (*Идет к двери. Внезапно останавливается.*) Да! Чуть было не забыл! В данном исключительном случае не хотел бы оставаться в долгу у школьного товарища! Я понимаю, что для вас пятьдесят рублей не составляют суммы, но сегодня я при деньгах — повезло на бильярде! Играл как бог! С одного кия — партия. (*Достает деньги, кладет их перед Невидимским на стол.*) Вот пятьдесят! При свидетелях! Можно не пересчитывать — лишней бумажки не окажется! (*Улыбнувшись и похлопав Невидимского по плечу.*) Очень сожалею, что поставил в столь затруднительное положение друга детства! Поверьте, не хотел! (*Пожав плечами.*) Не учел элементарной психологии!.. (*Быстро идет к двери.*)

Все молча смотрят на Шапкина, не понимая происходящего.

(Возле двери оборачивается, смотрит на Невидимского, сидящего в протрации.) Прошу прощения!
Общий поклон! Ни пуха ни пера! *(Уходит.)*

Доброхотов крепко, обеими руками держит за плечи подошедшую к нему Ирину. Ольга Кирилловна подходит к Кокореву. Цианова остается одна в стороне.

Немая сцена.

К о к о р е в *(в тишине, Невидимскому)*. На ловца и зверь бежит!..

Занавес

1954

ДИКАРИ

*Водевиль-шутка в трех действиях,
шести картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Степан Сундуков	}	друзья, 27—29 лет.
Роман Любешкин		
Владлен Рубакин		
Зоя Шубейкина	}	подруги, 25—27 лет.
Сильва Пархоменко		

Лето. Черноморское побережье.

Премьера спектакля состоялась в сентябре 1958 года в Московском театре имени М. Н. Ермоловой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Позднее лето в одном из живописных мест Черноморского побережья. В непосредственной близости от моря и вдали от человеческого жилья, в тени высоких сосен стоит новый автомобиль «Москвич». По всему видно, что люди приехали сюда на этой машине издалека и расположились здесь на долговременную стоянку. На крыше автомобиля руками туриста-автолюбителя сооружено некое приспособление для перевозки багажа во время путешествия. Оно используется как место для ночлега. В момент поднятия занавеса на этом походном «ложе» лежат подушка и одеяло. На веревке, протянутой между двумя деревьями, висят: полотенце, синие мужские трусы и красные плавки. Между сложенных камней — керогаз, кухонная посуда и другая незамысловатая утварь туристов. Ближе к авансцене — легкий походный стол и три складных стула. На столе три миски, тарелка с сухарями, вилки, ложки.

Возле керогаза на корточках сидит небритый мужчина. Он занят приготовлением пищи. Это Роман Любешкин. Он — в синих сатиновых брюках спортивного покроя и безрукавке-сеточке, в пилотке, сделанной из газеты. На ногах — белые туфли из парусины.

Одна дверца машины открыта. Из нее торчат голые мужские ноги в спортивных тапочках. В отдалении — шум морского прибоя.

Большая пауза.

Роман (*держит в руках пакет с концентратами, негромко напевает наставление*). «Размять брикет, залить его водой, довести воду до кипения и кипятить при непрерывном помешивании в течение одной минуты, потом раствор процедить через марлю, разлить в формы для охлаждения». Ясно... Так и делаем... (*Разливает содержимое кастрюльки по трем стеклянным банкам из-под консервов.*)

Голос из машины. Дежурный!.. Любешкин!

Роман (*не оборачиваясь*). Я — Любешкин!

Голос из машины. Кормилец! Скоро там у тебя?

Роман не отвечает.

Любешкин! Ты что, оглох, что ли?
Роман (продолжая заниматься хозяйством). Давай сигнал!

Раздается продолжительный автомобильный сигнал. Затем голые ноги исчезают. Появляется Владлен Рубакин. Он тоже, по-видимому, отпускает бороду. На нем выгоревшие от солнца короткие штаны и майка неопределенного цвета.

Владлен (потягиваясь). Режим нарушен — обед запаздывает! Какая сегодня пища?

Роман (невозмутимо). Пища богов!

Владлен. Живем в краю жиров и витаминов, а питаемся брикетами, как в Антарктике...

Роман (так же невозмутимо). Дорогой товарищ дипломат! Сегодня у нас скромный, но питательный обед! Да! Он приготовлен в основном из брикетов. Да! Это вам не обед на приеме в каком-нибудь посольстве, но, во-первых, это вполне удобоваримо, а во-вторых, раз уж мы взяли с собой столько каш и супов, желе и киселей, надо же их уничтожить? Не везти же обратно?

Владлен. Короче. Что на первое?

Роман. Суп-пюре гороховый.

Владлен. На второе?

Роман. Лапшевник молочный. На третье... клюквенное желе.

Владлен. Твоей будущей супруге нечего будет делать на кухне. В перерывах между медицинским обслуживанием собак и лошадей ты будешь стряпать, чем обеспечишь себе уважение тещи и надежно укрепишь семейное счастье!

Роман (убежденно). Дудки-с! Не выйдет! Я буду сам пришивать пуговицы к брюкам, сам штопать носки и кормить себя три раза в день. Но я не женюсь!

Владлен. Женишься!

Роман. Ни-ког-да! А ну, посигналь-ка еще раз нашему доктору! Где он там прохлаждается? Обед готов!

Владлен подходит к машине и еще раз дает продолжительный сигнал. Появляется Степан Сундуков. До пояса голый и сильно загоревший, он следует примеру своих друзей: отпускает бороду. На нем помятые белые брюки. На голове широкополая соломенная шляпа. На носу темные очки от солнца. Через плечо рубашка, полотенце и желтые плавки. В одной руке у него книга, в другой — надутая автомобильная камера.

Степан (*недовольным голосом*). Зачем зря сигналить? Хотите мне аккумулятор разрядить! Он уже и так сел... (*Вешает полотенце и плавки на веревку. Бросает камеру на крышу машины.*)

Владлен. Владелец транспортных средств не может обойтись без замечания по адресу безлошадных пассажиров! Что ни говори, а частная собственность отражается на психологии человека. (*Сундукову.*) Бедный раб четырех колес! Сколько раз я тебя учил: машина должна служить человеку, а не человек машине!

Роман. Ой ли? Прощу к столу! Кушать подано!

Степан. Чем питаемся?

Владлен. Пищей богов!

Все садятся к столу, молча едят.

Нет, не завидую я тем, кто сидит сейчас в душном ресторане курортторга и ждет своей очереди, пока его культурно обслужат. То ли дело здесь, на воздухе!

Степан. Здесь даже молочный лапшевник кажется шашлыком, а суп-пюре гороховый слаще свиной отбивной. (*Протягивает Роману пустую тарелку.*) Добавочку!

Роман. Приятно слышать! (*Выдает добавку.*)

Степан. Да! Хорошо все-таки вот так отдохнуть в полном отрыве от цивилизованного мира! Отдых так отдых! Давайте, давайте, друзья, растворимся в природе и оградим себя от всех внешних раздражителей! И по сему случаю предлагаю вообще на время оставить все разговоры о ресторанах, об удобствах гостиничного бытия...

Владлен. ...и о женщинах!

Степан. Да. И о них тоже.

Роман. Меня женщины вообще не интересуют. Вы это знаете.

Степан. Что касается внешних раздражителей, то я бы еще предложил сократить слушание радиопередач. Как-никак, а это возбуждает нервную систему. И потом аккумулятор здорово садится!

Владлен. А как же «Последние известия»? Пока мы тут робинзоним, наши, может быть, на Марс высадились!

Степан. Я про общие передачи говорю. Вчера, напри-

мер, до часа ночи отрывки из оперетт слушали. Куда это годится?

Роман. Это все Влад виноват! Удивительно, до чего его разложила поездка за границу.

Владлен (*виноватым голосом*). Товарищи! «Сильва» — моя слабость!

Любешкин ставит на стол три стеклянные банки с розовым содержимым.

Степан. Что это за «трясущееся»?

Роман. Клюквенное желе.

Степан. А я грешным делом подумал, что это розовая медуза! (*Пробует.*) Вкусно!

Владлен (*ест желе*). Я в Риме вареных осьминогов ел!

Роман. Не вспоминай под руку! Не порть товарищу аппетита!

Степан. Вспоминай, вспоминай! (*Ест.*)

Роман (*встает из-за стола, берет пустое ведро. Вдыхает*). Посуду надо мыть! Пойду за водой. (*Уходит.*)

Степан берется за книгу.

Владлен (*помолчав*). Слушай, Степан! Какая разница между пи-мезоном и мю-мезоном?

Степан. Отстань. (*Продолжает читать.*)

Владлен. Нет, правда! Расскажи! А то, говорят, есть еще какой-то кю-мезон?

Степан. В двух словах этого тебе не объяснишь, да ты и не поймешь, а читать лекцию я не желаю! И вообще имею я право из трехсот шестидесяти пяти дней в году тридцать дней не говорить на научные темы? Я отдыхаю, я читаю детективные романы! Я же не прошу тебя комментировать положение в Венесуэле! Мы же договорились... Сейчас я — «дикарь»!

Владлен (*откинувшись на стуле, вполголоса запекает песенку «дикарей»*).

На побережье всех морей
Ты можешь встретить «дикарей»,
И повсеместно —
Они под звездным небом спят

И отдыхают, как хотят,
Живут чудесно!

Степан вторит приятелю.

Коль ты назвался «дикарем» —
Ты не пасуй перед дождем,
Не хнычь напрасно!
И не смотри, как ты одет
И что сегодня на обед, —
Ведь жизнь прекрасна!

Всего лишь только тридцать дней
Мы ходим в шкуре «дикарей» —
Живем на славу!
Кто честно трудится весь год,
Тот по-дикарски, без забот,
Живет по праву!

Курорты нам не по душе,
Для нас ведь рай и в шалаше,
В простой палатке.
Пушай иные говорят,
Что в голове у «дикаря»
Не все в порядке!..

За сценой слышен слабый автомобильный сигнал. Степан и Владлен прерывают пение, прислушиваются.

Степан. «Москвич»! По голосу узнаю!

Владлен (*смотрит в ту сторону, откуда донесся сигнал*). Кого-то сюда к нам несет!

После небольшой паузы появляется Зоя Шубейкина. Она в запыленном и замасленном дорожном комбинезоне. По выражению ее лица видно, что она чем-то недовольна. Пауза. Мужчины поднимаются со своих мест.

Зоя (*не сразу*). Здравствуйте, товарищи!

Степан. Здравствуйте, девушка!

Владлен. Добрый день!

Зоя (*помолчав*). Значит, вы здесь расположились?

Владлен. Как видите!

Зоя. Надолго?

Владлен. Надолго, но не навсегда!

Зоя (*строго*). Я это понимаю.

Степан. Вы, кажется, недовольны этим обстоятельством?

Зоя. Вы наблюдательны. Это наше место!

Степан. В каком смысле — «наше»?

Зоя. В самом прямом смысле. Мы здесь каждый год живем.

Степан. Простите за нескромный вопрос: кто это «мы»? И сколько вас?

Зоя. Нас двое.

Владлен. А кто вы такие?

Зоя. А вы кто такие?

Степан (*серьезно*). Мы — дикари! Вы разве не видите?

Владлен. А вы случайно не из милиции? Мы можем предъявить наши паспорта! У нас у всех московская прописка. Разрешите представиться? Владлен Рубакин — студент Института международных отношений! А это мой друг, владелец «Москвича», городской номерной знак ЭВ 71-57 — Степан Петрович Сундуков! Третий наш товарищ пошел за водой. Фамилия его Любешкин. Вы удовлетворены? Честное слово, мы простые служащие! Только небритые! Угостить вас клюквенным желе? Хотите?

Зоя (*даже не улыгнувшись*). Вот что, товарищи! Это место наше и мы можем это доказать! Вы его заняли незаконно!

Владлен (*с интересом*). Что, что? Как вы сказали? Мы его заняли незаконно? Вы слышите, доктор?

Степан (*мрачно*). Слышу.

Зоя. Пять лет подряд мы отдыхаем именно здесь!

Степан. Ну и что же?

Зоя. То, что мы не собираемся изменять нашим привычкам.

Владлен (*покачивая головой*). Так, так, так... Что же вы предлагаете?

Зоя (*упрямо*). Уступить нам то, что вам не принадлежит!

Владлен. Вот это оригинально, честное слово!

Степан (*не без раздражения*). Как это уступить? Почему уступить? Кому уступить? Не смешите нас, милая девушка!

Зоя. Я не собираюсь вас смешить, гражданин! Я совершенно серьезно заявляю: это наше место.

Появляется Любешкин. Он останавливается в недоумении, ставит ведро с водой на землю.

Владлен. Любешкин! Не падай в обморок! Нас высе-

ляют! (*Мочит носовой платок в ведре и прикладывает его ко лбу.*)

Роман (*пытаясь улыбнуться*). Кто нас выселяет? (*Зое.*) Вы нас выселяете? Шутки, да?

Зоя (*терпеливо*). Мы вас не выселяем. Мы просто вас просим отсюда уехать.

Роман (*опешив*). Куда уехать? (*Смотрит на друзей.*)

Зоя. Не знаю. Куда-нибудь. Найти себе другое место.

Роман (*растерянно*). Почему мы должны отсюда уехать?

Степан. Каприз этой гражданочки!

Владлен (*вежливо*). Простите, девушка! Чем вы можете нам доказать, что это ваше место?

Роман. Да. Чем?

Степан (*сложив на груди руки*). Любопытно, честное слово!

Зоя. Вам нужно доказательство? Вы мне не верите? Хорошо! Докажем! (*Оборачивается и зовет.*) Сильва! Сильва-а! (*Машет рукой.*) Давай сюда! (*Владлену показывая на стул.*) Разрешите сесть?

Владлен (*который при слове «Сильва» вздрогнул*). А? Да, да! (*Неожиданно по-французски.*) Сильвупле!¹

Зоя молча сидит и ждет. Мужчины в полном недоумении переглядываются.

Степан (*мрачно, сам себе*). «Наше место»... Что это, золотой прииск, что ли? Нашли Клондайк...

Владлен трет ладонью небритую щеку. Роман машинально убирает со стола посуду. Появляется Сильва Пархоменко. Она в таком же комбинезоне, как и ее подруга. Пышные волосы стянуты на затылке тесемкой.

Сильва (*небрежно кивнув головой мужчинам*). Здравствуйте! (*Зое.*) Ну как?

Зоя (*усталым голосом*). Пока никак. Им нужно доказательство, что это наше место. Граждане на слово не верят. Будем доказывать?

Сильва (*решительно*). Будем доказывать!

Зоя (*осматривается, как бы ища что-то*). Где? Я уже забыла!

Сильва. Вон под тем деревом! (*Показывает.*)

Мужчины с нескрываемым любопытством следят за девушками.

¹ Пожалуйста! (*фр.*)

Зоя (*Владлену*). У вас есть лопатка?

Владлен (*смотрит на Степана*). У нас есть лопатка?

Степан (*сухо*). Есть.

Зоя (*Степану, спокойно*). Дайте, пожалуйста, вашу лопатку!

Сундуков достает из багажника машины саперную лопатку и передает ее стоящему рядом Владлену. Тот, в свою очередь, передает ее Зое. Зоя протягивает лопатку Сильве. Та начинает копать под сосной. Достает из земли бутылку. Отряхивает с нее землю, протягивает бутылку Зое. Та протягивает бутылку Владлену.

Зоя. Пожалуйста!

Владлен. Что мне с ней нужно делать?

Зоя. Вы когда-нибудь откупоривали бутылки?

Владлен (*смотрит на бутылку*). Бывало. А что?

Зоя. Откройте бутылку! Выньте из нее то, что в ней находится, и прочитайте, что там написано! У вас есть штопор?

Владлен (*товарищам*). У нас есть штопор?

Роман (*Сундукову*). Доктор, где ваш нож?

Степан (*достает из кармана перочинный нож со штопором*). Детская забава! (*Протягивает нож Роману.*)

Владлен берет нож из рук Романа и начинает откупоривать бутылку. Все следят за ним. Из откупоренной бутылки Владлен достает свернутый в трубочку лист бумаги, разворачивает этот лист и начинает про себя читать то, что в нем написано.

Что ж ты для себя одного читаешь? Ты вслух читай! Всем!

Роман. Эгоист!

Владлен (*читает вслух*). «В здоровом теле — здоровый дух!» Мы, презирающие и осуждающие все виды отдыха, кроме «дикого», заявляем, что это место на берегу Черного моря открыто 20 июля 1956 года и в тот же день закреплено за нами пожизненно. Каждый год обязуемся мы, используя для этого все средства и возможности, отдыхать вместе и только здесь! В закрепление данного обязательства распита эта бутылка вина и в нее вложено данное охранное свидетельство». (*Кончив читать, вопросительно смотрит на товарищев.*)

Те молчат.

Сильва (*строго*). Дальше! Читайте дальше!

Владлен (*смотрит на бумагу*). Дальше идут подписи и какие-то даты.

Зоя. Подписи можно не читать, а даты читайте!

Владлен (*читает*). «17 августа 1956 года», «15 сентября 1957 года», «3 октября 1958 года», «19 мая 1959 года» и «15 августа 1960 года». Все!

Владлен протягивает бумагу Степану. Тот внимательно просматривает ее. Передает Роману.

Зоя. Ну? Теперь убедились?

Степан. Убедились.

Зоя. В чем вы убедились?

Владлен. В том, что вы действительно каждый год в разное время приезжали сюда и отмечали в этой филькиной грамоте какие-то даты!

Сильва. Даты отъезда.

Владлен. Допустим. Но какое это может иметь значение? В конце концов, в этом году вы с успехом можете отдыхать в любом другом месте.

Сильва (*упрямо*). Нет, не можем.

Зоя (*твердо*). И не будем.

Степан. Мне это начинает нравиться! То есть как это — «не будем»?

Зоя. Мы будем жить здесь. Вот здесь. (*Показывает жестом.*)

Степан. Извините, пожалуйста, за нескромный вопрос: а куда же мы денемся?

Зоя. Это уж не наше дело. Вы мужчины, и вы должны нам уступить!

Роман (*неожиданно*). Мы сейчас не мужчины! Мы — «дикари».

Зоя. Драться и скандалить мы, конечно, с вами не собираемся.

Владлен (*поклонившись*). Спасибо хоть на этом.

Зоя. Мы все равно останемся здесь!

Владлен (*с удивлением*). Как же вы останетесь, если мы никуда не уедем?

Сильва. Очень просто. Разобьем палатку и будем жить в палатке.

Роман. Рядом с нами?

Зоя (*пожав плечами*). Придется пока... Временно.

Владлен. А что потом?

Зоя (*вдруг*). Мы вас отсюда выживем!

Степан. Интересно получается...

Зоя (*горячо*). Если после того, что вы только что здесь прочли, вы не поняли, что правда на нашей стороне, то мы ничем вам помочь не можем. Верно, Сильва? Мы им ничем не можем помочь?

Сильва (*в тон подруге*). Конечно, ничем, если люди русского языка не понимают...

Зоя. Так вот что мы вам скажем, товарищи мужчины! Мы остаемся здесь! Во-первых, это наше место, а во-вторых, у нас все равно бензин кончился. Мы дотянули сюда на нуле.

Роман (*робко*). Мы можем вам дать немного горючего. (*Степану.*) У нас есть бензин?

Сильва. Пока не надо. Мы уже доехали.

Владлен. Девушки! Милые! Дорогие! Поверьте, если бы мы предвидели, что для вас так важно жить именно здесь, мы уж как-нибудь нашли бы себе другое место для лагеря. А сейчас это глупо из-за вашего, извините, дамского каприза трем взрослым людям сниматься с якоря и топать в неизвестном направлении. (*Ища поддержки у друзей.*) Верно я говорю? (*Девушкам.*) Мы это место уже обжили. Мы здесь уже две недели живем.

Зоя (*упрямо*). А мы его пять лет обживали.

Степан (*выходя из себя*). Ну, хорошего понемножку! Пошутили, посмеялись — пора и честь знать! До свиданья! (*Поклонившись, идет к машине и скрывается в ней, захлопнув за собой дверцу.*)

Зоя (*подруге*). Они думают, что с ними шутят. Странные люди!

Сильва. И еще считают себя интеллигентами! Удивительно, честное слово!

Девушки уходят.

Владлен (*в раздумье*). Сильва...

Роман. История!..

Владлен. Интересно, кто они такие?

Голос из машины. Авантюристки они! Две авантюристки! Вот увидите!

Роман. Нахалки!

Владлен (*усмехнувшись*). Путешествуют!

Роман. Типичный розыгрыш!

Голос из машины. А бутылка?

Владлен (*соглашаясь*). Да... бутылка, конечно, была зарыта...

Роман (*Владлену*). Вот ты по профессии будущий дипломат. Ты что-нибудь понял?

Владлен. Понял.

Роман. Что ты понял?

Владлен. Что одну из них зовут Сильва, и я ее где-то уже видел. Вот только не вспомню, где именно. Но видел. Точно. Видел.

Голос из машины. Это какую же?

Владлен. Лохматую. Ту, что нам яму копала. Очень знакомое лицо.

Роман. Так где же ты ее видел?

Владлен. Не знаю. Но видел.

Голос из машины. Может быть, за границей? В группе советских туристов?

Владлен. Может быть... Куда же они ушли?

Роман. У них там где-то машина без бензина стоит.

Владлен. Может быть, надо им все же оказать какую-нибудь элементарную помощь?

Степан (*вылезает из машины*). А вы думаете, у них действительно кончился бензин? Они просто хотели взять нас на пушку! Отъедут километра два-три и выберут себе другое место. Что здесь, берега мало?

Роман. Берега много, но здесь поблизости питьевая вода и море рядом. Они, как я понял, тоже «дикарки»! (*Достает из бутылки бумагу, перечитывает ее.*) Пять лет подряд здесь отдыхали. И каждый раз расписывались и ставили дату. Что-то я их фамилий не разберу! (*Пробует разобрать подписи.*)

Владлен. Дай-ка я!..

Степан (*подходит*). Эх вы! Покажите-ка!

Все трое пытаются разобрать подписи на бумаге.

Роман (*Владлену*). Тоже мне дипломат. Простой подписи не разберешь!

Владлен. Что это за буква такая? Если «Т», то очевидно, Тубейкина, а если «Ш», то получается Шубейкина.

Степан. Это типичное «Ш», если хочешь знать!

Роман. Первая подпись «Шубейкина»! А вторая... вторая... Пар... Пар... Кончается на «о». Украинская фамилия!

Владлен. Пархоменко.

Степан. Верно! Пархоменко!

Роман. Знакомая фамилия.

Степан. Герой гражданской войны — Пархоменко!

Владлен. Может быть, она имеет к нему прямое отношение. Дочь? Внучка? Племянница? Характер у нее боевой! Решительная девка!

Роман. Это которая?

Владлен. Ну... эта... которая Пархоменко.

Степан. А кто из них Пархоменко? Мы же не знаем!

Роман. Обе хороши! Мы правильно сделали, что проявили настойчивость и принципиальность! Вот что, ребята! Пошли купаться!

Степан. Да, освежиться сейчас в самый раз! *(Берет полотенце и плавки.)*

Роман *(вспомнив)*. Мне еще посуду мыть!

Владлен. Успеешь! *(Снимает с веревки трусы.)*

Роман *(упавшим голосом)*. А потом ужин готовить!

Владлен. Это уж обязательно!

Роман *(уклончиво)*. На ночь есть вредно. Можно ограничиться стаканом чая с галетой. А?

Степан. Нет уж, пожалуйста! Я диету соблюдать не намерен.

Владлен. Я тоже.

Степан *(Роману)*. «Не плачь, дитя, не плачь напрасно!» До ужина еще далеко. А сейчас пошли купаться!

Друзья берут полотенца, трусы, автомобильную камеру и уходят.

Сцена некоторое время пуста. Затем слышен какой-то шум и женские голоса. Наконец на сцену въезжает старый, выдавший виды «Москвич». Его толкают вперед две знакомые нам девушки. Зоя рулит одной рукой, подпирая кузов машины плечом. Автомобиль останавливается. Девушки переводят дух. Оглядываются.

Зоя. Ушли? Тем лучше!

Сильва. Все-таки обидно, что так получилось.

Зоя. Теперь уж ничего не поделаешь.

Сильва. Значит, мы так и будем жить здесь, у них на глазах?

Зоя. Ну, а что ты предлагаешь? Отказаться от нашего места? Уехать? Куда? А потом — зачем? Ты сама только что сказала: «Хорошо, что мы проявили настойчивость и принципиальность!»

Сильва (*слабо возражая*). Мы совершенно их не знаем.

Зоя. Кое-что мы уже знаем. Один из них — врач, другой — будущий дипломат, а третий... Любешкин! Наверно, какой-нибудь техник.

Сильва. Когда ты успела узнать?

Зоя (*улыбаясь*). У них дипломат очень болтливый. Даже странно. Как такого разговорчивого будут держать на такой работе.

Сильва. Это который?

Зоя. В коротких брючках.

Сильва. А что они про нас знают? Надеюсь, ты им не открыла, кто мы такие?

Зоя. Конечно, нет. Для них мы — обыкновенные советские девушки. Мало ли кем мы можем быть! Придумаем что-нибудь по ходу действия.

Сильва (*вздыхнув*). Только бы они меня не узнали.

Зоя. А ты сейчас на себя вовсе и не похожа.

Сильва. Если они узнают, кто я и кто ты, нам покоя не будет!

Зоя. Фильм, в котором ты снималась, на экраны еще не вышел, а в «Старшине милиции» у тебя роль эпизодическая.

Сильва (*с возмущением*). Эпизодическая, но яркая! Запоминающаяся! Ты сама говорила.

Зоя. Я этого не отрицаю. Хороший эпизод. Но ты сама только не проговорись, что ты киноактриса. За себя я ручаюсь — меня в Москве еще не видели. Я себя за кого хочешь выдам. Ну, давай разгружаться! (*Выгружает вещи.*)

Сильва. Но нам ведь придется с ними разговаривать?

Зоя. Зачем? Нам с ними не о чем говорить. Наша цель — их выжить! Мы будем их демонстративно игнорировать. Как будто они вообще не существуют. Надо только выдержать характер.

Сильва. А если они не уедут?

Зоя (*убежденно*). Что значит «не уедут»? Зачем им наше общество? Если бы они интересовались девушками, они бы выбрали себе для отдыха место поживее, а если бы приехали сюда, то приехали бы не одни...

Сильва. А может быть, они женатые?

Зоя. Тем более. Но дело ведь не в том — женатые они или нет! Ты рассуди: мы расположились у них на

носу. Мы не желаем с ними общаться, мы им мешаем; наконец, просто стесняемся их, как представители другого пола. Ясно? *(Смеется.)* Что им остается делать? Как им реагировать на такое соседство? В один прекрасный день они проклянут нас, соберут свои пожитки и выкатятся отсюда.

Сильва. А мы останемся?

Зоя. Конечно!

Сильва. Зойка, ты психолог! Теперь я понимаю, как ты подчиняешь своей воле животных.

Зоя *(весело)*. С дикобразами я еще не работала...

Девушки смеются.

Сильва. Что теперь делать!

Зоя. Первым делом разобьем палатку!

Сильва. Давай! А где?

Зоя начинает ставить палатку. Сильва тем временем заглядывает в чужой автомобиль.

Они спят в машине. Только как же они тут втроем помещаются?

Зоя. Третий спит на крыше. Ты ненаблюдательна.

Сильва. Ой, правда! Смотри, как тут у них все приспособлено.

Зоя. «Голь на выдумки хитра». Ты мне будешь помогать?

Сильва *(заглянув в чужую «кухню»)*. Зойка! Гляди, они концентратами питаются!

Зоя. Ты мне будешь помогать или нет? Иди сюда, мне одной не справиться с палаткой!

Сильва. Ну, давай, давай!

Девушки быстро разбивают двухместную палатку.

Зоя. А теперь нужно вымыть машину. *(Видит ведро с водой.)* Воду мы им вернем. В дальнейшем одалживаться не будем. *(Начинает мыть машину.)* Сильва! Помогай вытирать!

Девушки моют машину.

Сильва. Зойка! Сколько мы уже на нашем «Москвиче» накатали?

Зоя *(смотрит на спидометр)*. Семидесятую тысячу разменяли. Ну вот! А теперь можно и о себе подумать.

Мы еще и моря-то как следует не видели! Надо же с ним поздороваться!

Сильва. Заплывем?

Зоя. Заплывем!

Девушки быстро берут купальные принадлежности и убегают. После небольшой паузы доносятся приближающиеся мужские голоса. Кто-то поет:

«Мы поклялись бород не брить,
Вина не пить и не курить
Хотя бы месяц...»

Появляются друзья. Увидев перемены, происшедшие за время их отсутствия в лагере, они недоумевающе смотрят друг на друга.

Медленно идет занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тот же лагерь. Только между двумя автомобилями сделан занавес из двух простыней. Сундуков и Любешкин играют в шахматы.

Степан (*глядя на часы*). Ну, где же он? Куда он делся? Договорились ровно на час, пока нахалки с пляжа не пришли... (*Делает ход.*) Шах королю!

Роман (*про себя*). Да-а-а... Положеньице! (*Делает ход.*) Гарде!

Пауза. Появляется Владлен.

Степан (*недовольно*). Мы ждем.

Владлен. Я пришел.

Степан. Мы видим, что ты пришел. Садись!

Владлен (*садится*). Сел.

Пауза.

Степан (*отодвигая шахматы*). Что будем делать?

Владлен. В каком смысле?

Степан. В смысле нашего дальнейшего отдыха. Надо же обсудить ситуацию!

Роман. Мою точку зрения вы знаете. Я ее не меняю.

Владлен. Не обращать внимания?

Роман. Именно. Так же, как и они: ноль внимания.

Владлен. Хорош у тебя вид, когда ты при них зарядку делаешь! (*Смеется.*) Умора, честное слово!

Роман. Мне на них плевать с высокого дерева! Я из-за них не собираюсь изменять своим привычкам, и я не буду, как некоторые, делать зарядку на заре, раньше, чем поднялись эти девчонки!

Степан (*зло*). Нарушен режим, нарушен нормальный отдых — все нарушено к чертовой матери!

Роман. Им только этого и надо. Они этого и добиваются! Они же обещали выжить нас отсюда.

Степан (*глухим голосом*). Меня лично они никуда не выживут! Не на такого напали! Я был женат. У меня есть опыт сопротивления!

Владлен. А чего ж ты так нервничаешь?

Степан. Это я-то нервничаю? (*Мрачно смеется.*) С чего ты взял, что я нервничаю?

Владлен. А что, я не вижу разве? Какой-то ты стал за эти три дня дерганый! Как сядешь, так ногой трясисти мачинаешь! Не трясисти ногой!

Степан. Ты вспомни, что с тобой вчера было! Как ты по берегу туда-сюда бегал! Ха-ха!

Владлен (*оправдываясь*). Ничего особенного со мной не было. Любой на моем месте не смог бы оставаться спокойным, если бы ему показалось, что на его глазах утонул человек.

Роман (*усмехнувшись*). Утонул!.. Эта лохматая девка плавает, как дельфин-шизофреник!

Степан. Она вчера и ушла в такую даль только для того, чтобы мы тут переволновались как следует. Что, я их тактики не понимаю?

Роман. Демонстрация это, и все!

Степан. Тут был такой расчет: уплыть при нас подальше от берега и болтаться там часа три в открытом море. А мы, значит, три часа должны переживать: не утонула ли не дай бог! Только лично я не думал переживать.

Владлен. Это потому, что тебя на берегу с нами не было. Ты же по кухне дежурил.

Роман (*Владлену*). Зато ты здорово переволновался. Бедный, похудел даже!

Владлен. Нет, кроме шуток, неприятно все-таки... Мы же не знали, что она отлично плавает. Ты, как врач, должен сам это знать! А вообще я согласен, сделано это было с определенным намерением — назло нам! Подумать только! Три дня живем бок о бок

и трех слов друг другу не сказали! Надо же иметь такую выдержку!

Степан (*Владлену*). Это на вашем языке как называется? Холодная война?

Владлен (*не отвечая на вопрос*). Так что же вы предлагаете? Мы собрались на совет, насколько я понимаю?

Роман (*полный решимости*). Держаться! Кто кого пересядет! Мы должны проявить характер. А то эти две бабы разнесут по всей Москве, как они трех здоровых мужиков под свою дудку плясать заставили. (*Владлену*). Твое мнение?

Владлен. Можно было бы, конечно, уступить им это место, а самим найти другое. Но это будет неумно с нашей стороны. Я предлагаю подождать, посмотреть, как дальше пойдет. В какой-то степени это даже интересно. Я настроен оптимистически.

Степан. Если я тебя правильно понимаю, ты стоишь на позиции мирного сосуществования двух различных систем!

Владлен. Если хочешь, да! Стою! Не нужно только разжигать страстей. Не превращать наш туристский лагерь в коммунальную квартиру.

Степан (*решительно*). Но ни на какие уступки идти не надо!

Роман. Ни в коем случае!

Владлен. Я имею в виду не уступки, не отход от принципиальных позиций, а установление элементарных норм общения в общежитии.

Степан. Не морочь голову. Говори яснее.

Владлен. Постараюсь. Ну, к примеру, надо ли утром здороваться? По-моему, надо!

Роман. Совершенно не обязательно!

Степан. Насколько я успел заметить, они здороваться с нами не собираются. Между прочим, мы до сих пор не знаем, с кем имеем дело. Они же фактически нам даже не представились.

Роман. Фамилии, правда, знаем. А их социальное положение...

Степан. Меня не интересует их социальное положение.

Роман. Влад! Ты так и не вспомнил, где ты видел эту Пархоменко?

Владлен. Ума не приложу.

Степан (*усмехнувшись*). А кто из них Пархоменко?

Роман. Ну, это легче всего узнать.

Степан. Не думай начать выяснять!

Владлен. Я не представляю себе, чем все это может кончиться! Просто не представляю!

Роман. Смех смехом, а нормальный отдых кончился!

Владлен. Я, например, в присутствии женщин чувствую себя как дурак с этой бородой! *(Трет ладонью заросшую щеку.)*

Степан. Во, во! Предупреждаю! Разложение в наших рядах начнется именно с бритья! Мы не должны этого допустить! Мы должны держаться нашего уговора!

Роман. Что касается меня, то я за себя ручаюсь. Не знаю, как дипломат, но я — кремень! Я вообще бриться не люблю, у меня кожа нежная...

Владлен. А я как все! Я человек дисциплинированный и коллективный. Вы, кажется, думаете, что одна из них уже произвела на меня впечатление... Ничего подобного! О дружбе и взаимопонимании не может быть и речи!

Степан. Честно говоря, они ничего особенного собой не представляют: шаблон и стандарт!

Владлен. Не скажи, Степа! Внешне они вполне... А вообще, конечно...

Роман. Не берусь судить о их внешности и о содержании, но та, которая Сильва, все же симпатичней той, которая Зоя! У меня была одна... Сильва... Прекрасная была овчарка!

Степан. Так на чем же мы порешили?

Роман. Терпеть и продолжать независимую жизнь!

Владлен. Друзья! Неужели мы дрогнем?

Раздается пение. Друзья вздрагивают. Появляются девушки. В руках у них купальные принадлежности, у Сильвы книга. Девушки, не обращая внимания на мужчин, проходят на свою половину. Мужчины провожают их взглядами. Сильва положила книгу на крышу «Москвича», скрывается в палатке. Зоя развешивает мокрые купальники.

Зоя *(громко)*. Сильва! После обеда прогуляемся на почту? К ужину вернемся!

Голос Сильвы. Что-то не хочется! Давай завтра!

Зоя. Ты знаешь, меня беспокоит здоровье Артура! Я его сегодня видела во сне! Как он там, бедный, без меня...

Г о л о с С и л ь в ы. Ну что ты, в самом деле! Завтра пошлем телеграмму...

Мужчины, многозначительно переглянувшись, поднимаются и молча друг за другом скрываются в своем «Москвиче». Зоя смотрит им вслед. Из палатки выходит Сильва.

С и л ь в а (*вполголоса*). Сегодня я заплыла, гляжу: дипломат за мной плывет. Плыву дальше. Проплыла еще метров сто и легла на спинку.

З о я. А дипломат?

С и л ь в а. Подплыл и спрашивает: «Почему вы так далеко заплываете? Не боитесь утонуть?»

З о я. А ты что?

С и л ь в а. А что я? Набрала в рот воды и пустила фонтанчик.

З о я. А дипломат?

С и л ь в а. Где-то, говорит, мы с вами встречались! А где, говорит, не помню! Не напомните ли?

З о я. Ты напомнила?

С и л ь в а. И не подумала даже.

З о я. А он как среагировал?

С и л ь в а. Пожал в воде плечами и поплыл к берегу... Все-таки глупо, что мы рядом живем и даже не здороваемся!

З о я. Сильва! Наш метод уже действует! Режим их жизни нарушен? Нарушен! В рядах противника замечаются смятение и некоторая деморализация? Безусловно! И это результат трехдневного психического наступления! Ты обратила внимание: один уже не ест, другой — не спит, а третий по утрам раньше всех поднимается и, пока мы еще не встали, при луне, делает зарядку!

С и л ь в а. Это мой дипломат. Все-таки он симпатичный!

З о я. Когда мужчина небритый, я не могу понять, симпатичный он или нет! Им до смерти все уже надоело, и они не знают, как отсюда удрать. Сейчас они только марку держат! Они на что-то надеются. Надеемся, надеемся! Мы посмотрим, как вы запоете: «Мы поклялись бород не брить!» (*Берет ведро.*) Пошли на источник! Надо будет голову помыть! (*Запускает пальцы в волосы*). Солью и солнцем полна голова!

Сильва. Подожди меня, я сейчас.

Сильва скрывается в палатке. Из палатки начинает звучать музыка: заунывные, тягучие напевы на непонятном языке. Сильва выходит из палатки.

Зоя. Турецкая музыка... Внешний раздражитель!

Девушки уходят. Некоторое время сцена пуста. Звучит музыка. Появляются Любешкин и Рубакин.

Роман (*вполголоса. Владлену*). А чего мы в машину залезли? Нечего было прятаться! (*Прислушивается к музыке.*) Опять радио включили! Ничего, пусть играет. Не надо обращать внимания. Зря Сундук так расписывался! Им это только на руку. (*Нарочито громко.*) Влад! Ты слышишь? Это же наша любимая мелодия!

Владлен (*фальшиво*). В самом деле, любимая!

Роман. Да! Мы же хотели с тобой порепетировать! (*Подмигнув Владлену, достает из машины гитару и ставит на стол несколько пустых консервных банок. Затем берет в руки палочки, а гитару передает другу.*)

Предполагая, что девушки в палатке, друзья исполняют на гитаре и консервных банках дикий музыкальный номер и танец. Наконец они переводят дух и прислушиваются. Из палатки раздается треск, свист и завывание, характерные для ненастроенного радио. Пауза.

Там никого нет! (*Кивает в сторону палатки.*)

Владлен вытирает со лба пот и осторожно заглядывает в палатку.

Владлен. Пусто! Никого!

Роман. Выключи радио, чуело!

Владлен заходит в палатку, выключает радио и возвращается.

Владлен. Зря старались! (*Облакачивается на «Москвич» и задевает книгу на его крыше. Книга падает на землю. Из нее выпадает фотография. Поднимает фотографию и впиивается в нее глазами.*)

Роман. Что с тобой?

Владлен (*ошеломленный*). Она — милиционер! (*Протягивает фотографию другу.*) Старшина милиции!

Роман (*смотрит на фотографию*). Действительно! Старшина милиции! Откуда же ты ее знаешь?

Владлен (*растерянно*). Она — милиционер!.. Где же я ее видел? (*Задумывается.*)

Роман. Может быть, улицу перешел не там, где полагается, а она...

Владлен (*разочарованно*). Сильва — милиционер...

Из машины вылезает мрачный Сундуков.

Роман (*протягивает Степану фотографию*). Степа! Сенсация! Она — милиционер! Старшина милиции!

Степан. Теперь все понятно!

Роман. Что понятно?

Степан. Что она так с нами разговаривала.

Роман. Вот никогда бы не подумал, что она милиционер. Вот это Сильва так Сильва! (*Прячет фотографию в книгу. Кладет книгу на место.*) Ну хорошо! Она старшина милиции, а кто же тогда ее подруга? Может быть, тоже... (*Не договаривает.*)

Степан. Вполне вероятно. Два сапога пара! Проводят вместе свой очередной отпуск.

Роман. Может быть, лучше нам с ними не ссориться? Как вы думаете?

Владлен (*обретая дар речи*). Но они же здесь не при исполнении служебных обязанностей! Что они, на нас протокол составят, что ли? (*Вздыхает.*)

Степан. Вот доложить бы их начальству, как они себя ведут, их бы по головке не погладили. Типичное превышение власти!

Владлен (*проникновенно*). Товарищи! Друзья! Они — милиция! Но это все же не превышение власти, а проявление женского характера. Милиционеры-женщины, они ведь тоже... (*ищет подходящее слово*) женщины!

Появляются девушки. Мужчины делают вид, что каждый занят своим делом. Зоя берет книгу и уходит в палатку. Сильва начинает возиться с посудой.

Голос из палатки. Кто-то выключил наше радио.

Сильва. Какое нахальство! Заходить в чужую палатку! Вещи все целы?

Голос из палатки. Сейчас проверю!

Степан. Обедать будем?

Роман. Будем.

Степан. Кто сегодня кормилец?

Роман (*упавшим голосом*). Я — кормилец.

Владлен. Какая сегодня пища?

Роман. Пища богов!

Владлен (*горестно*). Когда же наконец мы покончим с этими концентратами?!

Любешкин разжигает керогаз.

Зоя (*выглядывает из палатки*). Сильва! Обедать будем?

Сильва. Будем!

Зоя. Какая сегодня пища?

Сильва (*нарочито громко*). Суп из сухофруктов. Яичница с ветчиной. Ананас и кофе по-турецки с би-сквитом «петифур»!

Роман (*про себя*). Опять по-турецки!

Степан (*про себя*). Буржуазная пища!

Владлен (*в сторону*). Живут же люди!

Сильва — слева, Роман — справа, каждый у своего «очага» начинают готовить обед.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Тот же лагерь. Раннее утро. Сильва моет посуду. Из палатки выходит Зоя. Она оглядывается, подходит к Сильве.

Зоя. Значит, действуем, как договорились?

Сильва. Да.

Зоя. С сегодняшнего дня меняем тактику. Теперь уж они не устоят! Значит, запомнила: мне нужна медицинская помощь. Ну а дальше обстановка подскажет. Я посмотрю, какая ты актриса. Поглядим, какой у тебя талант.

Сильва. Только ты тоже смотри, чтоб все было всерьез... А за меня не беспокойся — эта роль в моем характере.

Зоя. Они и не подозревают, какую мы под них мину подкладываем.

Сильва. Замедленного действия! (*Смеется.*)

Зоя. Не моем, так катаньем!.. Погоди... (*Прислушивается.*) Идут... (*Скрывается в палатке.*)

Появляется Сундуков. В руках у него сетка с тремя свежими рыбами. Он кладет сетку на стол и вынимает из нее рыбу. Сильва некоторое время молча моет посуду, затем оглядывается и неожиданно обращается к Степану.

- Сильва (*вполголоса*). Простите, вы — доктор?
- Степан (*не без удивления взглянув на девушку*). Доктор.
- Сильва. Можно к вам обратиться?
- Степан (*не очень приветливо*). Попробуйте!
- Сильва (*подходит ближе к столу*). Вы можете с нами не разговаривать, но не можете нам отказать!
- Степан (*начинает чистить рыбу*). Не понимаю.
- Сильва (*волнуясь*). Я хочу сказать, что вы... то есть и мы тоже... мы не собираемся мириться, но...
- Степан (*перебивая девушку*). А мы и не ссорились!
- Сильва. Да. Но между нами сложились такие отношения, что...
- Степан (*снова перебивая девушку*). ...что лучше всего их не выяснять! Иначе мы наговорим друг другу дерзостей. (*Кладет рыбу в тазик.*)
- Сильва (*официально*). Доктор! Как бы вы к нам ни относились, вы не имеете права отказать человеку, который обращается к вам за помощью!
- Степан. Боюсь, что ничем не смогу вам помочь! По всей вероятности, вы обращаетесь не по адресу!.. (*Берет в руки нож.*)
- Сильва (*с обидой*). Хорошо. Беру свои слова обратно! Прошу прощения! Вот уж никак не думала, что среди советских докторов могут быть такие... И давайте не будем!.. (*Резко поворачивается к Сундукову спиной.*)
- Степан (*про себя*). Знакомая интонация... «Давайте не будем!» (*Пожимает плечами, затем обращается к Сильве.*) Вы меня не так поняли...
- Сильва (*не оборачиваясь*). Не имею чести вас знать, гражданин, и не имею желания продолжать с вами беседу.

Степан, пожав плечами, уходит к морю. Из палатки выглядывает Зоя. Она хочет что-то сказать Сильве, но тут же прячется. Появляется Владлен. Он только что выкупался. Что-то напевает.

(*Владлену.*) Можно не петь?

Владлен. Можно. (*Замолкает.*)

Сильва (*не удержавшись, про себя*). Все-таки не перевелись еще на земле грубияны!

Владлен (*с удивлением*). Это вы про меня?

Сильва. Нет. Про вашего друга доктора!

Владлен. Ну какой же он грубиян! Что вы! Это милейший человек, добрый, воспитанный и отзывчивый товарищ!

Сильва. Добрый? Отзывчивый? Что-то я не заметила. Если бы вы слышали, как он со мной разговаривал!

Владлен. Может быть, вы его чем-нибудь вывели из себя или обидели?

Сильва. Я его обидела? Он сам рычал на меня, как зверь!

Владлен. Что между вами произошло?

Сильва (*понижая голос*). Моя приятельница сегодня не спала всю ночь. У нее высокая температура... Она только недавно заснула.

Владлен (*участливо*). Что с ней?

Сильва. Перележала вчера на пляже и вся сторела! Буквально вся!

Владлен. Ну что-нибудь от нее осталось?

Сильва. Не смейтесь! Вы не представляете себе, как она страдает!

Владлен. А при чем тут наш Сундуков?

Сильва. Я хотела обратиться к нему как к врачу, спросить у него совета, что делать в подобных случаях? И он не имел права отказать! Вы разве не знаете, что доктора не имеют права отказывать, когда к ним обращаются за медицинской помощью! Есть такой неписанный закон в Министерстве здравоохранения!

Владлен (*с трудом пряча улыбку*). Ну, вы к нему обратились, а он что ответил?

Сильва. Что он мне ответил? «Боюсь, что ничем не смогу помочь!» Вот что он ответил!

Владлен начинает хохотать.

Что тут смешного? Что?

Владлен (*сквозь смех*). Доктор! (*Смеется.*) Ну какой же он доктор? В медицине он смыслит ровно столько, сколько нужно, чтобы проглотить таблетку от головной боли!

Сильва. Вы же называете его доктором!

Владлен (*серьезно*). Правильно! Называем! Он и есть доктор! Технических наук! Он — физик. А вы про него — грубиян! Светлая личность, вот он кто! Сундуков! Без пяти минут член-корреспондент!

Сильва (*ошеломленная*). Ну да?

Владлен. Честное слово! Клянусь!

Сильва. А почему он такой...

Владлен. Какой «такой»? Вы о внешнем виде говорите? Ну так мы здесь все такие! А я чем лучше? И нечего удивляться. Мы здесь на отдыхе. А если вам нужен совет врача, то у нас есть настоящий врач! Правда, он... (*Замявшись.*) Впрочем, это не имеет значения. Он наверняка сумеет вам помочь. Кстати, вот и он!

Появляется Роман.

Роман (*бодро, Владлену*). Какое сегодня море! А?.. На обед — ставридка! Видел?

Владлен. Видел, видел! Слушай, Любешкин! Срочно нужна медицинская помощь!

Роман. Кому?

Владлен. Зоя заболела.

Роман (*не сразу*). Чем?

Сильва. Сгорела на солнце. Всю ночь не спала. Не знаете ли вы, что делают в таких случаях?

Владлен (*Роману*). В твоей практике бывали такие случаи?

Роман укоризненно смотрит на друга, не отвечает.

Сильва. У нее даже температура поднялась...

Голос из палатки. Сильва! Пить!

Сильва с кружкой воды скрывается в палатке.

Роман (*Владлену*). Надеюсь, ты не сказал ей, что я ветеринар? У тебя хватило совести?

Владлен. Хватило.

Роман (*растерянно*). Я, право, не знаю, что ей посоветовать. Животные не загорают!

Владлен. Ну посоветуй хоть что-нибудь...

Из палатки выходит Сильва.

Сильва (*обращается к Роману*). Ее знобит.

Голос из палатки. Познобит и перестанет.

Зоя откидывает полог палатки, выглядывает.

Роман. Нет, в самом деле, если нужно, я к вашим услугам. Вы, кажется, перегрелись на солнце?

Зоя. Да. Я заснула на пляже.

Роман. Жариться на солнце вредно!

Зоя. Я же не нарочно!

Сильва. Покажи доктору спину!

Зоя. Вот еще!

Сильва (*строго*). Не дури, Зойка! Такими вещами не шутят! Доктор, скажите ей...

Роман (*робко*). Я могу, если хотите, если нужно...

Сильва. Пусть тебя посмотрит врач! Нечего стесняться! Что особенного?

Зоя. Ну хорошо! Войдите, доктор!

Роман (*неуверенно*). Пожалуйста!

Роман скрывается в палатке.

Владлен (*Сильве*). Он ее вылечит. Это, правда, не совсем по его специальности, но он ей поможет.

Сильва. А он по какой специальности?

Владлен (*пропуская вопрос мимо ушей*). Надо было вам сразу к нему обратиться. А Сундук... Что он в ожогах понимает? Ровным счетом ничего! В космосе он действительно как бог разбирается, а по медицинской части...

Сильва (*оправдывается*). Я же не знала.

Появляется Роман.

(*Роману.*) Ну, что вы ей посоветуете?

Роман (*в прострации*). Ослы — и те от солнечных лучей в тень прячутся! На что уж ослы! Эх! (*Машет рукой.*)

Зоя (*выглядывает из-за полога*). Чем же мне лечиться?

Роман. Я выпишу рецепт!

Появляется Сундуков. Он с удивлением смотрит на всех присутствующих. Ставит тазик с кусками нарезанной рыбы на стол.

Сильва (*Сундукову*). Вы меня извините, пожалуйста! Произошло недоразумение, я вас приняла за врача. Извините, пожалуйста!

Степан. Я это понял.

Роман что-то вспоминает, выписывает рецепт. Владлен подходит к нему и шепчет на ухо. Роман отмахивается.

Сильва (*объясняет Сундукову*). У нее сильный солнечный ожог. Она не спала всю ночь. (*Зоя.*) Я пойду на почту, отправлю телеграмму насчет Артура и заодно зайду в аптеку. (*Роману.*) Большое спасибо, доктор! (*Уходит в палатку.*)

Степан (*мрачно*). Была когда-то прекрасная русская пословица: «Уговор дороже денег»!

Роман (*полупрошевающим*). Не мог же я отказать? Странный ты человек!

Степан. Не оправдывайся!

Владлен (*убежденно*). Ты не прав, Сундук! В данном случае ты не прав! Ничего не изменилось от того, что Роман как врач оказал девушке медицинскую помощь!

Степан (*усмехнувшись*). Теперь на ней, как на кошке, все заживет! (*Ставит на керогаз кастрюльку с рыбой, наливает в нее воды.*)

Из палатки выходят девушки. Сильва переделалась. Зоя набросила на плечи куртку.

Зоя (*Сильве*). Только не иди пешком, а выйди на шоссе и останови попутную машину! Я буду тебя ждать! Купи хлеба! У нас хлеба на один день осталось!

Сильва. Хорошо! Куплю!

Владлен (*как бы между прочим*). Любешкин! А как у нас с хлебом?

Роман. У нас сухарики еще не кончились!

Владлен. Надоели мне твои сухарики хуже горькой редьки! Неужели не пора перейти на свежий хлеб?

Роман. Купи. (*Берет ведро и уходит.*)

Владлен (*охотно*). И куплю... (*Быстро переодевается, зайдя за машину.*)

Зоя следит за мрачным Степаном, занимающимся приготовлением пищи.

Степан. Я вижу: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»

Владлен. При чем тут «лед»? Нельзя же, в конце концов, сидеть на сухарях, если можно есть хлеб! Это же ведь не роскошь? Ну, я пошел! Чего еще купить?

Степан (*ядовито*). Шампанского!

Владлен. Ладно... Не шипи! (*Убегает вслед за Сильвой.*)

Зоя (*неожиданно нарушая молчание*). Вы действительно тот самый Сундуков?

Степан (*сидя на корточках возле керогаза*). Какой «тот самый»?

Зоя. Ну, который известный ученый, физик! Да?

Степан. Тот самый.

Зоя. Вы знаете, я представляла вас именно таким.

Степан. Каким?

Зоя. Ну... таким... целеустремленным. Над чем вы сейчас работаете, если это не государственный секрет?

Степан. Сейчас?.. Расщепляю стравидку.

Зоя. Нет, серьезно. Что у вас сейчас в физике новенького?

Степан (*с раздражением*). Для вашего сведения: я нахожусь в состоянии очередного отпуска. А когда отдыхаю, я ни с кем не разговариваю на темы, связанные с моей профессией и биографией! Извините! (*Начинает чистить картошку.*)

Зоя (*мягко*). Да, гражданин! Я вижу, вам действительно надо отдохнуть как следует! И давайте не будем!

Степан (*мрачно*). Знакомая интонация!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

То же место действия. Вторая половина дня. Пристроившись недалеко друг от друга, девушки заняты каждая своим делом: Сильва пришивает к сарафану пуговицу, Зоя пишет письмо.

Сильва (*после паузы*). А львы очень боятся огня?

Зоя (*продолжая писать*). Очень боятся.

Сильва. Как же ты приучила их прыгать через огненные кольца?

Зоя (*не поднимая головы*). Постепенно... Подожди, не отвлекай меня. Дай дописать письмо!

Сильва (*помолчав*). Они тебя когда-нибудь съедят!

Зоя. В каком смысле? (*Запечатывает конверт, надписывает адрес.*)

Сильва. В самом прямом.

Зоя. Волков бояться — в лес не ходить!

Сильва. Но это же все-таки львы!

Зоя (*вздыхнув*). Что поделаешь. (*Задумчиво.*) В каждого из них вложено столько труда, столько настойчиво-

сти, столько ласки... Взять хотя бы того же Цезаря. Я получила его из зоопарка вот таким! (*Показывает.*) Он забился в угол клетки, боялся выйти оттуда. Трусишка! А сейчас он без приглашения идет выполнять свой трюк! Подумай только, какая умница! Чудненький, просто прелесть!

Сильва. А Артур?

Зоя. О! У этого характер посложнее. От него всегда жди какой-нибудь выходки.

Сильва. Я помню, как он тебя тогда за ногу цапнул и ты два месяца в больнице провалялась!

Зоя. Да. Неприятный был случай. Но он тоже очень способный и умный лев. А главное, он почти не боится высоты. Его легко научить самому сложному трюку. Знаешь, иногда он даже стремится помочь другим зверям, у которых что-нибудь не ладится.

Сильва. Я бы ни за какие коврижки не вошла в клетку с живыми львами.

Зоя. А я бы не променяла свою профессию ни на какую другую! (*Задумчиво.*) Ты знаешь, как мне сейчас недостает моих «артистов»! Так хочется приласкать их, потрепать их по шее...

Сильва. Ты их совсем, совсем не боишься?

Зоя (*не сразу*). Знаешь, главное — дать зверю почувствовать, что человек сильнее его...

Сильва. Я всегда тобой восхищаюсь. Ты герой!

Зоя (*улыбнувшись*). Ерунда какая! Я рядовой член профсоюза работников культуры.

Сильва (*смеется*). Смешно, честное слово!

Зоя. Чего это ты?

Сильва. К нашим «дикобрадам» ты применяешь новый метод дрессировки?

Зоя (*смеется*). Во всяком случае, и здесь необходимы настойчивость, самообладание и ласка.

Сильва (*добавляет*). И надо дать понять мужчине, что женщина сильнее его!

Обе смеются. Появляется Владлен.

Владлен (*покопавшись у себя в машине*). Зоя! Вы пойдете сегодня на почту?

Зоя. Нет.

Владлен. А то бы я мог вас проводить!

Зоя. Благодарю вас, я знаю дорогу!

Владлен. Там злые собаки.

Зоя. А я собак не боюсь.

Владлен. У меня есть к вам небольшой, но важный разговор.

Зоя (*незаметно переглянувшись с Сильвой*). Хорошо. Но попозже, пожалуйста. Сейчас я иду купаться. (*Обращается к подруге.*) Ты пойдешь?

Сильва. Что-то не хочется. Я лучше почитаю.

Зоя. Как знаешь! (*Берет купальник и, что-то напевая, уходит.*)

Владлен, не находя себе места, подсаживается наконец к Сильве.

Сильва. Вы, кажется, хотите у меня что-то спросить?

Владлен (*замявшись*). Нет, я просто смотрю на вас и думаю: вот если бы все милиционеры были такие, как вы...

Сильва (*довольная*). Вы меня узнали? Я так и думала, что вы меня узнаете! Как по-вашему, мне идет милицейская форма?

Владлен (*искренне*). Очень идет! Очень!

Сильва (*польщенная*). Да. Она мне к лицу.

Владлен. Если бы я не знал, кто вы такая, я никогда бы не смог представить себе вас в роли работника милиции.

Сильва. Почему же? Говорят, что я с этой ролью неплохо справляюсь.

Владлен. И вам нравится ваша специальность?

Сильва. Станный вопрос. Конечно, нравится.

Владлен. Она связана с риском, с тяжелыми условиями? С ночной работой? Не правда ли?

Сильва. Конечно. Бывает, возвращаешься домой под утро. Все на работу, а ты — спать! А иногда зимой, в мороз весь день с утра до вечера в две смены на улице. Вот это действительно тяжело. Я ужасная мерзлячка!

Владлен (*с недоумением*). Почему же вы избрали себе именно эту профессию?

Сильва (*пожав плечами*). Не знаю. Наверное, потому, что мечтала о ней с детства...

Владлен. И родители не были против?

Сильва. Нисколько. Отцу нравится моя профессия.

Владлен. А кто ваш папа?

Сильва. Мой папа — подполковник милиции.

Владлен. Теперь все понятно... (*С интересом присматривается к Сильве. Помолчав.*) Сильва! Вы бы могли мне дать слово, что то, что я вам сейчас скажу, останется между нами?

Сильва. Безусловно.

Владлен. Так вот. Речь идет об одном из наших товарищей, о нашем докторе. Не о том, который физик, а наоборот...

Сильва (*заинтересованно*). Так, так... Что же с ним случилось?

Владлен. Он влюбился в вашу приятельницу.

Сильва. Ну и что же?

Владлен. Для него это трагедия!

Сильва (*не без удивления*). Почему же?

Владлен. Он ветеринар! Только, ради бога, не проговоритесь, что вы это знаете!

Сильва. Ветеринар?

Владлен. Да. Лечит собак и кошек!

Сильва. Теперь я понимаю...

Владлен. Что вы понимаете?

Сильва. Когда я показала в аптеке его рецепт, там только ахнули: что это за лошадиная доза?

Владлен. Я ведь предупреждал его...

Сильва. Так что же случилось с вашим другом?

Владлен (*продолжая рассказ*). По характеру он однолюб. (*Поясняя.*) Такие люди любят только раз и на всю жизнь! Понимаете?

Сильва. Понимаю. Он ваша противоположность?

Владлен. Да. (*Спохватившись.*) То есть нет... В какой-то степени... может быть... Одним словом, жил-был молодой и талантливый ветеринар, он встретил девушку и полюбил ее. И он ей понравился, и она полюбила его. За красоту души. Но, когда она узнала, что он не настоящий доктор, не человеческий, а, так сказать, лошадиный и тому подобное, она от него категорически отказалась. Наотрез! Ей почему-то стало неловко выходить за него замуж! Дура! Правда?

Сильва. И очень хорошо, что он на ней не женился! Значит, она его не любила.

Владлен. Но для него это оказалось травмой! Он поклялся не обращать больше на женщин никакого внимания — жить и умереть холостяком!

Сильва. Печальная перспектива!

Владлен. И вот теперь произошло нечто сверхъестественное! Он по уши влюбился в вашу Зою! Бедняга чахнет у нас на глазах. Другой бы на его месте давно принял какое-то решение, объяснился... а он страдает, ходит сам не свой...

Сильва. Чем же я могу ему помочь?

Владлен. Не могли бы вы для начала узнать у вашей приятельницы, как она относится к ветеринарам?

Сильва. Насколько я знаю, весьма положительно.

Владлен. Вы в этом уверены?

Сильва. Убедена.

Владлен *(с облегчением)*. Замечательно! Тогда, если позволите, еще один вопрос! В вашем обществе часто склоняется имя какого-то Артура. Вы, пожалуйста, не подумайте, что мы подслушиваем, но так уж получается, поскольку мы живем, можно сказать...

Сильва *(невозмутимо добавляет)*. ...друг у друга на голове!

Владлен *(деликатно)*. Вот именно... Так что волей-неволей до нашего слуха иной раз долетают отдельные фразы. Зоя часто вспоминает этого Артура. *(Осторожно.)* Это ее муж?

Сильва. Нет.

Владлен. Понимаю... Друг?

Сильва *(не сразу)*. Если хотите — да! Друг! И очень ревнивый! Я бы никому не посоветовала встретиться с ним с глазу на глаз.

Владлен. Неужели? Вы с ним знакомы?

Сильва. Я видела его несколько раз.

Владлен. Где он работает? Тоже в вашей системе?

Сильва. Он работает в цирке. И уже немолод. Но характер у него дикий! Лично я не могла бы с ним общаться.

Владлен. Скажите пожалуйста! А она, видимо, к нему очень привязана?

Сильва. Мало сказать — привязана. Она его так любит и так без него сейчас скучает, что я просто удивляюсь. Простите меня, я должна переодеться.

Сильва снимает с веревки купальник.

Владлен. Вы все же решили выкупаться?

Сильва. Решила.

Владлен. Разрешите мне проводить вас до пляжа?

Сильва. Разрешаю.

Сильва и Владлен уходят. Появляется Роман. Он берет гитару, садится под деревом и с унылым видом начинает импровизировать романс.

Роман (*поет*).

Собаки и куры меня понимают,
Я вылечить сердце могу у коня...
Но звери не видят и птицы не знают
Того, что на сердце сейчас у меня!..
Могу я помочь и скотине и птице,
Спасти в зоопарке и льва и орла,
Но черт меня дернул случайно влюбиться,
И сам я могу превратиться в осла...

Появляется Степан Сундуков. В руках у него надутая автомобильная камера.

Степан. Стонешь?

Роман (*огрызаясь*). Нет, пою!..

Степан (*с иронией*). Этот стон у вас песней зовется?
(*Помолчав.*) Посмотри на себя в зеркало!

Роман. А что такое? (*Продолжает брэнчать на гитаре.*)

Степан. На кого ты стал похож? Так похудел и осунулся, будто перенес желтую лихорадку! Что с тобой?

Роман. Ничего особенного! Оставь меня в покое. Ты полнеешь. Я худею. Каждому — свое!

Степан. Какой же это, черт возьми, отдых, если человек худеет!

Роман. Наш отдых давно уже кончился. Мы живем иллюзиями!

Степан. Лично я живу нормально!

Роман. Ты принимаешь желаемое за действительное и занимаешься дурацким самовнушением!

Степан. Это все же лучше, чем заниматься самоедством! Ты сам себя ешь! Что?.. Я не вижу разве?

Роман. Вообще мне все осточертело!

Степан. Что именно?

Роман. Все эти детские игры в робинзонов и все отсюда вытекающее...

Степан (*мрачно*). Бациллы разложения, того и гляди, дадут вспышку опаснейшего из заболеваний, именуемого «рenegатством»!

Роман. Медицина не твой конек, Сундук! Изрек бы лучше что-нибудь насчет космических излучений!

Степан. Первые симптомы болезни уже налицо!

Роман. Пошел к чертям!

Степан (*берет «авоську»*). Удаляюсь за рыбой! Привет бациллоносителям! (*Уходит.*)

Роман берет книгу. Пробует читать. Затем, неожиданно приняв какое-то решение, встает и достает из багажника машины небольшой чемоданчик. Извлекает из него бритвенный прибор и... начинает бриться. За этим делом его застает Владлен.

Владлен. Любешкин! Это свинство!

Роман (*продолжает бриться*). К черту! К дьяволу! (*Бреется.*)

Владлен. Как же так? Нехорошо... Нехорошо, Рома!

Роман. А вот так... Вот так... (*С ожесточением бреется.*)

Владлен (*в нерешительности*). Может, и мне того... А?

Роман. Валяй, брейся! Пусть Сундук лопнет от злости! Педант проклятый! Эгоист бородатый.

Владлен. В самом деле! Хватит! (*Быстро присоединяется к Роману.*)

Роман (*продолжая бриться*). Дураки! Мальчишки! (*Передразнивая Степана.*) «Не пить! Не курить! Газет не читать, не стричься, не бриться — жить здоровой животной жизнью!» Кому это нужно? Люди живут в санаториях, ездят в дома отдыха, едят нормальную пищу, приготовленную нормальными поварами, а мы... Хватит! Поваляли дурака — и довольно! Женщине на глаза в таком виде показаться неудобно, а мы с утра до вечера перед ними в эдаком безобразии... (*Заканчивает бритье.*)

Владлен (*бреется*). Как чужого человека брею! Отвык!

Роман (*неожиданно вспомнив*). Влад! Ты с ней говорил?

Владлен. Говорил.

Роман (*дрогнувшим голосом*). Ну?

Владлен. Все хорошо. К ветеринарам относится положительно. Только вот Артур действительно есть!

Роман. Кто такой?

Владлен. Артист госцирка. Свиреп и своенравен. Она говорит, что от такого можно ждать любой выходки. Ревнив, как зверь. Лев, а не человек!

Роман. Что же мне делать?

Владлен. Я бы на твоём месте пошел в наступление. В конце концов, этот Артур, как я понял, старше ее и потом вообще... Надо попробовать, если тебя только не смущает, что она... милиционер!

Роман. А что тут такого? В конце концов, любой женщине присущи черты милиционера, когда она имеет дело с мужчиной. Сначала она говорит: «Давайте не будем», а потом: «Следуйте за мной!» (*Гладит себя по бритому подбородку.*) Была борода, и нет бороды! Красота!

Владлен (*любуется в зеркало своей бритой физиономией*). Блеск! После этой гигиенической процедуры наши шансы должны повыситься!

Роман. Почему?

Владлен. С бритым мужчиной девушки разговаривают в совсем другой тональности!

Появляются Зоя и Сильва. В приятном недоумении останавливаются. Большая пауза.

(*Поднимаясь и подходя к Сильве.*) Разрешите заново познакомиться! Владлен. (*Показывает на Романа.*) Мой лучший друг — Роман!

Роман (*не отрывая взгляда от Зои, пожимает ей руку*). Мы очень изменились? Правда?

Зоя (*приветливо улыбаясь*). О! Да! (*Роману.*) Надо прямо сказать: без бороды вы гораздо симпатичнее!

Владлен. Правда? А я?

Сильва. И вы тоже. Таким вы мне даже нравитесь!

Владлен (*воодушевленно*). А вы нас возьмете теперь под защиту?

Зоя. От кого?

Владлен. От владельца наших транспортных средств. Боюсь, нам теперь придется выбираться отсюда на вашем «Москвиче»! Он от нас отречется. (*Берет Сильву под руку и, что-то говоря ей, отводит в сторону. Оба скрываются за машиной.*)

Роман и Зоя остаются одни.

Роман (*после паузы, осторожно*). Вы любите животных?

З о я. Обожаю.

Р о м а н. Я тоже.

З о я. Вы, оказывается, ветеринар?

Р о м а н (*с тревогой в голосе*). Да. А что?

З о я. Нет, нет! Ничего. Это очень хорошая специальность. Мой отец тоже был ветеринаром.

Р о м а н (*радостно*). Что вы говорите? Не может этого быть! Вот это новость!

З о я. Я вас уверяю.

Р о м а н. Очень приятно. Я очень рад. Вот и я тоже... пошел по этой линии...

З о я. Это ваше призвание, или вы...

Р о м а н (*поспешно*). Призвание, призвание! Я подавал сразу же на ветеринарный факультет. Я хотел быть именно ветеринаром, а не обыкновенным врачом.

З о я (*заинтересованно*). Почему?

Р о м а н (*простодушно*). Как вам объяснить? (*Подумав.*) Помню, как-то ребята коту соседскому хвост отрубили, а я приставил. Прижился! Мне тогда десять лет было... А потом, знаете ли, с больными животными вообще как-то веселее: боль они хорошо переносят, от лекарства не отказываются, не капризничают, начальству не жалуются... Вот я и стал ветеринаром!

З о я (*смеется*). Не думала я, что вы такой!

Р о м а н. Какой?

З о я. Такой славный. Выходит, что у нас с вами смежные профессии?

Р о м а н (*не понимая*). То есть?

З о я. Я, правда, никого не лечу, а воспитываю и укрощаю, но тоже имею дело с животными.

Р о м а н (*растерянно*). Понимаю... В смысле...

З о я. Ну да! С той только разницей, что мое рабочее место за решеткой.

Р о м а н. Я догадываюсь.

З о я (*искренне*). Да. И я тоже получаю большое удовлетворение от своей профессии.

Р о м а н. Вы меня простите, но я, откровенно говоря, с трудом представляю вас на вашей работе.

З о я. Почему же?

Р о м а н. Как-то не вяжется с вашей внешностью... И вы бывали в серьезных переделках?

З о я. Не раз. Я ведь имею дело не с овцами и не с кроликами...

Роман. Я понимаю... А вам приходилось когда-нибудь применять оружие?

Зоя. Случалось. Входить к ним безоружной страшновато... Когда на меня бросаются — я защищаюсь. Один неосторожный шаг, минутная слабость — и катастрофа! А мои «артисты», как я их называю, клыкасты и злопамятны. И все же я их очень люблю. Каждая встреча с ними для меня и испытание и праздник! Когда я захожу к ним за решетку, то всякий раз испытываю чувство волнения, которое я не имею права им показать.

Роман. Ясно.

Зоя. О! Они хорошо знают мой характер. Они понимают: что бы ни случилось, я сильнее их! И, знаете ли, они платят мне за это благодарностью.

Роман. Совсем как у Макаренко.

Зоя. В какой-то степени... Во всяком случае, элемент воспитания здесь играет основную роль. Главное — терпение, настойчивость и ласка.

Роман. Ласка? В милиции — ласка?

Зоя. При чем здесь милиция? О чем вы говорите? Я ведь работаю в цирке. Укротительницей!

Роман теряет дар речи.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

То же место действия. Тихая, теплая лунная ночь. Звенят цикады. Доносится равномерный шум прибора. На крыше «Москвича» спит Степан. Появляются Сильва и Владлен. Они возвращаются с моря.

Владлен (*продолжая что-то рассказывать*). ...Это аграрная страна, экономика которой в большой мере находится в зависимости от иностранного капитала — США и Англии. Важнейшие позиции в ее хозяйстве...

Сильва. Влад!

Владлен. Что?

Сильва. В этой стране красивые девушки?

Владлен. Девушки?

Сильва. Да. Или вы их не замечали?

Владлен. Вам неинтересно то, что я рассказываю?

Сильва. Очень ценные географические факты. Но меня же интересует другое: ваши живые наблюдения. Вы столько лет пробыли в этой стране...

Владлен (*оправдываясь*). Сильвочка! Я же там не был. Я только собираюсь туда ехать! Когда-нибудь. Вы меня не поняли.

Сильва. А-а-а!

Владлен. Хотите, я вам расскажу про Бельгию или Италию? Там я был. Представьте себе...

Степан (*с «Москвича»*). Представьте себе, что человек лег спать, а его разбудили!

Сильва. Извините, пожалуйста!

Владлен. Кто спит в такую ночь?

Степан. Все нормальные люди!

Владлен (*берет Сильву за руку*). Сильвочка! Посидим еще у моря? Пока луна не зашла.

Сильва (*высвобождая свою руку*). Поздно уже.

Владлен (*с огорчением*). Вы думаете?

Сильва. Полагаю.

Владлен. Наших еще нет.

Сильва. Они сейчас придут.

Владлен. А то посидели бы, пока луна не зашла?..

Сильва. Нет, нет, мне пора!

Владлен (*грустно*). Ну, тогда спокойной ночи!

Сильва. Спокойной ночи! (*Скрывается в палатке.*)

Владлен подходит к «Москвичу». Начинает медленно раздеваться.

Степан (*ворчит*). Бродят по ночам...

Владлен. Не бурчи, Сундук! Хватит!

Степан. Вот именно: хватит!

Владлен (*приглушенным голосом*). Ты злишься потому, что завидуешь!

Степан. Есть чему завидовать!

Владлен. Если бы ты был настоящим товарищем, ты бы сейчас не портил нервы ни себе, ни другим. Я и так на взводе...

Степан (*приподнимаясь на локте*). Конечно! Вы бы гуляли до рассвета, а я бы как верный друг поджидал счастливых влюбленных с чашкой горячего кофе, культура которого играет доминирующую роль в сельском хозяйстве Сальвадора!

Владлен. Неужели нельзя потише?

Степан. Поди ты... (*Накрывается с головой простыней.*)

Владлен. Дикий ты человек!.. (*Вздыхнув, скрывается в машине.*)

Появляются Зоя и Роман. В руках у Романа гитара.

Роман (*продолжая рассказывать*). В войсках византийского императора Константина Великого во время его походов на скифов и сарматов был ветеринаром некий Апсирт. Он написал большое количество статей по вопросам ветеринарии. Именно он и выделил ветеринарию в особую отрасль медицины благодаря ее специфическим особенностям...

Зоя (*неожиданно*). Вы лечили когда-нибудь жирафов?

Роман (*смутившись*). Жирафов? Как-то не приходилось. А что?

Зоя. Нет. Я просто так. Интересно, жираф — и вдруг ангина! (*Смеется.*) Сколько нужно бинтов для компресса на такую шею?!

Роман (*обиженно*). Вы все шутите...

Зоя. У меня сегодня несерьезное настроение, а вы весь вечер лекции читаете!..

Роман (*помолчав*). Вы же сами просили меня...

Зоя. Не будем ссориться из-за жирафа! Хорошо?

Роман. Мир и дружба!

Зоя. А сейчас — спать!

Роман (*с надеждой*). Может, посидим еще у моря, пока луна не зашла? Попоем, а?..

Зоя (*заглядывает в палатку*). Сильва! Ты здесь?

Голос Сильвы. Конечно! Давно!

Зоя (*Роману*). Попоем в другой раз! А теперь — спокойной ночи!

Роман (*грустно*). Спокойной... До завтра!..

Зоя скрывается в палатке. Роман подходит к машине и начинает не спеша раздеваться. Затем осторожно будит Сундукова.

Степан (*проснувшись*). Что? Кто?! Ты? Чего тебе?

Роман (*шепотом*). Сундук... Я должен с тобой посоветоваться...

Степан. Что случилось?

Роман (*тихо*). Я ее люблю. Что делать?

Степан. Слушай! Ты имеешь совесть или нет? Один приходит — будит, другой — будит... Любите себе

на здоровье и не мешайте мне спать! (*Поворачивается спиной к товарищу.*)

Роман. Степа!.. Для меня это вопрос жизни! Ты же знаешь мою ситуацию?

Степан (*поворачивается*). Ты в уме или нет? Ты что, сегодня собрался в загс бежать? До утра подождать не можешь? Честное слово, завтра побреюсь и уеду в Батуми. Оставайтесь здесь вчетвером и делайте что хотите: женитесь, разводитесь, плодитесь, размножайтесь, сходите с ума!..

Роман. Сундук! Ты не прав. Ты должен меня выслушать. Я решил сделать ей предложение! Как ты считаешь?

Степан (*зевая*). Я-то при чем?! Раз решил — делай!

Роман. А вдруг и она откажет? Что тогда?

Степан. Принесешь ей свои извинения — и утопишься!

Роман. Эх, не тонкий ты человек, Сундук!.. Сундук, а не человек... (*Скрывается в машине. Захлопывает за собой дверцу.*)

После небольшой паузы приподнимается полог палатки.

Сильва (*полупрошептом*). Зоя!

Зоя. Что?

Сильва. Слышала?

Зоя. Слышала.

Сильва. Тебе не кажется, что дело зашло слишком далеко?

Зоя. Кажется.

Сильва. Что же делать?

Зоя. Вот я и думаю...

Сильва. Это ты во всем виновата... Со своим планом действий!

Зоя. А что? Пока все идет нормально. Как задумано!

Сильва. Но ведь дальше так продолжаться не может! Это же глупо, в конце концов!

Зоя. Что именно?

Сильва. Ну, все эти бессмысленные прогулки при луне, вздохи у моря, разговоры... Мне надоело! А тебе?

Зоя (*неуверенно*). И мне... В какой-то степени...

Сильва. Так что ж дальше? По-моему, пора... (*Многозначительно.*) Давай — завтра?

Зоя (*не сразу*). Давай...

Сильва (*вздыхнув*). Бедные мальчики!..

Раздается резкий сигнал машины.

Степан (*спросонья*). А? Что?

Сонный голос Владлена (*из машины*). Это я нечаянно!.. Ногой!..

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тот же лагерь туристов, только без палатки и без автомашины девушек. Вторая половина дня. Сцена некоторое время пуста, затем появляются Владлен и Роман. Оба чисто выбриты и в меру элегантно одеты.

Владлен (*во весь голос весело поет*).

Сильва, ты меня не любишь!

Сильва, ты меня погубишь!

Сильва, ты меня с ума сведешь!..

Ля-ля-ля-ля-ля! Ля-ля!

(Видит перемену в лагере, меняется в лице, замолкает.)

Роман (*опешив от неожиданности*). Что это?

Владлен (*обретая дар речи*). Где «Москвич»? А?

(Растерянно озирается.) Роман! Где же машина!

А? *(Ищет машину так, как ищут иголку.)*

Роман (*замечает записку, приколотую к стволу дерева, срывает ее и, запинаясь, начинает читать вслух*). «Милые мальчики! Боязнь оказаться вам в тягость благодаря сложности и противоречивости возникших между нами отношений заставила нас принять непреклонное решение срочно покинуть этот лагерь...» *(Растерянно смотрит на приятеля.)* Уехали! Как же так... *(Продолжает читать.)* «...Мы не удираем, нет! — мы просто меняем свое местопребывание на благословенном черноморском берегу...» *(Упавшим голосом.)* Меняют местопребывание... *(Читает упавшим голосом.)* «...Может быть, вы еще встретите нас на обратном пути, возвращаясь домой. Если же наши пути разошлись навсегда, то не поминайте лихом двух «милиционеров», которые нарушили ваш покой. Будьте счастливы!» «В здоровом теле — здоровый дух!» Подписи. *(Тяжело опускается на раскладной стул. Ножки стула подламываются, и Роман летит на землю.)*

Владлен *(как бы про себя)*. Сильва! Ты меня не любишь...

Роман *(сидя на земле)*. Нет, этого не может быть... Удрали! А?

Владлен. Она не могла так зло подшутить надо мной. Не могла. Может быть, мы их чем-нибудь обидели?.. В чем дело? Мы к ним не приставали, мы честно ухаживали... В чем дело? Все было так культурно...

Роман *(покачиваясь от отчаяния)*. Я вчера объяснился в любви... *(Неожиданно.)* Это ты виноват!

Владлен. Я виноват? В чем?

Роман. Зачем ты убедил меня признаться ей в том, что я ветеринар! Вот результат! Уехала! Даже не попрощавшись!.. Какой же я кретин! Какой же дурак! *(Поднимается с земли.)*

Владлен *(решительно)*. Любешкин!

Роман. Что?

Владлен. Они не могли далеко уехать! Ну, километров пятьдесят! Ну, сто, наконец. Надо их догнать! Мы их догоним! Мы их найдем, Любешкин. Это идея!

Роман. Ты думаешь? Да? Найдем? Догоним? Где мы их найдем?

Владлен. На побережье! Они от нас не уйдут! *(Выхватывает из рук приятеля записку и читает вслух.)* «...Может быть, вы встретите нас на обратном пути...» Сами проговорились, где их искать! На обратном пути! Это, значит, где-нибудь между Гагрой и Туапсе! Направление на Батуми отпадает. Надо нам сейчас же сниматься отсюда и мчаться за ними! Собирай вещи! *(Бросается к машине и начинает непрерывно сигналить.)* Ах, подлость какая! Давай, давай! Собирай кухню!

Роман начинает лихорадочно собирать вещи.

Роман. Какая ложь! Какая фальшь!

Владлен *(продолжая подавать сигналы)*. А еще собирались сегодня идти с нами в санаторий на танцы! А? Собирались! Идти! Сегодня! На танцы! А моя Сильва? Заморочила мне все мозги! Клялась, что она никакая не милиционерша, а актриса кино! Актриса! Теперь я вижу, какая ты актриса! Неплохо они нас разыграли! Как по нотам!..

Роман (*останавливается с посудой в руках*). А эта банальная откровенность! Ха-ха-ха! (*Нервно смеется.*) Когда она узнала, что я ветеринар, она решила состричь! И сострила! Сказала, что она укротительница львов и тигров! Очень подходящая пара: укротительница и ветеринар! Она выступает со львами на арене, а я потом лечу их от переутомления! (*Твердо.*) Ненавижу ложь! Ненавижу женщин! Всех до единой! (*Укладывает посуду в багажник машины.*) Догоню и объяснюсь! Я ей покажу, кто из нас укротитель!

Владлен (*все еще сигналил*). Где же Сундук? Неужели не слышит?

Появляется разъяренный Сундуков. Он по-прежнему небрит и в том же «дикарском» костюме.

Степан (*в бешенстве*). Ироды! Аккумулятор!.. Что? Зачем? Что случилось? (*Ничего не понимая, отталкивает Владлена от машины.*)

Владлен. Да подожди ты! Не дерись! Посмотри лучше!

Степан (*приходя в себя*). Что «посмотри»?

Владлен. Палатка! «Москвич»! Смылись! Вот! (*Протягивает Сундукову записку.*)

По мере того как Степан читает записку, лицо его принимает все более суровое выражение. Он краснеет от гнева. Прочитав записку, комкает ее и зажимает в кулаке. Пауза, во время которой Сундуков мрачно переводит свой взгляд то на одного, то на другого приятеля.

Степан (*глухим голосом*). Что за номера?.. Нашли мальчишек! (*Повышая голос.*) Жили-жили, и вдруг — на тебе! Зря мы тут с ними возились, что ли? Зря вы свои бороды брили?! Зря? — я вас спрашиваю!

Владлен (*робко*). Я решил...

Степан (*не давая приятелю договорить фразу, в каком-то исступлении*). Здесь я решаю! Моя машина. (*Решительно подходит к машине.*) Едем! (*Командует.*) Быстро! Быстро! Свертываемся! (*Начинает сам грузить в багажник вещи.*) В погоню!

Друзья поспешно, как при отступлении, грузят в машину свои пожитки, перекидываясь отдельными междометиями.

Владлен. Все, кажется?

Роман (*осматривается*). Готово!

Степан (*из кабины*). Ничего не забыли?

Владлен. Порядок! Можно ехать!

Сундуков пытается завести машину, но мотор не заводится.

Степан (*вылезает из кабины, зловещим голосом*). Посадили-таки... (*Упавшим голосом.*) Аккумулятор...

Роман. Как же теперь?..

Степан (*рычит*). Ручками будете толкать! Ручками!

Роман. А она заведется?

Владлен. Под горку заведется! А ну, взяли!

Друзья, пытая и напрягаясь, толкают машину до тех пор, пока она не скрывается за сценой. Через некоторое время раздается характерный звук заработавшего мотора. Звук нарастает, затем начинает удаляться и пропадает совсем. С моря доносится шум прибоя и музыка с борта проходящего мимо теплохода. Через некоторое время неожиданно появляются возбужденные Зоя и Сильва. В руках у них вещи, палатка, чемодан... Они с грустным видом осматривают «свои владения».

Зоя. Выкатились!

Сильва. Победа!

Зоя. Теперь уж они сюда не вернутся! По всему берегу будут свое счастье искать, а сюда не вернутся!

Сильва. Как только они нас не заметили? Перед самым носом у нас проскочили! А мы под машиной лежим... Здорово замаскировались!

Зоя (*многозначительно*). Три заповеди, которые должен помнить дрессировщик: настойчивость, терпение и самообладание! Ну а теперь за дело! Разбиваем наш лагерь заново! Сколько дней мы тут с ними потеряли?

Сильва. Полных тринадцать июльских дней!

Зоя. Ничего. Наверстаем. Свое возьмем. Пошли за остальными вещами. А машину пока оставим там, у родника. Надо будет ее помыть...

Девушки уходят, оставив на земле палатку и чемодан. Неожиданно появляется Роман. В полной прострации он перешагивает через чужие вещи и скрывается за деревьями. Затем появляется с керогазом в руках. Тут он замечает лежащую на земле палатку, опускается на колени, трогает палатку, словно не веря своим глазам. Раздаются приближающиеся голоса девушек. Роман быстро залезает под палатку. Замирает под ней. Появляются Сильва и Зоя с вещами. Устало присаживаются.

Сильва (*неожиданно, с надеждой*). Зоя! А ты их адресов не записала?

Зоя (*с наигранным равнодушием*). Еще чего не хватало! Зачем они нам нужны?

Сильва (*тихо и грустно*). Да так... Жалко все-таки... (*Помолчав.*) Скажи, Зойка, честно... только честно скажи...

Зоя. Что тебе сказать?

Сильва. Хотела бы ты когда-нибудь еще встретить Романа? Хотела бы ты его сейчас увидеть? Хотела бы? А?

Зоя. Да. Только это сейчас невозможно!

Раздается тихий стон. Девушки вздрагивают. Из-под палатки выкарабкивается Роман. Прижимая к груди керогаз, он влюбленными глазами смотрит на Зою.

Роман (*замирающим голосом*). Возможно...

Зоя (*берет себя в руки*). Вы?! Как вы здесь очутились? Что случилось?..

Роман. Керогазик забыли!..

Занавес

1956—1960

ПАМЯТНИК СЕБЕ...

*Сатирическая комедия
в трех действиях с эпилогом*

...сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел, от которых житья нет добрым и за которыми не в силах следить никакой закон. На сцену их: пусть видит их весь народ, пусть посмеется им. О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха. Он не отнимает ни жизни, ни имущества у виновного, но он ему силы связывает, и, боясь смеха, человек удержится от того, от чего бы его не удержала никакая сила.

Н. В. Гоголь. Петербургская сцена в 1835—36 гг.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кирилл Спиридонович Почесухин.

Варвара Игнатьевна Почесухина.

Вечеринкин.

Чуркин.

Топтунов.

Секретарша.

Дуняша.

Царский генерал.

Купец.

Старуха.

Парень.

Девушка.

Маляр.

Цыгане, музыканты в ресторане.

Премьера спектакля состоялась в марте 1959 года в Московском театре сатиры.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет собой служебный кабинет, за пребывание в котором управляющий городскими предприятиями коммунального обслуживания Кирилл Спиридонович Почесухин получает зарплату. Зритель видит также часть приемной со столом секретарши, ряд стульев для посетителей и обитую черной клеенкой дверь, ведущую в кабинет.

В момент поднятия занавеса Почесухин находится на своем рабочем месте. Он восседает за столом в кресле с высокой резной спинкой. Напротив него сидит посетитель Чуркин. В приемной возле окна стоит посетитель Топтунов. Он курит, наблюдая, как секретарша, поминутно поправляя одной рукой прическу, безрезультатно пытается дозвониться кому-то по телефону.

Почесухин (*после паузы, Чуркину*). Твоя какая национальность-то?

Чуркин (*утвердительно*). Чуркин я. Разве не видно?

Почесухин. Родственников за границей нет?

Чуркин. А что? Нужно, чтоб были? Есть!

Почесухин (*настороженно*). Как ты сказал?

Чуркин. Есть, говорю. Брат у меня за границей живет.

В советском посольстве шофером работает.

Почесухин (*помолчав*). Ясно, Чуркин! Ясно с этим вопросом. Стало быть, желаешь получить работу по специальности? Ну что ж... Посмотрим... Прикинем... Может, и подберем тебе работенку в нашей системе. Ты ведь, никак, сантехник? И диплом есть?

Чуркин. Сантехник. И диплом есть.

Почесухин. Намечается тут одна возможность...

Чуркин. Какая возможность, товарищ Почесухин?

Почесухин. Ты Новые бани знаешь?

Чуркин. Угол Продольного и Прямого? Знаю.

Почесухин. Руководство мы там менять собираемся.

Ищем подходящую кандидатуру. Второй месяц ищем и никак не подберем... Вот какие пирожки! А директор там — морально разложившаяся личность! Пьяница там директор! С ликеро-водочного

завода на баню его перевели — все равно пьет! А нас жалобы трудящихся одолели. Народ писучий пошел — пишет и пишет... То парилка в бане не работает, то с водой перебой. Опять же вентиляция! Народ в таком тумане моется, что иной гражданин на два шага от своей шайки отойдет, так потом полчаса к ней дорогу ищет! Мыслимое ли дело мыться в таких условиях? Одним словом, будем менять руководство предприятием. Не оправдало оно доверия. Не учитывает возрастающие запросы населения. Не обеспечило этот участок работы, потому и план не выполняется! *(Помолчал.)* Что скажешь, если мы тебя на директора бани рекомендуем? Хватит силенки? Потянешь, а? Как, Чуркин?

Чуркин *(не сразу)*. Я эти бани знаю. Дурная о них слава, это верно... А ведь всего два года, как открыли.

Почесухин. Да-а-а... За два года загадили предприятие! По последнему слову техники мы его отгрохали в подарок нашему любимому, родному городу, и так загадили... *(Сокрушенно качает головой.)*

Чуркин. Вы говорите, по последнему слову техники? А у меня насчет этого свое мнение есть, товарищ Почесухин! Разрешите высказать, раз вопрос зашел?

Почесухин *(настороженно)*. Давай. Высказывай все, что наболело... все, что накипело...

Чуркин. Что есть сердце бани? Котельная! Город у нас газифицирован, газу — хоть отбавляй! А в Новых банях котельная на угле работает! Вот вам и «новая техника»!

Почесухин *(строго)*. Что же ты предлагаешь, Чуркин?

Чуркин. Надо переоборудовать котельную в Новых банях под газовые котлы. Вот это будет соответствовать понятию «новая техника» в современном банном хозяйстве!

Почесухин. Еще что скажешь? Какие еще будут предложения?

Чуркин *(не замечая угрожающих ноток в голосе Почесухина)*. Еще я предлагаю, что при бане надо обязательно открыть детское отделение. Это будет культурно, и родители нам за это только спасибо скажут. Я сам...

Почесухин *(перебивая Чуркина, сухо)*. Какой ты бы-

стрый, Чуркин! Еще не оформился, а уже инициативу проявляешь! Это хорошо, когда человек думает, но ты это чересчур того... Одним словом, погоди! Вот когда заступишь на место, тогда и поговорим... А беседа у нас с тобой пока предварительная. Здесь не я один решаю, сам знаешь порядки... Позвони через недельку, а если что раньше определится, тебя найдут и вызовут. Бывай здоров, Чуркин! Шуруй!

Чуркин. Ну что ж... До свидания, товарищ Почесухин! *(Выходит.)*

Секретарша *(в приемной, Чуркину)*. Договорились?

Чуркин *(неопределенно)*. Поживем — увидим... *(Уходит.)*

Почесухин вызывает звонком секретаршу. Та входит в кабинет.

Почесухин *(нетерпеливо)*. Кладбище! Где кладбище? Сколько можно ждать!

Секретарша. Звоню, Кирилл Спиридонович! Звоню! Там все время занято. Просто висят на телефоне...

Почесухин. Звони! Шуруй! Не слезай с провода!

Секретарша. Я и так шурую!

Почесухин. Давай сюда этого... как его... Топтунова! Пусть заходит!

Секретарша возвращается в приемную. Звонит телефон.

Секретарша *(поднимает трубку)*. Откуда это?.. Кладбище? *(Оживляясь.)* Я к вам названиваю! Мне Вечеринкина! Срочно вызывают к товарищу Почесухину!.. Что?.. К нам выехал? Чего же он так долго! Мы его с десяти утра ждем! *(Кладет трубку.)*

Топтунов. Кого хороните? Кто помер?

Секретарша. Ах, оставьте! Некогда мне с вами разговаривать! *(Поспешно заходит в кабинет Почесухина.)* Кирилл Спиридонович! Кладбище само звонило! Вечеринкин выехал. Сейчас будет!

Почесухин. Как приедет, безочередно ко мне! Ну, где там этот... Топтунов?! Зови!

Секретарша *(отворив дверь в приемную)*. Товарищ Топтунов! Заходите!

Пропустив мимо себя посетителя, секретарша выходит в приемную и садится за свой стол. Почесухин жестом приглашает Топтунова сесть. Тот садится.

- Почесухин (*не сразу, как бы изучая вошедшего*). Ты, Топтунов, давно парикмахерской заведуешь? Когда мы тебя утверждали?
- Топтунов (*помолчав*). Года еще нет.
- Почесухин (*улыбаясь*). Все стрижешь-броешь?
- Топтунов (*с достоинством*). На это у меня мастера есть. Я в кабинете сидю — на мне план!
- Почесухин. Ты в какие бани по субботам ходишь?
- Топтунов. Я в Старых моюсь. Там чище.
- Почесухин. Это ты верно говоришь. В Новых не столько вымоешься, сколько вывоозишься! За два года загадили такое предприятие! С музыкой мы его открывали. Помнишь? Богатейшую люстру в предбаннике вывесили. Видел? А?
- Топтунов (*равнодушно*). Было такое дело.
- Почесухин (*вспомнив*). Да! Зачем это ты свои портреты в витрине выставил?
- Топтунов. Портреты? Какие портреты? А-а-а! Это не мои портреты. Это образец прически «Новинка». (*Показывает на свою прическу.*) Мы новый мужской перманент освоили.
- Почесухин. Освоили, значит... Ну-ну... А что, если мы тебя с парикмахерской на Новые бани пересортируем? Освоишь? Шайку с венником не спутаешь? Потянешь?
- Топтунов. А оклад какой?
- Почесухин. За оклад не беспокойся.
- Топтунов (*пожав плечами*). Тогда можно будет. Потяну. Мне все равно. Я как раз живу поблизости.
- Почесухин. У тебя еще какие вопросы ко мне будут?
- Топтунов (*равнодушно*). А чего спрашивать? Тут мыло и вода, там вода и мыло... Не все ли равно? Назначайте!
- Почесухин. Ясно, Топтунов. С этим вопросом ясно... (*Вспомнив.*) Да! Ты как насчет этого... закладываешь?
- Топтунов (*серьезно*). Я бы ее пил, проклятую, да селезенка не принимает. Свое взяла!.. Пивком баляюсь...
- Почесухин. Пивком — ничего, можно... Ну, у меня все! Так, если ты не возражаешь, мы тебя в порядке

перевода оформим! Это в наших силах! Бывай здоров, Топтунов! Толай!

Топтунов не спеша выходит из кабинета. Почесухин, глядя ему вслед, набирает номер телефона.

Топтунов (*в приемной, секретарше*). Кто у вас померто?

Секретарша. Я не в курсе, товарищ Топтунов! Топтунов. Военная тайна?

Секретарша (*неожиданно*). Вот вы, товарищ Топтунов, посторонними вопросами интересуетесь: кто где помер? А вы бы лучше у себя на производстве порядок навели!

Топтунов. А что такое?

Секретарша. Меня вчера в вашем дамском зале так причесали, что просто стыдно людям на глаза попадаться! Вся прическа развалилась! (*Показывает на прическу.*) Разве это работа дамского мастера, за которую такие деньги берут да еще в руку тебе глядят? Вот что я вам заявляю!

Топтунов. Вы не мне заявляйте! Вы в книгу жалоб заявляйте! А мы разберем и ответим в письменном виде! (*Уходит.*)

Почесухин (*в кабинете, по телефону*). Мое мнение: Топтунов на эту должность больше подходит! Подходящая кандидатура. Диплома нет, зато мужик скромный. Не пьет. Исполнительный. А с этим Чуркиным хлопот не оберешься: разных идей у него много! Фантазер, понимаешь! Да брат за границей. Вот такое впечатление. Готовь Топтунова. Оформлять будем переводом, поскольку он в нашей системе... Бывай здоров! (*Кладет трубку.*)

В приемную входит Вечеринкин. В руках у него потертый портфель. Он не очень опрятно одет. По всему видно, что задержался где-то по делам скорее питейного, нежели служебного характера.

Секретарша (*поднимаясь навстречу вошедшему*). Куда же вы пропали, товарищ Вечеринкин? Я просто обзвонилась вам на кладбище! Все время у вас телефон занят. Такое впечатление создается, что не дай бог!.. Проходите в кабинет. Ждет!

Вечеринкин (*настороженно*). А что случилось? Умер кто?

Секретарша. Не знаю, товарищ Вечеринкин! Я ниче-

го не знаю. Он вам сам все скажет. Мне было приказано вас найти и передать распоряжение. Проходите, проходите в кабинет, а то ему скоро на комиссию ехать!

Пригладив прическу, вздохнув и поправив съехавший набок галстук, Вечеринкин проходит в кабинет. Увидев вошедшего, Почесухин выходит из-за стола и протягивает ему руку.

Почесухин (*добродушно*). Привет гробокопателю!

Вечеринкин (*отвечая на рукопожатие и стараясь при этом дышать в сторону*). За что вы меня так обзываете, Кирилл Спиридонович?

Почесухин (*добродушно*). А чего ты обижаешься? Я тебя не оскорбляю! Я ведь по существу. Поскольку ты при таком деле состоишь, стало быть, ты есть в хорошем смысле гробокопатель. И в коммунальном хозяйстве фигура узаконенная! Обижаться тут нечего! Любого-каждого мы бы на твое место не назначили. Это ты тоже понимать должен. Так что обижаться тебе зачем? А? Зачем обижаться?

Вечеринкин. Я не обижаюсь, Кирилл Спиридонович! Я просто в смысле самого слова «гробокопатель»... А должностью я доволен...

Почесухин садится на диван и приглашает Вечеринкина присесть рядом. Тот присаживается на край дивана.

Почесухин (*помолчав*). Ну, как у тебя дела?

Вечеринкин (*осторожно*). Какие наши дела? Хорошим помаленьку.

Почесухин (*серьезно*). План-то выполняете?

Вечеринкин. Не веселым мы делом заняты, Кирилл Спиридонович, но по мере силы и возможности идем навстречу потребителю, как это говорится, сняв головной убор... Конечно, у людей — горе, а у нас — план, но мы стараемся, чтобы как лучше... А что? Разве есть жалобы?

Почесухин. Пока вроде нет на тебя жалоб, Вечеринкин! Нет. Но будут!

Вечеринкин (*испуганно*). Если что не так, Кирилл Спиридонович, то вы только подскажите, а уж мы...

Почесухин. Не пугайся, не пугайся! Какой ты, ей-богу, пугливый! Дело у меня к тебе есть.

Вечеринкин (*с готовностью*). Потеряли кого из

близких, Кирилл Спиридонович? Если хорошее местечко подобрать — сделаем! Лично прослежу. Останетесь довольны.

Почесухин. Да нет. Никого я не терял. Пока все при мне. А дело у меня к тебе особое. Можно сказать, вопрос в некотором смысле личный. Лично меня касается.

Вечеринкин. Как это понять, Кирилл Спиридонович?

Почесухин. Дело, Вечеринкин, не совсем типичное и касается моей автобиографии.

Вечеринкин. Слушаю вас, Кирилл Спиридонович!

Почесухин (*неожиданно*). Ты что, выпил, что ли?

Вечеринкин (*виновато*). Пришлось, Кирилл Спиридонович! На поминках угостили. Никак невозможно было отказаться, так я для видимости пригубил. Коньячку.

Почесухин. Ну-ну... (*После паузы.*) Ты свое хозяйство хорошо знаешь?

Вечеринкин. В каком смысле?

Почесухин. В смысле памятников. Кто где захоронен...

Вечеринкин. А что именно вас интересует, Кирилл Спиридонович? Хозяйство у меня большое, сами знаете...

Почесухин. Ты мне вот что скажи: есть на твоей печальной территории такой памятник, чтобы на гранитной плите мраморное кресло стояло?

Вечеринкин. Есть такой. Помпезный памятник! Купцу первой гильдии от скорбящей супруги и деток... Это в заповеднике.

Почесухин. Что это за заповедник такой?

Вечеринкин. А это в дальнем углу. Там теперь больше не хоронят. Там все больше старые памятники расположены. Так сказать, вехи минувшего! И этот памятник с креслом тоже там, по-нашему, стало быть, в заповеднике.

Почесухин. А купцу захороненному фамилию помнишь или забыл?

Вечеринкин (*вспомнив*). Фамилия его будет... (*испуганно*) Почесухин ему будет фамилия, Кирилл Спиридонович!

Почесухин. Вот то-то и оно, Вечеринкин, что фамилия ему будет не какая-нибудь, а Почесухин! Моя фамилия! Что говорить, фамилия! Инициалы мои.

Вечеринкин (*оправдываясь*). Так ведь купец-то этот, Кирилл Спиридонович, еще до залпа «Авроры» богу душу отдал! Вы тут совершенно ни при чем, Кирилл Спиридонович!

Почесухин. Я это знаю, Вечеринкин, но ты не маленький, ты должен понимать, что все это мне совершенно ни к чему: и купец, и фамилия, и инициалы! И, главное, я до сих пор ничего не знал, и ты лично никаких сигналов мне не подавал! А мог бы подать! Мог бы!

Вечеринкин (*искренне*). Не придавал значения, Кирилл Спиридонович! Сколько раз мимо этого кресла проходил, и хоть бы раз что в мыслях возникло!

Почесухин. А у моей Варвары Игнатьевны возникло! И еще как возникло-то! Пошла она вчера свою дальнюю родственницу проведать, где-то она там у тебя захоронена, я не знаю... Проведала могилку, а потом решила на выход другим путем пойти. Пошла и заблудилась! Плутала-плутала между памятников, да и вышла как раз на это кресло, о котором речь! Остановилась передохнуть да возьми и прочитай надпись на памятнике! Прочла — чуть ума не лишилась! Шутка сказать, что она там прочитала! «Спи спокойно, неутомимый супруг и отец Почесухин К. С.»! Да еще «купец первой гильдии»! А? Это при живом-то муже.

Вечеринкин (*качая головой*). Надо же...

Почесухин (*продолжая рассказ*). Домой пришла — трясется вся. Насилу мы ее горячим боржомом с медом отпоили! Вот какие пирожки... Ну, мне на разные там бабьи дурные приметы наплевать, а вот на «купец первой гильдии» мне лично не наплевать. Это сословие при моей фамилии и при моих инициалах недействительно! Тем более — когда я занимаю определенное должностное положение и происхожу из мещан. И это подтверждено метрическим свидетельством!

Вечеринкин. Начинаю понимать, Кирилл Спиридонович! Действительно, получается неудобно. При вашей должности — и вдруг такая провокация! Намек, можно сказать.

Почесухин. Теперь понял? Вот я тебя и вызвал в связи с этим памятником. Дело как будто пустяковое, а раздуть его можно. Всякое дело раздуть можно!

Это я по личному опыту знаю. Иди потом доказывай, что ты не купец первой гильдии!

Вечеринкин. Пожалуй, это как раз доказать можно, Кирилл Спиридонович! Тот Почесухин черт знает в каком году захоронен, а наш Почесухин — вот он, на посту и живехонек! Это же доказать можно. И потом — какие сейчас купцы?

Почесухин. Верно, Вечеринкин! Верно! Фактически и документально все в порядке, но сомнение зарождается. А где сомнения, там и выводы! Это уж я тебе ответственно заявляю. Я повседневно занимаюсь кадрами и сам повседневно делаю различные выводы. Уяснил, Вечеринкин, куда я клоню?

Вечеринкин. Силюсь понять, Кирилл Спиридонович!

Почесухин. Я тебе откровенно скажу: меня данный памятник с данной надписью не устраивает! По кладбищу люди ходят. А ну какая-нибудь экскурсия туда, в тот заповедник, нос сунет? А кто-нибудь возьмет да и заведет: «Ах, что это за кресло такое? Ах, кто под ним лежит? Ах, какой же это Почесухин? Знакомая фамилия! А не родственник ли он Кириллу Спиридоновичу? А мы и не знали! Мы думали, он наш! Выходит, он это скрыл при вступлении...» Ну, и так далее и в том же духе... (*Ходит по комнате.*)

Секретарша вносит стакан чаю. Ставит его на стол.

Еще стаканчик!

Секретарша выходит.

Вечеринкин (*трет лоб*). Положительно не учел такой возможности. Не зря люди говорят: «Век живи, век учись — дураком похоронят!»

Почесухин (*продолжая прерванную мысль*). Может быть, этот памятник и век простоял бы — я бы о нем ничего не знал! Но уж поскольку он выплыл, желательно принять какие-то меры. Желательно, Вечеринкин! Вот зачем ты мне нужен.

Вечеринкин (*после большой паузы*). В этом случае есть у меня одна идея, Кирилл Спиридонович! Одна!

Почесухин. Докладывай, коли есть!

Вечеринкин. Что, если этого «купца первой гильдии» в смысле надписи... того... сократить! Три слова,

извините, похерить! А от «скорбящей супруги и деток» и все остальное оставить в неприкосновенности! А три слова — «купец», «первой» и «гильдии» — аккуратноенько сбить и затереть! Есть у меня гранитчик Козюлин, он и сделает!

Почесухин. Что же у нас тогда получится?

Вечеринкин. Получится, что захоронен уже не купец такой-то, а просто ваш однофамилец!

Почесухин (*соображая*). Однофамилец?

Вечеринкин. К. С. Почесухин. Родился тогда-то, умер тогда-то...

Почесухин (*все еще соображая*). Однофамилец, говоришь?

Вечеринкин. Точно. Есть же у нас Петр Петрович Иванов — начальник райотдела — и Петр Петрович Иванов — директор стадиона. Никто не удивляется! И тут то же самое получится. Совпадение!

Почесухин. Ну что ж... Это, я думаю, ничего... Я думаю, это выход, Вечеринкин! Я согласен. Как это ты так быстро додумался? Нет, не зря мы тебя в свое время на директора кладбища выдвинули. Не зря! Головастый ты мужик! Ничего не скажешь! Какое у тебя образование-то?

Вечеринкин. Четыре класса. Незаконченное среднее...

Почесухин. Значит, хорошо учился, если так соображаешь!

Секретарша приносит чай. Ставит стакан на стол перед Вечеринкиным. Выходит.

Вечеринкин (*с подъемом*). Нет, правда, Кирилл Спиридонович! Памятник бесхозный! Могила древняя, никто за ней не следит, плакать на нее не ходит, цветами не убирает. Никто и не заметит, если мы надпись подправим. Само кресло не затронем. А кресло замечательное! В натуральную величину!

Почесухин. А почему, собственно говоря, на могиле и вдруг кресло установлено? Да еще в натуральную, как ты говоришь, величину!

Вечеринкин. Рассказывают, будто купец мебелью торговал. Так вот супруга покойного ему на могилу кресло-то и поставила. Как символ, значит. Ну, и, конечно, не деревянное, а мраморное и сделанное по всей форме дорогим мастером. Денег, конечно, не пожалела! Деревянное давно бы уже сопрело

и развалилось, а мраморное — на века! Поди, шестьдесят лет стоит, а все как новое!

Почесухин. А сколько же могло стоять такое кресло из мрамора?

Вечеринкин. По тому времени, в золотых рублях... Кто его знает, Кирилл Спиридонович! Надо полагать, дорого! *(Неожиданно обращает внимание на кресло, стоящее за столом Почесухина.)* Точь-в-точь такое, как ваше! Только что из розового мрамора с прожилками! *(Разглядывает кресло.)* Ей-богу! Копия! Уж не почесухинского ли производства это ваше кресло, Кирилл Спиридонович? Таковую мебель сейчас не вырабатывают...

Почесухин. Что ж тут удивительного, может, и почесухинского! В исполкоме стол есть, за которым не то какой-то бывший князь, не то граф сидел.

Вечеринкин *(все еще разглядывая кресло).* Конечно, тут удивляться не приходится. В порядке вещей. Да-а... *(С сожалением.)* Только теперь так не хоронят, как раньше хоронили. Кресел надгробных не ставят. Раньше некоторым выдающим, отдельным гражданам на месте захоронения богатейшие памятники воздвигали. Красота! Заглядение! Вы, Кирилл Спиридонович, что-то никогда к нам на кладбище не заглядываете! А надо бы! Есть на что посмотреть! Есть! Музей! Галерея! Экспозиция!

Почесухин *(неопределенно).* Придет время — загляну.

Вечеринкин. Я бы вам такие пустаменты показал, вы бы своим глазам не поверили! К примеру, взять могилу бывшего царского генерала от инфарктерии Дергунова-Злопыхальского. На ней во весь рост бронзовый орел! В клюве лавровый венок держит в сорок два лавровых листа — сам пересчитывал! Страшно смотреть, какая птица. Того гляди, оживет и клюнет! Ей-богу! А на плите надпись стихами: «Генерал наш здесь лежит, честь ему и слава! Из могилы он кричит: «Равнение направо!»

Почесухин *(глубокомысленно).* Такие стихи и сейчас пишут и даже печатают, а вот насчет мрамора, гранита и бронзы теперь строго — излишества!

Вечеринкин. Это когда за счет государства, а когда на свои? Раньше-то все больше на свои сооружали!

Почесухин. Купец — он мог на свои себе любой памятник заказать, а мы с тобой не можем! А на ка-

зенные средства мне лично на могилу и петуха не высекут, хоть всю жизнь кукарекай, хоть пять раз помирай! Вот какие пирожки!..

Вечеринкин (*глубокомысленно*). Это действительно, надо что-то сверхъестественное при жизни совершить, чтобы тебе памятник соорудили. Я уж не говорю, чтобы на площади, в центре внимания, или в виде бронзового бюста по месту рождения, а просто хотя бы на месте захоронения! (*Помолчав.*) Кирилл Спиридонович!

Почесухин (*выходя из глубокого раздумья*). Что такое?

Вечеринкин. Еще одна идея меня озарила. Можно? Почесухин. Шуруй!

Вечеринкин (*деликатно*). Такая у меня сейчас мысль возникла, Кирилл Спиридонович, что, если бы вам... да этот памятник с креслом...

Почесухин. Ну?

Вечеринкин (*решительно*). За собой закрепить!

Почесухин (*опешив*). То есть как это закрепить?

Вечеринкин. Очень просто. Купеческое сословие в виде надписи мы аннулируем как класс! Все остальное — фамилию, инициалы и скорбящие слова — оставляем! И даты рождения и смерти то же самое оставляем!

Почесухин. Ну?

Вечеринкин (*с воодушевлением*). И пусть этот памятник в таком виде стоит пока без особой надобности. А там видно будет.

Почесухин. Что видно-то будет?

Вечеринкин (*деликатно*). А что особенного, Кирилл Спиридонович? Каждому свое время приходит, и нам с вами придет...

Почесухин. Ну, придет. Ну и что?

Вечеринкин (*поспешно*). А вам уже и место готово! И памятник готов! И надпись отредактирована! Останется только твердый знак зачистить и даты переделать. Да за такое место, за такой памятник... Э-э-э! Да что говорить! (*Машет рукой.*)

Почесухин (*не сразу*). Ну, хорошо. Допустим. А при чем тут мраморное кресло? Я ведь мебелью не торгую.

Вечеринкин. То есть как это при чем? Станный вопрос! (*Подходит к столу и кладет руку на спинку*

стоящего за ним кресла.) Сколько часов в день вы в этом кресле просиживаете, Кирилл Спиридонович? Это же ваше рабочее место! И его мраморная копия на месте, извините, вашего будущего захоронения будет, так сказать, напоминать нашей ответственности о том кресле, которое вы оставили здесь! В служебном помещении! И в идейном смысле вполне подходящий символ: мебель!

Почесухин (*в нерешительности*). Ты так думаешь? Вечеринкин. Я так думаю.

Почесухин (*неуверенно*). А в смысле законности? Как же это возможно оформить? Каким путем?

Вечеринкин. Неужели я для вас этого вопроса не решу, Кирилл Спиридонович? Найду графу! Оформим все по закону. Спешим и оценим, а вы заплатите!

Почесухин. А во что же ты его мне оценишь?

Вечеринкин. И за это не беспокойтесь, Кирилл Спиридонович! Что-нибудь для видимости супруга ваша внесет в кассу конторы, мы ей «счет-заказ» выпишем, квитанцию на руки дадим — и памятник ваш! Живите себе на здоровье, ни о чем не думайте, а в случае чего ваше место уже оформлено! А какое место! Место замечательное. С видом на обрыв!

Почесухин (*с интересом*). Смотри, пожалуйста, как ты это все любопытно мне расписал! Действительно, предложение! И все, говоришь, это возможно по закону провести?

Вечеринкин. Ну уж, будьте уверены. Не в первый раз... Соображаем!

Почесухин (*осторожно*). А не скажут, что частная собственность?

Вечеринкин. А какая у покойника может быть частная собственность!

Почесухин (*серьезно*). Знаешь, Вечеринкин, этот вопрос я самостоятельно решить не могу. Надо мне с Варварой Игнатьевной посоветоваться, как она на это посмотрит. А потом и на памятник взглянуть. А то как же это так... за глаза... кота в мешке... А?

Вечеринкин. А вы заезжайте, Кирилл Спиридонович, на кладбище. Ваша ведь епархия! Ждем вас в любое время. Лично провожу, покажу...

Почесухин. А памятник, говоришь, помпозный?

Звонок телефона.

(Снимает трубку.) Собрались?.. Начинайте без меня. *(Вспомнив.)* Да! По первому вопросу подготовьте решение «отказать» за моей подписью! По второму — тоже!.. *(Кладет трубку, затем берет ее вновь и набирает номер телефона.)* Варвара?.. Я говорю!.. К пяти часам я на кладбище подъеду, встречай там у ворот!.. Зачем на кладбище? Будем кресло смотреть!.. Какое, какое... Мраморное! *(Кладет трубку.)*

Вечеринкин. Хотел я, Кирилл Спиридонович, еще один вопрос перед вами поставить...

Почесухин. Что за вопрос?

Вечеринкин. Что, если нам при нашем кладбище кафе-закусочную открыть? С залом для поминок! А то ведь иные прямо на могилах пьют — замусоривают территорию...

Почесухин. Ну, об этом потом, потом... Пошли, Вечеринкин! Поехали!..

Взяв портфель, Кирилл Спиридонович Почесухин направляется к двери. За ним следует Вечеринкин.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Часть старой территории городского кладбища на краю обрыва. Прямо на зрителя — надмогильный памятник с мраморным креслом на черном гранитном постаменте. Он обнесен железной оградой, очевидно только что окрашенной в серебристый цвет. В момент поднятия занавеса памятник обращен к зрителям тыльной стороной. Возле него Почесухина и маляр с крaskой в ведерке и кистью.

Маляр. Принимай работу, хозяйка!

Почесухина. Сколько ж тебе за нее?

Маляр. Как уговорились: на выпивку с закуской!

Почесухина. А закуска какая?

Маляр. Как угощать будете!

Почесухина. Нет, ты мне все-таки скажи... Я твоих appetитов не знаю.

Маляр. Десятку дадите?

Почесухина. Десятку? Да мне за десятку две такие загородки покрасят!

Маляр. А вы материал не считаете? Я за него сам два с полтиной отдал!

Почесухина (*торгуясь*). Ну ладно. Два с полтиной ты за краску отдал, я согласна, пусть будет два с полтиной! А остальное за работу? Где же это такие деньги платят? Мы не купцы какие-нибудь, чтобы такие деньги бросать!

Маляр (*сдаваясь*). Ну а вы как посчитаете?

Почесухина. Пятерку за все! За глаза хватит! (*С намеком.*) Ты материал тоже не покупал, я знаю...

Маляр. Полтинник еще накинуть придется.

Почесухина. Пять с полтиной. Получай! (*Достает деньги, платит.*) Краска-то у тебя хорошая? А то, может, ее первым дождем смое?

Маляр. Не смое. Краска устойчивая.

Почесухина. Смотри, перекрашивать заставлю.

Маляр. Останетесь довольны.

Почесухина. Какая твоя фамилия-то? Где тебя искать в случае чего?

Маляр. Я здесь, при конторе, работаю. Костю спросите. Меня тут все знают.

Почесухина. Погоди, я запишу. А то у меня память слабая. (*Записывает на клочке бумаги. Прячет бумагу в сумочку.*)

Маляр. Если еще что надо будет, я могу подсобить!

Почесухина. Больно ты дорогой!

Маляр (*усмехнувшись*). Не дороже денег. Сговоримся.

Почесухина. Хорошо, надо будет — я тебя найду.

Маляр (*приподнимая затрепанную кепку*). Счастливо оставаться! (*Уходит.*)

Почесухина обходит памятник. Сцена с памятником начинает медленно вращаться до тех пор, пока перед зрителем не возникает фигура Почесухина, восседающего в мраморном кресле с газетой в руках.

Почесухин (*глядя в газету*). Ну кому интересно читать про то, как люди в бане моются? Ну и народ! (*Качает головой.*)

Почесухина (*наклоняясь к клумбе с цветами*). Третьего дня про какую-то пекарню заметку давали. Хлеб у них там, видите ли, сыропеклый и подгорелый! А зачем про это писать? Это и так известно! Лучше бы написали, как в Заячьей слободке студентка от любви безопасной бритвой отравилась. Все-таки больше бы пользы было.

- Почесухин (*в недоумении*). Как это так... отравилась?
Зарезалась!
- Почесухина. Отравилась!
- Почесухин. Зарезалась!
- Почесухина. Говорю тебе — отравилась! Растворила лезвия в уксусе и выпила...
- Почесухин (*помолчав*). Другое дело. Так бы сразу и сказала. Только нельзя про это писать!
- Почесухина. Это почему же?
- Почесухин. Лезвиями торговать перестанут. Чем бриться будем? Вот какие пирожки!..
- Почесухина (*после паузы*). Кирилл Спиридонович, слазь с кресла! Разве можно столько времени на мраморе сидеть? Он же холодный! Ты себе радикулит застудишь! Слазь, я тебе говорю! Слазь!
- Почесухин (*невозмутимо*). Я журнал «Америка» подложил.
- Почесухина. Люди могут увидеть.
- Почесухин. А мне отсюда во все стороны видать! Я всегда слезть успею!
- Почесухина. Слышал, сколько он за покраску запросил? Полдня тут поковырялся — и уже подавай ему десятку!
- Почесухин. Неудивительно: левая работа! Она всегда дороже.
- Почесухина. Надо будет тебе скамеечку тут поставить, чтобы было на чем сидеть!
- Почесухин. И то правда. Была бы скамеечка, я бы на кресло не присаживался. Ты закажи.
- Почесухина. Завтра же закажу этому Косте... Пусть сделает! Хорошо бы сюда анютиных глазок еще высадить!
- Почесухин (*благосклонно*). А ты высади. Высади. Цветы украшают. (*С удовольствием.*) Нет, что и говорить, благоустроенная могила получилась! Пожалуй, второй такой на всем кладбище не сыщешь! Разве что та, генеральская, с бронзовым орлом! (*Смотрит в сторону.*) Она тоже помпозный вид имеет!
- Почесухина (*серьезно*). Твоя красивше! (*Перекрестившись.*) Господи! Что я говорю! Никак я не привыкну, что все это пока только так... во имя будущего...
- Почесухин. Нельзя жить только сегодняшним днем.

Надо смотреть глубже... (С довольным видом оглядывает памятник.) И все правильно, все законно... А это уж наше дело — перевозить памятник с кладбища или на месте оставить. Это уж наше личное дело. На старом месте он никому не мешает и пусть себе стоит, как стоял. До поры до времени.

Почесухина. Что-то сегодня Вечеринкина на кладбище не было? То всегда встречал-проводил, а сегодня его не было.

Почесухин. Не каждый раз нас встречать-проводить! Надо ему хоть в воскресенье дома посидеть, живым делом заняться. (Вздыхнув.) Зачастили мы с тобой на кладбище. Как бы кто чего не подумал.

Почесухина. А и подумает — не большая беда! Городское кладбище тебе подчиняется. Может быть, ты по служебным делам сюда ходишь — проверку делаешь!

Почесухин. Чего тут проверять? Как покойники лежат?

Почесухина. Ну-у... И на мертвом деле живые кормятся.

Почесухин. И все-таки мы не промахнулись, когда это кресло за собой оставили. Молодец Вечеринкин! Что ни говори, а вещь ценная... (Любуется креслом.)

Слышны голоса. Почесухин поспешно слезает с кресла, захватив с собой лежавший на сиденье журнал «Америка». Появляются двое молодых людей — парень и девушка. Они подходят к памятнику. Останавливаются.

Девушка. Смотри, Вася, какой оригинальный памятник! (Обращается к Почесухину.) Скажите, пожалуйста, кто здесь похоронен? Чья это могила?

Почесухин (сдержанно). Там написано! (Показывает на надпись.) Можете прочесть!

Девушка. Интересно, кем он был при жизни? Что означает это кресло?

Почесухин (не зная, что ответить.) Это символ!

Девушка. Символ чего?

Почесухин. Вообще... символ!

Девушка. Не понимаю...

Почесухина. А вам, девушка, нравится этот памятник?

Девушка (пожав плечами). Странный какой-то... Правда, Вася? Кресло почему-то...

Парень. Если бы этому памятнику не было столько лет, я бы мог предположить, что здесь похоронен какой-нибудь бюрократ! Да еще бюрократ с дурным вкусом!

Почесухин (*обидевшись*). Почему именно бюрократ? Знаете что, молодой человек! Не вам судить о вкусе! Молоды очень! Да, да! Что здесь дурного? Вам что, само кресло не нравится? А чем оно вам не нравится? Прощу ответить!

Почесухина (*мужу*). Кирилл Спиридонович! Не связывайся ты, ей-богу!

Парень и девушка с удивлением переглядываются. Молчат.

Почесухин. Может быть, вам больше понравилось бы, чтобы тут стоял деревянный табурет, а не это мраморное кресло?

Парень (*усмехнувшись*). Я бы вообще обошелся без такой дорогостоящей мебели...

Почесухин (*раздраженно*). Значит, вы против мебели! Как это прикажете понять? А на чем же тогда сидеть?

Девушка (*дергает спутника за рукав*). Пойдем, Вася! Не надо...

Парень (*Почесухину, деликатно*). Простите! Очевидно, здесь похоронен кто-нибудь из ваших близких. Мы не хотели вас обидеть!

Почесухин (*неожиданно откровенно*). Если желаете знать, это лично мой памятник!

Девушка (*испуганно*). Вася! Пойдем! Неужели ты не видишь?

Почесухина (*дергая мужа за рукав*). Кирилл Спиридонович! Зачем ты им все объясняешь?

Почесухин (*отстраняя жену*). Отстань! (*Молодым людям*). Да, это мой памятник! Мой! Собственный!

Парень. За что же вам его поставили?

Почесухин (*повышая голос, убежденно*). За... принципиальность! За трудовой стаж! За... за предусмотрительность!

Девушка (*с трудом сдерживая улыбку*). А разве вы уже умерли?

Парень (*девушке*). А ты разве не видишь, Клава?

Почесухина (*ядовито*). Мы еще не умерли!

Почесухин (*неожиданно*). Эх вы! Молодежь! Бугивуги! Шуток не понимаете? А насчет вкусов, так

я вам вот что доложу: посмотрим, что об этом памятнике через сто лет скажут! Вкусы меняются! Парень. Ну что ж... Через сто лет встретимся — поговорим! Всего наилучшего!

Почесухин. Привет!

Парень. Вечная память!

Молодые люди, смеясь, уходят.

Почесухина (*мужу*). Зачем себе нервы трепать? Опять невесть что приснится... Ну подумаешь, памятник ему не понравился!

Почесухин (*закуривает*). Воспитали поколение на свою голову! Всякий прохожий начинает критику наводить, инициативу проявлять! Он бы обошелся без мебели! Хотел бы я на него посмотреть, как бы он без нее обошелся! Общество не может обходиться без мебели! Это, кажется, закон. Диалектика!

Почесухина. А не надо было тебе с ним разговоры заводить! Теперь они бог знает что подумают.

Почесухин. Что они там еще могут подумать?

Почесухина. Что ты не в себе. «Мой памятник!» Какой же он твой, если ты еще фактически и юридически совершенно живой!

Почесухин. Заело меня, вот я и высказался! (*Машет рукой.*) Ладно. Что-то меня разморило.

Почесухина. Это от воздуха. Тут, на кладбище, воздух чистый. Я и то замечать стала, как здесь час-другой проведу, меня ко сну клонить начинает.

Почесухин (*ворчит*). «Обошелся бы без дорогостоящей мебели...» Я, кажется, не кабинет себе оборудую, а... могилу! И не на казенные, а на свои!

Пауза.

Почесухина. Ты сиди отдыхай, а я в контору подойду насчет скамеечки. (*Уходит.*)

Почесухин, прислонившись спиной к памятнику, мечтательно задумывается. Его клонит ко сну. Он засыпает. И снится ему... будто он находится в дореволюционной ресторации, в обществе купца первой гильдии Кондратия Саввича Почесухина. Сидят они вдвоем за столиком под пальмой, возле большого зеркала, и выпивают. У того и другого прическа перманент. В стороне играют музыканты. Музыка то щемит, то веселит душу...

Почесухин (*наклоняясь к купцу*). Ты на меня, Кон-

- дратий Саввич, за памятник не обижаешься? Ты мне прямо скажи: обижаешься или нет?
- Купец. Бога гневить не буду: маленько есть!
- Почесухин (*оправдываясь*). Кондратий Саввич! Ты пойми меня правильно! Правильно пойми! Разве же я хотел тебя обидеть? И в мыслях у меня этого не было! Да ведь памятник значился как бесхозный! Могилка твоя столько лет стояла забытая! А теперь посмотри — и оградка новая, и цветочки высажены... Благоустроенная могилка получилась!
- Купец (*с обидой в голосе*). Зачем ты надпись порушил? Зачем меня сословия лишил?
- Почесухин (*тяжело вздыхает*). Опять двадцать пять, давай за рыбу деньги!.. Я же тебе объяснил, когда за стол сядил... Нет, зря ты на меня обижаешься! Ей-богу, зря!
- Купец (*машет рукой*). Не понял я ничего, что ты мне там объяснял... Ну да ладно! Забирай себе памятник, коли он тебе так нужен, а я себе другой поставлю! (*Чокается.*)
- Почесухин (*довольный*). Ты поставишь, я знаю...
- Купец. И поставлю! (*Пьет.*) Я мужик широкий, и денег у меня много! (*Достает толстый бумажник, показывает его Почесухину.*) Видел? Эва сколько у меня этих самых денег! И еще есть! Столько и полстолько! А мало будет — добавим! (*Прячет бумажник.*)
- Почесухин. На то ты и купец! (*Поднимает рюмку.*) За что пьем? Давай памятник обмоем. Так полагается!
- Чокаются. Пьют.
- Купец. Сколько же ты заплатил за него этому жулику?
- Почесухин. Это какому жулику? Вечеринкину-то? Какой же он жулик? Он член профсоюза... Я сам его на работу рекомендовал.
- Купец. Я бы в приказчики не взял такого: по миру, шельмец, пустит! Все профершпилит! На роже написано: жу-лик!.. Сколько же он слупил с тебя за мой мрамор?
- Почесухин. Я недорого заплатил... Я дорого платить не могу! Я на зарплате сижу. Взятки не беру.
- Купец (*с удивлением.*) Не берешь?

Почесухин. Не беру.

Купец. Видать, я умней тебя: и дать не поскуплюсь, и взять не побрезгую! А ты не берешь?

Почесухин. Не беру!

Купец (*любопытно*). Зарок, что ли, какой дал? Почему не берешь?

Почесухин (*простодушно*). Боюсь я! Страшно! А ну как попадешься? Тогда что?

Купец. Другие берут — не попадаются! А попался — опять дай!

Почесухин. Попадаются, Кондратий Саввич! Еще как попадаются! Ты нашего Гундеева не знал?

Купец (*пытается вспомнить*). Кто такой? Не припомню.

Почесухин. Он в жилотделе на распределении площади сидел.

Купец. На какой, говоришь, площади он сидел?

Почесухин. На жилплощади! Комнатами торговал! Проторговался! На десять лет его за взятки засудили! А ты говоришь — бери! Тут, пожалуй, возьмешь... (*Грустно задумывается.*)

Купец (*морща лоб*). Непонятно ты рассказываешь! Когда, говоришь, его засудили-то?

Почесухин. Весной пятьдесят седьмого!

Купец (*уточняя*). Одна тысяча восемьсот?..

Почесухин. Одна тысяча девятьсот!

Купец. Одна тысяча девятьсот!.. Эва куда хватил! Где же мне его знать, когда я в одна тысяча восемьсот восемьдесят девятом долго жить приказал!

Почесухин (*участливо*). Как же это?

Купец. А вот так. Не надо бы мне после блинов в баню ходить! Наелся я на масляной гречишных блинов и полез париться. Ну и запарился до смерти! Не успел холодной водой окатиться, как из меня весь дух вышел... Выпьем, что ли, за упокой моей души!

Чокаются.

Почесухин (*в недоумении*). Как же ты мог запариться, когда там парилка не работает!

Купец. Про что это ты говоришь, опять не пойму?

Почесухин. Про Новые бани! Второй месяц парилка у них на ремонте. Мы там руководство менять собираемся. Не обеспечивает оно этот участок! (*Со-*

крушенно.) Топтунова я туда назначил. Мужик, думаю, подходящий, спокойный. Идей никаких не высказывает. Опять же биография не вызывает сомнения... Подвел, проклятый! Обманул! Оказался морально неустойчивой личностью! В нетрезвом виде в женском отделении сплясал «барыню»! Пришлось отстранить от занимаемой должности как не оправдавшего доверия... Эх! Не надо было мне воду мутить — с парикмахерской его трогать... Вот какие пирожки! *(Задумывается.)*

Купец *(прислушивается к словам Почесухина)*. Бог тебя знает, что у тебя на уме!.. Давай лучше пропустим еще по маленькой, а там на шампанею перейдем!

Почесухин *(заметно хмелея)*. Кондратий Саввич! Ты меня уважаешь? Только ты мне правду скажи!

Купец *(равнодушно)*. А зачем мне тебя уважать? Я сам по себе, а ты сам по себе! Я на том свете, а ты на этом.

Почесухин *(соглашаясь)*. Это ты правильно сказал... Я на этом... Давай поцелуемся! *(Обнимает купца, целует его в бороду.)* И смех и грех, ей-богу! Ничего не чувствую! *(Смеется.)* Ровным счетом ничего!

Купец. А что ты должен чувствовать? Чай я не баба! Почесухин. Давай еще раз. *(Целует купца.)* Ну ровным счетом ничего не воспринимаю!

Купец. А что ты должен воспринимать через мою бороду?

Почесухин. Как — что? С частным торговым сектором запросто целуюсь — и хоть бы что. Никакого классового самосознания не чувствую! А ты чувствуешь?

Купец *(махнет рукой)*. Вот привязался, как шмель! *(Зовет.)* Чела-эк!

Словно из-под земли, возникает официант. Почесухин с удивлением узнает в нем сантехника Чуркина.

Официант *(купцу)*. Звали?

Купец. Время пришло! Тащи шампанею! Дюжину! Стой! Ведро прихвати, каким из колодца воду черпают!

Почесухин *(дергая за рукав официанта)*. Чуркин! Чего это ты в официанты пошел? Ты ведь сантехник?

Чуркин. Это я временно, Кирилл Спиридонович! Пока

вы на своем месте сидите, мне ведь по специальности не устроиться! А Новые бани мы все равно на газ переведем!

Почесухин (*сердито*). Ну, с этим потом, потом... Мне сейчас некогда. Не видишь, я с народом разговариваю? (*Показывает на купца.*)

Чуркин (*с иронией*). Надо было вам лет на сто раньше родиться — цены бы вам не было!

Купец (*Почесухину*). Чего ты там еще заказываешь?

Почесухин. Куда уж тут заказывать. И так наелся, как дурак на поминках.

Чуркин проваливается как сквозь землю.

Купец (*Почесухину*). Сейчас ты мой каприз увидишь!

Почесухин. Какой каприз?

Купец. Думаешь, зря я ведро заказал?! Это и есть мой каприз! (*Музыкантам.*) Маэстро! Душевную! (*Бросает музыкантам деньги.*)

Музыканты с воодушевлением начинают опять играть. Купец, закрыв глаза, слушает мелодию: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка...» Внезапно, как бывает только во сне, за столом, напротив Почесухина, возникает старый генерал царской армии, в полной парадной форме, при сабле и орденах. Почесухин от неожиданности вздрагивает.

Генерал. Здравия желаю!

Купец (*открыв глаза и увидев генерала*). Ба-а-а! Сосед по Преображенскому!

Генерал (*переводит взгляд на купца*). Вы имеете в виду полк?

Купец. Нет! Кладбище! Мы ведь с вами рядом лежим, на Преображенском! Мое кресло, ваш орел! Не узнали, ваше превосходительство?

Генерал. Запомятовал... Когда я из седла на плацу вылетел, мне память отшибло!

Почесухин (*приходит на помощь генералу, показывая на купца*). Это, так сказать, ваш сосед Кондратий Саввич Почесухин — купец первой гильдии! Родился в тысяча восемьсот двадцать девятом году, умер в тысяча восемьсот восемьдесят девятом! Блинов обьелся! Мраморное кресло на черном граните!

Генерал. А вы, сударь... С кем имею честь?

Почесухин (*робея*). Управляющий предприятиями коммунального обслуживания... Кладбище в некотором роде в моем непосредственном подчинении.

Генерал. Очень приятно. Мечтал познакомиться.
Имею претензии.

Почесухин (*испуганно*). А что такое?

Генерал. Вчера у меня с постамента чуть орла не маханули! А пытались!

Почесухин. Примем меры, товарищ генерал! Дам указание. Лично прослежу.

Генерал. Да уж вы того... извольте!

Купец (*протягивает генералу рюмку*). Ваше превосходительство! За компанию! Не побрезгуйте!

Все чокаются.

Почесухин (*генералу*). Товарищ генерал! За ваше здоровье!

Генерал. Какое может быть здоровье, когда меня жеребец насмерть зашиб! Вечная память! (*Залтом опрокидывает рюмку. Сразу хмелеет.*) Да-а! Милостивые государи и государыни! Бывало! В дни веселье! (*Выхватывает из ножен саблю, размахивает ею, пытается рубить пальму.*)

Купец (*в восторге*). Руби — плачу! Руби, генерал!

Почесухин (*успокаивает генерала*). Товарищ генерал! Не туда рубите! Так нельзя! Это же место общего пользования — торговая точка! Пищевой блок!

Купец. Не тронь его! Пусть рубит! Пусть щепки летят! Мне нравится! Пусть воюет!

Генерал неожиданно успокаивается и затихает, как ягненок. Почесухин вставляет ему саблю в ножны. Внезапно, как и в первый раз, будто из-под земли возникает новый офицант. Почесухин с изумлением узнает в нем уже не Чуркина, а Топтунова. В одной руке у Топтунова поднос с бутылками шампанского, в другой — эмалированное ведро.

(*Оживляясь, командует.*) Шампанею открыть! Ведро на пол! Три бутылки на стол! Остальное — сюда! (*Показывает на ведро.*)

Генерал (*приходит в движение*). Равнение на-пра-вво! (*Затихает.*)

Купец. Лей — не жалей! (*Помогает выливать шампанское в ведро.*)

Почесухин (*дергая Топтунова за рукав, тихо*). Это ты, Топтунов? Из бани, значит, сюда? А где же Чуркин?

Топтунов. Уволился. По собственному желанию-с. Не сработался с начальством.

Почесухин. Что так?

Топтунов. Предложил кухню под газ переоборудовать! Фантазер-с!

Почесухин. Ну-ну...

Купец. Лей — не жалей!

Почесухин (*глядя, как ведро наполняется шампанским*). Кондратий Саввич! Зачем такой продукт портить?

Купец (*весело*). Кони тоже пить хотят! (*Топтунову*.) Кучеру — столичной, лошадям — шампанского! За наше здоровье! Резвей будут! Гулять так гулять!

Почесухин трет себе лоб. Мучительно что-то соображает. Купец протягивает ему бокал. Топтунов исчезает.

Пей, тоска пройдет! Видишь, что я себе позволяю!

Почесухин. Вижу... Никогда еще так не гулял!

Купец (*с сожалением*). А что ты вообще видел-то? Революцию? А зачем она тебе? Я же вижу, что лично тебе она была ни к чему!

Почесухин (*растерянно*). То есть почему же?.. А семинары?.. Что же тогда проходить?..

Купец. Семинария? Уж не пономарь ли ты, как я на тебя погляжу? Ты мне лучше ответь: чего ты для своей пользы добился? Какая, к примеру, у тебя личная собственность?

Почесухин (*растерянно*). Спальный гарнитур... Теперь вот... памятник...

Купец. А что ты себе можешь позволить? Я тебя спрашиваю! Что? Унизить человека — рожу ему горчицей намазать — можешь? Ни-ни! Зеркала в кабаке побить — погром учинить — можешь? Не можешь? Какие твои функции?

Почесухин (*оправдываясь*). Согласовать... Отказать... Принять меры... А что еще? Мне больше ничего не надо.

Купец (*грозит пальцем*). Врешь ведь! Врешь! Думаешь, если я уже помер, так я тебя насквозь не вижу? Вижу, голуба ты моя! Как на рентгене вижу!

Почесухин (*испуганно*). Что же ты там видишь?

Купец. А тебе так сразу все и скажи! Ишь ты какой! Ты потерпи, помучайся!

Почесухин. Неужто ты меня раскусил? Неужто?!

Купец (*неожиданно, оборачиваясь*). Цыгане! Где цыгане? Где табор?

На месте музыкантов возникает хор цыган. Они поют таборную песню. Идет пляска. С бубном в руках пляшет молодая цыганка. Почесухин с удивлением узнает в ней свою секретаршу. Она пляшет и подмигивает недвусмысленно Кириллу Спиридоновичу.

Генерал (*приходит в движение*). Марш вперед! Труба зовет! Черные гуса-ары!..

Купец (*бросает цыганам деньги*). Давай, давай! Давай, давай! Еще раз! Еще много, много раз! (*Почесухину.*) Что?! Нравится?!

Почесухин (*растроганно обнимает купца*). Ваше степенство! Кондратий Саввич! Золото ты мое! Понял ты мою душу! Никто ведь не понимает, а ты разобрался! Умница ты моя! Вот за что я тебя люблю и уважаю! Пей! Пей — плачу! Вот она, настоящая житуха: и вино, и бабы, и никакой тебе ответственности!

Купец отпихивает от себя Почесухина, тот хватается бутылку и швыряет ее в зеркало. Звон битого стекла. Генерал падает под стол. Темнота. Мертвая тишина. Почесухин просыпается. Перед ним стоит Варвара Игнатьевна.

Голова трещит! Всего двести грамм перцовки утром выпил, а так нехорошо заснул... И приснится же такое! (*Качает головой.*) С царским генералом и с купцом в ресторане гулял. Цыган слушал... Бутылкой зеркало разбил... Купец из меня душу выматывал, наизнанку меня выворачивал... И так все натурально приснилось, как в кино.

Почесухина. Надо бы тебе к доктору сходить. Провериться. Пусть тебя психопат посмотрит, оскорбительную кислоту пропишет. Нервы у тебя не в порядке. Безыдейные тебе сны сниться стали. Никогда этого не было.

Почесухин (*сердится*). Что, я их себе заказываю? Я их в бессознательном состоянии смотрю!

Слышны приближающиеся голоса. Появляются знакомый нам маляр и старуха лет восьмидесяти с черном зонтом в руках.

Маляр (*старухе*). Если вы, бабушка, про этот памятник спрашивали, то вот он самый! Другого такого,

чтобы с креслом, у нас тут нет... (Почесухиным.)
Вашим памятникком интересуются! (Старухе.) Вот
они вам, бабушка, тут все расскажут. (Хочет
идти.)

Почесухина задерживает его. Подводит к ограде и что-то
объясняет.

М а л я р (понимающе кивает головой.) Сделаем. У меня
как раз есть подходящая! (Уходит.)

Старуха обходит вокруг памятника.

П о ч е с у х и н. Простите, гражданка! Что вы ходите во-
круг да около? Кто вы такая?

С т а р у х а (присматривается к Почесухину.) Да ты сам-
то кто такой? Что-то я тебя не узнаю!

П о ч е с у х и н. Мы Почесухины.

С т а р у х а. Вижу, что Почесухины! Вижу! Да только ка-
кие же вы Почесухины, я не пойму?!

П о ч е с у х и н. Я в некотором смысле управляющий го-
родскими предприятиями коммунального обслужи-
вания. А в чем дело?

С т а р у х а (обходит памятник вокруг). Господи! Я-то
сюда за тещу верст ехала, думала, что тут все
в полном разорении, все бурьяном заросло... А при-
ехала... (Подходит к Почесухину. Смотрит ему
в лицо.) Господи боже мой! Уж не покойного ли
Антоня сын? Как тебя по батюшке-то?

П о ч е с у х и н а. Его Спиридонович по батюшке!

С т а р у х а. Не было в нашем роду Спиридонов. (Вспо-
минает.) Фома был, Артем был, Антон Почесухин
был — бакалею в Самаре держал. А вот Спиридона
я что-то не припомню...

П о ч е с у х и н. При чем тут Фомы и Артемы, я не пони-
маю! Какая бакалея? Какое это ко мне имеет отно-
шение? В чем дело?

С т а р у х а. Милый ты мой! Так ведь я сама-то кто? По-
чесухина я! Анфиса Кондратьевна! Покойного Кон-
дратия Саввича дочь!

П о ч е с у х и н. Какого еще Кондратия Саввича?

С т а р у х а. Купца первой гильдии, что под сим камнем
лежит, царство ему небесное! (Крестится.) Всю
советскую власть я на папенькиной могилке не бы-
ла. Господи, прости меня, грешную! Сорок лет сю-
да добиралась, все деньги на дорогу копила. А нын-

че на лотерейный билет мотороллер выиграла. Да на что мне этот мотороллер? Я его целиком деньгами забрала! Получила деньги и поехала, в Доме колхозников переночевала, сегодня вот на могилку пришла. Не ждала, не гадала, что и памятник на месте, и сродственник нашелся! Кем же ты мне доводишься? Ведь, никак, я твоя тетка?

Почесухин. Никакая вы мне не тетка! Никакого отношения я к вам не имею! Я вам никак не прихожусь. Я сам по себе!

Старуха (*настойчиво*). Как же это ты сам по себе, если ты к нашей могилке уважение имеешь?

Почесухин. Откуда вы взяли? Может, это вовсе не я! Я вам этого не говорю!

Старуха. Люди сказывали! «Не беспокойся, говорят, бабушка! За вашей могилкой Почесухины приглядывают. Новую оградку поставили. Цветы высадили». Какие же, думаю, Почесухины? Вроде в этом городе никого из нашего купеческого рода не осталось. А кто когда и был, так всех ветром развеяло... Из каких же ты, батюшка, Почесухиных?!

Почесухина. Не приставайте к мужу моему! Мы не купцы! Мы мещане!

Почесухин. Мещане! Ясно? Что вы к нам привязались?

Старуха. Так ведь и мы из мещан вышли, а уж потом купцами-то стали! Не сразу Москва строилась... (*Обращает внимание на исправленную надпись на памятнике.*) Господи! Куда же слова делись? Как сейчас помню, папенькин титул в надписи стоял! (*Быстро достает из сумочки старую фотографию и смотрит на нее.*) Вот и на фотографии тоже: «...купец первой гильдии». (*Смотрит на памятник.*) А тут нет! Куда же она делась? (*Протягивает Почесухину фотографию.*)

Почесухин (*отстраняет фотографию*). Что вы тут агитацию разводите? Мало ли что...

Раздаются голоса. Появляются Чуркин и Вечеринкин. У Вечеринкина крайне растерянный вид. Они подходят к памятнику. Вечеринкин старается не смотреть в сторону Почесухиных. Те удивлены.

Чуркин (*вежливо*). Добрый день, товарищ Почесухин!
Почесухин (*сдержанно*). А-а, это ты, Чуркин? Привет!

Чуркин *(как бы между прочим)*. Так и не дождался я вашего вызова. Пришлось на другую работу устроиться...

Почесухин. Устроился! В официанты, что ли?

Чуркин. Да нет, не в официанты...

Старуха все еще охает возле памятника, сличая его с фотографией.

Вечеринкин *(Чуркину)*. Вот он, памятник.

Чуркин. Так, так... *(Заглядывая в записную книжку.)*

Счет-заказ номер сто сорок шесть дробь восемьдесят восемь от четвертого мая. *(Почесухину.)* Вы, Кирилл Спиридонович, за этот мрамор в кассу конторы платили или лично гражданину Вечеринкину?

Почесухина *(поспешно)*. В кассу, в кассу мы платили! У меня квитанция есть. Могу показать! *(Роется в сумочке.)*

Чуркин *(Почесухину)*. И зачем же вам это кресло понадобилось? *(Улыбается.)* У вас ведь в кабинете уже есть одно. Или это попрочней будет?

Старуха *(неожиданно, Чуркину)*. Гражданин начальник! Папенька мой покойный, Кондратий Саввич Почесухин, в купеческом сословии состоял. На памятнике надпись выбита была, а теперь надписи нет! Как же это возможно? Вы прикажите, чтобы надпись...

Чуркин. Как вы сказали? Ах, надпись? *(Разглядывает надпись на памятнике.)* Восстановим, бабушка! Восстановим! Что касается могил, то мы на них любое сословие восстановить можем — и дворянское и купеческое! Это нам не мешает! *(Вечеринкину.)* А теперь покажите мне ту надгробную плиту с могилы протоиерея Мефодия, которую вы перепродали гражданке Суховой. Двадцать первый участок! Так, кажется? Пойдемте!

Вечеринкин *(оправдываясь)*. Плита эта, изволите ли видеть, находилась в самом плачевном состоянии, так что мы ее согласно договоренности...

Чуркин *(договаривает)*. ...пустили налево! Ясно!

Почесухины в растерянности переглядываются. Чуркин и Вечеринкин скрываются за могилами. Вечеринкин успевает бросить печальный взгляд Почесухину.

Почесухин *(упавшим голосом)*. Вот какие пирожки!..

Старуха (*Почесухину, грозно*). Чужало сердце, что папенька мой в гробу шевелится! Чужало!.. Не зря мне счастье подвалило! Кабы я сюда не приехала, пропало бы наше фамильное кресло! (*Грозит зонтом.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая в квартире Почесухиных. В момент поднятия занавеса на сцене находятся Почесухина и Вечеринкин. Последний сидит на краешке стула, возле кадки с фикусом.

Почесухина. Все-таки здорово вы нас подвели, товарищ Вечеринкин! Кабы не вы...

Вечеринкин. Нет уж, совсем наоборот, кабы не вы, Варвара Игнатьевна! Ведь это через вас Кирилл Спиридонович о кресле узнал. А как узнал, так меня в управление вызвал на предмет ликвидации надписи. От этого все и заварилось!

Почесухина. Так все хорошо было — и вдруг нá тебе!

Вечеринкин. Да-а-а... Кабы знать... кабы знать!
(*Вздыхает.*)

Почесухина. Как теперь жить? Как жить — ума не приложу!

Вечеринкин (*грустно усмехнувшись*). На прощение вряд ли можно рассчитывать. Лично меня уже третий раз вызывают. (*Деликатно.*) Вам еще повестки не было?

Почесухина (*с возмущением*). Какие могут быть нам повестки? За что?

Вечеринкин. По свидетельской линии...

Почесухина. Этого еще не хватало, чтобы Кириллу Спиридоновичу теперь еще по судам ходить! Ему и без того тошнехонько! В городе только и разговору что про нас да про это кресло проклятое! Кирилл Спиридонович пятый день дома сидит, людям на глаза не показывается.

Вечеринкин. Да-а-а... Надо же было случиться, чтобы вашему супругу в таком изложении в газету попасть! В местный орган партийной печати! Да еще в раздел сатиры!

Почесухина. Опозорили! Опозорили нас перед лицом всей общественности! Никогда не думала, что

наш Кирилл Спиридонович мешает ихнему движению вперед!.. Не думала...

Вечеринкин. Посмеются и забудут. Варвара Игнатьевна. Всё забудут! И статью в газете, и памятник...
А моя статья еще впереди!

Почесухина (*не поняв*). Какая статья?

Вечеринкин. Какую подберут... (*Вздыхает.*) Я от нечего делать полистал ихний кодекс. Выбор у них там большой... (*Задумывается.*)

Почесухина (*помолчав*). Вы, товарищ Вечеринкин, лучше бы завтра с утра к нам зашли. Кирилл Спиридонович сейчас занят. И он не в себе! Я вас предупреждаю.

Вечеринкин. Меня завтра с утра опять вызывают. Так я бы хотел с Кирилл Спиридоновичем предварительно обговорить...

Из смежной комнаты появляется Почесухин. Он в полосатой пижаме. В руках у него несколько листов писчей бумаги.

Почесухин (*жене*). Варвара! (*Видит Вечеринкина.*)
Ко мне?

Вечеринкин (*притоднимаясь*). К вам, Кирилл Спиридонович!

Почесухин (*жене*). Варвара! Налей мне гриба!

Почесухина наливает мужу стакан чайного гриба из банки, стоящей на подоконнике.

(*Пьет, морщится.*) Вы бы хоть сахару в него добавили. Чистый укус.

Почесухина. Перестоял. У нас ведь, кроме тебя, никто его не пьет.

Почесухин. Добавьте сахару! Или меду.

Почесухина. Хорошо. Скажу Дуняше, добавит.

Почесухин (*насупившись, Вечеринкину*). Чем еще порадуешь? Зачем пришел?

Вечеринкин. Потолковать хотел...

Почесухин. О чем нам с тобой толковать? О чем?

Вечеринкин. Меня завтра с утра пораньше опять вызывают... (*После паузы.*) В отдел борьбы с хищениями...

Почесухин. Я ничего не хитил!

Вечеринкин (*осторожно*). Ведь и о вас разговор зайти может, Кирилл Спиридонович... Не исключено...

Почесухин. Ты с кем там дело-то имеешь? Кто вызывает?

Вечеринкин. Чуркин.

Почесухин. Тьфу ты пропасть! Надо было мне его тогда директором бани назначить! Сидел бы он сейчас при шайках...

Вечеринкин (*усмехнувшись*). Он и сейчас при шайках...

Почесухин. Как это понять?

Вечеринкин. «Я, говорит, всю вашу шайку разоблачу и на чистую воду выведу!» А какая же тут шайка, когда нас всего трое: я, Козюлин-гранитчик да бухгалтер...

Почесухин (*жене*). Выйди, Варвара!

Почесухина молча выходит.

Вечеринкин (*продолжает*). Вы, Кирилл Спиридонович, по нашему делу только как свидетель проходите, вам-то ничего не будет. Ну, купили памятник, ну, и возвратили его обратно наследникам... А у нас-то злоупотребления!

Почесухин (*гневно*). А зачем воровали? Зачем спекулировали? И меня в это дело косвенно втянули! Косвенно! Подсунули креслице! (*Передразнивая Вечеринкина.*) «Памятник бесхозный. Оформим все по закону. Квитанцию выпишем...» Оформили! Выписали!

Вечеринкин. Кирилл Спиридонович! Мое дело маленькое: я вам подчиняюсь. Тут ведь и так повернуть можно!

Почесухин. В каком же это смысле?

Вечеринкин. В смысле вашего памятника. Вы для меня непосредственное начальство. Вы приказали списать памятник — я списал. Захотели памятник на себя оформить — я оформил. Так что смотря по тому, как на следствии показать. Нам, Кирилл Спиридонович, договориться надо, чтобы уж потом в одну дуду...

Почесухин. У тебя, Вечеринкин, совесть есть?

Вечеринкин. А мне ведь от вас много не надо, Кирилл Спиридонович! При чем тут совесть? Только и надо, чтобы вы мне на бланке задним числом хорошую характеристику для суда подписали. А уж там я сам соображу... по ходу действия. (*Достает*

из портфеля чистый бланк и кладет его перед Почесухиным. Рядом с бланком кладет вечную ручку. Отходит.)

Большая пауза.

Почесухин (*не сразу*). А что я про тебя плохого сказать могу? Личное дело твое я знаю: я тебя сам выдвигал. А если они в том ядовитом фельетоне пишут, будто я у себя под носом жуликов пригрел, так откуда же я мог знать, что ты жулик? Если бы у тебя в анкете было написано, что ты жулик, — тогда другое дело! Тогда спрашивайте. А там и графы такой нет! Откуда я мог знать, что ты кладбищенские плиты с могилы на могилу перетаскиваешь, могильной чугуниной торгуешь? Откуда я мог знать? Ты мне про это разве докладывал?

Вечеринкин. Помилуй бог! Зачем же?

Почесухин (*убежденно*). Стало быть, плохой характеристики я тебе дать не могу. (*Помолчав.*) Дам хорошую. А с креслом ты меня подвел. Ой как подвел! (*Пишет на бланке.*)

Вечеринкин. Кирилл Спиридонович...

Почесухин. Молчи!

Вечеринкин. Молчу.

Почесухин. Я бы лично никогда до этого не додумался, чтобы его за собой закрепить! Ты подсказал! Ты! И я пошел на это, закрепил его за собой... И выходит, что абсолютно зря! Не надо было мне этого делать!

Вечеринкин (*про себя*). Старуха еще объявилась... Только масла в огонь подлила.

Почесухин. И старуха тоже. Сорок лет в нашем городе не была — и вдруг как снег на голову!

Вечеринкин. До чего же вредная бабка, я вам доложу! И могилка у нее сейчас в порядке, и надпись ей восстановили, и оградку вокруг памятника покрасили, а ей все мало! «Я, говорит, суда дождусь и на суде еще выступлю! Мне, говорит, сейчас все равно, где жить. Мне, говорит, даже лучше доживать остаток жизни в бывшем родном городе, где папенька захоронен: может, и мне рядом с ним местечко найдется!» Вот какая нахальная бывшая старуха!

Почесухин (*перестает писать*). Из головы у меня фельетон не выходит. Заглавие-то какое придумали: «Памятник себе...» — и многоточие! Пятую ночь мне кошмары снятся. Будто купец сперва меня душил, а потом смеется! Посмеется, посмеется и опять душил... Я вчера под вечер на бульвар вышел. Воздухом подышать... Прохожие узнают — оборачиваются, тоже смеются...

За окном раздается детский смех.

(*Вздрагивает.*) Вот! Слышал? Смеются! Опять!
(*Зовет.*) Варвара!

Появляется Почесухина.

Варвара! Выйди во двор, узнай, кто там смеется.
Почесухина. Тебе-то что до этого? Пусть себе смеются.

Почесухин (*повышая голос*). Узнай, говорю! Узнай!

Почесухина, покачав головой и скорбно взглянув на Вечеринкина, выходит.

Вечеринкин. Все забывается, Кирилл Спиридонович!
И фельетон забудется. Мало ли кого в газетах продергивают! Вот сегодня тоже карикатуру дали.

Почесухин (*настороженно*). Какую карикатуру?

Вечеринкин. Против пьянства. Пьяного на карачках изобразили, а от него на стене тень вроде свиньи.
А зачем это?

Почесухин. Действительно! Сами же пишем, что наша область по свиноводству на первое место выходит. Зачем же свинью в виде тени?

Вечеринкин. Вот и я говорю.

Возвращается Почесухина.

Почесухин. Ну, что там?

Почесухина. Ребята коту на хвост жестянку привязали.

Почесухин. А что тут смешного?

Почесухина (*пожав плечами*). Дети...

За окном раздается женский смех.

Почесухин (*нервно прислушивается*). А эти чего? Что они там смешного увидели? Выйди узнай!

Почесухина. Кирилл Спиридонович! Ну что ты сам себя ешь? Мало ли отчего людям весело бывает, вот они и смеются!

Смех повторяется.

Почесухин (*настойчиво*). Пойди узнай, Варвара! Трудно тебе? Муж просит! Муж! Не кто-нибудь!

Почесухина выходит.

Вечеринкин. Вам бы, Кирилл Спиридонович, сейчас хорошей настоечки выпить. Для успокоения. Грамм сто пятьдесят. А то и все двести...

Почесухин. Твоя правда, Вечеринкин!

Вечеринкин. У меня на душе тоже темнота. И сердце прихватывать начинает. Вчера так прихватило...

Почесухин. А у меня, брат, брюхо болит! Пятые сутки болит!

Вечеринкин. Все от нервов. Ясное дело... (*С интересом следит за Почесухиным, который достает из буфета две рюмочки и графинчик настойки.*)

Возвращается Почесухина.

Почесухин. Ну?

Почесухина. Девушки шли. Нынче в парке молодежное гулянье. Вот им и весело, вот они и смеются.

Почесухин (*подозрительно*). Так ли?

Почесухина. Правду говорю.

Почесухин (*протягивая Вечеринкину полную рюмку*). Все мне кажется, что это надо мной народ смеется. Ну что ты будешь делать? Хоть кричи, хоть плачь! Хоть стой, хоть падай!

Вечеринкин. За ваше здоровье, Кирилл Спиридонович! Чтобы не мерещилось! (*Привычным жестом опрокидывает рюмку.*)

Почесухин (*жене*). Куда Дуняша-то пропала?

Почесухина. Она должна была еще на рынок забежать, мяса прикупить.

Почесухин. И все бы ничего, да главное, главное еще все впереди. (*Показывает на листки писчей бумаги, лежащие на столе.*) Вот... объяснение пишу... Все как-то не так... Вместо чистосердечного раскаяния получается какой-то авансовый отчет... Придется переписывать...

Вечеринкин. А вы, Кирилл Спиридонович, адвоката себе наймите. Он за вас любое раскаяние напишет. Они себе руку набили. У них это здорово получается.

Почесухин. Сам не справлюсь — приглашу. Пусть мои мысли обрабатывает.

Появляется Дуныша.

(Дуныше.) Заплатила?

Дуныша. У меня не приняли...

Почесухин. Как это не приняли! Ты им сказала, что я приболел?

Дуныша. Как вы велели, так точно я и сказала...

Почесухин (сердится). Повтори, как ты им сказала!

Дуныша (повторяет). «Товарищ Почесухин приболел, прислал взносы. Хочет погасить задолженность за два месяца!»

Почесухин. Ну? А они что?

Дуныша. А они говорят: «Пока ваш хозяин еще не лег под чужой памятник, пускай сам зайдет, сам заплатит и сам распишется!» (Кладет на стол деньги.)

Почесухин (прячет деньги в карман). Вот... (Усмехнувшись.) Живой труп! (Дуныше.) Небось тоже смеялись?

Дуныша (серьезно). Да нет... Какой уж тут смех!.. (Направляется к двери.)

Почесухина. Дуныша! Гриба подсласти, сахару в него добавь, а то Кириллу Спиридоновичу пить кисло! (Уходит.)

Дуныша, молча взяв банку с грибом, выходит из комнаты. За окном раздаются голоса, затем взрыв смеха.

Вечеринкин. Кому смешно, а кому грустно...

Почесухин (в испуге кричит). Варвара! Дуныша!

Одновременно появляются обе.

Закройте ставни! Ставни закройте! Опять смеются! Нарочно мимо наших окон ходят!..

Почесухина (пугаясь). Кирилл Спиридонович! Успокойся! Пожалей себя! Ты еще будешь нужен!

С улицы все еще доносится веселый смех.

Почесухин (*кричит*). Вывели человека на осмеяние!
Вывели! И, кажется, довели! Кому жаловаться?!

Почесухина и Дуняша поспешно закрывают ставни. В комнату неожиданно входит секретарша. В руках у нее какой-то документ.

Секретарша. Разрешите, Кирилл Спиридонович?

Почесухин (*сердито*). Я гриппую! Гриппую! У меня вирус!

Секретарша. Из области!

Почесухин. Что такое? (*Надевает очки и читает протянутую секретаршей бумагу.*)

Большая пауза. Все смотрят на Почесухина. Прочитав бумагу, Почесухин медленно снимает очки и прячет их в карман.

Почесухина (*робко*). Кирилл Спиридонович! Если не секрет...

Почесухин (*солидно*). Я награжден значком отличника коммунального хозяйства!

Большая пауза.

Вечеринкин (*нарушив молчание, глубокомысленно*).
Значит, до области еще не дошло!..

Все смеются. Почесухин быстро подписывает Вечеринкину характеристику. За окнами слышны сирены и звон колоколов на пожарных машинах. Все бросаются к окну. Почесухина распахивает ставни.

Почесухин. Где-то горит!

Вечеринкин. Это в районе ликеро-водочного... Говорят, у них там большое хищение обнаружено...

Почесухин. Здорово полыхает!

Почесухина. Господи!

Вечеринкин (*грустно*). На кладбищах пожаров не бывает... а люди горят...

Вбегает Дуняша.

Все (*хором*). Что?.. Где?..

Дуняша. Новые бани горят! Никак не потушат — воды нет! Все пылает! Заведующего, пьяного, через окно за ноги вытащили... (*Быстро выбегает.*)

Почесухин (*в смятении*). Новые бани?! Топтунов! Вот подвел!! Подвел «отличника»! Не оправдал доверие!!! Что теперь народ скажет?! Скажет: «Поче-

сухин проглядел!» Оять Почесухина в газету! В басню! В карикатуру! Мартышку из меня делают!.. *(Хватается за голову.)* А в предбаннике! В предбаннике-то?.. Одна люстра чего стоит! *(Оборачиваясь.)* Что вы на меня все вылупились? Это не бани горят, это я горю! И тушить некому! *(Передохнув.)* А ты, Вечеринкин, зачем такой спокойный? Тебя же судить будут! Или нет?!

За окном разгорается зарево пожара. Вечеринкин с невозможным видом достает подписанную Почесухиным характеристику и читает из нее выдержки.

Вечеринкин *(читает)*. «...Трудолюбив... Морально устойчив... Предан делу коммунального хозяйства...» *(Складывает бумагу. Не спеша уходит.)*
Почесухин *(в смятении)*. А мне-то... кто же... такую характеристику выпишет?!

Занавес

ЭПИЛОГ

Поздний зимний вечер на занесенном снегом кладбище. Появляется Почесухин. На нем кожаное пальто с барашковым воротником, шапка-ушанка и фетровые бурки, в руках портфель. Бог весть откуда забрел он сюда, на кладбище. По снегу пробирается к памятнику с мраморным креслом. По всему видно, что не очень трезв. Кирилл Спиридонович обходит памятник вокруг, словно желая убедиться, что кресло на месте. Заходит за ограду. Чиркает спичкой, чтобы прочесть надпись на памятнике.

Почесухин *(читает)*. «Купцу первой гильдии!» *(С сожалением.)* Восстановили... А мог бы это место занять советский человек!.. Где логика?.. Неясно... Чистосердечно признаюсь: неясно! *(Смахивает портфелем снег с сиденья кресла и, отдуваясь, забирается на него. Садится, кладет портфель на колени. В раздумье говорит, как бы что-то вспоминая.)* Кирилл Спиридонович... Почесухин... Не менял и не собираюсь... Год рождения: одна тысяча девятьсот десятый. Место рождения: Гнилые Выселки... Не колебался... не подвергался... не привлекался... не выбирался... Образование — незаконченное... Иностранные языки — не понимаю. Изобретений нет... Выговор есть. *(Жалобно.)* Дорогие

товарищи! На моем здоровом теле осталось проклятое родимое пятно капитализма! Но! Я и с ним всего себя, без остатка, отдавал делу построения нового общества! (*Подозрительно.*) Меня публично обвинили в глупизме и в тупизме! Как это понять?.. Сказали, что с такими, как я, нельзя входить в коммунизм! А куда же мне можно?.. Мне бросили реплику, что я мещанин! А позвольте спросить: в каком это смысле? (*С вызовом.*) Если я и мещанин, то я наш, советский мещанин, дорогие товарищи! Я кончил! Вот какие пирожки!

Почесухин замолкает. Нельзя понять, заснул он или задумался. Хлопья снега засыпают человека, глупо сидящего в мраморном кресле. На городском катке разноцветными огоньками зажигается новогодняя елка. Ветер доносит оттуда веселую музыку. Все громче и громче играет духовой оркестр.

Медленно идет занавес

1957

ОСТОРОЖНО, ЛИСТОПАД

Пьеса в восьми картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шубин Сергей Евгеньевич, инженер-конструктор,
45 лет.
Шубина Татьяна Леонидовна, его жена, врач, 40 лет.
Света, их дочь, школьница.
Марина, инженер, 30 лет.
Сомов Арсений Тимофеевич, инженер-строитель,
50 лет.
Юрий, военный, инженер-капитан, 30 лет.
Тамара, актриса, 25 лет.
Аркадий, администратор, 45 лет.
Буба, легкомысленная особа, 25 лет.
Макс, легкомысленный человек неопределенного возраста.
Дама в сиреневом, его жена.
Таисия Павловна, полная дама.
Подвыпивший гость.
Сосед.
Официант.
Няня в больнице.
Медсестра.
Жилец дома.
Он } молодые люди.
Она }
Незнакомец.

Премьера спектакля состоялась в сентябре 1961 года в Театре имени Моссовета.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Часть лестницы и площадка на лестничной клетке многоквартирного дома. Прямо на зрителя двери двух расположенных рядом квартир. На площадке стоит Юрий. Облокотившись о перила, он читает книгу. Смотрит на часы. Слышны шаги быстро поднимающегося по лестнице человека. Юрий отходит в тень. Ждет. По лестнице поднимается Марина. Она останавливается у дверей своей квартиры, роется в сумочке — ищет ключ. Юрий тихо подходит к ней со спины, берет ее за плечи. Марина, вздрогнув, испуганно оборачивается.

Марина. Юра?

Юрий. Я.

Марина. Что ты здесь делаешь?

Юрий. Жду.

Марина. Меня?

Юрий. Тебя.

Марина. Давно ждешь?

Юрий. Часа... два...

Марина. Почему не позвонил?

Юрий. Чтобы услышать: «Мариши нет дома»?! Вот и не позвонил. Решил дождаться. Лично.

Марина. Что же ты мне скажешь?

Юрий. Ты знаешь.

Марина. Прости, уже поздно, мама легла спать, я не могу пригласить тебя зайти в квартиру. Что же ты еще хочешь сказать мне, Юра? Разве в прошлый раз мы не обо всем договорились?

Юрий (*после паузы*). Ты считаешь меня навязчивым? (*Усмехнувшись*.) И глупым?

Марина. Нет, глупым я тебя не считаю.

Юрий. Марина! Но ведь дальше так продолжаться не может?

Марина. Что именно?

Юрий. Ну вот все это.

Марина. Не понимаю.

Юрий. Эти разговоры об одном и том же.

Марина. Но ведь не я их начинаю.

Юрий. Почему ты не ответила на мое последнее письмо? Я ждал ответа...

Марина. Я хотела, чтобы оно было последним.

Юрий. Ты мне нужна... Ты...

Марина (*перебивая*). Юрий, честное слово, мне даже обидно за тебя становится.

Слышны возбужденные голоса, смех. По лестнице вниз спускаются он и она. Они проходят мимо Марины и Юрия.

Юрий. Я надеюсь.

Марина. Между нами ничего не может быть, кроме дружбы.

Юрий. Как же быть? Пойми меня, Марина! Представь себе человека, который не может жить без другого. Это — я... И я не могу жить без тебя... Не могу!..

Марина (*помолчав, откровенно*). Юра! Милый! А что же мне делать, если я не люблю тебя? Я люблю другого.

Юрий. Сергея Евгеньевича?

Марина. Да! Я выхожу за него замуж... Ты сам вынуждаешь меня на эту откровенность.

Звучит музыка: это в одной из квартир веселятся гости. Из дверей смежной квартиры выходит жилец с ведром мусора. Подозрительно взглянув на Юрия, он спускается с лестницы.

Юрий (*с трудом*). Это правда?

Марина. Правда. Спокойной ночи, Юра!

Юрий (*после паузы*). Марина! А любит ли он тебя так, как я?

Марина. Юрий! Есть у тебя самолюбие?

Юрий. Хорошо... Ясно... Я тебе больше не буду писать! Прощай, Марина! (*Быстро и решительно спускается по лестнице.*)

Марина грустно смотрит ему вслед.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Одна из небольших комнат в общей квартире. Прямо на зрителя дверь в переднюю, налево — в смежную комнату. У стены тахта и мягкое кресло. На маленьком журнальном столике телефон, рядом телевизор. Над тахтой полка с книгами. На стене много любительских фотографий. Посредине комнаты круглый стол. На нем в вазе букет ландышей. Ближе к окну другой стол, поменьше: на нем книги, папка с бумагами, рулоны чертежей и пишущая машинка. В комнате светло — горят две лампы: настольная и торшер возле тахты. За окном угадывается теплый майский вечер. Где-то гудит маневровый паровоз. В комнате Марина. Она то присаживается на тахту и берется за книгу — перелистывает ее, пробует читать, откладывает, — то встает, смотрит на часы, подходит к окну. По всему видно, что она уже давно в ожидании, взволнована, не находит себе места. Наконец она садится за пишущую машинку и начинает двумя пальцами печатать, заглядывая в рукопись.

Телефонный звонок.

Марина (*снимает трубку*). Я слушаю... Сергея Евгеньевича нет дома... Нет, нет! Еще ничего не известно... Нет, не звонил... Хорошо, я передам... (*Кладет трубку, садится за машинку. Печатает.*)

Снова звонит телефон.

(*Бросается к телефону.*) Я вас слушаю... Что? Нет, это не Ольга Григорьевна... Нет, нет, они сейчас здесь не живут, они уехали за границу... Не могу сказать... Кажется, на два года... Куда?.. Я, право, точно не знаю, кажется, в Африку... Кто с вами говорит? (*Помедлив.*) Ну, это, по-моему, не столь важно... До свидания! (*Кладет трубку. Смотрит на часы. Включает радио.*)

Звучит музыка. После продолжительной паузы в комнату входит Шубин. Марина замирает на месте, глядя ему в лицо.

Шубин. Ждешь?

Марина. Ничего, ничего не говори! Хочу угадать по глазам.

Шубин (*снимает очки, смотрит в упор на Марину*). Ну?

Марина. Вижу! Вижу! Победа?

Шубин (*надевая очки*). Да еще какая!

Марина (*сажает Шубина рядом с собой на тахту*). Теперь рассказывай! Рассказывай! Я тут просто вся

извелась в ожидании. Сижу как на иголках. Жду, жду, а тебя все нет и нет. Неужели не мог сразу позвонить?! Значит, победа? Это же грандиозно! Ты победил!

Шубин. Ты победила!

Марина. Мы победили!

Шубин. Без тебя я никогда не довел бы дела до конца. Сколько раз... Помнишь, прошлой осенью... Я все хотел бросить к чертовой матери.

Марина. И бросил. А я подобрала и спрятала. Да у тебя просто такой характер. А потом так бывает, наверное, со всеми, кто творит.

Шубин. Вдохновение ты мое и добрый гений по совместительству! Все эти аварии, все эти козни, которые чинились мне на каждом шагу... Все, что мне пришлось пережить и перенести за последний год, я никогда бы не пережил и не перенес так стойко, если бы ты не была со мной рядом. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Даже тогда, когда я тебя не видел возле себя. Разве это не так? Скажи! Только честно!

Марина. Не преувеличивай мою роль, Сергей! Я просто в меру моих сил и скромных способностей помогала своему ведущему инженеру. Во-первых, это был мой долг, а во-вторых...

Шубин. Ну?

Марина. А во-вторых, я тебя люблю...

Шубин. Вот! Вот это самое главное! И твоя любовь, если хочешь знать, помогла мне гораздо больше твоих знаний.

Марина. Ты не слишком высокого мнения о моих знаниях? Это печально. Это меня огорчает. И даже очень.

Шубин. Прости. Я пошутил. Я хотел сказать, что любовь все же сильнее всего на свете, я хотел...

Марина. Не оправдывайся. Я тоже пошутила, дорогой. Конечно, если бы ты был мне безразличен как человек, если бы я тебя не любила — все было бы не так, а совсем по-другому, и я бы не так ждала тебя сегодня. Ну так как же? Каков итог терзаний и дерзаний? Проект принят?

Шубин. И утвержден с небольшими поправками. Есть предложение войти в правительство с ходатайством о включении строительства солнечной станции

в план будущего года. Академик Куракин дал блестящее заключение о проекте. Маркушев тоже.

Марина. А Сергеенко?

Шубин. Присоединился! *(Весело.)* Итак: противники отступили, наша взяла, я счастлив, мы любим друг друга. Все это, вместе взятое, необходимо отметить небольшим кутежом! Где же мы проведем сегодняшний вечер? Надо же отпраздновать! И потом, честно говоря, я как волк проголодался.

Марина *(весело)*. Честно говоря, я тоже... Знаешь что? Давай никуда на люди не пойдем, а я просто спущусь в гастроном и куплю чего-нибудь. Поставим чайник. Поужинаем здесь, вдвоем! Выпьем по бокалу шампанского. Хочешь?

Шубин. Предложение принято! Но незачем тебе в магазин идти одной! Только вместе! Я не могу с тобой расстаться ни на секунду!

Марина *(решительно)*. Садись в кресло. Отдыхай. Включи телевизор. А я мигом сбегаю в магазин. *(Подходит сзади к Шубину. Не сразу.)* Сережа!

Шубин. Да?

Марина. Ты ни о чем не жалеешь?

Шубин. Мариша, зачем опять об этом?

Марина. Хорошо. Не буду... *(Идет к двери.)* Не скучай без меня! *(Выходит, возвращается.)* Нет! Скучай! *(Уходит.)*

Шубин с книгой в руках ложится на тахту. Затем, что-то вспомнив, набирает номер телефона. Ждет. В передней звонят. Хлопает входная дверь. Шубин прислушивается к голосам в передней. Стук в дверь. Шубин опускает трубку на рычаг. В комнату входит Сомов. В руках у него чемодан.

Сомов *(шумно и весело)*. Шубины здесь живут?! Здорово, друг! Здорово!

Шубин *(с удивлением)*. Арсений? Ты? *(Обнимает друга.)* Как с неба свалился!

Сомов. Слава богу, не свалился! Приземлился! *(Раздевается, вешает плащ и фуражку на гвоздь возле двери.)* Сколько лет не виделись? А ну-ка, подсчитай!

Шубин. Да, пожалуй, лет семь!

Сомов *(прикинув в уме)*. Точно! *(Оживленно.)* Стало быть, прямо из аэропорта звоню тебе на квартиру по тому телефону, что у меня записан. Кто-то довольно сухо отвечает: «Он здесь больше не жи-

вет!» — «А где живет?» — спрашиваю. Положили трубку — не пожелали разговаривать. Хорошенькое дело! Как же, думаю, мне тебя найти? Набираю номер твоего института. Налетаю на ответ: «Адресов сотрудников по телефону не сообщаем, справок не даем». Что ты будешь делать! Так, мол, и так, объясняю: говорит такой-то, назвал себя. Прилетел, говорю, из дальних краев, с самого батушки-Енисея. С Шубиным старые друзья-приятели. Не помню, что уж я там еще наговорил, да, видно, разжалобил секретаршу — доверительно сообщила твой новый адрес и новый номер телефона. Курить у тебя можно? (*Достает трубку и кисет с табаком.*) Ну, я уж звонить тебе не стал, схватил такси и из Внукова — прямо сюда. Еду — успеваю только голову поворачивать. Я ведь вашего Юго-Западного района еще не видал. Только в кино и на картинках! Как в сказке застраиваетесь! Чудеса, право слово!.. (*Делает большую затяжку из трубки.*) И вы на новую квартиру перебрались? Чем же здесь лучше?

Шубин (*не отвечая на вопрос*). А ты все такой же!

Сомов. Что нам делается? Мы периферийным воздухом дышим, а он сам знаешь какой! То с реки потянет, то из тайги! А тайга-то сейчас какая!.. Кипит! Красота! Приехал бы к нам погостить на лето... Захватил бы с собой...

Шубин (*перебивая*). Говорят, вам еще одно строительство утвердили?

Сомов. Есть решение к нашему, уже существующему заводу пристроить несколько новых цехов. Почти новый завод! Проект утвержден.

Шубин. Ну что ж... Хорошо... У вас в тайге места хватит.

Сомов. Без дела сидеть не будем: Москва вперед глядит — работенку нам подкидывает! Слушай, я к тебе не поздно нагрязнул? Ты скажи, если что... Мы ведь люди свои... Ты что, один дома сидишь?

Шубин (*сдержанно*). Да, один... А ты надолго к нам, в столицу?

Сомов. С месяц, наверное, задержусь. Отпуск у меня. Надо подзарядиться: по музеям, по театрам походить... (*Улыбаясь.*) Да и дело у меня одно есть. Необычайное дело.

Шубин. Что за дело такое?

Сомов (*застенчиво*). Ну, это пока между нами. Хорошо?

Шубин. Секрет?

Сомов (*вздыхнув*). Роман... у меня...

Шубин (*не понимая*). Роман?.. Влюбился?

Сомов (*смеется*). Да нет! Какое там влюбился!

Шубин. А что же тогда?

Сомов. Роман я написал.

Шубин (*удивленно*). Роман? Написал?

Сомов. Ну да! Сочинил, одним словом... Книгу! Художественную прозу! Понимаешь, какая история!

Шубин. Ты написал книгу? Сам?

Сомов. Сам. А что?

Шубин. И что же, ее напечатали?

Сомов. Напечатали.

Шубин. Да ну?

Сомов. Пока на машинке напечатали. В трех экземплярах. Я рукопись с собой привез. Думаю вот сдать ее в какую-нибудь редакцию. Пусть прочитают. Кое-кому из друзей показывал... (*Достает из чемодана толстую переплетенную рукопись. Протягивает ее Шубину.*)

Шубин (*берет рукопись, взвешивает на руках, перелистывает*). Что говорят друзья?

Сомов. Одобряют... будто...

Шубин. Смотри, еще писателем станешь! А о чем роман? В чем идея?

Сомов. В двух словах не расскажешь... называется роман «А было ли это?».

Шубин. Любопытно.

Сомов. Три года писал. Полтыщи страниц накатал! Ночей недосыпал... Иной раз до утренней зорьки. (*Серьезно.*) Хорошо ли, плохо ли мое сочинение — я толком еще не знаю. Но я его написал! (*Помолчав.*) А где твоя жена? На дежурстве? В больнице?

Шубин (*сразу*). Мы разошлись...

Сомов (*ошеломленно*). Разошлись?

Шубин. Да. Так случилось. Третий месяц здесь живу.

Сомов. Развелись?

Шубин. Нет еще. С разводом сейчас... сам знаешь... Сложно... Бывает, Сомов... Всякое в жизни бывает... Были на то причины.

Сомов. Такие серьезные?

Шубин. Думаю, да... Ну что я тебе скажу? Я очень хорошо понимаю, и вижу, и знаю: Таня — замечательный человек. Но... так случилось... Разъехались!.. Мы оба пришли к выводу, что так будет лучше... С детьми я вижу. Семья обеспечена.

Сомов. У тебя есть другая семья?

Шубин. Нет, семьи пока нет. Есть человек, которого я люблю. *(Помолчав.)* Я очень долго боролся со своим чувством. *(Волнуясь.)* Но оно оказалось сильнее меня... Не могу. Люблю... Люблю и не раскаиваюсь в этом. Люблю и счастлив! Женщина, которую я встретил, ты не подумай: она... одним словом, она глубоко порядочный человек. И мне с ней легко.

Сомов. Что... легко?

Шубин. Все. Работать! Творить! Думать. Мечтать! Наконец, дышать! Жить! Все легко! Вот какие мои дела.

Сомов. Намного моложе тебя?

Шубин. Ей уже тридцать лет...

Большая пауза, во время которой Сомов курит трубку. Шубин ходит по комнате.

Входит Марина. В руках у нее покупки.

Марина *(видит Сомова)*. Здравствуйте!

Шубин *(несколько растерянно)*. Познакомьтесь, пожалуйста! Мой старший товарищ — Арсений Тимофеевич.

Марина *(застенчиво улыбаясь)*. Марина.

Сомов. Сомов.

Шубин. Семь лет мы с ним не виделись.

Марина *(доброжелательно)*. Ну?

Шубин *(кладет руку на плечо товарища)*. Когда-то работали вместе... А теперь он на Енисее живет. Заводы строит. Тайгу осваивает. Солдат семилетки!

Марина. Интересно... Если бы я знала, что нам придется встречать такого гостя, я бы купила чего-нибудь покрепче. *(Показывает на бутылку шампанского.)*

Сомов. Благодарю вас. Это совершенно не обязательно. Вы, наверное, думаете, что если человек из тайги, так он обязательно водку пьет? Или спирт?

Марина. Нет, нет! Я так не подумала... Вы извините

меня, я займусь по хозяйству. Будем ужинать!
(*Выходит.*)

Сомов (*как бы про себя*). Да-а-а... Сегодня на рассвете проснулся, спросонья на часы взглянул и на циферблате минутную стрелку с часовой спутал. Минутную с часовой. Бывает ведь и в жизни такое. А?

Шубин. Мораль читать мне собираешься?

Сомов. Не думаю даже... Так, вспомнилось...

Шубин (*усмехнувшись*). А то, видишь ли, я уже слушать приготовился. Многие, знаешь, читают. На аплодисменты ведь в подобных случаях рассчитывать не приходится.

Звонок в передней. Хлопает дверь. Слышны голоса. Стук в дверь.

Входите!

Входит Света Шубина.

(*Удивленно.*) Светлана?

Света (*волнуясь*). Здравствуй, папочка! (*В сторону Сомова.*) Здравствуйте!

Сомов. Здравствуй, стрекоза!

Света. Здравствуйте!

Сомов. Ты меня не узнала?

Света (*робко*). Нет.

Сомов. Ай-ай-ай! Нехорошо! А ну, вспомни! Кто тебя в море плавать учил? Не помнишь? Забыла? Ну так я тебе напомним. Зовут меня дядя Арсений. А было это в городе Мариуполе. И жили мы тогда рядом, на одной улице, у самого синего моря. В каком ты классе?

Света (*осмелев*). В шестом.

Сомов. А брат в каком?

Света. В седьмом.

Сомов (*неожиданно*). А я тебе подарок привез! Любишь подарки получать?

Света. Люблю.

Сомов достает из чемодана подарок. Передает его девочке.

(*Смущенно улыбается. Вопросительно смотрит на отца.*) Большое спасибо.

Сомов. А вот это передай Гришке. (*Передает другой подарок. Запирает чемодан.*)

Света. Большое спасибо.

Входит Марина. По всему видно, что она взволнована приходом девочки.

Шубин. Моя наследница. Вы не знакомы?

Марина (*протягивает руку девочке*). Здравствуй, Света!

Света. Здравствуйте!

Шубин. Светик! Что же ты так поздно? Десять часов.

Тебе пора спать, а ты ходишь одна по улицам.

Света. Папа! Ты со службы приходишь сюда поздно, днем я учусь. А мне надо с тобой посоветоваться!

Марина (*Сомову*). Пройдемте в соседнюю комнату!

Марина и Сомов выходят в смежную комнату.

Шубин. Что-нибудь случилось?

Света. Да, папа.

Шубин. С мамой?

Света. Нет. С Гришей!

Шубин (*волнуясь*). Что? Что с ним?

Света. Не знаю... Он очень изменился. (*Помолчав.*)

В прошлое воскресенье ты обещал к нам зайти... и не зашел.

Шубин (*неловко оправдываясь*). Я был очень занят.

Я не мог. Сейчас у меня так много работы. Очень много. Совсем закружился.

Света. Гриша ждал, ждал, а потом сказал: «Я больше никому в жизни не верю!» Ушел и вернулся домой в два часа ночи.

Шубин. Где же он был?

Света. Не знаю. Он все время молчит... Мама была на дежурстве, а я никак не могла заснуть... А потом он пришел. В два часа ночи. Скоро экзамены... А у него с отметками неважно: две тройки и опять двойка! Папа! Он не хочет учиться!

Шубин (*сокрушенно*). Ну что мне с ним делать, дочка? Что делать?

Света (*помолчав*). Папа! А нам что делать?

Шубин (*решительно*). Ну вот что! Завтра... Нет, послезавтра. Нет, в воскресенье я к вам зайду. В восемь часов вечера. И пусть Гриша будет дома. Пусть меня ждет. Мы договорим.

Света. Хорошо, папа!

Шубин. Я с ним серьезно поговорю.

Света. Только ты приди. Придешь? Обязательно?

Шубин. В воскресенье. Обязательно. Ну иди, иди, родная, домой! Поздно уже! Мама будет беспокоиться.

Света. Мамы нет дома. Ее вызвали в больницу. Там кто-то умер после операции. *(Поспешно.)* Только его не мама оперировала, а сам профессор...

Шубин. Ну хорошо. В воскресенье обо всем поговорим. Тебя проводить?

Света. Не надо. У тебя ведь гости... *(Медлит.)*

Шубин. Ты мне хочешь еще что-нибудь сказать?

Света *(неожиданно)*. Папа, тебе здесь жить лучше, чем дома?

Шубин *(замявшись)*. Ты же знаешь, Света, что переехал я сюда потому, что здесь мне спокойнее работать. Квартира у нас маленькая, и дома мне мешают...

Света *(тихо)*. Мы мешаем?

Шубин. Ну, и вы тоже, конечно... *(Пытаясь улыбнуться.)* Зато теперь вы можете шуметь сколько хотите! Да. Можешь меня поздравить!

Света. С чем?

Шубин. Сегодня утвержден мой проект, над которым я пять лет работал!

Света *(радуется)*. Поздравляю, папочка! *(Целует отца.)* Как я рада. *(Помолчав.)* А ты теперь всегда здесь жить будешь? Всегда?

Шубин *(смутившись)*. Не знаю, не знаю, Светик! Иди, милая. Поздно уже. Поздно.

Света. Спокойной ночи, папа! *(Целует отца.)*

Шубин выходит с дочерью в переднюю. Хлопает дверь. Шубин возвращается. Стоит, глубоко задумавшись. Появляется Марина. За ней Сомов.

Марина. Твой товарищ собирается уходить.

Сомов. Да, надо двигаться. *(Смотрит на часы.)* Надо двигаться...

Шубин *(думая о другом)*. А то посидел бы?.. Поужинали бы вместе.

Сомов. В следующий раз. Мы еще увидимся? Потом я на ночь не ем. Живу по заповеди: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу!»

Марина. Быстро вы нас покидаете. Очень жаль.

Сомов. Простите. Мне еще предстоит разговор с Красноярском. Я заказал его прямо в номер гостиницы. Так что мне пора.

М а р и н а (*протягивает руку*). Ну что ж. Всего хороше-
го, Арсений Тимофеевич! До свидания!

Ш у б и н (*пожимая руку другу*). Звони. Заходи. Не
забывай.

С о м о в. Позвоню. Будь счастлив!

Сомов и Шубин выходят. Хлопает дверь в передней. Ш у б и н
возвращается.

М а р и н а (*после паузы*). Он знал твою жену?

Ш у б и н. Почему ты об этом спрашиваешь?

М а р и н а. Мы будем ужинать?

Ш у б и н. Да, да!..

М а р и н а. Я ему не понравилась.

Ш у б и н. Откуда ты это взяла?

М а р и н а. Определенно не понравилась. И он осуждает
тебя.

Ш у б и н. Ну вот еще! Он был с тобой любезен! Даже
шутил...

М а р и н а. Расспрашивал обо мне?

Ш у б и н. Я все ему рассказал.

М а р и н а. А что он на это?

Ш у б и н. Принял к сведению.

М а р и н а. Не шути, Сережа. Мне очень интересно
знать, что он сказал тебе, когда узнал, что ты оста-
вил семью. Мне кажется, такой, как он, не мог
промолчать!

Ш у б и н. Он удивился. Да мы, собственно говоря, не
очень распространялись на эту тему: ты вернулась
из магазина.

М а р и н а. Он решил, что я разрушила твою семью ради
своего благополучия. Он, конечно, не мог подумать
иначе...

Ш у б и н. Нет. Он так не подумал. Я объяснил ему, что
все это не так просто, что все гораздо сложнее. Что
мы с Таней разные люди, а в тебе я нашел то,
о чем мог только мечтать всю жизнь.

М а р и н а. Ты именно так сказал ему? Этими словами?

Ш у б и н. Да.

М а р и н а (*в раздумье*). Да...

Ш у б и н. Я понимаю, что тебя волнует, тревожит. Да не
думай ты об этом. Все встанет на свои места.
Я обещаю тебе.

М а р и н а (*после большой паузы*). Ты знаешь, я очень ча-
сто думаю о том, что произошло. Ночью проснусь

и думаю... *(Серьезно.)* Иногда мне начинает казаться, что я совершила подлость... Что одна я во всем виновата.

Шубин. Ты же знаешь, что это не так...

Марина *(продолжая)*....и становится так тяжело, так не по себе, что я просто не знаю, как быть и что делать...

Шубин. Ты здесь меньше всего виновата.

Марина. Но ведь если бы не я, ты бы продолжал жить в своей семье! Не правда ли?

Шубин. Марина! Зачем опять говорить об этом? Что случилось, то уже случилось! Назад пути нет!

Стук в дверь.

(Нервно оборачивается.) Войдите!

Сосед *(приоткрывает дверь)*. Простите за беспокойство. Вторгаюсь. Добрый вечер! Вы разрешите мне воспользоваться вашим телефоном? *(Входит в комнату.)* Я, как всегда, не вовремя. Мне по срочному делу...

Шубин *(сухо)*. Пожалуйста. Звоните!

Сосед *(садится не спеша на край тахты, надевает очки и, достав из кармана записную книжку, долго ищет в ней номер телефона. Затем набирает номер. Долго ждет. Сокрушенно)*. Занято... *(Набирает еще раз. Качает головой.)* Любят люди поговорить... *(Набирает номер. Ждет. Безнадежно машет рукой.)* Знаете... Я, если позволите, еще через десять минут зайду! *(Встает, кладет записную книжку в карман и, поклонившись, идет к двери. Затем возвращается.)* Очки забыл... *(Берет очки, уходит, притворив за собой дверь.)*

Марина. Будет ли у нас когда-нибудь свой дом? Будет семья? Скажи.

Шубин. Будет. Обязательно будет. Поверь мне.

Марина. Правда?

Шубин. Правда! *(Целует ее.)* Только поверь.

Марина. Вот сейчас я чувствую себя самым счастливым человеком на свете... *(Неожиданно вспомнив и помрачнев.)* Разговор с Красноярском... Говорит, заказал разговор в номер гостиницы... А сам приехал сюда прямо с аэродрома? Как странно...

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет врача в клинической больнице. Чисто. Светло. Шубина и Сомов продолжают разговор. Шубина, в белом халате и белой врачебной шапочке, сидит за столом. Сомов сидит на краю медицинской кушетки. Белый халат он накинул на плечи.

Татьяна Леонидовна (*после паузы*). Мне всегда его не хватало, я всегда его ждала, я всегда чувствовала себя одинокой... Ему мешала моя любовь... Он хотел жить так: нужна я ему — он со мной, не нужна — он ушел или уехал. Когда я ему говорила, что это несправедливо, он отвечал: «Мир так устроен. Мужчина должен быть свободным». Он шутил, но он действительно так жил... Я пыталась бороться с этим, пыталась стать необходимой ему... Я нашла свой путь... С головой ушла в работу, в науку. Но как мне надо было себя переделать! Ведь дом оставался домом. Я старалась быть сдержанной, но часто за моей сдержанностью, за внешним спокойствием бушевали такие горькие, такие тяжелые мысли. И такие несбывшиеся мечты и желания, что приходилось уходить из дому, и часами бродить по бульварам, и обуздывать себя, и возвращаться домой укрощенной. Все на время опять становилось на свои места: он был спокоен, казался счастливым, обнимал меня и летел куда-то дальше.

Сомов. Вы со мной очень откровенны.

Татьяна Леонидовна. Да. Очень. А почему бы нет? Разве мы первый год знакомы?

Сомов. А любил ли он вас, дорогая Татьяна Леонидовна?

Татьяна Леонидовна (*не сразу*). Любил. Но он стремился к тому, чтобы его не связывали любовью. Пути супружества ему мешали. Да это не самое главное. Я приноравливалась. А он не пытался жить моей жизнью, и не старался, и не пробовал интересоваться чем-то моим, перешагнуть какой-то барьер... Да! Шубин, такой, какой он есть, — очень цельная натура! Добрый, милый, обаятельный, увлекающийся, талантливый. Шубин привык жить легко. Но эта привычка мешает ему видеть, что делается вокруг. Даже в соседней комнате. Я не хочу говорить сейчас, что он-де плохой, а я-де хоро-

шая. У меня, вероятно, тоже немало своих недостатков.

Стук в дверь. В комнату заглядывает медсестра.

Медсестра. Татьяна Леонидовна! Разрешите? Здесь пришли...

Татьяна Леонидовна. Что такое?

Медсестра. Пришли к военному, которого вы прошлой ночью оперировали. Пропустить? Очень настаивают.

Татьяна Леонидовна. А как он себя чувствует?

Медсестра. Состояние удовлетворительное. Температура тридцать семь и пять.

Татьяна Леонидовна. Кто пришел?

Медсестра (*пожав плечами*). Молодая женщина.

Татьяна Леонидовна (*подумав*). Пусть пройдет. Только ненадолго. Предупредите: пятнадцать минут! И проследите сами, чтобы не дольше. Что еще?

Медсестра. Больному Файзулаеву сегодня снимают швы. Можно без вас?

Татьяна Леонидовна. Нет, нет. Я сама. (*Смотрит на часы.*) Готовьте!

Медсестра уходит.

(*Помолчав.*) Часто думалось мне: вот он приходит и говорит: «Мне твоя любовь не нужна. Я люблю другую женщину!» Как бы я поступила? И я решила: в два счета скручу всю свою любовь и выброшу из сердца! Однажды он пришел откуда-то и сказал мне: «Я люблю другую женщину». Он не сказал мне: «Твоя любовь мне не нужна», но он, прямо и честно глядя мне в глаза, сказал: «Я люблю другую женщину». Полгода мы мучились, а потом все-таки разошлись. Это было нелегко. Особенно тяжело было детям. Они любят его.

Сомов. А вы?

Татьяна Леонидовна. Нет. Теперь уже нет.

Я сейчас перед вами, дорогой друг, не покинутая, не оставленная женщина, а живая и уверенная, с буйством душевным, с желанием нового, со страстным желанием жить! Иные мне говорят: «Молодость-то прошла!» Ну и что? А вот приближения старости я не чувствую! Многие мои подруги

состарились и в тридцать лет, а я не готова. Не могу! Не хочу!

В кабинет входит больничная няня. В руках у нее поднос, на нем стакан чаю и блюдо с бутербродами. Она ставит все на стол.

Няня. Кушай, Татьяна Леонидовна! Я нынче бутербродики с твоей, с докторской колбаской взяла. А бубликов не было. Кушай! Время! *(Приглядывается к Сомову.)*

Татьяна Леонидовна. Благодарю, нянечка! *(Сомову.)* Хотите чаю?

Сомов. Нет, спасибо! Я совсем недавно завтракал.

Няня выходит.

Вам можно позавидовать. Простите, я не то хотел сказать...

Татьяна Леонидовна. Нет, нет! Вы именно так хотели сказать. И вы не ошиблись. Пожалуй, мне действительно можно позавидовать! Я люблю жизнь, и я научилась ценить ее. Может быть, моя профессия помогла мне в этом. Очень часто после трудной операции, особенно сердца, я думаю о законах бытия и вот совсем, ну ни капельки не боюсь смерти, по-новому начинаю относиться к жизни. Я наслаждаюсь ею! Духовно! Физически! Всем существом! Этой весной я была на Кавказе. И там я впитывала каждую минуту жизни. Бродила под южным солнцем, и каждый камешек мне был дорог, и я была счастлива тем, что есть дивный запах кипарисового дерева, и запах только что выпеченного хлеба, и ночью в небе Большая Медведица, и в праздник над сельской парикмахерской, откуда тянет дешевым одеколоном, — красный флаг. Как хорошо! Хочется все запомнить, на все наглядеться, ничего не пропустить! И никого я не жду, а скучаю только по детям. Их мне не хватает. Не дождусь того часа, когда снова их увижу... И все это называется совсем просто: жить!..

Сомов. Да вы, Татьяна Леонидовна, поэт!

Татьяна Леонидовна *(весело)*. Стихов не пишу, но люблю и стихи!

Сомов. А прозу?

Татьяна Леонидовна. Люблю и прозу. Хорошую конечно.

Сомов (*замышишь*). Трудно, очень трудно писать хорошую прозу...

Стук в дверь. В кабинет заглядывает медсестра.

Медсестра. Татьяна Леонидовна! Файзулаев в перевязочной.

Татьяна Леонидовна. Хорошо. Сейчас.

Сомов (*поднимается*). Я тоже, пожалуй, пойду. Мне пора, Татьяна Леонидовна.

Татьяна Леонидовна. Не буду вас задерживать, Арсений Тимофеевич. Спасибо, что зашли. Будет время — звоните, заходите ко мне домой. Очень буду рада... Вот так и живем! (*Делает неопределенный жест руками.*) Здесь — моя стихия!

Сомов, пропустив вперед Шубину, выходит за ней из кабинета. Сцена некоторое время пуста, затем входит Марина в сопровождении няни.

Няня. Вы посидите здесь, обождите. Доктор сейчас на перевязке занята. Как освободится, так сюда зайдет. Вы обождите!

Марина. Спасибо, нянечка. Это вы мне сегодня звонили?

Няня. А то кто же? Нынче утром, как заступила, зашла в палату больных навестить, гляжу — новенький возле окна лежит! Что такое, спрашиваю? С чем пожаловали? Какой такой диагноз? А он говорит: «Меня, нянечка, уже того, вскрыли, можно сказать!» И сразу ко мне с одолжением: дает номер телефона. «Обязательно, нянечка, дозвонитесь по этому номеру, обрисуйте мое больное положение и попросите, чтобы зашли, попроведали». Вот вы и повидались... Теперь дело на поправку пойдет!..

Марина. Большое вам спасибо, нянечка, за вашу заботу.

Няня. А вы кем же ему доводитесь?

Марина. Так... знакомая...

Няня (*разочарованно*). Знакомая? Ну что ж... Это ничего... А человек, видать, хороший... Милый такой человек... Гуманный...

Марина. Да. Он очень хороший человек.

Няня. Вежливый такой военный. Большая от него симпатия... За него теперь не беспокойтесь. Врачи у нас хорошие, на всех фронтах побывали. А уж лечащий врач ему выпал — золото! Одно слово: лечащий!

Ко всякому больному у нее свой подход есть, да такой ласковый, серьезный и строгий... Уж как больной свою операцию с трепетом предвкушает, а час пробьет — на операционный стол с полной охотой ложится. Потому — верит! Очень уж она оперативная! Руки золотые! В тяжелом случае сама всю ночь возле больного продежурит, глаз не сомкнет, а уж человеку все сделает! Иной раз скажешь ей: «Уж мы-то здесь на что, сестры да няньки?» — «Не могу, говорит, нянечка! Никак не могу!» Вот ведь как скажет. А у самой-то счастья нет...

За сценой слышен голос Шубиной: «Афанасьеву можно выписывать!» Затем Шубина входит в кабинет в сопровождении медсестры, в руках которой несколько рентгеновских снимков.

Татьяна Леонидовна (*на ходу, медсестре*). Серафима Ивановна, принесите мне, пожалуйста, анализы Самойленко из третьей палаты. И готовьте малыша к операции. Завтра будем его оперировать.
Медсестра. Хорошо. (*Кладет снимки на стол. Выходит.*)

Татьяна Леонидовна (*Марине*). Здравствуйте! Вы ко мне?

Марина. Здравствуйте, доктор! Да, к вам. На одну минуту.

Татьяна Леонидовна (*внимательно*). Слушаю вас.

Марина. Я только что навещала больного, которого вы этой ночью оперировали... Аппендицит...

Татьяна Леонидовна. Да. Ну так что? Слушаю вас.

Марина. Это не опасно?

Татьяна Леонидовна. В каком смысле?

Марина (*смутившись*). Я хочу сказать... все прошло благополучно? Он очень страдает?

Татьяна Леонидовна. Естественно. После операции не прошло еще суток. Простите, вы его жена?

Марина. Нет. Знакомая.

Татьяна Леонидовна. Понимаю. Ну так вот... Пока у вас нет никаких причин волноваться. Мы вообще воздерживаемся от посещения родственниками больных сразу после операции. Тем более знакомыми. Не знаю почему, но для вас я сделала исключение. Может быть, потому, что решила, что вы его жена... Впрочем, это не имеет значения...

Марина. Большое вам спасибо, доктор!

Татьяна Леонидовна (*неожиданно*). Вы не замужем?

Марина (*не сразу*). Замужем.

Татьяна Леонидовна. Простите меня за этот вопрос.

Марина. Пожалуйста.

Татьяна Леонидовна. Простите, как вас зовут?

Марина. Марина Николаевна. А что?

Татьяна Леонидовна (*задумавшись*). Нет, нет... Я просто так... показалось, что я вас где-то видела...

Марина. Может быть.

Татьяна Леонидовна. Мне знакомо ваше лицо... Хотя, вероятнее всего, вы просто мне кого-то напоминаете... Так бывает.

Марина (*улыбнувшись*). Бывает.

Татьяна Леонидовна. Безусловно, бывает. (*Берет со стола рентгеновские снимки и начинает их рассматривать.*)

Марина. Доктор!

Татьяна Леонидовна. Да.

Марина (*подходит к ней и протягивает руку*). До свидания! Большое вам спасибо, доктор!

Татьяна Леонидовна. До свидания, Марина Николаевна!

Марина выходит. Шубина продолжает изучать рентгеновские снимки. Появляется няня.

Няня. Татьяна Леонидовна! Больной из третьей палаты опять укол себе требует. Я ему говорю — потерпеть надо. А он требует.

Татьяна Леонидовна (*не поднимая головы*). Что там случилось?

Няня. Ничего, Татьяна Леонидовна, не случилось! Больной, которого ты давеча ночью оперировала, опять укол требует. Не могу, говорит, терпеть: больно!

Татьяна Леонидовна. Надо потерпеть! Надо потерпеть! Никаких уколов!

Няня. Вот и я говорю: человек военный — потерпеть надо! Такие уколы часто принимать противопоказано. А он командует...

Татьяна Леонидовна. Командует, говоришь?

Няня. Командует.

Татьяна Леонидовна. Не то говоришь — другое у тебя на уме! Не спрячешь! Вижу. Что спросить хотела?

Няня. Кто это у тебя сидел-то?

Татьяна Леонидовна. Ты о ком спрашиваешь?

Няня. О мужчине.

Татьяна Леонидовна (*улыбаясь*). А что? Понравился?

Няня. Бес его знает... А чего ему от тебя надо? Знакомый, что ли? Или за кого хлопотать пришел?

Татьяна Леонидовна. Старый знакомый.

Няня. Не больно старый. Тоже небось доктор?

Татьяна Леонидовна. Инженер. Строитель. А чего это ты так разволновалась?

Няня. Мне-то зачем волноваться? Ты бы на себя поглядела! И зачем это ты ему всю жизнь доложила?

И говорит, и говорит... А зачем? Мужчина разве это поймет? Разве наша бабья доля им доступная?

Татьяна Леонидовна. Мы давнишние друзья! Он меня понял.

Няня. Женатый?

Татьяна Леонидовна. Холостой.

Няня. Ну, тогда другой разговор. А на взгляд человек, видать, самостоятельный. Аккуратный... А ты так и не поела за своими разговорами? Чай-то остыл! Я свеженького принесу. (*Выходит со стаканом остывшего чая.*)

Татьяна Леонидовна (*одна про себя*). Никого. Никого мне не надо...

Входит медсестра. В руках у нее папка. Она кладет ее на стол перед Шубиной.

Медсестра. Самойленко. История болезни. Здесь все анализы.

Татьяна Леонидовна. Как она себя чувствует?

Медсестра. Давление немного повысилось: волнуется.

Татьяна Леонидовна (*просматривает историю болезни*). Когда ее последний раз навещали близкие?

Медсестра. Дочь была в воскресенье. Муж не приходил.

Татьяна Леонидовна. Позвоните ее мужу и попросите от моего имени, чтобы он навестил жену.

Не пугайте, а просто скажите, что больная волнуется. Ей предстоит испытание, и самочувствие у нее должно быть хорошее. Пусть он нам поможет. Одним словом, не мне вас учить, вы без меня знаете, как разговаривать в таких случаях.

Медсестра (*улыбнувшись*). Хорошо, Татьяна Леонидовна. Будет выполнено.

Татьяна Леонидовна (*выходит из-за стола*). Давайте пройдем сейчас к ней. Надо ее подбодрить! (*В сопровождении медсестры выходит из кабинета.*)

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Большая дачная веранда. В перспективе — вид на подмосковное приволье. На веранде круглый стол. На нем кувшин с букетом полевых цветов. Дачная плетеная мебель. Застекленная дверь, ведущая внутрь дачи. Доносятся оживленные голоса, смех гостей. На садовой скамье возле дачи сидит **Тамара** с книгой в руках. Она читает. На веранду входит **Марина**. Останавливается у балюстрады. Появляется хозяйка дома **Таисия Павловна**.

Таисия Павловна (*обеспокоенно*). Куда вы, Мариночка?

Марина. Душно...

Таисия Павловна. Ну, дышите! Я так переживаю, что вы приехали без Сергея Евгеньевича. Как обидно, что он занят. А я... Аркадий нам новый анекдот... Понимаете: людоед заходит в ресторан и садится за столик. Официантка подает ему меню...

Марина. Людоеду?

Таисия Павловна. Ну да! А он говорит: «Что вы мне подаете? Дайте мне список сотрудников!» Умора! До того смешно!.. (*Уходит в дом.*)

Оттуда взрыв смеха.

Марина спускается в сад. Подходит к **Тамаре**.

Марина. Не мешаю?

Тамара. Нет, нет... Вы мне не помешали. Что там, в даче?

Марина. Анекдоты... Пьют...

Тамара. От пошлости меня тошнит. (*Усмехнувшись.*)

В этом смысле мне сегодня исключительно повезло! За столом справа оказался какой-то субъект...

Узнал, что я актриса, — после третьей рюмки положил мне руку на колено.

Марина. Я думала, вы здесь со всеми давно знакомы.

Тамара. Нет, я здесь в первый раз. Приехала с Аркадием. Хозяйка дома — его давнишняя знакомая.

Марина. Этот Аркадий тоже артист?

Тамара. Нет, администратор. Работает в нашем театре. Хороший человек.

Марина. Мне он показался обычным болтуном!

Тамара. Вы его мало знаете.

Марина. Я его совсем не знаю.

Тамара. А вы здесь частый гость?

Марина. Нет. Не очень. Мы работаем с Таисией Павловой в одном учреждении и даже в одном отделе. Неудобно было отказать. Все-таки день рождения!..

Тамара. А мне давно хотелось выехать за город. И вот я здесь. А гроза, кажется, проходит мимо. Жаль... Люблю грозу! Вот сидела и ждала ее.

Марина. В детстве при мне в деревне во время грозы сгорел дом — попала молния. Крыша была соломенная. Вспыхнула как порох. Сгорела девочка. (Поежившись.) Жутко...

Тамара. Вы боитесь смерти?

Марина. Смерти?! Нет! Смерть как сон. Человек каждый день умирает: засыпает и проваливается куда-то... Если не проснется, значит, умер...

Тамара. А я боюсь умереть... бездарной актрисой.

Из дачи доносятся звуки блюза.

Марина. Вы танцуете?

Тамара. Вообще да...

Марина. Что вы читаете?

Тамара (протягивает книгу). Купила сегодня на вокзале. «А было ли это?» Какой-то Арсений Сомов.

Марина. Боже мой, как быстро идет время! (Перелистывает книгу.)

Тамара (не расслышав). Как вы сказали?

Марина. Я сказала: «Как быстро идет время». Год назад я случайно познакомилась с автором этого произведения. О чем роман?

Тамара (неопределенно). Так... о жизни... А он интересный человек, этот Сомов? Вы сказали, что вы с ним знакомы?

М а р и н а. Я видела его один раз, и то мельком... Надо будет прочитать его сочинение. (*Возвращает книгу.*) Хорошо написано?

Т а м а р а. Пока не знаю. Еще не дочитала... Мне поручили роль героини в одной советской пьесе... А роль у меня не клеится... С любовью не получается. Вернее, получается, но как-то примитивно... Вот и читаю книжки, ищу, кто как пишет о любви.

М а р и н а. А вы сами-то когда-нибудь любили?

Т а м а р а (*не сразу*). По-видимому, нет. Еще нет. Очевидно, виноваты мои родители. Они всегда мешали мне в этом: читали адресованные мне письма, осуждали мои знакомства, проверяли мои отношения с тем, кто мне нравится. Вот и сейчас. Я, как видите, развлекаюсь здесь самым безобидным образом, а они уверены, что я «разлагаюсь». Они ни за что не хотели, чтобы я была актрисой. Они хотели, чтобы я пошла в энергетический. Горе мне с ними. И все это от эгоистичной, беспомощной родительской любви. Простите, а вы любили?

М а р и н а. Люблю.

Т а м а р а. Ой, тогда у меня к вам будет масса вопросов!

Тамара с интересом смотрит на Марину. В доме медленный блюз сменяется громкой музыкой джаз-оркестра. В дверях веранды Буба вырывается из рук Макса.

М а к с. Не исчезайте, утопая! (*Тянет девушку за руку.*)

Б у б а. Пустите! Мне жарко!.. Как вы не понимаете: я в трех нейлонах!

Оба выходят на веранду.

Лучше дайте сигарету!

М а к с. Прошу! С фильтром! (*Угощает сигаретами. Пытается обнять.*)

Б у б а. Ненормальный! Жена увидит.

М а к с. Она не ревнивая. Буба! Между прочим, вы мне нравитесь!

Б у б а. Мало ли что.

М а к с. Вы изящная!..

Б у б а. Комплиментируете?

М а к с. Безусловно.

Б у б а. А если — мимо?

М а к с. Вам можно позвонить?

Б у б а. Зачем?

Макс. У меня «Москвич». Покатаемся.

Буба. Сами водите?

Макс. Безусловно.

Буба. С вами не опасно?

Макс. В каком смысле?

Буба. Во всех!

Макс. Гарантирую. Телефон?..

Буба. Забудете.

Макс. Я запишу.

Буба. «Верочка» два семнадцать два нуля.

Макс. (*записывает на папиросной коробке*). ...два нуля.

Буба. Не люблю, когда номер моего телефона записывают на папиросных коробках! Запишут, а потом выбрасывают.

Макс. Я его перепишу! Буду хранить у сердца!

Буба. Ох и попадет вам от жены!

Макс. Я же сказал: она не ревнивая. Она — удобная. А у вас красивая кличка — Буба!.. Легко запоминается.

На веранду выходят подвыпивший гость, дама в сиреневом. Буба отходит от кавалера.

Дама в сиреневом (*очень взволнованно*). Неужели из самого простого зайца можно сделать настоящего соболя?

Подвыпивший гость. Не из зайца, мадам, а из заячьего меха!

Дама в сиреневом (*упавшим голосом*). И вы это делаете?

Подвыпивший гость. И мы это делаем. Шякпоб! Кто — за? Кто — против?

Дама в сиреневом (*волнуясь*). Но как это возможно? Ведь заяц — это заяц, а соболь — это соболь!

Подвыпивший гость. Ими-та-ция! Принято единогласно! (*Уходит в дом.*)

Дама в сиреневом. Макс! Мы, оказывается, купили зайца!

Макс. Какого зайца?

Дама в сиреневом. Не знаю: русака, беляка... Не все ли равно! Мы горим!

Макс. Не понимаю тебя.

Дама в сиреневом (*зловещим шепотом*). Ну, спекулянтка, спекулянтка, Райса Савельевна! Забыл? Со-

болий палантин! Соболей теперь делают из зайцев.
Имитация! Подлог!

Появляется подвыпивший гость. В руках у него бутылка шампанского. За ним Таисия Павловна с бокалами в руках.

Подвыпивший гость (*поднимает бутылку*). Кто — за? Кто — против?

В дверях появляется Аркадий с гитарой в руках.

Выпьем и умрем!

Аркадий. Зачем же умирать?

Подвыпивший гость. А так полагается! Пить — умирать и не пить — умирать. Так лучше же пить — умирать! Кто — за? Кто — против?

Таисия Павловна. Принято единогласно! Мы все хотим шампанского!

Макс (*на веранде, Бубе*). Вы какое любите шампанское? Сладкое или сухое?

Буба. Я люблю все сладкое.

Макс. Я тоже... (*Воровски пожимают Бубе руку выше локтя.*)

Буба (*шепотом*). Сумасшедший! Жена увидит!

Макс. Ей сейчас не до меня.

Дама в сиреневом (*трагически*). Вы понимаете, из зайца они делают соболя, из кролика — леопарда, из барана — выдру!

Аркадий. Овчинка стоит выделки! Век прогресса — век атомной бомбы и заменителей!

Подвыпивший гость (*включается в разговор*). Водку гонят из опилок! Принято единогласно!

Темнеет. Гремит далекий гром.

Таисия Павловна. Ни одного дня без грозы! Что за лето!.. Товарищи! Мариночка! Тамара! Неудобно! Где вы прячетесь? Идите к нам! Поднимайтесь скорей сюда! Мы вас ждем. Мужчины, занимайтесь шампанским!

Подвыпивший гость откупоривает бутылку.

Аркадий. Таисия Павловна! Вы придете на нашу премьеру?

Таисия Павловна. Если не будут стрелять! Мне всегда почему-то кажется, что в меня могут попасть.

Аркадий (*Бубе*). А вы? Вы ведь, наверное, не боитесь, когда на сцене стреляют?

Буба (*поморщившись*). Я устала от гражданской войны! Между прочим, неинтересно, когда с самого начала знаешь, что красные победят. Я лично предпочитаю хоккей. По крайней мере, никогда не известно, с каким счетом закончится игра!

Аркадий. Мне вас искренне жаль...

Тамаара и Марина поднимаются на веранду.

Таисия Павловна. Друзья! Товарищи! Гост! Кто? И за что?

Аркадий. За виновницу торжества!

Макс (*с бокалом в руках*). С сегодняшнего дня вы стали моложе еще на один год!

Таисия Павловна. Я еще не в том возрасте, когда приходится убавлять года... И потом за меня уже пили. Придумайте что-нибудь более оригинальное!

Дама в сиреневом. Прошу слова! У меня предложение! (*Поднимает бокал и патетически восклицает.*) За здоровую советскую семью! (*Глядит на мужа и на Бубу.*)

Таисия Павловна. Прекрасно!

Аркадий. За хороший спектакль!

Тамаара. Аркадий! Почему — спектакль?

Таисия Павловна. Как — спектакль?

Аркадий. Да! Спектакль. С точки зрения театрального администратора! Хороший спектакль годами не сходит со сцены! А если неверно распределены роли, глядишь — и спектакль рассыпался. Вот так же и семейная жизнь! Да, да! Я это утверждаю.

Таисия Павловна. Ох, Аркадий! Вы всегда оригинальничаете!

Аркадий. Хотите, чтобы я развил свою мысль? Извольте!

Дама в сиреневом. Меня перебили! Я, кажется, предложила тост: за здоровую советскую семью!

Подвыпивший гость. Выпьем и умрем! (*Чокается со всеми.*)

Макс (*жене*). За нашу семью! (*Чокается.*)

Буба чокается.

Дама в сиреновом (*Марине*). За ваше здоровье! Марина (*улыбнувшись*). Почему за мое здоровье? Ведь тост был «за семью»!

Дама в сиреновом. Вы присоединяетесь к этому тосту?

Марина. А почему нет?

Дама в сиреновом. Я имела в виду... Одним словом... Вы ведь...

Марина (*спокойно*). Не понимаю.

Дама в сиреновом (*фальшиво улыбаясь*). Между прочим, вы... опасная женщина.

Тайсия Павловна (*взволнованно*). Ах, все мы — опасные женщины! Да и не все ли равно, за что пить! (*Отводит в сторону даму в сиреновом.*) За вас и вашего мужа! Макс, присоединяйтесь! (*Марине.*) Не обращайтесь внимания! Она выпила лишнего!..

Марина (*даме в сиреновом*). Вы хотите сказать, что я не имею права поддерживать ваш тост, потому что разрушила чужую семью? Вы это имели в виду? Вы хотели сказать, что я разбила чужое счастье и потому не имею права пить за здоровую семью!

Буба с большим интересом следит за Мариной.

Тайсия Павловна. Мариночка!

Макс (*тихо, жене*). Ненормальная, ей-богу!

Дама в сиреновом (*растерянно*). Я пошутила... что особенного? Неужели здесь не понимают шуток? (*Ищет поддержку у мужа.*) Где чувство юмора?

Марина. Нет! Вы не шутили! Вы сказали именно то, что хотели сказать! Но как бы вы ни хотели унижить и оскорбить меня, вы бессильны это сделать. Совесть моя чиста!

Буба (*неожиданно*). А зачем вы извиняетесь? Ну, разбила чужую семью, ну и мало ли что?.. «Сегодня ты, а завтра я!» Не правда ли? Зачем извиняться? Глупо! Это же — жизнь! Се ля ви!

Марина (*не обращая внимания на Бубу*). Я знаю, вы меня осуждаете.

Аркадий. Не надо, не надо обобщать!

Марина (*горячо*). А за что вы меня осуждаете? За то, что в каком-то доме, который вам, по существу, глубоко безразличен, разошлись два не любящих друг друга человека? За то, что в другом доме между двумя малоизвестными вам людьми родилось чувство, которое делает человека человеком?! Но вам ли судить о морали?! Стоит вам увидеть на улице целующуюся пару, вы уже бьете тревогу: «Распушенность! Падение нравов! Хотят целоваться — зашли бы в подъезд!» Школьник дружит с девочкой, и вы уже судачите: «Не доведет до добра эта дружба! Как бы чего не вышло!» Вас устраивает безнравственность, лишь бы она была прикрыта внешней благопристойностью! Сытое равнодушие вам дороже беспокойной, тревожной любви. Замочная скважина кажется вам окном в мир! Впрочем, зачем я все это говорю? Тут был поднят тост за здоровую семью. Я пью за это! Да! За здоровую семью! За счастливую семью! Без лжи и обмана! За чистоту человеческих отношений. За любовь, без которой нет и не может быть счастливой семьи!

Марина ставит бокал на стол. Спускается в сад. За ней уходит Тамара. Обе скрываются за углом дачи. Тяжелое молчание.

Аркадий (*бренчит на гитаре, поет*). «Во мраке молния блистала...»

Тайсия Павловна (*даме в сиреновом*). Ну зачем вы, право! Не надо было!

Дама в сиреновом (*оправдываясь*). А что я сказала? В конце концов, это же правда: она разрушила семью Шубиных.

Макс. Вот это был монолог! Шикарное выступление! Дама в сиреновом. Правда глаза колет! Собственно говоря, кто она такая? И он тоже хорош!

Тайсия Павловна. Кто он?

Дама в сиреновом. Да этот, ее Сергей Шубин. Бросить ради нее жену с двумя детьми! Какая тут может быть любовь? Просто смазливая бабенка, и все тут! Мог бы из семьи не уходить! Меня, между

прочим, не интересуют похождения моего мужа.
Лишь бы я ничего не знала!

Макс (*целует руку жене*). Золото ты мое! Мой девиз:
«Любовь и верность!»

Дама в сиреновом. Тем лучше!

Таисия Павловна. И все же получилось как-то
нехорошо.

Буба (*Аркадию*). Никому не верю. Между прочим, все
мужчины подлецы...

Аркадий. Не надо, не надо обобщать!

Гремит далекий гром. Все постепенно уходят в дом. Темнеет.
Начинает накрапывать дождь. В доме зажигают свет. На веран-
ду выходят Макс, дама в сиреновом, Аркадий, Буба
и Таисия Павловна.

Таисия Павловна. Куда вы! Переждите дождь! Ар-
кадий! Ну хоть вы не бросайте меня!

Аркадий. Мне надо успеть в театр к концу спектакля!

Таисия Павловна. Макс! Не оставляйте меня на-
едине с вашим нетрезвым другом. Заберите его
с собой!

Макс. Он нетранспортабелен! Уложите его на диван.
Я за него ручаюсь. Это вполне безобидное суще-
ство! Проспится и сам тихохонько уедет! А потом
куда же пятеро в «Москвиче»?

Дама в сиреновом. Макс! Как ты поведешь ма-
шину?

Макс. Умоляю тебя, не нервируй меня! Я и так под
впечатлением! Поехали, поехали, детки!

Таисия Павловна. Я провожу вас...

Буба. Се ля ви!

Все скрываются за углом дачи. Пауза. Слышен автомобильный
сигнал. На веранду, пошатываясь, выходит подвыпивший
гость.

Подвыпивший гость. Между прочим, я, кажется,
того... Сверх меры... Вот так всегда: как ни бьешь-
ся, а к вечеру напьешься... Привезут, накачают
и бросят... Эх, люди! Обидели хорошего человека...
Разве это люди? Имитация!

Раскат грома.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Место действия то же, что и во второй картине. Тот же день. В комнате Шубин и Света. Света стоит у окна и с отсутствующим взглядом слушает отца. Тот ходит по комнате и, временами останавливаясь перед окном, читает ей мораль.

Шубин (*горячо и убежденно*). Ты взрослая девочка. Тебе пора взяться за ум... Чего тебе не хватает? Все, кажется, есть! Нет только добросовестного отношения к своим прямым обязанностям. А обязанность у тебя одна: хорошо учиться и прилично себя вести! Ты меня слышишь?

Света (*глухо*). Слышу.

Шубин. Ну так вот... Неужели это так трудно? Неужели ты не видишь, наконец, не понимаешь, что я не зря тобой недоволен! Ну что поделаешь, наша семейная жизнь так сложилась, но ты, я повторяю, уже не маленькая! Что с тобой происходит? На тебя одни жалобы: жалуется мать, жалуется школа. В чем дело? А? Почему это так все получается? Молчишь? Молчишь — значит, виновата... А мне за тебя стыдно! Да! Стыдно! К чему ты себя готовишь? Это ведь у нас с тобой не первый разговор. Я хотел бы, чтобы он наконец был последним. Ты меня поняла? Отвечай! С тобой говорит отец! Я тебя спрашиваю: ты меня поняла?

Света мрачно молчит.

Ну?

Света (*глухо*). Поняла.

Шубин (*настойчиво*). Что ты поняла?

Света (*неожиданно, резко*). Я тебя ненавижу! (*Стремительно выбегает из комнаты.*)

Шубин ошеломлен. Он теряется. Не знает, как реагировать. Стук в дверь.

Шубин (*берет себя в руки*). Кто там? Войдите!

Входит сосед.

Сосед. Сергей Евгеньевич! Мне позвонить... Вторгаюсь... Разрешите?

Шубин. Звоните...

Сосед. Благодарствую. *(Не спеша присаживается, надевает очки, в записной книжке ищет номер.)*

Шубин за столом приводит в порядок какие-то бумаги.

(Сокрушенно.) Вечно занято! *(Набирает номер.)* Безнадежно... Висят... *(Помолчав.)* Я вижу, что опять зашел к вам не вовремя, Сергей Евгеньевич! Мешаю, да?

Шубин. Нет, нет. Пожалуйста.

Сосед. Сегодня воскресенье, такой был чудесный день, а вы дома?

Шубин. Дела... *(Нервно закуривает.)*

Сосед. Между прочим, курить надо меньше!

Шубин. Не получается!

Сосед. Тоже не мог. А потом бросил за милую душу! Жил, жил — не тужил. А потом — на тебе: сердце! Хлоп! В один момент вся жизнь перевернулась... И я на спине! Сорок пять дней пролежал. Живу теперь от рациона до моциона. Того нельзя, этого нельзя.

Шубин. А что можно?

Сосед. В этом я еще не разобрался. Что-то, кажется, еще можно. *(Набирает номер телефона.)*

Шубин. Уже хорошо.

Сосед. Главное, меньше волноваться! Нельзя на каждый крючок жизни накидывать свое сердце! Я в этом вопросе теперь «моську съел»! Поволнуешься, попереживаешь день-другой, ночь-вторую недоспишь — и пожалуйста бриться: ноль три!

Шубин *(не поняв)*. Что?

Сосед. Ноль три — «Скорая помощь»! *(Помолчав.)* Чины, звания, положения, разные там глубокие чувства... Все это хорошо, все это прекрасно, а вот когда здесь *(показывает на сердце)* прижмет? Как в одном магазине объявление: «Запчастей нет и неизвестно!» *(После паузы.)* Знаете, в крематории я тоже обратил внимание на одно объявление... *(Качает головой.)*

Шубин. Какое?

Сосед *(саркастически)*. «Пепел выдается ежедневно с девяти до пяти, кроме понедельника. Перерыв на обед с двух до трех». *(Помолчав.)* Ясно? Пепел! Ежедневно! Выдается! Кроме понедельника! А?

Как вам это нравится? Меньше переживаний, драгоценный Сергей Евгеньевич! Меньше волнений!.. Как можно меньше! Чтобы как сквозь сон... Все — мимо! А к сердцу — ничего! Мимо!

Шубин (*мрачно*). Зачем тогда жить?

Сосед (*попытавшись еще раз дозвониться, тяжело поднимается*). Если вы разрешите, я зайду попозже. Все время занято... (*Идет к двери. Останавливается.*) Очки забыл. (*Берет очки и выходит.*)

Шубин снимает телефонную трубку. В комнату входят Марина и Тамара. Шубин опускает трубку на рычаг, поднимается навстречу вошедшим.

Марина. Сережа! Это Тамара Усольская, артистка театра драмы и комедии. Мы сегодня подружились. Познакомься, пожалуйста!

Шубин (*рассеянно*). ...и комедии?.. Очень приятно! Добрый вечер!

Обмениваются рукопожатиями.

Тамара. Марина, где у вас зеркало? Я хотела бы причесаться. Можно?

Марина. Конечно. Пожалуйста, пройдите в эту комнату! Вот сюда! (*Проводит Тамару в соседнюю комнату, возвращается.*)

Звонит телефон.

Шубин (*снимает трубку.*) Слушаю... Что? (*Меняется в лице. Протягивает трубку Марине, бормочет что-то бессвязное. Затем вскакивает, выбегает из комнаты.*)

Марина (*быстро берет трубку, тревожно*). Я слушаю. Говорит его жена... Слушаю вас... Что?.. Да... Понимаю...

Тамара (*входя, весело*). Товарищи! Как у вас тут уютно! (*Ее поражает выражение лица Марины.*) Что-нибудь случилось?

Марина. Свету... Дочку Сергея Евгеньевича...

Тамара (*испуганно*). Что? Что?

Марина (*тихо*). Сшибла грузовая машина.

Тамара. Как?

Марина. Не знаю... Увезла «скорая помощь».

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Та же самая обстановка, что и в третьей картине: кабинет врача в больнице. Медсестра сидит за столом врача и что-то пишет. Няня стоит возле открытого в сад окна, протирает стекла.

Медсестра. Няня, выгляните, пожалуйста, в окно — посмотрите: вам больную Самойленко не видно?

Няня. Это из седьмой палаты, что ли?

Медсестра. Ну, вы же знаете, о ком я спрашиваю. Она сегодня первый раз на прогулку сама вышла. Вы ее видите?

Няня (*смотрит в окно*). Вижу. На скамеечке сидит. Книжку читает.

Медсестра. Повозились мы с ней. А ведь положение было аховое. Если бы не Татьяна Леонидовна...

В кабинет входит Шубина, за ней — Шубин. Он в белом халате. Медсестра выходит из-за стола.

Татьяна Леонидовна. Сидите, сидите, пожалуйста.

Медсестра. Я уже закончила, Татьяна Леонидовна!

Шубин подходит к окну. Смотрит в сад.

Татьяна Леонидовна. А Самойленко-то. Видели? Медсестра. Думаю, что через неделю ее можно будет выписать.

Татьяна Леонидовна. Если не раньше. Я ею очень довольна. Вытащили мы ее.

Шубин. Откуда?

Татьяна Леонидовна. Оттуда... (*Медсестре.*) Антонина Матвеевна! Не в службу, а в дружбу: я забыла передать дочери эти журналы. (*Берет со стола какой-то сверток. Протягивает его медсестре.*) Отнесите ей, пожалуйста! Скажите, что прислали друзья из школы.

Медсестра выходит.

Шубин. Что за журналы?

Татьяна Леонидовна. Три последних номера «Юности». Какая-то новая повесть с продолжением.

Шубин (*усмехнувшись*). Уж не Сомов ли?

Татьяна Леонидовна (*серьезно*). Нет. Не Сомов.
А ты напрасно над ним иронизируешь. Я прочитала его роман. Самобытно и талантливо. Он хорошо знает то, о чем пишет.

Шубин. Он давал тебе рукопись?

Татьяна Леонидовна. Да. Рукопись. Няня! Кончайте уборку. Организуйте нам два стакана чаю. Пожалуйста.

Няня (*не очень приветливо*). Вода есть. (*Выходит.*)

Шубин. Не слишком любезна нянечка.

Татьяна Леонидовна. Прекрасная женщина.

Шубин (*пожав плечами*). Может быть.

Татьяна Леонидовна. Все это пустяки... Все это пустяки... (*Задумывается. После паузы.*) Сергей! Она все еще не хочет тебя видеть.

Шубин (*глухим голосом*). Ты говорила с ней?

Татьяна Леонидовна. Да.

Шубин. Что она сказала?

Татьяна Леонидовна. Ей стыдно.

Шубин. Глупая. Я же ее люблю.

Татьяна Леонидовна (*после паузы*). Нужно время для того, чтобы все встало на свое место. Нужно время.

Шубин. Да. Я неправильно вел себя тогда с ней... Видно, я говорил тогда больше для себя, чем для нее.

Татьяна Леонидовна. Ты не был для нее в тот день отцом. Ты был прокурором.

Шубин. Прокурором?

Татьяна Леонидовна. Ты думаешь, я не вижу, как это тебе тяжело? Но мне ведь тоже не легче.

Шубин (*прерывающимся от волнения голосом*). Таня... как все это сложно... как больно... Просто не знаю...

Татьяна Леонидовна (*сдерживая волнение*). Возьми себя в руки, Сергей! Я обещаю тебе: все встанет на свое место. Нужно время. Что поделаешь, так уж все сложилось в нашей жизни. И виновных искать мы не будем.

Шубин. Как я благодарен тебе. (*Целует Шубиной руку.*)

Татьяна Леонидовна. За что?

Шубин. За то, что ты такая...

Татьяна Леонидовна. Кто-то из нас двоих должен же быть сильнее.

Шубин. И я у тебя в неоплатном долгу.

Татьяна Леонидовна *(пытаясь улыбнуться)*. Все мы в долгу друг у друга... Ну а как твои успехи? Все хорошо?

Шубин. Да, так все хорошо, если не считать того, что произошло...

Татьяна Леонидовна. Я говорю сейчас о работе.

Шубин. Работы много. Ты ведь знаешь, что вопрос о строительстве станции решен положительно. Дело движется.

Татьяна Леонидовна. Я рада за тебя. Главное в нашей жизни — любимое дело. Я лично в этих стенах провожу три четверти всего своего времени.

Шубин. Ты похудела.

Татьяна Леонидовна. А я и не хочу полнеть.

Шубин. Очень устаешь? Много операций?

Татьяна Леонидовна. И устаю, и много работы, и это — мое счастье!

Входит няня. В руках у нее поднос. На нем стаканы с чаем. Она ставит их на стол.

Спасибо, нянечка. *(Поднимается.)*

Няня. Ничего, не стоит... *(Помедлив.)* Татьяна Леонидовна! Дочка зайти просит. И папа, говорит, пусть зайдет. Я, говорит, знаю, что он мириться пришел.

Шубины, переглянувшись, молча выходят. В кабинет входит медсестра.

Медсестра. Няня! О чем вы сейчас говорили с дочерью Татьяны Леонидовны?

Няня. Об жизни.

Телефонный звонок.

Медсестра *(снимает трубку)*. Второе хирургическое. Старшая сестра *(помолчав)* слушает вас... Кого?.. Сергея Евгеньевича Шубина? *(Помолчав.)* А кто его спрашивает?.. Жена? Да, он здесь... Нет, он сейчас занят... Хорошо, я передам. *(Кладет трубку. Смотрит на няню.)*

Няня *(про себя)*. Ох, дети, дети — никуда вас не дети... *(Начинает протирать окно.)*

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Комната на даче. Бревенчатые, потрескавшиеся от времени стены с каплями застывшей смолы. Посредине комнаты стол. Несколько простых стульев и табуретки. У стены тахта, над ней недорогой старый ковер. В углу круглая изразцовая печь. Замечено, что на даче зимой не живут. За стеклянной дверью, выходящей на веранду, — солнечный зимний пейзаж. В момент поднятия занавеса Аркадий, сидя на корточках перед печью, разжигает огонь. Затем он берет лежащую на тахте гитару и, глядя на разгоревшийся огонь, начинает негромко играть и петь.

Аркадий (*поет*).

На вечерней зорьке утку убили,
Утку убили — метко подстрелили.
Лишь одна дробинка в сердце ей попала —
За кустом, в болото утка упала.
Как она упала — клювом в воду ткнулась,
Так она лежала, не пошевелинулась,
И ее по ветру отнесло в осоку.
Не нырять ей больше, не летать высоко.
Не нашел охотник утки убитой,
За кустом в болоте камышами скрытой,
Не достал добычи, зря искал, бранился...
Долго над болотом селезень кружился...

На веранде появляются две человеческие фигуры. В руках у них лыжи. Они заглядывают через стекла двери в комнату. Стучат.

(*С гитарой в руках подходит к двери, кричит*).
Что? Кого? (*Прислушивается*.) Не знаю! Это дача
Нефедовой!.. Не знаю! Не знаю! Я нездешний!

Лыжники скрываются. Аркадий подкладывает в печь щепки и бумагу. Огонь снова разгорается. За сценой хлопает дверь. В комнату входит Шубин. В толстом мохнатом свитере и лыжных брюках и ботинках.

Шубин (*еще в дверях*). Уф!..

Аркадий. Уже? Что так скоро?

Шубин (*снимая вязаную шапочку*). Я говорю: уф...

А это значит, что с меня хватит.

Аркадий. А где все?

Шубин. Идут. (*Стягивает с себя свитер и ложится на тахту*.) А вы как время проводили?

Аркадий (*глядя в окно*). Прошелся по шоссе. Потом

растапливал печку. Теперь сижу смотрю на огонь и сам себя развлекаю. *(Начинает напевать.)*

На вечерней зорьке уточку убили,
Уточку убили — метко подстрелили.
Лишь одна дробинка в сердце ей попала —
За кустом, в болото уточка упала...

Шубин. Всю жизнь мечтал выучиться играть на гитаре.
Как это делается?

Аркадий. Вот так. *(Играет на гитаре.)*

Шубин. Завидую. И не понимаю.

Пауза.

(Закуривает.) Вы, Аркадий, кажется, убежденный холостяк.

Аркадий. *(не сразу)*. Как вам сказать... Скорее, вдовец.
(Опускает гитару на колени.)

Шубин. Простите.

Аркадий. Жена расстреляна в Минске... Во время оккупации. Всю семью разом... отца, мать... Всех вместе. Я ведь еврей.

Шубин. Разве? А вы совсем не похожи на еврея.

Аркадий. Возможно. А жена была украинкой. Актрисой кукольного театра. Ее приняли за еврейку... И тоже уничтожили. *(Помолчав.)* Сегодня как раз день ее рождения. *(Помолчав.)* В эти дни особенно боюсь одиночества. Между прочим, потому я сейчас здесь...

Большая пауза.

Шубин *(после паузы)*. Простите за нескромный вопрос: вы изменяли своей жене?

Аркадий *(удивленно)*. Зачем?

Шубин. Ну... у вас бывали увлечения?

Аркадий. Когда?

Шубин. Когда вы уже были женаты!

Аркадий. Увлечения?

Шубин. Да. Вам нравились другие женщины помимо вашей жены?

Аркадий. Нравились. Да... Но я любил свою жену и был верен ей.

Шубин. Верны?

Аркадий. Да. Представьте себе.

Шубин (*притоднимаясь на локте и глядя на собеседника*). Ну а если бы вы встретили такую женщину, которая...

Аркадий (*прерывает Шубина*). Я встретил такую женщину.

Шубин. Ну?

Аркадий. Это была моя жена...

Шубин. У вас не было детей?

Аркадий (*тихо*). Мы ждали ребенка...

Пауза.

Шубин. Хорошо, что вы такой цельный человек, однолюб... Но есть ведь люди и иного склада, и тоже честные, порядочные, как у нас принято говорить. А их осуждают за то, что...

Аркадий. За что же их осуждают?

Шубин. За аморальное поведение в быту. А весь поступок иного такого человека заключается только в том, что он разлюбил мать своих детей и полюбил другую женщину.

Аркадий. Вы говорите: «Разлюбил». А может быть, он ее никогда и не любил?

Шубин (*задумавшись*). Может быть. И вот встретил другую, полюбил ее, не может без нее жить, работать. Она ему нужна как воздух, и он ушел к ней, ушел от той, с детьми. А люди предполагают уже, что, раз он ушел от одной, он может уйти и от этой, второй, а там и от третьей! Справедливо ли это? Разве человек не имеет права на любовь?

Аркадий. Человек имеет право на все, кроме подлости!

Шубин. Какая же это подлость, черт возьми?

Аркадий. Я имею в виду не ваш случай.

Шубин. Столько развелось ханжей, нравоучителей...

Аркадий. Хватает.

Шубин. Один — семьи не разрушает, а знай блудит направо и налево, и ничего — общественность спокойна... А другой — честно, по велению души и сердца перестроит заново свою жизнь, и в него уже тычут пальцем: «Ай как нехорошо!», «Ай как аморально!»

Шубин замолкает. В комнату шумно входят раскрасневшиеся от мороза Марина и Тамара.

Тамара (*трет уши*). Ай какой знатный морозец! В следующее воскресенье опять сюда приедем!

Марина. Если только Таисия Павловна нам вторично доверит ключ от своей дачи!

Тамара. А мы и ее вытащим, ей надо похудеть. Что-то у меня случилось с правым креплением. Это я ведь из-за него так часто падала... Аркаша! Ну как вы тут без нас? Сергей Евгеньевич! Почему вы нас бросили?

Аркадий. Хоть бы кто-нибудь обратил внимание!

Марина. На что?

Аркадий. На то, что в комнате тепло благодаря моим усилиям. (*Показывает на печь.*) Хотя бы кто-нибудь произнес: «Спасибо, Аркаша! Пока мы прохлаждались в свое удовольствие, ты не сидел сложа руки, ты занимался делом на благо общества!» Нет, вошли, разделись, согрелась и промолчали! Черствая неблагодарность!

Тамара. Действительно! Как же это мы? А? (*Шутливо.*) «Спасибо, Аркаша! Спасибо, родненький! Пока мы прохлаждались в свое удовольствие, ты не сидел сложа руки, ты занимался делом на благо общества!»

Аркадий. Профессиональная память! А не пора ли сесть к столу?

Марина. Масса продуктов! Как это мы все осилим? Друзья! Можно садиться! (*Вспомнив.*) А где же остальные?

Тамара. Они оторвались и пошли по своему маршруту. Будем ждать?

Марина. Совершенно не обязательно. Я вообще не знаю, зачем они к нам привязались. Надо же было нам их встретить! Ох!

Аркадий. Их продукты я не распаковывал.

Марина. Тем лучше! Аркадий! Подайте мне, пожалуйста, термос. Что в нем? Какао? Кофе? Или что-нибудь на «ш»? Шпирт?

Аркадий. У хорошего администратора найдется и то, и другое, и третье!

Все садятся к столу, пододвинув его к тахте, на которой остается сидеть Шубин.

Марина. Чудесный день сегодня! А какой лес! Аркадий! Если бы вы с нами пошли, вы бы испытали огромное наслаждение!

Аркадий. Товарищи!.. У меня же не было лыж!

Пауза. Все едят и пьют.

Тамара (*смеется*). Ох эти колхозные ребятишки! Чего они там не выдělывают, на той горе! Сергей Евгеньевич! Вы обратили внимание на паренька в красной фуфайке? Смотришь на него — и самой становится весело! Я его спрашиваю...

В комнату врывается Макс.

Макс. Товарищи! Помогите! Буба, кажется, сломала себе ногу!

Аркадий (*спокойно*). «Кажется» или сломала?

Макс. Не знаю. Мы решили скатиться с горы. Она поехала первая, а я остался наверху. Потом я увидел, как она упала и перевернулась через голову раз и еще раз — и лежит! Я подбежал к ней, а она держится за ногу. И не может шевельнуться!

Марина (*поднимается*). Где она сейчас?

Макс (*неопределенным жестом показывает направление*). Там, в лесу! Плачет и стонет.

Аркадий (*выходит из-за стола*). Что же, вы не могли ее на руках из лесу вынести?

Макс (*оправдываясь*). Она тяжелая. И потом столько снегу...

Марина (*решительно*). Пойдемте, товарищи! Поможем!

Аркадий. Нет, вы оставайтесь! Не обязательно всем идти!

Макс (*подходит к столу и берет большой бутерброд с колбасой*). Как волк проголодался. (*Откусывает бутерброд.*) Товарищи! Скорей! (*Ест.*)

Аркадий и Тамара быстро выходят.

Марина (*Максу*). Сотрите с лица помаду!

Макс. Где?

Марина. На правой щеке.

Макс трет щеку, на ходу жуя, выходит из комнаты. Марина и Шубин одни.

(Тихо спрашивает.) Сережа! Как ты себя чувствуешь?

Шубин. Спасибо, хорошо.

Марина. Когда ты свернул на эту лыжню, я поняла, что тебе захотелось побыть одному. Я угадала?

Шубин (с тревогой). Ты сердисься?

Марина (ласково). Что ты... Я же все понимаю... Я так благодарна тебе, что ты поехал с нами... Это очень важно для меня. Понимаешь?

Шубин. Понимаю.

Марина. Я очень люблю тебя, Сережа. (Прижимается к мужу.)

Шубин (обняв жену одной рукой). И я...

Марина. Как тебе помочь? Как? Чем? Я бы так хотела тебе помочь!

Шубин. Милая моя... Я это знаю.

Марина. Ты попробуй, постарайся представить себе все в другом свете! В самом деле! Все самое плохое — позади. Твой сын хорошо учится. Света жива-здорова... Вы помирились. Мы любим друг друга... Все хорошо!

Шубин. Ты права. Все не так плохо, как кажется, но дело в том, что и не так хорошо, как бы хотелось. Разве я не вижу, разве я не понимаю, что мои мысли, мои думы, которые должны касаться одного меня, — и тебе не дают покоя?

Марина. Не продолжай!

Шубин. Тебе со мной трудно. Я никогда не придавал значения разнице лет между нами... Собственно говоря, она и невелика. Она неощутима. Вернее, была неощутима до того самого дня, когда я вдруг понял, что старше тебя еще на две жизни...

Марина (тихо). Жизни твоих детей.

Шубин. Представь себе.

Марина (после большой паузы). Ну а что же дальше?.. Почему ты молчишь?

Шубин в раздумье машинально трогает струны гитары, лежащей на тахте.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Номер в одной из московских гостиниц. Шубин в плаще, со шляпой на коленях, сидит в кресле. Сомов стоит возле стола.

Сомов. Я звонил тебе несколько раз, но все не заставлял дома. Ты мне очень нужен.

Шубин. Я тебя тоже очень хотел видеть! По служебным делам в Москву или опять по литературным? Читал я твою книгу. Хорошая вещь. И легко читается.

Сомов. На этот раз я здесь в связи с другими делами.

Шубин. Не секрет?

Сомов. Я именно хочу, чтобы тут не было никакого секрета, тем более от тебя...

Стук в дверь. Входит официант. В руках у него поднос с бутылкой коньяка и две рюмки. На блюде лимон.

Официант (*ставит поднос на стол. Сомову*). Дагестанский, «Три звездочки», как просили. Можно открыть?

Сомов кивает головой. Официант открывает бутылку. Хочет разлить коньяк по рюмкам.

Сомов. Спасибо. Мы сами. Счет — потом. После, пожалуйста.

Официант деликатно ставит бутылку на стол и направляется к двери. Что-то вспомнив, останавливается. Подходит к Сомову.

Официант (*улыбаясь*). Прошу прощения! Я насчет книжечки... Не забыли?

Сомов. Да, да! Я вам надписал. (*Берет со стола книгу, протягивает ее официанту.*) Вот. (*Читает надпись на титульном листе.*) «Силантию Никифоровичу Каштанову. На добрую память». (*Протягивает книгу.*) «От автора».

Официант (*берет книгу*). Покорнейше благодарю. (*Шубину.*) Книги я собираю. Первый том с личной благодарностью от Алексея Толстого получил! Во время войны его обслуживал. «Петра Первого» он мне преподнес... Еще сборник стихов есть на грузинском языке. От автора — поэта... Два прогрессивных сочинения иностранных писателей — Арагон и Павел Неруда! Тоже самолично расписались.

Приятно как память иметь. Другой раз возьмешь книгу в руки — и вспомнишь человека, который ее сочинил... В каком номере жил, что кушать заказывал... Извините... Помешал... Если что еще требуется — звоните. Я на этаже. *(Уходит.)*

Шубин *(помолчав)*. Редко, редко мы с тобой видимся, Арсений! Жаль. А жизнь идет, дни бегут — время катится...

Сомов. Ты что-то, видно, не в духе сегодня. Как твои дела?

Шубин. Какие мои дела ты имеешь в виду? Личную жизнь или...

Сомов *(перебывая)*. Я, видишь ли, не отделяю личной жизни от всего остального.

Шубин *(наливая себе рюмку коньяку)*. А у меня, брат, как-то так, само отделяется... Я разумом понимаю, что главное — это не только то, что касается меня одного, моих личных чувств и эмоций. Главное — это то общее, непосильное одному, ради которого я существую как маленькая частица этого большого, во что лично я, Шубин, вкладываю свое сердце, свой разум, труд и фантазию. А то — не главное, хотя и не менее важное для меня, это — мое, личное: женщина, которую я люблю, мои дети, мой дом. И между прочим... *(Умолкает.)*

Сомов. Продолжай. Я тебя внимательно слушаю.

Шубин. Мне сейчас показалось, что выражение «между прочим» могло бы звучать и как «между главным». В самом деле! Личная жизнь гражданина Шубина Сергея Евгеньевича удивительно не монтируется почему-то с тем «прочим», точнее, «главным», ради чего он живет на этой земле. Подумать только! Кто такой Шубин? Ведущий инженер научно-исследовательского центра, разрабатывающего самые передовые гипотезы. По существу, с девяти часов утра и до конца рабочего дня он Шубин находится на форпосте коммунизма, в завтрашнем дне. А дома, когда Шубин наедине с самим собой, он весь в прошлом, занимается самоанализом, мучается сомнениями... Удивительно негармоничное сочетание личного и общественного! *(Усмехнувшись.)* Я стал самокритичен! Не правда ли?

Сомов. Но ты же ведь любишь!

- Шубин. Да! Люблю. В том-то и гвоздь! Но счастья... почему-то нет! Нет!
- Сомов (*задумавшись*). Понимаю... (*Ходит по комнате*.) А я-то думал...
- Шубин. Так что же ты мне хотел сказать? Ты говоришь, что искал меня.
- Сомов (*не сразу*). Видишь ли, Сергей... я решил жениться...
- Шубин. Наконец-то! Давно пора! Довольно тебе бобылем жить! Мудрое решение!
- Сомов. Да. Я женюсь!
- Шубин (*шутливо*). Сочувствую. Прости. Шучу, шучу! Поздравляю. От всей души! Кто же оңа? Москвичка? Хороша собой?
- Сомов. Москвичка.
- Шубин. Надеюсь, согласишься на свадьбу? Готовить подарок?
- Сомов (*серьезно*). Подарок можно и не готовить. И на свадьбу я тебя не приглашаю.
- Шубин (*удивленно*). Что так? Почему? Что случилось?
- Сомов. Видишь ли... Я женюсь на... Татьяне Леонидовне.
- Шубин (*ставит рюмку на стол*). На ком?
- Сомов. На Татьяне Леонидовне. В Москву я приехал за ней. У нас в Таежном открывается новая больница. Ей предложено место главного врача... Вот... И я хотел тебе сам сообщить об этом.
- Шубин. Сам?
- Сомов. Да. Сам. Чтобы ты узнал не из третьих рук, не с чьих-то слов.
- Шубин. Хорошо... А что, собственно, хорошего? (*Запом выпивает рюмку коньяку*.) Ты ждешь от меня ответа?
- Сомов. Нет. Ответа я не жду.
- Шубин. Он тебе не нужен!
- Сомов. Не нужен. Надеюсь, это не помешает нам остаться добрыми... знакомыми?
- Шубин. Нет, конечно. Только почему «знакомыми», а не «друзьями»? Ну что ж, Сомов! Я пью за твое счастье. Нет своего, так за чужое счастье выпью! Вот оно, какое дело-то...
- Сомов. Спасибо, Сергей!

Чокаются, пьют.

Шубин (*неожиданно помрачнев*). А ребята как же?..
Выходит, и они будут там... с тобой? (*Трет лоб.*)
Понимаю... Ну да... Значит, я вообще... совсем...
Сомов (*серьезно*). А как же быть иначе?
Шубин. Ты прав. Я молчу... Удивительное дело: молчу... Между прочим, нечего мне сказать. Нечего. Просто нечего!

В дверь стучат. Входит Шубина. В руках у нее букет цветов. Она не ожидала встретить здесь Шубина. Шубин поднимается. Сомов помогает Шубиной снять пальто.

Татьяна Леонидовна (*Шубину*). Добрый вечер!
(*Протягивает руку.*)

Шубин (*глухим голосом*). Здравствуй, Таня!
Татьяна Леонидовна (*Сомову*). Цветы! Купила возле гостиницы. Есть куда поставить?

Сомов. Да, да! Сейчас!

Татьяна Леонидовна. Последние. Нравятся?

Шубин. На улице дождь?

Татьяна Леонидовна. Нет, листопад.

Сомов. Вот кувшин.

Татьяна Леонидовна (*ставит цветы в кувшин*).

В Красноярске, говорят, стоит небывалая жара.

Сомов. Как прошла операция?

Татьяна Леонидовна. Отложена на завтра. Боюсь за сердце больного.

Шубин. Да. Сердце — это очень ответственно. Даже тогда, когда не требуется хирургического вмешательства. (*Про себя.*) Осенью на трамвайных столбах висит предостережение: «Осторожно, листопад!» Осыпаются листья, скользят колеса, осенью...

Шубина подходит к окну. Раздвигает шторы. За окном вечер. Напротив светятся окна многоэтажного дома.

Татьяна Леонидовна. Сомов! Ты видишь дом напротив? Светятся окна, и за каждым свои радости, свои печали. А люди проходят мимо и говорят: «Смотрите, как красиво — в окнах горит свет!»

Большая пауза. Звучит тихая музыка. Неожиданно в комнату входит незнакомец. Все с удивлением оборачиваются. Молча смотрят на вошедшего.

Незнакомец. Извините, пожалуйста! Я...

Сомов. Кто вы такой?

Татьяна Леонидовна. Откуда?

Незнакомец. Я вам сейчас все объясню.

Шубин. Что вам угодно?

Незнакомец (*волнуясь*). Видите ли, товарищи... Дело в том, что автор поручил мне внести в пьесу некоторые поправки. Я тоже пережил в своей жизни аналогичную историю, но все неожиданно повернулось совсем иначе. Я сейчас непосредственно от автора. Он согласен на другой финал!

Сомов. Вы опоздали. Спектакль кончился.

Татьяна Леонидовна. Кончился спектакль.

Шубин. Мы уже ничего переигрывать не можем.

Незнакомец. Я так спешил... Ну что ж... Тогда пусть уж все остается так, как сложилось у вас. Простите... (*Уходит.*)

Сомов (*помолчав*). А ведь действительно эта пьеса могла бы завершиться иначе.

Татьяна Леонидовна. И я могла бы быть совсем другой...

Шубин. А уж про меня и говорить нечего.

Занавес

1959

ЭЦИТОНЫ БУРЧЕЛЛИ

Трагикомедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Деревушкин Платон Петрович, ученый-энтомолог, 60 лет.

Раиса Павловна, его супруга, 45 лет.

Анна Павловна, сестра жены, 50 лет.

Елена Викентьевна, теща, 75 лет.

Софья
Серафима } дочери Деревушкина от первого
Александра } брака, 35, 30 и 25 лет.

Растегай Марк Иванович, муж Софьи, 40 лет.

Хвощ Афанасий Иванович, муж Серафимы, 35 лет.

Иванов Иван Иванович, муж Александры, 30 лет.

Никологорский Савелий Савельевич, сосед Деревушкиных, 65 лет.

Домработница.

Рабочие.

ОТ АВТОРА

Образы отрицательных персонажей комедии ни в коем случае не карикатурны. Внешне они обыкновенные люди, с которыми мы порой встречаемся в жизни, — добропорядочные и обаятельные.

Премьера спектакля состоялась в мае 1961 года в Московском театре имени М. Н. Ермоловой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед зрителем — часть каменного двухэтажного коттеджа с просторной открытой верандой. На веранде новая плетеная мебель, в деревянных кадучках декоративные растения. За пестрыми занавесями угадывается сад. Возле веранды высажены цветы. Июль месяц.

В момент поднятия занавеса на веранде находятся Раиса Павловна и Анна Павловна. Последняя в цветном прозрачном плаще и шляпке сидит в кресле и напряженно слушает взволнованную речь сестры.

Анна Павловна. Ну как ты полагаешь, что бы это могло быть?

Раиса Павловна. И думать боюсь, что все это значит! Ясно, Аня, одно: Платон Петрович всем нам готовит сегодня какой-то сногшибательный сюрприз! Иначе он не стал бы созывать всех родственников для того, чтобы сделать какое-то важное заявление.

Появляется домработница.

Домработница. Раиса Павловна! Молоко скисло.

Раиса Павловна. Откройте банку сгущенного.

Домработница. Открою. (*Уходит.*)

Анна Павловна (*продолжая разговор*). И так, он сказал «заявление»?

Раиса Павловна. «Важное заявление».

Анна Павловна. Удивляюсь, что ты, его жена, не можешь ничего даже предположить!

Раиса Павловна. Ровным счетом ничего! Последние две ночи я совершенно не сплю, днем не нахожу себе места и ничего, ровным счетом ничего не могу себе представить... Что он задумал?.. Платон Петрович — человек со странностями, человек необычный, но... одним словом, я сейчас готова ко всему...

Голос у Раисы Павловны дрожит, и она, подавляя волнение, начинает нервно задергивать занавеси, сквозь которые пробиваются лучи палящего июльского солнца.

Анна Павловна. Успокойся, Раиса! Успокойся!

Раиса Павловна. Не могу... не могу успокоиться...

Я все-таки законная жена... а почему-то должна
о чем-то важном узнавать со всеми вместе...

Анна Павловна. С чего это началось? Как случилось?

Раиса Павловна (*беря себя в руки*). Совершенно неожиданно.

Анна Павловна. Расскажи все по порядку.

Раиса Павловна. В четверг вечером, вернувшись, как обычно, из леса, где он ведет наблюдение над своими муравьями, Платон Петрович вот здесь, на этом самом месте (*показывает*), сказал мне буквально следующее: «Прошу пригласить на ближайшее воскресенье, на пять часов вечера, всех наших наиболее близких родственников. Я намереваюсь сделать одно важное заявление». — «Какое заявление?» — спрашиваю я. «Ничего, отвечает, сейчас не скажу. Потерпите, пожалуйста, до воскресенья. Узнаете со всеми вместе. Пока это секрет!»

Анна Павловна. Неужели ты за два дня не могла...

Раиса Павловна. Ты же знаешь его характер. Секрета из него пушкой не вышибешь. Ему бы ракетами, а не муравьями заниматься!

Анна Павловна. В каком он сейчас настроении?

Раиса Павловна. В обычном. Купается. Катается на велосипеде. Играет в волейбол.

С соседней дачи доносятся звуки рояля.

Анна Павловна (*прислушиваясь*). Опять?

Раиса Павловна (*вздыхнув*). Да. На этот раз они сдали ей весь низ. За рояль берут отдельно — три рубля в час!

Анна Павловна. Ты последнее время ничего за ним не замечала? Прости меня... я хочу спросить: вы последнее время хорошо жили? Дружно? Вы не ссорились? Может быть...

Раиса Павловна (*волнуясь*). Я тебя понимаю... Нет, наша жизнь текла, как всегда, спокойно, без эксцессов.

Анна Павловна. Он не бывал с тобой резок? Не придирался к мелочам? Не запирался от тебя в кабинете? Вспомни.

Раиса Павловна. Нет. Впрочем...

Анна Павловна. Вспомнила?

Раиса Павловна (*держась за виски*). Нет! Этого я не допускаю! Нет, нет, Аня! Этого не может быть. Он мне верен... Мы любим друг друга. Я ему нужна!

Анна Павловна. Ну, тогда не о чем беспокоиться!.. Кто же сегодня придет?

Раиса Павловна. Дочери Платона Петровича.

Анна Павловна. С мужьями?

Раиса Павловна. Наверное.

Анна Павловна. Еще кто?

Раиса Павловна. Должен был быть Степан Петрович, но он неожиданно вылетел к себе в Заполярье. Мама сейчас здесь, у нас живет, так что ее вызывать не пришлось. Я ей пока ничего не говорила, зачем человека в преклонном возрасте лишней раз тревожить? Узнает сразу, со всеми вместе. Я просто не представляю себе, что ей придется сегодня услышать из уст зятя?!

Анна Павловна (*помолчав*). Платон Петрович меня тоже приглашал или это ты сама, по своей инициативе?

Раиса Павловна. Он просил собрать всех близких родственников. Всех! Ты моя сестра и после мамы для меня самый близкий человек. И в любом случае ты была бы сегодня здесь, возле меня! (*Дрогнувшим голосом.*) Я пока еще пользуюсь в этом доме правами хозяйки. Конечно, может быть, уже завтра... (*Умолкает.*)

Анна Павловна. Возьми себя в руки, Раиса! Возьми себя в руки! Я почему-то убеждена, что все будет хорошо. Хотя твоя срочная телеграмма меня тоже выбила из колеи. (*Достает из сумочки телеграмму, читает вслух.*) «Отложи все дела обязательно будь воскресенье пяти часам у нас даче». (*Кладет телеграмму обратно в сумочку.*) Что я могла подумать? Хоть бы ты как-то пояснее написала!

Раиса Павловна. А что я могла написать? Что? Я же ничего не знаю! Ничего! (*Чуть не плача.*) Боже мой! Чем я это заслужила? На одиннадцатом году совместной жизни...

Анна Павловна (*смотрит на свои ручные часики*). Ждать осталось недолго. Через полтора часа все выяснится и прояснится. Как мама?

Раиса Павловна. Ничего. Ночью была гроза, так она себя неважно чувствовала. А сейчас ничего. Удовлетворительно.

Анна Павловна. Где она?

Раиса Павловна. У себя, наверху.

Анна Павловна. А ей не трудно подниматься на второй этаж?

Раиса Павловна. Там ей больше нравится. А потом — одна она по лестнице не спускается и не поднимается. Кто-нибудь из нас — я или Дуняша — ей помогает.

Анна Павловна (*поднимаясь*). Пойду поздоровуюсь. (*Вспомнив.*) Кстати, как ее челность, которую я ей вставила?

Раиса Павловна. Что-то не очень удобно. Жалуеться на прикус.

Анна Павловна. Надо будет посмотреть. (*Смотрит в сад.*) А у вас тут прелестно! Земной рай!

Раиса Павловна. Ты же знаешь — все своими руками! Все сама! И сад, и дом, и двор... Сколько сюда вложено, если бы ты только знала!.. И души, и фантазии..

Анна Павловна. И денег.

Раиса Павловна. О деньгах я уже не говорю. А эти последние два дня мне почему-то ничего не дорого! Хожу как потерянная. Хотели этим летом к сторожке зимний гараж пристраивать — кирпич завезли, — а мне кажется, что строить уже ни к чему. На душе какое-то гнетущее, тревожное чувство...

Анна Павловна. Все равно вы здесь живете как в раю. Ты не думай, я тебе не завидую, я всю жизнь в городе прожила, но ваша дача, ваш участок, действительно, что-то особенное! Пойду разденусь и поднимусь к маме. (*Уходит в дом.*)

Раиса Павловна, оставшись одна, в раздумье поправляет веточки одного из находящихся на веранде растений, затем тоже уходит в дом. Некоторое время сцена пуста. Доносится звук приближающегося мотоцикла. Потом он внезапно обрывается. Слышны голоса.

Появляются супруги Хвощ. Афанасий Иванович Хвощ — с бородой, в спортивной курточке на «молнии», в белом круглом блестящем защитном шлеме с дымчатым забралом от солнца, что делает его похожим на марсианина. В руках у него альбом для зарисовок. Его жена Серафима в красной спортивного покроа куртке и таких же брюках.

Хвощ (*не снимая шлема, в изнеможении опускается в кресло на веранде*). От города до места за пятьдесят пять минут! Средняя скорость семьдесят два километра в час. Ничего себе!

Серафима. С тех пор как я достала тебе этот импортный шлем, ты совершенно перестал думать о моей голове.

Хвощ. Я предлагал тебе его надеть, но ты же отказалась.

Серафима. Он мне велик. Я бы в нем утонула. И потом — какая разница? Если я останусь жива, а ты разобьешься, то мне ведь от этого легче не будет: у меня на руках останется альбом твоих карикатур и двое малых детей!

Хвощ. Опять я виноват. Ты же сама подгоняла меня.

Серафима. И, кажется, напрасно... Что-то нас никто не встречает. Кажется, мы первые!.. (*Уходит в дом.*)

Оставшись один, Хвощ, все еще не снимая шлема, начинает делать в альбоме какие-то зарисовки. На веранду выходят Раиса Павловна и Серафима.

Раиса Павловна (*увидев Хвоща в шлеме*). Боже! Что у вас на голове?

Хвощ (*поднимаясь*). Здравствуйте, Раиса Павловна! На голове у меня шлем.

Серафима (*раздраженно*). Да сними ты его наконец! Глупо и смешно!

Хвощ (*снимает шлем и кладет его на балюстраду*). Простите! (*Садится. Продолжает рисовать.*)

Серафима. Так что же все-таки у вас тут случилось, Раиса Павловна? Нас несколько дней не было в городе, мы вашу телеграмму получили только сегодня утром. Вы говорите, что отец здоров? Так в чем же дело? Что за срочность? То по три месяца не видимся — и ничего! — а то вдруг такой вызов!

Раиса Павловна (*растерянно*). Сима! Что я вам могу сказать?..

Серафима. Где отец?

Раиса Павловна. В это время дня, как всегда, в лесу.

Серафима. Ну так что же все-таки у вас произошло? Какое событие?

Раиса Павловна. К большому сожалению, к тому, что я вам уже сказала, я ничего добавить не могу.

Серафима. Странно... Итак, он хочет нам сделать какое-то заявление, и притом важное? Любопытно. Очень любопытно.

Хвощ, сидя в кресле, продолжает что-то рисовать.

Раиса Павловна. Поймите меня, Сима! Я чувствую себя в глупейшем положении...

Серафима. Ну что ж... Выходит, мы первыми прискакали?

Раиса Павловна. Моя сестра уже здесь. А ваших еще нет.

Серафима. Дядя Степан тоже приглашен?

Раиса Павловна. Он улетел к себе в Заполярье.

Серафима. Понятно.

Раиса Павловна. А так я всех предупредила... Вы меня извините, пожалуйста! Мне надо еще кое о чем позаботиться.

Серафима. Сделайте одолжение!

Раиса Павловна уходит в дом.

Хвощ (*жене*). Нас будут кормить?

Серафима. Не очень рассчитывай. На кухне готовят тартинки и разливают томатный сок. Всё как в лучших домах.

Хвощ. Я говорил, надо было дома подзаправиться как следует.

Серафима. Надо было.

Хвощ. Тартинками я не наемся. Предупреждаю.

Серафима. Что ты там рисуешь? (*Подходит, смотрит.*) Кто это?

Хвощ. Не узнаешь?

Серафима. Сколько карикатур ты сделал за прошлый месяц?

Хвощ. Не помню.

Серафима (*вспоминает*). Пять международных... Нет, еще одна на внутреннюю тему, с пьяницей. Итого — шесть рисунков за месяц. А у Абрамова — десять! Он уже третий альбом со своим поэтом выпускает...

Хвощ (*меланхолично*). «Губительным ядом, отравляющим наши души, является зависть». Фильдинг.

Умер, к сожалению, в тысяча семьсот пятьдесят четвертом году.

Серафима (*вздыхнув*). Видно, мне придется самой заняться твоими делами. Работать столько лет на ослабление международной напряженности и до сих пор не иметь авторского альбома! (*Смотрит на рисунок.*) По-моему, ты повторяешься! Опять эта бомба! Придумай что-нибудь пооригинальнее!

Хвощ. Вот тебе карандаш, рисуй сама!

Серафима. Ладно, работай, работай!

Хвощ продолжает рисовать.

Как ты думаешь, зачем нас пригласил отец?

Хвощ. По-видимому, он хочет предложить нам всем переехать на эту виллу, чтобы мы не тратили наши трудовые сбережения на путевки в дома отдыха и на аренду чужих дач.

Серафима. Я тебя серьезно спрашиваю, а ты остришь!

Хвощ (*продолжая рисовать*). Я сатирик! Что ты от меня хочешь?

Серафима. Хочу, чтобы ты... (*Машет рукой.*) А, все равно! (*Спускается в сад.*)

Доносится звук приближающегося автомобиля. Затем звук обрывается. Слышны голоса. Появляются супруги Растегай, за ними Серафима. Марк Иванович Растегай и его жена Софья в темных очках. Одеты со вкусом. У Растегая в руках портативный радиоприемник.

Растегай. По какому поводу «выездная сессия»?

Софья. По какому случаю сбор всех частей? Мы сорвались как угорелые. Думали, бог знает что стряслось! Значит, он здоров? Тогда в чем же дело? Что за блажь пришла ему в голову?

Серафима. Загадка. Шарада. Ребус. Кроссворд. На выбор!

Софья. Афанасий, здравствуй! Не теряешь времени, трудишься?

Растегай (*поднимаясь на веранду*). Сатирикам — наше юридическое! (*Пожимает руку Хвощу.*) Искажаете действительность? (*Заглядывает через его плечо.*) Знакома физиономия! Где-то я его уже видел! А-а-а! Вспомнил!

Хвощ (*спокойно*). Мои карикатуры запоминаются. Я профессионал.

- Растегай. Как не завидовать вашей профессии! Изобразил какую-нибудь акулу капитализма — и счет в кассу! Это тебе не в суде выступать!
- Хвощ (*невозмутимо*). А вы попробуйте-ка двадцать семь раз по памяти нарисовать то одного, то другого международного агрессора!
- Растегай. Квантум сатис! Количество по необходимости!
- Серафима. Марк! Откуда у вас двухцветная «Волга»? У вас ведь была «Победа»!
- Софья. Мы поменялись.
- Серафима. Сколько приплатили?
- Софья. Марк! Сколько нам обошелся обмен?
- Растегай (*неопределенно*). У меня с ее владельцем были свои расчеты. В общем, она обошлась нам не слишком дорого.
- Серафима. Везет богатым! А наша семейная мечта пока что дальше коляски для мотоцикла не простирается. На карикатурах далеко не уедешь!
- Появляется Раиса Павловна.
- Раиса Павловна. Добрый день!
- Растегай. Добрый день, если он добрый, Раиса Павловна! (*Целует ей руку.*)
- Софья. Что же все-таки это могло значить? Зачем он нас собирает?
- Раиса Павловна. Софья Платоновна, я знаю, к сожалению, не больше вашего. (*Печально улыбнувшись.*) Да. Как видите... (*Софье.*) Как ваш песчаник? (*Серафиме.*) А близнецы растут?
- Серафима. Спасибо, все здоровы.
- Растегай (*спустившись в сад*). Собираетесь что-нибудь пристраивать, Раиса Павловна? Я вижу, у вас на участке кирпич сложен. Тысяч пять?
- Раиса Павловна. Пять тысяч? Нет, что вы! Гораздо дешевле!
- Растегай. Вы меня не поняли. Я спрашиваю: кирпичей тысяч пять? Штук!
- Раиса Павловна. Что-то вроде этого.
- Растегай (*самодовольно*). У меня на кирпич глаз наметанный. И на дрова тоже. Только взгляну — и уже знаю, сколько кубометров. Можно не проверять. А вот с углем у меня не получается — ошибаюсь.

Софья. Нам на днях предложили дачный участок. Не знаем — брать или нет?

Растегай (*жене*). Ведь мы уже дали согласие.

Софья. Не поздно еще и отказаться.

Растегай (*пожав плечами*). Дело хозяйское.

Серафима. А нам, очевидно, никогда ничего строить не придется. Финансы поют романсы!

Хвощ. Мы — за здоровый туризм. За рыбалку!

Растегай. Вместе с народом дышать кислородом! (*Смеется.*)

Раиса Павловна. Дача — это одно мучение и разорение! Но уж если она стоит на участке, не сносить же ее? Тем более когда мы живем здесь ради Платона Петровича, только ради его здоровья и покоя.

Появляется домработница.

Домработница. Раиса Павловна! Мастера скамью привезли. Куда велите ставить?

Раиса Павловна (*оживляясь*). Вот сюда! Сюда! Возле клумбы! (*Показывает.*)

Домработница уходит.

Растегай. Благоустраиваетесь?

Раиса Павловна. Заказала садовую скамью. А то посидеть негде.

Софья. Мы, когда на машине за город выезжаем, раскладные стульчики с собой берем. Очень удобно.

Серафима. А мы — старое одеяло.

Хвощ. По Сеньке и шапка!

Растегай. Вы хотите сказать — шлем! (*Примеряет шлем.*)

Домработница возвращается, за ней двое рабочих вносят большую садовую скамью¹ на чугунных ножках.

Ого! Прямо скамья подсудимых!

Раиса Павловна руководит в саду установкой скамьи. Появляется Александра. У нее покрасневшее от ходьбы лицо. Растегай включает радио. Звучит музыка².

¹ Во время действия пьесы на скамью садятся только отрицательные персонажи.

² По ходу действия по радио может звучать не только музыка, но и любая другая передача, как бы приоткрывающая окно в другую жизнь. (*Примеч. автора.*)

Чудо на полупроводниках! Замечательный собеседник. С таким никогда не соскучишься — два диапазона.

Александра (*с тревогой в голосе*). Товарищи! Что случилось? Все живы-здоровы?

Софья. Успокойся, крошка! Пока ничего еще не случилось. Отец здоров. Он в лесу. Мы здесь. А ты одна?

Александра (*поздоровавшись со всеми*). Как видишь. Здравствуйте, Раиса Павловна! Простите, что я сразу с вами не поздоровалась. Получила вашу телеграмму и страшно забеспокоилась.

Серафима. В пять часов мы услышим важное заявление нашего предка.

Александра. О чем?

Софья. Никто ничего не знает.

Раиса Павловна. Представьте себе.

Александра. А я так волновалась...

Растегай. Почему без супруга? Где он?

Александра. В небе.

Как бы в подтверждение ее слов над дачей слышен звук реактивного самолета.

Растегай. Это он?

Александра. Не знаю. Может быть.

Софья. Как ты добралась?

Александра. На электричке. Потом на автобусе до моста. А от моста пешком... Уф... Жарко! (*Вытирает лоб платком.*)

Растегай. И это при наличии мужа, овладевшего реактивной техникой!

Установив скамью, Раиса Павловна уходит с домработницей за угол дачи.

Александра. Папа, как всегда, у муравьев!

Софья. Верен себе.

Растегай. Насекомые всего мира должны воздвигнуть вашему отцу памятник.

Александра. Он достоин этого! (*Хвощу.*) Афанасий! Что ты там рисуешь?

Серафима. Оставь его в покое. Ему нужно к вечеру закончить карикатуру для газеты. Обещали вставить завтра в номер. Скажи лучше, как ты думаешь, зачем мы ему понадобились?

Александра. Знаете что? Может быть, он просто по нас соскучился?

Софья. И решил повидаться с нами таким образом?
Серафима. Так загадочно?

Александра. А так интереснее!

Серафима. Все может быть. Мы предполагаем что-то особенное, а на самом деле может быть и так! От нашего отца всего можно ожидать.

Александра. Вовсе не всего!

Софья. Так вы думаете, это просто примитивный розыгрыш?

Хвощ. Тогда я прямая жертва: остался без обеда.

Слышны голоса.

Александра. А вот и папа!

Серафима. И даже не один!

Растегай выключает радио. Появляются Деревушкин и Никологорский. Деревушкин — бодрый и на вид здоровый человек с обветренным, загорелым лицом. В руке у него большая лупа. Никологорский — полный, рыклый мужчина, опирается на самодельную сучковатую трость.

Деревушкин (*заканчивая разговор со спутником*). Муравей, о котором вы говорите, Савелий Савельевич, относится к виду кочевых муравьев «эцитон бурчелли». Это — муравьи-хищники; они не имеют постоянного гнезда. Живут на марше, набегами и разбоем. Они прожорливы и безжалостны, как истинные тунядцы. Горе мирному пешеходу, встретившему на своем пути полчище эцитонов. Одно спасение — бежать. (*Обращаясь к поднявшимся ему навстречу родственникам.*) Здравствуйте, дети мои: Соня, Сима, Саня! Здравствуйте, уважаемые зятя Ивановичи! (*Целует дочерей и обменивается рукопожатием с мужчинами.*) Не вижу среди вас Ивана Ивановича Иванова! Где он? Иван Иванович? А? Что? Ну?

Александра. Папа, он не мог приехать. У него сегодня полеты.

Опять в вышине над дачей проносится реактивный самолет.

Деревушкин. Причина уважительная. А жаль. Он сегодня был бы весьма кстати. (*Представляя Никологорского.*) Кто не знаком? Знакомьтесь! Мой доб-

рый сосед Савелий Савельевич — сердечных дел мастер!

Никологорский (*шутливо*). Надеюсь, в ближайшее время никому из присутствующих моя помощь не понадобится. (*Представляется Растегаю.*) Никологорский.

Хвощ (*представляясь*). Хвощ.

Никологорский. Хвощ? Это не ваши ли сатирические рисунки мы имеем удовольствие встречать иногда в газетах?

Хвощ. Мои.

Никологорский. Вы — опасный человек. Однако разрешите пожелать вам успешно продолжать в том же духе! Насмешки боится даже тот, кто ничего не боится! Так, кажется, сказал наш великий Гоголь?

Растегай. А мы с вами знакомы, профессор! Я был у вас в прошлом году на консультации в Центральной поликлинике.

Деревушкин уходит в дом.

Никологорский (*Растегаю*). Очень приятно. Я вам тогда помог?

Растегай. Безусловно, профессор. Вы тогда посоветовали мне бросить курить.

Никологорский. Ну и как? Бросили?

Растегай (*виновато*). Курю, профессор.

Никологорский. Папиросы? Трубку?

Растегай. Сигареты. С фильтром. Они, знаете ли, как-то легче.

Никологорский. Не откажите в любезности, угостите сигаретой. С утра не курил.

Растегай (*охотно*). Извольте, профессор! Прошу!

На веранду выходит Деревушкин, за ним — Раиса Павловна.

Деревушкин (*весело*). А мы с Савелием Савельевичем удивительно прошлись по лесу! Я продемонстрировал ему мои муравьиные владения.

Никологорский. Признаюсь, был полнейшим профаном в этой области. Теперь буду чаще себе под ноги смотреть, чтобы невзначай не раздавить какого-нибудь рабочего муравья.

Деревушкин. Я ведь когда еще обещал вам показать моих подопечных.

Никологорский. Век живи — век учись. А эти беззаветные муравьи-няньки! Нам бы такой штат во все наши детские и родильные дома! Права народная мудрость: «Мал телом, да велик делом!» Поистине неверно считать малым то, что мы не измеряли или о чем просто мало знаем! Нет, что говорить, большое удовольствие вы мне сегодня доставили, Платон Петрович! Огромнейшее!

Деревушкин. И прошлись недурно. Вам ведь ходьба показана, профессор?

Никологорский. Намекаете на мои накопления, Платон Петрович? Поздно заботиться о талии! Теперь я говорю: хорошего человека — чем больше, тем лучше! *(Обращаясь к Деревушкиной.)* Чуть было не забыл! *(Достает из кармана листок бумаги, протягивает его Раисе Павловне.)* Извольте! Тут все написано.

Раиса Павловна. Спасибо, Савелий Савельевич. Деревушкин. Опять какое-нибудь лекарство?

Никологорский. Никак нет-с! И даже совсем наоборот: рецепт на очищение водки посредством раствора манганата калия, по-русски — марганцовки.

Деревушкин. И что получается?

Никологорский. Слеза младенца! Если ее затем настоять на черной смородине, или лимонной корочке, или на ржаных сухарях — нектар!

Деревушкин. Попробуем, попробуем! Перцовку пивал, а вот марганцовку не пробовал. *(Вспомнив.)* Эх, жаль — не успел я вам показать редчайший экземпляр муравейника, грандиозное сооружение, воздвигнутое моими друзьями — строителями «формика руфа». Чудо муравьиной архитектуры и инженерии! Чудо!

Никологорский. Ловлю на слове, Платон Петрович! Вы мне его покажете! А сейчас разрешите откланяться. Моя Анна Антоновна меня заждалась. Как бы не прописала мне воскресную головомойку. *(Прощаясь с Раисой Павловной.)* Здоровье вашей матушки?

Раиса Павловна. Она чувствует себя гораздо лучше. И ваши порошки очень помогают.

Никологорский. Очень рад, очень рад. Разрешите

откланяться! (*Кланяется всем.*) До свиданья, товарищи!

Никологорский в сопровождении Деревушкиных уходит в сад и скрывается за углом дачи.

Софья. Отец, кажется, в прекрасном настроении?

Серафима. Занят своими мурашками-таракашками, роется в муравьиных кучах. И получает от этого удовольствие! Светлая личность! Чем-то он нас собирает удивить?

Александра. Вот увидите, что я буду права.

Хвощ (*показывая рисунок Растегаю*). Похож профессор?

Растегай. Похож.

Хвощ. Я из него потом капиталиста сделаю. Он очень хорошо позировал — не шевелился.

Растегай. Забыл я у него спросить...

Хвощ. Что спросить?

Растегай. Что полезнее пить, если уж пить, — коньяк, пиво, водку или вино? Он, видать, в этом деле понимает.

Хвощ. Все врачи советуют пить то, что пьют сами. Клинических опытов на видах алкоголя пока никто еще не ставил.

Растегай. А жаль! Я бы предложил свои услуги как подопытный пациент: утром тебе подносят «три звездочки», в обед — «четыре», перед сном — «пять», и всё — бесплатно, за счет клиники. А потом смотрят, как я реагирую. Неплохо, а?

Серафима. Надо было попросить профессора выписать один рецепт. (*Мужу.*) Почему ты мне не напомнил?

Хвощ. Какой рецепт?

Серафима. Вот так мы всегда упускаем момент! А теперь мне придется специально идти в поликлинику — доказывать, выпрашивать.

Хвощ. Что выпрашивать?

Серафима. Одно изумительное заграничное снотворное.

Хвощ. Зачем оно тебе? Ты же прекрасно спишь!

Серафима. На всякий случай. Потом его не будет.

Хвощ. У тебя склад всяких лекарств.

Серафима. И все — остродефицитные!

Появляются Деревушкины.

Деревушкин (*весело*). Старик ползал у меня в лесу на коленках с лупой в руках, как юный натуралист! Вселил-таки в него уважение к муравьям! Так-то, дети мои: Соня, Сима, Саня! А? Что? Ну?

Софья. Отец! Мы приехали!

Деревушкин. Вижу. Отлично поступили. Я вас ждал.

Серафима. Мы сгораем от любопытства.

Софья. Что ты хочешь нам сообщить?

Растегай. Вы, Платон Петрович, нас всех так заинтриговали...

Хвощ (*рисуя*)... что я даже не успел пообедать.

Александра. Ты ведь по нас соскучился, папа? Правда? (*Ласково обнимает отца.*)

Деревушкин. Я не видел вас всех целую вечность.

Александра. Ты здоров?

Деревушкин. Вполне. Как твои успехи?

Александра. Ты можешь меня поздравить. Я получила новый пост.

Деревушкин. Какой же?

Александра. Очень ответственный. С первого числа сего месяца я именуюсь: младший научный сотрудник Института физики Земли при Академии наук СССР.

Деревушкин. Поздравляю. Не знаю, в чем заключаются твои обязанности, но звучит весьма внушительно.

Александра. У тебя все хорошо? Никаких неприятностей?

Деревушкин. Наоборот.

Александра. Ты хочешь сегодня сообщить нам что-то приятное?

Деревушкин (*не сразу*). Как тебе сказать... Вот сейчас соберемся и поговорим. Раиса Павловна, который час?

Раиса Павловна (*тихо*). Без семи минут пять.

Деревушкин. Время! Прошу всех приехавших по моему вызову занять места. Я думаю, мы проведем нашу беседу здесь, на этой веранде?

Раиса Павловна. Лучше здесь. На той веранде накрывают на стол.

Деревушкин. Отлично. Здесь потолкуем, а на ту перейдем подкрепляться. Родственники не возражают?

Растегай. Принято единогласно.

Деревушкин (*осматривается*). Кого еще нет? Брат в Заполярье. Третий зять в воздухе. Тоже уважительная причина. (*Жене.*) Да! Нет еще Анны Павловны и Елены Викентьевны! Где они? Где моя любимая теща?

Раиса Павловна. Они сейчас спускаются.

Деревушкин (*усаживаясь поудобнее в кресло*). Подождем.

Раиса Павловна. Бумагу принести? Записывать ничего не надо?

Деревушкин. Нет. На этот раз записывать ничего не будем.

Все рассаживаются. Хвощ продолжает зарисовки с присутствующих. Появляются Анна Павловна и Елена Викентьевна, ее ведут под руку. Вновь прибывшие кивком головы приветствуют родственников.

Серафима (*мужу*). Потом дорисуешь! Сейчас неприлично!

Хвощ, тяжело вздохнув, кладет альбом на колени. Большая пауза, во время которой все выжидающе смотрят на Деревушкина.

Деревушкин (*нарушая молчание*). Ну-с... Все, кажется, в сборе... Приступим!.. Я очень рад, друзья, что вы, получив мою телеграмму, не замедлили оставить все свои дела и приехать по моему приглашению. Рад и признателен за внимание... Можно сказать, что то, в связи с чем я вас всех сегодня здесь собрал, касается меня одного. Однако вы, мои ближайшие члены семьи и родственники, должны быть полностью информированы о мотивах, побудивших меня принять одно решение. Я намереваюсь совершить один поступок. Я предугадываю, что он может вас удивить и даже поразить. Я буду согласен спокойно выслушать все ваши доводы «за» и «против», хотя более чем уверен, что в данном случае я останусь в решающем одиночестве. Я подчеркиваю «в решающем», ибо я пригласил вас вовсе не для того, чтобы с вами посоветоваться, а для того лишь, чтобы заявить вам о принятом мною решении, решении, которое я намерен провести в жизнь.

Раиса Павловна (*дрожащим голосом*). Когда?

Деревушкин. Полагаю, что... в самое ближайшее время.

Софья (*холодно*). Что же ты решил, отец?

Серафима (*сухо*). Очень интересно. Говори.

Растегай. Слушаем вас, Платон Петрович!

Раиса Павловна тревожно переглядывается со своей сестрой. Старуха теща сидит с каменным выражением лица.

Деревушкин. Итак, я решил поставить вас кое о чем в известность. Я хочу, чтобы вы узнали об этом из первоисточника, от меня. Но раньше, чем это сделать, я хотел бы несколько отвлечься, для того чтобы воскресить некоторые моменты из моей, достаточно хорошо известной вам биографии. (*Помолчав.*) Оглядываясь назад, на прожитые мною годы, я могу, не кривя душой, сказать, что я в своей жизни был достаточно счастлив. (*Обращаясь к жене.*) Простите меня, если я скажу, что я любил свою первую жену, мать моих дочерей, и что я тоже был любим ею... Несчастный случай навеки разлучил нас, но я навсегда сохранил о ней светлую память. Она много сделала для меня в пору моей юности, в пору моего становления на путь науки... всю свою сознательную жизнь я посвятил любимому делу, в котором я в меру моих способностей преуспел и признан ученым миром. Завершен наконец мой многолетний труд: в ближайшие дни выходит из печати третий и последний том «Семейства муравьиных». Я стою на рубеже шестидесятого года моей жизни. И все же, оглянувшись назад, я не могу не пожалеть о том, что многие события и испытания, затронувшие большинство моих сограждан и современников, прошли как-то мимо меня, едва коснувшись своим дыханием...

Александра. Что ты имеешь в виду, папа?

Деревушкин. Взять хотя бы войну. Люди воевали на фронтах и в тылу: голодали в осажденном Ленинграде, работали в подполье, эвакуировали эшелоны, лечили раненых, строили в невыносимых условиях новые заводы. А я продолжал за тридцать земель от фронта сквозь лупу изучать жизнь муравьиных семейств...

Раиса Павловна. Вы же ученый, Платон Петрович!

Как вы можете так говорить? Правительство знало, что вы рассматриваете в лупу!

Деревушкин (*спокойно*). Разве я об этом сейчас говорю? Я все прекрасно понимаю. Я говорю сейчас о личном моем ощущении, о сугубо индивидуальном осмыслении моей личной, деревушкинской жизни и деятельности. (*Помолчав.*) Вот и сейчас... Другие ученые работают на главнейших направлениях нашей отечественной науки, я не буду сейчас уточнять эти направления, вы их прекрасно знаете, — а я опять, как и двадцать и тридцать лет назад, ползаю на коленках по лесу с той же лупой в руках, делаю разрезы муравейников, продолжаю изучать строение муравьиного тела и так далее и тому подобное... И, на коленках, я слишком близко вижу перед глазами землю по сравнению с теми, кто сегодня стоит на земле и летает над ней!

Александра. Папа! Ты, по-моему, что-то преувеличиваешь или преуменьшаешь! Ты — исследователь!

Деревушкин. А? Что? Ну? Верно. Я исследователь. Но я опять же говорю сейчас не о той конкретной пользе, которую я приношу обществу своими знаниями и открытиями в области энтомологии, а о моем личном ощущении того, что всю свою жизнь был лишен чего-то, что мне всю мою жизнь чего-то не хватало, без чего я, как ни странно, подсознательно чувствую себя неполноценным человеком.

Раиса Павловна (*с большой тревогой*). Чего вам не хватало?

Хвощ, отложив в сторону альбом, внимательно и серьезно слушает речь Деревушкина.

Деревушкин. Какого-то нового, неведомого мною ощущения... И вдруг я понял, чего мне недостает!

Александра. Чего, папа?

Деревушкин. Была у меня в юности одна мечта. В течение всей своей жизни я возвращался к ней мысленно довольно часто, но каждый раз, уже почти созрев до решения, она в силу разных обстоятельств уходила от меня в несбыточное и нереальное. И вот совсем недавно моя искусительница вновь явилась ко мне и сказала: «Человек живет один раз. Сейчас или уже никогда! У тебя осталась

единственная и последняя возможность осуществить свое желание. Решай!» И я подумал: почему я должен отказать себе в том, о чем я, собственно говоря, мечтаю с ранних лет моей жизни? Зачем? Во имя чего? В конце концов, это мое личное дело, и, в сущности, кроме моих близких, никого это не касается. И я принял твердое и непреклонное решение. Может быть, одним оно покажется странным, другим — абсурдным, третьим — даже безумным, не исключено и такое суждение, но решение мною принято и, как это у вас говорится (*смот- рит на Растегая*), обжалованию не подлежит!

Раиса Павловна. Какое решение? Ради бога!.. Вы нас пугаете!

Софья (*неприязненно*). Что же это еще за странная мечта такая?

Александра. Какая мечта, папа?

Серафима. Любопытно, что же ты решил?

Растегай. Что вы решили, Платон Петрович? Не томите нас!

Все напряженно смотрят на Деревушкина. Большая пауза.

Деревушкин (*не сразу*). Я решил... прыгнуть с парашютом! А?.. Что?.. Ну?..

Немая сцена.

Анна Павловна. Прыгнуть?

Раиса Павловна (*приходя в себя*). С парашютом?

Софья. Как — с парашютом?

Серафима. Зачем с парашютом?

Растегай. Куда с парашютом?

Деревушкин (*озорно*). Да. Представьте себе. Я решил совершить один прыжок с парашютом. И я буду прыгать!

Елена Викентьевна (*не расслышав, Анне Павловне*). Куда?.. С кем?..

Деревушкин (*теще*). Вниз! (*Показывает.*) Один! А теперь к столу!

Все молчат. Деревушкин первым уходит в дом. Остальные, переглядываясь, следуют за ним.

Голос за забором: «Хозяйка! Малинки не надо?»

Раиса Павловна (*уже в дверях*). Не надо, не надо!

Сцена пуста.

Медленно идет занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же в августе. Позднее утро. За чайным столом сидят сестры Раиса Павловна и Анна Павловна. На коленях у Анны Павловны несколько книг и брошюр. Сестры говорят вполголоса.

Анна Павловна (*продолжая разговор*). Раиса! Я не хочу об этом думать, но весь ужас заключается в том, что, если не дай бог с ним что-нибудь случится, закон будет не на твоей, а на их стороне! А это значит, что и дача, и библиотека, и обе коллекции, которые он собирал всю жизнь, — одним словом, все, буквально все будет разделено между всеми наследниками — между тобой и его дочерьми.

Появляется домработница.

Домработница. Раиса Павловна! У нас картошка вся!

Раиса Павловна. Хорошо. Сварите кашу. С изюмом.

Домработница. Сварю. (*Уходит.*)

Раиса Павловна. Ты, кажется, хотела с кем-то поговорить. Тебе это удалось?

Анна Павловна. Ну а как ты думаешь? Нет, я буду сидеть сложа руки и ждать, пока у тебя всё отнимут!

Раиса Павловна. Что ты узнала?

Анна Павловна. Что все так и будет, как я тебе только что объяснила. Конечно, в том случае, если не будет завещания.

Слышны голоса. Из дома выходит на веранду Никологорский. Сестры умолкают.

Никологорский (*отирая руки*). Сто лет! Сто лет! **Раиса Павловна** (*профессору*). Что вы говорите, Савелий Савельевич? Какие сто лет?

Никологорский. Сто лет, говорю, можно прожить с таким сердцем, как у Платона Петровича! Шумов нет. Тоны чистые. Пульс отличный. Кровяное давление, как у юноши. Не по возрасту молод ваш благоверный, Раиса Павловна! Следить за ним надо!

Раиса Павловна. В каком смысле?

Никологорский. В прямом смысле. В самом

напрямейшем! «Любви все возрасты покорны», а при таком богатырском здоровье тем более... Одним словом, просьба ваша выполнена, драгоценнейшая соседка! Супруг освидетельствован во всех деталях. Диагноз выведен: здоров!

Раиса Павловна (*упавшим голосом*). Большое вам спасибо, Савелий Савельевич! Ну а как все-таки ваше мнение насчет парашота? Можно ему прыгать?

Никологорский (*пожав плечами*). А почему нет, если ему так хочется? Почему нет?

Раиса Павловна. Но, согласитесь со мной, Савелий Савельевич, это все же как-то неестественно человеку в его возрасте, в его положении добровольно так рисковать! Ему не двадцать лет!

Анна Павловна. Он ученый, а не парашютист!

Никологорский. Видите ли, уважаемая Анна Павловна, прыгать могут и ученые, если они к этому подготовлены. Морально Платон Петрович подготовлен к этому давно, физически он вполне здоров и крепок, а все остальное приложится.

Раиса Павловна. Ну а вы бы сами стали прыгать с парашотом, Савелий Савельевич? Вы сами!

Никологорский. А мне-то зачем? У меня иная мечта.

Раиса Павловна. Какая, если не секрет?

Никологорский. Мечтаю когда-нибудь в одиночестве на курорт поехать! За сорок лет супружеской жизни ни разу не удавалось. И не ради каких-нибудь амуров мимолетных, а ради полного душевного покоя. Простенькая у меня мечта, комнатная, а вот поди ж ты... Так-то вот, уважаемая Раиса Павловна!

Голос Деревушкина из дома: «Савелий Савельевич! Я хочу вам кое-что показать. Можно вас на минуточку?»

Никологорский (*сестрам*). Извините! Здоровый больной зовет! (*Уходит в дом*.)

Раиса Павловна. Ну а что должно быть сказано в завещании?

Анна Павловна. «Все принадлежащее мне имущество завещаю своей жене Раисе Павловне Деревушкиной». И тогда все автоматически переходит к тебе.

Раиса Павловна. А если он такого завещания не составит?

Анна Павловна. Тогда все будет автоматически делиться на равные доли. Вот я и думаю: почему же ему не составить такого завещания? Он тебя любит! И потом это, кажется, не такая уж сложная процедура? Вызвать нотариуса и составить!

Раиса Павловна. Господи! Но как же надоумить его? Во-первых, он вовсе не собирается умирать, а во-вторых, он может рассердиться, что-то заподозрить и тогда в сердцах завещать все кому угодно! Даже брату, Степану Петровичу.

Анна Павловна. Это было бы ужасно!

Раиса Павловна. Конечно, я где-то в глубине души готовила себя к тому, что рано или поздно все может случиться. Но, честно говоря, я до сих пор почему-то совершенно не интересовалась нашими законами в этой области.

Анна Павловна. Я тоже по своей наивности, по своей неопытности думала, была уверена, что в любом случае дача остается за теми членами семьи, кто до последнего момента проживал вместе с ним. В данном случае — за тобой и мамой. Но когда я влезла во все эти законы... (*Показывает книги, лежащие на коленях.*) Вот! Когда я проштудировала эти справочники, я поняла, что вам надо было иметь хотя бы дачу в кооперативе! А у вас собственная! Вот в чем горе!

Раиса Павловна (*грустно*). Как-то нехорошо, что мы сейчас говорим обо всем этом... Может быть, лучше просто не думать... Просто не думать...

Анна Павловна. То есть как же это не думать? Приходится и думать и говорить.

Раиса Павловна. Все это ужасно грустно и неприятно... Ужасно неприятно... Мы же интеллигентные люди...

Анна Павловна. Это — сама жизнь. Ничего не поделаешь!

Слышны голоса. На веранду выходят Деревушкин и Никологорский.

Деревушкин (*продолжая разговор*). Я получил этого южноамериканского эцитона прямо с Амазонки. Великолепный экземпляр! Вы обратили внимание

на его развитые челюсти? Они не могут иметь никакого применения в строительстве. Они — только орудие тунеядца!

Никологорский. У вас, Платон Петрович, внушительная коллекция!

Деревушкин (*бодро*). А что делать? Растет и растет. Представляете себе картину, если бы я вдруг взял да и составил карту мира с нанесенными на нее точками всех мест и районов, откуда я получил экспонаты!

Никологорский. Да-а-а... Представляю себе...

Появляется домработница.

Голос за забором: «Грибов не надо?»

Раиса Павловна. Дуняша! Там грибы предлагают. Если недорого, возьмите для маринада.

Домработница. Возьму. Савелий Савельевич! Пришли с вашей дачи, супруга вас кличет.

Никологорский. Спасибо, Дуняша! Скажите, я сейчас.

Домработница. Скажу. (*Уходит.*)

Деревушкин. А как же муравейник? Выходит, мы никуда не пойдём?

Никологорский. Нет, нет! Пойдем! Я только загляну домой, узнаю, в чем там дело. Обязательно пойдём! Я отпрошусь. Вы без меня не уходите, Платон Петрович. Я сейчас. (*Поспешно уходит.*)

Анна Павловна уходит в дом. Деревушкины остаются одни.

Деревушкин (*жене*). Надеюсь, профессор вас успокоил? Уж ему-то можно верить! Светило! А? Что? Ну?

Раиса Павловна. Да, он сказал, что сердце у вас хорошее. Но ведь парашют может не раскрыться!

Деревушкин. Глупости! Прыгают же другие!

Раиса Павловна. Зачем все же так рисковать своей жизнью, Платон Петрович! Разве есть такая необходимость? Сейчас мирное время.

Деревушкин. А я и в военное время не рисковал ею.

Раиса Павловна. Избави бог, я вас не отговариваю, но сама логика говорит за то, что ваш прыжок ничем не оправдан!

Деревушкин. То есть? А мое желание? А мое решение? Совершив прыжок, я буду чувствовать себя

в сто раз лучше. Я буду больше уважать себя. Более того — я буду в более превосходном положении по отношению к тем моим коллегам, которые не испытали того, что испытаю я! Разве это не ясно как дважды два?

Раиса Павловна. Почему же вы не сделали этого тридцать лет назад, когда вы были молоды?

Деревушкин. Я боялся... боялся увлечься не тем, чему я посвятил свою жизнь! А теперь, теперь мне это не угрожает! Я могу позволить себе это...

Раиса Павловна. Не забывайте, что вы уже дед! Через две недели вам шестьдесят лет!

Деревушкин. Я приурочил прыжок к моему юбилею. Это мой подарок самому себе! И потом — будет что внукам рассказать!

Раиса Павловна. Через два месяца выборы в Академию. Может быть, можно было бы отложить до выборов?

Деревушкин. Зачем каждый день возвращаться к тому, что уже решено раз и навсегда? Зачем?

Раиса Павловна (*подходит к мужу и обнимает его*). Не сердитесь на меня, Платон! Поймите меня! Я не могу не волноваться! Вы мне бесконечно дороги!

Деревушкин. Я это знаю, Раиса.

Раиса Павловна. Вы любили свою первую жену, и она любила вас. Я ее понимаю. И я не ревную к прошлому... Но скажите мне... разве я не являюсь для вас таким же помощником, каким была она? Я, кажется, целиком живу вашей жизнью... Живу при вас...

Деревушкин. Я благодарен вам за все, что вы для меня делаете. И я ведь сказал тогда, что я ни в чем не раскаиваюсь, я счастлив.

Раиса Павловна. Я тревожусь за вас. Я гоню от себя черные мысли. Я не хочу думать, но... но все может случиться! Что тогда?

Деревушкин. Ничего со мной не случится! Меня на днях познакомили с человеком, который совершил свой тысячный прыжок с парашютом. И этот человек — женщина! Что такое один учебный прыжок с обыкновенного самолета? Парашютизм в нашей стране стал массовым видом спорта. Что со мной

может случиться? Техника не подведет. А сердце и нервы у меня отличные. А? Что? Ну?

Раиса Павловна (*грустно*). Хорошо. Пусть будет по-вашему. Но берегите себя!.. Берегите себя!.. Закливаю вас.

Появляется Никологорский.

Никологорский. А вот и я! Получил увольнительную до трех часов. Пойдемте?

Деревушкин. Вы готовы?

Никологорский. Как юный пионер!

Деревушкин. Да тут недалеко. Каких-нибудь десять минут ходу, не больше. (*Жене.*) Вернутся с реки Соня и Сима со своими Ивановичами, пусть не уезжают, а дождутся меня. Саня с мужем должна была приехать. Пусть тоже ждут. Они мне особенно нужны сегодня. Пойдемте, Савелий Савельевич!

Никологорский. Вы лупу не забыли? А то ведь я и в очках плохо вижу.

Деревушкин. Лупа всегда при мне.

Никологорский (*спускаясь в сад*). Раиса Павловна! Все забываю у вас спросить: как обстоит дело с очищением водки? Пробовали?

Раиса Павловна. Нет еще. Но я помню. Обязательно попробую.

Никологорский. Советую, советую. Не раскаетесь! В этой области я многими друзьями признан как крупнейший специалист.

Мужчины уходят. Возвращается Анна Павловна.

Раиса Павловна (*не сразу*). Ну а если бы дача была кооперативной?

Анна Павловна. Тогда другое дело. Тогда наследницы имели бы право только на часть паенакопления, а не на саму площадь. Ты бы продала несколько картин или библиотеку, выплатила бы сестрам то, что им положено, а сама бы осталась владеть дачей. Но у вас дача собственная! Этим все сказано.

Раиса Павловна. Что этим сказано?

Анна Павловна. А то, что ее будут делить по частям.

Раиса Павловна (*бледнея*). Как — по частям?

Анна Павловна. По комнатам! По квадратному метру! Я представляю себе: в вашей теперешней гостиной будет жить Соня со своим Растегаем и детьми. В столовой — Сима со своим сатириком. В кабинете Платона Петровича — Саня со своим аэрофлотом. А ты будешь ютиться с мамой в двух комнатах на втором этаже! Вот тебе и земной рай! Коммунальная квартира в лесу! А потом дети... Ты в окружении чужих детей! Того гляди, они еще будут называть тебя бабушкой! Какая ты им бабушка, скажи на милость! Ужас, тихий ужас! *(Помолчав.)* А как себя ведет противная сторона? Я полагаю, вежливо? Предупредительно? Особенно с Платоном Петровичем. Да? Что ни воскресенье — они у вас? То негаданно, то случайно — мимо ехали, то еще как-нибудь... Вот и сегодня тоже: «Мы не к вам, мы на реку! Разрешите загнать машину за ваши ворота?» Я угадала?

Раиса Павловна *(виновато)*. Ведь не выгонишь! И отец им рад, приглашает заезжать в любое время, оставляет обедать, ужинать.

Анна Павловна. А им только того и надо! И он ничего не видит, ничего не подозревает. Сонин муж — юрист, так что можешь не беспокоиться, у них все уже давно продумано наилучшим образом. Ты с ними эту тему не затрагивала?

Раиса Павловна. Зачем? С какой стати?

Анна Павловна. Ну, хорошо. Что же ты думаешь делать?

Раиса Павловна. Не знаю. Мне кажется, что лучшим выходом из положения было бы, если бы Платон Петрович все-таки отказался от прыжка. Но он не откажется.

Анна Павловна. При всей своей кажущейся мягкости он упрям, как муравей!

Раиса Павловна. Если бы он отказался от своей затеи, у меня была бы, по крайней мере, возможность со временем, пока он жив и здоров, принять какие-то меры на будущее... Что-нибудь я бы, безусловно, предприняла. Но сейчас... *(Задумывается.)*

Анна Павловна. Сейчас было бы уже хорошо, если бы он согласился отложить прыжок хотя бы до зимы. Скоро выборы в Академию. Если он пройдет, ты, как вдова академика или члена-корреспон-

дента, могла бы, по крайней мере, рассчитывать...
(Умолкает.)

Слышны громкие голоса. Появляются Софья и Серафима с мужьями. Сестры развешивают мокрые купальники и полотенца на спинку скамьи возле веранды. Мужчины поднимаются на веранду. Растегай ставит радиоприемник на скамью.

Растегай (держит в руке коробку от папирос). Раиса Павловна! Платон Петрович у себя?

Раиса Павловна. В лесу.

Растегай. Какая жалость! Хотел ему показать! (Протягивает Раисе Павловне коробку.)

Раиса Павловна (не понимая). Что показать?

Растегай. Да вот поймал на пляже какую-то букашку. Не то летающий муравей, не то ползающая стрекоза! Посадил в коробку. Хотел спросить у Платона Петровича, не нужна ли ему такая мошка для его коллекции.

Раиса Павловна переглядывается со своей сестрой.

Может быть, вы посмотрите? Как супруга специалиста! (Подходит к Раисе Павловне и приоткрывает перед ней коробку.)

Раиса Павловна (с отвращением). Есть у него такая! Все букашки, какие только есть на свете, у него уже есть.

Растегай (разочарованно). А я думал взять и ее на булавочку! Значит, есть?

Раиса Павловна. Есть, есть.

Растегай. Что же мне с ней тогда делать? Выпустить?

Анна Павловна. Вы меня простите, но если вы ничего не понимаете в насекомых, то зачем их собирать и мучить? И потом — неужели вы могли предположить, что у Платона Петровича нет какого-то насекомого, живущего в этом районе? Тогда как у него есть редчайшие экземпляры насекомых откуда угодно.

Раиса Павловна. Даже с острова Борнео!

Анна Павловна (многозначительно). По-видимому, Марком Ивановичем руководили другие соображения. Он просто хотел по отношению к Платону Петровичу проявить внимание! Не так ли, Марк Иванович? Я угадала?

Растегай. Отчасти. И это тоже. А почему нет? (От-

крывает коробку и выбрасывает насекомое в сад. Попадает в жену.)

Софья. Ой! Ты сошел с ума! *(Брезгливо отряхивается.)* Она кусается!

Растегай. Извини! Не заметил!

Софья. Надо же смотреть! Разуй глаза! *(Садится рядом с Серафимой на скамейку.)*

Откинувшись на спинку скамьи, сестры загорают. Хвощ, сидя в кресле, делает свои зарисовки, поглядывая на жену и ее сестру. Раиса Павловна и Анна Павловна, продолжая мыть и вытирать чайную посуду, с неприязнью смотрят на молодых женщин. Растегай поднимается на веранду и через плечо Хвоща смотрит, как тот рисует. Затем спускается с веранды, садится на скамью рядом с женой. Включает радио. Звучит музыка.

Растегай *(умиротворенно)*. Отлично искупались! А пожалуй, лучше места для купанья и отдыха, чем здесь, еще надо поискать! Какой пляж! Какой песок! Вы знаете, Раиса Павловна, там, где мы сейчас дачу снимаем, тоже есть река, но — не то! Не то! Совсем другой коленкор! Верно, Соня? А содрали с нас за лето без малого четыре тысячи! Грабеж!

Софья *(не открывая глаз)*. Надо будет в следующее воскресенье захватить с собой детей. Кстати, отец давно их не видел.

Раиса Павловна *(встрепенувшись)*. В следующее воскресенье вы нас здесь не застанете.

Софья. Странно... Отец нас приглашал.

Раиса Павловна. Не знаю. Мы собирались в Ленинград.

Серафима *(с закрытыми глазами)*. Марк! Вы будете строиться?

Растегай. Нет. Мы решили отказаться от дачного участка.

Раиса Павловна *(замерев с чашкой в руках)*. Почему вы отказались от дачного участка? Вы же собирались строить дачу?

Софья. Слишком хлопотно.

Раиса Павловна *(с тревогой)*. Что же, вы так и будете каждый сезон кочевать с одной чужой дачи на другую?

Растегай. Пока так. А там видно будет.

Серафима. Мудрое решение. Мы тоже решили ждать.

Раиса Павловна. Чего ждать?

Серафима. Лучших времен.

Хвощ. Она имеет в виду дачный вопрос.

Растегай. А у вас, Раиса Павловна, я смотрю, кирпич как лежал на участке, так и лежит?

Раиса Павловна. Да. Как видите.

Растегай. А без теплого гаража зимой плохо! Ой как плохо! Мне, например, так нужен был бы зимний гараж! Всю зиму машина под окном стоит. Сердце кровью обливается!

Хвощ (*продолжая рисовать*). А у меня потом. Когда я свой мотоцикл на третий этаж таскаю.

Раиса Павловна (*Хвощу, раздраженно*). Не рисуйте меня, пожалуйста! Я не люблю карикатур! И, может быть, можно выключить музыку?

Хвощ. «Юмор — спасательный круг на волнах жизни». Вильгельм Раабе. Немецкий писатель. Умер, к сожалению, в тысяча девятьсот десятом году.

Растегай (*выключает радио. Машинально берет одну из книг, лежащих на стуле возле стола. Смотрит на название. Оживляется*). О! Кто же это читает? «Наследственное право»! Я вчера как раз в городском суде по любопытнейшему делу выступал. Почти беспрецедентный случай; сын обжаловал завещание родной матери.

Анна Павловна. Обжаловал завещание? Разве можно обжаловать завещание?

Растегай. Как видите.

Раиса Павловна. Ну, и что же там было? Почему возникло судебное дело?

Растегай. В дачно-строительном кооперативе «Труженик науки» жил некий заслуженный деятель Воробьев-Васильчиков. Вы, наверное, слышали эту фамилию — известный микробиолог. Так вот после его кончины все паенакопление, а стало быть, фактическое владение кооперативной дачей, естественно, перешло его законной супруге. Не прошло и года, как старушка следует за своим супругом в потусторонний мир. Владение дачей должно по существующему закону перейти к ее сыну — великовозрастному наследнику, по профессии преподавателю марксизма. Но не тут-то было. Старушка, оказывается, за две недели до смерти отписала в своем завещании дачу и все имущество в равных долях сыну и своей младшей сестре, до скорбного момента проживавшей с ней на данной даче. Воинствующий

материалист решил опротестовать завещание матери и подал в суд.

Раиса Павловна (*странно волнуясь*). Ну, и как суд? Растегай. Первая инстанция, естественно, отказала.

Вчера дело слушалось в городском суде.

Раиса Павловна. Ну?

Растегай. Отказ.

Раиса Павловна. Ну а сын?

Растегай. Не удовлетворен. Лезет выше. Напрасно. И там откажут. Завещание есть завещание.

Раиса Павловна. Ну а как же теперь ему быть?

Растегай. Очень просто. Разделить дачу пополам и продолжать жить со своей теткой. Тем более что она ему обед готовит. И бельишко стирает...

Во время всего этого разговора Серафима и Софья, сидя на скамье, с интересом наблюдают за Раисой Павловной, взволнованной судебной историей. Хвоц рисует.

Раиса Павловна (*внезапно хватаясь за сердце*). Ох!..

Анна Павловна. Что с тобой, Раиса?

Раиса Павловна. Ничего... ничего... сейчас пройдет... (*Тяжело поднимается с места. Уходит в дом.*)

Анна Павловна. Раиса! У меня есть валокордин! (*Вслед за сестрой уходит в дом.*)

Пауза.

Софья (*нарушая молчание*). А? Что? Ну? Ишь как она разволновалась!.. (*Включает радио. Звучит музыка.*)

Серафима. Что ее вывело из себя? Как ты думаешь?

Софья. Мне ясно.

Серафима. Что?

Софья. Она боится того же, что и мы.

Серафима. Что с отцом что-нибудь случится?

Софья. Что отец без ее ведома может составить завещание.

Растегай. Если он уже его не составил.

Софья. У тебя есть данные?

Растегай. Данных нет. Но все может быть. Для этого не надо трубить в фанфары или ехать в Австралию. Нотариальная контора есть в каждом районе.

Серафима. Ну а если он действительно составил заве-

щание, и не сейчас, а, скажем, давно, что от этого меняется?

Растегай (*пожав плечами*). Многое. В зависимости от его родственного расположения.

Софья. Ну, нас-то, своих детей, он, надеюсь, не обделит.

Растегай. Как знать.

Серафима. А если завещания еще нет?

Софья. Тем лучше. Тогда все делится в равных долях. Верно, Марк?

Растегай. А если завещание будет составлено?

Софья. Когда?

Растегай. Скажем, непосредственно накануне прыжка?

Софья. Катастрофа! Он может все завещать одной Раисе! Братцы! Что же делать?

Растегай. Спокойно! Делать то, что мы уже делаем! Располагать Платона Петровича к себе. Наша задача — чтобы никакого завещания не было!

Софья. А ее задача?

Растегай. Чтобы оно было, но без нас!

Серафима. Может быть, поговорим с отцом начистоту?

Растегай. Что это даст? Вы поговорите, а он возьмет да всем назло и выкинет еще какую-нибудь штуку. Нет уж... Доверьтесь моему опыту. Без паники! Наоборот! Сейчас надо всячески вселять в него уверенность, что все пойдет отлично, что при современной технике это совершенно безопасное предприятие и что возможность несчастного случая начисто исключена!

Серафима. А что это даст?

Растегай. Если завещания до сих пор нет, то его и не будет. Он просто забудет о том, что оно могло бы быть!

Хвощ (*вздыхнув*). Эх, люди, люди! А может быть, даже и не люди...

Серафима. Рисуй и молчи! Сам же потом будешь на себе волосы рвать, если нам ничего не достанется!

Хвощ (*мрачно*). Меня вообще это мало волнует.

Серафима. А что, что тебя вообще может волновать?

Хвощ. НТР! Загрязнение среды! Экология! Демографический взрыв!.. (*Уходит в сад.*)

Серафима. Псих какой-то! Выходила замуж за перс-

пективного плакатиста, а имею дело... *(Не договаривает. Выключает радио.)*

На веранду возвращаются Раиса Павловна и Анна Павловна. У сестер заплаканные глаза.

Растегай *(бодро)*. Что у вас с сердцем, Раиса Павловна?

Раиса Павловна. Так... Ничего особенного. У меня это бывает.

Растегай. Невроз. У меня тоже. Вчера выступаю в суде, чувствую — в левом боку колет! Несколько раз кольнуло и отпустило. А один мой знакомый адвокат, холостяк, здоровенный мужчина — никогда на сердце не жаловался, — решил жениться. Накануне самой свадьбы утром встал, побрился, выпил стакан кефира и — брык! Молниеносно! Оставил после себя сорок тысяч на книжке и десять новых костюмов. А ходил всегда в одном.

Раиса Павловна. И кто же это наследовал?

Растегай. Сводный брат, которого он тридцать лет знать не хотел и на порог не пускал!

Анна Павловна. Зачем вы всё это нам рассказываете?

Растегай *(присматриваясь к Раисе Павловне)*. А что?

Анна Павловна. Неприятно слушать.

Растегай. Хотите что-нибудь повеселее? Извольте! Другой мой приятель, в прошлом тоже убежденный холостяк, на вид болезненный тип, женился — седьмой год с женой живет и, представьте себе, жив! Не помер еще! *(Смеется.)*

Анна Павловна. Я не понимаю, что тут смешного! *(Берет чайную посуду и уходит в дом.)*

Раиса Павловна, захватив с собой что-то со стола, следует за ней. Растегай уходит в сад искать Хвоща.

Пауза.

Софья *(помолчав)*. А как же делить эту дачу? В ней пять комнат и две веранды. И комнаты все разные.

Серафима. И две смежные.

Софья. На втором этаже?

Серафима. Да.

Софья. Придется их уступить Раисе Павловне.

Серафима. Там, где сейчас папин кабинет, могу жить я. А вы — в бывшей гостиной.

Софья. Но кабинет намного больше. И у меня двое детей.

Серафима. Я тоже не бездетная, а потом Афанасий художник, и ему нужен свет!

Софья. По-моему, это суд будет определять, кому какая комната.

Серафима. Ты что же, будешь со мной судиться?

Софья. Почему обязательно с тобой?

Серафима. Мы забыли Александру. Она ведь тоже имеет право на комнату. А что же остается ей? Столовая? И мы все будем через нее ходить? Она не согласится!

Софья. У нее будет веранда.

Серафима. Какая? Застекленная?

Софья. А если эта?

Серафима. Надо спросить Марка. Он наверняка знает, как делятся веранды! *(Зовет.)* Марк! Марк! *(Встает, уходит за угол дачи.)*

Софья *(одна)*. Так я вам и отдала застекленную веранду! Держите карман шире!

Слышны голоса. Появляется Деревушкин, за ним — Растигай, Серафима, Александра и ее муж, Иванов. Он в звании капитана.

Деревушкин *(в гневе)*. Варвары! Вандалы, черт побери!

Раиса Павловна *(выбегая на веранду)*. Что? Что случилось?

Деревушкин. Разрушить такой муравейник! Сломать, разворошить, уничтожить то, что создано усилиями нескольких тысяч маленьких трудолюбивых и незащитных строителей! Это ли не варварство?! И это позволил себе человек! Человек! Их надо охранять, их надо размножать. Они — живые защитники леса. Эти маленькие труженики. Как же могла подняться рука на их дом!

Появляется домработница.

Домработница. Раиса Павловна! Помидоры фаршировать?

Раиса Павловна. Ах, Дуняша! Мне сейчас не до помидоров! Делайте как хотите.

Домработница. И сделаю. *(Уходит.)*

Анна Павловна *(выбегая на веранду)*. Что случилось?

Александра. Какой-то хулиган разрушил папин любимый муравейник. Мы там не были. Мы встретили его на дороге.

Растегай. Это действительно безобразие! Разрушить муравейник! Ай-ай-ай! А главное — зачем?..

Серафима. Папочка! Успокойся! Они его восстановят. Это же — муравьи!

Деревушкин. А? Что? Ну?.. Не могу я успокоиться! Это не в моих правилах — успокаиваться, когда надо волноваться. Да, они его восстановят! Они его уже восстанавливают! И если бы вы видели, как они работают! Я стоял над развалинами купола этого чудеснейшего сооружения, наблюдая за ними, и восхищался! *(Вдохновенно.)* Без паники, дружно, они всем коллективом восстанавливают свое жилище. Одни — втаскивают мусор внутрь гнезда, другие — извлекают обломки хвоинок из глубины наружу. Каждый занят своей работой. Каждый действует независимо, но во имя общего дела! И какой порядок во всей этой ложной суетолоке! Какая трудовая дисциплина! Нет! Нет! Человек, разрушающий ради забавы даже обычный муравейник, для меня уже не человек! Он может разрушить и мой дом! И храм! И музей! И весь мир! А? Что? Ну?.. Иван! Я тебя ждал! Ты мне нужен! *(Берет зятя под руку и уходит в дом.)*

Раиса Павловна и ее сестра следуют за ними.

Александра *(не сразу)*. Вы заметили? У него на глазах были слезы.

Софья. Из-за какой-то дурацкой муравьиной кучи!

Серафима. Ничего не поделаешь. Чудак!

Александра *(всплыв)*. Не смей так говорить! Он лучше всех нас! Лучше многих! Совсем он не чудак! Просто он — добрый и умный, бескорыстный! А вы ведь не любите его! Да, да! И не понимаете! И не цените!

Серафима. Теперь ты еще заплачь!

Александра. Не дождетесь! Я ведь знаю, что у вас сейчас на уме! Мне стыдно за вас!

Софья. Ну чего ты раскричалась? Чего?

Александра. Не желаю я с вами разговаривать! Не желаю! А езжу я к папе не с вами! И я к нему не подлизываюсь! И я не хочу, чтобы он думал обо

мне лучше, чем я есть, как этого хотите вы! Я его честно люблю! И если с ним что-нибудь случится, я этого не переживу!

Серафима. Тогда отговори его прыгать! Отговори! **Растегай.** Нет, зачем же отговаривать? Прыжки с парашютом совершенно безопасны. Риска никакого нет. Абсолютно!

Александра. И не подумаю его отговаривать! Я буду прыгать вместе с ним! В тот же день и в тот же час и с того же самолета! Мы занимаемся в одном кружке! А самолет поведет Иван! Вам ясно, сестрички? *(Уходит в дом.)*

Большая пауза. Растегай включает радио. Звучит музыка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же в сентябре. Празднично сервированный стол. Время за полдень. Из дома на веранду выходит Растегай. В петлице у него красная гвоздика. Издалека доносятся звуки баяна и молодежная песня.

Растегай *(прислушивается)*. Массовочки!.. *(Осмотрев стол, про себя.)* «Где стол был яств, там гроб стоит...» *(Смотрит на часы.)* Второй час! Не знаешь, на что настраиваться...

В саду появляется домработница.

Дуняша! Газет еще нет?

Домработница. Только что смотрела — не было! **Растегай.** Посмотрите, посмотрите, пожалуйста, еще раз.

Домработница. И посмотрю.

Из дома на веранду выходит Раиса Павловна. Она в черном. Дуняша уходит.

Раиса Павловна *(с тревогой в голосе)*. Второй час, а мы еще ничего не знаем.

Растегай. Кто должен был звонить?

Раиса Павловна. Обещали сразу же дать знать с аэродрома.

Растегай. Когда они должны были прыгать? В каком часу?

Раиса Павловна. Утром. А когда — неизвестно.
Растегай. Может быть, мне позвонить на аэродром?
Раиса Павловна. Я не знаю номера телефона... Бо-
же мой! Никогда не думала, что в день юбилея
Платона Петровича мне придется пережить такое
испытание!

Появляется Анна Павловна. Она в черном. Вместе с
домработницей вносит большую корзину цветов.

(Грустным голосом.) От кого цветы?

Домработница. Никологорские прислали. Куда ве-
лите поставить?

Раиса Павловна. Поставьте здесь. *(Показывает.)*

Анна Павловна. Какой внимательный человек!
И главное, бескорыстный.

Раиса Павловна. И все же я не могу ему простить,
что он признал у Платона Петровича здоровое
сердце. Он бы мог поставить любой диагноз.

Растегай. Ну что вы! Профессиональная честь мунди-
ра!

Раиса Павловна *(домработнице)*. Дуняша, вы чер-
нослив протерли?

Домработница. Протерла, Раиса Павловна.

Раиса Павловна. И в холодильник поставили?

Домработница. Поставила, Раиса Павловна. Холо-
дится.

Раиса Павловна. Хорошо. Теперь не забудьте
взбить сливки.

Домработница. Взобью. *(Уходит.)*

Растегай. Раиса Павловна! Вы от холодильника не
простужаетесь?

Раиса Павловна. Как так?

Растегай *(думает вслух)*. А ведь бескорыстие, если
серьезно разобраться, весьма относительное поня-
тие. Скажем, я, так сказать, gratis, бескорыстно,
решил помочь моему подзащитному. А он все рав-
но получил свой срок. Что ему мое бескорыстие?
Наоборот: он убежден в том, что, будь я вознагра-
жден, я, вероятно, проявил бы больше заинтересо-
ванности к его делу, приложил бы больше стара-
ния, использовал бы больше возможностей...

Возвращается домработница, протягивает Растегаю газе-
ту.

(Начинает ее просматривать. Найдя в газете то, что искал.) Указ Президиума... в связи... так... так... (читает про себя) Платона Петровича Деревушкина... Москва, Кремль... Председатель... секретарь... (Деревушкиной.) Приятно все-таки... опубликовано на первой полосе... Ну что ж... Еще раз поздравляю, Раиса Павловна!

Раиса Павловна (грустно). Благодарю вас.

Анна Павловна. Заслуженная награда.

Растегай. Что говорить, ценят Платона Петровича!

Ценят. Орден — за муравьев! Ценят...

Раиса Павловна (неожиданно). Марк Иванович!

Скажите, в Академию только при жизни выбирают или бывают случаи, когда посмертно?

Растегай (подумав). Нет. Такого случая, по-моему, еще не было.

На веранду из дома выходят Софья и Серафима. Они в модных летних платьях. Очень привлекательны.

Софья (весело). Ничего не слышно? Никто не звонил?

Серафима. Сколько еще ждать?

Анна Павловна. Кто знает. Мы все ждем.

Раиса Павловна (сестре). Аня! Цветы, пожалуй, лучше всего поставить в кабинете Платона Петровича, возле его портрета. Помоги мне, пожалуйста!

Обе уносят корзину с цветами в дом. Серафима и Софья ждут, пока сестры уйдут.

Софья (продолжая спор). С этим я согласна! Но что касается Шишкина, то он не идет ни в какое сравнение с Айвазовским! Я за один шишкинский лес не возьму два айвазовских моря. И не думай!

Серафима. Сколько, по-твоему, у отца Шишкиных?

Софья. Было два.

Серафима. А Айвазовских?

Софья. Три.

Серафима. Ошибаешься! В столовой висит море не Айвазовского, а какого-то нашего художника.

Софья. Бред!

Серафима. И вообще это, кажется, не море, а озеро Селигер!

Софья. Не может быть!

Серафима. Посмотри сама хорошенько, если мне не веришь!

Растегай, сидя на скамье, читает газету. Сестры уходят в дом.

Голос Софьи из дома: «Марк! Марк! Поди сюда!»

Растегай лениво поднимается, смотрит на часы, вздыхает, уходит в дом.

Сцена некоторое время пуста. Затем на веранду выходят Раиса Павловна и Анна Павловна.

Анна Павловна (*втолголося*). Поражаюсь, как ты это терпишь! Ничего еще не случилось, а они уже ходят по вашей даче и ко всему присматриваются. Они же еще не введены в права наследства! Никто еще не введен! Что за дух стяжательства! Вот нравы!

Раиса Павловна (*устало*). Анна! Я не в силах бороться. Пусть ходят, пусть присматриваются...

Анна Павловна. Я полагаю, ты не все лучшие картины держишь здесь, на даче, да еще на стенах?

Раиса Павловна. Несколько полотен по твоему совету я успела спрятать.

Анна Павловна (*осторожно*). Я бы могла две-три картины сохранить у себя в комнате. Если, конечно, ты мне доверяешь...

Раиса Павловна. Потом поговорим об этом.

Анна Павловна. Уж ко мне-то они не посмеют заявиться! Слушай, а библиотека? А коллекции насекомых? Библиотеку придется делить по собраниям сочинений.

Раиса Павловна. Я молю бога, чтобы Платон Петрович благополучно приземлился!

Анна Павловна. Это было бы великим счастьем. Ты знаешь, я сегодня представила себе твою жизнь без него — и я похолодела. На что ты можешь рассчитывать? На пенсию? Ну хорошо! Ну а что дальше? Какая бесперспективная перспектива! В муравьях ты ничего не понимаешь. Тебе идет уже пятый десяток. Чем ты будешь заниматься? Судиться с наследниками?

Раиса Павловна. Не надо... не надо опять об этом. Я не выдержу. Будь что будет!

Анна Павловна. Пятнадцать минут третьего. Когда же нас поставят в известность? Может быть, у них там ничего не состоялось?

Раиса Павловна. Ты знаешь, у меня почему-то не

выходят из головы последние слова, которые он сказал перед отъездом на аэродром. Уже садясь в машину, он вдруг как-то странно задумался и про себя сказал: «Парашютист после отделения от самолета движется в двух направлениях...» Что он хотел этим сказать? В каких направлениях?

Появляются Растегай, Софья и Серафима.

Софья (*как бы между прочим*). Раиса Павловна! А где у вас маленький Левитан? Я помню, он висел у папы в кабинете. Теперь на его месте висит какая-то фотография.

Раиса Павловна. Вы имеете в виду небольшой этюд?

Софья. Да. Небольшой этюдик. Совсем небольшой. Тысячи на три.

Раиса Павловна. Мы его... Платон Петрович подарил его кому-то...

Серафима. Вы не помните кому? Когда?

Раиса Павловна. В прошлом году одному болгарскому ученому.

Софья. Странно... Я его этой весной видела на стене.

Раиса Павловна. Ну, значит, этой весной. Честное слово, я не помню, Софья Платоновна! И потом, может быть, можно сегодня, сейчас не говорить о картинах? Вы видите, в каком я состоянии? Честное слово, мне сейчас не до живописи! (*Уходит.*)

Серафима. Мы все волнуемся. Но нельзя же сидеть, ждать у моря погоды и молчать. Этак можно с ума сойти!

Софья (*сестре*). Где же твой рыбак?

Серафима (*равнодушно*). Придет. Никуда не денется.

Растегай (*после паузы*). Есть такой анекдот. Один тоже прыгал. Ему сказали перед прыжком: «Если не почувствуете через две-три секунды рывка, немедленно открывайте запасной парашют. Внизу вас будет ждать машина. Она доставит вас на аэродром». Он прыгает. Рывка не чувствует. Пытается раскрыть запасной парашют, тот тоже не раскрывается. Бедняга камнем летит на землю, а сам чертыхается: «Ну, если еще и с машиной подвели...» (*Включает радио.*)

Звучит музыка.

Софья. Нет, как тебе это нравится?! Она спрятала Левитана!

Серафима. Если бы одного Левитана. А где этот... как его... Перов или Серов? Я уже не помню. Тот, что висел у отца в спальне? Где эта картинка? Где?

Софья. Братцы! Это грабеж среди бела дня!

Серафима. На нее надо найти управу! Я этого так не оставлю.

Растегай. Погодите, погодите! Рано! Рано!

Софья. А потом будет поздно! Поздно будет потом!

Серафима. Наглая воровка! Черт знает какая жадная баба!

Растегай. Тихо, тихо! Так можно дров наломать!

Появляется Никологорский.

Никологорский. Никаких новостей?

Растегай. Как видите, профессор! Сидим вот, ждем, полны тревог и сомнений.

Никологорский. Уважаю, бесконечно уважаю Платона Петровича — человека удивительного характера, полного чистых душевных помыслов.

Серафима (*помолчав*). Если кому-нибудь рассказать, что известный ученый в день своего шестидесятилетия просто так, не из горящего самолета, а исключительно ради собственного удовольствия прыгает с парашютом, — никто не поверит! Ну, он совершит свой прыжок, ну и что? Кого он этим удивит? Иностранных корреспондентов? Их не будет. Родственников? Вас, профессор?

Никологорский. Насколько я его понимаю, он никого и не собирается удивлять.

Софья (*зло*). Тем более. Была бы какая-то цель! А то ведь блажь! Удивительно, как легкомысленно мы сами отнеслись к этой безумной затее! Он... (*Выключает радио.*)

Слышен звук приближающегося автомобиля. Звук обрывается. Слышны оживленные голоса. Появляются Деревушкин, Александра и ее муж, летчик Иванов. Им навстречу из дачи выбегает Раиса Павловна, за ней Анна Павловна. Никологорский, Растегай, Софья, Серафима поднимаются навстречу прибывшим. Иванов молча обменивается рукопожатием с родственниками. Деревушкин хромает, он опирается на палку.

Деревушкин (*весело*). Встречайте! Приветствуйте! (*Целует жену.*) А? Ну? Что? Кто оказался прав?

Раиса Павловна. Боже мой! Вы хромаете! Что с вами?

Софья (*с иронией*). Ты сам выпрыгнул из самолета или тебя вытолкнули?

Александра. Папа прыгал за мной! Сам!

Деревушкин. Чуть ногу подвернул. Суший пустяк!

Растегай. Платон Петрович! А что вы чувствовали во время прыжка?

Деревушкин. Расскажу! Расскажу все по порядку. А сейчас — к столу! Удивительно, до чего разыгрывается аппетит после прыжка с парашютом!

Раиса Павловна. Надеюсь, Платон Петрович, вы не возведете это в правило?

Деревушкин. Обещаю, дорогая! Соня, Сима, Саня — дети мои! Зятя Ивановичи — к столу! Все к столу! Где моя любимая теща?

Анна Павловна. Я ее сейчас приведу.

Деревушкин. Раиса Павловна! Откройте погреба! Загляните в муравейник, то бишь... в холодильник! Душа просит шампанского. Где ваша «марганцовка»?!

Раиса Павловна. Сейчас, сейчас... (*Уходит.*)

За ней уходит Анна Павловна.

Деревушкин (*опускаясь в кресло.*) Да-а-а! Други мои! Это превзошло все мои ожидания! Хотя нет — именно этого и ожидал!

Николетгорский. Завидую я вам, Платон Петрович! Искренне завидую! Как школьник, завидую. Я свое время пропустил!

Деревушкин. Верю, что завидуете! А вы ведь не только терапевт, но и психолог! Вы же понимали, что, если бы я не совершил этого поступка, я сожалел бы всю свою жизнь. В силу чего? В силу особенностей моего деревушкинского характера. (*Окидывает взглядом всех присутствующих.*) Родные мои! Милые! Как я рад вас всех видеть!

Анна Павловна, успев переодеться в светлое платье, вводит старуху мать. Возвращается Раиса Павловна, также успевшая переодеться. Она ставит на стол две бутылки шампанского. Садится напротив мужа и не сводит с него заплаканных глаз. Появляется Хвощ. В руках у него удочка и десяток нанизанных на веточку пескарей. Под уничтожающим взглядом жены он, стараясь остаться незамеченным, ставит удочку в угол

веранды, передает рыбу появившейся в дверях домработнице. Та остается стоять в дверях. Хвощ присаживается к столу. Деревушкин молча делает ему приветственный знак рукой. Растегай протягивает Никологорскому бокал с вином.

Никологорский (*отстраняя бокал*). Мне не надо.
Я ведь не пью.

Растегай. Как? Совсем? Давно?

Никологорский. С детства.

Растегай. Неужели? Ну-ну... Но чокнуться-то вы можете, профессор, ради такого случая? (*Поднимая бокал.*) За ваш исторический прыжок, Платон Петрович! За благополучное исполнение ваших желаний! Форте фортуна адюват! Храбрым везет!

Все чокаются.

Деревушкин (*осушая бокал*). Ну, вот мы опять вместе, как тогда, в день моего «важного заявления»... Только я сегодня уже не тот! Сегодня я будто заново родился! И не потому, что со мной могло что-то случиться, а по ощущению, которое меня сейчас наполняет! И Саня — молодец! Во всем поддержала меня! До конца! (*Смотрит на дочь.*) А уж про Ивана и говорить нечего! Трижды молодец! А? Что? Ну?..

Раиса Павловна. Мы же тут просто все извелись! Ждем. Ничего не знаем...

Растегай. Может быть, вы нам все же расскажете, Платон Петрович, поподробнее? А там, глядишь, и я с парашютом прыгну.

Деревушкин. Мне это было необходимо, а вам-то зачем? Вот Сане тоже надо было! А вам ни к чему!

Растегай. Вы полагаете?

Деревушкин (*не отвечая на вопрос*). Когда я увидел над собой раскрытый купол парашюта и убедился в том, что он цел и правильно раскрыт, когда я понял, что я тоже цел и моя мечта свершилась, — я запел! Да, друзья, я запел! Во весь голос запел!

Александра. Я снижалась недалеко от папы. Все время наблюдала за ним. Вижу, он открывает рот. Думаю: кричит мне что-то, а что — не слышу, ветер относит... А он, оказывается, поет!

Софья. Интересно, что же ты пел?

Деревушкин. Все! Все, что приходило на память: «Я

помню чудное мгновенье...», «Реве та й стогне
Днипр широкий...».

Серафима. «Все ниже, и ниже, и ниже!»

Александра (сестре). Сима! Перестань!

Деревушкин. Мне было хорошо. Я чувствовал себя на седьмом небе. До чего же здорово устроен человек! Может летать, может парить над землей, как птица, может все, что захочет! А внизу — земля! Большой добрый муравейник! Автомобили, как муравьи, и люди — на полях и дорогах — как муравьи: каждый занят своим делом, каждый куда-то торопится, что-то делает. И каждый не сам по себе, не для одного себя, а для всех! А я — над ними. И они поднимают кверху головы и смотрят на меня, машут мне руками, зовут к себе, как будто я им нужен. Представьте себе!..

Александра. Так оно и есть! Ты им нужен! А потом тебя отнесло в сторону и я потеряла тебя из виду.

Деревушкин. Я сделал все, как меня учили, по инструкции: подтянул одну стропу, потом другую. Приземлился, только ногу подвернул! Мало еще опыта!

Никологорский. Герой! Герой!

Раиса Павловна. И вам нисколько не было страшно?

Деревушкин. Страшно бывает тому, кто не уверен в себе или делает неправое дело.

Раиса Павловна. Но все-таки вы рисковали, Платон Петрович! Все-таки вы рисковали! Не надо на это закрывать глаза.

Деревушкин. А я и не закрывал глаз. Я прыгал с открытыми глазами. Но если уж быть до конца откровенным, то я...

Раиса Павловна. Что?

Деревушкин. В самый последний момент я пожалел только об одном...

Раиса Павловна. О чем?

Деревушкин. Я пожалел, что накануне, то есть вчера, не успел подписать один документ.

Раиса Павловна. Документ?

Софья. Какой документ?

Деревушкин. Завещание.

Пауза.

Раиса Павловна (*нарушая молчание*). Платон Петрович! Вы хотели оставить завещание?

Все оживляются.

Растегай. Как юрист я бы мог вам помочь в этом, Платон Петрович!

Деревушкин. Да. Я хотел вчера оставить завещание. Так, на всякий случай. Но я просто не успел заехать в нотариальную контору. Не успел. День был страшно загружен. И я забыл. Вспомнил, когда уже сидел в самолете. (*Смотрит на всех.*) Я вижу, вы чем-то удивлены? Честно говоря, сам я бы просто до этого не додумался. Если бы не Савелий Савельевич! Он подал мне эту мысль...

Все смотрят на Никологорского. У того виноватый вид.

Никологорский. На ровном месте можно упасть — ногу сломать...

Растегай. Вам рано думать о завещании, Платон Петрович! Вы будете жить сто лет!

Деревушкин. О благах мира сего я, честно говоря, никогда не думал, но надо полагать, что за это время мои коллекции в несколько раз увеличатся. Тем более обидно, если в силу каких-нибудь обстоятельств они оказались бы разрозненными.

Софья (*с угрозой в голосе*). Как это понять? Стало быть, ты предполагаешь завещать все одному человеку?

Деревушкин (*с удивлением*). Нет, зачем же одному?

Серафима (*сухо*). Любопытно — кому же?

Деревушкин (*весело*). А я решил так: собрание картин — селу, где я родился и вырос. Библиотеку — университету, где получил образование. Ну а коллекцию насекомых — Государственному музею энтомологии. А? Что? Ну?

Домработница (*неожиданно, в дверях*). А меня куда?..

Раиса Павловна (*упавшим голосом*). Все — государству? Все?

Софья. Все картины?

Растегай. Уникальную библиотеку?

Серафима. И даже насекомых? И даже их?

Деревушкин с недоумением смотрит на взволнованных родственников.

Раиса Павловна *(неожиданно)*. А дачу?

Деревушкин *(жене)*. Что?

Софья. А дачу кому?

Серафима. А кому дачу?

Растегай. Кому дачу, Платон Петрович?

Деревушкин *(соображая)*. Вас интересует, кому я завещаю дачу? А? Что? Ну?

Раиса Павловна. Да! Дачу! Кому дачу?

Все *(кроме Александры, Хвоща и Иванова)*. Кому? Кому? Дачу! Кому?

Деревушкин *(поднимаясь, угрожающе)*. Ах, дачу? *(Смотрит на всех в упор — и вдруг, неожиданно прозрев.)* Муравьям! Трудовым му-ра-вьям! Только не эцитонам!.. *(Резко отодвинув стул, выходит из-за стола. В сердцах ломает пополам палку, бросает обломки в угол веранды. Уходит в сад. Скрывается за углом дачи.)*

За ним, сорвавшись со своего места, бежит Александра. Никологорский в волнении выпивает рюмку водки.

Елена Викентьевна. Что он сказал? Дачу кому?

Хвощ *(издевательски кричит старухе на ухо)*. Трудовым муравьям! Здорово, да?

Елена Викентьевна. Муравьям? Комедия какая-то! *(Пожимает плечами.)*

Домработница *(поднимая веточку с пескарями)*.

Раиса Павловна! Рыбу-то сейчас пожарить?

Или — в холодильник?

Все молчат. Вдали глухо гремит гром — приближается гроза.

Иванов *(с глубокой иронией)*. Про автомобиль забыли!

Тоже ведь, поди, денег стоит!..

Молния. Гром. Над дачей пронесется очистительная гроза.

Занавес

1959

«ЗЕЛЕНый КУЗНЕЧИК»

*Недостаточно серьезный водевиль
в четырех картинах,
с двумя интермедиями в стихах,
цирковыми номерами и одним антрактом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Плотогонов Елизар Сергеевич, не последний человек в городе.

Плотогонова Клавдия Мироновна, его супруга, первый человек в семье.

Лида, их дочь, архитектор.

Чолкин Иван Кондратьевич, заместитель Плотогонова, в прошлом — культработник.

Ласточкин } архитекторы, хорошие ребята с горячими
Стрижева } сердцами.

Колибри Кузьма Эммануилович, артист цирка.

Смурной, заведующий базой резиновых изделий.

В интермедиях:

Шпрехшталмейстер.

Жонглер.

Наездница.

Партерные акробаты.

Клоун с собачкой.

Дрессированный лев.

Действие происходит в областном городе.

Премьера спектакля состоялась в декабре 1964 года в Ленинградском театре комедии.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Полдень. Рабочий кабинет Плотогонова. Плотогонов и Чолкин продолжают беседу. По стенам развешаны эскизы и чертежи архитектурного проекта. Лида, Ласточкин и Стрижева закрепляют последний лист проекта на стене.

Чолкин (*Плотогонову*). Ты, Елизар Сергеевич, правильно сделал, что воздержался. С переносом трамвайной остановки они второй раз к нам входят. Первый раз я им отказал, так они теперь к тебе сунулись — думали, что ты, как новый человек, не разберешься и подмахнешь...

Плотогонов. А зачем мне решать, если ты уже решил? Я им так и сказал: Чолкин — мой заместитель, с его мнением я не могу не считаться.

Чолкин. Ясное дело... А то у нас все вразной пойдет...

Плотогонов достает какое-то лекарство, принимает его.

Все лечишься?

Плотогонов. Травлюсь помаленьку. Новое средство! Почему не попробовать?

Чолкин. Не жалеешь ты себя... А я рыбалкой все хвори вышибаю.

Плотогонов (*архитекторам*). Ну как у вас там? Готово?

Ласточкин. Готово, Елизар Сергеевич! Можно начинать.

Плотогонов. Подходи ближе, Иван Кондратьевич! Посмотрим, послушаем, что они нам доложить хотят... Какой такой сюрприз?

Чолкин нехотя подходит.

Ласточкин (*собранный с духом*). Разрешите, Елизар Сергеевич?

Плотогонов. Давай, архитектор! Давай! Докладывай!

Ласточкин (*не сразу*). Мы, Елизар Сергеевич, посоветовались у себя в мастерской и решили...

Чолкин. С кем посоветовались?

Стрижева. Друг с другом посоветовались.

Плотогонов. Ну посоветовались и к чему пришли?

Ласточкин. И в результате мы рискнули в общественном порядке предложить городу наш собственный проект...

В архитектурной мастерской

Мы все трудились день-деньской:

Там планировка,

Тут копировка.

Мы воплотили чертежи...

Лида (*перебивает*.)

Ты лучше в прозе расскажи!

Ласточкин (*показывая на эскизы*).

А если это —

Мечта поэта?!

Не реконструкция старого помещения, а оригинальный проект нового молодежного кафе...

Телефонный звонок.

Чолкин (*снимает трубку*). Слушаю... Передаю. (*Плотогонову*.) Супруга!

Плотогонов (*берет трубку*). Чего тебе? (*Слушает*.)

Она у меня... Сейчас! (*Передает трубку Лиде*.)

Мать! Тебя просит. Поговори с ней!

Лида (*берет трубку*). Что, мама? (*Слушает*.) Мама!

(*Слушает*.) Мама, я прошу тебя... Мама... На эту

тему я отказываюсь говорить! Да!.. Буду дома!

Весь вечер. (*Кладет трубку*.)

Плотогонов. Давай, архитектор, продолжай! На чем мы остановились?

Ласточкин.

Вот здесь вы видите хозблок,

Над ним стеклянный потолок —

Светло отменно

И современно!

А тут цветные витражи...

Стрижева (*перебивая*).

Про танцплощадку расскажи.

Ласточкин (*не слушая ее*).

Ну а вот это —
Два туалета...

Стук в дверь.
В кабинет заглядывает Смурной.

Смурной. Елизар Сергеевич!
Плотогонов. Да...
Смурной. Калоши!
Плотогонов. Знаю.
Смурной. Горю!
Плотогонов. Слышал.
Смурной. Ждать?
Плотогонов. Жди!

Смурной исчезает.

Давай, архитектор, продолжай. На чем мы остано-
вились?

Ласточкин.

Вы только посмотрите.
Пластмассы, дерево, стекло —
Уютно, весело, светло,
Красиво, скромно
И экономно.

Эскизы, сметы, чертежи...

Лида и Стрижева (*перебивая*).

Ты о пейзаже расскажи!

Ласточкин.

Пейзаж — пейзажем,
О главном скажем!
Затраты не превысят средств, отпущенных на пере-
стройку старого помещения. И наконец, Елизар
Сергеевич, вы только посмотрите, как это строение
удачно вписывается в пейзаж! Вид на пруд! (*По-
казывает.*) Чудесный городской пруд с лодочной
станцией летом и катком зимой, а на берегу моло-
дежное кафе...

Архитекторы (*хором*).

И если захотите, чтобы вечер
Прошел повеселей и потеплей,
Вас встретит всех «Зеленый» наш «кузнечик»,
Как самых замечательных друзей!

Все смотрят на эскизы. Мучительная пауза.

Стрижева (*нарушая молчание*). Красиво, правда?
Плотогонов (*не сразу*). Ну что ж... Я думаю, что...
А ты, Иван Кондратьевич, как думаешь? Не зря
вроде люди себе головы ломали в общественном
порядке?
Чолкин (*глубокомысленно*). Голову сломать — дело не
хитрое...
Плотогонов. Так, так, ясно... Вроде бы я где-то по-
добное видел.
Чолкин (*мрачно*). В журнале «Америка».
Плотогонов (*сухо*). Я этого издания не читаю.
Лида. Папа! Ты мог что-то в этом роде видеть в Бол-
гарии в прошлом году. Помнишь?
Плотогонов. Похоже, похоже...
Стрижева (*робко*). Красиво, правда?
Плотогонов. Что тут у нас обозначено?
Ласточкин. Эстрада для камерного музыкального
ансамбля.
Стрижева. В нашем городском ресторане, когда ор-
кестр играет, разговаривать невозможно: дуют, как
на параде.
Чолкин. А зачем вам по ресторанам ходить — вы не
командировочные.
Плотогонов. Так, так, ясно...
Стрижева (*робко*). Красиво, правда?
Плотогонов. А что это за «кузнечик» такой? Это
откуда?
Лида. Мы уже заодно для нового кафе и название при-
думали: «Зеленый кузнечик».
Плотогонов (*вдумчиво*). Почему именно «кузне-
чик»?
Ласточкин. На торшерах белые матовые абажуры,
и на них изображены зеленые кузнечики...
Лида. И потом песенка такая есть. Студенческая.
«Сидел кузнечик маленький
Коленками назад».
Стрижева (*робко*). Мило, правда?
Чолкин. Абстракционизм какой-то...
Плотогонов. Ну, это ты хватил, Иван Кондратьевич.
Какой же это абстракционизм? Абстракционизм —
это когда непонятно, а тут... стиль!
Чолкин. Кафе для стилияг.
Ласточкин. Почему вы так думаете?
Стрижева. Даже обидно слушать!

Плотогонов. Твое мнение, Чолкин? Я свое потом скажу...

Чолкин. Не то.

Плотогонов. Ясно.

Ласточкин. А вам, Елизар Сергеевич, тоже не нравится?

Плотогонов (*в раздумье*). Нет, отчего же... Нравится, сама идея нравится. Свежо!

Лида. А что же тебе не нравится, папа?

Плотогонов. Я не говорю, что не нравится. Но... вам было поручено разработать и представить нам на утверждение проект переоборудования бывшей прачечной под молодежное кафе «Юность». (*Чолкину.*) Так, помнится, было записано в решении?

Чолкин. Точно.

Плотогонов (*мягко*). А вы что нам представили на обозрение?

Стрижева. Мы же в общественном порядке...

Ласточкин. Нам думается, что молодежь города нас поддержит.

Чолкин. Этого еще не хватало. Демонстрацию готовите?

Лида. Ничего мы не готовим, мы же хотели как лучше!

Плотогонов. Возможно, друзья мои! Не отрицаю. Более того, уверен, что вы хотели как лучше. Но разве в этом гвоздь?

Лида. А в чем гвоздь? Очень интересно...

Плотогонов (*значительно*). Гвоздь не в этом!

Лида. А в чем же?

Чолкин. Неужели непонятно?

Лида. Нет!

Плотогонов (*мягко*). Где, позвольте вас спросить, в каком городе есть еще такое аналогичное кафе?

Чолкин. В таком современном стиле!

Ласточкин. Вы же сами сказали, что в Болгарии...

Плотогонов. Я, правда, этого не говорил, но видел... в Болгарии. И еще кое-где видел нечто подобное. Но мало ли где и что мы видели! Специфика есть специфика: у них свои особенности, а у нас свои!

Лида (*возмущенно*). Отец! Что ты говоришь?! При чем тут специфика и особенности? Как будто мы не посылает за границу специалистов, чтобы перенять что-нибудь полезное. Кстати, в центральных газе-

тах хвалили архитектуру болгарских курортов.
Я сама читала!

Плотогонов. А я разве ее ругаю? И я ведь не критикую. Почему не похвалить? Что красиво, то красиво, что удобно, то удобно... Но в наших областных условиях это будет выглядеть каким-то инородным телом. Ни вас, ни тем более нас не поймут!

Чолкин. Нигде, значит, нет, а у нас, видите ли, есть! Смело!

Плотогонов. Как же это мы так, первые и выпрыгнем с вашим «кузнечиком»?

Чолкин. Выпрыгнуть — дело нехитрое... Ведь ясно было сказано: «Передать под молодежное кафе «Юность» помещение бывшей прачечной». И не на берегу пруда, а на углу Гагарина и Базарной.

Плотогонов (*вздыхнув*). Словом, надо выполнять, как записано.

Чолкин. А не как бог на душу положит. И поменьше своевольничать.

Лидя. Разве ни одно решение нельзя поправить? Изменить?

Чолкин. А зачем? Ну, Елизар Сергеевич, мое мнение тебе известно. Я поехал. Мне еще на районный актив успеть надо. (*Выходит.*)

Ласточкин (*грустно*). А мы-то думали, надеялись, что вы нас поддержите, Елизар Сергеевич!

Плотогонов (*ободряющим тоном*). И поддержим. Обязательно. В свое время поддержим. Но не сейчас. Сегодня лично я такую ответственность на себя взять не могу. А в свое время решим. Обязательно решим!

Ласточкин. Очень жаль... Очень...

Стрижева. Печально, что вы нас не поняли, Елизар Сергеевич!

Плотогонов. Напрасно вы так думаете. Я вас отлично понял, что ж тут не понять? Вы тянетесь ко всему новому. Это разве плохо? Вы мечтаете, думаете, проявляете инициативу — и это хорошо! Но вы недооцениваете фактор времени. Спешите! Торопитесь! В силу вашей молодости. Сам был молодым. Тоже фантазировал...

Ласточкин. Ну и что же?

Плотогонов. Оперился, возмужал, прошел школу

жизни, можно сказать, воду и трубы... Нахватал шишек!

Лида. Папа! Но тогда время было другое!

Плотогонов (*не отвечая дочери*). Оперитесь — поймете! Будете точнее ориентироваться на местности. Так-то... А сама идея соорудить на берегу нашего пруда этакое кафе для молодежи — разумная идея! Я бы и сам с удовольствием там отдохнул. С женой. Но пока... подождем. Время покажет... Там видно будет. Подождем пока...

Ласточкин (*с папками и рулонами в руках*). Значит, отставить идею?

Плотогонов. Отставить! Ваше дело — молодое, а нам отвечать... Подвели бы вы нас под монастырь с этим вашим «кузнечиком».

Ласточкин.

Мечтали мы... горели...
Искали, чтоб найти!
Но мы вас не хотели,
Ей-богу, не хотели,
Ей-богу, не хотели
При этом подвести!

Плотогонов.

Похвально ваше рвенье!
И как вас не понять?!
Но если есть решение —
Его без промедленья
Извольте выполнять!

Стрижева.

Как был бы вид прекрасен:
Кафе — на берегу!

Плотогонов.

Я в принципе согласен!
Но вывод все же ясен:
Хоть ваш проект прекрасен,
Помочь вам не могу!

Ласточкин (*сослуживцам*). Пошли! До свиданья, Елизар Сергеевич! Будем под кафе переделывать прачечную! (*Кланяется. Выходит.*)

За ним уходит грустная Стрижева. Лида задерживается в кабинете.

Лида (*отцу*). Я так верила, что нам удастся тебя убедить. А ты... Ненавижу я твоего Чолкина!

Плотогонов. Чолкин — мой первый заместитель и имеет право на суждение.

Лида. Все равно ненавижу!

Плотогонов. Чолкин не одного председателя пересидел... Опыт!.. А с этим вашим «кузнечиком» я лично никуда входить не буду.

Лида. Ну прояви раз в жизни смелость!

Плотогонов *(с обидой)*. Не забывай, что я воевал...

Лида. Прости... Я знаю, что ты партизанил, что ты был ранен... Знаю... Отец! Поддержи инициативу нашей бригады! Это ведь в твоей власти! Поддержи! Дай указание!

Плотогонов. Не агитируй!.. И потом что это за название такое: «Зеленый кузнечик»?

Лида. Я придумала. И всем понравилось.

Плотогонов. Понравилось! Рассуди... Первый секретарь у нас новый. Второй месяц как заступил.

Лида. Ну и что?

Плотогонов. А то, что фамилия его Кузнечиков! Федор Игнатьевич Кузнечиков! Я при Чолкине не хотел акцентировать, но это меня как-то сразу настрожило. Как прикажете понимать? Как намек? Не могли другое название придумать? Обязательно надо кузнечик, да еще зеленый!

Лида *(всплеснув руками)*. Фантастика! Нет, я только одного не могу понять: чего ты боишься? На фронте не боялся, а тут трусишь! У меня это в голове не укладывается. Я очень люблю тебя, ценю и уважаю твои трудовые и боевые заслуги... Но, прости меня, сегодня я хотела бы видеть тебя другим! *(Решительно идет к двери.)*

Плотогонов. Лида! погоди!

Лида *(обернувшись)*. Что?

Плотогонов. Есть разговор.

Лида. Какой разговор?

Плотогонов. Сядь.

Лида. Села. Слушаю вас, товарищ Плотогонов! Будут указания?

Плотогонов *(не сразу)*. Мать волнуется. Беспокоишь ты ее.

Лида. Чем?

Плотогонов. Сама знаешь.

Лида. Для беспокойства и волнений нет никаких причин.

Плотогонов. Не нравится ей, в корне не нравится, что ты с этим... встречаешься, одним словом...

Лида. Мне не пятнадцать лет. Я вполне самостоятельный человек. С высшим образованием и положением в обществе. Я уже не маленькая. И не виновата, что вы не заметили, как я выросла.

Плотогонов (*помолчав, задумчиво*). Что у тебя с ним? Любовь, что ли? А если это не любовь?

Лида. Почему обязательно любовь? Мы познакомились, подружились... Он оказался милым и обаятельным человеком. Может быть, мне уже нельзя завязывать знакомства без вашей родительской рекомендации?

Плотогонов. Он тебе нравится?

Лида. Представь себе — нравится!

Плотогонов (*поморщившись*). Не понимаю, как тебе мог понравиться артист цирка!

Лида. Считаю, что у меня испорченный вкус!

Плотогонов. Да еще если бы просто артист, а то — укротитель животных! Не понимаю...

Лида. Ты же его не видел. Как ты можешь о нем судить?

Плотогонов (*неопределенно*). Знаем мы этих артистов...

Лида. У вас ко мне все, товарищ Плотогонов? (*Поднимается.*) Я могу быть свободна?

Плотогонов. В общем, учти: мать нервничает. Учти это положение. Мне, конечно, тоже не совсем безразлично, с кем ты собираешься связать свою судьбу, хотя это, в сущности, твое личное дело, но я тебя предупреждаю — мать не в себе!

Лида. Странные все-таки у меня родители! Откуда вы взяли, что я собираюсь связывать с кем-то свою судьбу? Я вообще не думаю пока выходить замуж. А встречаться я вольна с кем угодно.

Плотогонов (*настороженно*). Как это — встречаться? В каком это смысле?

Лида (*сдержанно*). В самом прямом: на площади под часами, в саду возле фонтана, у памятника на бульваре... Всего бояться! (*Выходит.*)

Плотогонов (*в раздумье*). «Всего бояться!» Молодо — зелено... «Прояви смелость!» На фронте проще было... Там хоть знал, кто с какой стороны... А сейчас...

Попробуй «смелость прояви!» —

Тебе легко сказать...

А если нет ее в крови,

Откуда смелость взять?

Проявишь раз, проявишь два,

На третий раз, увы!

Была на месте голова,

И — нету головы!

Когда уже стоит печать

И сбоку номер есть —

Никто не хочет отвечать,

Не будет в пекло лезть!

Полезешь раз, полезешь два,

На третий раз, увы!

Была на месте голова,

И — нету головы!

(Неожиданно обращаясь в зрительный зал.)

Друзья! Идет спектакль наш

Вот полчаса уже,

Вам ясен каждый персонаж,

Понятен вам сюжет.

Но вот я произнес слова,

И услышали вы:

«Была на месте голова,

И — нету головы!»

Как часто нам такой «герой»

Приносит в жизни вред,

Хоть занимает он порой

Солидный кабинет.

Летит работа кувырком

(Не о работе речь!),

Ведь он хлопочет лишь о том,

Как голову сберечь!

Такого увидав едва,

Легко поймете вы —

Хоть есть на месте голова,

А — нету головы!

(Что-то вспоминает, смотрит на часы, качает головой, достав из ящика рабочего стола какой-то пузырек, капают в стакан, доливают водой из графина и выпивают.)

Стук в дверь.

С м у р н о й *(заглядывает в кабинет)*. Разрешите, Елизар Сергеевич!

Плотогонов. Заходи, товарищ Смурной! Заходи! Смурной *(заходит)*. Я по вопросу...

Плотогонов. Знаю. Мне утром Кузнечиков звонил.

Смурной. Сам звонил?

Плотогонов. Сам. Что у тебя там на базе с калошами происходит?

Смурной. На сегодня — двенадцать тысяч пар в наличности. На днях жду еще партию. Принимать некуда...

Плотогонов. Торговая сеть не берет?

Смурной. Ни в какую! В области все склады завалены. Кто теперь калоши носит? Разве что отмирающее племя: бабушка какая-нибудь... А у меня всех размеров... Горе! Просто горе!

Плотогонов *(с сочувствием)*. Как же ты живешь, товарищ Смурной?

Смурной. Как Смурной живет? Сами знаете: весны жду! Весной склад затопит: товар подмокнет... Назначим комиссию. Сактируем наличность и — в утиль! Освободим помещение. Просушим. И опять все сначала... Вот так... От весны до весны...

Плотогонов *(в раздумье)*. Ты в управлении вопрос ставил?

Смурной. Ставил... Говорят: не можем на заводе передовой цех остановить, который уже в счет восьмидесят пятого года продукцию дает — калоши эти самые! Вал гонит...

Плотогонов *(помолчав)*. Готовится решение о постройке для тебя складского помещения. Устраивает?

Смурной *(хватаясь за голову)*. Без ножа зарежете! Я же от весны до весны живу!.. А если подмокать не будет и не списывать? Что тогда делать? Вы же для моей резины не резиновый склад строить будете?

Плотогонов. Ассигнования выделены. Надо их в этом году реализовать. Построим тебе склад. Не будет тебя больше затоплять!..

В кабинет без стука входит Плотогонова. Она чем-то крайне взволнована и возбуждена. В расстроенных чувствах опускается на диван и ждет, пока из кабинета не выйдет посетитель.

Смурной. Я же от весны до весны живу.

Плотогонов (*протягивает ему руку, с тревогой поглядывая на жену*). Действуй, товарищ Смурной! Действуй, а не то мы с тобой оба в калошу сядем...

Смурной выходит. Плотогонов молча смотрит на супругу. Та сидит неподвижно, как бы в забытьи.

(*Подходит к ней.*) Ну как? Была?

Плотогонова. Была.

Плотогонов. Ну что? Видела?

Плотогонова. Видела... (*Неожиданно встрепенувшись.*) Елизар! Меня оплевали!

Плотогонов (*опешив*). Как оплевали? Буквально или фигурально?

Плотогонова. И буквально и фигурально. Всю жакетку испортили и на шляпу попали. И в лицо!

Плотогонов (*наливает жене стакан воды*). Кто тебя оплевал?

Плотогонова (*осушив стакан воды*). Верблюд!

Плотогонов. Ничего не понимаю. Какой такой верблюд?

Плотогонова. Обыкновенный верблюд, который в цирке выступает.

Плотогонов. Ну а сам-то, сам-то что из себя представляет? Сам укротитель! Какое впечатление?

Плотогонова. Это тихий ужас! Елизар! Он выезжает верхом на живом крокодиле... Целуется с медведем! Сует свою голову в пасть настоящему живому льву! Ты бы только посмотрел, как он это делает! Я села в первый ряд, чтобы получше разглядеть, — так верблюд оплевал меня с головы до ног!.. И она его любит!.. Нет, надо решительно положить конец этим встречам! Решительно! Пока не поздно!

Плотогонов. Она говорит, что это не любовь. Пока...

Плотогонова. Так она его полюбит. Обязательно полюбит!

Плотогонов. За что?

Плотогонова. За смелость.

Плотогонов. Как его зовут?

Плотогонова (*достает из сумочки программу представления*). Его зовут Колибри. Кузьма Эммануилович Колибри. (*Протягивает мужу программу.*)

Плотогонов с серьезным видом изучает программу циркового представления.

Плотогонова. Ему тридцать лет. Не женат... Нет, как тебе это нравится? Я пришла в цирк специально, можно сказать, посмотреть на поклонника своей дочери, может быть, даже на будущего зятя, а меня взяли и оплевали! При всем народе! И кто? Верблюды! Двугорбая скотина!

Плотогонов. Сама виновата...

Плотогонова. Чем же это я виновата?

Я села в литерном ряду,
У всех знакомых на виду...

Плотогонов.

Зачем ты села в этот ряд?
Сидела б там, где все сидят!

Плотогонова.

Я села только для того,
Чтоб разглядеть в лицо его!

Плотогонов.

Не понимаю, почему
Ты не понравилась ему!

Плотогонова.

Кому?

Плотогонов. Верблюду!

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

Цирковая музыка, взрывы смеха, аплодисменты публики. По авансцене проходит клоун с собачкой. Доносится голос шпехшталмейстера: «Антракт!» Появляются партерные акробаты. Они разминаются, репетируют один из своих номеров. Уходят. Пробегает наездница. Появляются Лида и Колибри. Дрессировщик готов к выходу на манеж: он соответственно одет, в руках хлыст, на боку пистолет. Однако его внешний облик никак не вяжется с представлением об опасной профессии укротителя хищников.

Л и д а.

Я больше не могу!
Сбегу!
Как малого ребенка, опекают
И от всего оберегают:
Когда придешь? Куда пошла и с кем?
За всем следят — как сплю, что пью, что ем...
Мне скоро двадцать пять, а смотрят, как на детку!
Нет, я сбегу!

К о л и б р и. Куда?

Лида. Хоть к тиграм в клетку!
 А что до моего любимого отца,
 Он — честный человек... без своего лица!
 И нерешителен, и трусоват к тому же...
 Не приведи господь иметь такого мужа!
 Колибри. Могу ли я помочь? Хоть чем-нибудь?
 Лида. Едва ли.
 Нас высекли. Проект забраковали.
 Сражение кончилось. Противник победил.
 Колибри. Количесством врагов?
 Лида. Нет, расстановкой сил...
 Как вы поможете? (*Усмехнувшись.*)
 Придете в горсовет —
 Медведь на поводке и сбоку пистолет?
 Колибри (*загадочно*).
 Есть у меня одна идея...
 Мне в голову пришла забавная затея...
 Что, если я...
 Шпехшталмейстер. Колибри! На манеж!
 Колибри. Иду! Иду!
 Лида. Что вы задумали?
 Колибри. Не скажешь на ходу!
 Шпехшталмейстер. Колибри! К выходу!
 Колибри (*уходя*).
 На том же месте?
 Лида. Жду!

Колибри и Лида расходятся. Появляется жонглер. Он проходит, жонглируя кольцами. Где-то рычат хищники. Третий звонок.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Через два дня. Квартира Плотогоновых. Вечер. Плотогонов за столом набивает патроны — готовится к предстоящей охоте. Его супруга накрывает чайный стол.

Плотогонова. Ты отец или не отец?

Плотогонов. Ну, отец.

Плотогонова. А если отец, чего же ты ей не прикажешь, чтобы она из головы себе этого циркача вы-

бросила? А у тебя на уме одна охота да лечение!
А ну как она замуж за него выскочит? Помяни мое слово, Елизар, я с ним и часа в одной квартире не останусь — от него крокодиллом пахнет!

Плотогонов. Как ты можешь знать, чем от него пахнет? Ты же с ним двух слов не сказала.

Плотогонова. Сказала или не сказала, а в одной квартире — мы не жильцы! И опять же взять квартиру! Все вокруг уже по новым адресам поразъехались, одни мы на месте сидим. Индюшкин из торговавторую квартиру меняет. Рукомойников — старую на тестя перевел, а сам тоже в новую перебрался.

Плотогонов (*с удивлением*). Кто же это ему оформил?

Плотогонова. Будто и не знаешь!

Плотогонов. И не знаю.

Плотогонова. Чолкин! А то кто же! Он и себя не забыл. В новых корпусах квартирку приглядел. А мы все на месте сидим, никуда не двигаемся! Вот бы и нам почтовый адрес переменить.

Плотогонов (*добродушно*). А куда двигаться-то? Куда?

Плотогонова. Выше!

Плотогонов. Зачем?

Плотогонова.

Надоело жить на низком этаже,
Мне с балкона никакого вида нет!
Все вокруг давно разъехались уже,
Мы одни сидим на месте восемь лет.
Мне надоело!

А есть квартиры первый класс!

Не как у нас! Не как у нас!

Посмотришь — красота!

В уборной черный унитаз,

На кухне там — бухарский газ

И польская плита!

Чего, чего там только нет:

Там на пол стелют не паркет,

А пластик голубой!

Уже немало там жильцов,

А кто, скажи, в конце концов,

Они перед тобой?

Ну, кто они перед тобой?!

(*Неожиданно обращаясь в зрительный зал.*)

Честное слово, куда приятнее было бы сыграть хорошего человека — умного, честного, веселого, доброго, порядочного и интеллигентного... Сыграть что-нибудь про любовь... и еще раз про любовь!.. (Вздыхнув, про себя.) Что это я, право, размечталась.

Плотогонов. Квартиру менять — дело тонкое. Надо раньше остронуждающихся очередников площадью обеспечить, а потом уже о себе думать. Не одни мы в городе живем.

Плотогонова. Ты об этом Чолкину скажи, своему заместителю. А Рукомойников — тот и вовсе прокурор!

Плотогонов. Говорить я им ничего не буду. Сами соображать должны. Не дети.

Плотогонова. Вот они и соображают...

Плотогонов (что-то вспомнив). Забыл лекарство принять! Хоть будильник при себе носи! Опять полчаса просрочил. (Принимает лекарство.)

Плотогонова (ворчит). Полчаса просрочил... А то, что дочери с самого утра дома нет, — это его не касается! Где она бродит? С кем? О господи...

В передней звонок. Плотогонова выходит. Слышны голоса. Клавдия Мионовна возвращается. Она растерянна.

Плотогонов. Кто пришел?

Плотогонова (заикаясь). Лида... Того... Этого... Циркача привела...

Лида (за дверью). Сюда, пожалуйста! Проходите... Проходите, не стесняйтесь!

На пороге появляется Колибри. За ним Лида. Колибри тоже растерян, готов провалиться сквозь землю.

Колибри (робко). Извините...

Лида. Знакомьтесь, пожалуйста! Мой отец! Моя мать! А это мой друг, артист цирка, о котором вы уже знаете.

Колибри (заикаясь). Совершенно верно. Артист госцирка. Кузьма Эммануилович Колибри.

Неловкая пауза.

Лида. Я уговорила Кузьму Эммануиловича зайти к нам и познакомиться с вами. Мама! Кузьма Эммануилович очень переживает эту нелепую историю с вер-

блюдом. Но он совершенно не виноват. Во-первых, он не знал, что верблюд попал именно в тебя, а во-вторых, тебе не надо было садиться в первый ряд в твоей оранжевой шляпке. Оказывается, тот верблюд не выносит оранжевого цвета.

К о л и б р и. Совершенно верно. У моего верблюда Гоши — идиосинкразия к некоторым цветам. В том числе к оранжевому.

П л о т о г о н о в (*заинтересовавшись*). Как вы сказали? Что у него? Идио...

К о л и б р и. Идиосинкразия. Он органически не выносит оранжевого цвета. И еще, например, фиолетового. Эти цвета выводят его из себя, и он в знак протеста начинает плевать.

П л о т о г о н о в. Зачем же это он?

К о л и б р и (*пожимает плечами*). Трудно сказать. (*Плотогоновой.*) Клавдия Мироновна — так, кажется. Приношу вам свои извинения. Мне очень жаль, что все так произошло. Я готов понести расходы по химчистке или даже возместить полную стоимость...

П л о т о г о н о в. Об этом нет речи.

К о л и б р и. Нет, почему же... Я готов!

П л о т о г о н о в а. Благодарю вас. Уже отчистили... Не в этом дело...

К о л и б р и. Я вас понимаю. Вы пришли на утренник, а вам испортили все впечатление. Я огорчен до глубины души. Когда Лида рассказала мне об этом происшествии, я просто был в отчаянии. И надо же, чтобы Гоша повернулся именно в вашу сторону... Надо же! Такое совпадение...

Л и д а. Мама! Ты нас напоишь чаем? Кузьма Эммануилович с утра ничего не ел. И я тоже.

П л о т о г о н о в а. Может быть, сварить сосиски?

Л и д а. И сосиски не помешают. Я тебе помогу.

Мать и дочь выходят. Плотогонов продолжает набивать патроны.

П л о т о г о н о в (*гостю*). Чего вы стоите? Присаживайтесь. В ногах правды нету...

К о л и б р и. Извините. Я не устал. (*Присаживается на край стула.*)

П л о т о г о н о в. Вы случайно не охотник?

Колибри. Нет, нет... Далеко от этой страсти. Очень далеко.

Плотогонов *(не без удивления)*. Вы ведь, кажется, имеете дело с этими... хищниками... И не охотник?

Колибри. Представьте себе. Более того — никогда в жизни не держал в руках огнестрельного оружия, если не считать пистолета. И то с холостыми патронами.

Плотогонов. Почему именно с холостыми?

Колибри. Для самозащиты. Бывают случаи, когда дрессировщику приходится стрелять... Так сказать, для острастки. Зверь боится выстрела. Впрочем, струя холодной воды из пожарного рукава более эффективна.

Плотогонов. Удивительно. Иметь дело с дикими животными и не быть охотником?

Колибри. Что подделаешь? Не люблю убивать. Вернее, просто не могу. Тоже в некотором роде идиосинкразия! Разве что не плююсь вроде Гоши...

Появляется Лида. Она ставит на стол графин с наливкой и рюмки.

Плотогонов. Жена рассказывала, что вы каждый день рискуете жизнью. Это верно, что вы льву в открытую пасть свою голову кладете?

Колибри. Бывает. Правда, не на каждом представлении.

Плотогонов. А если он вам ее, извините, того... отхватит? Вторая ведь не вырастет?

Колибри *(пожимает плечами)*. Вероятно.

Плотогонов. И садитесь верхом на живого настоящего крокодила?

Колибри. Сажусь. Профессия...

Плотогонов. А бывали случаи, когда, скажем, зверь на вас нападал? Ну, там тигр какой-нибудь.

Колибри. В прошлом году меня немного Цезарь помял.

Плотогонов. Какой такой Цезарь?

Колибри. Лев. Милейшее существо, но с характером. Я больше месяца в больнице провалялся. *(Притоднимает правую штанину.)* Вот видите, какой шрам остался! *(Показывает.)*

Плотогонов *(надев очки и посмотрев на шрам)*. Сколько же вы за это получаете, если не секрет?

Колибри. У меня ставка. Я работаю по первой категории.

Плотогонов. Вы, конечно, беспартийный?

Колибри. Нет, почему же... Я уже кандидат. Скоро срок кончается...

Плотогонов. Значит, вашего брата тоже в партию принимают?

Колибри. Простите, но у меня нет брата...

Лида. Отец! Ты спрашиваешь что-то не то... Кузьма Эммануилович такой же работник культуры, как и любой советский артист. Кстати, он в прошлом был секретарем комсомольской организации. Я не ошиблась?

Колибри. Совершенно верно. В цирковом училище. На последнем курсе.

Входит Плотогонова со сковородкой в руках.

Плотогонова. Я сосиски порезала и яичками залила. Можно садиться.

Плотогонов сдвигает на край стола охотничьи принадлежности. Все садятся к столу.

Плотогонов (*гостю*). Рюмочку!

Колибри. Нет, спасибо, я воздержусь. Извините.

Плотогонов. Домашняя. На вишне! Одну!

Колибри (*виновато прижимает к груди пустую рюмку*). Нет, нет! Не уговаривайте. Не сердитесь, но не могу. Не буду.

Плотогонов. Что так? Больны?

Колибри. Здоров. Но мне сегодня еще работать.

Плотогонов. Одна не помешает. Бодрей будете!

Колибри. Помешает. Звери не выносят запаха алкоголя. Особенно львы.

Плотогонов. А крокодил?

Колибри. И крокодил тоже не выносит!

Плотогонов. Скажи пожалуйста!.. (*Качает головой. Поднимает рюмку.*) За ваше здоровье! (*Выпивает.*) Скажи пожалуйста, крокодил — и не выносит запаха алкоголя! Не знал! (*Наливает себе вторую рюмку. Закусывает.*)

Лида. Кузьма Эммануилович, разрешите вашу тарелочку... Я вам еще положу.

Все молча едят.

П л о т о г о н о в. Я вот еще спросить хотел... Что за фамилия такая — Колибри?.. Редкая фамилия. Это, кажется, птички есть такие — колибри?

К о л и б р и. Это не фамилия, а мой цирковой псевдоним. Настоящая моя фамилия — Гурович.

П л о т о г о н о в (*не сразу*). Смотрю я на вас, товарищ Гурович, и думаю: как вы себе такую специальность выбрали? Это же надо большую силу воли иметь и, если хотите, определенную смелость...

К о л и б р и. Совершенно верно. Я имею и то и другое.

П л о т о г о н о в. Извините за откровенность, но вы производите другое впечатление.

Л и д а. Папа! Кузьма Эммануилович отчаянно смелый человек! Ты его не видел за решеткой! Перед тобой он просто робеет. От скромности.

П л о т о г о н о в. А зачем передо мной робеть? Что же я, выходит, страшнее крокодила?

К о л и б р и. Честно говоря, не знаю почему, но наедине с хищниками я чувствую себя гораздо увереннее, чем с глазу на глаз с каким-либо начальством. Извините.

П л о т о г о н о в. Надо брать себя в руки.

К о л и б р и (*скромно*). Пытаюсь...

Я... объясняться не умею,
Но откровенно вам скажу:
Что перед вами я робею,
Хотя... у вас и не служу!

П л о т о г о н о в.

Вы укрощать умеете
Свирепейших зверей.
И вдруг сейчас робеете?
Передо мной робеете?

К о л и б р и.

Робею! Ей-же-ей!
Когда ко львам вхожу я в клетку,
Я не теряюсь, не дрожу!
Перед начальством же нередко
Обычных слов не нахожу.

П л о т о г о н о в.

Вы укрощать умеете
Свирепейших зверей.
И вдруг сейчас робеете?
Передо мной робеете?

Колибри.

Робею! Ей-же-ей!

Плотогонов. Как же это вы так?

Колибри достает из кармана стеклянный тубик и, откупорив его, кладет в рот таблетку. Лида подает ему стакан с чаем. Колибри молча кивает и запивает таблетку.

(С интересом.) Что это вы принимаете?

Колибри *(уклончиво)*. Так... Ничего... Одно средство.

Плотогонов. Разрешите поинтересоваться?

Колибри. Прошу вас.

Плотогонов *(надев очки)*. Не по-нашему написано...

Колибри. Импортное.

Плотогонов. От чего помогает?

Колибри. Укрепляющее.

Плотогонов. Разрешите попробовать?

Колибри. Конечно, прошу. Попробуйте.

Плотогонов *(берет таблетку и, проглотив, запивает ее наливкой)*. Хуже не будет?

Колибри. Думаю, что нет.

Плотогонов. Вы говорите — укрепляющее? А что именно укрепляет? *(Бросает многозначительный взгляд на жену.)*

Колибри. Укрепляет волю и активизирует характер. Во всяком случае, мне его рекомендовали с такой аннотацией. Прошлым летом нам довелось быть на гастролях за рубежом, и там один известный дрессировщик носорогов подарил мне несколько таких тубиков. Рекомендовал как чудодейственное средство.

Плотогонова *(недоверчиво)*. Чем же это оно чудодейственное?

Плотогонов. Да, поскольку я его принял, мне было бы интересно поподробнее...

Колибри. Человек, принимающий это средство, уже вскоре после первого приема начинает чувствовать подъем духа и прилив душевных сил. У него возникает желание активно действовать, концентрируется воля, появляются смелость и решительность, которые затем при систематическом приеме этих таблеток стабилизируются и закрепляются.

Плотогонов. Вы тоже этим пользуетесь, Кузьма Эммануилович?

Колибри. Честно говоря, пока не прибегал. Меня зве-

ри и так слушаются. Я этим средством не пользуюсь, но на всякий пожарный случай ношу его при себе. Мало ли что...

Плотогонов. Вроде как я — валидол?

Колибри. Совершенно верно.

Плотогонов. Зачем же вы сейчас проглотили мою таблетку?

Колибри. Захотелось испытать. Очень уж я действительно оробел перед вами. Дай, думаю, приму! Попробую... А вот сейчас принял, и вроде проходит моя робость. Уже начало действовать! Честное слово! Как рукой снимает. Хотите верьте, хотите нет!

Плотогонов (*как бы прислушиваясь к себе*). А я пока ничего не ощущаю. Разве что немного в жар бросило...

Плотогонова. Кто его знает, на чем оно может отразиться! Не надо было бы тебе, Елизар, глотать! Любишь лечиться!

Лидя. А какова продолжительность действия одной таблетки?

Колибри. Шесть часов.

Плотогонов. Любопытно. Очень любопытно. Я вот скоро на волчью охоту собираюсь. Выходит, если я одну-две такие таблетки проглочу перед облавой, мне серый разбойник не страшнее Жучки покажется?

Колибри. Вероятно. Во всяком случае, вы будете себя чувствовать увереннее и решительнее. Хотите, я могу вам оставить эту трубочку? У меня еще целых семь штук в запасе.

Плотогонов. Большое спасибо. А если перед ответственным выступлением таблетку принять? А? То же ведь неплохо? Концентрация воли, подъем духа и прочее... Ведь не помешает?.. Надо будет испытать!

Колибри (*неожиданно бодро и решительно, с металлом в голосе*). У меня к вам претензии, Елизар Сергеевич! Что же это вы лично не зайдете к нам в цирк на представление?! Мы у вас в городе второй месяц работаем, а местное начальство нас игнорирует! Нехорошо получается... Только если у вас оранжевая шляпа или фиолетовый плащ, надевайте их в этот вечер. Не ручаюсь за Гошу! (*Подчеркнуто громко смеется.*)

Клавдия Мироновна не без удивления смотрит на Колибри. Лида прячет улыбку.

Плотогонов. Ей-богу, приду! И нашего первого секретаря, Кузнечикова Федора Игнатьевича, еще к вам выгашу!

Плотогонова. Елизар! Опомнись!

Плотогонов. Обязательно выгашу! Приду — и прямо к вам в клетку со львами! К Цезарю вашему! А что, думаете, — закусает? Милейшее существо! (Смеется.)

Колибри. А ну, налейте-ка мне стопку вашей настойки!

Плотогонова. Господи! Ну и таблетка! Начала действовать!

Колибри и Лида переглядываются.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка первой картины. На стенах та же экспозиция. Плотогонов серьезно, внимательно знакомится с экспозицией. Ласточкин, Лида и Стрижева с интересом наблюдают за Плотогоновым.

Ласточкин (*сухо*). Я не совсем понимаю, Елизар Сергеевич, зачем вы нас вызвали сегодня. Поскольку мы уже приступили к реконструкции прачечной...

Стрижева (*с иронией*). Было решение, а решение, как вы сказали, надо выполнять... Вот мы и выполняем.

Лида. Ребята, погодите! Отец, ну что ты скажешь?

Плотогонов. Что я скажу? А вот что! Я полагаю, что вы не зря поработали. В самом деле!

Пластмассы, дерево, стекло —

Уютно, весело, светло,

Красиво, скромно

И экономно.

И, откровенно говоря,

Я вызвал вас к себе не зря!

Да, да! Все это —

Мечта поэта!

Стрижева. Ущипните меня!

Ласточкин. Вы не шутите? Елизар Сергеевич!

Лида. Папа! Я счастлива, если тебе это действительно нравится и ты согласен...

Плотогонов. Не агитируй, не агитируй!

Проект действительно хорош.

Спасибо скажет молодежь!

Беритесь смело

За это дело!

А если где-нибудь затрет,

То знайте, братцы, наперед,

Что всем, чем можем,

Мы вам поможем!

Архитекторы (*вместе*).

Не часто подобные речи

В таких кабинетах звучат.

Живи, наш «Зеленый кузнечик»,

И радуй парней и девчат.

Входит Чолкин. Он удивлен тем, что видит. Присутствующие не замечают его.

Стрижева. Это замечательно!

Ласточкин. Вот не ожидали.

Лида. Папа, как здорово!

Ласточкин. Большое вам спасибо, Елизар Сергеевич!

От всей нашей бригады! (*Пожимает Плотогонову руку.*)

Лида. Ну вот, папа! Теперь я вижу, на что ты способен!

Я ведь знала... Я верила... Я люблю тебя!

Плотогонов. Погодите, погодите! А как по срокам?

Надо нам поторопиться с этим «Кузнечиком». Хо-

рошо бы к Первомаю кафе открыть! И чтобы

в этом кафе фирменные блюда были! Ну, допустим,

омлет с луком — «Зеленый кузнечик» называется!

Или пломбир какой-нибудь. Тоже неплохо. (*Замечает Чолкина.*)

А вот, кстати, и Иван Кондратьевич!

У него светлая голова! Что скажешь, Чолкин?

Подкинь свежую идейку! Дело-то наше, общее.

Чолкин. Недопонимаю...

Плотогонов. А вот какое дело, Иван Кондратьевич...

Зря мы с тобой тогда их проект завернули!

Чолкин. Почему — зря?

Плотогонов. Поторопились. Не разобрались как сле-

дует и поторопились. Я подумал и решил еще раз

посмотреть, вникнуть в суть вопроса. Посмотрел,

прикинул...

Чолкин. Вот я и недопонимаю, зачем прикидывать,

раз было решение!

Плотогонов.

Я полагаю, нет сомнения:
В формальных рамках трудно жить!
Придется, видимо, решенье
Нам как-нибудь перерешить!

Чолкин (*в крайнем удивлении*).

Нам как-нибудь перерешить?

Плотогонов.

Пойдем навстречу молодежи —
Оценим творчество и труд.
Вопрос о прачечной отложим,
Кафе поставим там, где пруд?

Чолкин (*растерянно*).

Кафе поставим там, где пруд!

Плотогонов.

Мы комсомольскую идею
Должны с тобою поддержать.
И «наверху», я разумею,
Никто не станет возражать!

Чолкин (*как в забытьи*).

Никто не станет возражать?

Плотогонов. Безусловно! Мы же не атомный реактор собираемся строить, а молодежное кафе. Да я могу сейчас самому Кузнецикову позвонить. (*Снимает трубку*). Первый! Это Плотогонов... А Федора Игнатьевича нету?.. Улетел на пленум? Ясно. Вы не знаете, где он обычно останавливается, в какой гостинице? Спасибо. Я ему позвоню сегодня в Москву в «Минск». (*Кладет трубку*.) Вот так. Будем действовать!

Чолкин (*в прострации*). Ну и ну...

Ласточкин (*с подъемом*). Больше смотреть не будете, можно сворачивать?

Плотогонов. Да, все ясно.

Стрижева (*бросается к Плотогонову*). Елизар Сергеевич! Миленкий!

Плотогонов (*с напускной суровостью*). Прошу без этих излишеств.

Лида. Отец, ты подпишешь эскизы?

Плотогонов. Сейчас?

Лида. Если не возражаешь.

Плотогонов. Это я должен подписывать?

Лида. Твоя виза обязательна.

Плотогонов. Обязательно моя?

Ласточкин. Елизар Сергеевич!

Стрижева. Миленький!

Плотогонов (*медлит, затем решительно достает тюбик и принимает одну таблетку*). Где нужно подписать?

Ласточкин (*показывает*). Здесь... и здесь... И еще здесь, пожалуйста...

Стрижева. Вы не представляете, Елизар Сергеевич, что вы сейчас сделали!

Ласточкин. Это трудно переоценить!

Лида. Ты поднял авторитет всей нашей мастерской.

Плотогонов. А что я сделал? Ничего особенного. Проявил самостоятельность в решении частного вопроса. Это в моей власти.

Лида незаметно для других передает что-то отцу.

(*Не поняв.*) Что это?

Лида (*вполголоса*). Возьми. Это тебе еще от Колибри! Еще одну трубочку... Мать себе тоже одну выпросила...

Плотогонов. Ей-то зачем?

Лида. Не знаю. Выпросила.

Плотогонов. С ее-то характером... (*Качает головой.*) Переборщит!..

Ласточкин. Значит, мы договорились? Проект идет в работу.

Плотогонов. Действуйте! Если что — звоните! По моему, прямому, по два двадцать семь!

Ласточкин.

Признаться, я не ожидал!

Такой прием! Такой финал!

Стрижева. А мы ночей не спали!

Ласточкин.

Дождаться, братцы, не могу:

Стоит кафе на берегу!

Лида.

И мы танцуем в зале!

Стрижева.

Дождаться, братцы, не могу:

Стоит кафе на берегу!

Лида.

«Кузнечик» наш «зеленый».

Плотогонов.

Там отдыхают, а не пьют!

И обстановку создают.

Лида.

Для юности влюбленной!

Радостно танцую, молодежь уходит. Пауза.

Чолкин. Что с тобой, Елизар Сергеевич?

Плотогонов. Разве что заметно?

Чолкин. Как же это ты?.. Без согласования... Берешь на себя такую ответственность?!

Плотогонов (*неожиданно для самого себя с большим подъемом*). А что, если нам научиться самим решать вопросы? В самом деле, Иван Кондратьевич, живем мы с тобой в такое время, что дух захватывает! На всех собраниях бьем себя в грудь, говорим о борьбе с формализмом в работе, а когда дело доходит до нас самих, когда надо самому лично, так сказать, проявить чувство нового, решиться на что-то разумное, но необычное — что мы с тобой тогда делаем? Предпочитаем уйти в кусты, умыть руки — только бы не взять на себя ответственность! Что у тебя ко мне? Подписать что надо? Давай на стол!

Чолкин, помедлив, достает из папки какую-то бумагу и кладет ее перед Плотогоновым. Тот, надев очки, внимательно читает. Затем отодвигает и, сняв очки, смотрит на Чолкина.

Не буду подписывать. Не могу.

Чолкин. Так ведь у меня уже все обговорено. Клячкин не возражает.

Плотогонов. А я возражаю. (*Выходит из-за стола.*) Решительно возражаю.

Чолкин (*с обидой*). Это почему же, Елизар Сергеевич?

Плотогонов. Сколько у тебя комнат?

Чолкин. Ну, три.

Плотогонов. Какая площадь?

Чолкин. Тридцать девять с хвостиком.

Плотогонов. На сколько человек?

Чолкин. На двоих, не считая тещи.

Плотогонов. А ты тещу за человека не считаешь? Стало быть, у тебя семья состоит из трех человек? Зачем же тебе нужна четырехкомнатная квартира? Да еще в новых корпусах! Мы же туда пер-

воочередников наметили и учителей. Было решение.

Чолкин (*ехидно*). По молодежному кафе тоже решение выносили...

Плотогонов. Ишь ты! «Решение выносили!» Ты меня не лови. Решение решению рознь! Одно дело — кафе, другое дело — жилплощадь. И не агитируй! Поддержки ты у меня не найдешь. Что про нас люди скажут?

Чолкин (*ворчит*). Ничего они не скажут, что мы — первые, что ли!

Плотогонов. Слышал я, наш прокурор тоже старую квартиру на нового тестя перевел, а сам в новую переехал. Верно это?

Чолкин. Да ведь распоряжение-то за твоей подписью вышло!

Плотогонов. Значит, подсунули мне под руку! Перерешить придется. Что же это такое? Прокурор — и нарушает законность! Я этот вопрос на бюро вынесу! Пусть мне на вид поставят. (*Возвращает Чолкину его бумагу.*)

Чолкин (*прячет бумагу, смотрит на Плотогонова*). Дела-а...

Плотогонов. Ну, что ты на меня уставился? Не узнаешь?

Чолкин. Боюсь я за тебя, Елизар Сергеевич! Что-то ты не такой, как всегда.

Плотогонов. А какой же?

Чолкин (*пожав плечами*). Не узнаю.

Плотогонов (*неожиданно доверительно*). Если хочешь знать, я сам себя не узнаю. Говорю с тобой, а сам чувствую: вроде это не я с тобой разговариваю. Вроде меня подменили... Чувствую, что поступаю правильно, как совесть подсказывает, — и все же не понимаю, как это у меня так легко получается... Ведь, поди, неделю назад, да что неделю! — три дня назад я бы этих эскизов не подписал, а твою бумагу подписал бы! Вот ведь что любопытно! И о прокуроре так бы не высказался... Подумал бы, но промолчал. А сейчас вот смотри как среагировал!

Чолкин (*участливо*). Давно это с тобой?

Плотогонов. Со вчерашнего вечера, как таблетку проглотил... (*Осекается.*)

Чолкин. Какую таблетку?

Плотогонов. Не хотел я тебе говорить, само с языка соскочило...

Чолкин. Что это за таблетка такая?

Плотогонов (*помолчав*). Ладно. Расскажу... Был тут у меня в гостях один... Он недавно откуда-то приехал... Из Индии, кажется... Так вот достал он для себя одно средство... Ну, и поделился со мной.

Чолкин. А что же за средство такое? Против чего?

Плотогонов. Да как бы тебе попроще объяснить... Смелеет человек, когда такую таблетку проглотит. Появляется в нем определенная решимость. И когда я лично такую таблетку проглотил, то минут через пять почувствовал в себе этакое нервное дрожание и задор!

Чолкин (*соображая*). Так, так... Понятно. Теперь понятно.

Плотогонов. Сегодня с утра еще две штуки принял.

Чолкин. Вот я и смотрю — не тот ты человек сегодня. Не тот!

Плотогонов. А я, наоборот, думаю, что именно тот! Вот только боюсь — кончатся таблетки... Где достать? Может, у нас додумаются — выпускать начнут? Хочешь попробовать?

Чолкин. Меня не проймет. Я вчера на ночь снотворного пять таблеток проглотил — и всю ночь проворочался...

Плотогонов. Попробуй для интереса!

Чолкин. Можно. Почему не попробовать?

Плотогонов достает тубик и протягивает его Чолкину. Тот осторожно берет одну таблетку и кладет в рот.

Сосать или как?

Плотогонов. Глотай!

Чолкин (*глотает, давится, запивает таблетку водой прямо из графина. Приняв таблетку*). Если не жалко, дай еще одну про запас.

Плотогонов. Изволь, пожалуйста. Не жалко, хотя и дефицит.

Чолкин (*прячет вторую таблетку в папиросную коробку. Как бы прислушиваясь к себе*). Вроде немного в жар бросило...

Плотогонов. Вот, вот. И меня вчера бросило.

Чолкин (*в зрительный зал*). А что, если я осмелею?
Я ведь тоже дел натворить могу!

Звонок телефона.

Плотогонов (*снимает трубку*). Плотогонов... Что?..
Слушаю... Для того чтобы установить автоматы
с газводой, необходимо специальное решение? Ну
так вот, никакого решения не будет! Устанавливай-
те по своему усмотрению... Как — чем руководство-
ваться? Своим умом! Без согласования не може-
те?.. Есть такое указание? Чье указание?.. Мое
указание? (*Помолчав.*) Мое указание считайте не-
действительным и впредь за такими указаниями ко
мне не обращайтесь! Действуйте! (*Кладет трубку.*)

Выполнять решения — обязательно!

Только все же надо иногда

Размышлять самостоятельно!

Это, право, не беда!

Лишь бы сверху нам спускали указания,

Сами думать не даем себе труда!

Подключать свое сознание —

Это, право, право, не беда!

Коль начальник думать не старается

И без указаний — никуда,

Если с ним и распрощаются —

Это, право, право, не беда!

Если мы на руководство брошены —

Не жалея ни сил и ни труда!

Сделать людям что-нибудь хорошее —

Это, право, право, не беда!

Чолкин. Так как же насчет моей квартиры? Может,
подпишешь?

Плотогонов. Не проси. Не унижайся.

Чолкин. Таблетки действуют?

Плотогонов. Да уж не знаю, что действует, — только
не подпишу. (*Встает.*) Меня кто будет спраши-
вать — я на завод резиновых изделий поехал.

Чолкин. А я пока в твоём кабинете посижу, делами зай-
мусь. У меня там посетители... Надоели как мухи.

Плотогонов. Почему часы приема не упрядочишь?
Вечно у тебя в приемной народ толпится!

Чолкин (*неопределенно*). Накапливаются...

Плотогонов. Будь здоров! (*Уходит.*)

Чолкин (один). Так дело не пойдет... Не пойдет!..
(Достает из папиросной коробки таблетку. Нюхает ее. Лижет. Задумывается. Кладет обратно в коробку.)

В кабинет заглядывает Лида.

Лида. Отца уже нет? Простите!

Чолкин. Лидия Елизаровна, можно вас задержать на минутку?

Лида (входит). Да. Конечно.

Чолкин. Лидия Елизаровна! Хотел я вас по-дружески, по-семейному, можно сказать, предупредить...

Лида. Что случилось?

Чолкин. Напрасно вы воспользовались... Ох, напрасно!

Лида. Чем воспользовалась?

Чолкин. Проектик свой на подпись подсунули в такой момент... Подсунули!.. Отцу!..

Лида. В какой момент?

Чолкин. Все это может иметь временное воздействие, а что потом? Кто будет расхлебывать, когда действие кончится?

Лида. Я не понимаю, о чем вы говорите, Иван Кондратьевич?

Чолкин. Будто и не догадываетесь? И вообще как же это возможно: без врача, без поликлиники?

Лида. Ах, вот вы о чем? Отец проговорился?

Чолкин. Не проговорился, а проинформировал, как своего заместителя.

Лида. Можете не беспокоиться. Средство совершенно безвредное, клинически проверенное.

Чолкин (заинтересованно). Вот как! Неужели?

Лида. Да! Да! Вот так, как я вам сказала.

Чолкин. А не кажется ли вам, Лидия Елизаровна, что советский человек, тем более занимающий ответственный пост, не должен прибегать к подобным средствам? Что про нас скажут, если мы все начнем в рабочее время глотать подобные таблетки и потом под их воздействием давать установки? И более того — отменять ранее вынесенные решения?! Я бы лично не стал рисковать.

Лида. А на вас эти таблетки не подействуют! Вам они противопоказаны!

Ч о л к и н. Это почему же?

Л и д а. Я бы с удовольствием поделилась некоторыми моими соображениями, но, к сожалению, меня ждут внизу. Простите. Должна бежать. Как-нибудь в другой раз. (*Быстро уходит.*)

Ч о л к и н (*в раздумье*). Почему мне может быть противопоказано? Что она имела в виду? Вот задача... А если не противопоказано? Достать бы этих таблеток штук сто, а то и все двести!

Есть пост, и есть авторитет,
А вот свободы действий нет —
Боюсь партконтроля!..
Ведь, как вы знаете, сейчас
У них повсюду глаз да глаз...
Ох, горькая доля!
Я дачу бы имел уже
С двухцветной «Волгой» в гараже,
Всего было б вволю...
На даче свой бильярдный зал...
А ну, как спросят: «Где ты взял?»
Боюсь партконтроля!
Иной заходит в кабинет —
Почтения к начальству нет,
А дать бы мне волю,
Уж, вы поверьте, я бы смог
Его скрутить в бараний рог...
Боюсь партконтроля!
А отдыхал бы я от дел,
Когда хотел и с кем хотел —
И с Валея, и с Олей,
И с Марь Ивановой, но увы...
Боюсь не сплетен, не молвы —
Боюсь партконтроля!
Сейчас бы мне как раз под стать
Пилюль для смелости достать
Штук сто и поболее...
Я проглотил бы их зараз
И не стонал бы, как сейчас:
Боюсь партконтроля!
(*В зрительный зал.*)
Хочу, чтоб день такой настал,
Когда б любой из нас сказал
По собственной воле:

— Я партконтроля не боюсь!
Я совести своей боюсь,
А не партконтроля!
А пока что...
Есть пост, и есть авторитет,
А вот свободы действий нет,
Ох, горькая доля!
Ох, доля горькая моя,
Не знаю уж, как вы, но я —
Боюсь партконтроля!

Смотри ж ты, Плотогонов!.. Другим человеком стал! На прокурора замахнулся! Что за таблетки?.. А на меня почему-то не действуют... Впрочем, что это я чувствую? Какая-то, наоборот, робость вдруг напала. Какая-то вроде неуверенность... Может, мне это средство действительно противопоказано? Черт меня дернул глотать таблетку! *(Икает.)* Нет, в самом деле, мне как-то не по себе. И чего я боюсь? Чего? Скажут: «Чолкин взятки берет!»... Дудки-с! Это еще доказать надо! Не пойман — не вор! Свидетелей не было. По моральной линии то же самое: опять непойманный!.. Мало ли что на человека наклепать можно! Использование служебного положения в личных целях... Что еще? *(Икает.)* Нет, видно, не на всех эта таблетка действует одинаково... Не на всех! *(Задумывается. Затем, что-то решив, набирает номер телефона.)* Аптека?.. Мне управляющего!.. Здравствуйте, Чолкин говорит. Вы бы могли произвести один секретный анализ?.. Нет! Нет!.. Не в этом смысле. Тут совсем другое дело. Надо растолочь и проверить одну заграничную таблетку: установить, из чего она состоит! Из каких частей! Ну, одним словом, проверить на вредность... Какая таблетка? Красненькая такая... Ничем не пахнет. На вкус вроде сладковатая... Так я пришлю ее с водителем. Договорились?.. А анализ потом лично мне! Лично! *(Кладет трубку. Достает из папиросной коробки таблетку. Рассматривает ее. Выбрасывает из спичечной коробки спички и прячет таблетку туда. Старательно заворачивает коробку в бумагу.)* Малая хи-ми-я!..

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

Кулисы цирка. На просцениуме жонглер жонглирует мячами. Появляются Колибри и Лида.

Колибри (*в большом возбуждении*).

Я больше не могу!

Не лгу!

Нет хуже испытанья —

Не видеться, ждать по два дня свиданья.

С портрета вашего я не спускаю глаз,

Готовлюсь к выходу — все думаю о вас!

Что делаете вы? Куда пошли и с кем?

Со мною говорят, а я — я глух и нем!

То, что я чувствую, как выразить словами,

Я потерял покой, я полон только вами!

Лида (*нежно*).

Колибри, милый!..

Колибри.

Вижу вас во сне...

А хищники уже относятся ко мне

Не как обычно, а настороженно,

Свое волнение я им передаю!

Работаю нечетко, напряженно

И сам себя уже не узнаю!

Лида. Колибри, дорогой!

Колибри.

Родная!

Лида.

Что, желанный?

Шпрыхталмейстер (*появляясь*).

Колибри! На манеж!

Колибри.

Мучитель окаянный!

Шпрыхталмейстер.

Колибри! К выходу!

Колибри.

Иду! Сейчас! Иду! (*Лиде.*)

Где вы сидите?

Лида.

Во втором ряду.

Колибри.

Вы с мамой?

Лида.

С мамой, да.

Колибри.

Итак, до встречи!

Лида.

Жду!

Расходятся. Пробегает клоун с собачкой. Звучит музыка.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Обстановка второй картины. Вечер. Плотогонов в пижаме, прижимая грелку к животу, разговаривает с Ласточкиным и Стрижевой.

- Плотогонов. Молодцы, «кузнечики»! правильно сделали, что зашли! Ну, как у вас дела? Что-нибудь затерло? Где-нибудь заело?
- Ласточкин. Да нет, спасибо, у нас все хорошо. Вот хотели вам кое-что показать...
- Стрижева. Вы уж нас извините, пожалуйста! Вы, кажется, нездоровы?
- Плотогонов. Да так... Немного приболел... Зашел вчера в ресторан, хотел посмотреть, как они там народ кормят. Съел голубцы — и вот на тебе! Всю ночь промаялся. Даже на бюро сегодня выбраться не смог.
- Стрижева. Неужели они не могли накормить вас как следует?
- Плотогонов. Я нарочно не сказался, кто такой. А официантка как раз новенькая попалась — не узнала.
- Стрижева. Они решили, что вы командировочный!
- Плотогонов. То-то и оно!.. Видно, опять директора ресторана менять придется.
- Ласточкин (*осторожно*). Сегодня, кажется, бюро?
- Плотогонов. С пяти часов идет. Еще не кончилось.
- Ласточкин. Наш вопрос обсуждать будут?
- Плотогонов. Должны были обсудить. А вы, никак, волнуетесь?
- Ласточкин. Мы слышали, кое-кто настроен резко против.
- Плотогонов. Ничего, ничего... Мы нашего «Кузнечика» в обиду не дадим!
- Стрижева. Елизар Сергеевич! Но если наше, а теперь уже и наше с вами общее предложение не одобряют?
- Плотогонов. Будем отстаивать и настаивать. И вообще, «кузнечики», побольше бодрости, побольше оптимизма!
- Ласточкин. Дело у нас на полном ходу, Елизар Сергеевич! Уже разработаны все интерьеры до мельчайших подробностей. Получается здорово! Такое будет кафе! Образцово-показательное.
- Стрижева. У вашей дочери вкус! Просто столичный!

- Плотогонов. Ну, полно, полно! Захвалите еще. Вы лучше расскажите-ка... Извините... (*Быстро выходит.*)
- Стрижева (*Ласточкину*). Слышал, как он сказал: «Будем отстаивать и настаивать!» «Побольше бодрости!» Значит, таблетки еще не кончились! Господи, только бы ему до победы хватило! Только бы он не сдал!
- Ласточкин. Ты опять? Просто стыдно слушать!
- Стрижева. Что стыдно слушать?
- Ласточкин. «Плотогонов принимает таблетки для смелости!» Обыватели распространяют нелепые слухи, а ты, комсомолка, их повторяешь! Какая глупость!
- Стрижева (*горячо*). Ах, глупость? Но почему, почему тогда всё в городе говорят, что он стал другим человеком? Почему?
- Ласточкин. Прекрати!
- Стрижева. Ах, не веришь? А вот старушка пенсионерка к Чолкину на прием никак попасть не могла. Так Елизар Сергеевич, как про это узнал, на следующий день ее лично принял и тут же решил вопрос!
- Ласточкин. Какой вопрос?
- Стрижева. Ей, понимаешь, в новых корпусах комнату выделили, но на пятом этаже, без лифта. Старушке ходить трудно... Ну, она и стала просить, чтобы ее пониже поселили. Три недели ходила просила. Чолкин ее вообще принимать не стал, а Плотогонов принял и дал комнату на втором этаже. Просто вот так, как в сказке: выслушал, документы посмотрел и наложил резолюцию. Ну, не чудо ли? Чудо!
- Ласточкин. Удивительный ты все-таки человек! Элементарное решение вопроса считаешь чудом. Он же — руководитель! Ру-ко-во-ди-тель! Это входит в его права и обязанности.
- Стрижева. Да-а? Чолкин вот тоже руководитель. А попробуй добейся у него правды!
- Ласточкин. Все равно насчет таблеток советую тебе не распространяться.
- Плотогонов (*входя*). Извините, приболел... (*Подходит к шкафу. Принимает лекарство.*)
- Стрижева (*неожиданно*). Елизар Сергеевич! Что вы принимаете? Таблетки?
- Плотогонов (*резко обернувшись*). Что? Какие таб-

летки? Я капли принимаю. Желудочные. Мне врач выписал.

Ласточкин укоризненно смотрит на Стрижеву. Стучит себе пальцем по лбу, качает головой.

Стрижева. До свадьбы все заживет! До свадьбы поправитесь, Елизар Сергеевич!

Плотогонов. До какой свадьбы?

Стрижева. Вы разве не в курсе? *(С удивлением смотрит на Ласточкина.)*

Ласточкин. Вам Лида ничего не говорила? Странно!

Плотогонов *(догадавшись)*. А-а! Одобряю! Поздравляю! Женитесь?

Стрижева. Мы? Что вы? Зачем?

Плотогонов. А кто ж тогда женится? Чья свадьба?

Стрижева. Так Лида же ваша замуж выходит. За артиста госцирка — дрессировщика смешанной группы животных. За Колибри!

Плотогонов *(раздумчиво)*. За Гуровича...

Стрижева. Да нет же! За Колибри! Вы разве его не знаете? Она вас не знакомила?

Плотогонов *(неопределенно)*. Исключительно смелый человек!

Ласточкин. Елизар Сергеевич! Мы вам оставим эти макеты. Лида их завтра...

В передней звонок.

Стрижева. Я открою, Елизар Сергеевич, не беспокойтесь! *(Выбегает.)*

Появляется Чолкин. За ним — несколько смущенная Стрижева.

Чолкин. Здравствуй, больной!

Плотогонов. Здравствуй, здоровый!

Ласточкин. Так мы пойдем, Елизар Сергеевич! Поправляйтесь, до свиданья!

Стрижева. Вы нас не провожайте. Мы захлопнем дверь. До свиданья! Лидочке от нас привет! Мы ей позвоним...

Плотогонов. До свиданья, кузнечики!

Стрижева и Ласточкин уходят.

Чолкин *(не сразу)*. Значит, болеешь?

Плотогонов. Как видишь.

Чолкин. А бюро идет?

Плотогонов. Как знаешь.

Пауза.

Чолкин. Напрасно ты, Елизар Сергеевич, всю эту шумиху с квартирами поднял. Рукомойников — прокурор, ему по должности хорошая квартира положена.

Плотогонов. Ему по должности положено не нарушать социалистическую законность. А квартира у него и раньше была хорошая. Даже отличная. Отдельная. В центре города. С балконом. Кухня в десять метров. Мало? А живет он один, не считая молодой жены.

Чолкин (*усмехнувшись*). Ты что же, молодую жену за человека не считаешь?

Плотогонов. Первая его жена была человеком. И из него человека делала. А эта, вторая, и сама на человека не похожа, и мужа из человеческого образа выводит. У них что ни день, то карты или пьянка на квартире. А вы все зажмурились, будто ничего не видите! В одной компании горло промачиваете!

Чолкин (*с иронией*). Больному надо быть поспокойнее... Нервы побереечь надо... Пригодятся еще...

Плотогонов. Ты о моих нервах не беспокойся! У меня живот болит, а не нервы!

Чолкин (*рассматривая макеты*). Гмм! Куда же все это теперь?

Плотогонов. В каком смысле?

Чолкин. Вопрос об этом вашем «кафетерии» с бюро сняли.

Плотогонов. Как — сняли?

Чолкин. А как снимают, так и сняли. Не будут обсуждать.

Плотогонов. Не может этого быть!

Чолкин (*спокойно*). Проверь!

Плотогонов (*набирает номер телефона*). Приемная?.. Тугушкин?.. Это я — Плотогонов. Будь другом, скажи: вопрос молодежного кафе прошел уже?.. Обсуждать не будут?.. Сняли с повестки? Ну ладно. Ну, будь здоров. (*Кладет трубку.*)

Чолкин. Проверил?

ПЛОТОГОНОВ. Извини... Я сейчас... (*Быстро выходит.*)

Звонит телефон.

ЧОЛКИН (*снимает трубку*). Квартира Плотогонова... Кто это?.. Ах, вы, Лидия Елизаровна? Слушаю вас... Елизар Сергеевич на минутку вышел из комнаты. А что случилось? (*Слушает.*) Ай-ай-ай-ай! Да как же это так?.. Да вы подумайте!.. Ай-ай-ай-ай! Смотри пожалуйста, какая неприятность!.. Вы сейчас приедете?.. Хорошо, я так и передам... (*Кладет трубку.*)

Входит Плотогонов.

ПЛОТОГОНОВ. Из обкома?

ЧОЛКИН. Лидия Елизаровна... Из цирка. Там у них ЧП случилось.

ПЛОТОГОНОВ (*испуганно*). Какое ЧП?

ЧОЛКИН. Не то лев, не то тигр... Цезарь, одним словом...

ПЛОТОГОНОВ. Это — лев! Лев!

ЧОЛКИН (*продолжает*). Напал!..

ПЛОТОГОНОВ. На Колибри? На Гуровича?

ЧОЛКИН. На укротителя!

ПЛОТОГОНОВ. Ну и что? Съел?

ЧОЛКИН. Нет!.. Ваша супруга...

ПЛОТОГОНОВ. Что моя супруга? Как она? Жива?

ЧОЛКИН. Как сидела, прямо из второго ряда и бросилась на помощь, в клетку! Такую панику на львов нагнала! Одним словом, выручила укротителя! Они сейчас приедут.

ПЛОТОГОНОВ (*стукнув кулаком по столу*). Так и знал! Переборщила! Нет, ты скажи, Чолкин, что у меня за жена?! Хотел бы я видеть, как она там с хищниками расправлялась! Ой, хотел бы! Не иначе она перед представлением таблеток наглоталась!

ЧОЛКИН. Ты про какие таблетки говоришь? Про те, красненькие?

ПЛОТОГОНОВ. А про какие же?

ЧОЛКИН. Ну, так вот что я тебе скажу... Помнишь, две недели назад я у тебя в кабинете одну проглотил, а вторую про запас оставил? Помнишь?

ПЛОТОГОНОВ. Помню. Ты еще потом сказал, что она на тебя не подействовала.

Чолкин. Вот... вот... Не подействовала! Так я вторую-то таблетку принимать не стал, а на анализ ее отправил... Пусть, думаю, проверят на всякий случай. Писали в газетах, будто у них там, за границей, большой бизнес на всякой отраве делают: от ихних лекарств люди многие глохнут, дети слепые рождаются... а ну как, думаю, они и тебя подведут. Ну, я и отправил на анализ...

Плотогонов (*упавшим голосом.*) И что же они там нашли?

Чолкин. Слава богу, ничего!

Плотогонов. Так не может быть, чтобы «ничего»! Из чего-нибудь она же состоит, эта таблетка?

Чолкин. А как же! Конечно, состоит!.. Где-то у меня тут анализ был. (*Шарит по карманам.*)

Плотогонов (*растерянно*). Скажи пожалуйста...

Чолкин находит анализ и протягивает его Плотогонову.

(*Надев очки, внимательно изучает бумажку. Как бы про себя читает.*) «А, Б-один, Ц, Б-шесть, Б-двенадцать, Б-пятнадцать, Е...»

Чолкин. И так далее... Удивительное дело, как на тебя витамины подействовали! Каким смелым стал! На прокурора замахнулся! В «кузнечики» записался! Решения игнорируешь! Друзей не слушаешь!.. Ох, Елизар! Доведут тебя эти заграничные витамины до персонального дела! Не раз Чолкина вспомнишь! А что до Клавдии Мироновны, то она сегодня сильно рисковала: сколько витаминов ни съешь, а в клетку со львами бросаться не стоит! Прямо скажу: не стоит!

Плотогонов сидит молча. В передней хлопает дверь. Слышны голоса. Появляются Лидя, Колибри, Плотогонова. У Клавдии Мироновны воинственный вид. Ее габардиновый плащ насквозь промок и во многих местах порван. В руках у нее порванная сумочка и зонтик.

Плотогонов. Клавдия! Ты в своем уме? С кем ты связалась?

Плотогонова (*в большом возбуждении*). А если на моих глазах дикие звери близкого человека рвут? Что же, я должна сидеть и на это безобразие в бинокль смотреть?

Л и д а. Мамочка! Хорошо, что так обошлось, но Цезарь мог тебя растерзать.

П л о т о г о н о в а. Меня? Растерзать?! Да я бы ему сама все глаза повыцарапала! Он меня и теперь долго помнить будет!

П л о т о г о н о в. Да что там у вас произошло? Расскажите толком!

К о л и б р и. Видите ли, я начал номер. Цезарь был уже с утра не в духе. Ему надо прыгать сквозь обруч. А он не пожелал. Смотрит в сторону, рычит.

П л о т о г о н о в. Милейшее существо!

К о л и б р и (*продолжает*). Я ему: «Алле!» «Алле!» — а он отворачивается...

Л и д а. А потом как обернется — и лапой!

К о л и б р и. Тут мы не успели опомниться, как ваша супруга была уже рядом со мной, за решеткой! Цезарь не ожидал такого нападения, он буквально растерялся. Когда Клавдия Мироновна начала стегать его по морде сумочкой, Цезарь забился в угол, а ваша супруга вцепилась ему в гриву...

Л и д а. Мама была вне себя! Я ее никогда такой не видела!

П л о т о г о н о в а. Да я бы с этим вашим Цезарем не знаю что сделала, если бы меня служители вовремя водой не облили и из клетки не выгнали!

К о л и б р и. Цезарь настолько травмирован вашим нападением, Клавдия Мироновна, что я даже боюсь, не потерял ли он временно трудоспособность...

Это был, как говорится,
Чрезвычайный инцидент!

Л и д а (*матери*).

Мы могли тебя лишиться,
Потерять в один момент!

К о л и б р и.

Это просто ваше счастье.

Л и д а.

Ведь погибнуть ты могла!

П л о т о г о н о в а.

Я бы Цезаря на части —
На куски разорвала!

К о л и б р и.

Он такого нападения
Испугался, как огня!

Плотогонова.

Он до гроба, без сомненья,
Не забудет про меня!

Лида.

Я, увидев маму в клетке,
Вся от страха обмерла!

Плотогонова.

Да, таблетки! Три таблетки
Перед этим приняла!

Плотогонов (*сухим голосом*). Таблетки тут ни при чем!

Лида и Колибри переглядываются.

Плотогонова. Как это — ни при чем? Почему?

Плотогонов (*протягивает жене анализ*). Клавдия!

Оказывается, эти таблетки — обыкновенные витамины. Ничего особенного! (*К Колибри.*) А вы что нам говорили, товарищ Гурович?

Колибри. Что я вам говорил?

Плотогонов. «Смелость, решительность, активность...» И все такое прочее...

Колибри. А разве вы, Елизар Сергеевич, не испытали на себе?

Плотогонов молчит.

Чолкин (*из угла*). Самовнушение это! Самовнушение!
И провокация...

Лида (*горячо*). Ну и пусть самовнушение! Зато мы победили! Будет у нас «Зеленый кузнечик», будет он радовать людей!

Чолкин. Не будет у вас никакого «кузнечика»!

Лида. Это почему же?

Звонок телефона.

(*Снимает трубку.*) Слушаю!.. Сейчас!.. Тебя!
(*Передает трубку отцу.*)

Плотогонов (*взяв трубку*). Плотогонов... (*Всем.*)
Тихо! Слушаю вас, Федор Игнатьевич!

Все замирают.

Да нет, приболел я немного... Настроение? Хорошее настроение... Дома? Все благополучно... Жена? (*Смотрит на жену.*) Здорова... Что в цирке? Вам

уже доложили? (*Вздыхает.*) Боевой характер? Да-да... Есть немного... Передать привет? Спасибо, Федор Игнатьевич, передам... Слушаю вас... (*Серьезно слушает. Большая пауза.*) Так... Согласен... Конечно... Ясно! Очень хорошо!.. До свиданья! (*Кладет трубку. Лиде.*) Вопрос о постройке молодежного кафе «Зеленый кузнечик»...

Лида (*в нетерпении*). Ну?

Плотогонов. Решено на бюро не обсуждать.

Чолкин. Ускакал ваш кузнечик...

Плотогонов. Бюро считает этот вопрос уже решенным.

Чолкин. Кем?!

Плотогонов. Мною. Заводу резиновых изделий предложено резко сократить план выпуска калош. О Ручкомойникове поднять вопрос перед Генеральной прокуратурой. Квартиру предложено освободить. А тебя, Иван Кондратьевич, просят завтра зайти в Комитет партийного контроля.

Чолкин. Зачем?

Плотогонов. Не знаю. Тебе виднее. (*В зрительный зал.*) Нет, как же это понимать? Выходит, что я и без специальных таблеток могу быть смелым и решительным человеком!

Лида. Папа, просто надо было дать тебе легкий толчок.

Колибри (*берет Лиду за руку и подводит к Плотогонову*). Мы решили, Елизар Сергеевич, поставить вас в известность...

Плотогонов. Когда свадьба?

Лида. Хотелось бы поскорее!

Колибри. А то гастроли кончаются!

Плотогонова (*возбужденно*). Так я же зятя себе спасала!

Чолкин. Мне на свадьбе не гулять! (*Уходит.*)

Звонит телефон.

Лида (*снимает трубку*). Слушаю... Кузя, тебя... Из цирка! (*Передает трубку Колибри.*)

Колибри. Колибри у телефона. (*Слушает.*) Хорошо, я сейчас приеду! (*Вешает трубку.*) У Цезаря — инфаркт!..

Занавес

Ф И Н А Л

Звучит музыка финальной песенки. Главные герои спектакля выходят на просцениум.

Л и д а и К о л и б р и.

Друзья! Полезны витамины:

И А, и Ц, и Б-один.

В с е.

Но между тем

Иному гражданину

Совсем особый нужен витамин!

Робким был и мнительным,

А принял — стал решительным!

А, став уже решительным,

Ты можешь смелым стать!

А как он применяется?..

А как он называется?..

А кем он выпускается?..

К основным персонажам спектакля присоединяются участники интермедий. Артисты цирка выносят на носилках полуживого льва Цезаря.

Л е в (*приподняв голову*).

А как его достать?

Занавес

1961

БАЛАЛАЙКИН И К°

Пьеса в двух актах, восьми картинах по роману
М. Е. Салтыкова-Щедрина
«Современная идиллия» (Петербургские сцены)

...невозможно понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина...

М. Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рассказчик } старинные приятели, российские
Глумов } либералы из дворян.

Иван Тимофеевич, квартальный надзиратель.

Балалайкин, адвокат.

Очищенный, бывший тапер в доме терпимости, впоследствии вольнонаемный редактор газеты «Краса Демидрона».

Парамонов, купец 1-й гильдии.

Фаинушка, содержанка Парамонова.

Редедя, странствующий полководец, сожитель Фаинушки.

Кшепшицюльский, полицейский дипломат.

Прудентов, писмоводитель.

Молодкин, брандмейстер.

Перекусихин-первый } тайные советники в отставке.
Перекусихин-второй }

Полина, дочка Ивана Тимофеевича.

Юноша, клиент Балалайкина.

Дамы, полицейские, лжесвидетели, лакеи, гости на свадьбе.

Действие происходит в г. Санкт-Петербурге в 70-е годы XIX века. Премьера состоялась в октябре 1973 года в московском театре «Современник».

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Р а с с к а з ч и к *(на авансцене, в зал)*. Сегодня со мной произошло совершенно необычное, я бы добавил — невероятное происшествие... Прогуливаюсь я нынче по Невскому и встречаю — кого бы вы думали? — Алексея Степановича Молчалина... Да, да, того самого... Он уж сильно постарел, хотя и преуспел на жизненном своем поприще... Так вот, встретились мы с ним, и говорит он мне... Такое говорит, что привел меня в состояние неопишное... И настолько после этой встречи я взволновался, что первой мыслью моей было поделиться всем услышанным с другом своим давним Глумовым. Я горел нетерпением сообщить об этом странном коллоквиуме, дабы общими силами сотворить по этому случаю совет, а затем, буде надобно, то и план действий начертать.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Освещается комната Глумова. Глумов сидит за столиком и набивает папироски. Рассказчик в волнении вышагивает по комнате, продолжая начатый разговор.

Р а с с к а з ч и к. ...Помилуйте, говорю я ему, Алексей Степанович. Ведь это уже, право, начинает походить на мистификацию! Как хотите, говорит Молчалин, рассуждайте, мистификация там или не мистификация, а мой совет таков — погодить!

Г л у м о в. Погодить?

Р а с с к а з ч и к. Погодить. Да что же, спрашиваю, вы хотите этим сказать? А он мне: русские вы, господа, а по-русски не понимаете. Погодить — это значит приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, позабыть кой о чем, думать не о том, об чем обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь... Например? — спрашиваю. Гуляйте, говорит, больше, в еду ударьтесь, папироски набивайте, письма к родным пишите, а вечером в картишки засядьте. Вот это и будет, значит, погодить. Сделал мне ручкой и исчез!

Г л у м о в. Вот чудак! Даже руку порядком не пожал?

Р а с с к а з ч и к. Не пожал... Вот так *(показывает)* ручкой сделал, повернулся и ушел.

Глумов. Что же он так? И не объяснил ничего толком?

Рассказчик. Некогда мне, говорит, объяснять. Эти вещи, говорит, сразу следует понимать. Я свое дело, говорит, сделал, вас предупредил, а последуете вы моему совету или не последуете, это уж вы сами... Извините, говорит, я просто так, по ходу действия, в департамент спешу. Ну как тебе нравится?

Глумов. Да... Чудак...

Пауза.

А он и ко мне заходил.

Рассказчик. Кто?

Глумов. Молчалин. И то же советовал. И тоже ручкой сделал. Живи, мол, как хочешь, думай что хочешь.

Рассказчик. Что же это с ним сделалось? Ведь мы же либералы... Что он нам доказать-то хочет?

Глумов. А что знакомство наше для него не ахти благостыня какая. Шел по ходу действия, забежал, предупредил — и... *(Показывает ручкой.)*

Рассказчик. И ничего не объяснил!

Глумов. А я, мол, посмотрю, дураки вы или умные... Если умные, сами до всего дойдете, а коли дураки...

Рассказчик. Это мы-то? Я понимаю, он нам добра желает, но объяснить-то все же следовало.

Глумов. Да, по правде говоря, и нет нужды в объяснении.

Рассказчик. Как так нет?

Глумов. Да вот нет и нет.

Пауза.

Я и без него до всего своим умом дошел.

Немая сцена.

Рассказчик. До чего дошел, Глумов?

Глумов *(после небольшой паузы)*. Не Молчалин, а ты чудак! Сказано: погоди, — ну и годи, значит. Вот я себе сам, собственным движением, сказал: «Глумов! Нужно, брат, погодить!» Купил табуку, гильзы — и шабаш! Ем, сплю, гуляю, папироски набиваю, пасьянс раскладываю — и гожу! И не объясняюсь. И тебе не советую. Ибо всякое поползновение к объяснению есть противоположное тому, что на русском языке известно под словом «годить».

Рассказчик. Что ты говоришь, Глумов? Ты это или кто другой говорит мне эти слова? Ты что, забыл?

Глумов. Забыл.

Рассказчик. Забыл, как мы с тобой восторгались? Всем восторгались! И упразднением крепостного права! И введением земских учреждений! А светлые надежды наши, возбужденные опубликованием новых судебных уставов! А?

Глумов. Да, да, да, да... И ничего такого, что создает, укрепляет, утверждает и наполняет трепетной радостью сердца всех истинно любящих отечество квартальных надзирателей...

Рассказчик. Хорошо. А торжество, вызванное открытием женских гимназий?.. Ведь нам казалось, что это и есть то самое, что создает, укрепляет, утверждает! И вдруг — какой, с божьей помощью, переворот!

Глумов. Мало ли что казалось! Надо было вдаль смотреть!

Рассказчик. Но ведь тогда даже чины за это давали!

Глумов. Мало ли что давали!

Рассказчик. Помилуй! Да разве мы мало с тобой годили? В чем же другом вся наша жизнь прошла, как не в непрерывном самопонуждении: погоди да погоди!

Глумов. Стало быть, до сих пор мы в одну меру годили, а теперь по-иному годить надо, а завтра, может быть, и еще как-нибудь больше годить придется.

Рассказчик. Как же это, Глумов?

Глумов. Пойми, мудреное нынче время! Такое мудреное, что и невинный за виноватого сойдет. Начнут это шарить, а ты около где-нибудь спрятался — ан и около пошарят! Где был? По какому такому случаю? Каким манером?

Рассказчик. Господи, спаси и помилуй! Ведь этак мы, хоть тресни, не обелимся! Но мы с тобой восторгались...

Глумов. Помню, помню... Чем только не восторгались!

Рассказчик. А теперь как же?

Глумов. Забыть. Забыть и не вспоминать. Живи в свое удовольствие и не рассуждай!

Рассказчик. Что же это за рецепт такой: живи в свое удовольствие!

Г л у м о в (*резко*). Ну, ешь! Надоест есть — пей! Надоест пить — дамочки есть!

Р а с с к а з ч и к. День прошел — и слава богу?

Г л у м о в. Именно. Именно. Победить в себе всякое буйство духа. Жить — вот и все. Удивлять мир отсутствием поступков и опрятностью чувств... Нужно только в первое время на себя подналечь, а остальное придет само собою.

Пауза.

Знаешь что? Переезжай-ка, брат, ко мне. Вместе и годить словно бы веселее будет.

Р а с с к а з ч и к. Спасибо, друг... Завтра же к тебе перееду. Завтра же... Да нет, чего уж ждать до завтра? Нынче же вечером и переберусь.

Г л у м о в. Вместе будем по городу гулять... калачи филипповские покупать.

Р а с с к а з ч и к. Да-а... Если уж годить, то вдвоем. Вдвоем-то, верно, легче.

Г л у м о в. Табаку и гильз купи — научу тебя папироски набивать. (*Вслед уходящему Рассказчику.*) Табаку и гильз не забудь!

Р а с с к а з ч и к. Хорошо! (*Уходит.*)

Г л у м о в. Удивлять мир отсутствием поступков и опрятностью чувств...

Затемнение

СЦЕНА ВТОРАЯ

Та же обстановка. Порядком уставшие после прогулки Г л у м о в и Р а с с к а з ч и к раздеваются, надевают халаты и располагаются в креслах. Слуга подает завтрак.

Г л у м о в. Вот этак, как мы с тобой нынче, каждый-то день верст по пятнадцати — двадцати обломаем, так дней через десять и совсем замолчим!

Р а с с к а з ч и к. Да... Так вот, как мы с тобой, вдвоем... так «годить» хорошо. Можно, оказывается, проводить время хотя и бесполезно, но в то же время по возможности серьезно.

Г л у м о в. Осматривая достопримечательности нашей столицы, мы поневоле проникаемся чувством возвышенным, особенно проходя мимо памятников, воскрешающих перед нами страницы славного

прошлого. Посмотришь на такой памятник — и все уже без слов ясно.

Р а с с к а з ч и к. Екатерина! Орловы! Потемкин! Румянцев! Имена-то какие, мой друг! А Державин?! (*Расчувствовавшись, декламирует.*)

Богopodobная царевна

Киргиз-кайсацкия орды,

Которой мудрость несравненна...

Удивительно! Или:

Вихрь полуночный летит богатырь!

Тень от чела, с посвиста — пыль!

И каждому-то умел старик Державин комплимент сказать!

Глумов предостерегающе стучит ложечкой по чашке.

Что, опять?

Г л у м о в. Да, опять. Знаешь, я все-таки не могу не сказать: восхищаться ты можешь, но с таким расчетом, чтобы восхищение прошлым не могло служить поводом для превратных толкований в смысле укора настоящему.

Р а с с к а з ч и к. Да?

Г л у м о в. Да.

Р а с с к а з ч и к. Ну, я постараюсь.

Погрузившись в еду, приятели замолчали.

(*Нарушив молчание.*) Калачи от Филиппова?

Г л у м о в. От Филиппова.

Р а с с к а з ч и к. Говорят, у него в пекарне тараканов много...

Г л у м о в. Мало ли что говорят! Вкусно — ну и будет с тебя!

Р а с с к а з ч и к. А что, Глумов, ты когда-нибудь думал, как этот самый калач...

Г л у м о в (*перебивая*). Что «калач»?

Р а с с к а з ч и к. Ну вот, родословную-то его... Как сначала эта самая пшеница в закроме лежит, у кого лежит, как этот человек за сохой идет, напирая на нее грудью, как...

Глумов стучит ложечкой.

Что, опять?

Г л у м о в. Опять. Да обуздай наконец язычище свой!

Рассказчик. Глумов! Да я ведь немножко! Ведь если мы немножко и поговорим, право, вреда особенного от этого не будет. Только время скорее пройдет.

Глумов. Да не об этом мы думать должны! Подвиг мы на себя приняли — ну, и должны этот подвиг выполнять. Вот я, к примеру, знаю только то, что мы кофей с калачом пьем, да и тебе только это знать советую!

Рассказчик. И то правда. Извини, брат. Какое мне дело до того, кто муку производит...

Глумов заерзал.

...как производит и прочее. Я ем калачи — и больше ничего! Теперь хоть озолоти меня, я в другой раз такой глупости не скажу!

Глумов. И прекрасно сделаешь... А сейчас... Кофей попил?

Рассказчик. Попил.

Глумов. Калачи поел?

Рассказчик. Поел.

Глумов. Займись-ка. Папироски набивай. (*Передает приятелю картуз с табаком и гильзы.*)

Вместе (*поют*).

Красавица! Подожди!

Белы ручки подожди!

Затемнение

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Обстановка та же. Глубокая ночь или раннее утро. В халате потихоньку входит Рассказчик, садится в кресло. Следом за ним входит и Глумов.

Глумов. Ты? Не спишь?

Рассказчик. Не сплю. А ты?

Глумов. И я не сплю.

Рассказчик. Рано залегли. Бывало, мы до двух ночи словесную канитель затягивали, а нынче залегли с девяти, точно к ранней обедне собрались.

Глумов. Зажечь свечу?

Рассказчик. Погоди, может быть, все-таки уснем.

Приятель устались друг на друга и вдруг начали хохотать. Хохочут долго, до слез.

Глумов (*все еще смеясь*). Есть хочешь?

Рассказчик. Хочу.

Глумов. Я на всякий случай в буфете два куска ветчины припас.

Рассказчик. Давай!

Шлепая туфлями, Глумов выходит.

(Прислушивается к шагам Глумова.) Вот он в кабинет вошел, вот вступил в переднюю, вот поворотил в столовую... В буфет полез... Тарелки стукнули... Идет назад! Когда человек решится годить, то все для него интересно: способность к наблюдению изощряется почти до ясновидения, а мысли приходят во множестве.

Глумов вносит поднос с едой и зажженную свечу.

Глумов. Вот ветчина, а вот водка. Закусим!

Рассказчик. Гм... ветчина! Хорошо ветчиной на ночь закусить — спаться лучше будет. *(После того как выпили и закусили.)* А ты, Глумов, думал ли когда-нибудь об том, как эта самая ветчина ветчиной делается?

Глумов стучит ложечкой.

Что, опять?

Глумов. Опять.

Рассказчик. Ну немножко... Ну совсем немножко. Ну скажи, как эта ветчина ветчиной делается?

Глумов. Ну, была прежде свинья, потом ее зарезали, рассортировали, окорока посолили, повесили — вот и ветчина сделалась.

Рассказчик. Да нет, нет! А вот кому эта свинья принадлежала? Кто ее выходил, выкормил? И почему он с ней расстался, а теперь мы, которые ничего не выкармливали, окорока этой свиньи едим...

Глумов. И празднословием занимаемся... Будет! Сказано тебе погодить — ну и годи! Все! Гожу один!

Рассказчик. Глумов! Мы же одни... Ночь...

Глумов. Пойми ты! Если ты теперь сдерживать себя не будешь, то и в другое время язык обуздать не сумеешь. Выдержка нам нужна, воспитание! На каждом шагу мы послабление себе готовы делать! Прямо на улице, пожалуй, не посмеем высказаться, а чуть зашли за угол — и распустили язык. Понят-

но, что начальство за это и претендует на нас. А ты так умей овладеть, что, ежели сказано тебе: «Погоди!» — так ты годи везде, на всяком месте, да от всего сердца, да со всею готовностью! Даже когда один, без меня, с самим собой находишься — и тогда годи! Только тогда и почувствуется у тебя настоящая культурная выдержка!

Рассказчик встал, подошел к столу, взял чашку и с ожесточением швырнул ее на пол. Звякнули осколки.

Р а с с к а з ч и к. Все! *(И вдруг неожиданно запел.)*

Красавица! Подожди!

Белы ручки подожди!

Г л у м о в. Вот именно. *(Подхватывает песню.)*

Оба поют и даже начинают отплясывать какой-то танец.

Затемнение

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Обстановка та же. Глумов и Рассказчик сидят, откинувшись в креслах, после сытного обеда. Глумов наигрывает на гитаре.

Р а с с к а з ч и к. Да... Признаюсь, давненько я таких обедов, как у тебя, не едал. Глумов! Ты где такую говядину покупаешь?

Г л у м о в. Ты опять?

Р а с с к а з ч и к. Да нет, Глумов! Я спрашиваю: где ты такую говядину покупаешь?

Г л у м о в. На Круглом рынке.

Р а с с к а з ч и к. А я — в первой попавшейся лавчонке «на углу». А ведь положительно есть разница!

Г л у м о в. Еще бы!

Погрузились в молчание.

Р а с с к а з ч и к. Глумов, а рыбу ты где берешь?

Г л у м о в. На Мытном дворе.

Р а с с к а з ч и к. А я — в Чернышевском переулке. Чего же ты прежде не сказывал?

Г л у м о в. А ты не спрашивал.

Р а с с к а з ч и к. Ты сообрази, друг, ведь по этому расчету выходит, что я по малой мере каждый день полтину на ветер бросаю! А сколько полтин-то в год выйдет?

Глумов. Выйдет триста шестьдесят пять полтин, то есть сто восемьдесят два рубля пятьдесят копеек.

Рассказчик. Пойдем дальше. Прошло с лишком двадцать лет, как я вышел из школы, и все это время с очень небольшими перерывами я живу полным хозяйством. Если б я все эти полтины собрал, сколько у меня теперь денег-то было?

Глумов (*подсчитал в уме*). Тысячу восемьсот двадцать пять помножить на два — выйдет три тысячи шестьсот пятьдесят рублей...

Рассказчик. Это ежели без процентов считать.

Глумов. Да, брат, обмишулился ты! (*Пауза. Наигрывает на гитаре.*)

Рассказчик погружен в раздумья о безвозвратно потерянных полтинах.

(*Неожиданно нарушив молчание.*) Хочу я тебя с одной особой познакомиться.

Рассказчик. С какой особой?

Глумов. Особа примечательная... Дипломат полицейский... Ходит здесь вынюхивает, высматривает. Шел я однажды по двору нашего дома и услышал, как он спрашивает у дворника: «Скоро ли в четвертом номере революция буде?» Пусть докладывает, что видит. Чтоб все ему про нас известно было. (*Выжидательно посмотрел на Рассказчика.*) Да вот боюсь, не рано ли...

Рассказчик. Кому докладывал? Зачем это, Глумов?

Глумов. Надо... Да, пожалуй, не рано... Пусть наша жизнь на его глазах протекает. И в карты нам компанию составит.

Рассказчик. А может, не надо его, а, Глумов?

Глумов. Надо.

Рассказчик. А как его зовут?

Глумов. Кого?

Рассказчик. Ну особу эту.

Глумов. Кшепшицольский.

Рассказчик. Откуда фамилия такая?

Глумов. Да не знаю его фамилии. Прозвал его случайно Кшепшицольским, и, к удивлению, он сразу начал откликаться. (*Пауза. Напевает романс.*)

Не то чтобы мне весело,
Не то чтоб грустно мне,
Одну я песнь заветную
Пою всегда себе.

Пригрей меня ты, крошечка,
Согрей меня душой,
Развесели немножечко,
Дай отдохнуть с тобой.

Дай позабыть мне прошлое,
Что отравило жизнь,
Хочу в твоих объятиях
Я счастье ощутить.

Теперь я снова счастлив,
Теперь я жить хочу.
И то, что было прошлого,
Забвенью предаю.

Рассказчик. А верно ты говорил, Глумов: нужно только в первое время на себя подналечь, а остальное придет само собою.

Глумов. Нет, вот я завтра окорочек велю запечь, да тепленький... тепленький на стол-то его подадим! Вот и увидим, что ты тогда запоешь!

Рассказчик (*впадая в протрацию*). Тепленький... окорочек. Это в своем роде сюжет...

Глумов (*почти засытая*). Это ты верно изволил заметить... сюжет!

Рассказчик. Господи! А хорошо-то как!

Глумов (*сквозь сон*). Ой хорошо.

Рассказчик. Ой хорошо.

Глумов. Ой... (*И захрапел.*)

Рассказчик (*в зал*). Сомкнув усталые вежды, мы предавались внутренним созерцаниям и изредка потихоньку вздрагивали. Исключительно преданные телесным заботам, мы в короткий срок настолько дисциплинировали наши естества, что чувствовали позыв только к насыщению. Только к насыщению. Ни науки, ни искусства не интересовали нас. Мы не следили ни за открытиями, ни за изобретениями, не заглядывали в книги. Даже чтение газетных строчек сделалось для нас тягостным... Мы уже не «годи-

ли», а просто-напросто «превратились». Даже Молчалин, когда навестил нас, нашел, что мы все его ожидания превзошли. В согласность с этой жизненной практикой выработалась у нас и наружность. Мы смотрели тупо и невнятно, не могли произнести сряду несколько слов, чтобы не впасть в одышку, топырили губы и как-то нелепо шевелили ими, точно собираясь сосать собственный язык. Даже неизвестный прохожий, завидевши нас, сказал: «Вот идут две идеально-благонамеренные скотины!»

Глумов (*издав стон, открывает глаза*). Что? А?..

А ведь я, брат, чуть было не заснул.

Рассказчик. Да?

Глумов. Чайку бы выпить!

Рассказчик (*вяло*). Можно и чайку...

Глумов. С вареньем или без варенья?

Рассказчик. Без варенья...

Глумов. С каким без варенья?..

Рассказчик. С вишневым... без варенья...

Глумов хлопает в ладоши. Входит лакей.

Глумов (*лакею*). Чаю. С вишневым. Без варенья.

Лакей, оторопев от столь странного заказа, обалдело смотрит на господ.

Затемнение

КАРТИНА ВТОРАЯ

Рассказчик (*в зал*). Вскоре Глумов познакомил меня с этим, с Кшепшиццольским. Он стал бывать у нас каждый день, каждый вечер, только спать уходил в квартал. Эта особа была для нас большим ресурсом. Он составил нам компанию в карты и к тому же являлся порукой, что мы можем без страха глядеть в глаза будущему до тех пор, покуда наша жизнь будет протекать у него на глазах.

За ломберным столом, при свечах, играют в карты Глумов, Рассказчик и Кшепшиццольский, человек неопределенного вида, в подержанном фраке, в отрпанных клетчатых штанах, в коленкоровой манишке, которая горбом выбилась из жилета. Он то и дело подносит карты к губам, над которыми торчат щетки рыжих усов. Явно передергивает карту. Рассказчик, не выдержав жульничества Кшепшиццольского, встал, отошел в сторону.

Глумов (*Рассказчику*). Сядь!

Пауза.

Сядь, говорю!

Кшепшицюльский (*многозначительно*). А как вы, панове, думаете: бог е?

Глумов. Тебе-то какое дело? Сдавай!

Кшепшицюльский. Все же ж! Я, например, полагаю, что зовсим его ниц. (*Поднес карты к губам, почесал в усах, моментально передернул карту.*)

Глумов. А ты, молодец, когда карты сдаешь, к усам-то их не подноси!

Кшепшицюльский. Чтобы для вас удовольствие сделать, я же готов хотя пятнадцать раз зряду сдавать — и все то же самое буде! (*Сдает карты вновь, открывает свои.*) Десять без козырей! От то игра!

Рассказчик берет канделябр, замахивается на Кшепшицюльского. Глумов его останавливает.

Глумов (*прервав игру, которая складывается благоприятно для Кшепшицюльского*). Закусим?

Кшепшицюльский. Именно ж! Потому, звиче так уже сделано есть, что, ежели человек необразован, он працювать обязан, а ежели человек образован, он имеет гулять и кушать! Иначе ж революция буде!

Все трое подходят к небольшому столику, на котором стоит еда и графин с водкой.

Рассказчик. А что, брат Кшепшицюльский, ты в суде часто бываешь?

Кшепшицюльский. А как же ж не часто? Какой же ж суд без меня?

Рассказчик (*выпив рюмку*). Ну и что там? Как там? Коли по правде сказать, то наступит же когда-нибудь время...

Кшепшицюльский насторожился.

Глумов (*поспешно перебивая, как бы заканчивает мысль*). ...когда в суде буфет будет...

Кшепшицюльский. А-а... Теперь в суде буфет е!

Глумов. Правда? Это хорошо, брат, когда в суде буфет... Водки рюмку выпить можно, котлетку ску-

шать, бифштекс подадут. (*Толкая плечом Рассказчика.*) Верно, брат?

Рассказчик. И правосудие получить, и водки напиться — все можно! Удивительно! Просто удивительно!

Кшешпицюльский (*неожиданно*). Иван Тимофеевич до вас интерес имеет.

Рассказчик. Кто?

Кшешпицюльский. Иван Тимофеевич.

Глумов (*вздрыгнув*). Иван Тимофеевич! Квартальный наш? Ты не ошибся? Тот самый?

Кшешпицюльский. Тот, тот... благодетель наш.

Рассказчик. Неужто сам... имеет?

Кшешпицюльский. Надясь устретил меня: «Як дела в квартале? Скоро ли революция на Литейной имеет быть?»

Глумов. Ну а ты, ты что?

Кшешпицюльский. Я-то говорю: «Тихо. Пока».

Рассказчик. А он, что он?

Кшешпицюльский. «А ты не врешь?» — говорит.

Рассказчик. Так и сказал?

Глумов (*почти вздохнул*). Не верит...

Рассказчик (*в отчаянии*). Не верит! Не верит! (*В зал.*) Либералы мы. Вёдрышко на дворе — мы радуемся, дождичек на дворе — мы и в нем милость божью усматриваем... Радуемся, надеемся, торжествуем, славословим — и день и ночь! И дома, и в гостях, и в трактирах, и словесно, и печатно — только и слов: слава богу, дожили! Ну и нагнали своими радостями страху на весь квартал! (*Кшешпицюльскому.*) Ну а ты, друг, что ты-то ему сказал?

Кшешпицюльский. Да нет же ж, говорю, зачем мне врать, мы же всякий вечер с ними в сибирку играем. Зачем врать?

Глумов. Так! Поберегай, братец, нас! Поберегай! Спасибо тебе...

Рассказчик. Ну, и что он, поверил? Как ты об этом понимаешь?

Кшешпицюльский. Он так головкой покачал. (*Показывает.*)

Глумов. Как? Так? (*Тоже показывает.*)

Кшешпицюльский. Да нет же ж... так... (*Показывает.*)

Рассказчик. Так? *(Показывает.)*

Все показывают по-разному, обдумывают этот жест и не замечают, что Иван Тимофеевич сам, собственной персоной, уже здесь, в комнате.

Кшешпицюльский. Да нет... И еще он сказал... Глумов. Что?

Кшешпицюльский. «Я еще, может, их самулично навещу», — говорит... *(Не закончив фразу, увидел Ивана Тимофеевича.)* Прошу бардзо.

Глумов *(он опомнился первым)*. Иван Тимофеевич... ваше благородие... вы?

Рассказчик. Иван Тимофеевич! Господи...

Иван Тимофеевич. Самолично. А что? Заждались?.. Ха-ха! *(Благодушно смеется, пожмает им руки.)* Будьте здоровы, господа! *(Осматривается. Вдруг лицо его омрачилось: где-то в дальнем углу он заметил книгу.)*

Рассказчик *(поспешно перехватив взгляд)*. Нет, Иван Тимофеевич, нет! Это «Всеобщий календарь»! *(Подбежав, принес календарь, сует Ивану Тимофеевичу.)*

Иван Тимофеевич *(берет книгу, внимательно разглядывает)*. А... да? А я, признаться, книгу было заподозрил.

Глумов. Нет, Иван Тимофеевич, мы уж давно... Давно уж у нас насчет этого...

Иван Тимофеевич. И прекрасно делаете. Книги — что в них! Был бы человек здоров да жил бы в свое удовольствие — чего лучше! Безграмотные-то и никогда книг не читают, а разве не живут?

Рассказчик. Да еще как живут-то! А которые случайно выучатся, сейчас же под суд попадают!

Иван Тимофеевич *(благодарно)*. Ну, не все! Бывают, которые с умом читают.

Глумов. Все! Все! Ежели не в качестве обвиняемых, так в качестве свидетелей! Помилуйте! Разве сладко свидетелем-то быть?

Иван Тимофеевич. Какая уж тут сладость! Первое дело — за сто верст киселя есть, а второе — как еще свидетельствовать будешь! Иной раз так об себе засвидетельствуешь, что и домой потом не попадешь... ахти-ихти, грехи наши, грехи! *(Помолчав, пристально оглядел обоих.)* Хорошенькая у вас

квартирка... очень, очень даже удобенькая. Вместе что ли, живете?

Глумов и Рассказчик. Вместе. *(Вдруг появ.)* Что вы!

Иван Тимофеевич. Грехи наши тяжкие... Садитесь, господа. Ну-тка скажите мне — вы люди умные! Завелась нынче эта пакость везде... всем мало, всем хочется... Ну чего? Скажите на милость: чего?

Рассказчик приложил руку к сердцу, хотел ответить, что ничего не хочется, но Иван Тимофеевич жестом остановил его.

Право, иной раз думаешь-думаешь: ну чего? И то переберешь, и другое припомнишь — все у нас есть? Ну, вы — умные люди! Так ли я говорю?

Рассказчик. Как перед богом, так и...

Иван Тимофеевич *(снова его останавливает)*. Хорошо. А начальство между тем беспокоится. Туда-сюда — везде мерзость! Даже тайные советники и те нынче под сумнением состоят.

Глумов. Ай-яй-яй...

Иван Тимофеевич *(вдруг)*. Ах и хитрые же вы, господа! Право, хитрые! *(Улыбнулся и погрозил пальцем.)* Наняли квартиру, сидят по углам, ни сами в гости не ходят, ни к себе не принимают — и думают, что так-таки никто их и не отгадает! Ах-ах-ах!

Все немножко похихикали.

Глумов. Но мы надеемся, что последние наши усилия будут приняты начальством во внимание...

Рассказчик. ...И хотя до некоторой степени послужат искуплением тех заблуждений, в которые мы могли быть вовлечены отчасти по неразумению...

Глумов. А отчасти и вследствие дурных примеров.

Иван Тимофеевич *(не отвечая, после паузы)*. Заболтался я с вами, друзья! Прощайте.

Рассказчик. Иван Тимофеевич! Куда же так скоро? А винца?

Иван Тимофеевич. Винца — это после, на свободе когда-нибудь! Вот от водки и сию минуту не откажусь!

Глумов. Чем закусить желаете?

Иван Тимофеевич. Кусок черного хлеба с солью — больше ничего.

Рассказчик и Глумов бегом бросились за угощением, выносят поднос с водкой и закуской. Иван Тимофеевич опрокинул в рот рюмку водки, понюхал корочку хлеба, крикнул. Приятели в умилении наблюдают над действиями дорогого гостя.

Благодарствую. (*Поднялся, собираясь уходить.*) Да! Чуть было не забыл! Шел мимо, дай, думаю, зайду проведаю, домой к себе в квартал на чашку чая приглашу. Так что милости просим завтра ко мне пожаловать. Танцы, музыка и все такое прочее...

Глумов. Сочтем за великую честь.

Иван Тимофеевич. Будем рады! Прощайте! (*Кивнул Кшепшицюльскому.*) Проводи! (*Уходит, за ним Кшепшицюльский.*)

Глумов и Рассказчик в оцепенении смотрят друг на друга.

Глумов. Вот это да...

Рассказчик. Что делать-то, Глумов?

Глумов. Что и прежде — годить, да еще в бóльшую меру годить пора настала. А завтра — в квартал, на чашку чая.

Рассказчик. Устал я, Глумов.

Глумов. Что?

Рассказчик. Устал, говорю.

Глумов. Устал? А я, думаешь, не устал? Ничего, брат. Ничего... (*Зовет.*) Кшепшицюльский!

Кшепшицюльский возвращается.

А в чем идти? Во фраке? В сюртуке?

Рассказчик. А что делать заставят? Плясать русскую или петь «Вниз по матушке по Волге...»? Я ведь не пою.

Глумов. Может, просто поставят штоф водки и скажут: «Пейте, благонамеренные люди!»

Кшепшицюльский. Вудка буде непременно. Петь вас, може, и не заставят...

Рассказчик. А что заставят?

Кшепшицюльский (*наслаждаясь паузой*). Философский разговор заведут...

Глумов. Философический?

Кшепшицюльский. Философический. А после, може, и танцевать прикажут, бо у Ивана Тимофеевича

дочка есть... от то слична девица! Мысли испытывать будут. (*Выпивает рюмку водки.*) Дзякую бардзо. (*Идет, останавливается.*) Приглашение такого лица вам большую честь делает... До видзения... (*Ушел.*)

Пауза.

Глумов. А ведь Иван Тимофеевич нас в полицейские дипломаты прочит...

Рассказчик. А может, как чадолубивый отец, хочет одному из нас предложить руку и сердце своей дочери?

Глумов. А что? Ежели смотреть на этот брак с точки зрения самосохранения...

Рассказчик. Глумов! Голубчик! Ты что?! Ты что?!

Глумов. Ну а ежели он места сыщиков предлагать будет?

Рассказчик. Но почему же ты это думаешь?

Глумов. Я не думаю, а, во-первых, предусматривать никогда не лишнее. И, во-вторых, Кшепшицпольский на днях жаловался: непрочен, говорит, я.

Рассказчик (*решительно*). Воля твоя, а я в таком случае притворюсь больным!

Глумов. И это не резон, потому что век больным быть нельзя. Не поверят, доктора освидетельствовать пришлют — хуже будет. Слушай! Говори ты мне решительно: ежели он нас поодиночке будет склонять, ты как ответишь?

Рассказчик. Глумов, голубчик, не будем об этом говорить!

Глумов. Нет, брат, надо внутренне к этой чашке чая подготовиться... С мыслями собраться сообразно желаемого результата.

Рассказчик. На чашку чая... в квартал...

Глумов. Мысли испытывать будут... Ох!

Затемнение

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Рассказчик (*в зал*). Мы почти не спали и думали только о предстоящем визите к Ивану Тимофеевичу, долго и тревожно беседовали об чашке чая... Наконец настал этот вечер, и мы отправились

в квартал, где были приняты самим Иваном Тимофеевичем.

Гостиная в доме Ивана Тимофеевича. Званный вечер в разгаре. Полицейские в форме браво отплясывают с дамами кадрили. Иван Тимофеевич вводит Глумова и Рассказчика. Танцующие удаляются. Из залы слышатся звуки кадрили.

Иван Тимофеевич. Проходите, господа, милости просим. Мы уж тут давненько веселимся... Музыка, танцы и все такое прочее... Прошу садиться, господа.

Глумов и Рассказчик усаживаются. В гостиную заглядывает Кшепицюльский.

Притвори-ка, братец, дверь с той стороны! Мы же тут не танцуем! Постой! Вели там на стол накрывать! Балычка! Сижка копченого! Белорыбицу-то, белорыбицу-то вели нарезать! А мы пока здесь посидим, подождем...

Кшепицюльский исчезает, прикрыв за собой дверь.

Ни днем, ни ночью минуты покою нет никогда! Сравните теперича, как прежде квартальный жил и как он нынче живет! Прежде одна у нас и была болячка — пожары! А нынче! (*Подходит к двери, приоткрывает.*)

Там, прилепившись к щелке, подслушивает Кшепицюльский.

Старается! Водки не забудь! (*Плотно прикрыл дверь.*)

Пауза.

Да. Так о чем я говорил?

Глумов. Трудновато вам!

Иван Тимофеевич. Да... Вы мне скажите: знаете ли вы, например, что такое внутренняя политика? Ну?

Прятели в растерянности молчат.

Так вот эта самая внутренняя политика вся теперь на наших плечах лежит!

Рассказчик. Неужели?

Иван Тимофеевич. На нас да на городских. А на днях у нас в квартале такой случай был. Приходит в третьем часу ночи один человек — и прежде он

у меня на замечании был. «Вяжите, говорит, меня, я образ правленья переменить хочу!» Ну, натурально, сейчас ему, рабу божьему, руки к лопаткам, черкнули куда следует: так, мол, и так, злоумышленник проявился... Только съезжается на другой день целая комиссия, призвали его, спрашивают: как? почему? кто сообщники? А он — как бы вы думали, что он, шельма, ответил? «Да, говорит, действительно я желаю переменить правление... Рыбинско-Бологовской железной дороги!»

Глумов. Однако ж! Насмешка какая!

Иван Тимофеевич. Да-с. Захотел посмеяться и посмеялся. В три часа ночи меня для него разбудили, да часа с два после этого я во все места отношения да рапорты писал. А после того только что было сон заводить начал, опять разбудили: в доме терпимости демонстрация случилась! А потом извозчик нос себе отморозил — отгирали, а потом, смотрю, пора и с рапортом. Так вся ночка и прошла. А с нас, между прочим, спрашивают, почему, да как, да отчего, да по всякому поводу своевременно распоряжения не было.

Глумов. И это прошло ему... безнаказанно?

Иван Тимофеевич. Злоумышленнику-то? А что с ним сделаешь? Дал ему две оплеухи да после сам же на мировую должен был на полштоф подарить!

Глумов. Да-а...

Рассказчик. Ай-я-ай...

Иван Тимофеевич. Так вот вы и судите! Ну, да, положим, это человек пьяненький, а на пьяницу, по правде сказать, и смотреть строго нельзя, потому он доход казне приносит. А вот другие-то, трезвые-то, с чего на стену лезут? Ну чего надо? А? *(Последние слова Иван Тимофеевич почти выкрикнул. В голосе его прозвучала угроза.)*

И приятели, настроившись было уже на мирную беседу, в испуге вскочили: в этот момент в зале кто-то сел за рояль и зычный голос зашел:

«Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Разделяет Русь на карте
Указательным перстом!»

Иван Тимофеевич. Садитесь, господа!

Глумов. Кто это?

Иван Тимофеевич. Брандмейстер наш, Молодкин. Глумов. Господину Молодкину в соборе дьяконом быть, а не брандмейстером.

Иван Тимофеевич. Да вот стал брандмейстером! Во время пожара младенцем в корзине был найден. На пожаре, говорит он теперь, я свет увидел, на пожаре и жизнь кончу. И вообще, говорит, склонности ни к чему, кроме пожаров, не имею. А голос есть, это действительно.

Рассказчик. Брандмейстеру, друг, такой голос тоже ой как нужен! И поет хорошо.

Глумов. Прекрасный романс! Века пройдут, а он не устареет!

Иван Тимофеевич. Хорошо-то оно хорошо, слов нет, а по-моему, наше простое молодецкое «ура» — за веру, царя и отечество — куда лучше! Уж так я эту музыку люблю, так люблю, что слаще ее, кажется, и на свете-то нет! (*Подходит к двери, открывает ее и приглашает стоящих наготове в дверях Прудентова и Молодкина.*) Прошу, господа.

Прудентов и Молодкин входят.

Знакомьтесь, господа.

Молодкин. Молодкин, брандмейстер.

Глумов и Рассказчик аплодируют.

Прудентов. Прудентов, письмоводитель.

Иван Тимофеевич. Садитесь, господа. (*Делает знак Прудентову начинать.*)

Пауза.

Прудентов (*словно демонстрируя продолжение разговора*). Да... А я все-таки говорю, что подлинно душа человеческая бессмертна!

Молодкин (*возражает явно для формы*). Никакой я души не видал... А чего не видал, того не знаю!

Прудентов. А я хоть и не видал, но знаю. Не в том штука, чтобы видючи знать — это всякий может, — а в том, чтобы и невидимое за видимое твердо содержать!

Молодкин. Как же это: не видючи знать?

Прудентов. А вот так! (*Как бы между прочим обращаясь к Рассказчику и Глумову.*) Вы, господа, каких об этом предмете мнений придерживаетесь?

Рассказчик (*оробев*). Я?

Прудентов. А хотя бы и вы.

Рассказчик (*растерянно*). М-да... Душа... бессмертие...

Глумов (*поспешил на выручку приятелю*). Для того чтобы решить этот вопрос совершенно правильно, необходимо прежде всего обратиться к источникам. А именно: ежели имеется в виду статья закона или хотя начальственное предписание, коим разрешается считать душу бессмертной, то всеконечно сообразно с ним надлежит и поступать; но ежели ни в законах, ни в предписаниях прямых в этом смысле указаний не имеется, то, по моему мнению, следует ожидать дальнейших по сему предмету распоряжений.

Рассказчик. Вот так!

Иван Тимофеевич. Следует ожидать...

Глумов. Дальнейших по сему предмету распоряжений.

Иван Тимофеевич (*потрепал Глумова по плечу*).

Ловко, брат. Ловко. (*Прудентову.*) Продолжайте.

Прудентов. Ну-с, прекрасно! А теперь я желал бы знать ваше мнение еще по одному предмету: какую из двух ныне действующих систем образования вы считаете для юношества наиболее полезною и с обстоятельствами настоящего времени сходственною?

Молодкин (*поясняя*). То есть классическую или реальную?

Прудентов. Да!

Рассказчик. Я?

Молодкин. Да.

Рассказчик. Мы как-то... Классическая... она... реальная.

Глумов (*снова нашелся*). Откровенно признаюсь вам, господа, что мы даже не понимаем вашего вопроса.

Рассказчик. Да!

Глумов. Никаких я двух систем образования не знаю, я знаю только одну. И эта одна система может быть выражена в следующих словах: не обременяя юношей излишними знаниями, всемерно внушать им, что назначение обывателей в том состоит, чтобы беспрекословно и со всею готовностью выполнять начальственные предписания! Если предписания сии будут классические, то и исполнение должно быть классическое, а если предписания будут реальные, то и исполнение должно быть реальное.

Вот и все. Затем никаких других систем — ни классических, ни реальных — мы не признаем!

Рассказчик (*победно*). Не признаем!

Иван Тимофеевич (*торжественно, почти шепотом*). Bravo! Превосходно! Теперича, если бы сам господин частный пристав спросил у меня: «Иван Тимофеев! Какие в здешнем квартале имеются обыватели, на которых в случае чего положиться было бы можно?» — я бы его высокородию, как перед богом на Страшном суде, ответил: вот они!

Глумов и Рассказчик с видом оперных премьеров раскланиваются во все стороны.

(*Подняв руку, что означает, что он еще не кончил.*)
Я каждый день буду бога молить, чтоб и все прочие обыватели у меня такие же благонамеренные были!

Прудентов. Bravo!

Молодкин. Bravo, господа!

Все аплодируют. Входит Полина, дочь Ивана Тимофеевича.

Полина (*приближаясь к Рассказчику, бойко*). Я с вами хочу кадрили танцевать.

Рассказчик. Со мной?

Полина. Да.

Глумов (*Рассказчику, шепотом*). Поздравляю.

Полина (*Молодкину*). А вы нам будете играть!

Молодкин. С пребольшим удовольствием.

Все направляются в залу, но Иван Тимофеевич задерживает Рассказчика и Глумова.

Иван Тимофеевич (*всем остальным*). Вы идите. Мы сейчас. (*Когда все ушли, обращается к Рассказчику и Глумову.*) А теперь, господа, когда все для вас так благополучно разрешилось, можете ли вы своему начальнику удовольствие сделать?

Глумов. Иван Тимофеевич, да мы, как перед богом...

Рассказчик. Да мы вам всем сердцем...

Иван Тимофеевич. Да верю, верю... О прошлом и речи нет — все забыто! А знаете ли вы, что если б еще немножко... еще бы вот чуточку... Шабаш! Точка!

Глумов. Иван Тимофеевич, да неужто же вы могли...

Иван Тимофеевич. Теперь — всё. Понял я вас теперь, даже очень хорошо понял. И говорю: пардон!

Рассказчик и Глумов (*вместе*). Пардон?
Иван Тимофеевич. Пардон — общий! Будьте без сомнения! Пардон! Так тому и быть! (*Обняв приятелей за плечи, ласково начинает.*) Надо бы мне с вами обстоятельно об этом деле поговорить... Интересное дельце, а для меня так и очень даже важное...

Глумов. Какое же дельце?

Рассказчик. Какое? Сделайте милость!

Глумов. Прикажите!

Иван Тимофеевич. А дельце-то вот какое. Есть тут у меня... в квартале...

На дворе начинают бить пожарную тревогу. В дверях появился сияющий, торжествующий Молодкин.

Молодкин (*с видом радушного хозяина*). Господа! Милости просим на пожар!

Затемнение

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Рассказчик (*в зал*). Эта зима как-то необыкновенно нам удалась. Рауты, пожары и званые вечера следовали один за другим, нередко бывали именинные пироги и замечательно большое число крестин, так как жены городских поминутно рожали. Мы веселились, не ограничиваясь одним своим кварталом, но принимали участие в веселостях всех частей и всех кварталов. Эта рассеянная жизнь имела для нас с Глумовым ту выгоду, что мы значительно ободрились и побойчели. Мы сделались своими людьми в квартале и даже участвовали в занятиях разных комиссий. Но прерванного пожаром разговора Иван Тимофеевич так с нами и не затевал.

Квартал. Кабинет Ивана Тимофеевича. Иван Тимофеевич, Прудентов и Молодкин заняты разработкой какого-то документа, они склонились над письменным столом, демонстрируя свои важные занятия. Здесь же Рассказчик и Глумов.

Иван Тимофеевич. Третий день бьемся, бьемся, ничего не получается!

Прудентов. Иван Тимофеевич!

Рассказчик нетерпеливо прохаживается по кабинету, насвистывает.

Иван Тимофеевич. Терпение, господа!

Рассказчик. Извините!

Иван Тимофеевич. Написали довольно, только, признаться, не очень-то нравится мне!

Прудентов. Помилуйте, Иван Тимофеевич, чего лучше!

Иван Тимофеевич. Порядку, братец, нет. Мысли хорошие, да вразбивку они. Вот я давеча газету читал, так там все чередом сказано. (Берет газету.) Ну-ка... Вот: «...с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой — надо признаться...» Вот это хорошо! Как вы полагаете, господа?

Рассказчик. А можно любопытствовать, в чем состоит предмет занятий комиссии?

Иван Тимофеевич. Благопристойность вводить хотят, устав теперича писать нужно... Это, конечно... много нынче этого невежества завелось, в особенности на улицах... Одни — направо, другие — налево, одни — идут, другие — неведомо зачем на месте стоят... Не сообразишь. Ну, и хотят это урегулировать...

Глумов. Чтобы, значит, ежели налево идти, так все бы налево шли, а ежели останавливаться, так всем чтобы разом?

Иван Тимофеевич. То, да не то. В сущности-то оно, конечно, так, да как ты прямо-то это выскажешь? Перед иностранцами нехорошо будет — обстановочку надо придумать. Кругленько эту мысль выразить. Чтобы принуждения заметно не было. Чтобы, значит, без приказов, а так, будто всякий сам от себя благопристойность соблюдает.

Пауза.

Рассказчик. Трудная это задача.

Иван Тимофеевич. Пера у нас вольного нет. Уж, кажется, на что знакомый предмет — всю жизнь благопристойностью занимался, — а пришлось эту самую благопристойность на бумагу изобразить — шабаш.

Глумов. Да вы как к предмету-то приступили? Исторический-то обзор, например, сделали?

Рассказчик. Да!

Прудентов. Какой такой исторический обзор?

Молодкин. Какой такой исторический обзор?

Глумов. Как же! Нельзя без этого. Сперва надо исторический обзор, какие в древности насчет благопристойного поведения правила были, потом обзор современных иностранных по сему предмету законодательств...

Прудентов. Позвольте вам доложить, что в нашем случае ваша манера едва ли пригодна будет.

Рассказчик. Но почему же?

Прудентов. Вряд ли иностранная благопристойность для нас обязательным примером служить может.

Глумов. Но ведь для вида... поймите вы меня: нужно же вид показать.

Прудентов. Россия по обширности своей и сама другим урок преподавать может. И преподает-с.

Иван Тимофеевич (*кивая на Прудентова*). А ведь он, друзья, правду говорит! Точно, что у нас благопристойность своя, особливая...

Прудентов. А еще требуется теперича, чтобы мы, между прочим, правила благопристойного поведения в собственных квартирах начертали, — где, в каких странах, вы соответствующие по сему предмету указания найдете?

Иван Тимофеевич. А?

Прудентов. Иностранец — он наглый! Он забрался к себе в квартиру и думает, что в неприступную крепость засел.

Иван Тимофеевич. Уж так они там набалованы, так набалованы — совсем даже как оглашенные! И к нам-то приедут — сколько времени, сколько труда нужно, чтоб их вразумить! А с нас, между прочим, спрашивают! Извините, господа.

Снова углубились в проект.

Рассказчик. Как же без исторического обзора? Стало быть, что вам придет в голову, то вы и пишете?

Прудентов. Прямо от себя-с. Имеем в виду одно обстоятельство: чтоб для начальства как возможно меньше беспокойства было — к тому и пригоняем.

Пауза.

Рассказчик. Любопытно!

Глумов. Позвольте мне взять это с собой денька на два.

Иван Тимофеевич. А что, друзья? Прекрасно! Поправь! Сделай милость, поправь! Я ведь и сам...

Вижу, что не того...

Глумов. Голо!

Рассказчик. Голо!

Глумов. Я тут чего-нибудь подпущу!.. Устных преданий, народной мудрости...

Иван Тимофеевич. Только при этом сообразуйте ваше суждение с тем, что народная мудрость, она, можно так сказать, для челяди полезна, а для высокопоставленных лиц едва ли руководством служить может. Народ же — он глуп-с!

Молодкин. Еще как глуп-с!

Прудентов. То есть так глуп-с!

Иван Тимофеевич. Ну вот и славно. А теперь, друзья, у меня разговор интимного свойства. И теперь уже безотлагательный. (*Прудентову и Молодкину.*) Будьте здоровы, друзья!

Прудентов и Молодкин уходят.

До свиданья, господин Глумов.

Глумов встает, Рассказчик тоже.

(*Удерживает Рассказчика.*) Нет, а вот вы не спешите, с вами-то я и проведу свой интимный разговор.

Рассказчик (*испуганно*). Со мной?

Иван Тимофеевич. А вы не пугайтесь! Что касается господина Глумова, то в случае необходимости мы и его введем в курс дела. (*Глумову.*) До свиданья.

Прятели в тревоге переглянулись, стали лихорадочно жестами и взглядами напутствовать друг друга: «Не покидай!», «Держись!» и т. д.

(*Прекращает этот красноречивый обмен мнениями, решительно выпроводив Глумова и обернувшись к Рассказчику — вдруг, беря быка за рога.*) Услуги, мой друг, прошу!.. Такой услуги... что называется, по гроб жизни... Вот какой услуги прошу!

Рассказчик съехался еще больше.

Да, да, да, давно уже это дело у меня на душе, давно собираюсь... Еще в то время, когда вы предсудительными делами занимались... Давно уж я подходящего человека для этого дела подыскиваю! *(Оглядывается Рассказчика с головы до ног, как бы желая удостовериться, что перед ним тот самый «подходящий человек», о котором он мечтал.)* И вот нашел. Вас нашел. Обещайте, что вы мою просьбу выполните!

Рассказчик. Иван Тимофеевич! После всего, что произошло?

Иван Тимофеевич. Да, да... довольно-таки вы поревновали... понимаю я вас! Ну, так приступим прямо к делу! Ну-с, так изволите видеть... Есть у меня тут приятель один... такой друг! Такой друг! *(В голосе Ивана Тимофеевича проступили просительные, даже заискивающие интонации.)*

Рассказчик. Приятель?

Иван Тимофеевич. Так вот, есть у меня приятель... словом сказать, Парамонов Онуфрий Петрович, купец... И есть у него... *(Вдруг выталил в упор.)* Вы как насчет фиктивного брака, одобряете?

Рассказчик *(сконфузившись)*. Помилуйте! Даже очень одобряю, ежели...

Иван Тимофеевич. Вот именно так: ежели! Сам по себе этот фиктивный брак поругание, но «ежели»... По обстоятельствам, мой друг, и закону перемена бывает! — как изволит выразаться наш господин частный пристав. Вы что? Сказать что-нибудь хотите?

Рассказчик. Нет, я ничего...

Иван Тимофеевич идет за водой, наливает, подает Рассказчику.

Иван Тимофеевич. Так вот я и говорю: есть у господина Парамонова штучка одна...

Рассказчик. Штучка?

Иван Тимофеевич. Ну, штучка, подружка, не знаю уж, как тут выразиться... и образованная! В пансионе училась... Не желаете ли вы вступить с этой особой в фиктивный брак? А?

Рассказчик *(в зал)*. Я не могу сказать, что не понял его вопроса. Нет, я не только понял, но даже в ви-

сках у меня застучало. Но в то же время я ощущал, что на мне лежит какой-то гнет, который сковывает мои чувства, мешает им перейти в негодование и даже самым обидным образом подчиняет их инстинкту самосохранения.

Иван Тимофеевич. Что с вами, голубчик?

Рассказчик (*Ивану Тимофеевичу*). Нет, ничего... Но почему же именно я?

Иван Тимофеевич (*ласково*). Ежели ты насчет вознаграждения беспокоишься, так не опасайся! Онуфрий Петрович и теперь, и на будущее время не оставит!

Рассказчик. Позвольте... Что касается до брака... право, в этом отношении я даже не знаю, могу ли назвать себя вполне ответственным лицом...

Иван Тимофеевич (*ласково ободряя*). Слушай, друг! Да ведь от тебя ничего такого и не потребуется. Съездите в церковь, пройдете три раза вокруг наложья, потом у кухмистра Завитаева угощение примете — и дело с концом. Вы — в одну сторону, она — в другую! Мило! Благородно!

Большая, томительная пауза.

Рассказчик (*в зал*). Я слушал эти речи и думал, что нахожусь под влиянием безобразного сна. Какое-то ужасно сложное чувство угнетало меня. Я и благонамеренность желал сохранить, и в то же время говорил себе: ну нет, вокруг наложья меня не поведут... нет, не поведут! Господи! Хоть бы его в эту минуту хватил апоплексический удар! Хоть бы потолок обрушился и придавил его, а меня оставил невредимым... Господи! Пошли мне сверхъестественное и чудесное избавление!

И вдруг дверь раскрывается, и входит само спасение — в комнату влетает адвокат Балалайкин. Стон облегчения вырывается из груди Рассказчика.

Иван Тимофеевич! Вот он! Вот кто нам нужен!

Иван Тимофеевич. Господин Балалайкин!.. (*Восторженно.*) Господин Балалайкин! (*Беспорядочно восклицая, раскрывает вошедшему широкие объятия.*) А я-то... мы-то... А и в самом деле... Господин Балалайка! Ах ты, ах! Закусить? Рюмочку пропустить?

Балалайкин. Нет, мон шер, я на минуточку! Спешу, мой ангел, спешу! Наше дело адвокатское. Есть тут индивидуи один... взыскание на него у меня, так нужно бы подстеречь...

Иван Тимофеевич (*читает*). «Лейба Эзельсон...» С удовольствием! И даже с превеликим! Ах ты, ах! Да, никак, ты помолодел! Повернись! Сделай милость, дай на себя посмотреть!

Балалайкин. Не могу, душа моя, не могу! Спешу. Там записка, в которой все дело объяснено. А теперь прощай!

Иван Тимофеевич. Да нет же, стой! А мы только что об тебе говорили, то есть не говорили, а чувствовали: кого бишь это недостает? Ан ты... вот он! Слушай же: ведь и у меня до тебя дело есть.

Балалайкин (*смотрит на часы*). У меня есть свободного времени... Да, именно... Три минуты я могу уделить.

Иван Тимофеевич. Скажи: ты всякие поручения исполняешь?

Балалайкин. Всякие. Дальше.

Иван Тимофеевич. Жениться можешь?

Балалайкин. Это... зависит!

Иван Тимофеевич. Ну конечно, не за свой счет, а по препоручению.

Балалайкин. Мо... могу!

Иван Тимофеевич. Так видишь ли: есть у меня приятель, а у него особа одна... вроде как подруга...

Рассказчик. Штучка!

Балалайкин. Душенька то есть?

Иван Тимофеевич. Штучка, душенька... Не знаю, как там по-твоему... И есть у него желание, чтобы эта особа в законе была... чтобы в метрических книгах и прочее... словом, все чтобы как следует... А она чтобы между тем...

Балалайкин. С удовольствием, мой друг, с удовольствием!

Иван Тимофеевич. Ну-с, так что ты за это возьмешь? Она ведь, брат, по-французски знает!

Балалайкин. Прежде нежели ответить на этот вопрос, я с своей стороны предлагаю другой: кто тот смертный, в пользу которого вся эта механика задумана?

Иван Тимофеевич. Ты прежде скажи...

Балалайкин. Нет, ты прежде скажи, а потом и я разговаривать буду. Потому что, ежели это дело затеял, например, хозяин твоей мелочной лавочки, так напрасно мы будем и время попусту тратить. Я за сотенную марать себя не намерен.

Иван Тимофеевич (*после паузы, значительно*). Ежели я назову Онуфрия Петровича Парамонова — слышал?

Балалайкин (*он ошарашен, но быстро нашелся и по привычке соврал*). Намеднись даже в картишки с ним вместе играл.

Иван Тимофеевич (*Рассказчику*). Врет.

Балалайкин. Сколько?

Иван Тимофеевич. Что — сколько?

Балалайкин (*без смущения*). Сколько господин Парамонов на эту самую «подругу» денег в год тратит?

Иван Тимофеевич. Как сказать... Одевает-обувает... ну, экипаж, квартира... Хорошо содержит, прилично! Меньше как двадцатью тысячами в год, пожалуй, не обернешься. Ах, да и штука-то хороша!

Балалайкин. А принимая во внимание, что купец Парамонов меняло, а с таких господ за уродливость и старость берут вдвое, то предположим, что упомянутый выше расход в данном случае возрастает до сорока тысяч...

Иван Тимофеевич. Предполагай, пожалуй!

Балалайкин. Теперь пойдем дальше. Имущества недвижимые, как тебе известно, оцениваются по десятилетней сложности дохода; имущества движимые, как, например, мебель, картины, произведения искусства, подлежат оценке при содействии экспертов. Так ли я говорю?

Иван Тимофеевич (*неуверенно*). Так-то так, да ведь тут...

Балалайкин. А в смысле экспертизы самым лучшим судьей является сам господин Парамонов, который тратит на ремонт означенной выше движимости сорок тысяч рублей в год и тем самым, так сказать, определяет годовой доход с нее...

Иван Тимофеевич (*внимательно слушая рассуждения адвоката*). Не с нее, а ее...

Балалайкин. С нее или ее — не будем спорить о сло-

вах. Приняв цифру сорок тысяч как базис для дальнейших наших операций и помножив ее на десять, мы тем самым определим и ценность движимости цифрой четыреста тысяч рублей. Теперь идем дальше. Эта сумма в четыреста тысяч рублей могла бы быть признана правильной, ежели бы дело ограничивалось одною описью, но, как известно, за описью необходимо следуют торги. Какая цена стоит на торгах — это мы, конечно, определить не можем, но едва ли ошибемся, сказав, что она должна удвоиться. А затем цифра гонорара определяется уже сама собою. То есть восемьдесят, а для круглого счета сто тысяч рублей. *(Смотрит на часы.)* Я уже опоздал на целую минуту. Затем прощайте! И буде условия мои будут необременительными, то прошу иметь в виду! *(Раскланявшись, уходит.)*

Иван Тимофеевич стоит как опаленный. Рассказчик близок к отчаянию. Именно вследствие этой отчаянности он обретает чуть ли не балалайкинский дар речи.

Иван Тимофеевич. Сто тысяч...

Рассказчик. Иван Тимофеевич! Сообразите! Ведь это дело — ведь это такое дело, что, право же, дешевым образом обставить его нельзя.

Иван Тимофеевич. Диви бы за дело, а то... Другой бы даже с удовольствием... за удовольствие счел бы... *(Придя в себя, обращается к Рассказчику.)* Ну а вы как... какого вознаграждения желали бы? *(С горькой усмешкой.)* Для вас, может быть, и двухсот тысяч мало будет?

Рассказчик *(горячо).* Выслушайте меня, прошу вас! Вы давно уже видите и знаете мое сердце. Вам известно, страдаю ли я недостатком готовности служить на пользу общую. В деньгах я не особенно нуждаюсь, потому что получил обеспеченное состояние от родителей; что же касается до моих чувств, то они могут быть выражены в двух словах: я готов! Но будет ли с моей стороны добросовестно отбивать у Балалайкина куш, который может обеспечить его на всю жизнь? Он — бедный человек, Иван Тимофеевич! И вы знаете, Иван Тимофеевич, что, несмотря на свой лоск и шик, он с каждой минутой все больше и больше погружается в тот

омут, на дне которого лежит долговая тюрьма. И в доказательство... *(Берет со стола оставленную адвокатом записку, читает.)* «По делу о взыскании ста рублей с мещанина Лейбы Эзельсона...» Понимаете ли, какие у него дела? И как ему нужно, до зарезу нужно, чтоб на помощь ему явился какой-нибудь крупный гешефт, вроде, например, того, который представляет затея купца Парамонова? *(Переводит дух. Всматривается в лицо собеседника, продолжает.)* С другой стороны, ведь не вам придется платить деньги! Конечно, Балалайкин заломил цену уже совсем несообразную, но я убежден, что в эту минуту он сам раскаивается и горько клянет свою несчастную страсть к хвастовству. Призовите его, обласкайте, скажите несколько прочувствованных слов — и вы увидите, что он сейчас же съедет на десять тысяч, а может быть, и на две! Наверное, он уже теперь позабыл, что сто тысяч слетели у него с языка. Почему он сказал «сто тысяч», а не «двести», а не «миллион»? Не потому ли, что цифра сто значится в записке о взыскании с мещанина Эзельсона? Я, конечно, этого не утверждаю, но думаю, что эта догадка небезосновательная. Завтра он принесет к вам записку о взыскании двух рублей и сообразно с этим уменьшит и требование свое до двух тысяч. Но если бы даже он и окончательно остановился, например, на десяти тысячах, то, право, это не много! Совсем не много! Ведь поручение-то... ах, какое это поручение! И что вам, наконец? А ему грозит долговая тюрьма! Неужели деньги купца Парамонова до такой степени дороги вашему сердцу, что вы лишите бедного человека, который вас любит и ценит, возможности поправить свои обстоятельства! *(Замолкает, выжидая, какое впечатление произвела на Ивана Тимофеевича его долгая и убедительная речь.)*

Иван Тимофеевич *(неопределенно)*. Ладно. Ну что ж... Поглядим... Подумаем...

Затемнение

КАРТИНА ПЯТАЯ

Рассказчик *(в зал)*. Станным образом моя судьба переплелась с судьбой Балалайкина. Он не давал о себе знать, и Иван Тимофеевич поглядывал на ме-

ня как-то хищно и деловито. Для меня же вопрос шел как бы о жизни и смерти. Являлась мне мысль бежать в мою деревеньку Проплеванную и до конца дней там закупориться... Я жил в каком-то бессвязном кошмаре... Мне являлась «штучка» парамоновская во сне... и наяву стала видеться... Свадьба... Вокруг налоя ведут... На цепь сажают. Все уходят, а я так на цепи и сижу... И лаю... Фу-фу-фу! Глумов сначала смеялся, а потом сам уговорил меня идти к Балалайкину и в лоб спросить его: будет жениться или нет? И цену пусть назначит божескую... Разузнали адрес... Пошли... И вот мы у Балалайкина.

Приемная в адвокатской конторе Балалайкина. В углу дремлет пожилой человек с физиономией благородного отца из дома терпимости. Другой клиент, совсем юный, в ожидании приема рассеянно листает толстенную книгу. Глумов и Рассказчик, сидя в сторонке, тихо переговариваются.

Рассказчик (*шепотом*). Глумов, Глумов, что делать? Что делать?

Глумов. Да погоди же голову-то терять... Держись... Да и женишься — ничего страшного... на худой конец. Не всерьез же.

Рассказчик (*задрожав*). Не-ет, Глумов... Я тебе говорю — вокруг налоя меня не поведут! Не-ет! Не поведут... Удавлюсь, а не поведут! Или в крайнем случае укажу на тебя...

Глумов. Да тише ты!

Рассказчик. Укажу, укажу как на более достойного.

Глумов. Уймись, слышишь? А то уйду.

Рассказчик (*громко*). Нет! (*Спохватившись, шепотом.*) Нет, нет, нет!

Дремавший в кресле старик шевельнулся.

Глумов. Видишь, потревожили человека.

Из кабинета вышел Балалайкин. Он необыкновенно мил в своем утреннем адвокатском неглиже. Лицо его дышит приветливостью и готовностью удовлетворить клиента, что бы тот ни попросил.

Балалайкин (*Глумову и Рассказчику*). Господа! Через четверть часа я к вашим услугам, а теперь... вы позволите? (*Подходит к юноше и приглашает его жестом в кабинет.*)

Глумов (*Рассказчику*). Слушай, друг, а тебе не кажется... (*Оглядывается, принохивается.*)

Рассказчик. Ничего мне не кажется!

Глумов. Не горячись, сделай милость! Ты лучше оглядись, куда мы попали!

Рассказчик. Куда, куда... В приемную адвоката Балалайкина!

Глумов. Да нет, ты посмотри, где он живет, Балалайкин!

Рассказчик. Где?

Глумов. Не узнаешь? Да это же квартира Дарьи Семеновны...

Рассказчик. Дарьи Семеновны?

Глумов. Забыл Дарью Семеновну? Кубариху забыл!

Рассказчик. Ее пансион для благородных девиц без изучения древних языков?

Глумов. Ну конечно! Здесь и живет Балалайкин. Ух, веселое время было! Ух, молодость наша, молодость!

Рассказчик (*он оглядывается, немного приходит в себя*). Да... Бедная Дарья Семеновна, царство ей небесное!

Глумов. Я еще на лестнице подумал... А потом — нет, быть не может... Чего-чего тут только не было... Кто только в ее квартире воспитание не получил!

Рассказчик. Многие из ее школы вышли, которые теперь...

Глумов. Да... Хороша она была по педагогической части... (*Принохивается.*) Слышишь? Пахнет! Дарья Семеновна... она! Она эти самые духи употребляла, когда поджидала «гостей»! Эти духи... Да ведь она жива! Она здесь!!!

Дремавший в кресле старик закричал, заерзал. Рассказчик толкает Глумова, он затихает, но старик уже окончательно проснулся. Он встал, подошел к ним, поклонился.

Очищенный. Разрешите представиться. Перед вами человек извилистой судьбы. Вот уже пять лет, как жена моя везде ищет удовлетворения.

Глумов. Да?

Очищенный. Жена моя содержит гласную кассу ссуд, я же состою редактором при газете «Краса Демидрона». Наша газета находится в ведении комитета

ассенизации столичного города Санкт-Петербурга. Тяжелы обязанности редактора газеты по вольному найму! Правда, взамен всех неприятностей я пользуюсь правом в семи трактирах, однажды в неделю в каждом, попользоваться двумя рюмками водки и порцией селянки. Жалованье я получаю неплохое, но ежели принять во внимание: первое, что по воспитанию моему я получил потребности обширные; второе, что съестные припасы с каждым днем дорожают, так что рюмка очищенной стоит нынче десять копеек вместо прежних пяти,— то и выходит, что о бифштексах да об котлетах мне и в помышлении держать невозможно!

Р а с с к а з ч и к. Позвольте, однако! Ведь вы сами сказали, что имеете право на бесплатное получение ежедневно двух рюмок водки и порции селянки!

О ч и щ е н н ы й. Ах, молодой человек! Молодой человек! Как вы, однако, опрометчивы в ваших суждениях! По моему воспитанию мне не только двух рюмок и одной селянки, а двадцати рюмок и десяти селянок — и того недостаточно! Ах, молодой человек, право, обидно даже... *(В голосе его зазвучали слезы, а рука сама протянулась к приятелям, как бы намекая о вознаграждении за обиду.)*

Г л у м о в. Не сердитесь на нас! *(Кладет в распростертую ладонь Очищенного деньги.)*

О ч и щ е н н ы й *(деловито рассмотрев монету).* Мало, но я не притеснителен... К тому же я сластолюбив... *(Со слезой в голосе.)* Я люблю мармелад, чернослив, изюм, и хотя входил в переговоры с купцом Елисеевым, дабы разрешено мне было бесплатно входить в его магазины и пробовать, но получил решительный отказ; купец же Смуров вследствие подобных же переговоров разрешил мне выдавать в день по одному поврежденному яблоку. *(Рассказчику.)* Стало быть, и этого, по вашему, милостивый государь, разумению, достаточно?

Р а с с к а з ч и к. Извините. *(Положил в приготовленную ладонь монету, она мгновенно исчезает в кармане Очищенного.)*

О ч и щ е н н ы й. Благодарю вас. Итак, я сластолюбив и потому имею вкус к лакомствам вообще и к девочкам в особенности. Есть у них, знаете... *(Сладострастно причмокнул.)*

Глумов и Рассказчик (*с отвращением*). Ой...

Очищенный. А так как жена удерживает у меня пятнадцать рублей в месяц за прокорм и квартиру — и притом даже в таком случае, если б я ни разу не обедал дома, — то на так называемые издержки представительства остается никак не больше пяти рублей в месяц.

Глумов внимательно на него смотрит.

(*Встревоженно.*) Что такое?

Глумов узнает его и начинает напевать: «Чижик-пыжик, где ты был?»

Что такое?!

Глумов. «...На Фонтанке водку пил...». (*Рассказчику.*)
Послушай, брат, ты видишь, кто он, этот старик?
Не узнаешь его?

Рассказчик. Нет... Хотя... Словно я видел его где-то...

Глумов. Это же тапер Дарьи Семеновны... Очищенный!

Рассказчик. Иван Иваныч!

Глумов (*Очищенному, глядя в него*). Иван Иваныч! Да ведь это ты! Ты! Ты! Помнишь, как ты на фортепьяно тренькал?

Очищенный (*осторожно*). Не помню...

Глумов. А помнишь, как я однажды поднес тебе рюмку водки, настоящую на воспламеняющихся веществевах?

Очищенный. Помню. (*Бросается в его объятия.*)
Друзья! Не растравляйте старых, но не заживших еще ран! Жизнь моя — это тяжелая и скорбная история!

Глумов. Иван Иваныч! Как ты вырос! Похорошел!

Очищенный. А моя жена еженедельно меня крова лишает.

Глумов. Но ведь супруга ваша могла бы и не требовать с вас платы за содержание?

Очищенный. О-о! Не говорите, милостивый государь! Моя жена... А есть ведь, господа, и другие жены... Вот жена Балалайкина, например...

Рассказчик (*вскрикивает*). Как?

Глумов толкает его: молчи, мол.

Очищенный (*рад посплетничать*). Никто почти и не

знает, что он женат. А он женат, господа, и восемь дочерей имеет.

Р а с с к а з ч и к. Балалайкин женат.

О ч и щ е н н ы й (*взахлеб*). Женат. Живут они в величайшей бедности близ Царского Села, получая от Балалайкина в виде воспособления не больше десяти рублей в месяц. Балалайкин же наезжает туда один раз в неделю, и ни одна душа о том не знает...

Рассказчик близок к обмороку.

Р а с с к а з ч и к. Все погибло.

О ч и щ е н н ы й. Что?

Г л у м о в (*желая отвлечь Очищенного*). Свидетель игр нашей молодости! Иван Иванович! Да ведь тут фортепьяно! Сыграй нам «Чижик-пыжик! Где ты был?». Помнишь? (*Отводит Очищенного от Рассказчика.*)

О ч и щ е н н ы й. Помню, как не помнить? (*Садится за фортепьяно, начинает играть.*)

Глумов садится рядом и подпевает.

Р а с с к а з ч и к. Балалайкин женат.

Г л у м о в. Мужайся, что-нибудь придумаем.

Р а с с к а з ч и к. Что же это такое? Значит, он соглашался на двоеженство? И мы должны этому содействовать? А может быть, это и к лучшему? Тут уж мы окончательно свою благонамеренность выкажем. А что же остается? Забыть, что мы собирались только «годить», и по уши погрузиться в самую гущу благонамеренной действительности. Общий уголовный кодекс защитит нас от притязаний кодекса уголовно-политического. Двоеженство! Иначе не спаслись. Надо прямо бить на двоеженство. Теперь у нас есть цель: во что бы то ни стало женить Балалайку на «штучке» купца Парамонова, и надо мужественно идти к осуществлению этой цели. (*Глумову.*) Глумов! А как ты смотришь на двоеженство?

Г л у м о в. Эврика!

Дверь кабинета открылась, оттуда вышли Балалайкин и юноша.

Б а л а л а й к и н (*всем*). Я вижу, друзья, что вы уже перезнакомились. Одну минутку! (*Юноше.*) Все ясно,

наш план неотразим. Ведь прежнее письмо наше возымело действие?

Юноша. Возымело, господин Балалайкин, только нельзя сказать, чтобы вполне благоприятное. Вот ответ-с! *(Подает письмо.)*

Балалайкин *(громко читает)*. «А ежели ты, щенок, будешь еще ко мне приставать...» Гм, да... Ответ, конечно, не совсем благоприятный, хотя, с другой стороны, сердце женщины... Ну, если и эти письма не помогут... Что ж! Будем еще сочинять... новые... до победного конца!

Юноша *(умоляющим тоном)*. Со стихами бы, господин Балалайкин!

Балалайкин. Можно. Из Виктора Гюго, например. *(Декламирует по-французски.)* Ладно будет?

Юноша *(робко)*. Хорошо-с, но ведь она по-французски не знает.

Балалайкин. Это ничего: вот и вы не знаете, да говорите «хорошо». Неизвестность, знаете... она на воображение действует! Потребность такая в человеке есть! А, впрочем, я и по-русски могу:

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат!
Кудри — кольца, кудри — змейки,
Кудри — бархатный каскад.

Хорошо? Приходите завтра — будет готово... За стихи цена... *(Поднял правую руку и показал все пять пальцев.)* Пять рублей.

Юноша. Нельзя ли сбавить, господин Балалайкин? Ей-богу, мамаша всего десять рублей в месяц дает: тут и на папиросы, тут и на все-с!

Балалайкин. Желаете иметь успех у женщин и жалете денег. Фуй, фуй, фуй! Ежели мамаша дает мало денег, добывайте сами! Трудитесь, давайте уроки, просвещайте юношество! Сейте разумное, доброе, вечное! Итак, до завтра... победитель! *(Вытроваживает юношу. Обращаясь ко всем оставшимся, сгрудившимся возле фортепьяно.)* Ну, господа, я к вашим услугам! По счастливой случайности я сегодня совершенно свободен от хождения и приглашаю вас позавтракать здесь, со мной. *(Хлопает в ладоши.)* Лакеи вкатывают стол с обильной едой.

Прошу, прошу, господа, садитесь. Не бог весть что, но несравненно лучше, чем какой-нибудь «Пекин»!

Все благодарят и усаживаются.

Очищенный. Отменное угощение! Это вам не селянка в трактире!

Балалайкин (*указывая на лакеев*). Господа, позвольте представить! Мои лжесвидетели! Без лжесвидетелей теперь в нашем деле никак нельзя! От четырех до пяти человек содержу! Двое постоянных, при доме! На всякий случай, да и при хозяйстве люди нужны: прими, подай, пшел вон!

Лжесвидетели смеются.

Пшли вон!

Лжесвидетели исчезают.

Рекомендую. Вот этот балык прислан мне прямо из Коканда бывшим мятежным ханом Наср-Эддином за то, что я подыскал ему невесту. Двадцать фунтов балыка! И один глиняный кувшин воды. (*Хлопает в ладоши.*)

Лакей приносит кувшин.

(*Демонстрирует презент.*)

Глумов. Зачем же воды?

Балалайкин. А у них вода в редкость — вот он и вообразил, что и невесть как мне этим угодит.

Глумов. Слушай, Балалайкин, есть у меня вопросик...

Балалайкин. Потом, потом... Да, господа, немало-таки было у меня возни с этим ханом! Трех невест в течение двух месяцев ему переслал — и все мало!

Очищенный. Осмелюсь вам доложить, есть у меня на примете девица одна, которая в отъезд согласна... ах, хороша девица!

Балалайкин. Прекрасно-с, будем иметь в виду. Однако признаюсь вам, и без того отбою мне от этих невест нет. Даже молодые люди приходят, право! Звонок за звонком!

Глумов. Странно, однако ж, что за все эти хлопоты он вас балыком да кувшином воды отблагодарил!

Балалайкин. О, эти ханы, ханы... нет в мире существ неблагодарнее их! Впрочем, он мне еще пару шакалов прислал, да черта ли в них! Позабавился несколько дней, поездил на них по Невскому, да и отдал в зоологический сад. Завывают как-то... и кучера искушали... И представьте себе, кроме бифштексов, ничего не едят, каналы!

Глумов. Ай-ай-ай!

Балалайкин. Господа, рекомендую кильки... это достопримечательность! Я их сам ловил прошлым летом... Дорогой в Европу. Вы знаете, ведь я было в политике попался... Как же! Да! Да! Ну, и надобно было за границу удирать. Нанял я, знаете, живым манером чухонца: айда, мина нуси, сколько, шельма белоглазая, возьмешь Балтийское море переплыть? Взял он с меня тысячу рублей денег да водки ведро, уложил меня на дно лодки, прикрыл рогожкой... Только как к острову Готланду стали подплывать, тогда выпустил. Тут-то я и ловил кильку, покуда не обнаружилось, что вся эта история с моей политикой — одно недоразумение... Да, господа, испытал я в то время! Как ни хорошо за границей, а все-таки с милой родиной расставаться тяжело. Ехали мы, знаете, мимо Кронштадта, с одной стороны Кронштадт, с другой — Свеаборг, а я лежу и думаю: вдруг выпалит? Ведь броненосцев пробивает, а мы... что такое мы?!

Глумов. Не выпалил?

Балалайкин. Нет, зазевались. Помилуйте! Броненосцев пробивает, а наша лодка... представьте себе, ореховая скорлупа! И вдобавок поминутно открывает течь.

Глумов. Послушай, Балалайкин, есть у меня к тебе один вопросик...

Балалайкин. Успеете... А вот эти фиги мне Эюб-паша подарил... Впрочем, не следовало бы об этом говорить. Ну, да ведь вы меня не выдадите! Да вы попробуйте-ка! Аромат-то какой!

Глумов. Эюб-паша за что же вам подарки делает?

Балалайкин. А я тут ему одно сведеньице в дипломатических сферах выведал... так, пустячки!

Рассказчик. Балалайкин! Пощадите! Ведь вы себя в измене отечеству обличаете!

Балалайкин. Ах! Ах! Ах! *(Смеется.)* Я действительно сведеньице для него выведал, но он через это сведеньице сраженье потерял — в том самом... ну, в ущелье, как бишь его? Нет, господа! Я ведь в этих делах осторожен! Однако я его и тогда предупредил. Ну куда ты, говорю, лезешь? Ведь если ты проиграешь сражение, тебя турки судить будут, а если выиграешь, образованная Европа осудит. Подай-ка лучше в отставку.

Глумов. Не послушался?

Балалайкин. Не послушался — и проиграл! А жаль Эюба, до слез жаль! Лихой малый и даже на турку совсем не похож! Я с ним вместе в баню ходил — совсем как есть человек! Только тело голубое, совершенно как наши жандармы в прежней форме, до преобразования. Да, господа, много-таки я в своей жизни перипетий испытал! В Березов сослан был, пробовал картошку там акклиматизировать — не выросла! Но зато много и радостей изведаль! Например, восход солнца на берегах Ледовитого океана! Представьте себе, в одно и то же время и всходит и заходит — где это увидите? Оттого там никто и не спит. Тюленей ловят!

Очищенный. Желал бы я знать, тюлень мяско — приятно оно на вкус?

Балалайкин. Мылом отдаёт, а, впрочем, мы его ели. Там летом семьдесят три градуса мороза бывает, а зимой — это что ж! Так тут и тюленине будешь рад. Я однажды там нос отморозил: высморкался — смотрю, ан нос в руке!

Глумов. Ах, черт побери!

Балалайкин. К счастью, я сейчас же нашелся: взял тепленького тюленьего маслица, помазал, приставил — и вот, как видите. *(Предлагает всем освидетельствовать свой нос, но Рассказчик затыкает ему рот салфеткой.)*

Глумов. Балалайкин! Послушай, брат, но не лги, а отвечай прямо: ты женат?

Балалайкин *(после паузы, пьяным, увядшим голосом)*. Женат. Восемь дочерей имею: Анна, Антонина, Аграфена, Анастасия, Аглая, Арина, Александра... Аида — младшенькая. Ну и что?!

Глумов. А как ты насчет двоеженства полагаешь?

Балалайкин. Вообще говоря — могу! Но это, разумеется, зависит...

Глумов. Давай же кончать. В два слова... тысячу рублей?

Балалайкин (*встрепенувшись*). Голубчики! Да ведь вы... по парамоновскому делу? Помилуйте! Мне Онуфрий Петрович Парамонов в присутствии Ивана Тимофеевича без всякого разговора уже три тысячи надавал!

Рассказчик. То была цена, а теперь другая. В то время охотников мало было, а теперь ими хоть пруд пруди. И все охотники холостые, беспрепятственные. Только нам непременно хочется, чтоб двоеженство было. На роман похожее.

Балалайкин. Меньше двух тысяч нельзя! Помилуйте, господа! Тысяча рублей! Разве это деньги? А моральное беспокойство? А трата времени! А репутация! Человека, который за тысячу рублей... Тысяча! Смешно, право! Ведь мне свои собратья проходу за эту тысячу не дадут!

Очищенный (*скромно*). Позвольте мне! Я за пятьсот...

Балалайкин (*быстро*). Хорошо-с. Согласен! Согласен. Согласен. Пусть будет ни по-моему, ни по-вашему — накиньте шестьсот на возможные судебные издержки...

Рассказчик. Адвокат, а суда боится!

Глумов. Ну, договорились. Где у тебя шампанское? Надо обмыть уговор!

Балалайкин свистит, появляются лакеи.

Балалайкин. Шампанского!

Лакеи приносят шампанское, открывают бутылки, разливают по бокалам.

А шаферами кто будет?

Рассказчик. Мы с Глумовым.

Очищенный. А меня кем пристроите? Я на свадьбах гулять люблю-у-у...

Глумов. Будете посаженным отцом.

Очищенный. Десять рублей присокупите в виде личного вознаграждения и за прокат платья?

Г л у м о в. Присовокупим, Иван Иваныч! Да поселись у нас! Тебе что нужно? Щей тарелку — есть! Водки рюмку — найдется. Пьем за здоровье двоюженца!

Чокаются, пьют.

Очищенный. Ах! Хороша шампанея!

Балалайкин (*великодушно*). А ежели по обстоятельствам дел потребуются лжесвидетели, то вы во всякое время найдете их здесь... Вот они! И безвозмездно!

Рассказчик (*растроганно*). Господа! Господа! Заклучимте четверной союз!

Балалайкин. За нашу дружбу!

Все встают и, что-то торжественно бормоча, берутся за руки. Это — клятва.

Затемнение

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Рассказчик (*в зал*). Мы вернулись от Балалайкина уже втроем, и притом в самом радостном расположении духа. Мысль, что ежели подвиг благонамеренности еще и не вполне нами совершен, то, во всяком случае, мы находимся на прямом и верном пути к нему, наполняя наши сердца восхищением. Знаменательно, что раз человек вступил на стезю благонамеренности, он становится деятелен, как бес. Мы были полны жаждой деятельности и, оставив дома Очищенного, решили скакать к самой «штучке» парамоновской, к Фаинушке, дабы убедиться, что и невеста подготовлена к перемене своей судьбы. От созерцательного выжидания мы решительно приступили к действию, и остановить нас не могла уже никакая сила.

Зала в доме Фаинушки. Приятелей принял Полкан Самсоныч Редедя — сонного вида овальный человек с брюшком, одетый по-домашнему.

Редедя. Милости просим, господа, Фаина Егоровна сейчас пожалует.

Рассказчик. Извините, что побеспокоили.

Глумов (*поклонившись*). Онуфрий Петрович?

Редедя. Отнюдь. Рекомендуюсь! Полкан Самсоныч
Редедя. Странствующий полководец, жилец и фаворит
Фаины Егоровны.

Глумов. И фаворит?

Редедя. Фаворит.

Глумов. Да... Велики и многообразны обязанности
ваши.

Редедя. И приятны, добавьте-с. В качестве метро-
дотеля занимаю нижний этаж. А Онуфрий Пет-
рович — это благодетель наш. Вы к Фаине Его-
ровне?

Глумов. К ней. А что, Фаина Егоровна скоро явится?

Редедя. Вот-вот. За покупками поехала. Садитесь,
господа.

Рассказчик (*после паузы*). А как же инстинкт полко-
водца? Не тянет в сраженье?

Редедя. Тянет. Но два года перемирия себе положил.
Два года отдыхаю. Сейчас много приглашений
имею. Зулусия, Эфиопия... Выбираю.

Пауза.

Глумов. А как вы полагаете, Полкан Самсоныч, если
сейчас немец или турок... готова ли была бы Россия
дать отпор?

Редедя. То есть ежели сейчас... сию минуту... пиши
пропало.

Рассказчик. Что уж так... решительно?

Редедя. Да как вам сказать... Что боевая сила у нас
в исправности — верно, и оружие есть... средствен-
ное, но есть... и даже порох найдется, коли по-
искать... Но чего нет так нет — это полководцев-с!
Нет, нет и нет!

Рассказчик. Как же так?

Редедя. Нет, и не только у нас — нигде полководцев
нет! И не будет-с!

Глумов. Но если есть потребность в полководцах, то
должны же отыскаться и средства для удовлетво-
рения этой потребности?

Редедя. А средства есть. Учредите международную
корпорацию странствующих полководцев — и дело
в шляпе. Ограничьте число — человек пять-шесть,
не больше, — но! чтоб они всегда были готовы. По-

надобился кому полководец — выбирай любого. А не выбрал, понадеялся на своего, доморощенно-го, — не прогневайся!

Р а с с к а з ч и к. Но кого же в эту корпорацию назначать будут? И кто будет назначать?

Р е д е д я. Охотники найдутся-с. Уж ежели кто в себе эту силу чувствует, тот зевать не будет. Сам придет и сам себя объявит... *(Неожиданно задремал и так же неожиданно проснулся.)* Вы к Фаине Егоровне?

Г л у м о в. К ней, к ней.

Р а с с к а з ч и к. Скажите, а она скоро будет?

Р е д е д я. Вот-вот.

Г л у м о в. Гм... А вам приходилось в чужих странах воевать?

Р е д е д я *(скромно)*. Не однажды.

Р а с с к а з ч и к. И выгодно это?

Р е д е д я. Как вам сказать... Намедни, как ездил из Эфиопии в Зулусию, одних прогонов и суточных на сто тысяч верст взад и вперед получил. А эфиопский царь Амонасро...

Г л у м о в. Из «Аиды»?

Р е д е д я. А?

Г л у м о в. Из оперы «Аида»?

Р е д е д я *(нисколько не смутившись)*. Он самый. Перед тем как в плен попасть, орден Аллигатора на меня возложил.

Р а с с к а з ч и к. А как вы там за дело беретесь? С чего начинаете?

Г л у м о в. И в чем главное назначение ваше?

Р е д е д я. Делаю рекогносцировки, беру хитростью и приступом укрепления, выигрываю большие и малые сражения, устраиваю засады, преследую неприятеля по пятам. В особенности могу быть полезен во время междоусобий. Однажды помог экваториальным державцам в их взаимных пререканиях.

Р а с с к а з ч и к. Осмелюсь спросить, Полкан Самсоныч, каким же образом страна Зулусия, столь благоустроенная и цветущая и притом имея такого полководца, как вы, так легко поддалась горсти англичан?

Р е д е д я. Оттого и поддалась, что команды нашей они не понимают. Я им командую: «Вперед, ребята!» — а они назад прут!.. «Стойте, подлецы!» —

а их уж нету. Я-то кой-как в ту пору улепетнул, а ихний Сетивайо так и остался на троне середь поля...

Дверь распахивается, и влетает Фаинушка. Увидев Редедю, вольготно расположившегося на кушетке, Фаинушка обрушивается на него целый поток бранчивых слов, нимало не смущаясь присутствием незнакомых господ.

Фаинушка. А-а, ты еще здесь? И гостей тут принимаешь? Чтоб глаза мои вас всех больше не видели! Мало, что весь нижний этаж один занимаешь, еще и ко мне лезешь! Ишь разъелся тут! Если вы сегодня же не съедете, самому Онуфрию Петровичу пожалуюсь! Квартира твоя мне нужна! Моя она квартира, не твоя!

Редедя (*пытаясь утихомирить Фаинушку*). Матушка! Фаина Егоровна! Вы же сами меня от купца Полякова переманили!

Фаинушка. Дура была! Думала, раз ты полководец, то ты мужчина стоящий. А ты... Полководец! К Араби-паше езжай! Чтоб завтра же, как солнце встанет, следа твоего не было!

Глумов (*прерывает неприятную сцену*). Позвольте представиться... (*Встретился взглядом с Фаинушкой, засмутился, замолчал.*)

Рассказчик. Разрешите вам передать поклон от жениха вашего, адвоката Балалайкина. (*Протягивает букет цветов.*) Вот, он просил передать в знак своего безмерного почтения.

Фаинушка (*сразу изменив тон*). Так вы ко мне? Что же вы сразу не сказали? Пардон, господа. (*Не отрывая глаз от Глумова, машинально протягивает руку и берет цветы.*) Благодарю вас и господина Балалайкина. Извините, господа. Прощу. А вы уже познакомились с Полканом Самсонычем?

Рассказчик. Да, имели удовольствие.

Фаинушка. А он у нас к фараонам уезжает. Араби-паша просит помочь. На поле брани. Жаль расставаться, а приходится...

Редедя. Заждался он меня. Матушка, Фаина Егоровна! Дозволь на твоей свадьбе погулять! А там, так уж и быть, к Араби-паше...

Фаинушка. Ладно уж... Да отстаньте же от меня!

Редедя (*целует ей руку*). Спасибо, матушка, спасибо.

Рассказчик. Итак, мы свое поручение выполнили. Теперь нам пора жениха обрадовать, о полном вашем согласии сообщить и распоряжения по свадьбе сделать.

Файнушка. Ах, как жаль, что вы торопитесь! Может быть, закусить желаете?

Редедя. Ах, господа, как хорошо было бы нам всем закусить сейчас! У Файны Егоровны такая селедочка водится! Такой балычок!..

Рассказчик. Нет, нет, спасибо, нам пора, в другой раз.

Глумов. Не смеем вас больше задерживать.

Файнушка. Я жду вас на свадьбу, господа... (*Глядя на Глумова.*) Надеюсь, вы за столом подле меня сядете.

Глумов. Кто? Я?

Файнушка. Вы.

Рассказчик (*беря за руку остолбеневшего Глумова*). За честь почтем.

Глумов (*механически повторяет*). За честь почтем. Почтем... за честь... (*Пятясь, уходит.*)

Файнушка (*взяв двумя руками букет, закрыв им лицо*). Ах, какой милый этот молодой человек... И какой смешной! Какой смешной!

Затемнение

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Рассказчик (*в зал*). Да... признаюсь, не ожидал, что эта парамоновская «штучка» так хороша собой. Когда я мельком у нее в прихожей взглянул на себя в зеркало, то увидел, что губы мои сами собой сложились «сердечком». Приятнейшие вещи, однако, встречаются на стезе благонамеренности. И как это интересно совершать разнообразные акты, с которыми сопрягается безопасное плавание по житейскому морю. Ну разве мы повстречались бы с Файнушкой, если б сидели, как прежде, сложа руки? Или с тем же Редедей, странствующим полководцем? Я преисполнился бы полным духовным по-

коем, если бы не одно обстоятельство, которое я хотел прояснить вместе с Глумовым.

Дома у Глумова. Глумов и Рассказчик расположились в креслах. Глумов наигрывает на гитаре и напевает романс. Рассказчик после трудов праведных погружен в раздумье.

Глумов. Ты чего задумался?

Рассказчик. А?

Глумов. Задумался, говорю, чего?

Рассказчик. Я насчет нашего предприятия с Балалайкиным... Предположим, оно будет благополучно завершено. Получит он условленную тысячу рублей, мы попируем у него на свадьбе и разъедемся по домам. Но послужит ли все это в глазах Ивана Тимофеевича достаточным доказательством, что прежнего либерализма не осталось в нас ни зерна?

Глумов (*с горечью*). Еще надобны доказательства?

Рассказчик. А ведь мы немалый путь прошагали с тобой. И с Балалайкиным покончили, и в «устав» свою лепту вложили! И на Очищенного наскочили! Да... Нередко и малые источники дают начало рекам, оплодотворяющим неизмеримые пространства. Так-то и мы. Не верно ли сравнение, Глумов?

Глумов. Еще как верно-с! Пусть эта мысль сопутствует нам в трудах наших. (*После паузы.*)

А бабочка-то какая! Ишь ведь она... ах!

Рассказчик. «Штучка»?

Глумов. «Штучка».

Рассказчик. Да... А меняда-то Парамонов у нее не один... Метрдоителя держит...

Входит Очищенный.

Иван Иваныч! С легким паром!

Очищенный (*делает реверанс*). Хорошо в баньке! Смертные грехи отмывал.

Глумов. Отмыл?

Очищенный. Чист, как ангел на небеси. Два веника истрепал.

Рассказчик. Ну, и мы тоже попарились. Без дела не сидели.

Г л у м о в. Может, и нам удастся совершить предприятие не к стыду, но к славе нашего отечества...

О ч и щ е н н ы й. Долголетний опыт мой подсказывает, что к стыду отечества совершить очень легко, к славе же совершить, напротив того, столь затруднительно, что многие даже из сил выбиваются и все-таки успеха не достигают. Когда я в Проломновской области жил, то был там один начальствующий — так он всегда все к стыду совершал. Даже посторонние дивились; спросят, бывало: «Зачем это вы, вашество, все к стыду да к стыду?» А он: «Не могу, говорит, рад бы радостью к славе что-нибудь совершить, а выходит к стыду!» Так в стыде и отошел в вечность!

Г л у м о в. Однако!

О ч и щ е н н ы й. А когда при отпевании отец протопоп сказал: «Вот человек, который всю жизнь свою, всеусердно тщась нечто к славе любезнейшего отечества совершить, ничего, кроме действий, клонящихся к несомненному оному стыду, не совершил», — то весь народ, все, кто тут были, все так и залились слезами!

Г л у м о в. Еще бы! Разумеется, жалко!

О ч и щ е н н ы й. И многие из предстоявших начальствующих лиц в то время на ус себе это намотали.

Г л у м о в. Намотали-то намотали, да проку от этого мало вышло!

О ч и щ е н н ы й. Это уж само собой.

Г л у м о в (*Рассказчику*). Ты чего молчишь?

Р а с с к а з ч и к (*продолжая свою мысль*). Да... А по-моему, одного двоеженства недостаточно.

О ч и щ е н н ы й. Да что это с вами, други мои! На хорошем вы счету здесь, в квартале. Я тут кое с кем повстречался. На хорошем счету. Поздравляю вас!

Г л у м о в. Спасибо.

Р а с с к а з ч и к. Нет, мало, мало, мало, мало. Нужно бы еще что-нибудь этакое совершить. Тогда и мы косвенным образом любезному отечеству в кошель накласть сподобимся!

О ч и щ е н н ы й. А я знаю, что надо совершить!

Р а с с к а з ч и к. Что?

Очищенный. А я знаю, что надо совершить...

Глумов ударяет кулаком по столу, прекращая паясничание Очищенного.

Подлог! Вот после подлога никто с вас не спросит.
Рассказчик. Подлог... Не будет ли уж чересчур однообразно? Ведь двоеженство само по себе подлог. А с другой стороны — мало! Какову задачу преследуем мы, совершая сей подлог во имя нашей дружбы с Иваном Тимофеевичем?

Очищенный. Обелиться перед начальством! Зачеркнуть в его воображении ваше либеральное прошлое.

Рассказчик. Так вот достаточно ли для этого одного двоеженства? Не мало ли?

Глумов (*неопределенно*). Что тут сказать... А почему бы и нет? Два подлога — это уже лучше, чем один!

Рассказчик. Знаешь, Иван Иваныч, ведь ты пресный! Только вот словно протух немного...

Очищенный. Ну и протух! А что! А вообще-то по нашему месту не мыслить надобно, а почаще вспоминать, что выше лба уши не растут. Тогда и жизнь своим чередом пойдет, и даже сами не заметите, как время постепенно пролетит!

Рассказчик. Верно! Верно, Глумов!

Глумов молчит.

Ты ж меня этому и учил!

Глумов (*мрачно*). Верно. Еще как верно!

Очищенный. Ежели оскорбление мне нанесут — от вознаграждения не откажусь, а в суд не пойду. От того все в квартале меня и любят. Даже теперь: приду в квартал — сейчас дежурный помощник табаком потчует!

Рассказчик (*машинально*). Вот и нас тоже... Помнишь, Глумов?

Глумов (*угрюмо*). Как не помнить.

Очищенный. И вас тоже. Покуда вы вникали — никто вас не любил, а перестали вникать — все к вам с доверием! Вот хоть бы, например, устав благопристойности... Ведь какую лепту вы внесли на алтарь внутренней политики! И вообще скажу: чем более мы стараемся вникать, тем больше получаем щелч-

ков. Знал я, сударь, одного человека, так он, куда не вникал, благоденствовал, а вник — удавился! По моему, так: сыт, обут, одет — ну и молчи. Поле-гоньку да потихоньку — ан жизнь-то и прошла! Так ли я, сударь, говорю?

Рассказчик. Что ж ты не отвечаешь, Глумов?

Глумов (*ожесточаясь*). Пр-р-равильно! Все правильно!

Очищенный. Покойная Дарья Семеновна говаривала: жизнь наша здешняя подобна селянке, которую в малоярославском трактире подают. Коли ешь ее с маху, ложка за ложкой, — ничего, словно как и еда; а коли начнешь ворошить да разглядывать — стошнит!

Глумов. Пр-р-равильно!

Очищенный. Был у меня, доложу вам, знакомый, действительный статский советник, который к Дарье Семеновне только по утрам хаживал, так он мне рассказал, почему он именно утром в публичный дом, а не вечером ходит. Утром, говорит, я встал, умылся, разделся...

Глумов (*громовым голосом*). Все! Не могу! Шабаш! Воняет! (*Вскочил, замахнулся на Очищенного гитарой.*)

Очищенный вытянул руки, чтоб отразить удар. Рассказчик подбежал к Глумову, схватил его за руки.

Рассказчик. Глумов, что с тобой? Нехорошо... Успокойся. Иван Иваныч, сейчас обедать будем. (*Делает знак Очищенному — уйти.*) Глумов, обедать надо.

Глумов (*истерично*). Воняет, воняет, воняет... (*Скис, заплакал.*)

Затемнение

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Гостиная и смежная с ней зала в доме Фаинушки. Здесь приглашенные на свадьбу гости: Редедя, Иван Тимофеевич, Прудентов, Очищенный, посаженные отцы — Перекусихин-первый и Перекусихин-второй. Фаинушка, в белом платье, в брильянтах и с флердоранжем, торжественно вводит Парамонова.

Перекусихин-первый, Перекусихин-второй (*вместе*). Онуфрий Петрович, господа.

Редедя. Благодетель наш!

Иван Тимофеевич. Онуфрий Петрович!

Все суетятся вокруг Парамонова.

Фаинушка (*усаживает Парамонова*). Сиди, папаша, здесь и не скучай. А я на тебя, на своего голубка, смотреть буду.

Парамонов. А где же жених?

Иван Тимофеевич. Сейчас явится.

Парамонов. Ах, голубь, голубь...

Отсутствие Балалайкина, видимо, производит на всех тягостное впечатление. Появляются Глумов и Рассказчик. Обстановка разряжается, и Иван Тимофеевич переводит внимание Парамонова на приятелей.

Иван Тимофеевич. Вот, Онуфрий Петрович, рекомендую! Сотрудники наши... Из дворян... Были заблудшие, а теперь полезными гражданами сделались.

Парамонов. Вот как! (*Вздыхает.*) Ах, голуби, голуби!

Фаинушка (*любезно улыбаясь, глядя на одного Глумова*). Где ж ты... вы заблудились?

Глумов целует ей ручку, Фаинушка незаметно сует ему записку.

Иван Тимофеевич. Нельзя сказать, чтоб в хорошем месте. Таковую чепуху городили, что вспомнить совестно.

Глумов и Рассказчик (*вместе*). Иван Тимофеевич, ведь пардон.

Иван Тимофеевич. Пардон, пардон! А теперь так поправились, как дай бог всякому! Вот, Онуфрий Петрович, представьте, какую они в видах благопристойности штуку придумали: чтобы при каждой квартире бесприменно два ключа иметь и один из них хранить в квартале!

Все раскрыли рты.

Прудентов (*поясняет*). Чтоб, значит, во всякое время пришел гость, что надобно, взял и ушел!

Перекусихин-второй. Ну а ежели действие происходит ночью?

Прудентов. Так что ж, что ночью? Обыватель проснется, докажет свою благопристойность — и опять уснет!

Иван Тимофеевич. Да еще как уснет-то!

Прудентов. Слаще прежнего в тысячу раз!

Все. Bravo, bravo!

Пармонов. Однако где же ваш жених? Заартачился?

Иван Тимофеевич. Не извольте беспокоиться, Молодкин за ним поехал.

Пармонов. Эх, голуби, голуби! Какую невесту ждате заставляете!

Глумов. Балалайки не подведет.

Рассказчик. Балалайки не подведет.

Очищенный. Не подведет. Недаром на его родовом девизе написано: «Прасковья мне тетка, а правда мне мать». Адвокатская практика задержала его...

Перекусихин-первый. Какая же практика в день свадьбы?

Пармонов. Ох уж эти аблакаты!

Появляется Молодкин, он явно встревожен.

Молодкин. Иван Тимофеевич!

Иван Тимофеевич (*гостям*). Прошу извинить.
(*Подходит к Молодкину.*)

Они шепчутся.

Глумов (*подходя к ним*). Что такое?

Иван Тимофеевич (*Рассказчику и Глумову*). Мерзавец-то! Не едет!

Глумов. Что же случилось?

Молодкин. Приехал я, а он сидит во фраке, в перчатках и в белом галстуке — хоть сейчас под венец! «Деньги!» — говорит. Отдал я ему двести рублей, он пересчитал, положил в ящик, щелкнул замком. «Остальные, говорит, восемьсот?» Я туда-сюда — слышать не хочет! И галстук снял, а ежели, говорит, через полчаса остальные деньги не будут на столе, так и совсем разденусь, в баню уеду.

Глумов. Да ты бы, голубчик, ему пригрозил: по данной, мол, власти — в места не столь отдаленные!

Молодкин. Говорил-с. Не действует.

Иван Тимофеевич. Вот ведь сквернавец какой! А здесь между тем расход. Кушанья сколько наготовили, посаженным отцам по четвертной заплатили, за прокат платья для Очищенного отдали... (*Вдруг.*) Друзья! Да что ж мы!.. Да вы... Ну что ж

такое! Что на него, невежду, смотреть! Из вас кто-нибудь... раз-два-три. Господи благослови! Ягодка-то ведь какая... видели?

Глумов. Не дело ты говоришь, Иван Тимофеевич. Рассказчик. Нет, не дело.

Глумов. Во-первых, Балалайке уже двести рублей задано, а во-вторых, у нас вперед так условлено, чтоб непременно быть двоеженству. *(Решительно.)* А в-третьих, я сейчас к нему сам поеду, и не я буду, если через двадцать минут на трензеле его сюда не приведу.

Иван Тимофеевич. Ну, с богом! *(Пожимает руку Глумову.)*

Перед тем как уйти, Глумов поманил Рассказчика в уголок.

Глумов *(вынимает из кармана бумажку)*. Смотри, что мне невеста вручила.

Рассказчик. Что это?

Глумов. Фантик с конфетки. *(Читает.)* «Любовь сладка, всему научит...» *(Отдает Рассказчику.)*

Рассказчик *(продолжает читать)*. «Коль кровь кипит, а сердце пучит, напрасно будем мы стеречься. Но прелестьми должны увлечься». Как же так, Глумов? А ты что? Может, тебе в самом деле жениться?

Глумов. Жениться? Нет уж, пусть Балалайкин женится. У меня тут другие виды. *(Подходит к Фаинушке, что-то шепчет ей на ушко. Парамонову.)* Ну, я побежал за женихом. *(Уходит.)*

Фаинушка *(Рассказчику)*. А вы что же стоите?

Рассказчик. Я?

Фаинушка. Вы. Идите к нам!

Рассказчик. Спасибо...

Фаинушка *(кивая на дверь, куда ушел Глумов)*. Это приятель ваш?

Рассказчик. Да, приятель.

Фаинушка. Какой смешной!

Рассказчик. Что так?

Фаинушка. Давеча я всего два слова сказала, а он уж и размок: глаза зажмурил, чуть не свалился... хоть бы людей постыдился!

Парамонов. Ах ты, голубь, голубь! А жениха все нет.

Иван Тимофеевич. Явится, Онуфрий Петрович, непременно явится.

Фаинушка. А у нас сегодня Полкан Самсоныч к фараонам уезжает.

Рассказчик. Сегодня?

Фаинушка. Да, отпразднуем свадьбу и провожать поедем.

Редедя. Заждался Араби-паша. *(Засыпает.)*

Рассказчик. А жалко вам его?

Фаинушка. Мне-то? Засыпает он уж больно часто. Надоел.

Рассказчик. А вам нужно...

Фаинушка. Ничего мне не нужно, а вот приятелю своему скажите, чтоб он за обедом подле меня сидел. Я хочу ему на ушко одно слово... *(Гостям.)* Господа, что же мы так сидим? Водочки! Милости просим закусить, господа! Не взъщтите! *(Хлопает в ладоши.)*

Лакеи вносят стол, все рассаживаются.

Перекусихин-первый *(отделившись от закусывающих, подошел к Фаинушке)*. Стало быть, полководец в поход уезжает?

Фаинушка. Да, к Араби-паше.

Перекусихин-первый. Значит, его квартирка освобождается? Вот кабы мне ее.

Фаинушка. Отдана!

Перекусихин-первый *(умоляюще)*. Фаина Егоровна...

Фаинушка. Да отстаньте вы от меня! *(Подходит к Рассказчику.)* Вы знакомы? Это наш посаженный отец Перекусихин-первый. А вот тот Перекусихин-второй. Тоже отец... посаженный.

Рассказчик. Очень приятно.

Фаинушка. Прошу садиться, господа!

К ней подходит Перекусихин-второй.

Перекусихин-второй *(вполголоса)*. Говорят, Полкан Самсоныч к фараонам уезжает.

Фаинушка. Да.

Перекусихин-второй. Вот кабы мне полководцеву-то квартирку!

Фаинушка. Отдана!

Перекусихин-второй. Кому?

Фаинушка. А вот это уже совершенно до вас не касается.

Перекусихин-второй. Значит, надежды никакой?
Фаинушка. Никакой. Отстаньте от меня!

Идут к столу. Фаинушка усаживается в центре, рядом с Пармоновым, по другую руку невесты пустой стул напоминает о странном отсутствии жениха.

Пармонов. ...Так нынче ягода дешева, так дешева — кому вредно и те едят! Ах, голуби, голуби!

Редедя. Рекомендую балык! В первоначальном виде в низовьях Дона плавал, думал, чай, про себя: я-ста! да мы-ста! А теперь он у нас на столе-с, и мы им закусывать будем. Янтарь-с. Только у Фаины Егоровны и можно встретиться с подобным сюжетом!

Пармонов. А что эти зулусы, как мы, едят? Или что свое?

Редедя. Нет, они по-своему. Осетрины не едят. Сардинок не едят, а вот змеи, скорпионы, летучие мыши — это у них первое лакомство!

Перекусихин-второй. Что вы говорите!

Пармонов. А что; в этой Зулусии... финансы есть?

Редедя. Настоящих финансов нет, а вроде финансов — как не быть!

Перекусихин-первый. И деньги, стало быть, чеканят?

Редедя. Чеканить не чеканят, а так делают. У них за место денег крокодильи косточки идут.

Прудентов. Что город, то норы, что деревня, то обычай. Вот ведь какую легкость придумали!

Иван Тимофеевич. А внутренняя политика у них есть?

Редедя. И внутренней политики настоящей нет, а есть оздоровление корней. Тут и полиция, и юстиция, и народное просвещение — все! Возьмут этак голубчика, где почувствительнее, да и не выпускают, покуда всех не оговорит.

Прудентов. И это легкость большая.

Пармонов. А жениха-то все нет...

Дверь отворилась, жандарм вводит Балалайкина, торжествующий Глумов замыкает шествие.

Очищенный. Вот он, явился!

Иван Тимофеевич. Вот и жених прибыл.
Парамонов. Ах, голубь, голубь!

Жандарм силой усаживает Балалайкина подле невесты. Никто не обращает на это внимания.

Балалайкин. Извините, господа, срочное дело обнаружилось.

Иван Тимофеевич. Ну, что там, ты теперь себя оправдал. Садись рядом со своей невестой.

Очищенный (*с бокалом в руке встает*). Позвольте мне как редактору «Красы Демидрона» провозгласить первый тост в честь жениха и невесты. Ура!

Все. Ура!

Пьют и закусывают. Рассказчик подошел к Глумову, они вместе вышли из-за стола и отошли в сторону.

Рассказчик. Послушай, Глумов, ведь она тебя на место Редеди прочит... В его квартирке жить будешь!

Глумов. Ну а ты при данных обстоятельствах как бы поступил?

Рассказчик. Но ты же поступаешь на содержание к соержанке!

За столом взрыв хохота.

Рассказчик. Послушай, Глумов!

Глумов. Нет, брат, это ты раскинь мозгами! Квартирка с отоплением! Пирог! Закуска! А сама хозяйка? А там, глядишь, еще и сам папаша Парамонов, пожалуй, в долю по банковским операциям возьмет! Нет, дорогой, от этого не отказываются!

Рассказчик. Выходит, оставляешь меня одного? Разве это по дружбе? Ты дезертир, Глумов!

Глумов (*твердо*). Решившись вступить на стезю благонамеренности, я иду прямо туда, куда никакие подозрения насчет чистоты моих намерений за мной не последуют. (*Подходит к столу, чтобы занять место странствующего полковнца.*)

Редедя падает на пол и засыпает. Торжествуя удачно слаженное дельце, столь выгодное для всех, за столом весело хохочут.

Рассказчик (*в зал*). Что же это? Оба мы одновременно перепоясались на один и тот же подвиг, и вот я стою еще в самом начале пути, а он, Глумов, не только дошел до конца, но даже получил

квартиру с отоплением. И все досталось не мне, добросовестному интеллигентному человеку, а ему... лишенному стыда и совести! Свинство какое! Поступил на содержание к содержанке! А я? Должен теперь весь процесс мучительного оподления проделать с начала и по порядку... На всякий шаг представлять доказательства и определенный документ! Где правда? Где справедливость?.. Что она, наша жизнь?

Очищенный. За здоровье молодых! Ура!

Молодкин. Здравие Онуфрия Петровича! Ура! Ура!

Иван Тимофеевич. Здравие жениха и невесты! Ура!

Очищенный. Горько!

Все. Горько! Горько!

Жених и невеста целуются.

Конец

1972

ПОЩЧИНА

*Пьеса в двух актах,
пяти картинах с прологом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Щеглов Иван Иванович, профессор-медик.

Щеглова Ольга Ильинична, его жена.

Алексей, их сын, фотокорреспондент.

Захарова Соня, аспирантка мединститута.

Лариса, студентка пединститута.

Чельцов Леонид Степанович, врач.

Скуратов

Огуренкова

Забродина

Бабаян

Костромин

} врачи, сослуживцы Щеглова.

Машенька, секретарь Щеглова.

Петрищев.

Премьера спектакля состоялась в июне 1974 года в Московском театре сатиры.

ПРОЛОГ

Клиника. По больничному коридору быстро идет пожилой человек в распахнутом белом халате и врачебной белой шапочке. Это профессор Щеглов. Он решительно входит в один из кабинетов, где за столом сидит и что-то пишет врач средних лет. Это доктор Скуратов. Скуратов поднимается навстречу вошедшему, и тот неожиданно, подойдя к нему, молча дает ему пощечину...

Затемнение

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Середина мая. Квартира профессора Щеглова. Иван Иванович Щеглов и Чельцов.

Чельцов. У тебя достоверные факты?

Щеглов. Что ж, по-твоему, я совсем сумасшедший?

Чельцов. А как он реагировал?.. Растерялся?

Щеглов. Я не обратил внимания.

Чельцов. И не поинтересовался, за что бьют?

Щеглов. Полагаю, догадался.

Чельцов. Вы были наедине?

Щеглов. Да. Он был один в кабинете. Я ударил его и вышел. Ты понимаешь, рука как-то сама поднялась... произвольно — бац! И точка! Пощечина!

Чельцов. Я тебя понимаю. Но ты не должен был...

Щеглов (*перебивая*). Леня, Леня, знаю! Знаю, что ты мне сейчас скажешь. Ты скажешь, что я должен был сдерживать себя? Спокойно и обоснованно составить заявление в партийное бюро? Потребовать создания комиссии для расследования неблагоприятных поступков доктора Скуратова?.. Всему свой черед. Бу-

дет и заявление, будет и комиссия. Будут, как ты понимаешь, и последствия. В том числе и для меня... А пока что я выразил свое отношение к его личности в прямом и переносном смысле. Вот так-то, Леонид Степанович... Никогда не знаешь, на что способен человек. Это я о себе говорю. Да и о нем тоже. Я ведь ему доверял, выдвигал его, подлеца!

Чельцов. Ты хочешь знать мое мнение?

Щеглов. Хочу. Говори!

Чельцов. Я разделяю твое возмущение, если все соответствует тому, что ты мне рассказал. Я могу тебя понять, однако раздавать пощечины — это не лучший способ разговора...

Щеглов. Спасибо, что разъяснил! Совершенно верно — не принято! Воспитание нам не позволяет! Высшее образование! Профессиональная и партийная этика! А мне вот на шестидесятом году жизни и интеллигентность позволила, и партийность не помешала!.. Да, да! Я готов за это ответить. Я не потерплю, чтобы больной, лежавший у меня на операционном столе, рассказывал потом своим друзьям и близким, сколько это ему стоило... Я, как ты понимаешь, имею в виду не физические и моральные страдания.

Чельцов. Разве ты оперируешь больных не по своему усмотрению?

Щеглов. Сложные случаи я, как правило, беру себе. Но бывает, что кто-нибудь из ординаторов просит меня лично прооперировать его больного. И я соглашаюсь. Оперировать. А теперь допустим, что к доктору Скуратову поступает больной, которому самим Скуратовым подбрасывается мысль, что хорошо бы, дескать, попасть в руки самого Щеглова! Ясно, что больной хватается за эту мысль. Скуратов обещает переговорить со мной и деликатно намекает больному, что было бы целесообразно в определенном смысле заинтересовать шефа. Больной согласен. Скуратов уговаривает меня. Я, ничего не подозревая, беру больного на операционный стол, а Аркадий Сергеевич Скуратов — гонорар!.. И я об этом понятия не имею!

Чельцов. Ну и устрица!

Щеглов. Причем, пока больной лежит на больничной койке, он ни о чем не думает, кроме своего здо-

ровья. Дело пошло на поправку, и он уже счастлив. Самое прекрасное — это чувство выздоровления. Но когда он возвращается домой и все уже позади, то все мы в его представлении уже не бескорыстные труженики, а вымогатели. Так сказать, эскулапы, берущие в лапы! Вот ведь что мерзко и обидно, Леонид. Ну, я и взорвался.

Чельцов. Знаешь, поедем завтра с нами на рыбалку! Поедем! Место преотличное! Посидим на берегу, отвлечемся... Сразу на душе легче станет. Поедем?

Щеглов. А что? Может, и в самом деле поехать? Транспорт есть?

Чельцов. У нас как раз в машине одно место свободное. Ланцов не едет.

Щеглов. Почему это твой Ланцов не едет?

Звонок в передней.

Чельцов. Жена забастовала. В прошлое воскресенье зашел к ним. Жена дома одна. Спрашиваю: «Где Петр Ефимович?» — «На рыбалке!» — отвечает. — «Где же ему быть, когда жена дома?» Я уж ей шуткой: «Что же, он вам в магазине рыбы купить не может?» А она в ответ: «Такой мелкой рыбы, как он с рыбалки приносит, в магазинах не бывает!» Не пустила и снасти спрятала!

Щеглов. Поеду!

Чельцов. Ну и отлично. Завтра в пять ноль-ноль мы за тобой заезжаем.

Щеглов. Буду готов. Действительно, надо как-то в себя прийти! А там видно будет...

Чельцов. Главное — выкинь все это сейчас из головы. Он ведь, подлец, сам никому не скажет про эту твою оплеуху. Будь уверен. Он сейчас сидит, трясется — ему уже приговор народного суда мерещится. Это я тебе точно говорю.

Щеглов. Ты так думаешь?

Чельцов. Не думаю, а уверен.

Из передней входит Щеглова.

Щеглова. Ваня! К тебе какой-то гражданин. Говорит, прилетел специально из Норильска.

Щеглов. Из Норильска? Почему домой?
Щеглова. Умоляет принять его. Примешь?
Щеглов. Из Норильска... Ну, пусть заходит.

Щеглова выходит.

Чельцов. Я не помешаю?
Щеглов. Сиди, сиди! Не помешаешь.

Входит Петрищев. Смушенно улыбается. В руках сверток.

Петрищев. Добрый день!

Щеглов. Добрый день!

Чельцов. Здравствуйте!

Петрищев. Здравствуйте... Вы уж меня извините. Я, так сказать, прямо к вам... на квартиру... Специально из Норильска прилетел... *(Не понимает, к кому обращаться.)* Дочку привез на консультацию. Глазик у нее...

Чельцов. Из Норильска прилетели на консультацию? Но там ведь у вас отличные медицинские силы? Я бывал у вас в Норильске.

Петрищев. Есть у нас специалисты. Есть...

Щеглов. В частности, мой ученик — Аронов Илья Борисович! *(Чельцову.)* Ты помнишь Илью? *(Петрищеву.)* Вы к нему обращались? Он смотрел вашу дочку?

Чельцов. Профессор вас слушает!

Петрищев. Мы как раз вот именно у Аронова и были!

Щеглов. Ну и что? Что он вам посоветовал?

Петрищев. Сказал — нужна операция.

Щеглов. В чем же дело? Он отказался оперировать?

Петрищев. Нет, не отказался. Говорит — пожалуйста! Сделаем!

Щеглов. Тогда я вас не понимаю. Он опытный диагност. Руки у него золотые!

Петрищев. Вы уж нас извините, профессор, мы дома посоветовались и решили показать девочку именно вам!.. Все говорят... только вы такие операции делаете наверняка... Вы лично оперировали в прошлом году одного товарища... Он у нас на металлургическом работает... директором столовой. Здоровый такой! Припоминаете?

Щеглов. Возможно, и оперировал. Не помню.

Петрищев. Так вот он нам и присоветовал попасть,

только чтобы именно к вам. А договориться, сказал, чтобы через Аркадия Сергеевича, доктора Скуратова, вашего помощника...

Щеглов. А почему через него? При чем тут доктор Скуратов?

Петрищев (мнется). Да вот так именно рекомендовал...

Щеглов. Договаривайте, договаривайте... (Указывая на Чельцова.) При нем можно. Он такой же врач, как и я.

Петрищев. Сказал, значит, что Аркадий Сергеевич, так сказать, в курсе... обеспечит все, как надо... во всех смыслах, значит... Мы, конечно, в свою очередь... сами понимаете, в долгу не останемся... Это уж как положено! Согласно договоренности...

Чельцов. Значит, в долгу не останетесь? Мы вас правильно поняли?

Петрищев. Точно. Точно. За нами не пропадало и не пропадет. Вы уж только со своей стороны не откажите!

Щеглов. Вы уже виделись с доктором Скуратовым?

Петрищев. Нет, не довелось. Сегодня в двенадцать ноль-ноль, согласно телефонной договоренности, прямо из аэропорта зашел в клинику, так его нигде не могли найти. Ушел, говорят, а куда — не дожился. Тут-то я и решил, чем время терять, прямо, непосредственно к вам наведаться! Адресок сам раздобыл...

Щеглов. Вижу. Хорошо. Раз вы уже прилетели, да еще из Норильска, я вас приму. В понедельник, в девять часов утра, прямо ко мне в клинику. Третий этаж. Там спросите меня. Как ваша фамилия?

Петрищев. Петрищев я! А дочку зовут Брижит!

Щеглов. Не понял. Как?

Петрищев. Брижит! Как Бардо! Девочка — и вдруг глазик! Косить стала!

Щеглов. Сколько ей лет?

Петрищев. Одиннадцать. В Норильске, конечно, есть специалисты... глазники и прочие... урологи... (Наклоняется, что-то достает из сумки.) Вот, извините, сувенир — северные умельцы... Мы, родители, сами понимаете... Хочется, чтобы как понадежнее,

как получше обеспечить, сколько бы ни стоило. Для родного дитя ничего не пожалею. Я сам-то по пушнине работаю... Край света! Но жить можно!

Чельцов. Жить, значит, можно? Ясно! Вы поняли? Профессор вас примет. В понедельник в клинике.

Щеглов (*зовет*). Оля! Оля! Вот возьми этого «северного умельца» и проводи товарища!

Появляется Щеглова, провожает Петрищева.

Петрищев. Если что не так... простите... лично-то вроде лучше... так я...

Щеглов (*Петрищеву*). До свидания!

Петрищев. Спасибо. (*В дверях.*) Век не забуду! И о себе память оставлю.

Щеглова выходит вслед за Петрищевым и вскоре возвращается со свертком.

Щеглов. Ясна механика?

Чельцов. Брижит Петрищева! Надо ж так назвать бедного ребенка!

Щеглова. Он оставил сверток. Мех какой-то.

Чельцов. Вот вам уже и авансик, профессор! Сувенир!

Щеглов. Олечка! Дашь мне этот сверток в понедельник. Я ему попытаюсь все объяснить своими словами! Вот так оно и делается!

Щеглова. Ваня, возьми недели на две отпуск и уезжай отдохнуть куда-нибудь. Леонид Степанович, вы бы на него повлияли!

Щеглов. Куда я сейчас могу поехать? Ничего, завтра на рыбалке отойду.

Щеглова. Ты что, собираешься на рыбалку?

Щеглов. Чельцов пригласил.

Чельцов. Верите, Ольга Ильинична, день проведешь на озере — и уже другой человек! Заряжаешься, как аккумулятор.

Щеглова. Опять не выспится!

Чельцов. Ляжет сегодня пораньше, а завтра в пять утра за ним заедем. До свидания. Не провожайте. (*Уходит.*)

Щеглов (*жене*). Спасибо тебе.

Щеглова. Может быть, действительно это тебя как-то отвлечет...

В комнату входит Алексей. В руках у него большие фотографии. Он раскладывает их перед отцом.

Алексей. А? Живописно?

Щеглов. Что это за портреты?

Алексей. Главный инженер домостроительного комбината товарищ Зайченко. Во всех ракурсах! Нравится?

Щеглов. Лицо как лицо.

Алексей. Папа, да я не про лицо, а про снимки! Один из них пойдет на обложку журнала. Лучший, конечно. Пока не отобрали.

Щеглов. За что он такой чести удостоился?

Алексей. Исключительно высокие производственные показатели. Вот за это его и на обложку! А я его снимал.

Щеглов. Делаешь успехи. Рад за тебя.

Алексей. Нравится? Да? *(Неожиданно.)* Отец! У меня к тебе один вопрос. Почему ты так настроен против Ларисы? У нее ко мне нет никаких претензий. Она вполне современный человек.

Щеглов. Я просто предостерегаю тебя, так сказать, «сигнализирую», а там решай сам. Ты не боишься и ей жизнь искалечить и себе?

Алексей. Все-таки — что тебе не нравится в наших отношениях? У нее характер легкий. И это мне не мешает.

Щеглов. Ты собираешься сделать ее подружкой жизни? Спутницей!

Алексей. Отец! На сегодняшний день она моя подруга. И мне странно, что ты все так близко к сердцу принимаешь! Мы ведь не дети! Мы вполне самостоятельные, взрослые люди.

Щеглов. Поверь, я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, хотя, пока мы живем под одной крышей, нет ничего удивительного в том, что я небезразличен к твоим делам. Нам с мамой кажутся твои отношения с Ларисой, ну, как бы тебе сказать... слишком примитивными.

Щеглова *(подходит к сыну, дает ему стакан молока, гладит голову).* Я еще могу понять порывы страсти, увлечение, когда человек теряет голову, делает

глупости, ломает жизнь наперекор всему... но лягушечьи отношения?.. Если нет настоящей любви, то зачем тогда?.. Грустно все это!

Алексей (*немного иронически осматривает родителей, фотографирует их*). Ладно... Все будет о'кей!

Щеглов. Пока о'кей, а потом гудбай!

Щеглова. Алеша! Разве ваша поездка на юг не напоминала свадебное путешествие?

Алексей. Мама, сколько можно говорить об этом? Просто я был в командировке от журнала, а она от киностудии. Я снимал, она снималась. Как поехали, так и приехали. Ничего не изменилось.

Щеглов. Она всерьез решила стать актрисой?

Алексей. Она получила роль в новом фильме. Она хорошенькая и, наверно, не без способностей, раз на ней остановились.

Щеглов. Но ведь она, кажется, училась в педагогическом?

Алексей. Взяла академический отпуск.

Щеглов. Может быть, ей действительно лучше стать актрисой?

Алексей. Время покажет. Может быть...

Щеглова. Только бы это не привело к несчастному браку. Лариса даже не представляет себе семейную жизнь. У нее нет ни чувства терпимости, ни чувства долга. Что она ищет в жизни? Только поклонения, ничего не предлагая взамен миловидного личика и стройной фигурки?

Щеглов. Это тоже немало!

Щеглова. Ваня, я серьезно говорю. А быть актрисой — трудиться надо, а у нее, может, и есть способности, но она не трудолюбива. А потом — сниматься в кино можно без всякого образования. Даже грудные дети могут сниматься.

Щеглов. Собаки тоже... Вот Джульбарс был прекрасным артистом.

Щеглова. Я тебя прошу, Ваня! Раз в жизни поговори серьезно со своим сыном!

Щеглов. Алексей, когда ты наконец сбросишь бороду?

Алексей. Папа, что это ты вдруг, ни с того ни сего, о моей бороде вспомнил?

Щеглова. Не идет она тебе. Ты похож на семинариста из Загорска.

Алексей. А почему не твой любимый Тургенев, папа? Или на Фридриха Энгельса в молодости?.. Ну ладно, я пойду. *(Уходит.)*

Щеглова. Их отношения далеко зашли.

Щеглов. А он их не скрывает.

Щеглова. Чем все это кончится?

Щеглов. Что ты имеешь в виду? Их отношения?

Щеглова. Нет, сейчас уже о другом. Я сейчас уже о Скуратове. Сколько ты для него сделал! Выдвигал его, доверял ему, называл своей правой рукой.

Щеглов. Ну, обманулся. Обманулся.

Щеглова. И все это в канун твоего юбилея!..

Щеглов. Все! Чем кончится, тем кончится! Дай выпить, что ли? Поднесешь?

Щеглова. Поднесу. *(Хочет уйти.)*

Щеглов *(ловит ее за руку)*. Оля! Я тебя очень люблю!

Щеглова. Главное — не падать духом. Вот ты падаешь духом, а у меня все валится из рук. *(Заплакала.)*

Входит Алексей.

Алексей. Отец! Странное явление!

Щеглов. Что такое?

Алексей. Твой Аркадий Сергеевич Скуратов собственной персоной. Какой-то у него вид побитый. Как будто первый раз в дом приходит. Просит узнать, примешь ли ты его.

Щеглов *(жене)*. Кто его звал?

Щеглова. Поговори с ним, может быть, что-нибудь прояснится.

Щеглов. И так все яснее ясного.

В комнату входит Скуратов.

Затемнение

Из затемнения луч на Скуратова и Щеглова.
Свет. Клиника. Разговор среди врачей.

Костромин. Серафима Петровна, я хочу с вами посоветоваться.

Огуренкова. Я вас слушаю.

Костромин. У нас в третьем отделении лежит некая Павлова... Она дочка большого чиновника из министерства какой-то промышленности. Они просят, чтобы оперировал только сам Щеглов.

Подходит доктор Забродина.

Забродина. Добрый день. Ну так что?

Огуренкова. Что?

Забродина. Ну на картину-то вы пойдете?

Костромин. Какую картину?

Забродина. Давно висит объявление. Местком подал коллективную заявку на художественный фильм «Анатомия любви». Костромина, конечно, записываю.

Костромин. Я уже видел.

Забродина. Ну и как?

Костромин. Любовь есть, анатомии нет.

Огуренкова. А меня запишите обязательно. Нужно быть в курсе!

Забродина. Записываю. Вы сегодня прелестно выглядите, Серафима Петровна! (*Вошедшему Бабаяну, прикуривая.*) Благодарю вас.

Забродина уходит. Бабаян садится в кресло.

Костромин. Они просят, чтобы оперировал только сам Щеглов. А к нему теперь не подступись — не так воспримет. Прямо не знаю: как быть?

Огуренкова (*замечает Бабаяна*). Надо это дело пустить по официальным каналам. Подготовьте медицинское заключение и направление... а там посмотрим... (*Уходит.*)

Костромин (*подходит к Бабаяну*). Говорят, у Ивана Ивановича с Аркадием Сергеевичем произошел крупный разговор. Ты не знаешь, в связи с чем? Странно, Иван Иванович всегда его так поддерживал, а тут — на тебе...

Бабаян. Ну а что ты думаешь о Скуратове?

Костромин. А ты?

Бабаян. Способный человек... На все способный...

Затемнение

Свет. Квартира Щегловых. Щеглов и Скуратов.

Скуратов. Иван Иванович! Разрешите на минутку?
Буквально на одну минутку! Я вас не задержу.
Очень прошу...

Щеглов (*сухо*). Что вам угодно?

Скуратов. Нам необходимо объясниться.

Щеглов. Если вы будете оправдываться, я слушать вас не стану.

Скуратов. Никаких так называемых взяток я не брал. Все это чистый оговор, если не простое недоразумение. Нет, нет! Я не скрою — меня благодарили. Как, впрочем, благодарят многих из нас. Может быть, в отдельных случаях эта благодарность превышала некоторые этические нормы. Возможно. Вероятнее всего, это так. И, к сожалению, это несколько раз совпадало с тем, что моего больного вы брали себе. И оперировали его, не скрою, по моей просьбе.

Щеглов. По вашей настоятельной и зачастую малообоснованной просьбе.

Скуратов. Но я настаиваю на том, что в целом ряде случаев... Ну хорошо! Итак, я, с вашей точки зрения, оказался морально нечистоплотен. Вы пришли к этому выводу, и в состоянии аффекта, я не могу иначе квалифицировать ваше состояние, в котором вы ворвались в мой кабинет... в состоянии аффекта вы ударили меня по лицу.

Щеглов. Нет, я дал вам пощечину. Это будет точнее.

Скуратов. Иван Иванович! Поймите меня правильно. То, что произошло между нами, если это станет достоянием общественности, коснется не только меня одного.

Щеглов. Безусловно. А иначе быть не может.

Скуратов. Но ведь то, что произошло, может не стать достоянием общественности! Остаться между нами двоими! Никто не видел. Вы вышли из моего кабинета и, никуда не заходя, уехали домой. Пусть же это умрет между нами. Я переживу вашу пощечину, а вы...

Щеглов (*перебивая*). А я должен стать вашим сообщником? Так, что ли? Я что, должен скрыть вашу подлость?

Скуратов. Иван Иванович! Дело даже не в подлости, которая к тому же при ближайшем рассмотрении,

может быть, и не такая уж подлость... Дело совсем в другом.

Щеглов. Что же вы от меня хотите?

Скуратов. Хочу, чтобы вы, что ли, как шахматист, спокойно и трезво оценили обстановку, взвесили все «за» и «против» разглашения этого инцидента. Я имею в виду не саму пощечину, ибо я лично первым не собираюсь об этом заявлять, а те обстоятельства, которые вынудили вас мне ее нанести. Допустим, вы, как говорится, ставите вопрос на по-па. Допустим, обо всем, что вы знаете, доводите до сведения начальства, министерства... Дело доходит до райкома. Что за этим следует? Разбирательство. Как это оборачивается? Доброжелателей у меня, вы сами понимаете, как у каждого, кто что-то из себя представляет... Меня выдворяют из кандидатов в члены партии, горит все: диссертация, меня увольняют с работы, не исключено — возбуждается уголовное дело. Я — погиб. Но при всем этом как выглядите вы, Иван Иванович? Вы! Уважаемый человек, руководитель кафедры! Член партии бьет по лицу нижестоящего сотрудника, своего ассистента. По лицу! При исполнении служебных обязанностей — я писал историю болезни. Иван Иванович Щеглов — Аркадия Сергеевича Скуратова! Наставник — ученика. Ученика, которого он сам не раз ставил в пример многим, выдвигал, ну, и так далее и тому подобное...

Щеглов. Прекратите эту комедию.

Скуратов (*продолжает*). Зачем вам все это? Зачем? Ради правды и справедливости? А вы поглядите повнимательнее вокруг себя. Где вы видите эту правду и справедливость? Доктор Машина в первый раз собралась в туристическую поездку во Францию, а вместо нее поехала доктор Забродина, эта выскочка с ясным общественно-политическим лицом. А история с диссертацией Маятникова? Вот она, ваша правда и справедливость! Все хвалили, а как дело дошло до голосования, так завалили! Вот она правда и справедливость! Простите меня, но мне обидно за вас лично. Вы вот дожили до своего шестидесятилетия, а за науку у вас только один орден. Я не говорю о военных наградах... А много ли раз вы были за рубежом? Раз-два — и обчелся, да и

то... сами знаете где! Зато Веревкин, без году неделя кандидат, пол-Европы обскакал, потому что у него связи где-то там, в министерстве. Вот она, ваша правда и справедливость! Разве я неправ?

Щеглов. Я не желаю вас больше слушать!

Скуратов (*мягко*). Иван Иванович! Дорогой мой учитель! Просто вы честнее, вы чище многих, с которыми вы каждый день общаетесь, которых вы поддерживаете, рекомендуете, которым пожимаете руки и за которых голосуете на ученом совете, на собраниях... Уверяю вас! Вы просто добрейший, милейший, несовременный вы человек! И то, что для одних норма, то для вас нонсенс. Я предлагаю вам мировую! Между нами ничего не было. А я со своей стороны обещаю: никогда не дам вам повода краснеть за меня... И кто старое помянет, тому глаз вон!

Щеглов. Вон!

Скуратов. Иван Иванович!

Щеглов. Сию минуту вон!

Скуратов. Ну, ударьте меня еще раз, ну, прокляните, но не гоните вон!

Щеглов. И запомните — я больше вас знать не хочу!

Скуратов (*растерянно*). Как это глупо... Глупо и недалековидно. (*Уходит.*)

Входит Щеглова.

Щеглов. Оля, если бы я родился на сто лет раньше, я наверняка был бы убит на дуэли...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Середина мая. Кабинет Щеглова в клинике. Щеглов что-то пишет. Входит секретарь партийной организации Огуренкова.

Огуренкова. Иван Иванович, можно?

Щеглов. Да, пожалуйста.

Огуренкова. Иван Иванович, вы утверждаете, что дали доктору Скуратову пощечину?

Щеглов. Я же уже заявил об этом. Или у вас есть основания сомневаться?

Огуренкова. Доктор Скуратов категорически это отрицает. Он признает, что между вами состоялся

разговор, неприятный для него разговор и к тому же в повышенных тонах, но то, что вы его ударили, он категорически отрицает.

Щеглов. Серафима Петровна, я дал ему пощечину! Да! Признаюсь и не скрываю.

Огуренкова. Честно говоря, я даже представить себе не могла, что вы вообще способны кого-нибудь пальцем тронуть.

Щеглов. Вот как мы еще плохо друг друга знаем. В детстве я был отчаянным драчуном.

Огуренкова. Я уже десять лет с вами работаю. За десять лет совместной работы с вами я привыкла к резкости, прямоте вашего характера. Однако не думала, что она когда-нибудь так проявится. Надо же было довести вас до такого срыва! Как же теперь быть? Вы заявляете, что ударили его, а он категорически отрицает.

Щеглов. Я готов ответить за свой срыв. И готов нести ответственность. На аплодисменты я не рассчитываю.

Огуренкова. Как райком посмотрит...

Щеглов. Серафима Петровна, да разве в этом дело? Пощечину получили все мы. Щека горит и у меня!

Огуренкова. Во всяком случае, для меня ясно одно: вопрос надо ставить со всей остротой... вопрос надо рассматривать по существу. А там уж... Одним словом, посмотрим. Дело это неприятное. Скуратов должен защищать диссертацию. Вы его руководитель. В декабре ваше шестидесятилетие. Все одно к одному.

Щеглов. Я понимаю. Понимаю. Ну, что поделаешь... Серафима Петровна, как вы думаете, могу я как коммунист пройти равнодушно мимо поведения доктора Скуратова, как бы я его в свое время ни поощрял и ни поддерживал? Но и сам я, конечно, повел себя далеко не лучшим образом... Раздавать пощечины — не способ вести разговор... Но теперь назад эту оплеуху уже не вернешь.

Огуренкова. Скуратов категорически отрицает рукоприкладство.

Щеглов. Ему стыдно признаться. В прошлом веке за пощечину вызывали на дуэль.

Огуренкова. А в нынешнем....

Щеглов. На партийное бюро. Преимущество века!

Огуренкова. Мы назначим партбюро на восемнадцать часов.

Щеглов. Я только домой съезжу, пообедаю и тут же вернусь.

Входит секретарь Машенька.

Что, Машенька?

Машенька. Иван Иванович, вас дожидается Захарова.

Щеглов. Это какая Захарова? Напомните...

Машенька. Аспирантка. Вы назначили ей на среду в двенадцать. А она пришла сегодня. Нервничает, ждет и не уходит.

Щеглов. По какому она вопросу?

Машенька. По личному. Я просила уточнить. Говорит: «По сугубо личному делу». В среду, говорит, будет уже поздно.

Щеглов (*смотрит на часы*). Не могу. В шесть часов партийное бюро. А я хотел еще домой заехать.

Машенька. Иван Иванович, она очень просит, чтоб вы сегодня ее приняли, говорит — безотлагательно важно.

Щеглов. Ну хорошо! Раз это ей безотлагательно важно, пусть заходит. Приглашай!

Машенька уходит. Входит Захарова.

Соня. Добрый день!

Щеглов. Здравствуйте!

Соня. Вы извините меня, пожалуйста. Я понимаю, что пришла не вовремя. Но в среду уже может быть поздно. А вы мне назначили на среду в двенадцать...

Щеглов. Так. Я слушаю вас. У вас ко мне какое-то дело? Присаживайтесь. Чем я могу быть вам полезен?

Соня. Видите ли... Я аспирантка кафедры педиатрии. Мой научный руководитель — доцент Пекарский.

Щеглов. Сергей Альбертович? Знаю такого. Серьезный у вас шеф.

Соня. Но дело не в этом. (*Мнется.*) Просто я не знаю, с чего начать.

Щеглов (*сочувственно*). Прежде всего не надо волноваться. Скажите, как вас зовут? Садитесь.

Соня. Соня...

Щеглов. Ну вот и хорошо. Стало быть, Соня, у вас ко мне дело личного характера? «Сугубо личное», как мне передали? В чем же оно заключается? Чем я могу вам помочь?

Соня. Иван Иванович! Моя фамилия Захарова. Она вам что-нибудь говорит?

Щеглов (*вспоминает*). Захарова... Захарова... Вы имее-те какое-нибудь отношение к семье генерала Заха-рова Петра Михайловича?

Соня. Нет. Не имею. Но вы когда-то знали мою маму. Во время войны.

Щеглов. Вашу маму?

Соня. Да, Анну Александровну Захарову. Медицинскую сестру.

Щеглов. Анну Александровну? Аннушку?.. Мы были большими друзьями... Четыре года в одном госпи-тале... Бог ты мой, сколько же лет мы не виде-лись?.. Как она? Где она?

Соня (*тихо*). Мама умерла в феврале этого года.

Щеглов. Сердце?

Соня. Сердце. Спасти было невозможно.

Щеглов. Сколько же ей было лет?

Соня. Шестьдесят три. Вы меня извините, я вас, навер-но, задерживаю? Я сейчас...

Щеглов. Нет... Нет... Вы даже не представляете, как я рад, что вы пришли ко мне и мы с вами познако-мились. И я постараюсь вам помочь, если только смогу. Только не волнуйтесь. Дайте мне вашу лапу. И рассказывайте все ваши беды.

Соня. Я пришла к вам за помощью... Сейчас самое главное... Может быть, я не должна была к вам приходиться... Скорее всего... Но произошло то, что может сломать всю мою жизнь, и не только мою... И только вы можете, наверное, что-то еще сделать.

Щеглов. Я не совсем еще понимаю: о чем вы говори-те?

Соня (*волнуясь*). Я понимаю, вы честный, принци-пальный. Помогите же мне... и ему... Я люблю его!

Щеглов. Кого?

Соня. Аркадия!

Щеглов. Какого Аркадия?

Соня. Доктора Скуратова. Я не защищаю его. Он вино-ват. Он очень виноват. Но он раскаивается, он глу-

боко раскаивается. Если его будут судить, если его исключат из партии, он пропадет. Он очень самолюбивый, очень ранимый. У него масса недостатков, но ведь он талантливый врач. Вы сами говорили ему это. Он виноват... и если теперь все рухнет — всему конец. Через полгода мы уедем из Москвы, будем вместе работать... А сейчас помогите! Прошу вас!

Щеглов. Я ничего не могу сделать! Уже поздно...

Соня. Вы все можете. Вас все уважают. Он уже заявил, что никакой пощечины не было. А она была. Я знаю. И как он у вас дома был, и как вы его приняли. Он мне все рассказал. Простите его.

Щеглов. Я ничего не могу сделать.

Соня. Ради моей мамы... помогите мне. Я ваша дочь!

Улица. Щеглов и Соня продолжают разговор, начатый в клинике.

Соня. Когда мама умерла, в ее бумагах я нашла конверт с фотографией. На конверте ваш старый адрес: «Красноармейская, пятнадцать, квартира восемь». Вы там раньше жили. Мама почему-то не отправила вам письмо, но сохранила его. На оборотной стороне фотографии маминой рукой надпись: «Нашей Сонечке два года. Июнь 1947 г.».

Щеглов. Я ничего не знал... Ровным счетом ничего... Мы с Аннушкой очень любили друг друга. Зимой сорок четвертого она оставила меня, уехала неожиданно, так мы и не попрощались... За все эти годы она ни разу не напомнила о себе. Я подумаю, что можно сделать... Подумаю... Позвони мне домой. Нет. Нет! Зайди ко мне...

Соня. К вам домой?

Щеглов. Да... Дома я все объясню. Меня должны понять. Нельзя еще и это скрывать!..

Клиника. Кабинет Щеглова. Телефонные звонки. Машенька подходит к телефону.

Машенька. Да! Кабинет профессора Щеглова. В шесть часов.

Бабаян (входя). Машенька, что, никого еще нет? Машенька (в трубку). Он будет в шесть часов. (Ба-

баяну.) Ашот Сергеевич, вы, как всегда, на пятнадцать минут раньше. (Звонок.) Алло!.. Нет, в шесть часов.

Костромин (входя). Никого еще нет?

Машенька. Нет. В шесть часов собираются. (Уходит.)

Костромин выходит. Входит Забродина.

Забродина. Что, еще никого нет? (Бабаяну.) Вы престельно выглядите сегодня.

Бабаян. Побрился.

Забродина. Хочу показать фотографию. Площадь Сен-Лазар, где наша группа останавливалась в Париже. (Показывает.)

Бабаян. О, Франция!

Костромин (входя). Светлана Петровна, так что вы начали рассказывать про эту Шарлотту?

Забродина. Не про эту Шарлотту, а про Шарлотту Корде, убившую Марата. Когда ее казнили, ее голова упала в корзину гильотины. Палач Сансон — он принадлежал к династии потомственных парижских палачей — достал из корзины отрубленную голову и за Марата дополнительно дал ей пощечину.

Входит Машенька с бумагами и графином воды. Наступает неловкое молчание. Машенька выходит из комнаты.

За оскорбление личности казненной палач Сансон был разжалован.

Костромин. Что вы хотите этим сказать?

Забродина. А то хочу сказать, что наказывать надо, но не унижая. А у меня впечатление, что наш уважаемый профессор Щеглов унизил Скуратова.

Бабаян. Которому следовало отрубить голову. Я вас правильно понял?

Костромин. Не было никакой пощечины. Я деликатно спросил у Скуратова — он отрицает.

Забродина. А что же тогда было?

Костромин. Сегодня узнаем, если нам доложат. Слухи разные ходят.

Забродина. Я вообще не понимаю этой материальной заинтересованности... в отношениях с больны-

ми. Я так даже цветов от больных не беру. Кстати сказать, как мой учитель профессор Волков, который на двери своего кабинета начертал объявление: «С цветами и пакетами не входить!»

Костромин (*Бабаяну*). Ашот, а ты что думаешь по этому поводу?

Бабаян (*не сразу*). Что я думаю по этому поводу? Однажды я получаю извещение о посылке. Пошел на почту. Вручают ящик килограмм на восемь. Открываю — дары природы! Тут тебе и грецкие орехи, и чучхела, и мандарины. И вдобавок бутылка «Твиши». Отправитель — некий Гвасалия из Тбилиси. Кто такой? Вспоминаю...

Костромин. Вспомнил?

Бабаян. Я его отца года полтора назад оперировал.

Забродина. А как вы поступили с посылкой?

Бабаян. Ну а как я, по-вашему, должен был поступить? Вы бы, конечно, вино — в унитаз, а остальное — в мусоропровод! А я — на стол! Друзей угостить! Ко мне как раз в этот день друзья нагрянули. Все остались весьма довольны. Не обижусь, если такой случай повторится. Но зато, когда я этого грузина случайно в Москве встретил, я его по-московски угостил в «Арагви»! (*Серьезно.*) И вот что я вам скажу: дело не в цветах, не в духах и не в бутылке вина за рубль восемьдесят...

Забродина. А в чем же дело, Ашот Сергеевич, поясните, пожалуйста?!

Бабаян. Хорошо! Вы лечили больного. Вы вернули ему зрение, спасли жизнь, допустим, дали ему свою кровь... Вы делали это, естественно, бескорыстно, по долгу врачебной совести, не рассчитывая на специальное вознаграждение. Его выздоровление и было для вас вознаграждением!

Забродина. Вот и я так полагаю!

Бабаян (*продолжает*). За время своей болезни иной больной становится для вас близким человеком, вы думаете о нем и на работе и дома. И, прощаясь с вами, он не хочет обойтись простым рукопожатием и, если вы женщина, дарит вам букет цветов, коробку конфет или флакон духов, а если вы муж-

чина, преподносит ту же бутылку вина со словами: «Доктор, выпейте за мое здоровье!» Это, как вы понимаете, совсем не обязательно, но так понятно, когда это делается от души, от всего сердца. Нельзя человека лишать чувства благодарности. На мой взгляд, все это допустимо, закономерно. Все дело в чувстве меры и такта. Но вот ежели больному, которому, скажем, предстоит серьезная операция, заранее ставится условие и даже обуславливается цена, которую он должен будет заплатить, вот это, простите меня, вымогательство!

Забродина. За это судят! Ашот, стало быть, вы считаете, что доктор Скуратов занимался вымогательством? Этому есть доказательства?

Костромин. Никто точно не знает. Слышали, будто какой-то персидский ковер там фигурирует, какая-то путевка в санаторий...

Забродина. Да, я тоже слышала про персидский ковер, только он будто вовсе не персидский, а самый простой. И не подарили ему, а он его купил через больного, который работает в коммиссионном магазине. А если это не подтвердится?

Костромин. Так или иначе, а разбираться нам придется, поскольку есть заявление Ивана Ивановича. *(Бабаяну.)* А с тобой, Ашот, я в принципе согласен. Не нужно быть ханжой и формалистом.

Квартира Щегловых. Щеглов и Щеглова.

Щеглова. Ты меня звал?

Щеглов. Нет. А что?

Щеглова. Мне послышалось. Тебе обязательно идти на партбюро?

Щеглов. Да!

Щеглова. Как ты себя чувствуешь?..

Щеглов. Да так... как-то устал... Оля... Ты помнишь, осенью сорок четвертого я приезжал с фронта к вам в Челябинск?

Щеглова. Помню. Почему ты об этом спрашиваешь? Странно. И я почему-то тоже хорошо запомнила эти три дня... Ты был рядом, был ласков и добр, а у меня было жуткое предчувствие, что, как только ты уедешь, мы с тобой расстанемся навсегда. Вот такая глупость. Ждала твоих писем, а ты писал

редко. Но зато в каждом письме было: «Жив, здоров, люблю, помню. Твой муж — фронтовой лекарь Иван Щеглов».

Щеглов. Оля! Мне нужно сказать тебе важное...

Затемнение

Затем продолжение разговора.

Щеглова. Почему ты тогда не сказал мне об этом?..

Щеглов. Я не смог этого сделать.

Щеглова. Легче было бы сказать правду, чем лгать.

Щеглов. Я не лгал. Я молчал.

Щеглова. Почему?

Щеглов. На войне каждый день мог оказаться для меня последним. А мне хотелось остаться в твоей памяти таким, каким ты меня знала, каким любила.

Щеглова. Ты был с ней счастлив?

Щеглов. Да. Я был счастлив.

Щеглова. Как вы расстались?

Щеглов. Зимой сорок четвертого. Она ушла неожиданно, оставив записку: «Я ушла совсем. Ты должен вернуться в семью».

Щеглова. И вы больше никогда не виделись?

Щеглов. Нет. Никогда. А теперь ты знаешь, что у меня есть дочь. Надеюсь, ты веришь мне, что я ничего не знал? Это было для меня неожиданностью...

Щеглова. Скажи, а ты не думал тогда о том, чтобы уйти от нас совсем, от меня и от Алешки? Почему ты молчишь?

Затемнение

Кабинет в клинике. Заседает партийное бюро.

Огуренкова. Не вижу ни Ивана Ивановича, ни Аркадия Сергеевича!

Скуратов. Я здесь!

Огуренкова. Сорокин в отпуске. Олег Николаевич в командировке. Варенцова срочно вызвали на консультацию. Нет только профессора Щеглова, остальные все в сборе. Может быть, начнем?

Костромин. Как же без Щеглова?

Бабаян. Курить можно?

Огуренкова. Да, пожалуйста. Машенька, позвоните, пожалуйста, на квартиру Щеглова. Спросите, вы-

ехал он или нет. Я пока доложу суть дела. Зачитаю поступившее от Щеглова заявление, введу вас в курс дела. А Иван Иванович тем временем подъедет.

Вбегает и застывает у двери Машенька. Огуренкова выходит из комнаты. Слышен телефонный звонок. Пауза. Затем возвращается Огуренкова.

(Срывающимся голосом.) Товарищи, как быть? Надо посоветоваться... Иван Иванович не может приехать. У него инфаркт!

Затемнение

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира Щегловых. Щеглова и Алексей.

Щеглова. Готовь встречный марш!

Алексей. Есть встречный марш!

Щеглова. Алеша, это не очень громко?

Алексей. Конечно, очень! Это же встречный!

Щеглова. Ты помнишь, что отцу разрешили вставать сегодня первый раз? Всего на пятнадцать минут.

Сделай так, чтобы ему было приятно, а не тебе!

Алексей. Вам понравится, мама!

Щеглова. Сегодня Соня обещала приехать.

Алексей. Да? Очень мило с ее стороны.

Щеглова. Она что-то давно к нам не навевывалась.

Алексей. Занята.

Щеглова. А вы не поссорились?

Алексей. Нет.

Щеглова. Ты ее ничем не обидел?

Алексей. Допрос?

Щеглова. Нет, вопрос!

Алексей. Мама, давай сейчас не будем углублять эту тему.

Щеглова. Алеша, я же вижу, с тобой что-то происходит. Скажи, в чем дело.

Алексей. Ничего.

Щеглова. Мне это безразлично. В чем дело? Скажи.

Алексей. Трудновато, мама! Трудновато, знаешь, привыкнуть к наличию взрослой сестры, которую

никогда до этого не видел. И вообще — лучше бы этот «тайный плод любви несчастной» развивался где-то на стороне и не объявлял о своем существовании.

Щеглова. Как ты зло говоришь!

Алексей. Мама! Я достаточно взрослый человек, чтобы иметь о некоторых вещах свое собственное суждение. Ты думаешь, я не понимаю, что тебе самой было не так просто примириться со всем этим... и думаю, что, если бы не болезнь отца, ты поступила бы иначе.

Щеглова. Алексей Иванович, сколько вам лет?

Алексей. Очень много.

Щеглова. Очень много и еще больше я горжусь твоим отцом, и я счастлива, что я его жена.

Алексей. Незачем было вводить ее в наш дом, в нашу семью. Объявилась — и объявилась. А могла бы и не объявляться.

Щеглова. Почему такой тон? Алеша, ты Соню напрасно осуждаешь. В том, что она открылась отцу, нет ничего удивительного. Она это сделала ради любимого человека...

Алексей. Ради любимого подлеца...

Щеглова. Что она тебе сделала плохого? Чем она тебе мешает? Я не понимаю.

Алексей. И не поймешь.

Щеглова. Глупый... *(Слышит шаги.)* Давай!

Алексей включает проигрыватель. Марш. Обстановка торжественности. Алексей готовится сделать снимок. Входит Чельцов, за ним — Щеглов.

Алексей *(делает знак: «Внимание»)*. Ап! Хорошо! Ап!
(Фотографирует.)

Щеглова пытается поддерживать мужа.

Щеглов. Оля, не поддерживай, я еще не научился ходить. *(С цветком в руке, «в танце» подходит к креслу, садится.)*

Звонок.

Сонечка приехала!

Входит Соня. Алексей выходит из комнаты, как бы демонстрируя свою неприязнь к Соне.

Соня. О, что я вижу? Начало уже положено!

Щеглов. Не положено, а поставлено на ноги!

Чельцов. Ну, что можно сказать? Молодцом! Впереди еще трудный путь, но победный.

Щеглов. Слышишь, Олечка? Победный! Запомни все, что он скажет.

Чельцов. А теперь что? Режим сна, режим движения, режим питания и даже режим развлечений. Телевизор смотришь?

Щеглова. Нет. Я пока не разрешила.

Чельцов. Телевизор не исключаю. Однако что смотреть? Всякие там детективы, военные фильмы, футбол и хоккей с шайбой противопоказаны. Рекомендую: «Клуб кинопутешествий», «В мире животных» и «Спокойной ночи, малыши»...

Щеглов. Особенно полезно «Спокойной ночи, малыши»...

Алексей (*входя*). Да вот! Вы читали? В Америке в обезьяннике установили телевизор, и за неделю обезьяны втянулись, и выяснилось, что у них появились свои любимые передачи.

Щеглов. Какие же?

Алексей. Не знаю. Там точно не написано, но думаю, как и у всех, какие-нибудь американские «Семнадцать мгновений».

Чельцов. И если говорить серьезно, то подальше от сильных эмоций.

Щеглов. Леня! Где их взять?

Чельцов. Возраст человека — это не его паспорт, а состояние его сосудов. Человек не бережет, а угнетает свою нервно-сосудистую систему.

Щеглов. Леня, я теперь решил жить по формуле «все до лампочки». И если уж без сильных эмоций — спокойной ночи, малыши!

Щеглова и Чельцов выходят. Щеглов задерживает Сою.

Соня, посиди со мной. Не уходи. Соня, от меня все всё скрывают. Где Скуратов?

Соня. Отец, не надо об этом.

Щеглов (*настойчиво*). Надо!

Соня. Не надо.

Щеглов. Очень надо!

Соня. Он уволился по собственному желанию и уехал на Украину.

Щеглов. Один, без тебя?!

Соня. Он женился...

Щеглов. Женился?.. А мое заявление? Разбирали его на партийном бюро?

Соня. Да. Ему поставили на вид!

Щеглов. Я вижу, моя болезнь ему помогла...

Соня. И тот человек, на дочери которого он женился... Куда-то звонили, и все уладилось... И хватит об этом.

Щеглов. Всех... всех устраивает моя болезнь. Ну что ж... А мы еще поживем, и, главное, без сильных эмоций. Включи проигрыватель.

Соня включает проигрыватель. Входят Щеглова и Чельцов.

Чельцов (*Щеглову*). Дай пульс. Хорошо. Наполненный. Главное, контролируй сам себя — и проживешь еще сто лет. Не до ста, а еще сто! Я не оговорился. Говорят, кит живет пятьсот лет, щука — триста, сокол — почти двести, а человек должен жить до ста шестидесяти! И некоторые живут!

Алексей. Хорошо живут?!

Чельцов. Хорошо!

Щеглов. Хорошо, да больно долго!

Чельцов. Заговорился я с вами, а меня ждут. А тебе для первого раза достаточно. До свидания!

Щеглов. Спасибо тебе, друг. Оля, я, пожалуй, тоже пойду.

Щеглова. Я тебе только перестелю постель. (*Уходит.*)

Щеглов (*неожиданно*). Ребята, как зовут эту знаменитую киноактрису?

Алексей. Нонна Мордюкова?

Щеглов. Нет, не нашу.

Алексей. София Лорен?..

Щеглов. Нет. Секс-бомбу...

Алексей. Джина Лолобриджида...

Щеглов. Как?

Алексей. Лолобриджида.

Щеглов. Вот-вот. Брижит. Брижит Петрищева. Совершенно верно. (*Уходит.*)

Алексей. Хочешь, я тебя сфотографирую и напечатаю твой портрет в журнале «Здоровье», на обложке?

Соня. Зачем, Алеша?

Алексей. Ну, так просто... Тебе на память, мне на память, и людям интересно: молодой специалист, кандидат наук. Какая у тебя тема?

Соня. «Иммунологические реакции у детей при заболевании ревмокардитом».

Алексей. Тем более. У тебя скоро защита?

Соня. Скоро, а что?

Алексей. И ты потом сразу уедешь?

Соня. Вероятно. Знаешь, Алеша, мне очень хочется сказать тебе, что у меня на душе. Меня это мучает. Ты ведь мне веришь, что, если бы не эта история, я бы ни за что не решилась на такой шаг. Правда, когда мне попало в руки мамино письмо и я узнала, что у меня есть отец, у меня появилось желание встретиться с ним, поговорить, рассказать, что мама умерла... Но потом я подумала — зачем? У него есть ты, твоя мама... Но тут произошло все это. Скуратов был в панике... упрашивал меня чуть ли не на коленях, уверял, что ради меня Иван Иванович может еще что-то предпринять, что сможет ослабить «удар судьбы», как он выразился... И я пошла. А теперь понимаю... не надо было. Не надо!

Алексей (*напевает*).

То ли в избу и за печь...

Просто так, с морозу.

То ли взять да помереть

От туберкулезу...

Я бы тоже с удовольствием куда-нибудь махнул... в какую-нибудь экспедицию, что ли... Месяцев этак на десять. А то и на целый год, чтобы никого не видеть...

Соня. Прямо-таки никого?

Алексей (*резко*). Да! Никого! Никого! Уеду, и все будет о'кей! Все встанет на свои места.

Соня. Знаешь, Алеша, а я никогда еще не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас. Тебе это может показаться странным, даже смешным. Но я счастлива, что отец поправился, что у меня есть ты, такой милый бородатый брат, что есть твоя мама — прекрасная женщина и все понимающая. Я ведь скоро, совсем скоро уеду от вас. И хорошо, что я самостоятельный человек и мне от вас ничего не

надо, кроме того, что вы есть. Я буду вам писать, с нетерпением ждать от вас писем. Выйду замуж за хорошего, настоящего человека, какого-нибудь моряка, рыбака, геолога... Буду лечить чужих детей и воспитывать своих. А у меня будет не меньше трех. Я так решила. Два мальчика и одна девочка... Мальчиков я назову Владимир и Петр, а девочку Екатериной. А все они будут твои племянники...

Алексей. И вообще — лучше бы мне тебя век не знать...

Соня. Что?

Алексей. Ничего. Магазин закрывается на переучет...
(Выходит.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Щегловых. Лариса и Алексей. Входят Чельцов и Щеглова.

Щеглова. Здравствуйте, Лариса.

Чельцов. Здравствуйте.

Лариса. Здравствуйте, Ольга Ильинична!

Щеглова. Как ваши успехи?

Лариса. Ничего. Спасибо!

Щеглова. Вы все еще снимаетесь в кино?

Лариса. Нет, я уже отснялась. Озвучивание осталось.

Щеглова. Удачно получилось?

Лариса. Да. Тьфу-тьфу-тьфу...

Щеглова. Когда мы увидим вас на экране?

Лариса. В конце года.

Щеглова. У вас хорошая роль?

Лариса. Да ничего. Один большой эпизод и два поменьше.

Щеглова. И кого же вы играете?

Алексей. Бабу-ягу!

Лариса. Грубо. И неостроумно.

Щеглова. Наверное, какую-нибудь сказочную принцессу?

Лариса. Ткачиху!

Щеглова. Нашу современницу. Стоите у станка?

Алексей. Ха!

Лариса. Да! Сначала я стою у станка, а потом я танцую, участвую в самодеятельности.

Щеглова. Ну что ж, это очень интересно. Посмотрим,

посмотрим. Вы окончательно избрали себе путь актрисы?

Лариса. Нет, Ольга Ильинична, я еще не решила. Чтобы сниматься в кино, нужны связи.

Щеглова. Связи? А я думала — талант.

Лариса. Талант тоже не мешает, но если нет связей, так это пустой номер. В кино не пробьешься! А уж на какой-нибудь зарубежный фестиваль поехать, так и не мечтай!

Щеглова. Да-а! Печальная, однако, перспектива. Не позавидуешь!

Лариса (*Алексее*). Ну, показывай фотографии...

Алексей выходит. Помедлив, Лариса идет за ним.

Чельцов. Что-то наш Иван Иванович загулял.

Щеглова. Леонид Степанович, что с ним? Я его не узнаю. Это совсем другой человек. Ни о чем не спрашивает, ничем не интересуется. Даже вся эта чертовщина, которая произошла в клинике, — и о ней не вспоминает... Это не он! Это не он!

Чельцов. Вот спасибо. Вот порадовали. Значит, и мои труды не пропали даром. Радоваться надо.

Щеглова. Чему?

Чельцов. Ольга Ильинична, у него был инфаркт. А это сигнал. Звонок. Он заглянул в иной мир. Поэтому другой взгляд на этот. Он ученый! Неповторимый врач! Его ценность в его свершениях врача и ученого. Он обязан от всего устраниваться, кроме науки, и я все время это ему внушал. А вы его выходили.

Щеглова. Что же было причиной инфаркта?

Чельцов (*помедлив*). Пощечина...

Щеглова. Кому?.. Места себе не нахожу. Из рук все валится, Леонид Степанович. Он казнился своей виной передо мной. Это его чуть не убило. А я молчала. Значит, и я виновата. Понимаете, я!

Чельцов. Ольга Ильинична, зря себя терзаете. Надо думать о завтрашнем дне.

Щеглова. Может быть, я устала? Но слишком много всего навалилось. С тех пор как все это произошло, в нашем доме многое переменялось. Алешка мечется. Соня почему-то перестала бывать, только зво-

нит. Справляется, как и что. Иван молчит. Может быть, думает — я виновата? А вы же знаете, я сделала все, что возможно... Я приняла ее всем сердцем. И поделиться не с кем. Иван для меня закрыт. Извините, Леонид Степанович, кроме вас, и поплакаться в жилетку некому.

Чельцов. Я у вас, Ольга Ильинична, вроде «Скорой помощи», с той только разницей, что прибываю вовремя. Еще раз вам говорю: думайте о завтрашнем дне. Смиритесь с тем, что нет уже прежнего Ивана, зато он будет жить.

Щеглова. Жить! Но поймите — он не сможет так жить. Он не сможет пройти мимо несправедливости. Он не сможет пройти мимо лошади, которую бьют. Ему до всего дело.

Чельцов. Если он хочет жить и быть полезным, то должен подумать о самосохранении. Скоро его на рыбалку вытащу. Ну, мне пора. Больше его ждать не могу. У меня сегодня трудное дежурство. Когда вернется с прогулки, пусть позвонит мне в больницу.

Чельцов и Щеглова уходят. Входят Алексей и Лариса. Лариса рассматривает фотоснимки.

Алексей. Вот этот снимок, пожалуй, лучше других! Тут у тебя такое вдохновенное лицо, как у Элизабет Тейлор!

Лариса. У Тейлор не лицо, а маска! Мне вот этот снимок больше нравится!

Алексей. Здесь у тебя тяжелый подбородок, как у Симоны Синьоре!

Лариса. Тогда этот. Распущенные волосы. А что? Распущенные волосы мне к лицу. Ты мне сам это говорил.

Алексей. Согласен. Этот хорош. Здесь ты как Марина Влади...

Лариса. Ладно. Пусть будет этот. Печатай!

Алексей. Теперь мне надо знать: в каком количестве вы хотите иметь свое изображение и для каких целей?

Лариса. Как — в каком количестве?

Алексей. Сколько? Полдюжины? Дюжину? Какого формата? На какой бумаге? Бумага бывает глянцевой

вая и матовая. Формат любой. Ну что? Я что-нибудь не так сказал?

Лариса. Не так. Ты вообще меня не понял. Вообще. Алексей. Поясни: что я не понял?

Лариса. Я думала, что отберешь лучший снимок и напечатаешь его... на обложке в журнале.

Алексей. На обложке журнала?

Лариса. Да! А что? Разве это так трудно? Разве ты не можешь это для меня сделать? Журнал «Советский экран» все время печатает на обложках чьи-нибудь портреты.

Алексей. Значит, ты хочешь увидеть свой портрет на обложке журнала «Советский экран»? А почему не «Советский Союз» или не «Советская женщина»? Они издаются сразу на нескольких языках.

Лариса. Не издевайся! Почему тебе легче напечатать портрет какой-нибудь свиноматки-рекордистки, чем портрет хорошенькой женщины?

Алексей. Потому, что у нее исключительно высокие показатели.

Лариса. Глупости все это! Захотел бы, так напечатал! Можно подумать, что у тебя нет связей! У тебя во всех редакциях друзья-товарищи. Вот уеду на юг. Одна. Тогда будешь знать. Самый разгар сезона, а я торчу здесь, с тобой, в городе. А я еще не в том возрасте, чтобы приносить себя в жертву. Напрасно ты думаешь...

Алексей. Начала про Фому, а закончила про Ерему.

Лариса. Пожалуйста. Молчу. Ты для меня вообще ничего не можешь сделать. Путевку в «Спутник» достать не можешь. Портрет напечатать на обложке не можешь. А что ты можешь?

Алексей. Могу проводить тебя на юг с пачкой фотографий. Будешь дарить их своим поклонникам на пляже. А потом выйдет на экраны фильм с твоим участием и будут продавать твои изображения на каждом углу по двадцать копеек за штуку во всех киосках. Все будет. Но тебя не погубит слава. Нет, ты выйдешь замуж, купишь породистую собаку и будешь гордиться ее лауреатскими медалями за неимением своих.

Лариса. Дурак. Ведь ты же будешь снимать мою собаку и хвастаться перед своим знаменитым отцом,

что этот снимок поместили в журнале «Служебное собаководство» на последней странице!

Лариса идет к выходу и сталкивается с входящим Щегловым.

Щеглов. Здравствуйте, Лариса. Присаживайтесь, пожалуйста. А где Оля?

Входит Щеглова.

Оля, извини, что я задержался. Сейчас восемь тысяч шестьсот шагов отмахал. Иду по набережной, смотрю — в Москве-реке рыбу стали ловить! Один чудак пять вот таких шпротин поймал. А я чем хуже? Приду, сяду на паркет, ноги свешу, буду за поплавком следить, а сам о смысле жизни думать... Как сказал Гете: «Остановись, мгновение, ты прекрасно». Я уже и набережную себе подобрал. Бережковскую! Там, говорят, поклевка лучше...

Щеглова. Ты чаю хочешь?

Щеглов. Давай.

Щеглова. Лариса, чаю?.. А у нас сегодня в музее событие!

Алексей. Что, украли экспонат?

Щеглова. Нет. Совсем наоборот. Приходит в дирекцию некая старушенция и предлагает в дар музею большую папку с рисунками. Меня вызывают. Смотрю. И что же вы думаете?.. Пятнадцать подлинников фламандских и голландских мастеров! Спрашиваю, откуда у нее эти рисунки. «Храню, говорит, больше пятидесяти лет. Достались от деда». Спрашиваю: «А знаете ли вы им цену?» Она говорит: «Знаю — они бесценны!»

Лариса. А сколько бы она могла за них получить, если бы продала?

Щеглова. Порядочно. Но она же их не продала — подарила!

Лариса. Выходит, ей деньги не нужны?

Щеглова. Думаю, что нужны больше, чем нам с вами.

Алексей. А может, она подпольная миллионерша? Говорят, в одном доме на Чистых прудах одна старушка жила, чуть ли не побиралась. А померла,

так под матрацем кучу денег нашли и облигаций трехпроцентного займа тысяч на пять...

Щеглова. Но эта нет! Была бы миллионерша, так постаралась бы продать повыгоднее. Как говорится, деньги к деньгам!

Лариса. И часто у вас бывают такие случаи?

Щеглова. Представьте, Лариса, бывают!

Лариса. Что ж, по-вашему, руководит этими людьми, которые задаром отдают то, что могут продать?.. А может быть, они просто хотят прославиться? Хоть таким путем. В ущерб карману.

Щеглова. Ну, сегодняшней старушке, ей прославляться поздно. Она на ладан дышит.

Алексей. Вот ее бы надо сфотографировать на обложку журнала «Советская женщина»!

Лариса. Или — «Советский цирк»! Ну, я пошла. Будьте здоровы! (Алексею.) Можешь не провожать.

Алексей. Воспитание не позволяет.

Щегловы. До свидания!

Алексей выходит вслед за Ларисой.

Щеглова. Леонид Степанович тут тебя ждал и не дождался. Просил ему в больницу позвонить. Обещает тебя скоро на рыбалку пригласить.

Щеглов. Значит, я не зря удочки купил! Спрячь их куда-нибудь...

Входит Алексей.

Алексей. Отец, ты сейчас будешь свободен? У тебя нет никаких процедур или врачебных осмотров? Хотел с тобой посоветоваться. Я хочу уехать... в одну дальнюю экспедицию... Месяцев на десять. А то и на год. Океанологические экспедиции Академии наук в зоны Мирового океана. Судно «Витязь» идет в плавание... Хочу оформиться членом экипажа. Мне это будет полезно во многих смыслах. Поживу среди настоящих, полноценных людей. Сменю обстановку. Надышусь океаном. Просолюсь. Прожарюсь... Одним словом — возмужаю.

Щеглов. А как Лариса?

Алексей. В каком смысле?

Щеглов. Кончился о'кей, начался гудбай?

Алексей. Отец, на сегодняшний день «гудбай» — он и есть «о'кей».

Щеглов. Алексей, от кого бежишь? От себя! Запомни: от себя, брат, не убежишь! По-мужски тебе признаюсь, всем существом своим чувствую свою вину в том, что с тобой происходит.

Звонок в передней.

Сонечка приехала!

В комнату входит Соня.

Соня. Здравствуйте, родственнички!

Щеглов. Здравствуй! Совесть заела? Куда пропала? То каждый день навевалась, а то только позваниваешь!

Соня. Всё! На днях защищаюсь. *(Отцу.)* Выглядишь ты чудесно. Даже загорел!

Щеглов. И ты как-то похорошела!

Соня. Алеша? Как дела?

Алексей. Отлично!

Соня. Помнишь, ты обещал меня сфотографировать?

Алексей. Помню.

Соня. Не раздумал?

Алексей. Нет.

Соня. Торопись. Я, наверное, еще в этом году улечу в дальние края.

Алексей. Я тоже уеду.

Щеглов. А я... *(Отходит к столу, где лежат удочки, несколько смущенно продолжает говорить.)* А я, Сонечка, удочку купил. И сегодня уже восемь тысяч шестьсот шагов отмахал...

Входит Щеглова с букетом роз.

Щеглова. Ваня! А ты не считал, сколько шагов от нашего дома до клиники?

Щеглов. Нет. Я хожу в обратную сторону.

Алексей. Мама, кому цветы?

Щеглова. Отцу. Сегодня, десятого сентября, в двенадцать часов дня, в то время, как на Бережковской набережной была хорошая поклевка, профессор Щеглов встал к операционному столу и провел свою очередную уникальную операцию. А цветы от Петрищева. *(Подходит к мужу, отдает ему цветы, обнимает, целует.)*

Щеглов *(смущенно)*. От Брижит! *(Уходит.)*

КАРТИНА ПЯТАЯ

Щеглов с сослуживцами. Шумно, с корзинами цветов входят в квартиру Щегловых. Здесь же Чельцов, Соня.

Щеглов. Друзья, ради бога извините, я еще не успел поблагодарить вас за стихи! Как они там у вас кончались? «Юбиляр... скромный дар...»

Все. «Пусть же примет юбиляр наш партийный, скромный дар!»

Щеглов. Да вот! «Партийный, скромный дар»! Только дар был совсем уж не такой скромный — хрустальная ваза!

Забродина. Милый наш, дорогой наш Иван Иванович! Такой юбилей!

Щеглов. А кто автор стихов? Машенька?

Огуренкова. Нет, Иван Иванович, это коллективное творчество членов партийного бюро!

Щеглов. Очень талантливое партбюро, трогательно. Большое спасибо. Это было так непосредственно, так мило... Можно курить! Курите, пожалуйста!

Чельцов. Нет, нет, нет! Самоубийцы, в коридор!

Щеглов. Перестань, Леня. Сегодня...

Бабаян. Иван Иванович, а как вам понравился глаз?

Щеглов. Чудесный глаз!

Чельцов. Что за глаз?

Щеглов. О! Мне филатовцы из Одессы преподнесли муляж глазного яблока из пластмассы на хромированной подставке. А в зрачке светящаяся цифра «60». И эта прелесть несусветная все время моргает. Кстати, где ж он, этот глаз? Откуда он на меня смотрит?

Бабаян. Мы его в вашем кабинете поставили. Там он будет на месте. Не дома же его держать!

Чельцов. Одному отоларингологу, помню, на юбилее огромное ухо преподнесли, а в нем вмонтирован радиоприемник. Как это ухо вдруг заговорит человеческим голосом: «Передаем сводку погоды!»

Костромин. Иван Иванович! Вот, как вы сами понимаете, все полученные в ваш адрес телеграммы я зачитать, конечно, не смог! Их более трехсот! Пришлось сделать выборку! Пятнадцать правительственных и десять из-за рубежа я зачитал!

Щеглов. Вы объявили, как Левитан!

Щеглова. И еще одна телеграмма. (*Читает.*) «По-

здравляю дядю профессора высоким званием, большое спасибо за глазик. Брижит Петрищева).

Костромин. А еще в адрес клиники пришла поздравительная телеграмма из Лондона, от Королевского общества хирургов. Она тоже здесь!

Щеглов. Очень мило с их стороны! Не забыли коллегу! Одну минутку... Я сейчас. Почему мы к столу не идем? *(Выходит.)*

Костромин. Скуратов тоже телеграмму прислал: «Горжусь от всего сердца...» И так далее. Но я ее в сторону! Не стал зачитывать.

Бабаян. Правильно сделал.

Забродина. А почему, собственно, в сторону и почему вы ее не зачитали?

Костромин. Не стоит беречь старое.

Огуренкова. Старое? Это инцидент старый, а явление вовсе не устарело.

Бабаян. «И вечный бой. Покой нам только снится...»

Щеглова. Только уж в этот бой Ивана Ивановича не втягивайте. Пощадите его сердце.

Забродина. А кстати, где теперь Скуратов?

Костромин. Где-то на Украине. Кажется, в Одессе. Во всяком случае, телеграмма оттуда.

Бабаян. Ручаюсь, что уже докторскую пишет.

Огуренкова. Еще не известно, чьими чернилами...

Машенька. Ну, правда, первый раз в жизни пригласили на банкет, платье новое сшила, готовилась, думала — танцы будут, а все как у нас в клинике, попала на производственное совещание.

Соня. Правильно, Машенька! У нас сегодня праздник. Сотни телеграмм! Тысячи пожеланий! Море цветов! А самая счастливая — я!

Щеглова. Соня, когда у тебя самолет на Камчатку? Ты успеешь собраться?

Соня. Все уложено. Лечу сегодня ночью.

Щеглова. Писать будешь?

Соня. Через день!

Входит Щеглов в докторской мантии. Его встречают аплодисментами.

Щеглов. Посмотрите на меня! Леди энд джентльмены! Пропустим по маленькой! *(Ставит на стол две бутылки шампанского.)* Как, Леонид? Ты — мой лечащий!

Чельцов. Не очень-то, Иван Иванович! Вы у нас под строгим наблюдением. Но один бокал шампанского мы вам дадим выпить! Один!

Бабаян. Тогда уж лучше рюмку коньяку!

Щеглов. Тогда лучше и то и другое!

Машенька и Ольга Ильинична разносят бокалы шампанского. Появляется Алексей. Он сбрил бороду.

Господи помилуй! Я не узнаю: кто же это?

Алексей. Я — ваш сын Алексей! Отсутствие моей бороды — подарок к твоему юбилею! Поверь, отец, это мне дорого стоило!

Щеглов. Бесценный подарок!

Соня. Алешка! Так вот ты какой на самом деле! А я и не подозревала. Только фотографию свою на прощанье подаришь мне с бородой! Обязательно с бородой! Я к ней уже привыкла!

Щеглов. Скажите, вы уже наконец разлили вино? Олечка, поднесешь?

Щеглова. Поднесу. Только помни, что этот бокал единственный.

Щеглов. Да, помню... Вот тут говорили, что надо щадить мое сердце. А кто сказал, что лучшее лекарство для сердца — это равнодушие?

Машенька. Иван Иванович, у вас же сегодня юбилей!

Щеглов. Машенька, скажу тебе по секрету, что не такая уж это радость, когда тебе стукнет шестьдесят! Важно, не сколько ты прожил, а как ты прожил. А я жил по-разному. Да, да! От многого в жизни устранился... суетился... Все мои интересы замыкались хрусталиком. Возвращал зрение людям, а сам зачастую оставался слепым. Заглядывать в человеческую душу не научился. А вот теперь, когда у меня волею судьбы оказалось достаточно времени для того, чтобы покопаться в самом себе, я понял, что в жизни ни от чего нельзя устраниваться, нельзя жить только ради одной науки, только ради самоутверждения. Что такое счастье? Счастье — это понимать, что ты нужен другим. А вот быть нужным другим — это значит разделять вместе с ними всю ответственность за судьбы людей, за вашу судьбу, друзья, за твою, Алексей, за твою, Соня, за твою, Оля, жена моя

дорогая, и даже за судьбу моего бывшего ученика Скуратова. Словом, я вас всех люблю, обнимаю и, честное слово, обещаю исправиться. Ваше здоровье!

Торжественная тишина. Все поднимают бокалы. Пьют.

«Что ж вы, черти, приуныли? Эй ты, Филька, черт, пляши...»

Алексей берет гитару и начинает играть. Соня и Ольга Ильична запевают застольную, все присоединяются.

Хор наш поет припев любимый,
И вина полились рекой...
К нам приехал наш любимый,
Иван Иванович дорогой!

Ваня, Ваня, Ваня!
Ваня, Ваня, Ваня!
Ваня, Ваня, Ваня, Ваня!
Ваня, пей до дна!

Песня прерывается неожиданным появлением Скуратова.

Скуратов. Рискнул. Рискнул нагряться без приглашения. На дом... Так сказать, незванным гостем... Не мог не приехать в такой день. Поздравляю! Вас, дорогой Иван Иванович! От души поздравляю с выздоровлением, с днем рождения, со званием поздравляю! Горжусь, что могу называть себя вашим учеником.

Полная тишина.

Телеграмму мою, конечно, получили, но, видимо, не зачитали... Большая очень... Но в двух словах ведь всего не выскажешь.

Молчание.

Не верите! Понимаю! Все понимаю! «Кающийся грешник», так сказать, хэппи-энд из плохой пьесы! Вы думаете, мне легко было прийти сюда? Сюда, где мне сказали: «Вон!» Зачем же вы отказываете мне в самом человеческом — доверии, в праве на благодарность учителю, которому я обязан всем? Иван Иванович, преподанный вами урок не прошел даром. Я много пережил за это время. Но я принес вам в подарок спокойствие за вашего ученика.

Щеглов. Я ждал вас. Я шахматист. Наша с вами партия не окончена, она отложена. Я знал, что вы придете. Следующий ход был ваш.

Скуратов. Предлагаю «ничью».

Щеглов. Ради правды и справедливости? Нет! Нет! Моя позиция сильнее!

Щеглова (*неожиданно*). Прошу внимания. Высокочтимый юбиляр просит дорогих гостей пожаловать к столу. Места за столом прошу занимать согласно именным карточкам.

Щеглов. Признаться, мы заждались этого приглашения. Прошу!

Все, кроме Скуратова, проходят в столовую. Соня задерживается.

Соня. Аркадий Сергеевич, если у вас есть хоть малейшее чувство элементарного такта, вы должны уйти.

Скуратов. А вот я никогда не смог бы называть тебя на «вы».

Соня. Вы должны уйти!

Скуратов. Не попрощавшись? Этого никто не поймет. Это будет невежливо.

Соня. Я извинюсь за вас.

Скуратов. Соня! Моя семейная жизнь... Мы разошлись... Ты помнишь, в каком положении я тогда оказался? Очень скоро я понял, что совершил ошибку. Мы разошлись. Ты же знаешь, что, кроме тебя, у меня никого не может быть... Если хочешь знать, я пришел сюда в надежде встретить тебя!

Соня. Как это понять? Вы хотите сказать, что вы меня любите, что не можете без меня жить? Что все это время думали обо мне? Что разошлись с женой тоже из-за меня?

Скуратов. Соня! Я понимаю, сейчас не время и не место... Но одной тебе я хочу и могу все сказать...

Соня. Хорошо.

Скуратов. Где мы встретимся? (*Готовится записать.*)

Соня. Запишите адрес: Камчатка, Карякский национальный округ, районный центр Палана, больница.

Соня уходит. Входит Алексей.

Алексей. Аркадий Сергеевич, как жизнь? Как дела?

Скуратов. На высоком идейно-теоретическом и науч-

ном уровне! Жизнь человека, Алеша, как видите, многогранна и многоступенчата!

Алексей. Надо так понимать, что вы поднимаетесь вверх по ступенькам?

Скуратов. Стараюсь по возможности!

Алексей. Кандидат?

Скуратов. Защитился. Однако ВАК еще не утвердил.

Алексей. Утвердит!

Скуратов. Надеюсь! Свет не без добрых людей!..

Скуратов медленно уходит. Входит Щеглов.

Щеглов. Удалился?

Алексей. Как говорится, противник отступил на заранее подготовленные позиции.

Щеглова *(в дверях)*. Мужчины, вас все ждут!

Щеглов. Пойдем. Твое место рядом со мной. *(Положив руку на плечо сына, уходит с ним.)*

Занавес

1973

ПЕНА

Комедия нравов. Два действия,
четыре картины с прологом

ПРОЛОГ

Актер, исполняющий в спектакле роль Просова, выходит на авансцену и обращается в зрительный зал: «Сергей Михалков! «Пена»! «Комедия нравов»!» Представляет действующих лиц:

Махонин Пал Палыч, предприимчивый человек.

Махонина Раиса Марковна, его супруга. И ничего больше.

Викторина, их дочь. Вполне самостоятельная девушка.

Альбина, ее подруга. «Божественная дурочка».

Полудушкин, нужный человек.

Кочевряжнев Эгигий Петрович, бессердечный человек.

Кочевряжнева Антуанетта Ивановна, его супруга. Дама с претензиями.

Тамара, секретарша. И этим все сказано.

Солома, головастый мужик.

Просов, простодушный человек. *(Кланяется, продолжает.)*

Действие происходит, к сожалению, в наши дни...

Премьера спектакля состоялась в январе 1976 года в Московском театре сатиры.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Махоновых. Импортные — столовый, спальный и кухонный — гарнитуры. Телефон. Хрустала больше, чем надо. Разнообразные сувениры восточного зарубежного происхождения.

Возле украшенной новогодней елки сидит невзрачного вида человек средних лет и, видимо, кого-то терпеливо ждет. Это — Полудушкин. Он принес сверток, упакованный в плотную бумагу.

Появляется Махонова.

Полудушкин (*не сразу*). Раиса Марковна! Я, пожалуй, это дело оставлю, а сам пойду!

Махонова. А что это вы еще нам принесли, если не секрет?

Полудушкин. Какие же от вас могут быть секреты? Самовар!

Махонова. Самовар? Какой самовар? Зачем нам самовар?

Полудушкин. Это уж дело хозяйское. Пал Палыч просил найти самовар — я нашел. Отличный, надо вам сказать, самоварчик!

Махонова. Электрический?

Полудушкин. Зачем электрический? Электрический я бы и искать не стал. Позвонил бы на базу и за просто взял. А вот старый, медный — поди найди! А я нашел!

Махонова. Не понимаю, зачем это Пал Палычу старый медный самовар понадобился? Не понимаю. Странность какая-то...

Полудушкин. Вроде он его кому-то подарить хотел. Я так понял. Достань, говорит, мне старый медный самовар! Даю тебе месяц сроку. За две недели нашел! У меня дальний родственник со стороны покойной жены на утиле работает. На приемке. Так

он мне самоварчик и подобрал. Ну, естественно, его зубным порошком надраили, бархоткой по нему прошлись, замшей протерли, солнцем горит!

Махонина. Вечно Пал Палычу какие-то дикие фантазии в голову приходят.

Полудушкин. Ну, Раиса Марковна, вам на голову вашего супруга грех жаловаться. Пал Палыч! Не будь у него этой самой головы на плечах, он своего бы в жизни не взял. До вершин бы не добрался. Пал Палыч!

Махонина. Уж прямо — вершины!

Полудушкин. Не скажите, Раиса Марковна, не скажите! В определенном смысле — вершины! Пал Палыч! Не Эльбрус, не Казбек, конечно, а все же — вершины! Лицо с положением. Персональный оклад. Ученая степень. Ну, чем не вершины? Пал Палыч? Я как-то в Цхалтубо летел над Кавказским хребтом. Гляну вниз — не все горы снегом покрыты, а попробуй доберись до верхней точки! Дух выпустишь! Пал Палыч!

Махонина. Вот он до точки и добрался, Пал Палыч, а что толку? Только и делает, что за всех хлопочет, просит. Наукой заниматься некогда. А ведь мы с науки начинали. Мы в двадцать пять лет кандидатскую защитили. В двадцать пять!

Полудушкин. Вот вы говорите, что Пал Палыч чужими делами занят. С большого и спрос большой. Что тогда тем говорить, кого в депутаты выбирают? А у кого такие возможности есть, чтобы другому помочь, посодействовать — почему не пойти навстречу, если просят? Пал Палычу только трубочку снять — кто откажет? Всех он знает, и его все знают. В определенных кругах, конечно. В пределах, так сказать, досягаемости.

Махонина. Вот это вы верно сказали. Что верно, то верно — в пределах досягаемости.

Полудушкин. Придет время... Не все сразу...

Махонина. У вас скорняк есть знакомый? Мне родственники из Иркутской области соболиные шкурки привезли. Немаркированные. Скорняк нужен.

Полудушкин. Я вам позвоню. *(Помолчав.)* Лаптями интересуетесь?

Махолина (*не появ*). Какими лаптями?

Полудушкин. Обыкновенными. Лыковыми. Один архитектор-умелец в свободное от работы время сам плетет. Пять рублей пара.

Махолина. Кто же их носит, лапти-то?

Полудушкин. Носить не носят, а на стенку вешают. Мода такая пошла. А в одном интеллигентном доме ему сразу двадцать четыре лаптя заказали. Две дюжины. Три недели их плел.

Махолина. Двадцать четыре? И все на стенку?

Полудушкин. Зачем же на стенку? Они лучше надумали. Гостям заместо тапочек в прихожей раздают, чтобы, как в музее, паркет натертый не топтали. Гость приходит, а ему сразу лапоточки на обе ноги. Так и шаркает по квартире в лапоточках. И паркет цел, и к фольклору приобщаются.

Махолина. Нет, мы до этого еще не дошли. Мы на стенку такие сувениры не вешаем. У нас все больше из Африки, Азии. Маски!

Полудушкин. Ну да. Я вижу. Ну а если насчет лаптей надумаете, то дайте сигнал, я мигом организую. Этот архитектор мне еще по рублю с пары скинет, я ему липовое лыко из Костромской области по дешевке достаю. (*Роется в портфеле.*) Пойду я, Раиса Марковна! Мне еще в одно местечко заскочить придется, боюсь, не успею. Да, скажите Пал Пальчу, что бумагу писчую я достал и на работу к нему забросил. Пять пачек по пятьсот листов. Высший сорт. Чистый импорт. Большой дефицит.

Махолина. А как насчет туалетной? Я просила...

Полудушкин. Вы имеете в виду «пипифакс»? Обещали в одном месте.

Махолина. Тогда сразу рулонов двадцать или лучше тридцать берите. Сюда и на дачу.

Полудушкин. Я понял.

Махолина. Мы вам что-нибудь должны? Вы как с самим-то договорились?

Полудушкин. Не беспокойтесь, Раиса Марковна! У нас свои расчеты. Я уж вашему супругу и так по гроб жизни обязан: он меня на «Всемирную литературу» подписал. Двести томов. Читать я их вовек не прочитаю, а куда ставить, ума не приложу. Квадратных метров маловато...

Махонина. Совсем забыла вас поблагодарить. Хороший вы нам елочный набор достали. Надо было два или три взять. Как я сразу не догадалась. В общем, спасибо. Я просто не знаю, как вас благодарить.

Полудушкин. Раиса Марковна! О чем вы говорите? Такой уж я человек. Нужник!

Махонина. Как вы сказали? Кто вы?

Полудушкин (*простодушно*). Нужник. Нужный, стало быть, человек. С наступающим вас, Раиса Марковна! И, как говорится, дай бог, чтобы все на данном уровне оставалось. Все как есть!

Махонина (*улыбаясь*). Нет. Вы уж этого только Пал Палычу не пожелайте! Пал Палыч этого не любит. Пал Палыч и на работе и дома всегда только об одном — о перевыполнении плана думает. Пал Палыч не любит, чтобы на одном уровне.

Полудушкин. Это я так... Чтобы не сглазить. Ну, всего наилучшего!

Полудушкин уходит. Появляется Махонин. Он входит в комнату, покрасневший после уличного мороза. В руках у него черный «атташе-кейс».

Махонин (*с порога*) Раюня! Я пешком прошелся, славно так воздухом подышал! (*Видит самовар.*) О-о-о! Вот это да-а-а! Ну что за мужик! Ну прямо золотой!

Махонина. И самовар словно золотой!

Махонин (*рассматривает самовар*). Тульский самоваришко! То, что надо! Нравится тебе это произведение самоварного искусства? Смотри, пожалуйста, пять медалей на боку! Дореволюционные знаки качества!

Махонина. Ты что, чай из него собираешься пить?

Махонин. Зачем чай? Он мне для дела нужен.

Махонина. Для какого дела?

Махонин. Ты Сигизмунда Парамоныча помнишь?

Махонина. Какого Сигизмунда Парамоныча?

Махонин. Мы еще с тобой к нему прошлым летом на дачу заезжали. Он нам свой участок показывал, шашлык мы на костре жарили. Вспомнила?

Махонина. Помню. Помню Сигизмунда Парамоновича. Ну?

Махонин. Так вот. Он начал самовары собирать. У каждого ведь свое, как теперь говорят, хобби! Кто что собирает. Так этот самоварами увлекся. Вот под Новый год он от нас его и получит в виде презента. А знак внимания в определенных жизненных условиях дороже денег.

Махонина. Зачем тебе этот Сигизмунд Парамонович? Сигизмунд Парамонович на пенсию давно вышел.

Махонин. Да не в этом дело. Тут одна акция намечается, так, если вовремя меры не принять, можно в больших дураках оказаться. В жизни ведь так: оттого, что один промолчит, а другой вовремя рот раскроет, у третьего человека судьба меняется.

Махонина. Тебе мало, да?.. Тебе мало хлопот? Тебе мало забот?.. Тебе мало своих советов-комитетов?.. Тебе мало всего этого?

Махонин. Всё! Всё! Ты меня, Раиса, не сбивай! И не волнуйся за меня. Твой Махонин в полном порядке. Меня в Соединенные Штаты посылают. В составе делегации из пяти человек. В порядке обмена. Так что готовь лучше своему Махонину чемодан. Жди сувениров.

Махонина. И так уже некуда ни вешать, ни ставить.

Махонин. Ничего. Были бы сувениры, а место мы им всегда определим. Что нам не подойдет — другим передарим.

Махонина. В Америку, говоришь, посылают? В порядке обмена? Мне интересно, на кого же это тебя обменять хотят?

Махонин. Не знаю. Это не моя забота. Подберут... Сегодня позвонили и сказали, что в министерстве моя кандидатура обсуждалась и встретила единодушное одобрение. Вот так! И знаешь, кто меня активно поддерживал? Прыгунов! Не зря, выходит, я с ним пять раз на охоту ездил, прошлой весной лучший шалаш ему уступил, а нынешней зимой — лучший кусок лосятины... А ты все ругалась.

Махонина. Я не ругалась.

Махонин. Ругалась!

Махонина. Я не ругалась. Я беспокоилась. Я за

тебя беспокоилась. Вы в этих шалашах больше напьете, чем набьете. А у тебя сердце и так перебой дает.

Махонин. Надо, Раюня! Надо! А я много не пью, я больше другим подливаю... Междугородная мне так и не звонила? Жду я тут, понимаешь, одного звонка, а его все нет.

Махонина. Возьми да и сам позвони.

Махонин. Позвонил бы, да телефона не знаю.

Махонина. Ну, кому надо, тот сам позвонит. Найдет время.

Махонин. Да дело все в том, что это мне нужно! Мне! Кстати, Новый год мы с тобой встречать будем у Прыгуновых. Я уже с ними договорился. Компания собирается интересная. Один генерал с женой, какой-то секретный академик или что-то в этом роде, без жены... Один архитектор — лауреат премии — и еще кое-кто... Так что с Новым годом вопрос решен.

Махонина (*нервно рассмеявшись*). Ты за меня все сам решил, не посоветовавшись... самостоятельно... Молодец, умница...

Махонин. Чем тебе компания не подходит? По-моему, я правильно решил. Разумно. И знакомство закрепим. И с новыми людьми познакомимся. И живут они поблизости. Все — одно к одному.

Махонина. Молодец. (*Неожиданно резко.*) Я не пойду к Прыгуновым. Меня не интересует компания твоих секретных генералов.

Махонин. Что тебе не нравится?

Махонина. Лично я хотела бы пойти куда-нибудь в общественное место.

Махонин. Ну куда? Куда? В ресторан?

Махонина. Зачем в ресторан? Я в клуб пойду, где собирается творческая интеллигенция. Посмотреть на действительно интересных людей.

Махонин. Нашла время, когда на них смотреть! Они же все будут пьяные! Только впечатление испортить.

Махонина. А когда мне на них смотреть? В театры ты со мной ходишь? В концерты водишь? На вернисажах мы бываем?

Махонин. То есть? Ой, что ты говоришь! Неправда, Раечка! Неправда! Как это я с тобой в театр не хо-

жу? А в этот... как его... театр эстрады! Не мы ли с тобой слушали этого... как его...

Махонина. Джоржи Марьяновича!

Махонин. Вот именно его! Третий ряд, седьмое, восьмое кресло — забыла? Не я ли там рядом с тобой сидел?

Махонина. Сидел... Не забыла.

Махонин. Так что не перегибай, Раинька! Не перегибай! Что было — то было!

Махонина. Но было это не ради меня, а ради того бородатого, которого ты в буфете перехватил и два часа с ним о делах проговорил. А я за столиком одна, как дура, проторчала. Три порции мороженого съела. Охрипла вся. Что? Не так это было? А вы потом в темноте к своим местам по чужим ногам пробирались — публика на вас шикала. Что, не так, скажешь, было? Я ничего не забыла.

Махонин. Здесь ты, Рая, права! Я не возражаю. Здесь ты права. Разве я отрицаю? Но не было у меня просто другого выхода, как перехватить профессора Бабулю именно в театре эстрады. Хорошо еще, что меня свои люди предупредили, что он там будет, да еще один, без жены. А то бы она нам и поговорить не дала. Но факт остается фактом — в театр мы с тобой ходим. Не часто, но ходим. Этого ты, Раюша, отрицать не можешь. Ведь не можешь?

Махонина (*нервно*). Можешь, не можешь! (*Решительно.*) Все! Я пойду в клуб на встречу с творческой интеллигенцией! (*Уходит.*)

Махонин. Что ты! Раиса...

Звонок. Махонин подбегает к телефону, но это был звонок в передней. Появляется Альбина..

Альбина. Добрый вечер, Пал Палыч! Ой, какая же у вас расчудесная елочка! У меня хуже! Почему вы ее не зажжете? Можно, я зажгу фонарики?

Махонин. Можно, Альбиночка, можно! Вам — все можно! Зажигайте!

Альбина. Выходи дома?

Махонин. Не знаю. Я сам только что пришел. Наверное, у себя.

Альбина. Я к ней пройду?

Махонин. Дорогу знаете, проходите, Альбиночка!

Альбина. Как ваше здоровье? Где это вы так загорели, Пал Палыч?

Махонин. В президиумах, Альбиночка! В президиумах. Светит прямо в лицо, вот и загораешь!

Альбина. А я теперь кварц на лицо принимаю. Три минуты в день. Вся обгорела. А вы, по-моему, похудели. Ой, только не худейте, пожалуйста! Вам очень идет полнота. Надеюсь, вы не сидите на диете? Теперь все сидят на разных диетах, даже мужчины. Кто на американской, кто на китайской, а кто вообще одну воду пьет. Я пять дней ничего не ела и чуть не умерла от сердечной слабости. А теперь опять все ем. Вы видите, во что я превратилась? Страшненькая, да?

Махонин *(шутит)*.

Куда худеть? Зачем худеть?

Куда же вас худую деть?

(Смеется.) А я худеть не собираюсь. Некогда. А потом лично мне приемы мешают. На приемах если не есть, не пить — только нервы расшатывать. Одно другого стоит.

Альбина. Я вас понимаю, Пал Палыч! Нет, нет! Не смейте худеть! Так я пройду к Викуше? Мы должны обсудить ряд вопросов: где встречать Новый год и вообще посекретничать.

Махонин. Посекретничайте, посекретничайте!

Альбина уходит.

Раиса! Мы чай будем пить или нет?

Махонина. Я в кухне накрыла.

В передней звонок. Появляется Кочевряжнев.

Кочевряжнев. Пал Палыч! Прости за позднее время. Разреши побеспокоить!

Махонин. Заходи, заходи! Что случилось?

Кочевряжнев. Сейчас расскажу. Дай отдышаться.

Махонин. Чего запыхался? У нас что, лифт не работает?

Кочевряжнев. Работает. Только я его ждать не стал.

Махонин. Напрасно. Смотри надорвешься! Сердце загонишь!

Кочевряжнев. Какое там сердце... Прямо не знаю,

с чего начать... Просто растерялся я, честное слово...

Махонин. Что стряслось?

Кочевряжнев. А то, что даже понять невозможно. Жил, жил, и вдруг — на тебе! Сюрприз!

Махонин. Какой сюрприз? Рассказывай все по порядку. Ты где сейчас был? Откуда прибежал? Из райкома?

Кочевряжнев. Да нет, не из райкома.

Махонин. С женой что случилось? Говори.

Кочевряжнев. Со мной случилось. В поликлинике был.

Махонин. Фу-ты! Ты что, у врача был? Ну и что он у тебя определил?

Кочевряжнев. Вот именно что это самое никак в голове не укладывается.

Махонин. Да ты, никак, выпил?

Кочевряжнев. Хватанул, понимаешь, по пути. Да тут, если не хватить, вовсе ума лишишься!

Махонин. Ладно. Выкладывай!

Кочевряжнев. Тогда начну по порядку... Собрался я после Нового года в отпуск за свой счет. Ты мне еще заявление подписал. Достали мне горящую путевку в Карловы Вары со скидкой. Говорят, надо курортную карту оформить. Ну, что ж, думаю, почему бы в самом деле не обследоваться? Профилактика — дело великое. Машину и то на профилактику ставят, а тут — живой организм! Записался на прием к специалисту. Прихожу. Сидит новенький, не мой лечащий. Мой сам болеет. А этот, видно, только испекся. Но все равно — врач. Должен свое дело знать, раз диплом получил. Рассказываю. Так, мол, и так, говорю. Хочу, говорю, пообследоваться на ходу. Раздеваюсь как положено, до пояса... Стою... Лежу... Сажусь... Прослушал он меня. Молчит. Ну, думаю, обнаружил! Поздновато, видно, я спохватился со своей профилактикой. Сидим, молчим, друг на дружку смотрим. Ну, как доктор? — спрашиваю. Что там у меня? А он сквозь очки на меня смотрит и молчит.

Махонин. Что значит молчит? Что, он тебе так ничего и не сказал?

Кочевряжнев. Сказал.

Махонин. Ну?

Кочевряжнев. У вас, говорит, нет сердца!

Махонин. Чего? Не валяй дурака!

Кочевряжнев. Вот я и спрашиваю: как это так нет сердца? А где же оно? Не знаю, отвечает. Патологический случай. А как же, спрашиваю, пульс? А что, отвечает, пульс? Пульс, говорит, у вас есть.

Махонин. Пульс, значит, есть, а сердца нет? Так, так...

Кочевряжнев. Что ж, спрашиваю, у меня вот тут бьется? (*Показывает.*) Не знаю, говорит, что у вас там бьется, только это не сердце. А что же, спрашиваю, у меня покалывает вот тут... (*показывает*) после выпивки? Это, отвечает, вероятнее всего, пузырь.

Махонин. Пузырь?

Кочевряжнев. Пузырь. А то, говорит, что вы ощущаете в грудной области, то это, скорее всего, остаточные явления.

Махонин (*стараясь оставаться серьезным*). погоди, погоди! Тебя же в молодости, когда на военную службу брали, обследовали? У всех есть сердце. Даже у лягушки и то есть. Было у тебя сердце?

Кочевряжнев. Вот и я ему говорю: было, говорю, у меня сердце! Как сейчас помню! Я в военном оркестре служил. Меня даже капельмейстер похвалил как-то после парада. Вы, говорит, Кочевряжнев, от всего сердца играете! Потому у вас и звук такой сочный!

Махонин. Ну а он, что он на это?

Кочевряжнев. Я, говорит, этого не исключаю. И что вы в военном оркестре играли — не исключаю, и что у вас в молодости было сердце — не исключаю. Но с годами оно, видимо, рассосалось. Сошло на нет.

Махонин. Тебя рентгеном-то просветили? На пленку взяли?

Кочевряжнев. Просветили. Взяли.

Махонин. Что увидели?

Кочевряжнев. Ничего не увидели. Нет, говорят, у вас сердца, и все тут. Не нашли!

Махонин. Они хорошо смотрели-то? Не спяна?

Кочевряжнев. Вроде нет. Их двое было. И сестра при них. Пошептались промежду собой сперва,

а потом просветили. А как же я тогда живу? — спрашиваю. А вы, отвечают, не живете, а существуете.

Махонин. То есть?

Кочевряжнев. А вот так. Не живу, а существую. Понимай как хочешь.

Махонин. И в Карловы Вары разрешили ехать?

Кочевряжнев. Разрешили.

Махонин. И курортную карту выписали?

Кочевряжнев. Выписали.

Махонин. При тебе?

Кочевряжнев. При мне.

Махонин. Покажи!

Кочевряжнев (*протягивает карту*). Ты вслух читай. Чтобы я понял.

Махонин (*читает сперва про себя*). Редкий они тебе диагноз выставили. Не каждый день прочитаешь такое... Просто тема для диссертации... (*Читает вслух.*) «Благоприобретенное бессердечие». Вот это да!

Кочевряжнев. А как это понимать?

Махонин. Да уж и не знаю, что тебе посоветовать. Пожалуй, не надо тебе ехать в эти Карловы Вары. С таким диагнозом... Не надо. Советский человек — и вдруг без сердца! Еще в прессу попадешь. Ты уж лучше тут, где-нибудь у нас, отдохни. В каком-нибудь сердечно-сосудистом.

Кочевряжнев. Может, мне еще куда-нибудь по медицинской части обратиться? К более квалифицированным специалистам! Может, они восстановят то, что рассосалось? Я никому ничего не сказал. Пока. Вот к тебе к первому забежал. С этой, так сказать, новостью.

Махонин. Давай чайку попьем... Помозгуем...

Комната Викторины. Викторина, Альбина и Просов оживленно разговаривают.

Викторина. Вы совершенно правы, Юра, когда говорите, что есть люди, которые все цвета радуги готовы променять на обыденную бесцветность, лишь бы иметь душевный покой. Они устали бороться.

Просов. Этих людей тоже можно понять.

Викторина. И я их понимаю. Их легче осудить, чем разобраться в драматургии их чувств.

Альбина. Ну а в общем фильм хотя и импортный, а скучный! Одни только рассуждения и никакого действия. Я чуть не заснула.

Просов. Это — почерк Бергмана. А насчет действия можно еще посмотреть. Я смотрел его фильм с неослабевающим интересом. Он заставляет думать.

Альбина. Думать? О чем?

Викторина. О смысле жизни.

Альбина. Я лично хожу в кино для того, чтобы развлечься. А думаю я и так целый день...

Викторина. Бедненькая!

Появляется Махонин. Он направляется к серванту.

Папа! Познакомься, пожалуйста!

Махонин. Очень приятно. *(Протягивает руку.)* Пал Палыч.

Просов. Просов, Юрий.

Махонин. Юрий... а дальше?

Просов. Просто — Юрий.

Викторина. Юрий Сергеевич.

Просов. Это совсем не обязательно!

Махонин *(достает из серванта бутылку)*. Не будем мешать молодежи. *(Уходит.)*

Просов *(Викторине)*. Значит, до завтра! Как договорились! Мне подняться? Или можно в машине подождать? В шесть я освобожусь в редакции, и через полчаса я у вашего подъезда.

Викторина. Хорошо. Я спущусь.

Просов. Спасибо за все!

Викторина. Это вам спасибо! И тоже — за все!

Просов. До свидания! *(Кланяется Альбине.)*

Викторина. Пока! *(Проводив гостя, возвращается к подруге. Улыбаясь.)* Славный мальчик! Очень симпатичный.

Альбина. Далеко уже не мальчик. Ему же, наверное, лет тридцать пять. Что-то я его у тебя никогда не видела. Он что, критик? Так во всем хорошо разбирается...

Викторина. Журналист.

Альбина. У тебя что с ним, роман?

Викторина. Да нет. Только на днях познакомились.

Альбина. Но он ухаживает за тобой?

Викторина. Не поняла еще.

Альбина. А Валерия видишь? Он к тебе не заходил?

Викторина. Нет. Да! Ты же мне еще не рассказала о вашем свидании. Оно состоялось?

Альбина. Конечно. Я и пришла к тебе затем, чтобы все рассказать. Обсудить ситуацию. Но ведь при этом Юре... неудобно как-то...

Викторина. Ну конечно, неудобно... Да и ему это неинтересно было бы.

Альбина. Я прямо дожидаться не могла, когда он уйдет.

Викторина. Ну давай! Рассказывай все по порядку. Только подробненько.

Альбина. Ты понимаешь, я все, все ему сказала, как ты меня научила. Слово в слово.

Викторина. Ничего не перепутала?

Альбина. Да нет же! Я же все тогда записала и выучила наизусть. Как урок. Могу повторить. Только ты меня не перебивай, а не то я собьюсь... значит, так... *(Собирается с мыслями, а затем, как бы обращаясь к кому-то, говорит.)* ...Вы не думайте, я не такая дурочка, как вам кажется. Во-первых, если хотите знать, я специально стараюсь казаться глупенькой, чтобы вы почувствовали себя Макаренко. Я вижу, что вам нравится эта роль. Во-вторых, что-то я сама от вас ничего особенно умного не слышала и поэтому изо всех сил старалась вам соответствовать. А в-третьих, еще Андре Моруа, если он вам, конечно, известен, сказал...

Викторина. Что сказал Андре Моруа?

Альбина *(продолжает)*. ...сказал, что женщина должна быть настолько умна, чтобы скрывать свой ум. Не говоря уже о том, что глупость женщины божественна, как гениально заметил Вертинский Александр Николаевич!..

Викторина. Умница! Он удивился твоей эрудиции?

Альбина. Представляешь, даже растерялся. А потом сказал: «О-о-о! Как вы заговорили!» А я ему: «Да-а-а! Вы от меня еще не такое услышите!»

Викторина. Ну а дальше что было? Как дальше развивались события?

Альбина. Дальше? Ну, мы сидели за столом, на котором горели свечи, пили шампанское, и тут он вдруг

встал, подошел ко мне со спины и вот так обхватил руками (*показывает*), а потом повернул к себе, пристально-пристально посмотрел мне в глаза и спросил: «В какую игру вы со мной играете?»

Викторина. Что же ты ему ответила?

Альбина. Что я могла ему ответить? Мы же с тобой такой вопрос не предвидели.

Викторина. Все-таки что же ты ему сказала? Ты же не могла промолчать?

Альбина. Промолчала. Разве так, сразу можно ответить на такой вопрос? Ты бы, например, что ответила?

Викторина. Я посмотрела бы на него так же пристально, как он, и тихо, со значением сказала бы: «Я играю в любовь. И моя игра стоит свеч!» И показала бы на свечи, которые горели на столе.

Альбина. Ой, остроумно! Ой, какая ты все-таки находчивая! Ну а после всего этого он пропал. Не звонит. Как сквозь землю провалился. Если теперь объявится, что ему сказать? Как себя вести? И вообще хотелось бы знать, что он обо мне думает? За кого он меня принимает? Надо нам с тобой все подробненько обсудить и все, все опять записать, чтобы ничего не забыть.

Викторина. Он, кажется, в какую-то командировку собирался? Ну а что касается того, как он к тебе относится, то время покажет. Я полагаю, что ты ему нравишься.

Альбина. Ты так думаешь?

Викторина. А почему ты сомневаешься? Ты должна знать себе цену. Вы обаятельны, у вас прекрасная фигура. Дура! Вы владеете иностранным языком. Уж не говоря о носике, с которым я бы просто поменялась. Вы должны нравиться всем мужчинам. Без разбору. На широкий вкус.

Альбина. Да я не умею так разговаривать, как ты.

Викторина. Запомни: интеллектуальные женщины нравятся только избранным. Легче жить «божественной дурочке».

Альбина (*грустно*). Я похожа на такую.

Викторина. Во всяком случае, не отчаивайся. Я тебе с Валерием помогу.

Альбина. Правда? Ой, только на тебя одна надежда, ты такая умная. Как змея! Да! Ты знаешь, со мной

вчера на работе такой случай произошел, просто кошмар! Веду, понимаешь, урок. Один студент-иностранец вот так уставился на меня и смотрит. (*Показывает.*) Таращит на меня глаза, и все! Я ему говорю по-французски: «О чем вы думаете?» А он, представляешь, по-русски отвечает: «Вы ведь знаете!» Я ему тогда по-русски говорю: «Прекратите!» А он нагло так отвечает: «Не прекращу! Жамэ!»

Викторина (*едва удержалась от смеха*). Ты знаешь, я для тебя придумала потрясающую работу.

Альбина. Какую работу?

Викторина. Читать детям сказки по телефону.

Альбина. Не понимаю.

Викторина. Достаешь хорошие детские книжки. Распределяешь их по возрастам: дошкольный, младший. Находишь по знакомству двенадцать семей, где есть дети этого возраста. Договариваешься по телефону с родителями и читаешь полчаса в день каждому ребенку сказки. По десятке в месяц с каждой семьей. Шестичасовой рабочий день. Сто двадцать рублей в месяц без налогов. И никакого коллектива!.. Идея?

Альбина (*серьезно*). А если они меня слушать не захотят и трубку бросят?

Звонок телефона. Махонин, ожидающий междугородный звонок, подбегает к телефону.

Махонин. Алло! Вика, тебя! Надолго не занимай телефон. Я жду междугородную.

Викторина. Слушаю... (*Глядя на подругу.*) Это вы, пропащая душа! (*Тихо, подруге.*) Он! (*В трубку.*) Где пропадали? Вчера прилетели? Что?.. Как поживает наша Очаровательная? Вы хотите сказать, наша Божественная? Вижу иногда... Звонили ей? Никто к телефону не подходит? Ну что ж, ничего удивительного, она пользуется успехом и не сидит по вечерам дома. (*Подруге.*) Будешь с ним говорить?

Альбина. Нет, нет, я не знаю, что ему сказать.

Викторина (*в трубку*). Валерий! Подождите секунду, кто-то ко мне пришел... (*Подруге.*) Скажи ему для начала одну фразу...

Альбина. Какую?

Викторина. «Благодарю вас за тишину».

Альбина. За какую тишину?

Викторина. Господи! За то, что он не тревожил тебя своими звонками. Скажи эту фразу и послушай, что он ответит. *(В трубку.)* Валерий, вы еще здесь? Вам явно везет! Передаю трубку... *(Передает трубку подруге.)*

Альбина *(в трубку)*. Благодарю вас за тишину... Что? Да это я!.. Сразу не узнали? Очень плохо. *(Беспомощно смотрит на подругу.)* Чем я занималась все эти дни?

Викторина. Сосредоточивалась.

Альбина *(в трубку)*. Сосредоточивалась... Очень жаль, что не понимаете. *(Неожиданно озорно.)* Сразу видно, что вы не Макаренко!.. *(Хихикает.)* Чем я сейчас занята? Я у Викторины... Как вы догадались?.. Ах да!.. Что мы делаем? Сидим, сплетничаем, косточки всем перебираем... Покататься с вами по городу? *(Вопросительно смотрит на подругу.)*

Викторина. Катайся.

Альбина *(машинально)*. Катай... ой! Я согласна. А куда мы поедем?.. Куда глаза глядят?.. Через пять минут выходить? Только точно, а то я на морозе всегда простуживаюсь. Бай, беби! *(Кладет трубку.)*

Викторина. Ну вот и прекрасно.

Альбина. Я правильно с ним говорила? Я его заинтересовала? Нет, серьезно, если ты мне не поможешь, я никогда не выйду замуж! Никогда! Да! Чуть было не забыла тебя предупредить, что этот Новый год надо обязательно встречать в полосатом. Новый год — год Тигра. Прошлый был годом Зеленого кузнечика, и его все, кто успел, встречали в зеленом. Я не успела, встречала в синем, и поэтому мне весь год не везло. У тебя есть что-нибудь полосатое?

Викторина. Надо будет посмотреть.

Альбина. Я просто не знаю, что надеть. Придется срочно выходить из положения. Осталось три дня до встречи. Ну, я побежала! Я тебе позвоню. Все расскажу. Посоветуемся! Все продумаем, обсудим и запишем... Бай, беби! *(Убегает.)*

Махонины и Кочевряжнев на кухне. Он дремлет.

Махонина. Который час?

Махонин. О! О! О! Эгигий! Не падай духом! И не принимай близко к сердцу.

Кочевряжнев. К какому еще сердцу?

Махонин. Ах да! Забыл... И жене пока ничего не говори.

Махонина. Не надо... Не надо... Не расстраивайте ее! Не надо. А лучше идите... идите к другому врачу. А еще лучше — к профессору. Идите... Он вам что-нибудь подскажет...

Кочевряжнев. Вот и я думаю, может быть, к более квалифицированному врачу пойти?

Махонин. Эгигий! Покажи-ка мне еще раз твою курортную карту!

Кочевряжнев. Зачем?

Махонин. Покажи, покажи! Что-то мне фамилия этого доктора знакомой показалась. Где-то я ее уже слышал...

Кочевряжнев протягивает карту Махонину. Тот изучает подпись врача.

Мишкин!.. Мишкин... Так и есть, знакомая фамилия. Не родственник ли он нашему Мишкину, диспетчеру, что на днях помер?

Кочевряжнев. А если и родственник? Он же врач, а Мишкин — диспетчер. Мне не диспетчер диагноз выставил... Ну, я пошел... Только вы жене ничего не говорите... (*Уходит.*)

Махонина. И надо же таким дурнем быть! Эгигий! И имя какое-то дурацкое в святцах подобрали. Чего ты возле себя такого держишь?

Махонин. А зачем это нужно, чтобы зам был умнее, чем «сам»? Елку погасила? Давай отдыхать.

Продолжительный звонок телефона. Махонин бросается к аппарату. Махонина прислушивается к разговору, нервничает.

Это междугородная! Солома! Солома! Слушаю... Давайте, давайте! Соединяйте скорее. Я у телефона. Здравствуйте... Благодарю... Не скрою, не скрою, ждал вашего звонка. Совсем заждался... Слушаю! Понял... Как условились... Обязательно организую. Ясно. Отлично. Как договорились. (*Умолющим тоном.*) Но когда? Когда?.. Дату сообщу.

щите? Буду ждать. Я вас обнимаю. До встречи!
(*Осторожно кладет трубку на рычаг.*) Можно
отдыхать...

Махонина (*в тревоге*). Кто тебе звонил? Кто?

Махонин. Консультант тут один ко мне приехать должен. Без него работа стоит.

Махонина (*повышает голос*). А при чем тут солома?

Махонин. Фамилия у него такая: Солома. Обещал сразу после Нового года приехать. Туши елку! Пошли отдыхать!

Затемнение

КАРТИНА ВТОРАЯ

На авансцене с одной стороны — служебный кабинет Махонина. С другой стороны — приемная. В приемной томится в ожидании вызова к начальству Полудушкин. На коленях у него лежит большой плоский пакет. Телефонные звонки. Секретарша Тамара лихорадочно печатает на машинке.

Тамара (*в трубку*). Да! Нет!.. Да! Нет!.. Да! Нет!..

Полудушкин. Что это вы там печатаете, Тamarочка?

Тамара. Не мешайте, Полудушкин! Не то опять опечатаюсь. Третий раз все списки перестукиваю.

Полудушкин. Уж не к награждению ли? Если к награждению, меня не забудьте между строчек приписать. Без единой награды существую.

Тамара. Какое там награждение! Списки печатаю — всех, кто нас с Новым годом поздравили.

Полудушкин. Ну и как? Дебет с кредитом сходятся? Нет разночтения?

Тамара (*устало*). В том-то и дело, что пока не все еще ясно. Те поздравления, что до Нового года пришли, те я сразу зарегистрировала, а есть которые до сих пор приходят. Вот и сегодня еще пять штук принесли. Два из-за рубежа.

Полудушкин. От кого?

Тамара. Одно от фирмы, а второе до сих пор не разберем откуда.

Полудушкин. Много у вас, Тamarочка, хлопот с этим делом, как я погляжу. Сочувствую. (*Протягивает конфету.*)

Тамара. Не говорите! До Нового года неделю не работали — на поздравлениях сидели, после Нового

года третий день все сверяем и подсчитываем. Пал Палыч говорит, что это «важнейшее звено в цепи отношений». Опять же поздравляем по трем спискам: кто у нас «уважаемый», кто «многоуважаемый», а кто и вовсе «дорогой»! Так же регистрируем по этим категориям, а потом вычеркиваем.

Полудушкин (*не поняв*). Это кого же?

Тамара. Да этих самых поздравителей. Вот смотрю я в список и вижу: Елкина мы поздравили, и он нас поздравил. Стало быть, с ним в расчете. Я вычеркиваю Елкина. А вот Палкина мы поздравили, а он отмолчался. Ставлю галочку или вопрос. Есть над чем референту подумать, свои выводы сделать. Опять же Пал Палычу доложить. Кого повычеркиваю, с теми до следующего праздника расстаемся. А потом опять все сначала. И так весь год. От праздника до праздника. Знала бы, что мне на этих поздравлениях сидеть придется, ни за что бы не пошла к нашему в личные секретари. Нашла бы место попроще, в техническом отделе, где в таком объеме не поздравляют, где этому вопросу не такое значение придают. Хотите верьте, хотите нет, но мне уже перед праздниками кошмары ночами снятся. Сплю и вижу, будто я голая в целлофане и на мне большими золотыми буквами написано: «Желаю личного счастья!» И вся в холодном поту просыпаюсь.

Полудушкин (*в раздумье*). Поздравлять людей надо, но не до такой степени! А то ведь — штурмовщина в общественном масштабе...

Тамара. Вы меня поймите правильно. Я ведь не против поздравлений. Но когда это на отношения влияет, когда подсчеты да расчеты, обиды, сомнения и все такое прочее, да еще не на свои, а на казенные, то это уже совсем другой колленкор получается!

Полудушкин. Лучше побольше красочных настенных календарей печатать. А то вот Пал Палыч дал мне задание достать пяток импортных или экспортных настенных календарей.

Тамара. Ой, как мне это надо!

Полудушкин. Ну я, естественно, достал. А что мне это, извините, стоило?

- Т а м а р а. А что вам это стоило?
П о л у д у ш к и н (*невозмутимо*). Пять билетов на елку и две Анны.
- Т а м а р а. А как вы Анну Керн и Анну Ахматову достали?
- П о л у д у ш к и н. Два блока сигарет «Кент» плюс фактическая стоимость книг.
- Т а м а р а. А «Кент» как?
- П о л у д у ш к и н. Получил в благодарность за одну небольшую услугу — достал три билета в Театр сатиры одному товарищу из Министерства торговли.
- Т а м а р а. Бедный Полудушкин! У вас, я смотрю, тоже карусель!
- П о л у д у ш к и н. Крутимся помаленьку. Работа такая. (*Тихо запел.*) «Работа. у нас такая...»
- Т а м а р а. Полудушкин, когда мне что-нибудь понадобится, я к вам обязательно обращусь.
- П о л у д у ш к и н. Вы бы лучше обо мне, Тамарочка, шефу доложили. Я уже сорок минут тут у вас прохлаждаюсь.
- Т а м а р а. Сейчас доложу.

Сигнал из кабинета директора. Тамара поднимается. Она в брюках.

Сам вызывает. (*Проходит в кабинет.*)

М а х о н и н (*из-за стола*). Тамара! Списки готовы?

Т а м а р а. Перепечатала, Пал Палыч! Вот!

М а х о н и н. Давайте! (*Изучает списки.*) Так... так... так...

Т а м а р а. Профессору Бабуле я на особом бланке послала. Как вы велели. А этот из Новосибирска, что вас всегда поздравляет, опять вас Петром Петровичем окрестил!

М а х о н и н. Мы его тоже поздравляем?

Т а м а р а. Зачем же его поздравлять, Пал Палыч, если он который год ваше имя-отчество неправильно пишет.

М а х о н и н (*передает Тамаре стопку бланков*). Эти глянцевого, редкие — ты сохрани до будущего Нового года. Ясно? Пригодятся. Текст поздравлений можно будет прямо в них вписывать. Второстепенным лицам.

Т а м а р а. Я знаю, Пал Палыч! Мы всегда так делаем.
М а х о н и н. И будем делать.

Тамара задерживается.

Что у тебя еще ко мне?

Т а м а р а. Пришла телеграмма.

М а х о н и н. Что ж ты молчишь? Надо было сперва телеграмму на стол, а потом уж... (*Читает телеграмму.*) Выехал, значит. Какое у нас сегодня число?

Т а м а р а. С утра было пятое, Пал Палыч.

М а х о н и н (*соображает*). Пятое, пятое... Выехал второго из Красноярска. Почему из Красноярска?.. Ну, да ладно, не наше дело... Сегодня должен быть здесь. Отлично! (*Кладет телеграмму в карман.*)
Что у тебя еще ко мне?

Т а м а р а. Полудушкин дожидается.

М а х о н и н. Зови. Нужен!

Т а м а р а. Больше ничего, Пал Палыч. Я могу идти?

М а х о н и н. Ступай!

Тамара идет к двери.

(*Смотрит ей вслед, потом окликает.*) Тамара!

Т а м а р а (*останавливается*). Что, Пал Палыч?

М а х о н и н. Чтобы это было в последний раз!

Т а м а р а (*поняв намек*). Хорошо, Пал Палыч!

М а х о н и н. Я, кажется, давал указание?

Т а м а р а. Давали, Пал Палыч! Извините.

М а х о н и н. Что, у тебя юбок нет?

Т а м а р а (*оправдываясь*). Я, Пал Палыч, решила после работы за город поехать. Так чтобы не переодеваться.

М а х о н и н (*перебивает*). Полемику здесь разводить не будем! Дома можешь в чем угодно ходить, хоть в этих... Как они там у вас называются?

Т а м а р а. Бикини.

М а х о н и н. Ну так вот. Дома можешь хоть в бикинях ходить, а на рабочее место изволь в юбке садиться.
Усекла?

Т а м а р а. Усекла, Пал Палыч!

М а х о н и н. Зови Полудушкина!

Тамара выходит.

Полудушкин (в приемной). Заходить, что ли?

Тамара. Бегом!

Полудушкин (в кабинете). Можно, Пал Палыч?

Махонин. Что ты там штаны просиживал, не заходил?

Полудушкин. Тамара не пускала.

Махонин. Тамара! Ну что там?

Полудушкин. Все в порядке, Пал Палыч! Календарики достал. Как просили. (Кладет перед Махониным пакет.) Пять штук. Японский — с дамами. Гейши! Три — Интурист. Путешествия по СССР. Все разные. Байкал! Пятый — Экспортфильм. Портреты героев: Смоктуновский, Бондарчук, Мордюкова и другие подобные...

Махонин. Они, сам понимаешь, не мне нужны. Я этим не интересуюсь. Просили! (С интересом рассматривает японский календарь.)

Полудушкин. Понимаю, Пал Палыч! Люди просят — надо пойти навстречу. Я вашу просьбу всегда выполню. Потому что вы мне тоже не отказываете.

Махонин (поняв намек). Ну ладно, ладно, будет тебе телефон. Будет. Я уже и бумагу заготовил.

Полудушкин. Спасибо, Пал Палыч! Знаю, что вам не откажут. Кому-кому, а вам отказать невозможно. Вы до самого министра дойти можете. И он вам не откажет. Пойдет навстречу.

Махонин. Знаешь, зачем я тебя вызвал?

Полудушкин. Нет. Записывать?

Махонин. Так запомнишь. Мне срочно нужна отдельная однокомнатная квартирка со всеми удобствами. В центре.

Полудушкин. Понял. На какой срок? Пожизненно?

Махонин. Месяца на два. И чтобы в центре. И чтобы с телефоном.

Полудушкин (понимая кивает головой). Ясно! Селя ви. Жизнь!

Махонин. Да нет! Я этими глупостями не занимаюсь. Мне жены хватает. Один товарищ приезжает сегодня из Красноярска. По моему заданию приезжает. По работе это нужно. В гостинице на такой срок не пропишут. Да и накладно было бы. А мне нужно на два месяца.

Полудушкин. Понятно. На пару-тройку дней придет-

ся в гостинице определить, пока квартиру подберем.

Махонин. И неделю в гостинице прожить может. Ты, кстати, номерок-то в гостинице сегодня же обеспечить, а квартиру ищи! Платить буду я.

Полудушкин. Рублей сто пятьдесят за два месяца не жирно будет? В крайнем случае я свою квартирку уступлю, а сам на этот срок к брату перееду. Он тоже один живет.

Махонин. Так у тебя же без телефона!

Полудушкин (*хитро*). Телефон же недолго поставить.

Махонин. Ох, и хитрец же ты, Полудушкин! Ладно! Иди! Иди! А там посмотрим, как ты себя вести будешь. Что ты мне еще сказать хотел?

Полудушкин (*задушевно*). Хотел вам сказать, Пал Палыч, что очень хорошее впечатление на всех произвело, когда вы в почетном карауле на похоронах нашего Мишкина постояли. Все этот факт очень положительно отметили.

Махонин. А что? Не ожидали, что приду?

Полудушкин. Я вам прямо скажу: не ожидали. Простой диспетчер Мишкин помер, и вдруг вы лично в карауле с повязкой на рукаве.

Махонин. А что особенного? Ты помрешь — я и у тебя постою. Да еще на гражданской панихиде выступлю. Словом, скажу, какой ты был распрекрасный нужный человек!

Полудушкин. Заранее благодарю, Пал Палыч! Хотя хотелось бы, конечно, это выступление несколько оттянуть.

Махонин. Ладно. Оттянем. Желаю тебе кавказского долголетия.

Полудушкин. Благодарю. (*Заходит в приемную. Тамара.*) Вот так! Дела идут, контора пишет! (*Уходит.*)

Тамара смеется ему вслед.
Появляется Кочевряжнев.

Кочевряжнев. У себя? Один? Я зайду! (*Про себя.*) Свиристелка! (*Заходит в кабинет.*) Не помешал, Пал Палыч? Не занят?

Махонин. Заходи. Ты разве не в отпуске? Когда едешь, бессердечный человек?

Кочевряжнев. В пятницу.

Махонин (*улыбаясь*). Нашлось сердце-то?..

Кочевряжнев (*смущенно*). Нашлось... (*Качает головой.*) Надо же... Такое написать...

Махонин. Здорово он тебя тогда разыграл. Здорово. А ты и клюнул. Эх, ты!

Кочевряжнев. Так ведь доктор же! Кто мог знать, что он нашему Мишкину племянником доводится?

Махонин. Садись... Кстати, почему ты «нашему» Мишкину тогда в квартире отказал? Он же был у нас первоочередником.

Кочевряжнев (*помолчав*). Я знал, что он помрет. Он был неизлечим. Дали бы ему квартиру, он все равно долго бы не протянул. Ну и что бы выгадали? Сперва потеряли бы квартиру, а потом человека. А у нас всего две однокомнатных было. Жаль, конечно, Мишкина, но что поделаешь.

Махонин. А кому же эта квартира досталась?

Кочевряжнев (*уклоняясь от прямого ответа*). Да тут, понимаешь...

Махонин. Кому, говорю, мишкинская квартира досталась?

Кочевряжнев. А?.. Провели мы с ней одну операцию... выделили, так сказать, на улучшение... Ну, да бог с ней!

Махонин. Все твои делишки? Слушаю тебя.

Кочевряжнев (*меняя тему разговора*). Я к тебе по поводу нашего ученого совета. Набрал я тут списочек... Посмотри. (*Протягивает Махонину список.*) Половину, а то и больше, надо заменять.

Махонин. А я что говорил? Я всегда бываю прав.

Кочевряжнев. Верно. Сейчас у нас не ученый совет, а какой-то птичий базар. Вольница запорожская. То им не нравится, это им не подходит. Голосуют против. Остаются при особом мнении. Куда это годится? Ученый совет должен быть в наших руках таким инструментом, который нам нужен.

Махонин (*просматривая список*). Кто это?

Кочевряжнев. Свиньин.

Махонин. Свиньин? Вертихонина зачем включил? Он же дурак.

Кочевряжнев. Ну и что ж, что дурак, а проголосует как умный. Я и Фикашкина по этой причине наме-

тил. Он хоть и не дурак, а начальству в рот смотрит. Он кого хочешь завалит, кого нужно будет — проведет. Только намекни.

Махонин. В таком случае почему ты Айяйяйкина оставил?

Кочевряжнев. Да шут с ним, с Айяйяйкиным, Пал Палыч! У нас двое таких — Айяйяйкин и Ахахашин. Пусть себе против голосуют... Пусть при особом мнении остаются. Пусть! Зато свежая струя... У всех на виду. Один-два ничего не решают. Решают большинство, а в большинстве у нас будут те, кто за нами пойдет. Здоровый, спаянный коллектив. Разве я не прав?

Махонин. Пожалуй, ты прав, Эгигий! Трудно с тобой не согласиться. *(Отстраняя список.)* Ох эти ученые советы, сколько людям крови поперепортили! Помню, когда я на кандидатскую выходил, меня чуть живьем не съели. Пронесло! Молод я тогда был. Вынослив.

Кочевряжнев. Кстати, как с докторской? Продвигается?

Махонин. Не знаю, что сказать... Трудно... Дай срок... Третий год по ночам да все выходные и праздники над ней сижу. Так трудно. Так трудно. Посмотрим. В этом году, может, на защиту выйду.

Кочевряжнев. Теперь с этим делом строго стало. Не как раньше. Теперь ВАКу большие права даны. За грубые нарушения установленного порядка этой самой защиты они запросто ученые звания и степени отнимать могут.

Махонин. И правильно. Давно пора ВАКу дать такие права. Сколько у нас этих липовых кандидатов да докторов развелось?! Хоть пруд пруди. А нам чего бояться? Волков бояться — в лес не ходить.

Кочевряжнев. Ясное дело. Попытка — не пытка. *(Поднимается.)* У меня небольшое совещанье на двенадцать ноль-ноль назначено. Значит, обо всем договорились? Списочек у себя оставишь?

Махонин. Оставлю! Помозгую еще. Пошлифую. *(Вспомнив что-то.)* Да! Эгигий! Не в службу, а в дружбу. Надо мне тут одну дивчину на работу устроить. Запиши фамилию!

Кочевряжнев. Записываю.

Махонин. Потусторонняя Лидия Андреевна.

Кочевряжнев. Записал. Что она может делать?
Махонин. Определи ее в лаборантки. Надо! Помоги!
Кочевряжнев. Будет сделано.

Кочевряжнев уходит. В приемной появляется Солома.

Тамара. Молодой человек! Вы к кому?

Солома. Я к Пал Палычу. Он меня ждет.

Тамара. Сейчас доложу. Откуда вы?

Солома. Не важно. Важно, что я здесь, а он меня ждет.

Тамара. А у нас так принято. Без доклада я вас не пропущу.

Солома возвращается к столу секретаря, садится.

Солома. Доложите.

Из кабинета выходит Пал Палыч.

Пал Палыч! Не пускают к вам!

Махонин (*радостно*). Товарищ Солома! Очень рад. Значит, приехали?

Солома. Строгие у вас, однако, порядки!

Тамара. А нам все равно, что сено, что солома.

Солома. Вы прекрасный секретарь! Шефа надо охранять!

Махонин (*Соломе*). Проходите, пожалуйста! (*Тамаре.*) Ко мне никого не пускать! Меня нет! Я в главке! Прошу!

Махонин и Солома проходят в кабинет.

Значит, будем работать?

Солома. Значит, будем работать!

Махонин. Товарищ Солома, могу я быть с вами откровенным?

Солома. Не здесь... Не здесь...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка первой картины. В той же позе сидит ожидающий кого-то Полудушкин. Так же как в первой картине, появляется Махонина. Только на этот раз она в брюках и голубом парике.

Махонина. Сидят?

Полудушкин. Сидят! Раиса Марковна, я, пожалуй, это дело оставлю, а сам пойду.

Махонина. А что это вы еще нам принесли, если не секрет?

Полудушкин. Какие же от вас могут быть секреты?
Билет для Соломы.

Махонина. А я и не знала, что Солома, оказывается, у вас квартировался.

Полудушкин. Почему не пойти навстречу нужному человеку? Поискал, искал ему квартиру на стороне... Свою уступил. Два месяца — не два года.

Махонина. Выходит, он вас как бы стеснил?

Полудушкин. Почему именно стеснил? Зато я теперь с телефоном. В момент поставили. Я монтерам десятку подбросил, так они мне еще две добавочные розетки поставили и рыжий польский аппарат принесли.

Махонина. Красиво!

Полудушкин. Большой дефицит. Так что имею теперь связь со всеми точками.

Махонина. Солома уезжает?

Полудушкин. Уезжает. Я ему на третье число достал. Спальный вагон. В Харьков едет. Вот я и жду. А дела меня ждут...

Махонина (*вздыхнув*). Пал Палыч этому Соломе для работы все условия создал. Буквально все.

Полудушкин. Ясное дело. Ученый человек приехал, надо его в соответствующие условия определить, чтобы голова работала.

Махонина. Пал Палычу нужны хорошие помощники. Ой как нужны!

Появляется Махонин в синем спортивном тренировочном костюме. Полудушкин поднимается ему навстречу.

Махонин. Билет достал?

Полудушкин. Все в порядке. (*Отдает билет.*)

Махонин уходит в кабинет, где его ожидает Солома.

Махонин (*подает ему чашку кофе.*) Пожалуйста. Итак, вы считаете, что у нас все в порядке. Можно рассылать?

Солома. Можно рассылать. Вот только...

Махонин. Что?

Солома. Видите ли, Пал Палыч... Мы написали для вас диссертацию. Но это еще не все! Это пока

еще — полдела. Мы с полной ответственностью подводим соискателя к защите, ну а там уже он сам должен свой ум и разум приложить — организовать режим продавливания.

Махонин. То есть?

Солома. Я имею в виду саму организацию защиты — внешние отзывы, официальные оппоненты и прочее и тому подобное. Включая публикацию автореферата. Безусловно, должен вас предупредить, немаловажное значение имеет и сама подача материала в процессе защиты. На аудиторию производит впечатление внешний вид соискателя, его манера держаться, дикция, интонация... Словом, важно общее впечатление. Это чисто психологический фактор, но сбрасывать его со счета не рекомендуется. Ну, об этом поговорим несколько позже. Оппоненты у вас определены?

Махонин. Да, конечно! Профессор Бабуля дал согласие и даже сам мне одного покладистого человека рекомендовал. Доктор наук Потусторонний обещал подумать и дать отзыв. Я уже его племянницу к себе на работу лаборанткой устроил. Так что думаю, что все в порядке... Можно рассылать?

Солома. Можно рассылать... Вот толькоко...

Махонин. Что?

Солома. Да нет, ничего. Как говорится — дело сделано, пора и домой!

Махонин. Кстати, вот, пожалуйста, билет. Спальный вагон.

Солома. Кстати, Пал Палыч, вам спасибо за комфорт, за сощбытусловия...

Махонин. Ну что вы... Значит, можно рассылать?

Солома. Можно рассылать... Вот толькоко...

Махонин. Что?

Солома. Видите ли, Пал Палыч... К этому вопросу не хотелось бы подходить однозначно. Вы же знаете, я работаю не один, у нас целая творческая корпорация... На счету этой корпорации достаточное количество подготовленных ею кандидатов и докторов наук... Наш первый и основной принцип — чистое сливочное масло, безо всяких суррогатов... И вот это сливочное масло у вас на столе. Казалось бы... Можно намазывать его на хлеб, но...

Махонин. Что «но»!

Солома. Вы извините меня, Пал Палыч, за откровенность... Корпорация считает, что в данном конкретном случае она переработала в какой-то мере и что прежние условия должны быть несколько изменены... К сожалению...

Махонин. Как изменены?

Солома. В пределах разумного. Вы обратили внимание, например, что мы из простых научных отчетов сделали? Как их препарировали? Как изложили?

Махонин. Не понимаю.

Солома. Я вас понимаю.

Махонин. Мне бы все-таки хотелось, чтобы мы с вами...

Солома. Мне бы тоже этого хотелось, Пал Палыч, но я не один... И не все вопросы я могу решать самостоятельно... У нас внутри тоже есть свои пригорки и бугорки... Есть более меркантильные люди, есть менее... Но...

Махонин. Но что?

Солома. Видите ли, Пал Палыч... Не хотелось мне... Существуют различные степени подготовленности кандидатов... В данном конкретном случае мы были на голом месте. Простите, я все сказал.

Махонин. Вы, вероятно, забываете, мой друг, что я...

Солома. Что вы?! Вы знаете, Пал Палыч, отчего пал Рим? Отчего в свое время пала Византия?

Махонин. Не знаю!

Солома. От излишеств... От огромного количества никому не нужных предметов роскоши... От них надо избавляться, и по возможности легко. Вы читали у шведов, чему учат уроки истории?

Махонин. Я не читаю шведов!

Солома. Уроки истории учат, что люди не обращают внимания на уроки истории... Учтите, Пал Палыч, мы ведь тоже не каждого, не всякого... У нас тоже конкурс... Из семи рекомендованных одну кандидатуру берем. Нам ведь важно, чтобы человек был вроде вас, надежный, с перспективой... А как же?! Вы идете вперед, мы стоим на месте... У вас впереди будущее, у нас настоящее...

Махонин *(кладет диссертацию в ящик письменного*

стола). Хорошо... Если в пределах разумного...
Может быть, перекусите у нас?

Солома. Нет, благодарю. Мне еще нужно забежать в библиотеку, сдать кое-какие фолианты.

Махонин. Товарищ Солома, можете вы мне ответить на один вопрос? Только откровенно...

Солома. Если смогу.

Махонин. Скажите, почему вы сами до сих пор без степени?.. С вашей эрудицией, при вашем таланте... Вы бы могли организовать это в два счета.

Солома. Если честно, Пал Палыч?

Махонин. Честно!

Солома. А зачем мне эта самая степень? Вам, в вашем положении, эта степень, так сказать, открывает заманчивые дали, голубые горизонты. А мне? Ну, прибавят мне к зарплате несколько десятков, а так, если хотите знать, я получаю моральное удовлетворение... Мы цементируем общество...

Махонин провожает Солому. Возвращается.

Махонина. Ну?

Махонин (*с удовлетворением*). Умный мальй. Головастый мужик.

Махонина (*с тревогой*). Он тебе помог, Паша? Проконсультировал твою работу? Ты доволен?

Махонин. Еще как! Ты даже не представляешь, как помог! У меня, сама понимаешь, абсолютно нет никакого времени цитаты сверять. А он все вычитал, все сверил, все проверил. Кое-какие чертежи и схемы вычертил. Автореферат отредактировал. Ну и я в долгу не остался. Теперь за все надо платить.

Махонина (*осторожно*). Паша, ты не зря все это затеял?

Махонин (*настороженно*). То есть?

Махонина. Зачем тебе это? Зачем? Ходил бы в кандидатах. Чем плохо?

Махонин. Раиса! Что ты говоришь? «Ходил бы в кандидатах!» Возможности нельзя держать про запас. Если ими не воспользоваться, они уходят безвозвратно. К чертовой матери! Двадцать пять лет я уже в этих кандидатах хожу. Двадцать пять лет!

Четверть века! А ведь мне, слава богу, уже за пятьдесят. Защиту докторскую, глядишь, и в членкоры со временем выбьюсь... А кандидату туда дороги нет! Красный свет — кандидату!

Махонина (*с испугом*). Паша, ты и в академию метишь?

Махонин. А чего вы испугались, Раиса Марковна? Уж если мы в академию пойдем, так это уже посмертно... Тьфу! — я хотел сказать пожизненно! По гроб жизни, пока концы не отдашь!

Махонина. Жаль мне тебя, Паша! Жаль! Сколько у тебя на это нервов уходит. А сколько завистников кругом... Вчера на приеме Айяйяйкина подходит: «Слухами земля полнится. Говорят, ваш докторскую защищать собирается?» Да, отвечаю, собирается. А она: «Когда он только успевает? Он же у вас такой перегруженный!» Успевает, говорю, успевает. По ночам работает. Без выходных. Без отпуска. «Ну что ж, отвечает, дай бог, дай бог! Желаем успеха!» Чокнулась рюмкой и пошла...

Махонин. А зачем ты с ней разговариваешь?! Пусть спасибо скажет, что ее мужа в новом составе нашего ученого совета оставили. На волоске ведь висел со своей принципиальностью... Кабы не я...

Махонина. А гусей лучше не дразнить, Паша! Лучше не дразнить!

Махонин (*рассердившись*). Раиса! Чего это ты в брюки вырядилась? Не идут они тебе с твоей... фигурой. Ну, ладно Викторина с Альбиной — им не втолкуешь, но ты-то?

Махонина. Вот дурак! Ну дурак! Отставший ты человек, Паша! Хотя и ответственный работник. Несовременный. Брюки ему мои не понравились! Это джинсы бразильские. Фирма! Смотри... Что ты понимаешь в этом? Это модно. Это практично. Все так ходят. Чем я хуже любой министерши? Чем я хуже киноактрисы?

Махонин. Да ты не хуже, а может быть, даже лучше! Но знаешь ведь, не люблю, когда женщина в брюки одевается. А парик зачем? Не к лицу тебе голубой парик! Не идет! Ты в нем, как в папахе! (*Стягивает с головы жены парик.*)

Махонина (*в ярости*). Ну чего ты привязался в самом-то деле! Брюки ему не носи, парик не наде-

вай! Не мужское это занятие — в бабьи дела свой нос совать! Я же тебя не спрашиваю, чего ты вырядился в спортивный костюм.

Махонин. То есть?

Махонина. Не идет он к твоей фигуре! Чего ты в спортивный костюм влез? Тоже мне «мастер спорта» по подъему тяжестей. Три раза по сто грамм — и в постель...

Махонин. Не груби мне, Раиса! Не груби! (*Уходит.*)

Махонина садится. Звонок в передней. После паузы появляется Альбина.

Махонина (*про себя*). Вот несовременный человек...
Вот несовременный человек...

Альбина. Раиса Марковна! Я не вовремя?

Махонина. Нет, нет, Альбиночка! У меня просто настроение немножечко испортилось.

Альбина. Что-нибудь случилось?

Махонина. Да нет, ничего особенного. Повздорили мы тут немного по семейным обстоятельствам. Альбиночка! Вас давно у нас не было! Уж вы не поссорились ли с Викториней?

Альбина. Что вы, Раиса Марковна! Разве это на нас похоже? Просто я совершенно замotalась со своими личными делами. Я ведь замуж вышла.

Махонина. Иди ты! А мы ничего не знаем. Когда же это? Когда?

Альбина. Вчера. Собственно говоря, я еще фактически не вышла, но дала согласие. Даже Вике сообщить не успела. Вот забежала, чтобы лично...

Махонина. За кого, за кого же вы выходите? Кого ошастливили?

Альбина (*нерешительно*). Одного... моего бывшего студента. Он, правда, моложе меня на пять лет, но это незаметно, потому что он... загорелый. Островитянин.

Махонина. Кто это?

Альбина. Он островитянин.

Махонина (*оторопев*). За кого вы вышли? Я что-то не поняла!

Альбина. За одного иностранца. Очень симпатичный молодой человек. С европейским образованием. Хорошо говорит по-русски. Ухаживает за мной больше года. Я из-за него и с работы уволилась. После

свадьбы поеду знакомиться с его родителями. На острова.

Махонина (*обретая дар речи*). Что же вы, Альбиночка, с нашей Викториной не посоветовались? Всегда советуется, а тут... Она же вас так любит. Она бы вам что-нибудь подсказала.

Альбина. Не говорите, Раиса Марковна! Так все стремительно получилось... (*Протягивает фотографию.*)

Махонина. Да. Я вижу, теперь уже поздно советовать. (*Рассматривает фотографию.*) А ничего, ничего... Я-то вообще считаю, что лучше за своих выходить. Ничего, ничего! А посоветоваться с Викториной никогда не мешает. Может, она что и подскажет на будущее. За вами одно время ухаживал этот... кажется, Валерий?

Альбина. Дипломат! (*Грустным голосом.*) Пустой номер, Раиса Марковна! Ухаживал, ухаживал, а за границу без меня уехал. И не пишет даже. Разочаровался. Вообще мне, Раиса Марковна, катастрофически не везет. И все, знаете ли, началось опять со встречи Нового года. Меня уверили, что нынешний год будет по какому-то гороскопному календарю годом Тигра и что встречать его нужно обязательно в полосатом. Я по знакомству с большим трудом достала себе на один вечер полосатый брючный костюм и в таком виде, как зебра, явилась на встречу Нового года. А меня, оказывается, просто разыграли. Все были одеты в желтое, потому что нынешний год — год Канарейки. Вот и выхожу теперь замуж не за дипломата, а за островитянина. И с работы уволилась. И вообще... не везет.

Звонок в передней.

Махонина. Это — Викторина. Она умная... Она подскажет...

Появляются Викторина и Просов. В руках у Просова две бутылки шампанского.

Викторина. Привет. Куда ты пропала? Не звонишь, не заходишь! Здравствуй! (*Целует Альбину.*) Очень кстати, что ты здесь! (*Просову.*) Юра, ставь на стол шампанское! Мама! Где у нас чешские фужеры?

Махонина (*растерянно*). Где фужеры? В серванте фужеры!

Викторина (*бросается к серванту. Достает фужеры*). Отец дома?

Махонина. Отец дома.

Викторина. Один?

Махонина. Один. Что, собственно, случилось? По какому поводу?

Викторина. Сейчас все узнаете. (*Зовет.*) Папа! Папа! Отец!

Махонин (*появляясь*). Я здесь! Кто меня зовет?

Викторина. Я зову. Твоя дочь Викторина. Сюда! Срочно!

Махонин. Пожар, что ли? В чем дело? Здравствуй, Юрий Сергеевич. Что произошло? В честь чего?

Викторина (*командует*). Юра! Открывай бутылки! Разливай по бокалам!

Просов исполняет приказание.

А теперь пусть каждый возьмет по бокалу. Мама, бери бокал! Альбина, ты — тоже! Тебе нужно особое приглашение? Папа, это тебе!

Все стоят с бокалами в руках.

Юра! Начинай! Только торжественно.

Просов (*собравшись с духом, он тоже явно волнуется*). Дорогой Павел Павлович!

Махонин. Чего?

Просов. Дорогая Раиса Марковна!

Махонина. Да?!

Просов. Не скрою, волнуюсь... Дело в том, что ваша дочь, Викторина Павловна... Одним словом, Вика дала согласие стать моей законной женой. Супругой. Я обещаю вам никогда ничем вас не огорчать, а Вику, вашу дочь, я обязуюсь любить до конца моих дней. И я сделаю все, чтобы она была счастлива. Клянусь! Мы любим друг друга. Прошу у вас ее руки!

Викторина. Сердце я ему уже отдала!

Махонина. Иди ты!

Викторина (*весело*). А теперь все должны за нас выпить. И до дна, пожалуйста! Папа! Приди в себя! Чокнись с зятем! Мама! Все отлично. Юра прекрасный человек, и я его люблю!

Махонин (*приходит в себя*). Ну что ж... В конце концов это должно было случиться...

Викторина. Жить мы будем у Юры. У него двухкомнатная кооперативная квартира в ЖСК «Вечное перышко». Отец! Я обещала тебе в ближайшее время сделать тебя дедом, а маму бабушкой. Готовьтесь! Внуки не за горами.

Махонина. О боже! Викторина...

Викторина. Не так ли ты выходила замуж за папу? Ты мне сама рассказывала, как это было.

Махонина (*улыбаясь сквозь слезы*). Время другое было. Другое время.

Альбина (*явно завидуя подруге*). Викторина! Поздравляю тебя! (*Просову.*) И вас тоже поздравляю. Желаю вам счастья!

Чокаются. Пьют. В передней звонок. Викторина выбегает. Возвращается несколько смущенная.

Махонина. Кто там пришел?

Викторина (*не сразу*). Альбина! Там какой-то... иностранец... Спрашивает тебя. Говорит, что ждет в самерике уже больше часа, а ему некогда, у него самолет улетает. В Лондон.

Альбина (*всплеснув руками*). Ой! Товарищи! Совсем про него забыла! Это же — Джозеф-Осага-Огот-Боас! Мой будущий муж!

Пауза.

Махонин (*захмелев, кричит*). Давай их всех сюда! Гулять так гулять!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Махониных.

Махонина и Альбина сервируют праздничный стол. На этот раз Махонина в рыжем парике.

Звонок телефона.

Махонина. Альбиночка, подойдите, пожалуйста, к телефону. У меня руки заняты.

Альбина (*снимает трубку*). Алло! Вика? Ну где же

вы, в самом деле?.. Что? Машина не заводится? Как заведется, так приедете? А если она вообще никогда не заведется? Тогда возьмете такси? Ну ладно! Мы вас ждем. Давайте скорее! (*Кладет трубку.*) У них машина не заводится. Говорит, скоро приедут. Просят подождать.

Махонина (*продолжая начатый разговор*). Ну и как же теперь, Альбиночка?

Альбина. А ничего, Раиса Марковна.

Махонина. Как? Выходит, этот самый Джозеф-Осага-Боас, он вас и не любил вовсе? Это же обидно.

Альбина. Конечно, обидно. Но я думаю, что это, скорее всего, на него родственники повлияли. У них ведь там свои обряды. Свои обычаи...

Махонина. Говоришь, мать ему там на месте невесту подобрала?

Альбина. Да. Он так мне написал. Дочку губернатора. Вообще-то, Раиса Марковна, может быть, мне даже и повезло в первый раз! Как вы думаете?

Махонина. Я тоже так полагаю. Тут все свои, а там все чужие. Не считая советской колонии... Поросенка на середину стола поставим, а хрен по бокам!

Альбина. А холодец я с кухни принесу.

Махонина. Холодец и крабовый салат прихвати. А пирог мы уже здесь на месте нарежем.

В передней звонят. Появляется Полудушкин. Он вносит коробку с бутылками.

Полудушкин. Не опоздал, Раиса Марковна?

Махонина. Вовремя. Пал Палыч еще из ванной не выходил.

Полудушкин. В аэропорт пришлось подъехать. Прямо к самолету. Может, их все по столу расставить?

Махонина. Не надо. Зачем же все? Половину на стол, а остальные в холодильник. Никогда еще не пробовала эту пепси-колу. Как она действует?

Полудушкин. Говорят, прохладительная и с коньяком мешать можно.

Махонина. А у нас в продаже ее нет?

Полудушкин. Может, где и есть, да я не знаю. Знал бы, я бы с Черноморским побережьем не связывался. Там ведь ее вторая родина, этой пепси-колы.

Махонина. Попробуем, что за питье такое!

Альбина. Ой! Пепси! Это чудесно! Откуда?
Полудушкин. Привет с Черноморского побережья!

Альбина. А кока-колы не было?
Полудушкин. До этого еще не дошли! Но будет! Будет обязательно. Не всё сразу!

Появляется Махонин. Он в купальном халате, в тапочках. Вытирает голову мохнатым полотенцем.

С легким паром, Пал Палыч!
Махонина (*укоризненно*). Пал Палыч! Здесь дамы!
Махонин. Ничего... Альбиночка меня простит. Она свой человек.

Альбина. Прощаю, Пал Палыч! Я не смотрю! Я на стол накрываю.

Махонин (*показывая на бутылки*). Достал-таки?
Полудушкин. Думал, не успею к обеду. Самолет встречал.

Махонин открывает бутылку, пьет прямо из горлышка.

Махонин. Уф!.. Газу много! Хорошо глотку дерет!

Полудушкин. Больно шипучая.

Махонин. Сколько же ты бутылок притащил?

Полудушкин. Две дюжины.

Махонин. Больше не удалось? Ну, и на этом спасибо.

Полудушкин. Как съездилось, Пал Палыч?

Махонин. Отлично. Отлично. Сам того не ожидал. Прекрасно прошло. На высшем уровне. Есливерху утвердят, с меня пол-литра.

Полудушкин. Э-э-э! Пал Палыч! (*Смеется.*) Шутка ли! Доктор наук!! Тут коньячком пахнет! Пять звездочек, не меньше!

Махонин (*добродушно*). Ладно. Смотри не сглазь. Я пойду переоденусь, пока гости не нагрянули. Ты оставайся, с нами обедать будешь. (*Уходит.*)

В передней звонок. Появляются супруги Кочевряжневые.

Махонина. Мы к вам, Антуанетта Ивановна, от двух до трех никак дозвониться не могли. Все занято и занято...

Кочевряжнева. Неудивительно, Раиса Марковна!

У нас теперь в это время каждый день телефон занят. В это время к нам лучше не звонить.

Махонина. Что так?

Кочевряжнева. Димочка сказки по телефону слушает.

Альбина настораживается.

Махонина. Сказки? Кто же их ему рассказывает, да еще по телефону?

Кочевряжнева. Мы сказительницу наняли. По заочной рекомендации. Десять рублей в месяц на Главный почтамт до востребования высылаем и после обеда к телефону не подходим. Это — Димочкино время.

Махонина. Сколько же лет вашему Димочке?

Кочевряжнева. Шестой пошел. Скоро в школу пойдет. Только сегодня всю ночь не спал. Не ту ему сказку прочитали.

Альбина (*неожиданно*). Вы имеете в виду «Бармалея»?

Кочевряжнева. А вы откуда знаете, что ему читали?

Альбина (*уклончиво*). Просто я догадываюсь. Если не спит, значит, от «Бармалея». Только, между прочим, эту сказку Корней Чуковский сочинил. Классик!

Полудушкин. Два тридцать пять! Такая красненькая. Отличный переплет.

Кочевряжнева. Так вот я завтра сама к телефону подойду, попрошу сказительницу читать Димочке что-нибудь повеселее, учитывая восприимчивость ребенка. Он у нас очень восприимчивый! Весь в деда!

Альбина (*горячо*). А вы знаете, как сейчас трудно найти что-нибудь подходящее для ребенка вашего возраста? Все уже читано-перечитано! А издают мало.

Полудушкин. Большой дефицит!

Альбина. И потом наш Димочка вообще плохо слушает, все время задает вопросы, перебивает...

Кочевряжнева. Откуда вы знаете, как он слушает?

Альбина (*не растерявшись*). Все дети такие! (*Отходит.*)

Кочевряжнев. Хозяин еще отдыхает?

Махонина. Всего три часа только поспал, как прилетел. Принял ванну и сейчас переодевается к обеду.

Кочевряжнев. Успешно слетал?

Махонина. Защитился, слава богу! Выйдет и сам все в подробностях расскажет.

Кочевряжнева. Слышали, как моего бюрократа в поликлинике разыграли? Я ему первая сказала, что над ним посмеялись. Сердца, видите ли, у него не нашли.

Кочевряжнев. Нашла место, где шутить!

Кочевряжнева. Мне лучше знать, что у него есть, а чего нет! Не было бы сердца, не пил бы столько... валокордина. По пять пузырьков в месяц расходует.

Махонина. И ничего этому Мишкину не было? Разве можно так с больными шутить? Да еще курортную карту такими диагнозами портить.

Кочевряжнев. Я принял меры против хулигана. Взыскание ему объявили. Строгий выговор. Хотели все уволить, да коллектив заступился. Признали, что он это сгоряча, по молодости лет. На меня озлобился, как узнал, что перед ним тот самый «бессердечный бюрократ», который его покойному дяде ордер на квартиру, видите ли, не выписал.

Полудушкин (*осторожно*). А может, дядя и дольше прожил бы, если бы квартиру получил?

Кочевряжнев. Что сейчас гадать? Может, и прожил бы...

Появляется Махонин. Он переоделся. На пиджаке университетский значок.

Махонин. Привет! Привет трудящимся!

Кочевряжнев. Пал Палыч, можно поздравить?

Полудушкин (*восторженно*). Пал Палыч! Доктор! Пал Палыч!

Махонин. На первом этапе как будто можно. Раюня! Наши еще не приехали?

Альбина. У них машина сломалась.

Махонина. Как только они приедут, Паша, мы сразу сядем за стол.

Махонин (*осматривает стол*). Лично я проголодался.

В самолете кормили, но я воздержался. Я полагал, моя Раюня дома вкуснее покормит.

В передней звонят. Входят Викторина и Просов. В руках у них подарки.

Викторина. Добрый вечер! Здравствуйте, товарищи!
Просов. Извините, что заставили вас ждать. У нас машина никак не заводилась. *(Здоровается со всеми.)*

Махонин. Пора машину менять.

Викторина. Она у нас еще хорошая. Просто мы ее на улице держим. Папа! Тебя можно поздравить?

Махонин. Можно, можно. Почему нельзя? Поздравляй, дочка!

Викторина. Поздравляю!

Просов. Пал Палыч! От души примите и мои поздравления! Рад за вас. Да что я говорю? За всех нас рад! Это — событие!

Махонин. Спасибо, зять! Раиса! Будем мы к столу садиться или нет?

Махонина. Да! Да! Прошу всех к столу. Я сейчас пирог принесу. *(Выходит, возвращается с пирогом.)*

Кочевряжнев. Где прикажете приземлиться?

Махонин. Где хотите, там и приземляйтесь. Альбина, вы возле меня, по правую руку. Ты, Викторина, по левую. Буду в приятном окружении. Полудушкин, ты садись с краю. Семь лет без взаимности!

Полудушкин. Я углов не боюсь. Я везде пристроюсь.

Викторина. Юра! Ты рядом со мной.

Махонин. Держи, держи мужа под боком, а то смотри убежит!

Просов. Я не за себя, а за Викторину боюсь, как бы ее не увели! *(Смеется.)*

Махонин. У нас не дипломатический прием. Без субординации, по-семейному. Здесь все — свои.

Полудушкин. Спасибо, Пал Палыч!

Махонин. За что благодаришь?

Полудушкин. За то, что своим назвали.

Махонин. А у нас без чинопочитания. Разливай, Полудушкин! Передай-ка мне эту пепси-колу! *(Нали-*

вает напиток в фужер.) Вишь какая она шипучая! Одной пены полфужера! (Показывает всем.) Однако быстро оседает. Гляди! Вроде ее и не было! (Пьет.)

Полудушкин. Это пивная не скоро оседает. Потому-то на ней умные люди большие дела делают.

Просов. Пена... Пена... Пена... Я сейчас... Извините, товарищи! Я должен срочно позвонить.

Викторина. Куда ты, Юра?

Просов (подходит к телефону и набирает номер). Кто у телефона?.. Здравствуйте, это Просов говорит. Это товарищ Рублев?.. Товарищ Рублев! Очень прошу, если еще не поздно, изменить заголовок моего материала, который идет в номер... Полоса перед вами? Очень хорошо, прошу вас. Значит, так... Прежний заголовок зачеркните... Зачеркнули? Так. Новый заголовок будет «Пена». Ну да! «Пена». Одно слово... Да, именно это я имею в виду. Не накипь, а пена... Ясно. Спасибо. В случае чего я буду весь вечер по телефону двести двенадцать двадцать пять сорок восемь. (Кладет трубку.) Извините, товарищи! У меня завтра в газете должен быть опубликован один важный материал. Так вот вы, сами того не подозревая, подсказали мне для него отличный заголовок — «Пена».

Махонин. Гонорар пополам? А что за материал? Впрочем, потом расскажешь. Пена так пена! А сейчас давайте выпьем! У кого еще не налито? У всех налито?

Махонина. У всех налито.

Кочевряжнев. Нет! Так не пойдет! Тост нужен! Имею предложение! Разрешите!

Махонин. Давай, Эгигий! Произнеси! Только покороче. Не затягивай!

Кочевряжнев (поднимается). Товарищи! Друзья! И близкие! Я полагаю, что выражу общее желание и настроение всех присутствующих поднять первую рюмку за нашего друга и сослуживца, отца, мужа и тестя в одном лице, а именно за дорогого Пал Пальча! Наше прогрессивное общество приняло в свои объятия нового доктора наук! Это, товарищи, немаловажный факт! Мы знаем Пал Пальча

как человека инициативного, принципиального и, я бы сказал, уникального в своем роде. Пал Палыч органично сочетает в себе качества практика и теоретика. Несмотря на колоссальную повседневную занятость, он нашел в себе силы и, я бы добавил, мужество подготовить за три года, я это подчеркиваю, и, главное, защитить докторскую диссертацию. Товарищи! Честно скажу, это в наше время не всем по зубам! Так выпьем же за нового доктора! Пожелаем ему богатырского здоровья и новых огромных успехов в его практической и научной деятельности! Пал Палыч! Недалек тот час, когда мы, и я в этом уверен, будем приветствовать тебя как члена-корреспондента...

Махонин. Эгигий, хватит! Рука затекла. За меня так за меня! Спасибо за пожелания!

Все чокаются. Пьют. Слышны возгласы. Смех.

Кочевряжнев. Такой тост сорвали!

Викторина. Папа! Расскажи, как прошла защита.

Махонин (*гостям*). Закусывайте, закусывайте! Полудушкин! Ты что, вроде робеешь?

Полудушкин. Пал Палыч! Я не робею, я поросенка ем.

Махонин. Ешь, ешь! Бери еще кусок. Вот этот, с хвостиком! Раюня! Угощай гостей! Передай-ка мне икорку!

Викторина. Папа! Я тебя спросила, как прошла защита.

Гости. Пал Палыч, расскажите. Как?.. Очень интересно...

Махонин (*ест*). Хорошо прошла. Что я могу сказать? (*Вытирает рот салфеткой*.) Первым выступил профессор Бабуля. Он сказал, что в диссертации рассматривается ряд актуальнейших проблем, представляющих большой научный интерес. Научный и практический. Судя по ее содержанию, сказал он, автор обладает хорошим мышлением, способностью глубоко анализировать жизненные явления и на основе этого формулировать обоснованные выводы и предложения.

Кочевряжнев. Лучше не скажешь. Предлагаю тост за Раису Марковну! За вдохновительницу! За друга и соратника!

Махонин. Раюня! Я пью за тебя от всего сердца! За лучшего своего друга. Спасибо тебе за все.

Все чокаются. Пьют. Махонина благодарит.

Просов. Пал Палыч, это тот самый профессор Бабуля, который часто выступает на страницах «Литературной газеты»?

Махонин. Тот самый.

Просов (*неопределенно*). Я читал его статьи.

Полудушкин. Я не достал.

Махонин (*продолжает*). Затем выступил доктор наук Потусторонний.

Кочевряжнев. Ну а этот как сказал? Развил мысль? Добавил?

Махонин. Да. Он отметил, что работа написана ярким самобытным языком, что я, стало быть, с подкупающей манерой веду научную полемику, проявляя тактичное и уважительное отношение к моим оппонентам. Словом, нечего долго рассказывать, голосование дало отличные результаты — единогласно! Раюня, ну, потом, естественно, как полагается в таких случаях, отметили событие в местном ресторане... второго разряда. За столом тоже было много прекрасных слов сказано. Сегодня утром первым рейсом я вылетел.

Полудушкин. И опять за столом.

Кочевряжнев. И опять речи приходится слушать. Предлагаю тост.

Просов подходит с гитарой.

Махонин (*Кочевряжневу*). Сядь! (*К Просову*.) Прошу мою любимую «Тропинку»... Тихо... душевно...

Гости (*поют*).

Куда ведешь, тропинка длинная?

Куда ведешь, куда зовешь?

Кого ждала, кого любила я,

Уж не воротись, не вернешь...

Полудушкин.

Была девчонка я беспечная,

От счастья глупая была,

Моя подружка бессердечная

Мою любовь подстерегла.

Кочевряжнев (*крепко захмелев, прерывает пение*).

Пал Палыч! Держись! Еще не все слова сегодня сказаны! За твою семью! За супругу твою! За дочуру твою! За твою... зятя! За тебя лично!

Кочевряжнев бросается в объятия к Махонину. Их еле разнимают. Чокаются.

Полудушкин. Ничего, ничего! Главное, от всего сердца! От души!

Махонин (*зятю*). Ну, так какой же у тебя, зять, материал завтра в газету идет? Чем народ удивишь? О чем читать будем?

Гости. Расскажите... Расскажите...

Просов. Представьте себе, Пал Палыч, мой материал действительно в некотором роде сенсационный и имеет косвенное отношение к теме нашего разговора за этим праздничным столом. Только характер его в известном смысле негативный.

Махонин. То есть?

Просов. Выезжал я тут в любопытную командировку. В один областной центр. Органы народного контроля разоблачили группу предприимчивых молодых людей, которые за особое вознаграждение фабриковали диссертации для лиц, желающих без каких-либо оснований получить ученую степень.

Кочевряжнев. Жулики!

Махонин. То есть?

Просов. Очень просто. Хорошо законспирированная группа авторов, к слову сказать, способных и даже талантливых, принимала заказы на изготовление диссертационных работ.

Махонин. То есть как это?

Просов. Все нити держал в руках некий Сигизмунд Парамонович Тихой, бывший работник министерства, ныне пенсионер...

Махонина роняет тарелку.

Полудушкин (*поднимая осколки*). К счастью... к счастью...

Просов. Как оказалось, человек, в прошлом судимый за мошенничество. Он-то и подбирал подходящего клиента, был организатором и вдохновителем этого

своеобразного «Бюро добрых научных услуг».
(Продолжает играть на гитаре.)

Гости поют. Махонина с нескрываемой тревогой смотрит на мужа.

Кочевряжнев (*пьяно*).
И увела его беспечного
У всех прохожих на виду.

Махонин залпом выпивает рюмку.

Махонина. Хватит, Паша! Не пей больше! Тебе будет плохо!

Махонин. Мне уже плохо. (*Выходит, пошатываясь, из-за стола*).

Махонина. Сердце побереги! Паша!

Махонин. Я себя лучше знаю.

Просов (*продолжает, ничего не подозревая*). Связи с будущим соискателем и подпольным «творческим» коллективом подставных авторов осуществлялись через человека по фамилии...

Махонин (*неожиданно*). солома!

Просов. Точно. Откуда вы знаете?

Махонин (*заплетаящимся языком*). Если ты знаешь, почему мне не знать?

Просов (*обращаясь ко всем за столом*). По данным, которыми на сегодняшний день располагают заинтересованные инстанции, на основании чужих диссертаций девять лжеученых получили ученые степени.

Махонин (*восклицает*). Десять!

Просов. Девять!

Махонин. Десять, я сказал! Десять!

Просов. Ну, пусть. будет десять. Но, что самое любопытное, так это то, что анализ работ показал, что написаны они вполне добросовестно. Так что вознаграждение ребята получали не за явную халтуру. Обо всей этой истории я и написал свой фельетон.

Махонин, пошатываясь, уходит. Все в недоумении и тревоге смотрят ему вслед.

Махонина. Паша! Куда ты?

Кочевряжнев (*тихо, Полудушкину*). Слышал? Теперь видишь, кто у тебя на квартире жил?

Полудушкин (*тихо*). Мне что? Не я защищался.

Кочевряжнев. Сгорела твоя Солома! (*Жене.*) Антуанетта! Домой!

Кочевряжнева. Сиди! Не ты защищался! Сиди. Посмотрим...

Махонина (*в отчаянии, дочери*). Викторина! Мужу скажи! Ну, что молчишь?

Просов. Я не понимаю, что случилось?

Викторина (*в ужасе*). Что сказать, мама? Что сказать?

Махонина. Чтобы в газету позвонил... Чтобы не печатали... чтобы не печатали... Отца погубите!

Просов (*про себя*). Вот это поворот...

Махонин в кабинете. В руках у него объемистая рукопись. Он неожиданно поднимает ее над головой и начинает разбрасывать по страницам. Страницы диссертации разлетаются по квартире.

Махонина (*вбегая*). Паша, не надо! Не надо! Оставь! Не надо!

Махонин (*находясь в большом пьяном возбуждении*). Вот она — десятая! На чистом сливочном масле!.. Жизненные явления! Обоснованные выводы!.. Яркий самобытный язык! Научная полемика!

Махонина (*в ужасе*). Паша! Не надо! Паша! Спокойно. Мы сейчас все спокойно обсудим!

Махонин. Обсудили уже! Присудили! Проголосовали! Выпили-закусили! Спасибо, зятек! Ох, удружил. Ох, выручил! Смотри, любуйся! Сделал из доктора пациента! Оконфузил семью! О жене не подумал... «Дом журналиста»!

Викторина. Юра! Что делать! Какой позор! Юра! Я этого не перенесу. (*Рыдает.*)

Звонок телефона. Все замирают. Даже Махонин перестал разбрасывать рукопись. Просов подходит к телефону. Снимает трубку.

Просов. Слушаю... Да, это я... Что? Как вы сказали? Материал не пойдет? Сняли?.. Кто снял?.. Есть указание?.. Чье указание?.. Не знаете? А когда пой-

дет?.. Вообще не пойдет? Почему?.. Понял... Постараюсь не огорчаться... (*Кладет трубку.*)

Полудушкин собирает с полу по страницам разбросанную рукопись.

Викторина. Что случилось?

Просов (*мрачно*). Материал не пойдет. Сняли.

Махонин (*неожиданно трезвея*). Сняли, говоришь? Выходит, зря сочинял? Зря в командировку ездил? Зря старался? Выходит, одиннадцатый тоже защитился!

Махонина. Паша! Спокойно... Спокойно...

Полудушкин протягивает Махонину часть собранной им рукописи.

Махонин (*Полудушкину*). Что ты мне суешь ее?! Не суй! Это пятый экземпляр! Нечитабельный! Это я так... чтобы вас немножко попугать! Ловко я вас?! (*Наливает себе в фужер пепси-колу.*) Была, говоришь, пена? Была, да осела! Нет пены! Говоришь, девять их было? А я говорю, не иначе — одиннадцать! А то и все двенадцать!

Звонок телефона. Все замирают. В полной тишине Альбина снимает трубку.

Альбина. Слушаю... Кого?.. Можно... Юра! Вас!

Просов (*берет трубку*). Просов слушает. Что?.. Но вы же только что сказали, что не пойдет. Восстановили с прежним заголовком? Опять получили указание? Чье указание?.. Не знаете? Ясно. Что? Я понял, остается прежний заголовок «Трутни со степнями». Очень хорошо. Я не возражаю. Спасибо за звонок. Он очень кстати. Кстати, говорю! (*Кладет трубку.*)

Полудушкин (*нарушая тягостное молчание*). По нынешним временам крышу-то не соломой крыть надо!

И опять — на этот раз продолжительный — телефонный звонок. Телефон звонит. Никто к нему не подходит...

Немая сцена

Просов (*проходит на авансцену. Представляет исполнителей спектакля.*)

Викторина — вполне самостоятельная девушка.

Полудушкин — нужный человек.

Тамара — секретарь. И этим все сказано.

Альбина — «божественная дурочка».

Махонина Раиса Марковна — супруга. И ничего больше.

Махонин Пал Палыч — предприимчивый человек.

Кочевряжнев Эгигий Петрович — бессердечный человек.

Кочевряжнева Антуанетта Ивановна — дама с претензиями.

Солома — головастый мужик.

Просов — простодушный человек.

Действие происходило, к сожалению, в наши дни.

Конец

1975

ПОСТОЯЛЕЦ

*Игра воображения в двух частях,
девяти сценах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Стеклобитов Антон Петрович, муж.
Стеклобитова Леокадия Карповна, жена.
Дарья Ивановна, бабушка.
Гарольд, внук.
Овсянников Архип Архипович, пенсионер.
Щенков, пострадавший.
Валерий, студент.
Марина, студентка.
Натasha, студентка.
Первый голос.
Второй голос.
Драматург.
Косовороткин, пенсионер.

} Персонажи
незаконченной
пьесы

Действие происходит в наши дни.

Премьера состоялась в декабре 1977 года в Театре имени Евг.
Вахтангова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет драматурга — автора пьесы. Поздний вечер. Звучит тихая музыка. Драматург беседует с сидящим напротив него персонажем своей будущей пьесы — Стеклобитовым.

Драматург. И, прошу вас, не спорьте со мной! Я вижу вас в пьесе именно таким персонажем — самодовольным, самоуверенным, равнодушным ко всему, что лично вас не трогает, не задевает, не касается...

Стеклобитов. Извините... Вам не кажется, что именно таким я кочую из одной вашей комедии в другую? С той только разницей, что в одной пьесе я Лопухов, в другой — Махонин, в третьей — Почесухин, а вот теперь, оказывается, я Стеклобитов.

Драматург. Ну и что из этого? На этот раз я задумал не комедию, а драму.

Стеклобитов. Вы изменяете своему жанру. Вам больше удаются сатирические пьесы, комедии...

Драматург. А это уж моя забота. Может быть, это будет даже не драма, а мелодрама.

Стеклобитов. Не вижу себя героем мелодрамы. Зачем я вам нужен?

Драматург. Я еще не знаю. Но мне почему-то кажется, что, столкнув вас по ходу действия с вашим бывшим учителем, мне удастся затронуть в моей новой пьесе важную нравственную проблему — проблему человеческого долга, ответственности перед нашим обществом, проблему воспитания человека в духе высоких норм современных человеческих взаимоотношений...

Стеклобитов. Насколько я вас понимаю, я буду антиподом тому положительному началу, которое принесут другие герои вашей пьесы?

Драматург. Безусловно. Вы тот стержень, вокруг которого закрутится сюжет. Представьте себе: в свое

время вы были подающим надежды, способным юношей с некоторыми задатками эгоизма. Вы закончили среднюю школу, получили высшее специальное образование. К вам благоволила судьба. Вы заняли в обществе определенное положение высокооплачиваемого работника. Сперва вы обдумывали каждый свой шаг, проявляли осторожность в общении с людьми, затем вы осмелели. Набрали, как говорится, масть, приобрели сановитость, вальяжность...

Стеклобитов. Одним словом, зажирел?

Драматург. Если хотите, да! Вы переродились в чванливого эгоиста, человека, для которого карьера, личное благополучие превыше всего. Вас окружают только «нужные» люди...

Стеклобитов. Во многом виновата, конечно, моя жена?

Драматург. Ее образ для меня ясен, однако я над ним еще серьезно не думал... У вас есть сын. Зовут его, скажем, Арнольд или Гарольд... Как-нибудь в этом роде. Он избалован. Вы купили ему автомобиль...

Стеклобитов. Он учится в Институте международных отношений?

Драматург. Не обязательно. Ваша жена, ваш сын, ваша мать, ваше окружение дополняют ваш нравственный портрет. Сейчас мне важно столкнуть вас с вашим бывшим учителем.

Стеклобитов. Не понимаю. Как это столкнуть?

Драматург (*объясняя*). Вы учились когда-то в провинциальной средней школе. Это было в вашем далеком детстве, может быть, в селе или районном центре, я еще не придумал. У вас был учитель. В трудные военные годы он был другом вашей семьи. Вы уехали в столицу, он остался учительствовать в той же школе. Потом он вышел на пенсию.

Стеклобитов. Ну и что же произошло?

Драматург. Я еще точно не знаю, что именно. Я как раз сейчас над этим думаю. По моему замыслу вы должны встретиться.

Стеклобитов. Как встретиться? Где?

На сцене высвечивается кресло, в котором сидит пожилой человек. Это — Овсянников.

Овсянников. Мне кажется, что в таком случае я должен попасть в какое-нибудь безвыходное положение, вспомнить про своего бывшего ученика, занимающего ответственный пост в столице, и поехать к нему за помощью. Извините...

Драматург. Возможно. Во всяком случае, завязка пьесы основана на вашей встрече, где бы она ни произошла.

Стеклобитов. Во всяком случае, если я эгоист и себялюб, я должен соответствующим образом реагировать на просьбу о помощи. Великодушно помочь, если это не грозит для меня какими-либо неприятностями, или равнодушно отказать.

Драматург. Вот именно. Зритель должен сопереживать Архипу Архиповичу...

Овсянников. Меня так зовут?

Драматург. Вам не нравятся ваше имя и отчество?

Овсянников (*пожав плечами*). Не я его себе выбираю. Право автора — окрестить меня любым именем.

Драматург. Я еще подумаю. Может быть, вы будете Тимофеем Тимофеевичем.

Стеклобитов. А как зовут меня? То, что я — Стеклобитов, я уже знаю.

Драматург (*смотрит в записи*). Вы — Антон Петрович. Ваша матушка — Дарья Ивановна. Жена — Леокадия Карповна.

Стеклобитов. Благодарю вас. Итак, дело за небольшим: надо сочинять дальше. Писать.

Драматург (*усмехнувшись*). Дело за малым: осталось начать и кончить. Вот я сижу и мучаюсь. Я придумал вас, и вы преследуете меня на каждом шагу. Где бы я ни был, я думаю о вас, как о живых людях. Мне трудно с вами.

Овсянников. Да и нам не легче. Вы нас создали в своем воображении, мы уже, можно сказать, почти реально существуем, а сценической жизни вы нам еще не дали. Так не может долго продолжаться.

Стеклобитов. Нас может перехватить воображение какого-нибудь драматдела, и он пустит нас по иному руслу действия. А нам, честно говоря, уже не хотелось бы с вами расставаться. Лично я как персонаж служу вам более двадцати лет.

Драматург. Обещаю вам в ближайшее время засесть вплотную за работу. Я намереваюсь закончить пьесу к новому сезону.

Стеклобитов. Жаль, что я не знаком еще со своей женой и сыном. Впрочем, я не видел еще и своей матушки.

Драматург. На днях, на днях вы все встретитесь. Приступаю к работе. А сейчас я устал. Устал... Что-то у меня не клеится.

Персонажи пьесы исчезают. Драматург остается один. Он подходит к столу, садится. Сидит в глубоком раздумье.

Затемнение

СЦЕНА ВТОРАЯ

Добротно обставленная столовая в добротной квартире добротного нового дома. Сервант. На нем большая ваза с фруктами. Перед сервантом сидит на корточках Гарольд. Появляется Дарья Ивановна.

Дарья Ивановна. Ролик! Чего ты там шарить?

Гарольд. Бабуля! Ты меня не видишь, я тебя не вижу!

Дарья Ивановна. Не смей ничего брать без спросу.

Что ты там потерял?

Гарольд (*поднимается*). Так... Ничего...

Дарья Ивановна. Опять гулянку какую задумали?

Гарольд. Бабуля! А когда же нам гулять, как не в наши-то годы! Вы свое отгуляли!

Дарья Ивановна. Куда собрался?

Гарольд. За город решили прошвырнуться. Вылазка на природу.

Дарья Ивановна. И ночевать там останетесь?

Гарольд. А это, бабуля, смотря по обстоятельствам. Решим по ходу действия. Да ты не беспокойся, нас всего четверо будет: я, Валерка и Маришка с подругой. Ее ты знаешь — Наташа с косой!

Дарья Ивановна. Выходит, ты завтра на дачу с нашими не поедешь?

Гарольд. А наши и не поедут. Они завтра в ресторане какую-то шишку угощают. Бабуля! Ты мне каких-нибудь консервишек не подкинешь? Подкинь, бабуся! Судачка в томате или печеночку тресковую...

Дарья Ивановна. Ладно уж... Не голодными же вам там сидеть под кустом! Пойдем на кухню,

я что-нибудь подберу. Перец болгарский фаршированный есть будете?

Гарольд. Будем, будем, бабуля! И перец болгарский будем, и икорку красненькую будем, если в наш фонд внесешь... и креветочки, и ананасики... (*Уходит вслед за бабушкой.*)

Стенные часы бьют четыре часа дня. Сцена некоторое время пуста, затем появляется Гарольд. В руках у него дорожная сумка зарубежной авиакомпании, магнитофон. Гарольд торопливо открывает дверцу серванта, извлекает из его глубины бутылку вина, прячет ее в сумку. Появляется Дарья Ивановна.

Дарья Ивановна. Не гони только! А то ведь и себя покалечишь, и «жигуленка» своего разобьешь. Второго ведь не купят.

Гарольд. Я тебе сказал: не беспокойся, бабуля! По городу я соблюдаю, а на трассе уж как-нибудь соображу.

Дарья Ивановна. Смотрите не утоните там в этой реке, на какую едете! И с хулиганами не связывайтесь! В милицию не попадите!

Гарольд. Бабуля! Я тебе сказал: не беспоко-кой-ся! Адье, ма шер ами! «Жди меня, и я вернусь, только очень жди!» (*Чмокает бабушку в щеку. Уходит.*)

Дарья Ивановна стоит в раздумье, хочет уйти, но звонок в передней останавливает ее. Она идет открывать дверь и возвращается в комнату в сопровождении Овсянникова.

Дарья Ивановна (*радостным голосом*). Вот уж нежданно-негаданно! Каким ветром, Архип Архипович? Как же это вас занесло к нам? Проходите, проходите, дорогой! Вот уж гость так гость!

Овсянников. Да вот собрался и прилетел, Дарья Ивановна! По вас лично соскучился.

Дарья Ивановна. Нас-то как нашли? Мы же адрес сменили, на новую квартиру переехали. Второй месяц как тут живем.

Овсянников. Я по старому адресу зашел, а там добрые люди ваш новый подсказали. Вот я набрался храбрости и свалился вам как снег на голову.

Дарья Ивановна. Очень рада вашему приезду! Ей-богу, хотела давно вас повидать. Вы мои открыточки новогодние получаете?

Овсянников. Естественно. А вы мои, ответные?

Дарья Ивановна. Всякий раз. Вы где остановились, Архип Архипович?

Овсянников. Пока нахожусь, как это говорится, в подвешенном состоянии.

Дарья Ивановна. Как понимать?

Овсянников. В переносном смысле, Дарья Ивановна! В одну гостиницу обратился — номеров свободных нет, в другую подъехал — аналогичный отказ: поезд дружбы ее оккупировал, в третью сунулся — ремонт. Только в четвертой обещали вечером на койку определить. И за это спасибо! Конечно, был бы я Верховного или областного Совета депутат, может, и нашелся бы свободный номерок, а то ведь всего-навсего Верхнереченского района депутат! Не большой для них авторитет. Я имею в виду столичных администраторов...

Дарья Ивановна. Господи! Да остановитесь пока у нас! Мы для домработницы комнатку свободной держим, так вы в ней и поживите. Располагайтесь! Антоша будет очень рад вас увидеть. Сейчас их никого дома нет — ни его, ни жены... Вы ведь, поди, Антона-то с той самой школьной поры не видели?

Овсянников. Да-да-да! Более тридцати годков прошло... Впрочем, почему не видел? Можно сказать, что и видел... по телевизору! В прошлом году. Передача была по вопросу организации труда. Он выступал после своей поездки в Западную Германию. Делился впечатлениями. Сперва я и не узнал его, а потом надпись появилась: Антон Петрович Стеклобитов. Пригляделся — он! Антоша Стеклобитов, бывший ученик верхнереченской средней школы!.. (Помолчав.) Честно говоря, Дарья Ивановна, сомневался: навещать мне вас на квартире или нет?

Дарья Ивановна. Как так? Почему же это сомневались?

Овсянников. Годы прошли, воды утекли... Был Антоша, стал Антоном Петровичем. А ну как не признает Охрип Охрипыча? Что тогда?

Дарья Ивановна. Признает! Еще как признает-то! Очень даже доволен будет. Вот увидите. И с женой его Леокадией познакомитесь. Жаль, внучок за город уехал. Десятнадцатый годок ему пошел. Должен был в армию призываться, да отец в Институт

иностранных языков определил. Пусть, говорит, лучше после учебы с французским языком за границей пользу Родине приносит, чем будет сейчас два года возле ракеты дежурить. И я так думаю: не дай бог, как она взорвется!

Овсянников (*серьезно*). Ну, кто-то ведь и у ракеты сейчас должен постоять подежурить...

Дарья Ивановна. Так-то оно так... Кто-то должен... А вы в Москву зачем прибыли?

Овсянников (*усмехнувшись*). За песнями... Нет, если говорить серьезно, то по делу. И не по малому, должен вам признаться. Собственно говоря, втайне питал надежду по поводу этого самого дела обратиться к вашему сыну. К его авторитету. Полагал, что не откажет бывший ученик своему бывшему учителю. Поможет. Подскажет. Посоветует.

Дарья Ивановна. Обязательно поможет. И подскажет и посоветует. Это уж точно, Архип Архипыч! Это уж определено! Не откажет!

Овсянников. Не хотел только дома его своей просьбой обременять. Думал, в понедельник на работу к нему позвонить, зайти. Обошлось бы с гостиницей, не заявился бы к вам в субботу. А я вот заявился незванный-непрощеный... Уж не обессудьте! Послушался внутреннего голоса, а он мне подсказал: «Иди, старик! Не выгонят!»

Дарья Ивановна. Ну что вы такое, ей-богу, говорите: «Не выгонят»?! За честь посчитаем такого гостя приветить! А койка у нас найдется. Получше, чем в этой вашей гостинице!

В передней хлопает дверь. Появляется Стеклобитова. В руках у нее пакеты с покупками. Она с нескрываемым удивлением смотрит на Овсянникова.

Леокадия! А у нас дорогой гость! Архип Архипыч! Бывший учитель Антоши!

Стеклобитова (*передает свекрови покупки*). Помогите мне, пожалуйста! (*Овсянникову*.) Очень приятно. Леокадия Карповна.

Овсянников (*представляется*). Овсянников Архип Архипович. Действительно, бывший преподаватель школы, где когда-то учился ваш супруг.

Стеклобитова (*сухо*). Очень была рада с вами познакомиться. Это очень интересно. Никогда не думала...

Дарья Ивановна. Представляешь, Леокадия, Архип Архипович бог знает из какой дали в Москву прилетел и не смог в гостинице устроиться! Так уж я пригласила его у нас погостить. Комнатка-то при кухне пустая пока стоит.

Стеклобитова (*тихо*). В гостинице было бы значительно удобнее.

Дарья Ивановна. А зачем деньги зря переводить, если у нас место есть?

Стеклобитова (*Овсянникову*). Вы надолго в Москву?

Овсянников. Если бы не суббота и воскресенье, я бы, пожалуй, дня за три обернулся. Мог бы в понедельник прилететь, да самолета подходящего не было. Пришлось сегодня вылететь.

Стеклобитова. Значит, вы к нам на пять дней, как я понимаю?

Овсянников. Выходит, что так.

Стеклобитова. Извините, пожалуйста! (*Свекрови.*) Мы завтра дома не обедаем, идем в ресторан. (*Показывает на пакеты.*) Это положите в холодильник. А это поставьте в ванную комнату! (*Овсянникову.*) Извините! (*Уходит.*)

Овсянников (*помолчав*). Я вас, Дарья Ивановна, пожалуй, стесню своим присутствием...

Дарья Ивановна. Ничего, ничего, Архип Архипыч! Вы не обращайте внимания, что она так... У нее свои хлопоты, свои заботы... Все обойдется, как Антон с хоккея придет. И ни о чем не думайте! Расскажите лучше, как вы там живете в нашем Верхнереченске?

Овсянников. По-всякому, Дарья Ивановна! По-всякому. Конечно, жизнь не та, что тридцать лет назад! Не та жизнь! И поселок наш преобразился. Везде асфальт! Дворец спорта с бассейном... Кинотеатр «Ракета». Словом, не поселок у нас теперь, а город. Только вот пьют много...

Дарья Ивановна. И с чего это только пьют?

Овсянников. Как вам сказать... С одной стороны, видимо, от распушенности, а с другой... затрудняюсь ответить вам на этот большой вопрос... он многих занимает... а пьют много. У нас фабрика ткацко-отделочная... Так большинство прогулов и всякого рода нарушений, а то и преступления — в связи

с этим самым пагубным пороком. А как с ним бороться? Боюсь подсказать... А тут еще в районе ликеро-водочный завод открывать собираются.

Дарья Ивановна. Не говорите, Архип Архипыч! У меня внучок и тот без бутылки на дачу не ездит! А сейчас пройдемте за мной, я вам вашу комнатку покажу. Забирайте свой чемоданчик из передней и располагайтесь как дома. Небось притомились с дороги?

Овсянников. Есть немного. Без малого четыре часа летел.

Овсянников проходит в переднюю, возвращается с чемоданом и уходит из столовой вслед за Дарьей Ивановной. Та возвращается вместе с невесткой.

Стеклобитова (*вполголоса*). Зачем вы так опрометчиво поступили, Дарья Ивановна? Что нам с ним делать? Его же надо будет занимать?! Устраивать в цирк?!

Дарья Ивановна. Я его сама займу. А койку он не пролежит и лишнего куска не съест. Я своим поделюсь!

Стеклобитова. Ну зачем вы так?

Дарья Ивановна. Он Антона уму-разуму учил! Историю ему преподавал!

Стеклобитова. Я ему за это очень благодарна. Но согласитесь, что посторонний человек в доме...

Дарья Ивановна. Он не посторонний! Он в военные годы к нам в дом как свой заходил. Помогал. Какой же он нам посторонний? А мы ему вдруг от ворот поворот? Возьмем и откажем?

Стеклобитова. Не надо ничего отказывать! Мы его в гостиницу определим. В самую лучшую, в «Россию» или «Украину». Придет Антон, позвонит куда надо и все устроит.

Дарья Ивановна. Только он, я знаю, своего учителя из дому не выгонит!

Стеклобитова. Поспешили вы с этим постояльцем. Он нам тут совсем ни к чему.

Дарья Ивановна. Дело у него какое-то важное до Антона есть. Специально приехал с ним посоветоваться.

Стеклобитова. Ну и прекрасно. Разве я об этом сейчас говорю? А жить ему у нас целую неделю со-

всем необязательно. Вечно вы сами, ни с кем не посоветовавшись, свои решения принимаете. Прощлый раз со мной не посоветовались и зачем-то пельменей налепили! Зачем? Я хотела гостей судаком в тесте угостить! Последнее время у нас с вами одни недоразумения!

Дарья Ивановна (*вспылив*). А ты мне, Леокадия, в таком тоне не выговаривай! Дом на мне, кухня на мне, все ваше хозяйство веду! И у меня, промежду прочим, тоже своя голова на плечах есть! И до склероза далеко!

Стеклобитова. Дорогая моя! Вот найдем домработницу и освободим вас от обременительных домашних обязанностей, если вам так тяжело стало за родным сыном и внуком ухаживать. Мне лично от вас ничего не надо! Я могу и без вас обойтись! Я ничего не ем! А морковку и свеклу я сама себе могу натереть!

Дарья Ивановна (*строго*). Не пугай, невестка, старую свекровь! Не пугай! Я, слава богу, пенсию получаю. Являюсь самостоятельным членом общества! Я еще сама себе свою жизнь устроить могу. Да, да! И устрою! На крайний пожарный случай в Дом ветеранов перееду. В платный!

Стеклобитова. Этого еще не хватало! Чтобы слух пошел, что Стеклобитов свою мать в дом для престарелых выгнал? Выбросьте это из головы! Будете с нами жить. Ну, а что до этого старика, то коли вы его к нам на постой поставили, то пусть живет-доживает свои пять дней. Только вы уж им сами занимайтесь! Нам его развлекать некогда, да и не очень интересно... Ролик уехал?

Дарья Ивановна (*сдержанно*). Уехал.

Стеклобитова. Что сказал? Куда они уехали?

Дарья Ивановна. Куда-то на реку, за город. Сказал, чтобы раньше понедельника не ждали.

Стеклобитова. Что за компания, не знаете? С кем он поехал?

Дарья Ивановна. Валерка-художник и Марина с Наташей. Та, что с косой.

Стеклобитова. Опять с этими девчонками? Как мне все это не нравится... До добра это не доведет... Не доведет... (*Выходит.*)

Дарья Ивановна (*одна*). Не нравится... Поздно, поди... упустила...

В дверях появляется Овсянников.

Овсянников. Дарья Ивановна! Где у вас можно руки ополоснуть? Я тут в дверях запутался.

Дарья Ивановна. Покажу, Архип Архипович! Сейчас. Момент! И полотенчишко свежее дам. У нас все под рукой. Не хуже чем в гостинице!

Затемнение

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Кабинет Стеклобитова. Овсянников в одиночестве с интересом рассматривает всевозможные сувениры, расставленные по полкам книжных шкафов. Появляется Стеклобитов. Он вкатывает в комнату столик на колесах. На столике — бутылки, высокие бокалы.

Овсянников. Откуда эта раковина?

Стеклобитов. Эта? Не помню. Кажется, мне ее на Кубе подарили.

Овсянников. Красивая вещь. Я никогда таких больших раковин не видел.

Стеклобитов (*протягивает Овсянникову бокал*). Ну, Архип Архипыч! Давайте чокнемся ради нашей исторической встречи!

Овсянников (*с опаской*). Что за питье?

Стеклобитов. Шотландское виски! Скотч-виски! «Балантин»! Одна из лучших марок...

Овсянников. Никогда не пробовал. Крепкая штука? Вроде самогона или крепче? (*Рассматривает бутылку.*)

Стеклобитов. Вы попробуйте, попробуйте! Вам понравится! Давайте, я еще боржомчика добавлю! Вообще-то виски полагается содовой водой разбавлять. Или просто в чистом виде... (*Добавляет в стакан боржома.*) Вот! А теперь киньте в свой бокал два-три кусочка льда! Вот отсюда! (*Показывает, помогает.*) И пейте!

Овсянников. Я, можно сказать, вообще не употребляю. Но ради интереса... (*Пригубливает.*) Медикаментом отдает!

Стеклобитов (*смеется*). А это надо привыкнуть! Привычка — большое дело! Я за рубежом часто бы-

ваю, так там только виски и пьют. Да еще этот джин с тоником. Куда ни придешь, в частный ли дом или в учреждение, первым делом у них «дринк»!

Овсянников. И не спиваются?

Стеклобитов. Кто меры не знает, тот, конечно, без этого «дринка» уже жить не может. А к слову сказать, само по себе виски даже полезно. Врачи американские рекомендуют сердечникам. Понемногу, конечно. Не так, как у нас водку и коньяк пьют. *(Чокается, пьет.)* Так на чем же мы остановились? Да! Значит, вы говорите, что из нашего выпуска, я имею в виду наших верхнереченских ребят, пять человек на войне погибли?

Овсянников. Может, и больше. Я только про пятерых знал: два брата Звягиных, Олег Иванов, Федя Капустин и Ваня Шульман. Тот в День Победы на mine подорвался.

Стеклобитов. Ну а те, кто жив остался, о себе не напоминают?

Овсянников. Вася Полуэктов регулярно со всеми праздниками поздравляет.

Стеклобитов. Полуэктов? Это тот, что стишки писал? Он так и не стал поэтом? Что-то я его фамилию нигде в печати не встречал.

Овсянников. В Омске живет. Артистом стал. Лауреат Российской премии.

Стеклобитов. Что вы говорите? А я и не знал. Буду в Омске, обязательно зайду в театр, посмотрю, как он там играет.

Овсянников. Зину Потемкину помните?

Стеклобитов. Это та рыжая, за которой все мальчишки бегали? Помню. Сам за ней бегал.

Овсянников. Она в районе осталась. На ткацко-отделочной начальником цеха работает. Делегатом съезда ее избрали. А вы, конечно, были на двадцать пятом?

Стеклобитов. Не довелось...

Овсянников *(помолчав)*. Ну, что ж... Морально мы все были на съезде. Великое это дело — телевидение!

Стеклобитов. Да-а-а... Это вы верно говорите... Еще немного?

Овсянников. Благодарю. С меня достаточно. К этому питью, вы сами говорите, привыкать надо, а привыкать мне не придется.

- Стеклобитов. Не понравилось? Ну и не надо. Не буду настаивать. А я себе еще подолью... *(Наливает.)* Помните, Архип Архипыч, наши школьные афоризмы? Директор школы — Иван Грозный, учитель и ученики — «Али-Баба и сорок разбойников». Дать написать сочинение — «свои люди — сочтемся».
- Овсянников *(продолжает)*. Двойка за подсказку — «Горе от ума». Списавший урок — не пойманный — не вор.
- Стеклобитов *(в раздумье, многозначительно)*. Школьные годы, школьные годы... *(Помолчав.)* Так какое же у вас ко мне дело, Архип Архипыч?
- Овсянников *(не сразу)*. Дело неотложно важное и касается судьбы молодого человека. Юноши. А главное, дело справедливое...
- Стеклобитов. Слушаю вас, Архип Архипыч!
- Овсянников *(после паузы)*. Можно, я вас буду на «ты» называть? А то как-то больно официально у нас получается.
- Стеклобитов. Конечно! Какие тут могут быть условности! Вы меня с детства знаете. Валяйте на «ты»!
- Овсянников. Валять я, пожалуй, не буду, а рассказать расскажу. Стало быть, дело такое: посадили у нас в районе одного парнишку. В тюрьму.
- Стеклобитов. За дело посадили?
- Овсянников. Вроде бы и за дело. Обвинение в убийстве.
- Стеклобитов *(настороженно)*. И вы за него хлопотать хотите? Он вам родственником доводится?
- Овсянников. Отнюдь. Просто я его давно и хорошо знаю. Парень отличный. Честный. Смелый. Решительный и благородный.
- Стеклобитов. И убил человека?
- Овсянников. Не хотел убивать, а получилось, что убил.
- Стеклобитов. По пьянке, наверное?
- Овсянников. Нет, не по пьянке. По велению благородства души. Заступился за честь девушки.
- Стеклобитов. Интересно.
- Овсянников. А дело было так... В ноябре прошлого года возвращался он поздно вечером домой. Шел мимо сквера. Сквер у нас теперь напротив Дворца спорта разбили. Памятник архитектуры сломали,

а сквер разбили... Так вот, шел он мимо сквера. Темно уже было. Слышит женский крик: «Спасите! Убивают!» Ну, он и побеги на этот крик. Прибежал, видит: трое пьяных парней выламывают девушке руки, валят ее на землю, хотят гнусное дело совершить. А та кричит что есть сил. Сопротивляется. Парнишка, не долго думая, и схватился с ними. Один против троих. А те с ножами. Но не тут-то было! Они с ножами, а он самбист первого разряда. Расшвырял их в разные стороны. Двое поднялись и убежали, а третий остался лежать. Ударился головой о камень и убился насмерть. Суд да дело, забрали самбиста в милицию. Начали вести следствие. Завели уголовное дело. Школа вступилась. Общественность. Я свои показания давал, поскольку знаю и самого парнишку, и отца его знал с детских лет. Передали дело в суд. Семь лет. Обжаловали решение. Областной суд подтвердил приговор народного суда. Вот я и приехал в Москву. Хотел здесь по судебно-прокурорским верхам пройти, да по приемным сидеть времени у меня нет. Вот и подумал попросить тебя посодействовать. Человек ты видный, заслуженный... может, куда позвонишь, чтобы меня приняли, сам слово замолвишь.

Стеклобитов (*не сразу*). Сложное дело... можно было бы и не убивать...

Овсянников. Да он и не собирался никого убивать. Но разве все предугадаешь в этой ситуации, когда человека спасти надо?

Стеклобитов. Так-то оно так...

Овсянников. А парнишка этот... сын Пети Петушкова.

Стеклобитов. Какого Петушкова?

Овсянников. Твоего дружка Пети-Петушка, с которым ты на одной парте сидел. Помнишь?

Стеклобитов (*помолчав*). Ну, я, правда, с ним не особенно дружил. Он потом от меня на другую парту пересел. Где он сам-то? Сам-то чего за сына не хлопочет?

Овсянников. Нет в живых Пети-Петушка. Погиб, выполняя далеко не школьное задание...

Стеклобитов. Да-а-а... И этот, выходит, тоже...

Овсянников (*помолчав*). Отличный, я тебе говорю, парнишка в беду попал. За что теперь Сереже Пе-

тушкову семь золотых лет из жизни вычеркивать? Он ведь не в пьяную драку полез. За честь невинной девушки заступился. Семнадцать лет ей только-только минуло. Единственная дочка у матери. А та в заводском детском садике нянечкой работает. Стеклобитов (*наступившись*). Милиции лучше работать надо, вот что я скажу! Да, да! Это уж точно. А как я теперь могу помочь? Был бы я депутатом, тогда по депутатской линии можно было бы что-нибудь сообразить... А так, право, не знаю... Далек я, Архип Архипыч, от подобных дел. Да и знакомых у меня в этих органах никого нет. Просто не знаю, что и посоветовать. Отвечать-то ведь надо перед законом. Или не надо? Вот вы говорите, что он самбист. Самбистам тоже ведь надо меру знать. А то ведь можно так распоясаться, что только держись. Самбо, дзюдо, каратэ — это, знаете, далеко не безобидные виды спорта. Сами видите, что в результате этих приемов получается: мокрое дело! Повторяю! Был бы я депутатом или будь у меня связи в этой области, ну тогда я бы мог еще попытаться... А так... Ей-богу, Архип Архипыч... не знаю... Просто не знаю...

Овсянников (*сухо*). Я понимаю... Ну, что ж. Раз не можешь, значит, не можешь...

Стеклобитов (*после паузы*). Так вы говорите, Петушков погиб? Жаль... (*В раздумье.*) Завхоз — скупой рыцарь... Педсовет — суд чертей... Вот она — жизнь... Се ля ви!

Входит Стеклобитова.

Стеклобитова. Я вам не помешала?

Стеклобитов. Нет, нет. Мы уже обо всем договорились.

Стеклобитова. Архип Архипович! Дарья Ивановна приглашает вас поужинать.

Овсянников (*поднимается*). Благодарствую.

Стеклобитов. Архип Архипыч! В таком случае для аппетита еще рюмочку?

Овсянников. Спасибо. Не хочу. Не привык еще... (*Выходит.*)

Стеклобитова (*мужу*). О чем он тебя просил?

Стеклобитов. Хлопочет за одного убийцу.

Стеклобитова. За убийцу? И ты хочешь помочь?

Этого еще не хватало! Удивительные люди, честное слово. Приехать в Москву хлопотать за преступника! Кто же кого убил?

Стеклобитов. Да так... трагическая случайность...

Стеклобитова. Не думай, не думай хлопотать! Это, наверное, его родственник попался?

Стеклобитов. Да нет... Сын моего бывшего соученика.

Стеклобитова. А отец что же не приехал хлопотать?

Стеклобитов. Нет у него отца.

Стеклобитова. Ушел из семьи? Ну, ясно... Разбитая семья — сын в дурной компании. Этим все кончается.

Стеклобитов. И никакой разрушенной семьи нет. И никакой дурной компании нет. Просто случайность. Роковая, можно сказать.

Стеклобитова. Ты ему что-нибудь обещал?

Стеклобитов. Попытался убедить, что это не в моих силах.

Стеклобитова. Правильно сделал. Пусть сам хлопочет, раз так уверен, что это надо. Делать ему все равно нечего. Пусть хлопочет. Не ко времени он нам на голову свалился. И твоя мать, как на грех, его на постой к нам поставила. Не подождала, не посоветовалась. Вообще, я тебе должна сказать, Дарья Ивановна за последнее время очень переменилась. Куда-то по вечерам уходит, с кем-то завела сомнительное знакомство... Представляешь, сегодня мне заявили, что мы ее не ценим, что она может устроиться в Доме ветеранов.

Стеклобитов. Я тоже заметил, что она как-то поиному стала на все реагировать. Впрочем, в старости это бывает. Кроме нас, у нее никого не осталось. Не поедет же она на самом деле в дом для престарелых? Здесь у нее и крыша над головой, сыта, одета, обута... И мы ее вроде не обижаем. Поживем — увидим. Не стоит обращать внимание...

Стеклобитова. Я заходила в ресторан. Заказала на завтра, на семь вечера, столик на четверых. Ты окончательно договорился с этим твоим Коржуковым? Он будет с женой?

Стеклобитов. Сказал, что придет с женой. Будь с ней полюбезнее. Она, имей в виду, штучка. Му-

- жем вертит как хочет. Самолюбива и своенравна.
- Стеклобитова. Ты действительно рассчитываешь на это назначение?
- Стеклобитов. Если бы не рассчитывал, я бы их не приглашал.
- Стеклобитова. А что тебе даст новая должность?
- Стеклобитов. Много, многое даст. Главный эксперт — это то, на что я давно рассчитывал.
- Стеклобитова. Ты тогда вопрос поставь, чтобы и меня с собой за границу брать. Другие ездят, жен с собой берут...
- Стеклобитов. Не спеши. Сперва надо оклематься, а там уж и оглядимся, что к чему. А кофе пить к нам домой заедем.
- Стеклобитова. Ума не приложу, что с постояльцем делать?
- Стеклобитов. Ничего. Представим как есть: бывший школьный учитель приехал навестить своего бывшего ученика. Заслуженный педагог, депутат, ну и все такое прочее. Даже красиво! Демократично!
- Стеклобитова. Только бы он не завел при них разговор про это убийство.
- Стеклобитов. Не заведет. А деловую беседу мы в кабинет перенесем. За кофе.

Стеклобитова уходит.

(Один, про себя.) Учитель и ученики — «Али-Баба и сорок разбойников»... Списать чужое сочинение — «Горе от ума»... Вот тебе и Петя-Петушок... А в результате — мокрое дело.

Затемнение

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

На кухне. Овсянников и Дарья Ивановна пьют чай, беседуют.

Овсянников. Вот вам и вся история, Дарья Ивановна! Ему бы медаль «За отвагу» на грудь, а его — за решетку. За что, спрашивается? За то, что он один, безоружный с тремя подонками схватился? Я не оговорился. Именно с подонками. Не такие ли, как они, бесчинствуют сегодня в парижском метро, в городах Италии и Америки?

Дарья Ивановна. И он вам так ничего и не присоветовал?

Овсянников. Это, сказал, не по моей части. Был бы, говорит, депутатом, может, и помог бы... Да и то вряд ли... я так думаю. Мне так кажется...

Дарья Ивановна (*после паузы*). Не скрою от вас, Архип Архипович, не скрою... как он на Леокадии женился, так другим человеком стал. Какая-то черствость в нем появилась. Иной раз смотрю на него, слушаю его речи, а сама думаю: мой ли это Антошка? Вот вроде и люблю я их, не обижают они меня, и ссоримся редко, а все как-то не лежит у меня душа под одной крышей с ними жить. Порой думаю: зря я тогда согласилась в Москву из Верхнереченска переехать. Сманили они меня сюда с насиженного места.

Овсянников. У вас ведь никого, кроме них, нет?

Дарья Ивановна (*не отвечая на вопрос*). Стало быть, разговор у вас с Антоном не получился?

Овсянников. Выходит, что так. Не получился.

Дарья Ивановна (*не сразу*). Есть у меня один человек, Архип Архипович, с которым можно было бы посоветоваться.

Овсянников. Кто такой?

Дарья Ивановна. Мой знакомый. Ваших лет. Отзывчивый человек. И ордена имеет.

Овсянников. Где работает?

Дарья Ивановна. Сейчас на пенсии. А работал, как я поняла, по инженерной части. Старый член партии. Если желаете, я вас с ним завтра познакомлю. Я как раз завтра обещалась к нему зайти, по дому ему помочь. Один он живет...

Овсянников. Не откажусь от предложения. Мне бы сейчас за любой кончик веревочки зацепиться, может, что и вытащу...

Дарья Ивановна. Вот вы говорите, что у меня, кроме сына с невесткой да внука, никого из близких нет...

Овсянников. Я полагал...

Дарья Ивановна (*откровенно*). А я вам скажу — есть!

Овсянников. Кто же?

Дарья Ивановна. Да вот этот самый человек. И опять же, не скрою от вас, Архип Архипович, ре-

шила я свою жизнь менять. О личной жизни задумалась. И вам первому в этом признаюсь. Много лет мы с вами знакомы, понимаем друг друга... Со стороны, может, и смешно это: старуха, и вдруг какая-то личная жизнь ей померещилась! Чего тебе еще, старая, надо? Сыта, обута, одета, есть крыша над головой. Живи себе, смотри по вечерам телевизор, лепи пельмени, прибирай квартиру, ублажай невестку, белье в прачечную готовь, внука вовремя корми, душой за него болей... Ан нет! Мне скоро семьдесят, а я о личной жизни задумалась. А что такое это самая личная жизнь? Я так думаю: это когда человек от своей жизни удовлетворение имеет, когда он чувствует, что он кому-то не только как рабочая сила нужен. Ваше мнение, Архип Архипович?

Овсянников (*не сразу*). Пожалуй, можно согласиться. И что же вы решили, если не секрет?

Дарья Ивановна. Какой уж тут секрет? Решила я свою жизнь с жизнью другого человека соединить и дожить ее рядом с этим человеком.

Овсянников. Решительный шаг, Дарья Ивановна! Впрочем, говорят, что, если судьба стучится к тебе в дверь, не делай вид, что тебя нет дома.

Дарья Ивановна. Вот к нему-то завтра мы с вами и пойдем. Познакомлю я вас с ним. Зовут его Мефодий Калистратович! Мефодий Калистратович Косовороткин! Русский человек!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЦЕНА ПЯТАЯ

Кабинет драматурга. Ночь. За письменным столом, освещенным настольной лампой под зеленым абажуром, драматург печатает на пишущей машинке. Перечитав написанное, он вносит в рукопись поправки, задумывается, затем комкает лист и бросает его в корзину для бумаг. Так повторяется несколько раз. Устало вздохнув, драматург выходит из-за стола, закуривает и опускается в кресло. Лицо его затемнено. Большая пауза. Вступает негромкая музыка. На фоне музыки далекий телефонный звонок. Где-то снимают телефонную трубку.
Первый разговор.

Первый голос. Дежурный по управлению майор Ковальчук слушает!

Второй голос. Докладывает инспектор девятого ГАИ старший лейтенант Фомичев.

Первый голос. Слушаю вас. Докладывайте.

Второй голос. Сегодня, в двадцать два сорок пять, на двадцать четвертом километре кольцевой дороги автомобиль «Жигули» номерной знак 56-58 Мария-Константин-Елена совершил наезд на препятствие.

Первый голос. Точнее.

Второй голос. Наезд совершен на паркет полосы. Владелец автомобиля гражданин Стеклобитов Гарольд Антонович управлял транспортом в нетрезвом состоянии. Шел с превышенной скоростью. Кроме него, в автомашине находились трое пассажиров — мужчина и две женщины. Я хотел сказать — парень и две девушки. В результате наезда одна из них скончалась на месте. Вторая доставлена в больницу. Мужчине оказана помощь. Владелец автомобиля направлен на экспертизу...

Первый голос. У вас все?

Второй голос. У меня все!

Первый голос. Ясно. Я вас понял.

Разговор прекращается. Опять звучит далекая музыка. Затем вновь далекий телефонный звонок. И опять где-то снимают трубку.

Второй разговор.

Первый голос. Дежурный по городу майор Петров слушает!

Второй голос. Товарищ майор! Докладывает дежурный по отделению речной милиции капитан Сорокин!

Первый голос. Слушаю!

Второй голос. Сегодня, в шестнадцать ноль-ноль, на водохранилище в районе Хлебникова произошло столкновение личного катера с маршрутным теплоходом на подводных крыльях. В результате столкновения катер опрокинулся, пассажиры получили телесные повреждения.

Первый голос. Никто не утонул?

Второй голос. Всех вытащили и оказали помощь на месте. Виновный в аварии гражданин Стеклобитов Гарольд Антонович, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, задержан и отправлен на экспертизу. Находился в состоянии опьянения.

Первый голос. Принято. Я вас понял.

Разговор прекращается. Звучит тихая музыка. Драматург высвечивается. Напротив него на стуле сидит неизвестно как появившийся в комнате персонаж пьесы — Гарольд.

Драматург (*не сразу, обращаясь к Гарольду*). Просто не знаю, что с тобой делать? Начнем, пожалуй, сначала. Итак, ты взял магнитофон с зарубежными музыкальными записями, прихватил из серванта бутылку вина и уехал за город с двумя девочками и своим дружкой художником.

Гарольд (*пожав плечами*). Вы так захотели.

Драматург (*как бы рассуждая сам с собой*). Твой дружок, надо полагать, тоже прихватил с собой пару бутылок. Вы напились...

Гарольд (*перебивает*). Это еще неизвестно.

Драматург (*строго*). Это подразумевается. Этого требует сюжет.

Гарольд. Пока что вы меня только отправили за город. Зрители даже не смогли со мной как следует познакомиться. Я не успел появиться, как вы увели меня со сцены. А что со мной дальше было, этого никто еще не знает. Даже вы сами, хотя дали мне сценическую жизнь.

Драматург (*в раздумье*). Вот я и решаю сейчас, что мне с тобой делать. Мне, понимаешь, нужно, чтобы ты совершил преступление. И обязательно в нетрезвом виде.

Гарольд. Разве нельзя без этого обойтись в пьесе, которую вы пишете?

Драматург. Не знаю, не знаю. Не уверен.

Гарольд. Во имя чего я должен стать преступником?

Драматург. Я хочу противопоставить тебя благородному герою моей пьесы. Его, видишь ли, несправедливо осудили, хотя, по существу, он проявил мужество в поединке с тремя пьяными хулиганами.

Гарольд. Ясно. А какое же преступление я должен, по вашему, совершить?

Драматург. Я думал, что ты сядешь в нетрезвом виде за руль своего автомобиля и по дороге в город налетишь на какое нибудь препятствие. Одна из твоих подружек, скажем, Марина, должна погибнуть.

Гарольд (*не сразу*). Вы пишете комедию?

Драматург (*помолчав*). Не думаю. Элементы сатиры в пьесе не исключены.

Гарольд. Но если вы остановитесь на варианте со смертельным исходом, то у вас должна получиться по меньшей мере драма, если не трагедия. Во всяком случае, комедией тут даже не пахнет. Я вам плохой советчик, но думаю, что подобная авария не лучший вариант для вашей пьесы.

Драматург. Ты так думаешь?.. Впрочем, у меня есть другой вариант, без смертельного исхода... Ты в нетрезвом виде...

Гарольд. Опять в нетрезвом?

Драматург. Не перебивай меня. Да! Стало быть, ты в нетрезвом виде управляешь катером и врезаешься в теплоход «Метеор». Никто не погибает. Все спасены. Катер, конечно, вдребезги. Ты должен отвечать, тебя задерживают.

Гарольд. Вы хотите меня обязательно упрятать за решетку? И все это ради того, чтобы кому-то меня противопоставить? А в чем конечная цель? Какова мораль вашего замысла?

Драматург. В конечном счете дело не в тебе. Ты не обижайся, но меня интересует нравственный и гражданский облик твоего отца. Он главный персонаж пьесы. Я хочу вынести на суд зрителей эдакое ожирение человеческой души, порожденное сытым благополучием.

На сцене высвечивается Стеклобитов. Он сидит на одном из стульев возле окна.

Стеклобитов (*вмешивается в разговор*). Такие люди, как я, тормозят развитие общества. Я должен быть до отвращения узнаваем. Таков ваш замысел? Ко мне приезжает мой бывший школьный учитель. Я встречаю его холодно, проявляю видимость гостеприимства и отказываю ему в его просьбе помочь попавшему в беду сыну моего бывшего соученика.

Драматург. Да. Отказываете.

Стеклобитов. Учитель видит во мне современного барина. Не так ли?

Драматург. Да. Именно это я хочу сказать.

Стеклобитов. Ну, а что дальше?

Гарольд. Дальше я, твой сын, совершаю преступле-

ние, и ты, видимо, начинаешь всеми правдами и неправдами меня выручать. Потому что моя судьба может отразиться на твоей карьере.

Драматург. В этом случае у вас находятся и связи и знакомства, и вы нажимаете на все кнопки, которыми вы не захотели воспользоваться ради того честного, невинного парня, за которого просил Архип Архипович.

Стеклобитов. Малоубедительно!

Драматург. То есть? Почему?

Стеклобитов. Какой же отец не попытается выручить своего сына, даже если тот явно в чём-то виновен? Вот вы сами разве не испробовали бы все, что в ваших силах, для того чтобы отвести от вашего сына пусть даже заслуженное им справедливое наказание? Я имею в виду приговор суда.

Драматург (*подумав*). Вероятно. Так как же быть?

Стеклобитов. Не знаю, вы сочиняете, вы даете своим персонажам жизнь на сцене — мы следуем за вами.

Гарольд. Простите, но я хочу не согласиться с тобой, отец!

Стеклобитов. В чем именно?

Гарольд (*драматургу*). Если я как персонаж рожден игрой вашего воображения и уже существую, я хочу жить, а не быть бездумной марионеткой в руках автора пьесы. Да, да! Кстати, почему я обязательно должен напиться, если я прихватил с собой из дома бутылку сухого вина? И почему я обязательно должен быть папенькиным сынком и принадлежать к так называемой «золотой молодежи», если у меня есть магнитофон с зарубежными музыкальными записями? И почему, наконец, я должен по воле автора пьесы в пьяном виде садиться за руль автомобиля? Если вы не можете придумать ничего лучшего для подтверждения вашего авторского замысла, то почему бы мне не действовать в пьесе согласно собственной логике?

Драматург. Собственной? Вы хотите, чтобы я, таким образом, пошел на поводу у рожденных мной персонажей? Ну, знаете ли...

Гарольд. Но мы же видим, как вы мучаетесь над второй частью пьесы и ничего не можете придумать для того, чтобы свести концы с концами.

- Драматург** (*раздраженно*). А куда вы торопитесь? Я могу отложить рукопись и вернуться к ней через год, два... Словом, тогда, когда сочту это нужным.
- Стеклобитов**. Но вы успели познакомить с нами зрителя. Зритель не терпит неоконченных спектаклей.
- Драматург**. Неверно.
- Гарольд**. Не понимаю, что неверно? Мы же проиграли первую часть пьесы?
- Драматург**. Проиграли. В моем воображении. Да, да! Я, не выходя из этой комнаты, сам для себя разыграл начало спектакля. Никто, кроме меня, с вами не общался. Это была, так сказать, проба.
- Стеклобитов**. В таком случае все мы являемся чем-то вроде полуфабрикатов? Тогда, может быть, есть еще время внести некоторые коррективы в наши характеры?
- Драматург**. Что вы имеете в виду? У вас есть конкретные предложения?
- Гарольд**. Что касается меня, то у меня есть просьба. Если позволите.
- Драматург**. Говорите, Гарольд!
- Гарольд**. Во-первых, измените мне, пожалуйста, имя. Почему-то, если я должен быть отрицательным персонажем, то и имя у меня какое-то такое: Гарольд... Ролик.. Пусть я лучше буду Никитой или Данилой. Попроще!
- Драматург**. Подумаем.
- Гарольд**. И потом, не делайте из меня студента Института иностранных языков. Если я по возрасту должен быть призван в армию, то призовите меня... в ракетные войска!
- Драматург**. Глупости ты говоришь! Как же я могу тебя призвать в ракетные войска, если тебя должны судить! Ты же совершил преступление!
- Гарольд**. Ну, по ходу пьесы вы, может быть, еще и откажетесь от этого варианта. А потом я мог бы до призыва совершить какой-нибудь менее серьезный проступок.
- Драматург**. Может рухнуть вся моя концепция. Все вы, персонажи пьесы, взаимосвязаны сквозным действием. Я должен выстроить сюжет так, чтобы он отвечал моему замыслу.
- Стеклобитов**. Я вас понимаю. Но, может быть, все

же не следует так уж прямолинейно выписывать мой характер. Я появляюсь на сцене, и всем сразу же ясно, кто я такой. В жизни ведь не всегда так. И потом, я бы лично хотел, чтобы вы разоблачили меня в комедийном плане. Я должен быть чисто сатирическим образом.

На сцене высвечивается Архип Архипович. Он сидит на стуле возле двери.

Овсянников (*вмешиваясь в разговор*). Что касается меня, то у меня претензий к автору нет. Вы знаете, мне кажется, что по жизни ходят такие честные, благородные труженики, готовые вмешаться в любую несправедливость. Я уже сжился со своей ролью.

Драматург. Да! И такие люди в поисках своей правды подчас наталкиваются на черствость и равнодушие. Они докучают людям своими просьбами, и те приписывают их назойливость возрастным отклонениям, проходят мимо человеческих судеб. Именно таким я вас вижу в своей пьесе. Я встречал таких людей.

Овсянников. Я доволен созданным вами образом старого учителя. Если вам интересно мое мнение о Дарье Ивановне, то и она персонаж из реальной жизни.

Драматург. С ней у меня все благополучно. Ее сценическая судьба продумана. Она выйдет замуж за пенсионера Косовороткина. Не решил только пока, кто он по профессии. Мне еще не очень ясна его биография. Но замуж она за него выйдет.

Стеклобитов. Простите, вы говорите о моей матушке?

Драматург. О ней.

Стеклобитов. Мне пока ничего не известно о ее решении выйти замуж. Не поздно ли в ее-то годы?

Гарольд. Вы хотите выдать мою бабушку замуж?

Драматург. Обязательно. Она еще имеет право на личную жизнь. У многих почему-то сложилось такое понятие: если женщине перевалило за шестьдесят, то она годна только на то, чтобы нянчить внуков, ухаживать за взрослыми детьми, вести хозяй-

ство. Это неправильно! Есть пожилые женщины, которые моложе иных молодых!

На сцене высвечивается Дарья Ивановна.

Дарья Ивановна. Я и есть такая! Многие зрительницы будут мне благодарны. Я чувствую, что найду отклик в их сердцах.

Стеклобитов. Честно говоря, я не ожидал такого хода.

Драматург. Прошу вас только до поры до времени не говорить об этом вашей жене. Для нее это событие должно быть полной неожиданностью.

Стеклобитов. Все ведь зависит от вашего текста, который я произношу.

Драматург. Простите. Мне показалось сейчас, что я говорю не со своими персонажами, а с живыми людьми. Так что же все-таки будем делать? Как должны разворачиваться события?

Стеклобитов. Пока что я с женой должен завтра принимать дома гостей, от которых зависит мое продвижение по службе. Кстати, почему Леокадии Карповны нет здесь с нами?

Драматург. Потому, что я о ней сейчас не думаю. Ее линия поведения мне ясна. Она типичная современная мещанка. Итак, к какому выводу мы должны прийти?

Гарольд. Разрешите?

Драматург. Пожалуйста! Слушаю тебя.

Гарольд. Благодарю. А что, если нам самим попробовать разобраться в драматургии наших отношений?

Драматург. То есть как это самим? Вы же не можете без текста, без продуманного сюжета? А это зависит от меня, и только от меня. Нет, нет! Вы будете исполнять мою волю, вы будете следовать за моим воображением! Вы меня не собьете и не переубедите! А сейчас оставьте меня в покое! Уходите! Я хочу побыть один. Мы встретимся завтра. Я должен все еще раз обдумать, взвесить, уточнить...

Персонажи молча исчезают.

(В глубоком раздумье. Курит. Мыслит вслух.)
Штампы... Штампы... Как уйти от трафарета? Как избежать банальностей? Все это было, было... Все это наш зритель уже кушал: и добрых старичков-

пенсионеров, и равнодушных карьеристов, и маменькиных сынков... Как сказать новое слово, и сказать его по-новому?.. *(Неожиданно воодушевляясь.)* А что, если так?.. Это, пожалуй, идея! Да, да! Это дает новый поворот сюжету. Никакого наезда на паразитов, никакого столкновения с теплоходом на подводных крыльях... И так, они возвращаются домой из-за города в ночь под воскресенье, и вот тут-то все и случается... Кажется... Кажется, я выпутываюсь... Попробуем записать... *(Подходит к столу, садится и начинает лихорадочно что-то записывать.)*

Затемнение

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Обстановка первой картины. Воскресное утро. Стеклобитов в пижаме, Гарольд в синем спортивном костюме молча завтракают. Большая пауза.

Стеклобитов. Ты когда вернулся?

Гарольд. Ночью.

Стеклобитов. Хорошо погуляли?

Гарольд. Хорошо.

Стеклобитов. Куда вы ездили?

Гарольд. За город.

Стеклобитов. К кому? Просто так за город или в какое-нибудь определенное место?

Гарольд *(мрачно)*. В определенное место.

Стеклобитов. К кому-нибудь на дачу?

Гарольд. Нет. Просто так. На природу.

Стеклобитов. Много выпили?

Гарольд. Какое это имеет значение?

Стеклобитов. Я же просил тебя не садиться за руль после того как выпьешь. Я заберу у тебя машину.

Гарольд. Забирай. *(Поднимается. Хочет выйти из-за стола.)*

Стеклобитов. Сядь.

Гарольд. Ну, я сел. *(Садится.)*

Стеклобитов. Почему ты со мной так разговариваешь?

Гарольд. А как я разговариваю?

Стеклобитов. Грубо.

Гарольд. Просто у меня всегда с утра голос такой.

Стеклобитов. Я не о голосе говорю. Я имею в виду интонацию. Я не терплю этот тон.

Гарольд *(помолчав)*. Я тебя слушаю, папа!

Стеклобитов. Что случилось? Почему ты такой... мрачный?

Гарольд. Я не мрачный.

Стеклобитов. Ты не выспался?

Гарольд. Я не выспался.

Стеклобитов. Ты от меня ничего не скрываешь?

Гарольд. А что я должен скрывать?

Стеклобитов. Не знаю. С вами там за городом ничего не случилось? Почему вы вернулись ночью, а не остались на воскресенье там, куда вы поехали со своими девчонками?

Гарольд. Решили вернуться, и все!

Входит Дарья Ивановна.

Стеклобитов. Мама! Дай мне еще парочку свежих блинчиков.

Дарья Ивановна выходит.

Гарольд. Я тебе больше не нужен?

Стеклобитов. Можешь идти. У меня есть два билета на сегодняшний хоккей. Мы с мамой и друзьями уходим в ресторан. Могу билеты тебе отдать.

Гарольд. Спасибо. Я посмотрю по телевизору.

Стеклобитов. Как хочешь. Жаль, пропадут билеты.

Гарольд. Предложи их бабушке. Может, она с твоим учителем пойдет. *(Усмехается, выходит.)*

Появляется Дарья Ивановна. Она ставит перед сыном тарелку с блинчиками.

Стеклобитов. Мама, спроси у Архип Архипыча, не хочет ли он пойти сегодня вечером на хоккей. У меня есть два свободных билета. Может, ты с ним сходишь? Ты же ни разу в жизни не была на стадионе.

Дарья Ивановна. Я, милый, все твои матчи по телевизору посмотрела. Вот если бы на фигурное катание ты меня пригласил...

Стеклобитов. Когда Гарольд вчера вернулся?

Дарья Ивановна. Не вчера, а сегодня. В три часа утра.

Стеклобитов. От него пахло вином?

Дарья Ивановна. Я не принималась. Известное дело, пахло, раз они с гулянки вернулись.

Стеклобитов. Что-то он мне сегодня не нравится. Чего это он ночью вернулся?

Дарья Ивановна. Он еще потом кому-то по телефону дозванивался. Разбудил кого-то, тот его отругал и трубку бросил.

Стеклобитов (*довев блинчики, выходит из-за стола*). Хорошие у тебя сегодня блинчики получились.

Дарья Ивановна. Много ты ешь, Антон! Смотри, какое пузо наел. Надо бы тебе на диете посидеть!

Стеклобитов. Ничего, ничего! (*Хлопает себя ладонью по животу*.) Это у меня социалистическое накопление! Вот поеду осенью на море, поплаваю — быстро спущу... Где твой Архип Архипыч?

Дарья Ивановна. Пошел прогуляться.

Стеклобитов. Он тебе на меня не жаловался?

Дарья Ивановна. Жаловался. Неужели ты не можешь ему помочь? Он ведь ничего особенного не просит. Ему только всего и надо, чтобы его кто-нибудь принял, поговорил с ним.

Стеклобитов. Мокрое дело, мама! Тут помогай не помогай, а уж если человека осудили, то вряд ли что изменится. Это уж я точно говорю.

Дарья Ивановна. Но ведь можно же попробовать. Зачем так сразу отказывать?

Стеклобитов. Он на меня обиделся?

Дарья Ивановна. Огорчился он за тебя, Антон! Очень огорчился.

Стеклобитов. Не могу я, мама, в такие дела вступать! И не хочу! И Леокадия того же мнения. Она уже позавтракала?

Дарья Ивановна. Она сегодня не завтракает. Вы же сегодня в ресторан идете.

Стеклобитов. Понятно... А блинчики у тебя классические! (*Уходит*.)

Дарья Ивановна начинает убирать со стола. Появляется Гарольд. Он подходит к телефону и набирает номер. Номер занят. Не дозвонившись, Гарольд кладет трубку. Мрачно задумывается. Затем, видимо, приняв какое-то решение, проходит в кабинет отца, куда и переносится действие.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Обстановка третьей картины. Стеклобитов переодевается. Он в цветных трусах и пижамной куртке. В руках брюки, которые он собирается надевать. Входит Гарольд.

Гарольд. Папа! Мне нужно с тобой посоветоваться. Стеклобитов (*настороженно*). Я тебя слушаю. Что-нибудь случилось?

Гарольд. Да. Случилось.

Стеклобитов. Я так и чувствовал. Когда случилось? Вчера?

Гарольд. Сегодня ночью. Вернее, под утро.

Стеклобитов. С тобой?

Гарольд. Со мной.

Стеклобитов (*садится*). Говори же!

Гарольд (*не сразу*). Папа! Я сбил человека...

Большая пауза.

Стеклобитов. Как сбил?

Гарольд. Как сбивают? Ехал и сбил.

Стеклобитов. Насмерть?

Гарольд. Я не знаю. Я зацепил его правым крылом... Он упал... Я уехал...

Стеклобитов. Ты не видел, он не поднялся?

Гарольд. Я не оглядывался. Не знаю.

Стеклобитов. Ты был в машине один?

Гарольд. Нет. Нас было четверо.

Стеклобитов. Значит, они тоже видели, что ты сбил этого человека?

Гарольд. Видели.

Стеклобитов. Почему ты не остановился? Надо же было — по правилам — остановиться.

Гарольд. Зачем? А если он умер? Никто, кроме нас, этого не видел. На шоссе никого не было.

Стеклобитов (*не сразу*). Сбил человека и уехал... Никто, кроме вас, не видел... Точно?

Гарольд. Папа!

Стеклобитов. Что?

Гарольд. Я боюсь...

Стеклобитов (*помолчав*). Ну, если никто действительно, кроме вас четверых, этого не видел, то... Ребята тебя не выдадут?

Гарольд. Не выдадут. А если милиция?

Стеклобитов. Но ты же сам говоришь, что на шоссе никого не было.

Гарольд. А если...

Стеклобитов. На крыле есть вмятина?

Гарольд. Я не посмотрел.

Стеклобитов. Полагаю, что надо начинать с осмотра машины.

Входит Дарья Ивановна.

Дарья Ивановна. Антон! Там пришел какой-то странный человек. Спрашивает кого-нибудь из нашей квартиры.

Стеклобитов (*переглянувшись с сыном*). Кто такой?

Дарья Ивановна. Говорит, что по срочному автомобильному делу.

Стеклобитов. Пусть зайдет.

Большая напряженная пауза, во время которой отец и сын с тревогой смотрят друг на друга. Появляется Щенков. Голова у него перевязана бинтом, он хромотает.

Щенков (*осмотревшись*). Хотелось бы поговорить.

Стеклобитов. Кто вы? Откуда? Что вас интересует?

Щенков. Интересует меня машина «Жигули» за номером 56-58 МКЕ. Светло-серого цвета. Это ваша машина?

Стеклобитов (*не сразу*). Наша.

Щенков. Вот что значит зрительная память! Как запомнил! И из какого, можно сказать, критического положения! Значит, машина ваша? Очень приятно. А кто из вас, если позволите узнать, является, так сказать, водителем этой автомашины? Вернее, кто из вас сидел вчера за рулем? Кто? Из вас? Кто?

Гарольд. Я сидел за рулем.

Щенков. Очень приятно, молодой человек, что вы в этом признаетесь. Хотя, впрочем, как тут не признаться? Вы знаете, есть такая присловица: «Живи честно — не воруй! Начал воровать — не попадайся! Попался — не признавайся! Признался, но не в коллективной краже. Все бери на себя! На себя одного!»

Гарольд. Я вас не понимаю.

Щенков. А тут и понимать нечего: меня не интересуют ваши пассажиры. Важно, что за рулем сидели вы. Будем считать, что в машине вы были один. Важен факт.

Стеклобитов. Гражданин! Говорите! Говорите, пожалуйста, яснее.

Щенков. Полагаю, что вы отец этого юноши?

Стеклобитов. Да. Я его отец.

Щенков (*прищурясь*). Похожи. Очень похожи. Не зря говорят, что яблоко от яблони недалеко падает.

Стеклобитов. Кто вы такой? Мы вас не знаем. Вы даже не представились.

Щенков. Я? Я пострадавший. (*Строго.*) Прошлой ночью ваш сын на машине «Жигули», номерной знак 56-58 МКЕ, сбил на шоссе человека. Сбил и, не оказав ему помощи, уехал. Этот человек перед вами. Щенков Василий Васильевич. Агент по снабжению. Возвращался домой и имел, так сказать, несчастье повстречаться с вашим сыном.

Стеклобитов. Чем вы можете доказать, что мой сын сбил вас на шоссе? Тем, что у вас перевязана голова и вы хромаете? Это еще не доказательство. Может быть, вас по пьянке где-нибудь изувечили. Может быть, вы просто симулянт или вымогатель. Откуда мы знаем. И вообще, гражданин, если вы имеете к нам претензии, то обращайтесь в положенные инстанции.

Щенков. Гражданин Стеклобитов! Если бы я не имел доказательств, что именно на вашей машине и именно ваш сын совершил прошлой ночью наезд на человека, сбил его и удрал, как настоящий преступник, я бы, вероятно, сюда к вам не пришел. Не пришел бы, естественно, и если бы я был убит. Я не так наивен, как вы думаете. Я как агент по снабжению имею тоже определенные связи и возможности.

Стеклобитов. Так что же все-таки хотите? Зачем вы явились сюда, к нам на квартиру, а не обратились в милицию?

Щенков. Полагаю, что при рассмотрении этого дела частным образом у вас на квартире можно было бы обойтись без привлечения административных органов. В противном случае, конечно, мое право и во-

обще... если понимаете, какой нежелательный для вас оборот может принять эта история, учитывая ваше положение и тому подобное...

Стеклобитов. Вы могли бы покороче? Ваши предложения?

Щенков. Предлагаю возместить моральный и материальный ущерб. Я был в новом костюме. Я был здоров, а теперь... сами видите... травма. Вы думаете, мне легко было в таком состоянии до вас добраться? А потом, вы сами понимаете, для того чтобы, так сказать, замять это дело, для того чтобы все осталось между нами, надо тоже... подсчитать...

Стеклобитов. Сколько? Сколько вы хотите за это получить?

Щенков. Вы имеете в виду наличные?

Стеклобитов. Сколько? Сумма?

Щенков (*не сразу*). Одну тысячу рублей. Это по-божески! Не правда ли?

Стеклобитов. У меня нет при себе таких денег.

Щенков. Не важно. Уговор дороже денег. Завтра в это же время. Здесь. У вас. Без свидетелей. Впрочем, ваш Гарольд не в счет.

Гарольд. Откуда вы знаете, как меня зовут?

Щенков. Забыл вам сказать, Антон Петрович, что вы меня не знаете, а я-то все про вас знаю. Я ведь в вашей системе работаю. Только я человек маленький, а вы человек большой. Вам, с вашей-то высоты, не всех видно.

Стеклобитов (*помолчав*). Я могу вам сейчас заплатить эту сумму.

Поднимается, подходит к шкафу достает деньги. Протягивает пачку денег Щенкову.

Здесь десять бумажек по сто рублей.

Щенков. Редкие для меня купюрки. Благодарю от всей израненной души. Обещаю больше под ваш автомобиль не попадать.

Стеклобитов. Можно считать вопрос закрытым.

Щенков. Не совсем.

Стеклобитов. Что еще?

Щенков. Если позволите, я поясню... Дело в том, что от вас лично зависит моя судьба в житейском

плане. Мне нужно изменить жилищные условия. Больших оснований для улучшения этих условий у меня нет. Честно говоря, я живу вдвоем с женой в небольшой двухкомнатной квартирке со всеми удобствами и в центре города. На учет меня как нуждающегося в улучшении жилищных условий не поставят. Однако при желании, то есть я имею в виду при вашем непосредственном вмешательстве, это можно было бы сварганить.

Стеклобитов. При чем тут я?

Щенков. На днях сдается в эксплуатацию дом одного ведомства, с руководителем которого я вас недавно видел в одном из наших лучших ресторанов. У меня со стороны сложилось впечатление, что вы с ним на дружеской ноге. Так вот одного вашего звонка было бы достаточно, чтобы мой жилищный вопрос решился положительно. Собственно говоря, трехкомнатная квартира в этом новом доме для меня важнее этих десяти бумажек по сто рублей. Я могу их вам вернуть. Если вы не согласитесь выполнить мою основную просьбу, то тогда уж придется дать этому неприятному делу формальный ход. А это, как вы должны понимать, может быть чревато такими последствиями... такими последствиями, что тут уж не десятью бумажками, не одним телефонным звонком, а бог его знает чем обернуться может... Вам ясна постановка вопроса?

Стеклобитов (*мрачно*). Хорошо! Я понял, о ком вы говорите. Я ему позвоню. Попрошу.

Щенков. Запишите, пожалуйста, для памяти: Щенков Василий Васильевич. В настоящее время проживает по адресу: Суворовский бульвар, дом двадцать восемь, квартира сорок пять. А новый дом, о котором идет речь, строится по проспекту Мира. Сдам двухкомнатную квартиру. Нужна трехкомнатная. Записали?

Стеклобитов. Записал. Знаете, кто вы? Вы вымогатель!

Щенков (*поднимаясь*). Возможно. Но и вы тоже... не в лучшем свете...

Затемнение

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Кабинет драматурга. Драматург продолжает беседу с персонажами пьесы: Стеклобитовым, Гарольдом и Щенковым.

Щенков. Я, конечно, мог запомнить номер и цвет машины, сбившей меня на шоссе, хотя это практически невозможно, если учесть, что меня ударило крылом и я свалился в кювет, а машина уехала. Но допустим, что я запомнил. Хотя, повторяю, это маловероятно и неправдоподобно.

Драматург. Вы запомнили.

Щенков. Но как я мог в воскресенье утром уже узнать фамилию и адрес владельца этой дурацкой машины? Только благодаря оперативным работникам ГАИ. Только они могли бы...

Драматург (*перебивает*). Обойдемся без милиции.

Щенков. Попробуем. Итак, я запомнил номер машины, каким-то сверхъестественным путем узнал фамилию владельца и его адрес и после тяжелой травмы сам явился к нему на квартиру.

Драматург (*упрямо*). Да. Явились.

Стеклобитов. А я так вот сразу испугался и выполнил все требования неизвестного гражданина? Наивно. Очень даже наивно. Я должен был бы потребовать неопровержимых доказательств того, что именно мой сын совершил на него наезд. Этого же никто не видел. Правда, Гарольд?

Гарольд. По тексту пьесы это так. Никто не видел. Кроме моих друзей. А те молчат.

Драматург (*Щенкову*). А какие, по-вашему, могли быть доказательства этого факта, кроме наличия видимой травмы?

Щенков. А черт его знает какие! Если бы так случилось в жизни, то, вероятнее всего, только милиция...

Драматург. Милицию оставим в покое. Я уже сказал...

Стеклобитов. Простите, меня сейчас занимает уже другой вопрос. Допустим, я дал взятку пострадавшему для того, чтобы выгородить сына из неприятной истории. Замять дело. Сереже Петушкову, попавшему случайно в беду, помочь отказался, а своему сыночку помог самым что ни на есть неле-

гальным путем избежать правосудия. Ну и что?
Это все!

Драматург. Вам этого мало?

Стеклобитов. Неинтересно.

Гарольд (*после паузы*). Я бы предложил совсем другой вариант.

Драматург. Какой вариант? Вариант чего?

Гарольд. Вариант финала вашей пьесы. В самом деле! Мы уже живем. Мы уже есть. Ситуация более или менее задана. Но вы тянете нас на бытовщину, а мы хотим играть комедию. Пусть же и действие развивается в этом направлении.

Драматург. Как это так? Пустить пьесу на самотек? Кто во что горазд?! Начали драму, а кончили комедией? Такого еще не было!

Стеклобитов. Я поддерживаю предложение Гарольда. На худой конец мы можем обойтись без вас!

Драматург. Что вы сказали?

Гарольд. В жизни часто все бывает не так, как на сцене! (*Исчезает.*)

Щенков. Лично мне все равно. Какой текст дадите, такой я и произнесу. (*Исчезает.*)

Драматург (*в панике*). Куда же вы! Погодите! Мы же ни о чем не договорились!

Драматург остается один.

Ума не приложу, что они могут без меня сыграть!

Затемнение

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Обстановка первой картины. Овсянников, Косовороткин и Дарья Ивановна пьют чай. Беседуют.

Косовороткин. Завтра у нас понедельник.

Дарья Ивановна. В понедельник не стоило бы начинать. День тяжелый. Да еще тринадцатое число!

Косовороткин. Прекрасно. Именно тринадцатого числа мая месяца, именно в понедельник полк, в котором я служил, вышел на исходные рубежи и начал наступление. И как видите...

Овсянников. Вы, Мефодий Калистратович, предполагаете в прокуратуру пойти со мною вместе?

Косовороткин. С утра я созвонюсь с приемной прокурора, и в зависимости от обстановки будем принимать решение. На всякий случай у меня есть еще один вариант, но о нем потом... Он у меня про запас... Благодарю, Дарья Ивановна, я уже напился. Больше не хочу. А чай у вас преотличный. Вы знаете, я ведь большой специалист заваривать чай. У меня своя метода. Вернее, не своя, а маньчжурская. Когда мы в Маньчжурии были, меня там один китаец научил чай заваривать. Это, знаете ли, тоже наука!

Дарья Ивановна. Мы, русские, крепче завариваем.

Овсянников. Что-то долго Верхнереченск не дают.

Дарья Ивановна. Надо было по срочному заказать.

Овсянников. Ладно. Подождем. Может быть, они там дозваниваются, а никого дома нет.

Косовороткин. Позвонят. *(Поднимается.)* Дарья Ивановна, значит, как договорились? Вы хотите, чтобы именно сегодня были поставлены точки над «и»?

Дарья Ивановна. А зачем откладывать, Мефодий Калистратович? Сегодня мы им и объявим наше решение. Так, мол, и так. Будь что будет.

Косовороткин. Должен вам сказать, Дарья Ивановна, не скрою, я несколько волнуюсь. А ну как они воспримут это в штыки?

Дарья Ивановна. Мне, слава богу, не семнадцать. Я уже совершеннолетняя. Могу сама решать свою судьбу. Вы же к ним придете не моей руки просить, а просто познакомиться, представиться... А уж все дальнейшее — это наше с вами дело, их это не касается.

Звонок телефона.

Овсянников *(снимает трубку)*. Слушаю... Да, да! Заказывали... Верхнереченск не отвечает? Тогда попробуйте дать разговор попозже... Ну, скажем, через час... Спасибо большое. *(Кладет трубку.)* Телефон не отвечает. Обещали еще попросить.

Косовороткин. Ну, я пойду. Надо себя перед ответственным свиданием привести в порядок. Как-никак, а жених! *(Смеется.)* Итак, до скорого! *(Овсянникову.)* С вами увидимся! *(Уходит.)*

Дарья Ивановна (*вернувшись из передней*). Как он вам понравился?

Овсянников. Достойный человек.

Дарья Ивановна. И я так думаю. Положительный. И вам он поможет. Он, знаете ли, тоже за всякую несправедливость душой болеет. (*Помолчав.*) А вам, Архип Архипович, не показалось, что он что-то недоговаривает? Не любит он о себе говорить.

Овсянников. Я не заметил. Очень общительный человек.

Дарья Ивановна. Мне почему-то кажется, что он что-то от меня скрывает. Я его как-то спросила, где он работал до пенсии. Был инженером. А где, не сказал. И вообще как-то он всякий разговор о своем прошлом отводит, отшучивается: что, говорит, было, то прошло, что прошло, то вьюгой замело. Что бы это значило «вьюгой замело»? Какой такой вьюгой? Может, он сидел?

Овсянников. Не исключено. А может, и на какой секретной работе мог находиться.

Дарья Ивановна. Да, конечно. А человек хороший.

Овсянников. Хороший человек. Это я сразу понял. И грамотный.

Дарья Ивановна. Да уж это не отнять.

Овсянников. Как я понял, у него есть дочь.

Дарья Ивановна. За границей живет. За дипломатом замужем.

Овсянников. Ну и как она? Поставлена в известность?

Дарья Ивановна. Написала ему: «Папа! В одиночестве тебе жить трудно. Решай сам».

Овсянников. Гуманно.

Дарья Ивановна. Вот так. Стало быть, сегодня мы нашим и объявим.

Овсянников. Думаете, Антон Петрович будет против?

Дарья Ивановна. Сын — не знаю. А уж Леокадия, та взбеленится! Как же! Домработницы у них до сих пор нет. Никак не найдут. Те, что по объявлению набивались, не подошли. А я тут, под рукой. Все на мне. А теперь как они без меня обходиться станут? Конечно, я и сюда наведываться буду, но

жить перееду. Может, у меня последний десяток лет остался. Надо его для себя прожить.

Резкие звонки в передней. Дарья Ивановна выходит. Затем появляется со Стеклобитовыми. Стеклобитов в совершенно мокром, помятом костюме.

Господи! Где же это ты так вымок? Вроде и дождя на улице нет.

Стеклобитова (*в крайнем раздражении*). Он купался! (*Мужу.*) Быстро переодевайся!

Дарья Ивановна (*сыну*). Что-то я не поняла! Где ты купался?

Стеклобитов (*упавшим голосом*). Я в воду свалился. (*Выходит.*)

Дарья Ивановна. Да где же это ты воду нашел? Стеклобитова. Где, где! Значит, нашел, если свалился. (*Проходит в смежную комнату.*)

Овсянников. Я, пожалуй, пройду на кухню. (*Уходит.*)

Возвращается Стеклобитова. Она рыдает.

Стеклобитова. Ужас какой-то! Просто ужас!

Дарья Ивановна. Да что случилось-то? Никак я в голову не возьму!

Стеклобитова. В фонтан он упал! Понимаете, в фонтан!

Дарья Ивановна. Какой еще фонтан?

Стеклобитова. В обыкновенный. С рыбками! В ресторане!

Дарья Ивановна. Да как же он в него свалился?

Стеклобитова. А вот так! Пошел танцевать, пятился, пятился да и бултыхнулся прямо в воду, со своей дамой! И при всем народе. Оркестр играть перестал. Я чуть эклером не подавилась. Кошмар какой-то!

Проходит в комнату. Из комнаты доносится разговор в повышенных тонах. Затем появляются Стеклобитовы. Стеклобитов в пижаме, вид у него по-прежнему жалкий.

(*Мужу*). Я говорила тебе, надо было их дома принимать, а не в ресторан вести! Нет! Ему обязательно надо начальству пыль в глаза пустить — при всех по счету заплатить!

Стеклобитов (*оправдываясь*). Но ты же не возражала, когда я предложил пойти посидеть в ресторане?

Стеклобитова. Посидеть! Посидеть! А не поплавать! Есть разница! И как это тебя угораздило! Ну ладно, на худой конец меня бы выкупал, а то жену своего Коржунова в фонтан за собой затащил! Люди себе животы от смеха надорвали, когда ты из воды вылезал! Иностранные туристы фотографировали! Я видела! Подожди, еще в журнал какой-нибудь попадешь! В «Пари матч» или в этот... как его... в «Шпигель»!..

Стеклобитов. А что Коржунов?

Стеклобитова. Что Коржунов? Забрал жену и ушел, не попрощавшись. Жди теперь своего назначения! Главный эксперт! Не видать тебе его теперь как своих ушей! Бес тебя попутал идти танцевать! Ну что полез? Когда ты в последний раз танцевал? Когда? На своей свадьбе?

Стеклобитов. Что теперь делать? Я хоть извинился перед ними?

Стеклобитова. Не перед кем было извиняться. Они уж ушли, когда ты в себя пришел. Господи! Стыд какой! Официант у тебя из кармана золотую рыбку вытащил и обратно в фонтан пустил!

Стеклобитов. Деньги все промокли... документы... Пропуск в Дом кино. Может, мне ему позвонить по телефону, спросить, как себя Виктория Рафаиловна чувствует?

Стеклобитова. Сиди уж. Она как раз в новом платье была. Еще хвасталась мне, что только-только из Парижа его получила.

Стеклобитов. Она плакала?

Стеклобитова. Плакала? Это не то слово!

Стеклобитов. Надо же... Ой, что теперь будет? Коржунова начальником главка назначают. Может, мне застрелиться?

Стеклобитова. Надо было утонуть! Черт косолапый!

Звонок телефона.

(Снимает трубку.) Что?.. Даете Верхнереченск? Зачем нам Верхнереченск?.. Заказывали? *(Обращается к вошедшему Овсянникову.)* Кто заказывал Верхнереченск?

Овсянников. Извините. Я заказывал.

Стеклобитова (*кладет трубку на стол*). Вас вызывают.

Овсянников (*берет трубку*). У телефона... Да, да! Заказывали. Заказывали... Соединяйте! (*Ждет.*) Кто у телефона?.. Сережа? Какой Сережа? Петушков?.. Сережа? Это ты? Это я, Архип Архипыч! Сережа? Как ты туда попал? Ты же должен сидеть!.. Выпустили? Как это выпустили?.. Как это оправдали? Я же за тебя еще не хлопотал!.. Верховный суд по протесту прокурора республики?.. Значит, ты уже на свободе? А ты меня не разыгрываешь?.. Ну хорошо. Ясно. Тогда, значит, скоро увидимся. Я завтра постараюсь вылететь домой. Передай всем привет! Ну ладно... До свидания! Я очень рад. (*Кладет трубку. Обращаясь к Стеклобитовым.*) Оправдали Сережу... Отменили приговор. Удовлетворили кассацию. Общественность помогла. Можно и домой подаваться.

Стеклобитов. Ну вот! Зря, выходит, вы приехали?

Овсянников. Почему зря? С тобой повидался. Увидел, каким ты стал. Это тоже полезно для расширения кругозора.

Появляется Дарья Ивановна. Она принарядилась.

Дарья Ивановна (*торжественно*). Антон! Леокадия! Дети мои! Хочу я вам одну новость преподнести. Не волнуйтесь! Не осуждайте меня. Примите как должное.

Стеклобитова. Что еще случилось?

Дарья Ивановна. И не удивляйтесь тому, что я вам сейчас скажу.

Стеклобитова. Дом престарелых?

Дарья Ивановна. Да нет, не угадала.

Стеклобитова. Я, кажется, сегодня сойду с ума! Что сын, что мать — чудовища какие-то. Так говорите же!

Дарья Ивановна. Я выхожу замуж!

Долгая пауза.

Стеклобитов. Мама! Ты шутишь?

Стеклобитова. Вы в своем уме? Кто же вас берет?

Дарья Ивановна. Что значит «берет»? Я полюбила человека. Имею я на это право или нет?

Стеклобитова. Да посмотрите на себя в зеркало! Дарья Ивановна. Я каждый день на себя в зеркало смотрю. Да еще по нескольку раз. Что ты имеешь в виду, невестушка? Не первой я молодости, но и не последней.

Стеклобитова (*обращаясь к Овсянникову*). Это вы на ней женитесь? Вы за этим сюда приехали? Соблазнили нашу старушку?

Овсянников (*с достоинством*). Извините, женат. А решение Дарьи Ивановны одобряю.

Дарья Ивановна. Я понимаю, вам без меня будет первое время трудновато, но привыкнете. А там, бог даст, и домработницу подберете. Заходить к вам буду. А жить буду своим домом.

Стеклобитов. Мама! Ты нас поражаешь! Как это так? Жила, жила, и вдруг — замуж. Форменным образом!

Стеклобитова. Какой-то сумасшедший дом! Муж в фонтане плавает, свекровь замуж выходит. Это просто ни в какие ворота не лезет! Мне дурно! Дайте мне валокордина!

Овсянников. Прошу вас! Это заменяет. Валидол! Всегда при мне! А с валокордином сейчас плохо... Нет валокордина!

Звонок телефона.

Стеклобитов (*снимает трубку*). У телефона... Откуда говорят? Из милиции?.. Слушаю вас... Да, это квартира Стеклобитова... Я у телефона... Что? Сын? Да, у меня есть сын... Как его зовут? Его зовут Гарольдом... Что? Он заявляет, что его зовут Данилой? Первый раз слышу. Впрочем... Теперь его, видимо, зовут Данилой. А что случилось?.. Не имеете ничего сказать отцу, который не знает имени своего сына!.. Товарищ! Товарищ!.. (*Кладет трубку.*) Не захотел со мной говорить. Бросил трубку. С Данилой что-то случилось.

Стеклобитова. Что с тобой? С каким Данилой? Ты что? Рехнулся? У нас сын Гарольд, а не Данила!

Стеклобитов (*в протрации*). Нет. Теперь его зовут Данилой. Его переименовали.

Стеклобитова (*в отчаянии*). Что ты мелешь? Кто его переименовал?

Стеклобитов. Кому надо, тот и переименовал. По его личной просьбе. С ним что-то случилось...

Звонок в передней. Появляются Гарольд, Валерий, Марина и Наташа. Их одежда испачкана, руки и лица в саже.

Стеклобитова (*бросается к сыну*). Ролик! Родной! Голубчик! Что с тобой?

Гарольд. Мама! Успокойся! Ничего особенного.

Стеклобитов. Откуда вы в таком виде? Нам звонили из милиции. Ты теперь Данила? Да?

Стеклобитова (*мужу*). Антон! О чем ты говоришь! Почему он должен быть Данилой, если он Гарольд!

Гарольд. Мама! Я теперь Данила! Я не хочу быть Гарольдом.

Стеклобитова. Откуда вы в таком виде?

Гарольд (Данила). Мы с пожара!

Стеклобитова. С какого пожара?

Марина. Мы тушили пожар! Настоящий пожар!

Гарольд (Данила). Возвращаемся из-за города и вдруг видим: из окна старого дома валит дым. Воскресенье — все за городом, народа в переулке не видно. Подъезжаем ближе, видим....

Валерий. Горит!

Марина. Аптека! Горит!

Гарольд (Данила). Ну мы, конечно, остановились и бросились в аптеку! Тушить пожар!

Наташа. Я стала из телефона-автомата по ноль-один вызывать пожарную команду.

Марина. А пока они приехали, мы тушили одни. Сами!

Гарольд (Данила). Разбили в двери стекло, проникли в помещение...

Валерий. Нашли ведра и начали заливать вату!

Стеклобитов. Какую вату?

Валерий. Которая горела.

Марина. Стали спасать лекарства: всякие таблетки, облатки, пузырьки в коробках...

Гарольд (Данила). А потом приехала милиция, и всех нас забрали в отделение для выяснения личностей. Папа! Тебе звонили из милиции?

Стеклобитов. Звонили, но не захотели со мной разговаривать! Они решили, что я не в своем уме, раз не знаю имени своего сына.

Валерий. Представьте себе, сначала нас приняли за наркоманов, а потом...

Марина. А потом нам всем объявили благодарность за смелость и находчивость при тушении пожара. Оказывается, мы могли взлететь на воздух. Там же были воспламеняющиеся вещества!

Гарольд (Данила). Мама! Честно говоря, я воспользовался этим пожаром для того, чтобы достать тебе пузырек валокордина. Я знал, что он тебе пригодится! (*Достает пузырек и протягивает его матери.*)

Стеклобитова. Очень кстати. Я не вынесу всех переживаний. (*Мужу.*) Накапай мне сорок капель! Или я сейчас упаду!

Овсянников выполняет просьбу. Звонок в передней. Гарольд выходит. Появляется Косовороткин. Он в генеральской форме. При орденах и медалях. Вид у него торжественный.

Косовороткин. Честь имею! Разрешите представиться! Генерал-майор в отставке Мефодий Калистратович Косовороткин!

Дарья Ивановна в полуобмороке опускается на стул.

Стеклобитов (*бросается к матери*). Мама! Что с тобой? Тебе плохо?

Косовороткин. Ничего. Это пройдет. Это от любви!

Дарья Ивановна (*испуганно глядя на Косовороткина*). Он... генерал... Настоящий!.. Генерал!

Стеклобитов (*жене*). Леокадия! Маме — валокордин! Быстро!

Косовороткин. Да, Дарья Ивановна! Я — генерал. Но пусть это вас не смущает. Командовать я вами не буду!

Стеклобитов. Чему обязаны, товарищ генерал? Слушаю вас!

Косовороткин. Явился просить руки вашей матушки!

Быстро входит драматург.

Драматург (*решительно*). Стоп! Хватит! Разыгрались без меня! Ушли от острых проблем, от серьезной постановки наболевших вопросов. Нашли время смешить публику! Я этого не писал! Я снимаю с себя всякую ответственность!

ФИНАЛ

Персонажи смотрят на автора пьесы и в растерянности переглядываются. Драматург продолжает свой монолог.

Драматург. Я на вас не сержусь. Я удивляюсь. Как могли вы перевести все, что мы с вами накопили, в такой дешевый фарс? Что вы играли? Гротеск? Буффонаду? Все, что намечалось, смазано за какие-нибудь двадцать минут! Разменено на пустячки, на пустое хохмачество. *(Обращаясь к Косовороткину.)* При чем тут ваш генеральский мундир? Разве я давал вам чин генерала?

Косовороткин *(робко)*. Нам показалось, что такая неожиданная метаморфоза... Дарья Ивановна думала про меня одно, а оказалось, что я...

Драматург. Пенсионер, скрывавший от нее свое генеральское звание? Глупости все это! *(Стеклобитову.)* А вы? Вам казалось, что ваша сверхзадача обязательно бултыхнуться в какой-нибудь дурацкий фонтан?

Стеклобитов. Но это же могло случиться? Я бывал в таких ресторанах.

Драматург. Не в моей пьесе! Мне не нужно, чтобы вы купались в ресторане. *(Овсянникову.)* А вы, Архип Архипович? Зачем вы летели из своего Верхнереченска, если без всяких усилий с вашей стороны все совершилось само собой и вашего подопечного оправдали и освободили из-под стражи? Стоило ради этого выходить на сцену?

Овсянников *(оправдываясь)*. Но так ведь бывает...

Драматург. Бывает. У нас все бывает. Но это не решение задачи, которую я перед вами должен был поставить. Ну, что ж... Во всем виноват я один. Если я не сумел, не справился, то лучше отложу незаконченную пьесу в сторону до тех пор, пока она окончательно не созреет. Но завершать ее подобным балаганом, подобным дивертисментом я не намерен.

Стеклобитов. Как же нам быть? Ждать?

Стеклобитова. Разве можно так с нами поступать? Мы же почти настоящие люди!

Овсянников. Придумайте что-нибудь! Напрягитесь!

Гарольд. Я не хочу отлеживаться в папке незавершенных работ. Я хочу действовать!

Дарья Ивановна. А мне что же, и замуж выйти нельзя?

Драматург (*помолчав*). Оставьте меня одного... Я должен собраться с мыслями.

Стеклобитов. Хорошо. Мы подождем вашего окончательного решения...

Персонажи послушно исчезают.

Драматург (*мыслит вслух*). Нет, нет... Ситуация правильная. Парню из Верхнереченска он помочь отказался, а как сынок попал в беду, так он пошел на все, лишь бы спасти свою репутацию... Это ясно... Дал взятку проходимцу, такому же, как и он сам... Банально, хотя и правдиво. Но это еще не финал пьесы. Не финал! Я показал, как это бывает в жизни. Ну и что? А что, если показать, как должно было бы быть! Может быть, в этом и кроется мой просчет? Надо предложить моим героям проявить себя в действии. Где их гражданское мужество, принципиальность, решимость до конца бороться за правду и справедливость?.. Надо вернуться к сцене со взяткой...

Затемнение

Из затемнения — финал 7-й сцены.

Стеклобитов и Гарольд.

Стеклобитов (*не сразу*). Он будет молчать, негодяй! Но и ты тоже хорош! Мне не жаль денег, я помогу ему с квартирой, но нет никакой гарантии, что все это может выплыть, и тогда...

Гарольд (*не сразу*). Отец! Это выплывает.

Стеклобитов. Почему ты так думаешь?

Гарольд. Потому, что пойду в милицию и сам заявлю о том, что произошло ночью. Ты дал ему взятку.

При мне. Ты струсил не за меня, а за себя. Это подло, отец! Прости меня, но я не могу молчать.

Стеклобитов. Ты сошел с ума! Я ради тебя иду на преступление, а ты...

Гарольд. А я не хочу, не хочу этого! Ты понимаешь, отец? Не хочу и не могу! Я знаю, что я совершил преступление: сбил человека и уехал, не оказав ему помощи! Я должен отвечать за это перед законом.

Стеклобитов. Но он ведь жив, этот человек! Жив! Все нормально!

Гарольд. Но я-то не знал, что он жив.

Стеклобитов. Он же жив! Зачем тебе идти в милицию?

Гарольд. Не знаю. Я чувствую свою вину и не могу жить с этой мыслью. *(Решительно выходит.)*

Стеклобитов в смятении продолжает одеваться. Входит Дарья Ивановна.

Стеклобитов. Что тебе, мать?

Дарья Ивановна. Есть разговор, сынок!

Стеклобитов. Ну, что там еще случилось?

Дарья Ивановна. Уезжаю я, Антон! Уезжаю.

Стеклобитов. Куда ты уезжаешь?

Дарья Ивановна. В Верхнереченск.

Стеклобитов. Куда? В Верхнереченск? Что ты там забыла?

Дарья Ивановна. Свой покой я там забыла. Не могу больше с вами жить. Хоть и большие окна в квартире, а душно мне у вас. А вы и без меня обойдетесь. Леокадия уже с одной девушкой договорилась, она у вас поработает.

Стеклобитов. Чушь какая-то! Бред! Где ты там жить будешь?

Дарья Ивановна. А мне Архип Архипыч комнатку предоставляет. У него их две, так в одной я поживу.

Стеклобитов. Чертов старик! Ты что, за него замуж собралась?

Дарья Ивановна. Зачем замуж? Замуж мне поздно, а рядышком с хорошим человеком почему не пожить? Грех разве какой? Так что, как он свои дела тут сделает, так мы и улетим.

Стеклобитов *(в бешенстве)*. Где он? Позови его сюда!

Дарья Ивановна. Позову. Только ты не кричи на него. Это неинтеллигентно — на своего бывшего учителя кричать. *(Выходит.)*

Появляется Стеклобитова, она возбуждена.

Стеклобитова. Ты слышал? Она собралась уезжать! Куда? Зачем? Этот наш постоялец соблазнил ее! Неужели ты еепустишь? Она же нам нужна! Кто будет летом дачу сторожить? Кто? Все же разворуют.

Появляется Овсянников, за ним — Дарья Ивановна.

- Овсянников. Вы меня звали?
- Стеклобитов (*раздраженно*). Звал, звал. Что это вы там надумали? Вы хотите забрать у нас мою мать?
- Стеклобитова. Мою свекровь!
- Овсянников (*спокойно*). Никто никого не забирает. Ваша матушка сама решила погостить в нашем Верхнереченске.
- Дарья Ивановна. Может, погостить, а может, и насовсем там останусь. Не привыкну я к вашей колготной жизни.
- Стеклобитов. Вы понимаете, что вы делаете? Вы разрушаете нашу семью!
- Овсянников. У вас нет семьи, Антон Антонович!
- Стеклобитов. Как это так — нет семьи? На что вы намекаете?
- Овсянников. Просто так... Я вижу... Я беседовал нынче утром с вашим сыном...
- Стеклобитов. Поразительно! Это вы его надоумили пойти в милицию?
- Овсянников. Я посоветовал ему пройти это испытание. Человек должен время от времени проходить испытания. На честность. На смелость.
- Стеклобитов. Продолжайте! На что еще?
- Овсянников. На человечность. На скромность. Тогда он будет человеком. А ты, Антон, не выдержал этих испытаний, и мне больно и грустно видеть перед собой тебя, такого равнодушного, такого забронзовевшего. Ты отказал мне в помощи, за которой я к тебе приехал. Ты отмахнулся от меня не потому, что не мог мне помочь, а потому, что не захотел себя лишней раз потревожить чужой бедой, чужим горем. В самом деле, что тебе за дело до какого-то парня, сына твоего бывшего школьного товарища Петушкова, который где-то, когда-то, за что-то погиб. Мы обошлись без тебя. Он будет оправдан! А твой сын Гарольд добрее и отзывчивее тебя, и не сердись, если я скажу, что ты его давно потерял...
- Стеклобитов. Что это еще за нотации?
- Дарья Ивановна. Ты слушай, слушай, сынок! Слушай, пока мы еще не улетели!
- Стеклобитова. Это возмутительно! Это неслыханно! Пустили человека в дом на постой, и вот чем он нас отблагодарил! Увозит старуху и восстанавливает против нас нашего сына!

Овсянников. Я покидаю ваш дом с чувством сожаления, что воспользовался вашим гостеприимством. Простите за откровенность. *(Уходит, вслед за ним — Дарья Ивановна.)*

Немая сцена супругов. Пауза. Музыка. Высвечиваются Драматург и Стеклобитов. Они сидят друг против друга.

Стеклобитов. Вы меня полностью уничтожили. Правильно ли это?

Драматург. Не знаю, но мы в жизни чаще всего избегаем говорить людям правду в глаза. А надо! Надо! Как бы горька и обидна она ни была. Мне почему-то захотелось наделить этой гражданской смелостью хотя бы героев моей пьесы. Да! Я не пожалел вас. В следующий раз я, может быть, напишу чистую комедию и тогда позволю вам упасть в бассейн!

Стеклобитов. Ну что ж... Будем ждать...

Конец

1977

ПАССАЖ В ПАССАЖЕ

*Невероятное происшествие
в двух частях, четырех картинах.
По мотивам рассказа Ф. М. Достоевского*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Матвеевич, титулярный советник.
Елена Ивановна, его супруга.
Семен Семеныч, коллежский ассессор.
Тимофей Семеныч, надворный советник.
Андрей Осипыч, надворный советник.
Нина Павловна }
Анна Петровна } петербургские модницы.
Первый }
Второй }
Третий } чиновники департамента.
Четвертый }
Пятый }
Шестой }
Крокодилщик.
Ученый.
Адвокат.
Философ.
Художник.
Поэт.
Дама с лорнетом.
Дама с веером.
Жандармский чин.
Лакей.
Дамы и господа в салоне.

Действие происходит в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века.

Премьера спектакля — в декабре 1978 года в Ленинградском театре комедии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Департамент. Служебный кабинет. Шкафы с папками дел. Тяжелая казенная мебель. Из окна вид на Петропавловскую крепость. В комнату торопливо входит Тимофей Семеныч, солидный, поблекшего вида немолодой человек. Он пропускает мимо себя в комнату Семена Семеныча, чем-то очень взволнованного господина маловыразительной внешности. Плотнo прикрыв за собой дверь, Тимофей Семеныч с видимым беспокойством указывает гостю на стул возле захламленного письменного стола, а сам опускается грузно в кресло, принимая при этом на всякий случай какой-то официальный, даже строгий вид.

Тимофей Семеныч. Прежде всего, Семен Семеныч, возьмите за внимание, что я не начальство, а такой же точно подначальный человек, как и вы, как и Иван Матвейч... Я сторона и ввязываться ни во что не намерен...

Семен Семеныч *(с волнением)*. Помилуй бог, Тимофей Семеныч! Да разве я за этим к вам заехал? Сама-то Елена Ивановна надумала к Андрею Осипычу за советом поехать, да Иван Матвеевич запретил. Она бы и рада была поплакать перед образованным человеком, потому что слезы ей очень к лицу, но Иван Матвейч решительно приказал: «Заезжай-ка ты лучше, Семен Семеныч, сегодня так, в виде частного посещения, к Тимофею Семенычу, человек он недалекий, но солидный и, главное, прямой. Поклонись ему от меня и опиши обстоятельства дела. Во всяком случае, его совет может послужить для нас руководством». Вот я и у вас... *(Выжидательно смотрит на собеседника.)*

Тимофей Семеныч *(не сразу)*. Как же это мог Иван Матвейч с вами так беседовать, если, как вы изволили мне в коридоре, с ходу сообщить, что он в некотором роде был съеден животным... Как же это?

Семен Семеныч. Вот это и есть самое удивительное! Съеден! В натуральном виде съеден, проглочен чудовищем и в то же самое время — жив! Тимофей Семеныч! Позвольте, я вам все по порядку изложу, чтобы вы могли проникнуть и понять, а затем уж и посоветовать.

Тимофей Семеныч. Да уж расскажите, пожалуйста, чтоб я понял...

Семен Семеныч (*собирается с духом, начинает рассказывать*). Сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвевича, образованного друга нашего и отчасти моего дальнего родственника, пожелала посмотреть крокодила, показываемого за известную плату в Пассаже. Имея в своем кармане билет для выезда за границу — не столько по болезни, сколько из любознательности, — а следственно, считаясь по службе в отпуску и, стало быть, будучи совершенно свободен в то утро, Иван Матвевич не только не воспрепятствовал непреодолимому желанию своей супруги, но даже сам возгорелся любопытством.

Тимофей Семеныч (*уточняя*). Сам возгорелся?

Семен Семеныч. Сам! «Прекрасная идея! — сказал он вседовольно. — Осмотрим крокодила. Собираясь в Европу, не худо познакомиться еще на месте с населяющими ее туземцами...» И с этими словами, приняв под ручку свою благоверную, тотчас же отправился с ней в Пассаж. Я же, по обыкновению моему, увязался с ними рядом — в виде домашнего друга. Вы меня слушаете?

Тимофей Семеныч. Слушаю, слушаю.

Семен Семеныч. Может, мне пораздельнее говорить, а то я рассказываю, а сам вроде горох сыплю... Ну да ладно... Никогда еще не видел я Ивана Матвевича в более приятном расположении духа — подлинно, что мы не знаем заранее судьбы своей! Войдя в Пассаж, он немедленно стал восхищаться великолепием здания, а подойдя к магазину, в котором показывалось привезенное в столицу чудовище, сам пожелал заплатить за меня четвертак крокодильщику, чего прежде с ним никогда не случилось.

Тимофей Семеныч (*между прочим*). До сих пор за последний ералаш семь рублей мне должен...

Семен Семеныч (*как бы не обратив внимание на реплику, продолжает свой рассказ*). Вступив в небольшую комнату, мы заметили, что в ней, кроме крокодила, заключаются еще попугаи из иностранной породы какаду и сверх того группа обезьян в особом шкафу в углублении. У самого же входа, у левой стены, стоял жестяной ящик в виде как бы большой ванны, а на дне его было на вершок воды. В этой-то мелководной луже сохранялся крупнейший крокодил, лежавший, как бревно, совершенно без движения, и, видимо, лишившийся всех своих способностей от нашего сырого и негостеприимного для иностранцев климата. Сие чудовище ни в ком из нас сначала не возбудило особого любопытства. «Так это-то крокодил? — спросила Елена Ивановна. — А я-то думала, что он... какой-нибудь другой!»

Тимофей Семеныч (*усмехнувшись*). Вероятнее всего, она думала, что он бриллиантовый.

Семен Семеныч. Я уж не знаю, что она думала, только вышедший к нам немец, хозяин — собственник крокодила, с чрезвычайно гордым видом смотрел на нас.

Тимофей Семеныч (*уточняя*). Немец! Это точно, что немец?

Семен Семеныч. Самый что ни на есть баварец! Я буду дальше рассказывать. (*Собравшись с мыслями.*) «Пойдемте, Семен Семеныч, посмотрим лучше обезьян. Они такие забавные, эти мартышки! А крокодил — ужас! Теперь он мне будет сниться во сне», — обратилась ко мне Елена Ивановна. И мы пошли к обезьянам.

Тимофей Семеныч. А Иван Матвейч?

Семен Семеныч. Остался у ящика. Мало того, взяв свою перчатку, он начал щекотать нос крокодила, желая заставить его сопеть.

Тимофей Семеныч. А крокодилыщик?

Семен Семеныч. А крокодилыщик последовал за нами к шкафу с обезьянами. Только мы с Еленой Ивановной стали наблюдать за мартышками, какие они фокусы-покусы показывают, как за нашей спиной раздался страшный, могу даже сказать,

неестественный крик, который потряс комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледенел на месте, но, замечая, что кричит уже Елена Ивановна, быстро оборотился, и что же я увидел?

Тимофей Семеныч (*заинтересованно*). Что же вы увидели?

Семен Семеныч. Я увидел — о боже! — я увидел несчастного Ивана Матвеича в ужасных челюстях крокодиловых, перехваченного ими поперек туловища, уже поднятого горизонтально на воздух и отчаянно болтавшего в нем ногами. Затем миг — и его не стало. Но опишу в подробности, потому что я все время стоял неподвижно и успел разглядеть происходивший передо мной процесс людоедства с таким вниманием и любопытством, как никогда не запомню. Ибо, думал я в ту роковую минуту, что, если бы вместо Ивана Матвеича случилось все со мной? Какова была бы мне тогда неприятность! Но к делу... Крокодил начал с того, что, повернув бедного Ивана Матвеича в своих ужасных челюстях к себе ногами, сперва проглотил самые ноги. Потом, отрыгнув немного Ивана Матвеича, старавшегося выскочить и цеплявшегося руками за край ящика, вновь втянул его в себя уже выше пояса. Потом, отрыгнув еще, глотнул еще и еще раз. Таким образом, Иван Матвеич видимо исчезал в глазах наших.

Тимофей Семеныч. Вот бестия!

Семен Семеныч. Еще какая бестия! На чем я остановился?

Тимофей Семеныч. На глотках крокодиловых.

Семен Семеныч. Да. Вспомнил... Наконец, глотнув окончательно, крокодил вобрал в себя всего моего образованного друга, и на этот раз уже без остатка. На поверхности крокодила можно было заметить, как проходил по его внутренности Иван Матвеич со всеми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, как вдруг судьба еще раз захотела вероломно подшутить над нами: крокодил поднатужился, вероятно, давясь от огромности проглоченного им предмета, снова раскрыл свою ужасную пасть, и из нее, в виде последней отрыжки, вдруг на одну секунду выскочила голова Ивана Матвеича с отчаянным выражением в лице, причем очки его

мгновенно свалились с его носа на дно ящика. Вот они! *(Показывает очки.)*

Тимофей Семеныч, подержав очки в руке, кладет их на край стола.

Тимофей Семеныч *(все еще смотря на очки)*. Да-а-а... Очки, значит, свалились...

Семен Семеныч. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтобы еще раз бросить последний взгляд на все предметы и мысленно проститься со всеми светскими удовольствиями. Но она не успела в своем намерении: крокодил вновь собрался с силами, глотнул, и миг она снова исчезла, в этот раз уже навеки...

Тимофей Семеныч *(вздрыгнув всем телом)*. Страсти какие вы мне тут рассказываете.

Семен Семеныч. Вы можете себе представить, Тимофей Семеныч, что это появление и исчезновение еще живой головы, человеческой головы, было так ужасно, но вместе с тем — от быстроты ли и неожиданности действия или вследствие падения с носу очков — заключало в себе что-то до того смешное, что я вдруг и совсем неожиданно фыркнул. Да, да! Фыркнул! Но, спохватившись, что смеяться сию минуту мне в качестве домашнего друга неприлично, обратился тотчас же к онемевшей от ужаса Елене Ивановне и с симпатическим видом сказал ей: «Теперь капут нашему Ивану Матвейчу!»

Тимофей Семеныч. А баварец?

Семен Семеныч. Пришел в себя, всплеснул руками и закричал, глядя в потолок: «О мой крокодил! Он пропал! Он будет сейчас лопнуть, потому что он проглотил целый шеловек!»

Тимофей Семеныч. А Елена Ивановна?

Семен Семеныч. «Вспороть, вспороть, вспороть! — кричала Елена Ивановна, вцепившись в сюртук баварца. — Вспороть!»

Тимофей Семеныч. А баварец?

Семен Семеныч. «Он дразнил крокодил! — кричал баварец. — Зачем ваш муж дразнил мой крокодил? Вы заплатите, если он будет лопнуть! Дас ист мой брод, мой хлеб, этот крокодил!»

Тимофей Семеныч. А Елена Ивановна?

Семен Семеныч. Мне показалось, что она потеряла

рассудок. Но тем не менее, желая отомстить за гибель любезного ей Ивана Матвеича, предлагала в виде следуемого ей удовлетворения немедленно наказать крокодила розгами. И вот тут-то и произошло самое невероятное!

Тимофей Семеныч. Что еще?

Семен Семеныч. Совершенно неожиданно раздался голос Ивана Матвеича, изумивший нас до крайности.

Тимофей Семеныч. Откуда же он раздался?

Семен Семеныч. Вы слушайте, слушайте, Тимофей Семеныч, и не перебивайте меня, я и сам собьюсь.

Тимофей Семеныч. Слушаю вас, Семен Семеныч! Только что-то больно непонятное вы мне тут рассказываете.

Семен Семеныч. Так вот, значит, раздался голос самого Ивана Матвеича. «Друг мой, Семен Семеныч! — сказал этот невидимый голос. — Мое мнение — действовать прямо через квартального надзирателя, ибо немцы без полиции не понимают истины!..» Эти слова, высказанные твердо, с весом и выразившие присутствие духа, сначала до того изумили нас, что мы все отказались верить ушам нашим. Но, разумеется, тотчас же подбежали к ящику и столько же с благоговением, сколько с недоверием слушали несчастного узника.

Тимофей Семеныч (*уточняя*). Оттуда?

Семен Семеныч. Оттуда!.. Голос был заглушенный, как сквозь подушку, как из-под кровати. «Иван Матвеич, супруг мой, ты жив?» — лепетала Елена Ивановна. «Жив и здоров! — отвечал бодро голос Ивана Матвеича. — Чего и вам желаю! Благодаря всевышнего проглочен безо всякого повреждения. Беспокоюсь же единственно о том, как взглянет на сей эпизод начальство, ибо, получив билет за границу, угодил не в вагон, а в крокодила, что даже и неостроумно...»

Тимофей Семеныч. А что супруга?

Семен Семеныч. «Сейчас не время заботиться об остроумии, — резонно отвечала Елена Ивановна, — прежде всего тебя надо оттуда как-нибудь выковырять!»

Тимофей Семеныч. А баварец?

Семен Семеныч. Бегает вокруг ящика, руками ма-

шет, кричит: «Я не дам ковыряйт мой крокодил! Теперь публикум будет ошень больше ходиль смотреть мой крокодил! Я будем больше браль за смотрель на мой крокодил!»

Тимофей Семеныч. А Иван Матвейч?

Семен Семеныч. «Хозяин прав! — услышали мы опять голос Ивана Матвейча. — Его можно понять!»

Тимофей Семеныч. А вы, Семен Семеныч?

Семен Семеныч. «Сейчас же лечу к начальству! — закричал я. — Лечу и буду жаловаться, ибо предчувствую, что нам одним этой каши не сварить». — «И я тоже так думаю, — поддержал меня голос Ивана Матвейча. — Но без экономического вознаграждения в наш век торгового кризиса трудно даром вспороть крокодилово брюхо, а между тем представляется неизбежный вопрос: сколько запросит хозяин за своего крокодила? А с ним и другой: кто заплатит? Лично я средств не имею...»

Тимофей Семеныч. Разумно. Ну а крокодилщик?

Семен Семеныч. Как услышал, как заорал благим матом: «Я не продавайт мой крокодил! Я три тысяч продавайт крокодил! Теперь публикум будет много ходиль и много мне платить! Я пять тысяч продаваль крокодил! Шесть тысяч! Зибен тысяч! Ахт тысяч!»

Тимофей Семеныч. Что такое «зибен» и «ахт»?

Семен Семеныч. А кто его знает! Может, «семь» да «восемь»? Одним словом, ни в какую! И тогда Иван Матвейч посоветовал мне обратиться к вам и выслушать ваш совет. И вот я у вас, Тимофей Семеныч...

Большая пауза. В кабинет заглядывает чиновник. Исчезает. Тимофей Семеныч поднимается, поворачивает в дверях ключ. Семен Семеныч осторожно берет со стола очки Ивана Матвейча и прячет их в карман.

Тимофей Семеныч (*не сразу*). Представьте, я всегда полагал, что с ним непременно что-то случится.

Семен Семеныч. Почему же-с? Случай сам по себе весьма необыкновенный-с. Непредвиденный-с!

Тимофей Семеныч. Согласен. Но Иван Матвейч во все течение службы своей именно клонил к такому результату. Прыток-с, заносчив даже. Все «про-

гресс» да разные идеи-с, а вот куда прогресс приводит! Сами видите — во тьму крокодилию!

Семен Семеныч *(настаивая на своем)*. Но ведь это случай весьма и весьма необыкновенный...

Тимофей Семеныч. Это, видите ли, от излишней образованности происходит, поверьте мне-с. Ибо люди излишне образованные лезут во всякое место-с, и преимущественно туда, где их вовсе не спрашивают. Впрочем, может, вы больше знаете. Я человек не столь образованный, книжек мало читаю, разве что газеты просматриваю.

Семен Семеныч. О нет, Тимофей Семеныч, помилуйте! Напротив, Иван Матвееч в своем дичайшем положении жаждет вашего совета, руководства вашего жаждет. Даже, так сказать, со слезами-с.

Тимофей Семеныч. Гмм... Ну, это слезы крокодиловы, и им не совсем можно верить. Ну зачем, скажите, потянуло его за границу? Да и на какие деньги? Ведь он и средств не имеет.

Семен Семеныч. На скопленное, Тимофей Семеныч, из последних наградных. Всего на три месяца хотел съездить — в Швейцарию... на родину Вильгельма Телля.

Тимофей Семеныч. Вильгельма Телля? Гмм...

Семен Семеныч. В Неаполе встретить весну хотел-с. Осмотреть музеи, нравы, животных...

Тимофей Семеныч. Гмм!.. Животных? А по-моему, так просто из гордости. Каких животных? Животных? Разве у нас мало животных? Есть зверинцы, музеи, верблюды. Медведи под самым Петербургом живут. Да, вот он и сам засел в крокодила.

Семен Семеныч. Тимофей Семеныч! Голуба моя! Помилуйте, человек в несчастье, человек прибегает как к другу, как к старшему брату, совета жаждет, а вы укоряете.... Пожалейте хоть несчастную Елену Ивановну!

Тимофей Семеныч. Это вы про супругу-с? Интересная дамочка. Особа субтильная. И как полна, и голловку все набочок, набочок... очень приятно-с. Андрей Осипыч еще третьего дня упоминал *(видимо смягчившись, с аппетитом нюхает табак, предлагает гостю)*.

Семен Семеныч *(отказывается)*. Упоминал-с?

Тимофей Семеныч. Упоминал-с, и в выражениях весьма лестных. Бюст, говорит, взгляд, прическа... Конфетка, говорит, а не дамочка, и тут же засмеялись. Молодые они еще люди. А между тем вот и молодой человек-с, этот Андрей Осипыч, а какую карьеру себе составляют-с: надворного схватил! *(С треском сморкается в большой клетчатый носовой платок.)*

Семен Семеныч. Да ведь тут совсем другое, Тимофей Семеныч!

Тимофей Семеныч. Конечно, конечно-с.

Семен Семеныч. Так как же, Тимофей Семеныч?

Тимофей Семеныч. Да что же я-то могу сделать?

Семен Семеныч. Посоветуйте-с, руководите, как опытный человек, как друг! Что предпринять? Идти ли к начальству или...

Тимофей Семеныч *(решительно)*. По начальству? Отнюдь нет-с... Если хотите совета, то прежде всего надо это дело замять. И действовать, так сказать, в виде частного лица. Случай подозрительный-с, да и небывалый. Главное, небывалый, примера не было-с, да и плохо рекомендующий... Поэтому надо осторожность прежде всего... Пусть уж там полежит. Надо выждать, выждать...

Семен Семеныч. Да как же выждать, Тимофей Семеныч? Ну что, если он там задохнется?

Тимофей Семеныч. Да почему же-с? Ведь вы, кажется, говорили, что он даже бодр и с довольным комфортом устроился? По-моему, даже хорошо, что он там на время полежит, вместо заграницы-то. Пусть на досуге подумает. Разумеется, задыхаться не надо, и потому надо взять надлежащие меры для сохранения здоровья: ну, там, остерегаться кашля и прочего... А что касается баварца, то, по моему личному мнению, он в своем праве, и даже более с другой стороны, потому что влезли в его крокодила, и влезли без спросу, а не он влез в крокодила Ивана Матвейча, у которого, впрочем, сколько я припоминаю, и не было своего крокодила. И не могло быть! Ну-с, а крокодил составляет собственность, тем более иностранную, стало быть, без должного вознаграждения его вспарывать нельзя-с!

Семен Семеныч. Нельзя-с? Это для спасения человечества нельзя-с? Да что вы такое говорите, Тимофей Семеныч!

Тимофей Семеныч. Ну тут уже дело полиции-с. Туда и следует отнестись.

Семен Семеныч. Да ведь Иван Матвееч может и у нас понадобиться, если на то пошло. Его могут потребовать-с?

Тимофей Семеныч (*усмехнувшись*). Хе-хе! Иван-то Матвееч понадобится? Откуда вы взяли? Он ведь считается в отпуску, стало быть, мы можем и игнорировать, пока он осматривает там европейские земли. Другое дело, если он после срока не явится, ну тогда и спросим, справки наведем, куда он делся...

Семен Семеныч. Это через три месяца-то? Три месяца! Тимофей Семеныч, помилуйте! И чтобы три месяца света божьего не видеть в крокодиловом брюхе...

Тимофей Семеныч. Сам виноват-с. Ну, кто его туда совал? Эдак, пожалуй, придется к нему казенную няньку приставить, а этого и по штату не полагаются. А главное — крокодил есть собственность частная, стало быть, тут уже так называемый экономический принцип в действии. Посудите сами: мы вот хлопочем о привлечении иностранных капиталов в отечество, а вот едва только капитал этого заезжего крокодильщика из немцев, через посредство Ивана Матвееча, стал расти — он теперь за осмотр своего крокодила вместо четвертака небось всю полтину берет! — а мы, чем бы протезировать иностранного собственника, напротив, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспороть, дабы из него нашего неосторожного соотечественника вынуть. Ну сообразно ли это?

Семен Семеныч. А где же выход искать? Что Ивану Матвеечу делать? Как поступать?

Тимофей Семеныч. Как поступать... (*Помолчав.*) По-моему, Иван Матвееч как истинный сын отечества должен еще радоваться и гордиться тем, что собою ценность иностранного крокодила удвоил, а пожалуй, еще и утроил. Это для привлечения надобно-с. Удастся одному, смотришь, и другой с крокодиллом приедет, а третий уж двух или трех

зараз привезет, а около них капиталы группируются. Вот вам и буржуазия, которой нам так недостаёт! Не зря английская политическая и литературная газета «Таймс», разбирая наши финансы, отзывалась наемни, что потому и не растут наши российские финансы, что среднего сословия нет у нас, кошель больших нет, окромя купчишек, пролетариев услужливых нет...

Семен Семеныч. Помилуйте, Тимофей Семеныч! Да вы требуете почти неестественного самопожертвования от бедного Ивана Матвейча. Не через него же иностранные капиталы к нам привлекать!

Тимофей Семеныч. Ничего я не требую-с и прежде всего прошу вас, как уже просил, сообразить, что я не начальство и, стало быть, требовать ни от кого и ничего не могу и не буду. Как сын отечества говорю, то есть говорю не как «Сын отечества», который я выписываю, а просто как сын отечества говорю! Опять-таки, кто же велел ему влезать в крокодила? Человек солидный, человек известного чина, состоящий в законном браке, и вдруг — такой шаг! Сообразно ли это?

Семен Семеныч. Безусловно несообразно. Но ведь этот шаг случился нечаянно-с!

Тимофей Семеныч. А кто его знает? И притом из каких сумм следует заплатить крокодилыщнику? За счет каких средств, на это отпущенных?

Семен Семеныч (*упавшим голосом*). Разве в счет жалованья?

Тимофей Семеныч. Достанет ли-с?

Семен Семеныч. Недостанет, Тимофей Семеныч. Это явно-с, что недстанет. Крокодилыщик сначала испугался, что лопнет его крокодил, а потом, как увидел, что обошлось, так заважничал и обрадовался, что может плату за вход удвоить. Публика теперь прихльнет.

Тимофей Семеныч. А я что говорю? К тому же и мясоед, склонность к увеселениям, народ теперь так и повалит смотреть на крокодила с проглоченным чиновником. Что ни говорите, а любопыт-но-с!

Семен Семеныч. Так что же все-таки, Тимофей Семеныч? Как поступать?

Тимофей Семеныч. Исходя из этого, повторяю,

прежде всего пусть Иван Матвееч соблюдает инкогнито, пусть не торопится. Пусть все, пожалуй, даже знают, что он в крокодиле, но не знают официально. В этом отношении Иван Матвееч находится даже в особенно благоприятных обстоятельствах, потому что пока числится за границей. Скажут, что в крокодиле, а мы не поверим! Это можно и так подвести. Главное, пусть выжидает, да и куда ему спешить?

Семен Семеныч. Ну а если...

Тимофей Семеныч. Не беспокойтесь, сложения плотного-с...

Семен Семеныч. Ну а потом, когда выждет?

Тимофей Семеныч (*не сразу*). Ну-с, не скрою от вас, что случай до крайности казусный. Как тут решишь? Станешь соображать, а дело затянется.

Семен Семеныч (*осененный мыслью*). Нельзя ли устроить так-с, что уж если суждено ему оставаться в недрах чудовища и волею провидения сохранится его живот в животе животного, то нельзя ли подать прошение о том, чтобы числиться на службе?

Тимофей Семеныч. Гмм... разве в виде отпуска и без жалованья...

Семен Семеныч. Нет-с, нельзя ли с жалованьем-с?

Тимофей Семеныч. На каком же основании?

Семен Семеныч. В виде командировки...

Тимофей Семеныч. Какой и куда?

Семен Семеныч. Да в недра же, в крокодиловы недра... Так сказать, для справок, для изучения фактов на месте. Конечно, это будет ново, но ведь это прогрессивно и в то же время покажет заботливость о просвещении-с...

Тимофей Семеныч (*помолчав*). Командировать особого чиновника в недра крокодила для специальных поручений, по моему личному мнению, — нелепо-с и по штату не полагается. Да и какие туда могут быть поручения?

Семен Семеныч. Да для естественного, так сказать, изучения природы на месте, в живье. Нынче все пошли естественные науки-с, ботаника... Он бы там жил и сообщал-с... ну, там о пищеварении или просто о нравах. Для скопления фактов-с.

Тимофей Семеныч. То есть по части статистики? Ну, в этом я не силен, да и не философ. Вы говори-

те: факты, — мы без этого завалены фактами и не знаем, что с ними делать. Притом же эта статистика опасна...

Семен Семеныч. Чем же?

Тимофей Семеныч. Опасна-с. И к тому ж, согласитесь, он будет сообщать факты, так сказать, лежа на боку? А разве можно служить лежа на боку? Это уж опять нововведение, и притом опасное-с. И опять-таки примера этому не было. Вот если б нам хоть какой-нибудь небольшой примерчик, так, по моему мнению, пожалуй, можно бы и командировать.

Семен Семеныч (*с ноткой раздражения*). Но ведь до сих пор и крокодилов живых в Санкт-Петербург не завозили!

Тимофей Семеныч. Гмм... Да... Если хотите, это возражение ваше справедливо и даже могло бы служить основанием к дальнейшему производству дела. Но опять возьмите и то, что, если с появлением живых крокодилов начнут исчезать чиновники и потом, на основании того, что там тепло и мягко, будут требовать туда командировок, а потом лежать на боку... согласитесь сами — дурной пример-с! Ведь эдак, пожалуй, всякий туда полезет даром деньги-то брать.

Семен Семеныч. Порадейте, Тимофей Семеныч! (*Как бы что-то вспомнив.*) Кстати-с: Иван Матвейч просил передать вам через меня карточный должок-с, семь рублей, что он в ералаш у Никифора Никифоровича изволил вам проиграть. (*Передает деньги.*)

Тимофей Семеныч. Ах, это он проиграл намедни... Помню-с... И как он в тот вечер был весел, всех смешил, анекдоты рассказывал и вот... (*Прячет деньги.*)

Семен Семеныч (*жалобно*). Порадейте, Тимофей Семеныч! Ради супруги его Елены Ивановны.

Тимофей Семеныч (*подобрев*). Похлопочу-с. От своего лица поговорю, частным образом, в виде справки. А впрочем, разузнайте-ка так, неофициально, со стороны, какую именно цену согласился бы взять этот баварец за свою скотину?

Семен Семеныч. Непременно-с. И тотчас же явлюсь к вам на дом с отчетом.

Тимофей Семеныч. Супруга то... одна теперь? Поди, скушает?

Семен Семеныч. Вы бы навестили, Тимофей Семеныч. Как была бы рада. Утешили бы...

Тимофей Семеныч. Навешу-с, я еще давеча подумал, да и случай теперь удобный. *(Покачав головой.)* И зачем его дергало смотреть этого крокодила!

Семен Семеныч. Да он сам, может, и не пошел бы, кабы Елена Ивановна не надоумила.

Тимофей Семеныч. Вот и надоумила на свою голову.

Семен Семеныч. И его, бедного, навестили бы, Тимофей Семеныч!

Тимофей Семеныч. И его навешу-с. Конечно, я этим шагом моим не хочу обнадеживать. Я прибуду как частное лицо... Может, еще и поприветствую его... Через крокодиловую кожу... *(Поднимаюсь.)* Ну-с, до свиданья, я ведь опять к Никифору Никифоруичу собрался. Будете?

Семен Семеныч *(поднимается)*. Нет-с, я к проглоченному. Надо его порадовать вашим согласием принять посильное участие.

Тимофей Семеныч *(вздыхнув)*. Да-с, вот теперь и к проглоченному!.. Э-эх, легкомыслие! Вот до чего оно доводит...

Тимофей Семеныч провожает Семена Семеныча. Они прощаются в дверях.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Пассаж. Крокодилник. Вечер. Внутренность крокодила, в котором просвечивается Иван Матвейч. Семен Семеныч, стоя вблизи ящика с распухшим туловищем крокодила, обращаясь к Ивану Матвейчу, заканчивает свой рассказ о посещении им Тимофея Семеныча. Сам крокодил время от времени приоткрывает то один, то другой глаз, как бы реагируя на то, что в нем и вокруг него происходит...

Семен Семеныч. Сперва, как я уже говорил, он и слушать не захотел, я, говорит, не начальство, мое дело — сторона, а как я ему все во всех подробностях изложил да еще твой карточный долг ему отдал, так подобрел старик и обещался помочь. Только я, говорит, неофициально, как частное лицо, в виде справки...

Иван Матвейч (*как бы из-под кровати, заглушенным голосом*). Ты ему семь рублей отдал?

Семен Семеныч. Отдал. Из своих.

Иван Матвейч. Сочтемся. Прибавки оклада жду непременно, ибо кому же и прибавлять, как не мне? Польза теперь от меня бесконечная. А что касается точки зрения Тимофея Семеныча на мое положение, то я скажу тебе, что старик прав! Люблю практических людей и не терплю сладких мямлей! Готов, однако, сознаться, что и твоя идея насчет командировки не совершенно нелепа. Действительно, многое могу сообщить отсюда и в научном и в нравственном отношении. Но теперь все это принимает новый и неожиданный вид.

Семен Семеныч (*плохо соображая*). О чем ты говоришь?

Иван Матвейч. Говорю о том, что не стоит хлопотать из одного только жалованья. Слушай внимательно!

Семен Семеныч (*упавшим голосом*). Я слушаю тебя, Иван Матвейч. Слушаю.

Иван Матвейч. Ты сидишь? Сидишь, я тебя спрашиваю?

Семен Семеныч. Нет, стою.

Иван Матвейч (*повелительно*). Садись на что-нибудь, ну хоть на пол, только пододвинься поближе и слушай внимательно все, что я буду тебе говорить. Сел?

Семен Семеныч. Нет еще.

Берет стул и в сердцах, устанавливая его в непосредственной близости от ящика, стучает им об пол.

Иван Матвейч. Что ты там стучишь?

Семен Семеныч. Ничего я не стучу. Просто стул взял.

Иван Матвейч. Теперь ты сидишь?

Семен Семеныч. Теперь сижу.

Иван Матвейч. Хорошо меня слышишь?

Семен Семеныч (*со злобой*). Хорошо. Можешь не кричать, я не глухой.

Иван Матвейч. Итак, слушай меня внимательно.

Семен Семеныч. Да говори же наконец, мучитель мой!

Иван Матвейч. Не сердись. Дело со мной принимает

самый удивительный поворот. Публики сегодня приходило целая бездна. К вечеру не хватило места. В восемь часов, то есть ранее обыкновенного, хозяин нашел даже нужным запереть магазин и прекратить представление, чтобы сосчитать привлеченные деньги, то бишь выручку. Он теперь за вход полный целковый берет.

Семен Семеныч. Обнаглел баварец! Он мне заявил, когда сюда, к тебе, впускал: «Публикум будет рубль платить, а ви один четвертак, ви добры друк вашего добры друк, а я люблю добры друк!..» И взял с меня четвертак.

Иван Матвейч. Мог бы с тебя и не брать, раз он через меня такой доход теперь имеет. Да не в этом, брат, дело!

Семен Семеныч. А в чем?

Иван Матвейч. Предполагаю, что завтра здесь соберется целая ярмарка. Таким образом, надо думать, что все образованнейшие люди столицы, дамы высшего света, иноземные посланники, юристы и прочие здесь перебывают за самый короткий срок. Мало того: станут наезжать из многосторонних провинций нашей обширной и любопытной империи.

Семен Семеныч. Тебе-то, друг мой, какой толк от этих наездов и посещений?

Иван Матвейч. А в том толк, что я отныне у всех на виду, и хоть спрятанный, но первенствую! А раз так, я у всех буду пробуждать нездоровый интерес. Проявляя ко мне этот интерес, который будет по мере распространения обо мне самых разнообразных слухов расти, люди будут интересоваться не только моим физическим состоянием во чреве крокодила, но и моими суждениями на всякие темы, моими мыслями.

Семен Семеныч. Дальше-то что?

Иван Матвейч. Наученный опытом, представляю из себя пример величия и смирения перед судьбой. Стану поучать праздную толпу. Буду, так сказать, кафедрой, с которой начну поучать человечество! Сведения, которые могу сообщить об обитаемом мною чудовище, драгоценны. И потому не только не ропщу на давешний случай, но твердо надеюсь на блистательнейшую из карьер. Несомненно,

изобрету что-нибудь оригинальное, чего доселе не мог за недосугом по службе и в пошлых развлечениях света. Но к делу. Как жена? Как моя «милая нелепость»?

Семен Семеныч (*кривя душой*). Скорбит и плачет. Ночь не спала — капли принимала, пасьянсом утешалась. Вздыхает по тебе, бедняжка.

Иван Матвеич. Имею на нее особые виды. Если я буду знаменит здесь, то я хочу, чтобы она была знаменита там.

Семен Семеныч (*в полном смятении*). Что ты имеешь в виду, Иван Матвеич? Ты, в твоём безвыходном положении?!

Иван Матвеич. Вот оно-то как раз и открывает передо мной все горизонты.

Семен Семеныч. О каких горизонтах ты говоришь?

Иван Матвеич. Ученые, поэты, государственные мужи после беседы со мной в этом крокодильнике будут посещать по вечерам салоны Елены Ивановны, моей законной супруги. С будущей недели у нее обязательно должны начаться приемы. А так как прием должен ограничиваться одним чаем и двумя нанятыми лакеями, то тут и разговору быть не может. И здесь и там будут говорить обо мне. Давно, ох как давно жаждал я случая, чтобы все заговорили обо мне, но не мог достигнуть этого, скованный малым значением в обществе и недостаточным чином. Теперь же все это достигнуто каким-нибудь самым обыкновенным глотком крокодила.

Семен Семеныч. Вот, оказывается, о чем ты мечтаешь?

Иван Матвеич. Это уже не мечта, а реальность, друг мой! Каждое слово мое будет выслушиваться, каждое изречение обдумываться, передаваться из уст в уста, переводиться на многие языки и печататься! Уж я задам себя знать! Поймут наконец, каким способностям дали исчезнуть в недрах крокодила. Ты меня слушаешь?

Семен Семеныч. Слушаю, слушаю...

Иван Матвеич. Да, чтоб не забыть, пусть Елена Ивановна завтра же на всякий случай купит в лавке энциклопедический словарь, чтоб уметь говорить в обществе обо всех предметах. И пусть почитает его хотя бы на ночь. Передашь ей мое указание?

Семен Семеныч. Передам.

Иван Матвейч. Что же ты мне ничего не скажешь по поводу моих прожектов?

Семен Семеныч (*осторожно*). Друг мой, надеешься ли ты на долговечность? И вообще скажи: здоров ли ты? Как ты ешь, как ты спишь, как ты дышишь? Я друг тебе, и согласись, что твой случай слишком сверхъестественный, а, следовательно, любопытство мое слишком естественно.

Иван Матвейч (*с ноткой раздражения*). Праздное любопытство, и больше ничего. Но ты будешь удовлетворен. Спрашиваешь, как я устроился в недрах чудовища? Изволь. Во-первых, крокодил, к удивлению моему, оказался совершенно пустой.

Семен Семеныч. Как — пустой? Возможно ли это?

Иван Матвейч. То есть совершенно пустой! Внутренность его состоит как бы из огромного пустого мешка, сделанного из резинки, вроде тех резиновых изделий, которые распространены у нас, если не ошибаюсь, на Вознесенском проспекте. Иначе, сообрази, мог ли бы я в нем поместиться?

Семен Семеныч. Ничего не понимаю.

Иван Матвейч. А тут, друг мой, и понимать нечего. По всей вероятности, он устроен так по законам самой природы. Крокодил обладает только пастью, снабженной острыми зубами, и вдобавок к пасти — значительно длинным хвостом. Вот и все по-настоящему! В середине у него, между сими двумя оконечностями, находится пустое пространство, обнесенное чем-то вроде каучука, вероятнее же всего, действительно каучуком.

Семен Семеныч (*со злобой*). А ребра? А желудок? А кишки, а печень, а сердце?

Иван Матвейч (*невозмутимым голосом*). Ничего, совершенно ничего этого нет и, вероятно, никогда не бывало. Все это — праздная фантазия легкомысленных путешественников. Подобно тому как надувают геморроидальную подушку, так и я надуваю теперь собой крокодила. Он растяжим до невероятности. Даже ты в качестве домашнего друга мог бы поместиться со мной рядом, и даже с тобой еще достало бы места.

Семен Семеныч поднимается, начинает ходить по крокодилънику, то и дело потирая себе лоб.

Семен Семеныч (*про себя*). Он бредит... бредит...
Иван Матвеич. Что ты сказал? Я не расслышал. Ты сидишь или ходишь?

Семен Семеныч. Я хожу.

Иван Матвеич. Не ходи. Сядь и дослушай меня до конца. Я еще не все сказал.

Семен Семеныч (*садится*). Я сел. Говори.

Иван Матвеич. Поскольку, как я тебе это уже сказал, чудовище достаточно вместительно, я даже думаю в крайнем случае выписать сюда Елену Ивановну.

Семен Семеныч (*в тревоге*). Друг мой, не принять ли тебе теперь хоть слабительного! У тебя жар. Мне кажется, что ты в бреду! Не вызвать ли к тебе врача?

Иван Матвеич. Вздор! Какого врача! Как он до меня доберется? И как потом отсюда выберется? Вздор! А о слабительном не может быть и речи...

Семен Семеныч. Друг мой, а как... как же ты питаешься? Обедал ты сегодня или нет?

Иван Матвеич. Не обедал, но пока сыт. Впрочем, добродушный хозяин решил, что будет на всякий случай каждое утро просовывать в пасть крокодила изогнутую металлическую трубочку, вроде дудочки, через которую я мог бы втягивать в себя кофе или бульон с размоченным в нем белым хлебом. Дудочка уже заказана по соседству, но полагаю, что это излишняя роскошь. Я по горло сыт идеями, которые меня тут озаряют. Стоит только закрыть глаза, идея уже тут как тут! Только запоминай, потому что записывать не на чем и нечем. Ты еще здесь?

Семен Семеныч (*мрачно*). Здесь.

Иван Матвеич. Что ты делаешь?

Семен Семеныч (*с раздражением*). Что я могу тут делать? Слушаю тебя и диву даюсь.

Иван Матвеич. Друг мой, сделай мне одолжение: справься завтра в какой-нибудь естественной истории, сколько лет живут крокодилы? Помнится мне, что до тысячи лет, но я мог ошибиться, смешав крокодила с каким-нибудь другим ископаемым. Справишься и сообщишь мне, когда придешь навещать следующий раз. Выполнишь мою просьбу?

Семен Семеныч. Неужто ты тысячу лет в крокодиле просидеть задумал?

Иван Матвейч. Видно будет. Я же теперь с ним почти одно целое.

Семен Семеныч. А если он тебя переварит?

Иван Матвейч. Видишь ли, я одет в сукно, а на ногах у меня сапоги, так что он не сможет меня быстро переварить. Сверх того, я, как видишь, живой и потому сопротивляюсь перевариванию — время от времени меняю положение, верчусь с боку на бок, ибо понятно, что не хочу обратиться в то, во что обращается всякая пища, так как это было бы слишком для меня унижительно. Но боюсь одного...

Семен Семеныч. Чего ты боишься?

Иван Матвейч. Сукно моего сюртука да и сапоги могут в конце концов просто истлеть за временем. И тогда я, оставшись без одежды, несмотря на все мое негодование, начну, пожалуй, и перевариваться, и хотя днем я этого ни за что не допущу и не позволю, но по ночам, во сне, когда воля отлетает от человека, меня может постичь самая унижительная участь какого-нибудь картофеля, блинов или пельменей. Такая идея приводит меня в бешенство. Но до этого еще, слава богу, далеко.

Семен Семеныч. А если...

Иван Матвейч. Во всяком случае, надо кому-либо из людей государственных подать мысль: увеличить поставку заморских сукон и кожи, которые крепче наших отечественных. Обязательно подкину эту мысль политическим обозревателям наших ежедневных петербургских газет. Пусть прокричат. Надеюсь, не одно это они у меня теперь позаимствуют...

Семен Семеныч (*вскакивает со стула, начинает бегать по помещению*). Нет... горячка... горячка... Что он мелет? (*Остановившись*.) Иван Матвейч! Я тебя не узнаю! В своем ли ты уме? Не лишился ли ты рассудка в недрах крокодиловых?

Иван Матвейч. Наоборот, мой рассудок свеж, как никогда! Я мыслю ясно и чувствую при этом, как я совершенствую свое мировоззрение. В моем уединении одного боюсь: глушцов и завистников. Как бы не осмеяли. Как бы они не подняли вокруг меня шум и свист. Но я приму меры. С нетерпением жду завтрашних отзывов публики, а главное — мнения газет наших и иностранных. О газетах сообщи за-

втра же поутру. Крокодилник открывается в девять утра, но хозяин пустит тебя раньше, если ты дашь ему полтинник за мой счет. Мы с тобой рассчитаемся. Буду тебе должен семь рублей семьдесят пять копеек, учитывая твой сегодняшний четвертак, который он с тебя слупил.

Семен Семеныч. Хорошо. Завтра же принесу тебе ворох газет.

Иван Матвеич. Почитаешь мне вслух, а я потом буду диктовать тебе мои мысли и давать поручения. Каждый день чтоб были здесь все европейские телеграммы. Не исключаю, что мировая общественность выступит в мою защиту, будет требовать моего освобождения, но это будет мне только на руку. Моя известность пересечет все границы, и я стану мировой знаменитостью. Обо мне узнает весь континент, заговорят короли и президенты многих стран! Нет, каково? Ты здесь? Ты еще не ушел?

Семен Семеныч. Да не ушел еще. Хозяин меня тут запер и куда-то вышел. А без него я не выйду из крокодилника.

Иван Матвеич. Вероятно, ты уже хочешь спать? Я тебя утомил. Который час? Я оставил дома часы.

Семен Семеныч (*устало*). Час десятый.

Иван Матвеич. Иди домой и не думай о том, что я сейчас говорил о критике: я не боюсь ее, ибо она сама находится в критическом положении.

Появляется крокодильщик.

Крокодильщик. Поговорил с ваш друк?

Семен Семеныч. Поговорил, поговорил.

Крокодильщик. Ваш друк очень умна шеловек.

Семен Семеныч (*отводя крокодильщика в сторону*).

Простите, герр...

Крокодильщик. Шульц. Карл Шульц.

Семен Семеныч. Так вот, герр Шульц, сколько бы взяли за вашего крокодила в том случае, если бы вы вздумали его продать?

Крокодильщик. Я? Продайт мой крокодил? Никто не смеит покупаль мой крокодил! Не смеит! Я не продаваль! Я не хотим продавайт! Я сегодня сто тридцать талер браль за посмотрель на мой крокодил! Завтра будет много публикум, и я совсем

много, зер много талер буду положил мой касса. Я десять тысяч талер буду собирал, а потом сто тысяч каждый таг!

Семен Семеныч. Погодите! Погодите подсчитывать! Поймите, что если каждый день вы будете с публики собирал по столько денег, то за неделю у вас перебивал весь город, и потом уже не с кого будет собирал ваши талеры. И вообще: крокодил ваш может лопнуть, не переварил моего друк, который собирал вам капитал, да и мой друг может заболеть и помереть во чреве вашего крокодила. Штербен! Поняли? Мой друк штербен в ваш крокодил! Что тогда? Вас, — я вас спрашиваю?

Крокодилщик *(помолчав)*. Я буду ваш друк капли из аптек давал. И ваш друк не будет помирал!

Семен Семеныч. Капли каплями, но возьмите и то, что может начаться судебный процесс.

Крокодилщик. Зачем процесс? Варум процесс?

Семен Семеныч. Варум-дарум! Начнется — и все! Супруга Ивана Матвеича Елена Ивановна может потребовать от вас законного супруга — ее манн! Поняли? Вот вы намерены богатеть, а намерены ли вы назначить хоть какую-нибудь пенсию... пенсион Елене Ивановне, — пенсион цум фрау майн друк?! Итак, не лучше ли вам взять за все разом? А потом — полиция! Ее ведь тоже интересуется, кто, где и как сидит... С ней шутки шлехт! Плохие шутки с полицией! Ферштейн, герр Шульц?

Крокодилщик *(напрягая свою память, думает, затем неожиданно заявляет)*. Карашо! Я согласил.

Семен Семеныч. Сколько же?

Крокодилщик. Каменный хауз и аптек на Гороховой и хочу бить русски польковник!

Семен Семеныч. Господи! За что вам полковникато? Какой вы подвиг совершили? Какую службу царю и отечеству сослужили? Какой военной славы добились? Ну, не безумец вы после этого?

Крокодилщик. Безумны? Феррюкт? Нет, я очень умна шеловек-менш! Их бин зер клюг! Я заслужил польковник, потому что показал крокодил, а в нем ганц живой русский гоф-рат! Я чрезвычайно умны шеловек и очень хочу стать русский польковник! Я не хочу больше с вами говорить... *(Отходит в сторону.)*

Иван Матвейч (*из крокодила*). Видишь, Семен Семеныч! Хоть ты и шептался с хозяином, но я все слышал, через ухо крокодила. Кроме последнего безумного желания производства в полковники, он совершенно прав, ибо вполне понимает теперешнюю ценность своего чудовища. Это его банк!

Семен Семеныч. Как только пускают таких в Россию!

Иван Матвейч. Я лично не разделяю твоего мнения, Семен Семеныч! Не разделяю. И если хочешь знать, то я, понимая твою обо мне заботу, все же просил бы тебя не торопиться с моим выходом на свет божий. По службе у меня сейчас отпуск, и кому какое дело, за границей я или тут... в крокодиловых недрах. А мне здесь не так уж плохо, тем более что я познаю счастье самоутверждения!

Семен Семеныч (*обращаясь к зрительному залу*). Признаюсь откровенно, я всегда терпеть не мог Ивана Матвейча, тысячу раз я хотел с ним совсем расплеваться, и каждый раз меня опять тянуло к нему... Странная вещь эта дружба!.. Положительно могу сказать: я на девять десятых был с ним дружен из злобы!..

Схватившись руками за голову, почти выбегает. За ним с ключом в руках, не спеша, следует крокодилщик. Из крокодила, который вращает светящимися глазами, все еще доносится патетическая тирада Ивана Матвейча.

Иван Матвейч. Я чувствую, что нахожусь накануне изобретения целой социальной системы. Оказывается, стоит только уединиться куда-нибудь подальше в угол или хоть попасть в крокодила, закрыть глаза, и тотчас же изобретешь целый рай для человечества! Давеча, как вы ушли с Еленой Ивановной, я тотчас же принялся изобретать и изобрел уже три системы новых экономических отношений, теперь заготавливаю четвертую. Правда, сначала надо все опровергнуть, но из крокодила так легко опровергать, мало того, из крокодила как будто все это виднее становится!..

Входит крокодилщик.

Крокодилщик. Генуг, генуг! Спат, спат! Шляфен! Шляфен! (*Тушит свет в крокодилнике.*)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Крошечная комнатка перед спальней, так называемая малая гостиная. На нарядном диванчике, за чайным столиком сидят Елена Ивановна и Андрей Осипыч, молодой шеголеватый господин фатовской наружности. Елена Ивановна в полувоздушном утреннем пеньюаре, Андрей Осипыч также недвусмысленно полуодет. Оба пьют кофе из маленьких чашечек, макая в него сухарики. Большая пауза. Откуда-то, вероятно из передней, доносится звон колокольчика.

Елена Ивановна (*вздрагивая*). Андрей Осипыч! Кто бы это мог быть? (*Вопросительно смотрит на Андрея Осипыча.*)

Андрей Осипыч (*пожимая плечами*). Приказывайте, озорница!

Елена Ивановна выразительным жестом указывает на дверь спальни. Андрей Осипыч быстро выходит из-за столика и, захватив с собой чашечку с недопитым кофе, ретируется за дверь спальни, плотно прикрыв ее за собой. Елена Ивановна двумя-тремя движениями наводит на столике порядок и продолжает пить свой кофе. Появляется Семен Семеныч.

Семен Семеныч (*с виноватым видом*). Драгоценнейшая Елена Ивановна! Приношу свои извинения за столь ранний визит. Должен был самым неотложнейшим образом с вами увидеться. Движимый наилучшими намерениями...

Елена Ивановна (*перебивая*). Ах вы шалун! Такую-то рань заявиться к замужней даме, без предупреждения... А если я в неглиже? Это же неприлично... Ну, уж коли пришли, садитесь, ветреник, пейте кофе! Я вам наливаю.

Семен Семеныч, поклонившись, принимает приглашение и присаживается на край пуфика. Елена Ивановна наливает ему чашечку кофе.

Семен Семеныч. Как я уже сказал, движимый наилучшими намерениями, я осмелился вас побеспокоить в столь ранний час, Елена Ивановна. Хотел проведать... беспокоился, как вы тут... Я ведь вчера был у Тимофея Семеныча... беседовал... А потом заезжал к нашему проглоченному...

Елена Ивановна. К какому проглоченному? Ах да! Бедняжка! Ну, что он — скушает? А знаете... я хоте-

- ла спросить... я ведь могу теперь просить развод?
- Семен Семеныч (*оторопев*). Развод? Какой развод? Вы что, собираетесь развестись с вашим законным супругом?
- Елена Ивановна. Ну и что ж, что с законным? Он там будет сидеть в крокодиле и, пожалуй, всю жизнь просидит, а я его здесь дожидайся в полном одиночестве? Муж должен дома сидеть, а не в крокодиле! Разве не так?
- Семен Семеныч. Так-то оно так, да ведь это случай непредвиденный!
- Елена Ивановна (*машет ручкой, капризно*). Ах нет, не говорите, не хочу, не хочу! Вы вечно мне напротив, такой негодный! С вами ничего не сделаешь, ничего не посоветуете! Мне уж чужие говорят, что мне развод дадут, потому что Иван Матвеич уже не будет получать жалованья.
- Семен Семеныч. Елена Ивановна! Вас ли я слышу, добрейшая? Какой злодей мог вам это натолковать?
- Елена Ивановна. Вовсе не злодей, а Андрей Осипыч! Он теперь надворный советник. Разве могут быть злодеями надворные советники?
- Семен Семеныч. Да как же он мог с вами об этом заговорить? Во-первых, развод по такой неосновательной причине, как жалованье, совершенно невозможен, а во-вторых, бедный Иван Матвеич к вам, так сказать, весь пылает любовью, даже там, в недрах чудовища! Мало того — тает от любви, как кусочек сахара.
- Елена Ивановна (*надув губки*). Ну и пусть себе тает.
- Семен Семеныч. Он даже упоминал, что в крайнем случае, может быть, решится выписать вас в качестве законной супруги к себе, в недра, тем более что крокодил оказывается весьма поместительным не только для двух, но даже и для трех особ...
- Елена Ивановна (*в удивлении*). Как, как?.. Вы хотите, чтобы я тоже полезла туда, к Ивану Матвеичу? Вот выдумки какие! Да ни за что не полезу! Да и как я полезу, так — в шляпке и кринолине? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду делать, когда буду туда лезть, а на меня еще кто-нибудь, пожалуй, будет смотреть... Помните, как он

давеча лез?.. Это смешно! И что я там буду кушать?.. И... и как я там буду, когда... ах, боже мой, что они выдумали!.. И какие там развлечения?.. Вы говорите, что там просторно, а как же я буду, если мы там с ним поссоримся — все-таки рядом лежать? Фу, как это неинтересно, как даже противно! Фу! Как вы только могли так плохо обо мне подумать, милейший друг наш, Семен Семеныч! Вот Андрей Осипыч никогда бы себе такого не позволил. Никогда! Я-то уж его знаю!

Семен Семеныч (*несколько растерянно*). Согласен, согласен со всеми вашими доводами, добрейшая Елена Ивановна, но вы не оценили одного при всем этом...

Елена Ивановна. Чего же это я не оценила? Скажите, если знаете.

Семен Семеныч. Вы не оценили того, что Иван Матвейч без вас жить не может, коли зовет туда. Значит, тут любовь, любовь, любовь страстная, верная, стремящаяся... Вы любви не оценили, милая Елена Ивановна, любви!

Елена Ивановна. Какая же это любовь — тащить жену в пасть крокодила? Что-то вы не то говорите, Семен Семеныч! Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! Противный! Вы доведете меня до слез. Полезайте сами, если это вам приятно, а меня оставьте в покое. Ведь вы друг, ну и ложитесь там с ним рядом из дружбы и спорьте всю жизнь о каких-нибудь скучных науках, о политике... А я уж тут как-нибудь... сама все решу...

Семен Семеныч (*обиженно*). Напрасно вы смеетесь над сим предложением — Иван Матвейч и без того меня звал туда... Конечно, вас зовет туда долг супруги, меня же только одно великодушие, но, рассказывая мне вчера о необыкновенной крокодиловой растяжимости, Иван Матвейч сделал весьма ясный намек на то, что не только вам обоим, но даже и мне в качестве домашнего друга можно бы поместиться с вами вместе, втроем, особенно если б я захотел того, а потому...

Елена Ивановна (*в испуге отшатнувшись*). Как так, втроем? Втроем? Так как же мы... так все трое и будем там вместе? (*Смеется.*) Ха-ха-ха! Какие вы оба глупые! Ха-ха-ха! Я вас непременно буду

там все время щипать, негодный! Втроем! Ой, не могу! Слышал бы это Андрей Осипыч... Ха-ха-ха!

Откинувшись на спинку диванчика, Елена Ивановна заливается смехом. Семен Семеныч бросается целовать ей ручки.

Семен Семеныч. Ах вы обольстительная!.. Ах вы шалунья!.. Озорница вы наша, божественная!.. Не хотите, чтобы втроем... А если бы Андрей Осипыч вместо меня?..

Елена Ивановна (*хохочет*). Андрей Осипыч — совсем другое дело! Но ведь не о нем речь...

Семен Семеныч успокаивается, приглаживает растрепавшиеся волосы. Елена Ивановна тоже приводит себя в порядок.

Семен Семеныч (*отдышавшись*). Вы еще не знаете, какие виды на вас имеет Иван Матвейч! Есть у него один прожект...

Елена Ивановна (*заинтересовавшись*). Какие такие виды? Какой прожект?

Семен Семеныч. Нынешнее его положение, по его словам, несомненно выдвинет его на поверхность высшего света. Это, в свою очередь, не может не отразиться на вас, как на его пока законной супруге. На вас будет обращено особое внимание. Все захотят с вами общаться. Буквально все образованные люди.

Елена Ивановна (*не понимая*). Как общаться? Где именно общаться? В каком смысле, так сказать?

Семен Семеныч. Иван Матвейч предполагает устраивать у вас на дому открытые салоны с приемами гостей с положением в обществе. Жена должна составлять пандан такому мужу — у него ум, у нее красота и сама любезность. «Она прекрасна, потому она и жена его!» — скажут одни. «Она прекрасна, потому что его жена!» — поправят другие. Он сделает вас блестящей литературной дамой — вы начнете писать стихи! Он выдвинет вас вперед. Вам будут завидовать все образованные женщины. О вас будут писать во всех газетах столы и даже там... (*Делает выразительный жест рукой.*)

Елена Ивановна (*в раздумье*). А он?

Семен Семеныч. Что — он?

Елена Ивановна. Где будет он?

Семен Семеныч (*замявшись*). Пока... в недрах, так сказать...

Елена Ивановна. В крокодиле?

Семен Семеныч. Иногда его будут привозить к вам в ящике.

Елена Ивановна (*ужаснувшись*). Вместе с крокодилом?

Семен Семеныч. Люди привыкнут. Он будет беседовать с вашими гостями. Он будет в центре внимания. Это ли не заманчиво, Елена Ивановна? Может ли что-либо подобное предложить вам Андрей Осипыч? Не может!

Елена Ивановна (*в раздумье*). Но только надо будетшить очень много новых платьев, и потому надо, чтоб Иван Матвейч присылал как можно скорее и как можно больше жалованья... Только... только это... как же... как же это его будут привозить ко мне в ящике? Это очень даже смешно и глупо! Я не хочу, чтобы моего мужа носили в каком-то ящике! Мне будет стыдно перед гостями. У одних мужья будут во фраках и мундирах, рядом со своими женами, а мой будет сидеть в ящике, да еще и в крокодиле! Как же так? Я не хочу, нет, не хочу! И не уговаривайте! Не нужно мне никаких салонов, я и без приемов проживу! С меня маскарадов хватит!

Семен Семеныч (*помолчав*). Кстати, чтоб не забыть, был у вас Тимофей Семеныч?

Елена Ивановна (*оживившись*). Ах, был! Вчера, до маскарада заехал. Все утешал... Мы с ним в свои козыри играли. Он на конфеты, а коль я проиграю — он мне ручки целует и вообще... Такой, право, негодный и, вообразите, чуть было в маскарад со мной не поехал. Право! Вот бы он там с Андреем Осипычем встретился! (*Смеется.*) Ха-ха-ха! Вот бы занятно было!

Семен Семеныч. Вы были вчера в маскараде?

Елена Ивановна. Была. А что?

Семен Семеныч (*упавшим голосом*). Я думал... После такого происшествия...

Елена Ивановна. Не напоминайте мне об этом!

Семен Семеныч (*вздохнув*). Ну, я, пожалуй, покину вас, обольстительница вы наша! Право слово, обольстительница! (*Поднимается.*)

Елена Ивановна (*поднимается*). Ну уж вы поехали со своими комплиментами! Пойдите, я вас как следует ущипну на дорогу. Я ужасно хорошо выучилась теперь щипаться. (*Щиплет Семена Семеныча.*) Ну, что? Больно? Да, кстати, вы говорите, что Иван Матвейч про меня вчера вспоминал?

Семен Семеныч (*замявшись*). Да... то есть нет, не то чтобы очень... Признаюсь вам, он более думает теперь о судьбах всего человечества и хочет...

Елена Ивановна (*проводя гостя до двери*). Ну и пусть его! Не договаривайте! Верно, скука ужасная. Я как-нибудь его навещу. Завтра, может быть, заеду в Пассаж. Только не сегодня. Голова что-то болит, а к тому же там будет много публики... Скажут: это жена его, пристыдят... Прощайте! Вы ведь у него будете?

Семен Семеныч. Сейчас туда еду. Велел газет привезти.

Елена Ивановна. Ну вот и славно. И ступайте к нему и читайте. А ко мне сегодня больше не заезжайте. Я нездорова, а может, и в гости поеду. Ну, прощайте, шалун!

Елена Ивановна на прощанье щиплет Семена Семеныча еще один раз. Семен Семеныч, вскрикнув, целует ей ручки.

Семен Семеныч (*про себя*). Скажу... Я любил эту даму, я любил ее, как отец, ни более ни менее, заключаю так потому, что много раз случалось со мной неудержимое желание поцеловать ее в головку или в румяную щечку, и хотя я никогда не приводил сего в исполнение, но каюсь, не отказался бы поцеловать ее в губки, и не то что в губки, а в зубки... ну да ладно... Обольстительница вы наша!.. (*Уходит.*)

Елена Ивановна поправляет перед зеркалом прическу и открывает дверь в спальню. Появляется Андрей Осипыч. Он успел переодеться в свой мундир надворного советника.

Андрей Осипыч. Выкатился?

Елена Ивановна. Проводила.

Андрей Осипыч (*целует Елену Ивановну в щечку*).

Я все слышал... Все!

Елена Ивановна. Подслушивали, озорник вы эдакий?

Андрей Осипыч. И про развод слышал... и про то, как вы втроем... *(Смеется.)* Знал бы он, что я за стенкой сижу! Вот бы сухариком подавился!

Елена Ивановна. Разве можно? Он бы по всему городу разнес. Хорошо еще, что у меня прислуга такая... Никогда меня не выдаст, я не зря себе неграмотную немую девку из деревни выписала.

Андрей Осипыч *(обнимает Елену Ивановну)*. Умница вы моя! Ах, какая же вы умница и какая у вас...

В передней звенит колокольчик. Андрей Осипыч опять вопросительно смотрит на Елену Ивановну, та в недоумении пожимает плечами и опять указывает на дверь спальни. Андрей Осипыч с недовольным видом уходит, притворив за собой дверь. Елена Ивановна садится на диванчик и наливает себе чашечку кофе. Появляются Нина Павловна и Анна Петровна.

Нина Павловна *(с порога)*. Душенька! А мы к вам!

Анна Петровна. К вам, милочка!

Нина Павловна. Просто невозможно было не захватить!

Анна Петровна. Мы уж так, по-родственному, без предупреждения!

Подруги целуются.

Елена Ивановна *(уставшим голосом)*. А который теперь час? Что-то я нынче проспала. Поздно заснула.

Нина Павловна. Час одиннадцатый, душенька!

Анна Петровна. Мы с Ниной Павловной нынче рано поднялись.

Елена Ивановна. Садитесь. Кофею хотите? Я велю кофею принести. Этот уже остыл.

Анна Петровна. Спасибо, милочка, мы уже пили.

Нина Павловна. Я чаю со сливками напилась и калачик съела.

Анна Петровна. Мы, милочка, в Пассаж собрались.

Нина Павловна. На крокодила посмотреть.

Елена Ивановна. В Пассаж?

Анна Петровна. В Пассаж. Заезжий иностранец там какого-то особенного крокодила за плату показывает. Весь Петербург уже там!

Нина Павловна. Говорят, этот крокодил человеческим голосом разговаривает. Будущее предсказывает России, говорит, через сто лет конец придет.

Анна Петровна. На вопросы отвечает. О политике высказывается...

Нина Павловна. Да еще как высказывается! Смело так рассуждает...

Анна Петровна. Вот мы решили сегодня пораньше туда поехать, посмотреть и послушать, а то позже уже не попасть. Не составите ли нам компанию? Втроем всегда веселее!

Нина Павловна. Поедете с нами, душенька? Когда еще такое увидишь?

Елена Ивановна (*неожиданно*). Я уже видела.

Анна Петровна. Ах, когда же вы успели, раньше нас?

Нина Павловна. Ну и как? Что, действительно, человеческий?

Елена Ивановна (*откровенно*). Конечно. А как же иначе? Это не сам крокодил разговаривает, а мой Иван Матвейч!

Большая пауза. Подруги переглядываются.

Анна Петровна (*не сразу*). Супруг ваш, Иван Матвейч? Как же ж это понять?

Нина Павловна. Странно. Где же он там прячется? За ширмой?

Елена Ивановна. Почему за ширмой? Там никаких ширм нет. Он в крокодиле сидит и оттуда разговаривает.

Подруги переглядываются.

Анна Петровна (*осторожно*). Да как же это может быть, милейшая Елена Ивановна? Как же может живой человек в живом крокодиле сидеть? Вы просто над нами смеетесь?

Нина Павловна (*обиженным тоном*). Шутить изволите?

Анна Петровна (*пожимая плечами*). И главное, ваш супруг... Зачем же это вы так? Зачем вы его с крокодилом равняете? Я своего Фому Степаныча иной раз в сердцах ослом или косолапым медведем обзову, но дома, в семейных обстоятельствах, а не при людях... А вы... крокодилом...

Нина Павловна. Мы, конечно, свои люди, но зачем же так?

Елена Ивановна (*невозмутимо*). Крокодил — это крокодил, а Иван Матвейч — это Иван Матвейч. Анна Петровна. Так как же вас тогда понять, милочка?!

Елена Ивановна (*откровенно*). А так и понимайте, Анна Петровна, как я вам говорю: Иван Матвейч сидит в крокодиле и оттуда разговаривает.

Анна Петровна. Что же он там делает?

Елена Ивановна. Предаётся размышлениям, проекты строит... Мало ли что...

Нина Павловна (*обретя дар речи*). Как же он туда забрался?

Анна Петровна. А с какой целью?

Елена Ивановна. С какой целью — не знаю, но забрался. При мне.

Анна Петровна. При вас?

Елена Ивановна. При мне-с.

Нина Павловна. И вы нам вчера в маскараде ничего не сказали?

Елена Ивановна. Я забыла.

Нина Павловна. Как же можно такое забыть? Если бы с моим такое стряслось, да я бы... не знаю что...

Анна Петровна. А если бы с моим Фомой Степанычем такое приключилось, я бы с ума сошла. А вы, Нина Павловна, сошли бы?

Нина Павловна. Непременно сошла бы.

Елена Ивановна. А чего с ума сходить, если это ему выгодно.

Анна Петровна. Чем же выгодно?

Елена Ивановна. Скоро о нем весь мир узнает.

Анна Петровна. Это почему же?

Елена Ивановна (*невозмутимо*). Потому что он в крокодиле сидит, а все другие на свободе, по домам сидят, по улицам ходят. Был бы Иван Матвейч на свободе, как все, кто бы о нем что сказал? Кто бы его слушать стал? А теперь, когда он в крокодиле пропадает, да еще речи оттуда говорит, да все о политике, об обществе, обо всем человечестве, так его и слушают. И даже записывают за ним...

Анна Петровна. Что вы говорите, Елена Ивановна? Неужели записывают?

Нина Павловна (*не без зависти*). Хоть бы моему куда-нибудь залезть... По вечерам дома сиднем сидит и меня никуда не пускает. Вчера с трудом в ма-

скарад выпросилась. Ты, говорю, опять к Никифору Никифорычу идешь, деньги проигрывать, а я в маскарад — танцевать! Отпустил. Так я ему назло в пять утра домой вернулась. Часа три только и поспала, как Анна Петровна меня разбудила. Если бы не наш уговор обязательно в Пассаж утром поехать, ни за что бы не поднялась, весь бы день в постели пролежала...

Анна Петровна. Елена Ивановна! Выходит, и вы теперь через вашего супруга можете прославиться? Ведь если весь мир, как вы говорите...

Елена Ивановна. Я на развод подам.

Нина Павловна. Это зачем же на развод? Да при таком знаменитом муже?

Елена Ивановна (*неуверенно*). А какой мне интерес, скажите пожалуйста, мужа иметь, который из крокодила не вылезает?

Анна Петровна. Может, он еще и вылезет?

Елена Ивановна (*морщится*). Но в каком виде? Он же будет крокодилем пахнуть! Зачем мне муж с таким запахом? Я себе другого, более душистого подберу. У меня уже есть один на примете.

Нина Павловна. Это тот... черномазенький на букву «А»?

Елена Ивановна. Может быть... может быть... А может, и не на эту букву, а на какую-нибудь другую...

Подруги переглядываются.

Анна Петровна (*вздыхнув*). Вот уж пассаж так пассаж. Правда, Нина Павловна?

Нина Павловна. Да уж... мы никак не думали, что в этом крокодиле Иван Матвеич расположился. Правда, Анна Петровна?

Анна Петровна. Никак не думала. Разве можно такое подумать? Это же как страшный сон... Значит, вы, Елена Ивановна, с нами в Пассаж не поедете?

Елена Ивановна. Не поеду. Может быть, одна... попозже... проведать, как он там... А с вами не поеду.

Анна Петровна. Бедный Иван Матвеич! Мне его даже жалко. А вам, Нина Павловна, жалко Ивана Матвеича?

Нина Павловна. Ну как не пожалеть?

Елена Ивановна. А мне его нисколько не жалко. Он сам того захотел. Только зря я его тогда надумила в Пассаж идти, крокодила смотреть. Не пошли бы, может, он и при мне остался. Я бы сейчас с ним вместе кофей пила.

Нина Павловна. Видно, уж судьба ему такая выпала.

Елена Ивановна. Просто он сам давно хотел чем-нибудь отличиться, да по службе не получалось: ни чина, ни медали за верную службу. Вот он и полез в крокодила. А я теперь одна мучайся... *(Подносит к глазам платочек.)*

Подруги поднимаются.

Анна Петровна. Вы, милочка, только не расстраивайтесь! Все обойдется. Даст бог, прославится Иван Матвейч и вернется домой.

Елена Ивановна *(всхлинув)*. Как?

Нина Павловна. Очень просто. Вылезет из крокодила, наймет извозчика и вернется.

Елена Ивановна. Он сам оттуда, без чужой помощи не вылезет.

Анна Петровна. Ему помогут. Полиция поможет! Надо только обратиться. Правда, Нина Павловна? Надо только обратиться.

Нина Павловна. Можно и в жандармерию обратиться, если по политической...

Елена Ивановна. Был бы наш крокодил, его бы можно было даром вспороть и вытащить из него Ивана Матвейча. А этот иностранный! Этого так не вспорешь — за него иностранная держава заступиться может. А потом, был бы Иван Матвейч не титулярным, а каким другим советником, ну статским там или тайным, — так за него бы казенный выкуп дали, а за моего кто заплатит? *(Плачет.)*

Нина Павловна. Не плачьте, Елена Ивановна! Вы одна не останетесь...

Анна Петровна. Что-то мы, ранние пташки, в гостях засиделись! До свиданья, Елена Ивановна! Передавать от вас привет Ивану Матвейчу?

Елена Ивановна. До свиданья, Анна Петровна! Привет передайте, только не при всех, пожалуйста, а так... потихоньку... чтобы другие не слышали...

Нина Павловна. Передадим. Скажем, что ждете...
скучаете...

Елена Ивановна. Этого не говорите. Просто передайте привет, и все! Пусть поревнует...

Подруги целуются. Уходят.

Елена Ивановна открывает дверь в спальню. Из комнаты с недовольным видом выходит Андрей Осипыч. Елена Ивановна с рыданиями бросается ему на шею.

Андрей Осипыч (*отстраняя Елену Ивановну*). Несравненная! Что с вами? Чем вы так расстроены? Неужели... этим...

Елена Ивановна (*рыдая*). Я подам на развод... подам...

Андрей Осипыч (*рассудительно*). Елена Ивановна, любовь моя! Не надо торопиться... теперь... когда...

Елена Ивановна. Что — когда?

Андрей Осипыч. Когда он... там... вы же и так... в вашем положении...

Елена Ивановна (*успокаиваясь*). Что — и так?

Андрей Осипыч. И так... свободны... А потом, я же все слышал! Дело принимает другой оборот. Садитесь! (*Усаживает Елену Ивановну на диванчик.*) Давайте поговорим, спокойно все обсудим.

Елена Ивановна. Давайте, Андрей Осипыч! Я так вам верю... вы один...

Андрей Осипыч. Да! Я один, не считая Ивана Матвейча, думаю о вашем будущем! О нашем будущем... (*Собираясь с мыслями.*) Итак, Иван Матвейч будет там, а вы, то есть мы, будем здесь! У вас будет салон. Я буду при вас...

Елена Ивановна. Всегда?

Андрей Осипыч. Пока всегда...

Елена Ивановна. А потом?

Андрей Осипыч. Потом тоже... Но не в этом дело! (*Продолжает.*) У вас будет салон, я буду при вас. Мы будем вместе принимать именитых гостей. Вы как хозяйка. Я как друг дома.

Елена Ивановна. Но Иван Матвейч...

Андрей Осипыч. При чем тут Иван Матвейч? Он же меня не будет видеть! При нем я буду молчать, но зато без него...

Елена Ивановна. Что?

Андрей Осипыч (*воодушевляясь*). Без него я буду

общаться, разговаривать, знакомиться с видными людьми столицы и прочими влиятельными особами. Вы меня им представите как близкого человека, как дальнего родственника. Через вас я тоже стану человеком заметным, может быть, даже очень заметным... Мне будут протезировать, выдвигать... Я стану статским, потом тайным советником...

Елена Ивановна (*воодушевляясь*). Тайным?..

Андрей Осипыч. А почему бы и нет? Чем «тайный» отличается от «надворного»? Только формой! На иного тайного посмотришь, а он явный дурак! Только что формой прикрыт! Вы увидите, драгоценная вы моя Елена Ивановна, как мы заживем! Как заживем!..

Елена Ивановна (*вся в мечтах*). Я хотела бы поскорей увидеть...

Андрей Осипыч. Мне стоит только закрыть глаза, и я уже вижу ваш салон... (*Зажмуривается.*)

Елена Ивановна. Я тоже уже... вижу... (*Зажмуривается.*) Вижу...

Мираж.

Действие переходит в большую гостиную. Здесь собираются гости. Лакей обносит гостей чаем и сладостями. Несколько дам в сторонке шушукуются. Мужчины, стоя с чашечками в руках, продолжают беседу.

Ученый (*продолжает разговор, глубокомысленно*). Подобное устройство крокодила совершенно согласно с естественными науками. Каково основное свойство крокодила?

Адвокат. Глотать людей!

Ученый. Ответ ясен. Как же достигнуть устройством крокодила, чтобы он мог глотать людей? (*Вопросительно смотрит на собеседников.*) Ответ еще яснее: устройв его пустым. Давно уже решено физикой, что природа не терпит пустоты. Вы со мной согласны, господа? Разве не в этом единственно разумная причина, почему все крокодилы глотают нашего брата?

Философ. Не так в устройстве человеческого: чем пустее, например, голова человеческая, тем менее она ощущает жажды наполниться. И это единственное исключение из общего правила.

Доносится звон колокольчика. Появляются Поэт и Художник с мольбертом.

Поэт (*обращаясь к присутствующим*). Мы не опоздали?

Художник. Еще не привезли? Добрый вечер, господа!
(*Устанавливает мольберт.*)

Адвокат. Сейчас привезут... Ждем...

Вновь прибывшие гости здороваются.

Поэт (*в кругу дам*). Я только что сочинил стихи, посвященные нашему герою.

Дама с лорнетом. Прочитайте, пожалуйста!

Дама с веером. Да, да! Мы хотим послушать!

Поэт. Извольте. (*Извлекает из кармана сюртука листок бумаги, декламирует.*)

Зайка маленький бежит,

Зайка маленький кричит:

— Ах, большущий крокодил,

— Почему не уходил?

Дама с лорнетом. Очень мило! Очень!

Дама с веером. Это вы про крокодила, а про него, про героя, где?

Поэт (*прячет стихи*). Про него будет дальше... Я еще не придумал... но будет... обязательно... только дальше, в другом куплете. Это только начало...

Дама с лорнетом. Вы это сегодня всем прочитаете?

Поэт. Да. Я хотел бы... При нем... когда его привезут.

Дама с веером. Как-то неудобно без второго куплета... Может быть, вы успеете еще дописать? Пока не привезли...

Поэт (*в некоторой растерянности*). Это идея! Я сейчас... попробую... (*Отходит в сторону, садится в углу и начинает сочинять.*)

Дама с веером (*собеседнице*). А то как-то неудобно только про зайку и про крокодила... Пусть присочинит второй куплет про героя...

Ученый (*продолжая беседу*). И это тоже совершенно понятно и объяснимо. Наполняя собой внутренность крокодилову, он делает его сытым. С другой стороны, крокодил, будучи сытым, сообщает ему жизненные соки своего организма. Таким образом, питая собой крокодила, он обратно получает и от него питание. Следовательно, они взаимно кормят друг друга. Проще пареной репы!

Философ. Два сообщающихся сосуда!

Ученый. Вот именно!

Адвокат. Во всяком случае, немец, показывая крокодила, вносит цивилизующие начала и несравненно полезнее какого-нибудь Рафаэля! Чем хозяин крокодила ниже Рубенса? Вы будете со мной спорить, господа?

Художник (робко). Но ведь искусство... так сказать... Это же... в своем роде...

Философ. Польза и искусство — понятия взаимно исключающиеся, а теперь общество находится в таком положении, что ему вредно все, что бесполезно. Произведения искусства есть ложный признак цивилизации и скорее может быть отрицательным, а не положительным ее достоинством.

Ученый. Из наук только те должны считаться критерием цивилизованной нации, которые способствуют увеличению материального благосостояния страны...

Художник. Позвольте возразить, господа! Я был на днях в Эрмитаже...

Появляются Елена Ивановна в сопровождении Андрея Осипыча в парадном мундире уже статского советника, при орденах. Гости встречают их деликатными аплодисментами.

Андрей Осипыч (останавливая жестом аплодисменты). Не надо, не надо, господа! Потом... потом...

Елена Ивановна. Мы задержались: читали телеграммы из-за границы.

Философ. Есть новости?

Гости поочередно подходят к ручке хозяйки, здороваются с Андреем Осипычем.

Андрей Осипыч. Испанский король требует немедленного освобождения Ивана Матвейча.

Елена Ивановна. В Австралии создан Комитет в защиту Ивана Матвейча!

Дама с веером. Эти туземцы — поразительный народ!

Елена Ивановна. Ивана Матвейча сделали членом Британского королевского географического общества.

Ученый. Это естественно! Оказаться в недрах нильского крокодила важнее, чем открыть истоки Нила!

Дама с лорнетом. Примите наши поздравления!

Елена Ивановна. Спасибо! Спасибо, господа! Сейчас его привезут, и мы начнем наш салон!

Андрей Осипыч. Вы приготовили вопросы, господа? Ученый. Да, конечно!

Дама с лорнетом. Как вы думаете, я могу спросить его, что он думает о той комете, которая приближается сейчас к Земле?

Ученый. Это мой вопрос.

Дама с лорнетом. Тогда я спрошу что-нибудь другое... *(Замолкает.)*

Философ. Я поговорю с ним о философии. Что такое есть философ? Слово «философ» у нас на Руси слово бранное и означает: дурак! Я хотел бы услышать от вашего знаменитого супруга его суждение...

Андрей Осипыч. Все вопросы будут удовлетворены. Только не надо его слишком утомлять. Надо войти в его положение...

Дама с веером. Бедняжка! Как он там...

Адвокат. Он являет собой пример покорности судьбе и провидению! Я, как адвокат, посчитал бы для себя за честь выступить в его защиту!

Андрей Осипыч. Он мог быть иностранным министром и управлять королевством!

Адвокат *(сокрушаясь)*. И этот человек не управлял иностранным королевством! Подумать только!

Художник. Я так бы хотел его зарисовать! Только вот не знаю... как? *(Обращаясь к Елене Ивановне.)* Может быть, вы мне попозируете? Как супруга героя! Я — мигом!

Елена Ивановна. Если мигом, то пожалуйста... Я не против... *(Позирует.)*

Поэт *(восторженно)*. Сочинил! Сочинил второй куплет! *(Декламирует.)*

Иностранный крокодил

Человека проглотил

И теперь распух горой,

Потому что в нем — герой!

Каково, господа?

Андрей Осипыч *(благодарно)*. Можете прочитать, если только с выражением!

Поэт. Я читаю! С выражением! Прочитаю!..

Дама с веером *(Даме с лорнетом)*. Я говорила, что без второго куплета нельзя читать.

Дама с лорнетом. Вы правы, милочка! Я тоже так подумала.

В дверях появляется лакей.

Лакей. Господа! Привезли! Тащат!..

Все поднимаются и в торжественном ожидании смотрят на дверь. Пауза. Слышно, как за дверью тащат что-то тяжелое...

Затемнение

Из затемнения маленькая гостиная.

Елена Ивановна лежит в объятиях Андрея Осипыча.

Андрей Осипыч. А вы, моя несравненная, хотели с ним развестись... Ну, сообразно ли это?

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Канцелярия департамента. Туда и сюда проходят чиновники. Семен Семеныч с охапкой газет под мышкой беседует о чем-то с Тимофеем Семенычем, который с мрачным видом его слушает и отрицательно качает головой. Один из чиновников собирает вокруг себя сослуживцев.

Первый. Господа! Читали, что сегодня в газете написано?

Голоса. Расскажите!..

— О чем написано?..

— Про что пишут?..

Первый. Слушайте, я вам прочитаю одну заметочку. Любопытный случай тут описан... (*Разворачивает газету, читает вслух.*) «Вчера в нашей обширной и украшенной великолепными зданиями столице распространились чрезвычайные слухи. Некто Эн, известный гастроном из высшего общества, вошел в здание Пассажа, в то место, где показывается огромный заморский крокодил, и потребовал, чтоб ему подали его на обед...» (*Отвлекается.*) Нет, каково, господа? Нет того чтобы устриц каких-нибудь или омаров потребовать — ему крокодила подай! (*Читает дальше.*) «...Сторговавшись с хозяином, он тут же принялся пожирать его...»

Второй. Хозяина?

Третий. Какого хозяина! Крокодила же! Петр Петрович, читайте дальше!

Первый (*продолжает читать*). «...принялся пожирать его еще живьем». Как вам это нравится, господа? Тут так и написано: «живьем». (*Читает.*) «Живь-

ем, отрезая сочные куски перочинным ножичком и глотая их с чрезвычайной поспешностью. Мало-помалу весь крокодил исчез в его тучных недрах». Что вы на это скажете, господа? Это в наше-то просвещенное время! Живого крокодила! В сыром виде! Ведь не попросил, чтобы жареного или пареного, с горчицей или под хреном, а вот так, просто, как дикарь...

Четвертый. Знай наших! Поистине русскому человеку все нипочем! Он не только живого крокодила сожрет, но и человеком не побрезгует. Был у нас в отделении коллежский асессор Онуфрий Саввич, и нет Онуфрия Саввича! Где Онуфрий Саввич? Съели!

Первый. Уж коли мы начали крокодилов заморских лопать, так почему бы не акклиматизировать крокодила у нас в России?

Второй. Разведутся ли?

Первый. Если невская вода слишком холодна для сих интересных иностранцев, то в столице имеются пруды, а за городом речки и озера. Почему бы, например, не развести крокодилов в Парголово или в Павловске?

Третий. А в Москве на Пресненских прудах и в Самотеке...

Второй. Из крокодиловой кожи можно было бы готовить чемоданы и бумажники. Может, купцы стали бы предпочитать бумажник из крокодиловой кожи всем прочим, приготовленным из кожи отечественной.

Четвертый (*не без иронии*). Может, этой новой отрасли промышленности как раз и недостает нашему сильному и разнообразному отечеству. Как, господа? Чем не идея?

Вбегает пятый чиновник с газетой в руках. Он возбужден.

Пятый. Господа! Господа! Вы читали утренний выпуск «Волоса»?

Первый. Есть новости? Война? С кем?

Пятый. Новости? Сенсация! Представьте себе... (*Начинает читать вслух.*) «Всем известно, что мы прогрессивны и гуманны и хотим угнаться в этом за Европой. Но, несмотря на все наши старания и усилия нашей газеты, мы еще далеко не «созрели», как

о том свидетельствует возмутительный факт, случившийся вчера в Пассаже...»

Первый. Читали!

Второй. Про это мы знаем.

Третий. Какой-то господин съел живого крокодила в сыром виде.

Пятый. Вовсе наоборот. Читать?

Четвертый. Просветите нас, пожалуйста!

Пятый (*читает вслух*). «Приезжает в столицу иностранец и привозит с собой крокодила, которого за небольшую плату, на пользу отечественного просвещения, начинает показывать публике. Вот тут-то вчера в магазин иностранца-собственника является некто, притом в нетрезвом виде, платит за вход и тотчас же, безо всякого предупреждения, лезет в пасть крокодила, который, разумеется, вынужден проглотить его, хотя бы из чувства самосохранения, чтобы не подавиться. Ни крики иностранца-собственника, ни угрозы обратиться к полиции не оказывают никакого впечатления. Из нутра крокодила слышен лишь пьяный хохот и непристойные ругательства. Как объяснить подобные варварские факты, свидетельствующие о нашей незрелости и марающие нас в глазах иностранцев!» Подписано: Очевидец. Ну? Что вы скажете?

Четвертый (*скептически*). Размашистость русской природы нашла себе достойное применение...

Первый. Это сообщение как-то расходится с тем, что напечатано во вчерашнем вечернем выпуске «Листка». Кому же верить?

Пятый. Верить надо той газете, которая выходит позже. У нее более точные сведения. Семен Семеныч! Вы, кажется, вчера вечером с Иваном Матвеичем и его супругой Еленой Ивановной заходили в Пассаж? Кто-то вас встретил на Невском. Вы могли бы что-нибудь подтвердить или опровергнуть?

Семен Семеныч (*растерянно*). Что именно?

Второй. По поводу пассажа. Пассажа в Пассаже! Кто кого съел?

Семен Семеныч (*робея*). Пассаж... был...

Первый. Вы имеете в виду само здание?

Семен Семеныч. И его тоже...

Первый. Что же там произошло? Людоедство или наоборот — варварское обращение с животными?

Кстати, в Европе давно уже преследуют судом людей, обращающихся негуманно с домашними животными.

Четвертый. Крокодил не домашнее животное, а хищник. Живет в джунглях.

Второй. Не будем спорить. Сейчас он живет в столице Российской империи.

Третий. Сейчас он, может быть, уже не живет. Или, в лучшем случае, в нестерпимых страданиях ожидает смерти. Ему трудно переварить подобную массу сразу.

Четвертый. Попробуй перевари нашего пьяного брата! Сдохнешь, а не переваришь...

Второй (*злобно*). Да я бы этого невежу, пьяную морду, что в заезжего крокодила залез и там сейчас куражится, я бы его оттуда клещами вытянул да в полицию! На допрос: «Зачем залез? Куда тебя занесло? Зачем? Что ты там потерял? По какому такому праву? А ну, выкладывай, как на духу!» Уж я бы из него всю правду вытащил да в печать ее! В «Листок»! Чтобы другим неповадно было...

Тимофей Семеныч (*вступая в разговор*). Нет. Лучше не в «Листок», а в «Волос»! Публика больше «Волос» читает. Ходовая газетка. Лучше ее о политике никто не пишет. Уж так она эту политику разбирает, так разбирает... Вот, на днях опять написали, что надо капиталы родить, значит, среднее сословие, так называемую буржуазию, надо родить. А общинная собственность, стало быть, яд — гибель для отечества! Надо, пишут, чтобы иностранные компании скупили по возможности всю нашу землю по частям, а потом начали ее дробить, дробить, дробить на мелкие участки и продавать опять же в личную собственность. Вот тогда, пишут, будет большая польза и тем, кто дробил, и тем, кто покупал. Вот ведь как разбираются!

Семен Семеныч (*в ужасе, про себя*). Что же это? Господа!.. Что же это такое? Чем бы о человеке пожалеть, жалеют о скотине... При чем тут участки... (*С тоской смотрит по сторонам.*)

Быстро входит шестой чиновник.

Шестой. Господа! Слыхали! Знаете последнюю новость?

Первый. Знаем.

Второй. Не знаем только, кто кого съел.

Шестой. Я прямо из Пассажа. Слухами земля полнится, вот я и заехал, чтобы, так сказать, лично... Бог знает, что там творится! Все оцеплено полицией. Никого не пускают. Говорят, в брюхе крокодила не то немецкий, не то турецкий шпион укрылся. Выкрал какие-то секретные бумаги из Адмиралтейства о нашем славном флоте, ценный якорь с собой прихватил и залез в крокодила.

Четвертый (*иронически*). Вместе с якорем?

Шестой (*не отвечая на вопрос*). Думал таким манером в крокодиле государственную границу пересечь. Вот ведь плут! И кто бы это был, как вы думаете? Угадайте! Все вы его знаете!

Все (*хором*). Знаем? Мы? Кто же это?

Шестой. Знаете. Вы! Все равно не угадаете, я лучше сам скажу... Этим шпионом оказался... наш... Иван Матвеич! Наш достопочтенный прогрессист!

Семен Семеныч выбегает из комнаты. Все потрясены. Большая пауза.

Первый (*нарушая молчание*). Каково? Титулярный советник и вдруг — шпион!

Второй. Вот так фунт!

Третий. Кто бы мог подумать? Как же это он в Адмиралтейство проник? Там же все за замками, за семью печатями...

Пятый. Что ему замки да печати, если он в крокодила залез!

Четвертый (*иронически*). Вместе с якорем. Помнится, Иван Матвеич официально за границу собрался, билет себе уже в Европу выправил. Зачем ему было через границу в крокодиле переезжать?

Шестой. Там, где надо, разберутся зачем.

Первый. Кто же его узнал, если он был для глаза невидим? Он же, вы говорите, был укрыт в крокодиле!

Шестой (*не сразу*). Его по голосу узнали. И первым его узнал наш квартальный. Теперь ему повышение по службе будет и жалованье прибавят. Подошел, прислушался и признал...

Четвертый (*усмехнувшись*). Вот ведь какие у нас блюстители!

Первый. Нас ведь, поди, теперь по судам затаскают?
Мы ведь в одном департаменте с Иваном Матвей-
чем...

Второй. В картишки перекидывались...

Третий. На пасху христосовались...

Пятый. Я ему наемни два рубли одолжил...

Четвертый. Какая конфузия! Даст бог, пронесет...

За сценой шум. Все прислушиваются и смотрят на дверь. Слышны приближающиеся шаги. Жандармский чин вводит Ивана Матвейча. Вид у того жалкий и помятый. Он дрожит, озирается, как бы ища сочувствия и поддержки...

Тимофей Семеныч (*тихо восклицает*). Иван Матвейч! Вы ли это?

Жандармский чин (*обращаясь ко всем, в помещении читает бумагу*). Извлечение из протокола об изрыгновении титулярного советника... такого-то... Санкт-Петербург... 1865 год, января... 15 дня... Сегодня на рассвете с пассажным крокодилом исделалась судорога, спазма в животе, отчего его сильно сжимало, доставляло наружную боль, стеснение и пучение, в результате имело место изрыгновение одного титулярного советника. Ваш??! (*Показывает на Ивана Матвейча.*)

Все отшатываются.
Немая сцена.

1978

ЭХО

*Сцены жизни —
прошлое и настоящее
в двух действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Раскатов Сергей Тимофеевич, командующий военным округом.

Ольга Максимовна, его жена.

Александр Раскатов, сын Раскатовых.

Бабушка, мать Раскатова.

Александр Усачков, товарищ Александра Раскатова.

Дыбов Артем Петрович, первый секретарь обкома КПСС.

Кучкин, директор совхоза.

Демин Петр Акимович

Семенов Сергей Николаевич

Гусев Леонид Михайлович

Тимофеев Владимир Васильевич

Рыбаков Александр Трофимович

Костров Степан Михайлович

Кудряшкина Анна Сидоровна, секретарь горкома КПСС.

Алла, студентка.

Корреспондент.

Врач.

Офицер-подрывник.

Связист.

} генералы Управления
округа.

По ходу действия: военнослужащие — офицеры, солдаты, сержанты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

НАСТОЯЩЕЕ...

Перед входом на полигон Семенов, Усачков и два офицера

Усачков. Товарищ генерал-лейтенант! Майор Усачков направлен по приказу Центрального управления министерства. Представляюсь по случаю прибытия в ваше распоряжение.

Семенов. Здравствуйте, майор. Ждали вас. Ситуация крайне серьезная. Строителями неожиданно вскрыто захоронение боеприпасов. В саперном подразделении, приступившем к его ликвидации, в результате контактов со снарядами имели место случаи поражения ОВ. По моему приказу работы приостановлены. Характер поражения позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с необычными снарядами. Вероятнее всего, это запасы химического оружия, появившегося у фашистской армии в конце войны.

Усачков. Ясно, товарищ генерал-лейтенант!

Семенов. Полигон оборудован всего в шестнадцати километрах от стройплощадки. После определения типа боеприпасов будем вывозить их небольшими партиями для уничтожения. График движения разработан. *(Сопровождающему офицеру.)* Ознакомьте майора.

Офицер. Есть.

Усачков. Ясно.

Семенов. Прошу вас. *(Входят в бункер.)* Познакомьтесь — корреспондент «Известий» товарищ Сергеев. Его присутствие согласовано с министерством. Общее руководство возлагается на вас.

Усачков. Слушаюсь.

Семенов. Кто будет находиться в непосредственной зоне опасности?

Усачков. Старший лейтенант Раскатов.

Семенов. Раскатов?

Усачков. Да. Сын бывшего командующего вашим округом.

Семенов. А почему эту работу поручили именно старшему лейтенанту Раскатову?

Усачков. Старший лейтенант Раскатов лучше других знаком со свойствами всех отравляющих веществ, которые были на вооружении фашистской армии. Поэтому ему и доверили непосредственное выполнение этой задачи.

Семенов. Приступай, майор.

Усачков. Есть.

Семенов и сопровождающие его офицеры уходят.

Корреспондент. Раскатов... Раскатов... Вспомнил! Я его знал... Очень давно... На войне... Большой был человек, сильный.

ПРОШЛОЕ

Из затемнения. Отец и сын Раскатовы.

Раскатов (*устало*). Правде надо смотреть в глаза. Мне не стыдно оглянуться назад. Я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность служить моему отечеству, и оно щедро наградило меня. И рядом были боевые друзья... Их стало меньше... Уходят люди... Мы сражались за дело нашей жизни, оно чистое и правое. Бой не окончен, а времени нет совсем... У меня уже нет сил сейчас выполнять свой воинский долг. Поэтому пусть не удивляет тебя моя просьба. Мне, как и каждому, в конце жизни необходимо сказать о самом сокровенном...

Александр Раскатов. Рано ты об этом, отец... Торопись...

Раскатов. Я не тороплюсь... Я так... на всякий случай.

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Укрытие на полигоне, неподалеку от места подрыва снарядов. Здесь находятся Усачков, офицер-пиротехник, командир подразделения химзащиты, несколько солдат и сержантов саперного подразделения и подразделения химзащиты, врач, дежурный связист, корреспондент центральной газеты. Все одеты в защитные комбинезоны и резиновые сапоги. У каждого противогаз. Офицеры с тревогой прильнули к смотровым щелям. Рядом с ними стоит корреспондент. Внимание остальных приковано к офицерам. Полдень. Негромкие, четкие команды.

Усачков. Всем внимание! Проверка связи. Доложить по установленной очередности. Оцепление!

Голос по радио. Есть оцепление, посты развернуты согласно утвержденному плану. Готовность полная. Все связи функционируют. Майор Серов.

Усачков. Смотрите в оба! За входными дорогами на полигон и автотрассами. Метеослужба?

Голос по радио. Есть метеослужба. Ветер западный, устойчивый, скорость пять, температурный градиент положительный. Капитан Ермолаев.

Усачков. Контрольные замеры производить каждые двадцать минут. Химические дозоры?

Голос по радио. Готовность полная. Дозоры заняли исходные точки по всем секторам, сеть оповещения проверена, комплекты средств защиты, запасные ракетницы и дополнительные комплекты ракет выданы. Старший лейтенант Девин.

Усачков. Еще раз проверьте маршруты маневра. Аварийно-спасательная команда?

Голос по радио. Есть аварийно-спасательная команда. К работе полностью готовы. Все группы на исходных позициях. Запасные экипажи подготовлены в районе высоты «Озерной». Капитан Перов.

Усачков. Уточняю: в любой точке подрыва группы должны быть не более чем за пять минут. Медслужба?

Голос по радио. Есть медслужба. Полевые специализированные медпункты в полной готовности. Токсикологическое отделение госпиталя развернуто в безопасной зоне. Комплект антидотов подан во все медицинские подразделения. Ждем уточнения типа ОВ. Майор Ребров.

Усачков. Полевая химическая лаборатория! Готовность?

Голос по радио. Лаборатория к анализу готова. Лейтенант Пеньков.

Усачков. Подрывники! Как линии?

Голос по радио. Подрывные линии проверены. Капитан Синёв.

Усачков. Всем старшим быть на связи. (*Связисту.*) Запроси, как «Амур-А»!

Связист. Есть. «Амур-А», «Амур-А»!

Голос по радио. «Амур», я «Амур-А», начал движение к котловану.

Усачков. Хорошо. С подходом к нему на тридцать метров обозначьте себя. Защиту надеть в боевое положение.

Связист. «Амур-А», обозначьте себя.

Голос по радио. Есть обозначить себя.

Корреспондент. Скажите, какую работу сейчас выполняет старший лейтенант Раскатов?

Усачков. Старший лейтенант готовит подрыв первого снаряда, чтобы взять пробы отравляющего вещества. Только определив это, можно правильно произвести уничтожение обнаруженных боеприпасов.

Зуммер телефонного аппарата.

Связист. «Амур» слушает.

Пауза.

(*Усачкову.*) Товарищ майор, на проводе первый.

Усачков (*берет трубку*). Майор Усачков. Докладываю. Обследование места захоронения химических боеприпасов не дало возможности точно определить, какими ОВ они снаряжены. Маркировочные кольца, видимо, были сняты с боеприпасов при их захоронении. При сравнении с образцами немецко-фашистских боеприпасов по каталогу и учитывая калибр, имеем предположение, что снаряды содержат фосфороорганические отравляющие вещества типа «табун». Старший лейтенант Раскатов готовит подрыв первого снаряда с целью точного определения ОВ и его токсичности. Все меры предосторож-

ности и защиты приняты. Подразделения к выполнению задачи готовы.

Пауза.

Есть... Слушаюсь... Есть докладывать о ходе операции... Есть. *(Передает трубку связисту.)*

Корреспондент. Он рискует жизнью?

Усачков. Здесь каждый рискует. А установить истину можно только путем вскрытия снаряда и взятия проб... Судите сами, опасно это или нет?

Корреспондент. Насколько опасно?

Усачков. Каждая работа с боеприпасами, пролежавшими в земле десятки лет, опасна — взрыватели могут сработать в любую секунду, а с такими — опасно вдесятеро. Я просил старшего лейтенанта взять с собой нескольких бойцов в помощь, но он категорически отказался, чтобы свести риск до минимума. *(Смотрит в цель.)* Ну, кажется, закончил работу... возвращается...

Шум подъезжающей машины. Входит Александр Раскатов. Он в защитной одежде, только что снял противогаз.

Александр Раскатов. Товарищ майор, снаряд к подрыву готов, навеска ВВ закреплена, взрыватель подключен. *(Садится, берет полотенце, вытирает лицо.)*

Усачков.. Отлично. Устал?

Александр Раскатов. Ничего... Жарко... солнце невероятное... Жарко...

Усачков. Да, жарко... Осторожнее гоняй по полигону! Лихач! Завалишь машину в траншею!

Александр Раскатов. Не завалю... Когда баранка у меня в руках — я и царь тебе, и бог.

Усачков. Спокойнее... спокойнее, еще намаешься. *(Радиисту.)* Запросите метеобюллетень.

Связист. Есть! *(Снимает трубку.)* Двенадцатый... Двенадцатый. Я «Амур». Сообщите метеоданные.

Усачков *(Раскатову)*. Не переборщил в заряде?

Александр Раскатов. Думаю, нет. Корпус разорвет — и все...

Усачков. Главное, чтобы вещество от взрыва не разложилось — обидно начинать все сначала.

Александр Раскатов. Посмотрим... Странно, по краям траншеи ромашки крупные-крупные, давно

не видел таких... Жалко... размечает их всех... Не соберешь...

Усачков. Нарвал бы букет, дарить-то есть кому!

Александр Раскатов. Не сообразил...

Усачков. Не сообразил! Уведу твою красавицу!

Александр Раскатов. Ну-ну...

Связист. Товарищ майор, метеоданные.

Усачков. Слушаю.

Связист. Направление ветра 270 градусов, скорость ветра уменьшается... Я так думаю...

Усачков. Помолчи! Температурный градиент?

Связист. Пока положительный.

Усачков. Будем рвать?

Александр Раскатов. Давай.

Усачков *(в микрофон)*. Внимание всем командам! Пятнадцатисекундная готовность к подрыву, подать секторам 3, 4 и 5 сигналы химической тревоги! Сигнал оповещения для оцепления! *(Где-то вверху вспыхнули светящиеся спецракеты с характерным свистом.)* Готовность к подрыву?

Офицер-подрывник. К подрыву готовы.

Усачков. Внимание!

Офицер-подрывник. Есть внимание!

Усачков. Подрыв!

Офицер-подрывник. Есть подрыв.

На полигоне раздался несильный взрыв.

Александр Раскатов. Ну, я пошел. *(Берется за противогаз.)*

Усачков. Будь осторожен... Цветочки уже не рви — поздно! Машину держи заведенной, на скорости, с подветренной стороны, чуть что — прыгай в кабину и назад! Понял?

Раскатов улыбается.

И осторожнее — здесь тебе не варьете на Арбате.

Раскатов улыбается, кивает ему и уходит, шум отъезжающей машины.

Корреспондент. Что же теперь?

Усачков. А теперь старший лейтенант простыми средствами индикации определит содержимое расколовшегося снаряда и возьмет пробу.

Корреспондент. Так просто?

Усачков. Да, так просто...

Зуммер.

Связист (*берет трубку*). «Амур» слушает... Так... Так... Есть! (*Усачкову*.) Товарищ майор, шестой докладывает, первая спецмашина к выходу на маршрут готова. Снаряды уложены в контейнеры и готовы к перевозке на полигон.

Усачков. Понял. Ждать команду.

Связист. Есть! (*В трубку*.) Ждать команду.

Корреспондент. В сорок втором я был в полку Раскатова как раз в тот день, когда ему командующий лично вручал Звезду Героя... Бои были жесточайшие... Командующий был сентиментально настроен. Вручая награду, он как-то странно кашлянул и сказал тихо: «Ты умница, капитан... Расти выше — многое тебе по плечу». Я стоял почти рядом, «лейка» моя сбарахлила, и снимок, помню, не получился... Жаль.

Усачков. Что произошло? (*Приникает к стереотрубе*).

Корреспондент. Что-то с затвором...

Связист. «Амур-А!» «Амур-А!» Я слушаю. Что?

Голос по радио. Порыв костюма и контакт с ОВ.

Усачков. «Амур-А!» Немедленно ввести антидот! К машине!

Голос по радио. Подожди, майор, я пробу возьму.

Усачков. Никаких проб! Я приказываю пробы отставить! Немедленно назад. (*Офицеру*.) Врача! (*По рации*.) Командиру химподразделения! Первому дозору взять пробы! Ваш личный контроль. После взятия проб произвести дегазацию траншеи!

Входит врач.

Готовьте помощь!

Врач. Есть.

Корреспондент. Вы знаете, у меня раньше все на Байкал, на Амур были командировки, а теперь вот... А может, ничего опасного нет?

Усачков. Может быть, может быть...

Входит Александр Раскатов.

Усачков. Ну, что?

Александр Раскатов. Вот, черт! Надо же так... При входе в траншею зацепился за обшивку и разорвал защиту. Упал в воронку с остатками снаряда. Произошел контакт с ОВ. Индикацию произвел — в снарядах «табун». Пробы в приборе.

Усачков. Тебе было приказано пробы не брать.

Александр Раскатов. Я уже взял, не кричи! Я тут же ввел себе антидот и произвел дегазацию обмундирования. Но при снятии защиты мазнул правой рукой по ОВ — повторный контакт. Прошу обработать руку.

Врач. Сделали вторую инъекцию антидота?

Александр Раскатов. Нет, не успел.

Врач. Немедленно вторую инъекцию.

Усачков (*по рации*). Командиру химвподразделения. Первому дозору выход отставить. (*Лейтенанту*.) Пробы старшего лейтенанта в лабораторию.

Лейтенант. Есть. (*Уходит*.)

Врач. «Табун»?

Александр Раскатов. «Табун», именно «табун».

К Раскатову подходит врач, берет его за кисть.

Врач. Пульс учащенный, на руке краснота... Сколько времени прошло с момента контакта?

Александр Раскатов. Около двух минут.

Врач. Я должна немедленно эвакуировать вас в госпиталь! Немедленно! (*Усачкову*.) Товарищ майор, немедленно!

Александр Раскатов. Послушайте, доктор...

Усачков (*перебивает его*). Согласен! Немедленно эвакуировать!

Александр Раскатов. Товарищ майор!.. Саша?!

Усачков. Ты сделал главное, остальное...

Александр Раскатов. Я должен закончить операцию.

Усачков. Старший лейтенант, выполняйте распоряжение врача!

Александр Раскатов. Товарищ майор! Кроме меня, никто здесь не вправе начинать разминирование. Пока прилетит другой специалист из Москвы, может случиться непредвиденное!

Усачков. Я вынужден доложить руководителю операции.

Александр Раскатов. В таком случае я сам доложу. *(Подходит к связисту.)* Вызовите первого. Связист. Есть! *(Снимает трубку.)* Первый... Первый, я «Амур»... Первый на проводе. *(Передает трубку Раскатову.)*

Раскатов берет трубку.

Александр Раскатов. Докладывает старший лейтенант Раскатов. Произвел определение типа ОВ. В снарядах «табун». Да, «табун»... Нет, обычный подрыв не допустим, он имел бы трагические последствия. Нам нужно было знать процент разложения ОВ. Да, проба мной взята и уже отправлена на исследование. Да, возможны и мышьяковосодержащие ОВ. Разрешите приступить к ликвидации?.. Слушаюсь... Разрешите доложить также о небольшом казусе: в траншее у меня произошел порыв защиты... Да, контакт с ОВ возможен. Да... Так точно... Я сразу же на всякий случай ввел себе антидот и произвел обработку обмундирования, кроме того, на КП врачом повторно введен антидот и проведена дегазация. Нет, чувствую себя нормально... Я очень прошу вас разрешить мне продолжить работу... Товарищ первый, я прекрасно понимаю все... Врач не возражает... *(Свободной рукой придержал рванувшегося к аппарату врача.)* Товарищ первый, я не собираюсь ни с кем делить ответственность. Просто я нужен здесь... Сейчас... Слушаюсь. *(Передает трубку связисту и поворачивается к Усачкову.)*

Усачков. Глупо... Неумно...

Александр Раскатов. Ты эгоист, Саша! Нехорошо! Этот лакомый кусочек мой, и я жадный. Все съем сам, тебе ничего не оставлю, и не надейся!

Усачков. Дурак.

Александр Раскатов. И ты туда же! Один человек иначе меня и не кличет.

Усачков. Умный человек!

Александр Раскатов. Наверняка...

Врач. Вы не имеете права подвергать себя смертельному риску!

Александр Раскатов. Имею право, доктор! Имею!.. Все в порядке, доктор! Вот только ликвидируем эту заразу — и домой: отдыхать и даже ле-

читься, если будете настаивать. (Усачкову.) Начинайте, товарищ майор, через пять минут я буду готов.

Врач. Я протестую! Вы не имеете права!

Усачков. Нехороший ты человек, Раскатов.

Александр Раскатов. Нехороший... Давай, Саша... давай!

Усачков. Даю. (Берет микрофон.) Внимание! Внимание! Всем постам оцепления, всем службам! Химическая тревога! Химическая тревога!

И опять взвиваются спецракеты и приходит в движение весь сложный механизм разминирования.

Александр Раскатов. Давай первую машину!

Усачков. Передохни пока. Команда шестому!

Связист. Есть команда шестому! Шестой на связи!

Усачков. Первую машину вперед!

Связист. Шестой! Первую машину вперед! (Усачкову.) «Амур-1» на трассе.

Усачков (выхватывает у него трубку). «Амур-1»! Слушай меня внимательно!

Голос по радио. Слушаю, товарищ майор!

Усачков. Предельная осторожность! Скорость только заданная! Не останавливаться! Особое внимание на переезде. Понял?

Голос по радио. Понял.

Усачков. Прохождение ориентиров докладывать! Давай, милый! Давай... (Передает трубку, поворачивается к Раскатову.) Да, Шура, такой работенки у нас еще не было...

Александр Раскатов. Солдаты молодцы. Генерал им честно сказал, что их ждет в случае ошибки, и никто не вышел из строя, как же я могу.

Усачков. Да я понимаю...

Александр Раскатов. Я знаю, что ты понимаешь... Спасибо, что не помешал... Одного твоего слова первому было бы достаточно...

Усачков. Повесил ты мне на душу груз, Шура...

Александр Раскатов. Все обойдется...

Усачков. Дай-то бог!

Александр Раскатов. Сейчас боги — это мы, Саша...

Где-то вдали слышится еле различимое урчание мотора.

ПРОШЛОЕ

Поздняя осень. Небольшая зала-столовая в особняке командующего военным округом генерал-полковника Раскатова. Застекленная дверь ведет на террасу, выходящую прямо в сад. Направо и налево двери в смежные комнаты. Празднично накрытый стол, возле которого хлопочут бабушка и Алла.

Бабушка. Ну, что? На шесть человек накроем или на восемь? Больше шести человек за стол, наверное, не сядут? Может, человек на восемь накрыть?

Алла. Давайте на восемь накроем.

Бабушка. Может быть, еще и Шура успеет приехать? Вчера телеграмма была. Вроде вылетает. Ждешь?

Алла. Я его не представляю в военной форме.

Бабушка. Он тебе что, и карточку не присылал?

Алла (*уклончиво*). Забыла — ложки справа или слева...

Бабушка. Очень уж он не хотел надевать эту военную форму. Не в отца пошел.

Алла. Полтора года службы меняют человека. Вообще-то он писал, что пойдет в аспирантуру, военным не будет. Сергей Тимофеевич ночь не спал.

Бабушка. Как бы отцу ни хотелось, а Шура по его пути не пойдет. Не маленький, сам свою судьбу решит. Он и в детстве-то военных игрушек в руки не брал. Подарят ему автомат или пулемет — на частички разберет и бросит. А вот конструкторы разные он любил, часами мог собирать...

Алла. Странно... Все мальчишки любят в войну играть...

Бабушка. А наш нет...

Алла (*неожиданно*). А вы, Дарья Ефимовна, почему со всеми не поехали на открытие бюста?

Бабушка. Звали меня. Они ведь на машинах поехали, а я до смерти не терплю, когда подо мной долго тарахтит.

Алла. А далеко это, куда они поехали?

Бабушка. В соседнюю область. Отсюда, пожалуй, километров более пятиста.

Алла. Сергей Тимофеевич там родился?

Бабушка. А то где же? Село Староспасское. Там ему бюст и установили. Вот только никак к мысли не привыкну, как это при жизни живому человеку могут памятник установить!

А л л а. Это же так полагается: на родине дважды Героя устанавливают при жизни бронзовый бюст.

Б а б у ш к а. Герой-то он Герой, кто это у него отнимает, а вот чтобы он перед земляками в бронзе стоял... Не сообразительно для меня это.

А л л а. Почетно...

Б а б у ш к а. Почетно...

А л л а. Знаете, вы ничего не имеете против, если я в саду кленовых веток наломаю и в кувшин поставлю? Цветов нет, а кленовые листья очень украсят комнату и вообще...

Б а б у ш к а. Пойди, наломай веток! (*Ворчит.*) Почетно... Дожили... Почетно...

Обе выходят. Сцена некоторое время пуста, затем слышен шум подъехавшей к дому машины. Входят два лейтенанта: Александр Раскатов и его друг Александр Усачков.

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. Ты только не теряйся! (*Видит накрытый стол.*) Во! Меня встречают!

Входит б а б у ш к а. Александр Раскатов обнимает ее.

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. Здравия желаю, бабуля! Как вы тут без меня? Это мой друг, Саша! Вместе служили.

У с а ч к о в. Служим.

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. Не знаю, как ты, но я свое отслужил. Сейчас пойду и переоденусь. Мне эта военная форма уже вот где... (*Прикладывает ладонь к горлу.*) Теперь, после университета, я свой воинский долг исполнил, а уж дальше буду жить вне устава.

Б а б у ш к а. Ты бы хоть до отца не переодевался! Показался бы при этих... при звездочках...

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. Обойдется...

Б а б у ш к а (*ворчит*). Ты полегче... «Обойдется»! Прыткие все стали, резкие... Отец ведь...

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. А где же все наши?

Б а б у ш к а. В Староспасское еще вчера с утра укатили. Сказали, что сегодня к вечеру будут.

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. Что у них там, маневры?

Б а б у ш к а. Будто ты не знаешь?

А л е к с а н д р Р а с к а т о в. Не знаю!

Б а б у ш к а. Мать разве тебе не писала? Твоему отцу на

его родине бронзовый бюст соорудили. Вот они и поехали на открытие. *(Уходит.)*

Александр Раскатов. Смотри ты... увековечили папаню!

Усачков. Дань уважения.

Александр Раскатов. Мог бы и попроще выразиться.

Усачков. Тем не менее поздравляю тебя!

Александр Раскатов. Спасибо.

Появляется Алла с охапкой кленовых веток.

Алла. Здравствуйте.

Александр Раскатов. Здравствуйте.

Алла. Не по форме отвечаешь!

Александр Раскатов. Отвыкаю! Хватит.

Алла смотрит на Усачкова.

Мой друг: лейтенант химвойск Александр Усачков.

Усачков. Здравия желаю!

Алла. Вот это другое дело! Здравия желаю, лейтенант Усачков...

Усачков. Просто Саша.

Алла. Очень приятно, просто Саша.

Александр Раскатов. Познакомилась? Очень хорошо. А ты как тут очутилась?

Алла. Я же по соседству живу. Или забыл? Попросили помочь по хозяйству.

Александр Раскатов. Правда?

Алла. Правда.

Александр Раскатов. Очень хорошо. *(Усачкову.)*

Сегодня за этим необычным праздничным столом, если нас за него посадят, я разрешаю тебе ухаживать за Аллой, а вообще запомни, что это моя девушка!

Алла *(иронично)*. Звание чрезвычайно высокое!

Александр Раскатов. И почетное! Разве наша многомесячная переписка не дает мне права называть тебя «своей девушкой»? Разве не ты заказывала для меня по радио песню в исполнении Кобзона «Отслужу, как надо, и вернусь!»?

Алла. Я заказывала для тебя «Стара печаль моя, стара...» Софии Ротару.

Александр Раскатов. Ах, так? Значит, это была другая, которая заказывала Кобзона?.. Как же ее

звали? *(Пытается вспомнить.)* Таня, Тоня... Забыл!!!

Алла. Все шутишь?! Молодец... *(Ставит охапку кленовых веток в кувшин.)*

Голос бабушки: «Алла! Помоги мне...»
Алла уходит.

Усачков. Шурик! Может, мне лучше до дома? Там ведь меня тоже ждут. Да и неловко как-то — домой приехал, а очутился у тебя. Чего я тут буду, как гость незваный...

Александр Раскатов. Очень даже званый. Поскольку я не собираюсь поражать своих близких военной выправкой и офицерскими погонами, ты меня прикроешь. Отец обожает молодых офицеров. Не откажи!

Усачков *(не сразу)*. Тогда я могу где-нибудь помыть руки и освежиться?

Александр Раскатов. Безусловно. В особняке командующего военным округом есть для этого все условия. Предусмотрены даже душистое мыло и цветочный одеколон. Генералы любят освежаться именно цветочным.

Входят бабушка и Алла.

Александр Раскатов. Бабуль, лейтенант с дороги, помыться бы ему!

Бабушка. Поняла... Пошли, лейтенант.

Усачков. Спасибо.

Уходят.

Александр Раскатов. Как живешь?

Алла. Я без тебя живу плохо. А ты?

Александр Раскатов. Не знаю...

Алла. Тебе легче...

Александр Раскатов. Обижаешься?

Алла. На что?

Александр Раскатов. Писал редко.

Алла. А ты не обижаешься?

Александр Раскатов. А я на что?!

Алла. Писала часто.

Александр Раскатов. Ну, нет! Все храню в мешке, перевязанное ленточкой! Реликвии!

Алла. И на том спасибо.

Александр Раскатов. Да брось, Алка! Такая жизнь начинается! Воля! Сам себе хозяин, сам себе голова! Не-ве-со-мость! Как будто сила всемирного тяготения перестала существовать.

Алла. На этой силе мир держится...

Александр Раскатов. Это ты уяснила из сообщений Центра по управлению полетами?

Алла. Нет, из собственного опыта!

Александр Раскатов. О, да ты философ!

Алла. Я не философ, просто я...

Александр Раскатов. Опять обижаешься! Это признак...

Алла. Да, это признак того, что ты мне не безынтересен, но только не подумай, экс-лейтенант, что я буду преследовать тебя, для меня очевидно, что ты дурак, и этого достаточно, чтобы...

Александр Раскатов. Договаривай!

Алла. Как-нибудь потом.

Входит бабушка.

Александр Раскатов. Я — наверх к себе, переодеться. *(Выходит.)*

Бабушка. Ну, как он, изменился?

Алла. Нет, только шутит как-то так... по-солдатски...

Бабушка. Хорохорится перед тобой... Нет, не в отца он пошел, не в отца...

Алла. Не всем же быть военными!

Бабушка. Так-то оно так, да в семье Раскатовых, почитай, все всегда были военными. Что отец Александра, что дед, что прадед. Все служили, все воевали. Но вот чтобы бронзовый бюст на родине, так это только у одного — у Сергея Раскатова! Медали бронзовые у всех были.

Алла. Я пойду...

Бабушка. Никуда ты не пойдешь! Ишь чего выдумала!.. Расстроил он тебя?

Алла. Да нет.

Бабушка. Не слепая — вижу. Плюнь на него! Побегает, побегает и прибежит — все они, мужики, такие. Повидала на своем веку всяких. Вот отец его тоже мотался, мотался в молодости по свету, вертел хвостом, а как зацепился за Ольгу, так и весь вышел, прикипел на всю жизнь...

Алла. Сергей Тимофеевич человек редкий... Шура вот в армию идти не хотел, все дулся на отца за то, что тот не пожелал помочь ему...

Бабушка. Ничего, армия ему на пользу... А что взбрыкивает, так мы его с тобой прикрутим как миленького.

Алла. Не хочу я его прикручивать... Не хочу... *(Отворачивается.)*

Бабушка. Прикрутим, как пить дать прикрутим... И не таких, бывало, прикручивали...

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Связист. Докладывает «Амур-1». Ориентир 17 прошли. Обстановка нормальная. За рулем водитель Еремеев, запасной Кочетов.

Усачков. Отлично.

Связист. Докладывает «Амур-1». Ориентир 19 прошли нормально. Просят разрешение несколько увеличить скорость.

Усачков. Ни в коем случае! График движения соблюдать строго!

Связист. Есть. *(Передает.)* Соблюдать график движения!

Усачков. Лихачи!..

Связист. «Амур-1» ориентир 21 прошел нормально. Служба оцепления ведет контроль.

Усачков. Хорошо. Командиру инженерно-саперного подразделения. Разгрузочную команду к траншее-2. Обеспечить от перегрева всему личному составу мокрые экраны. Запросите метеосводку.

Связист. Есть. Шестой, шестой, шестой.

Усачков *(Раскатову)*. Сколько будем подрывать сразу?

Связист. Сообщите метеосводку.

Александр Раскатов. Снарядов по десять.

Усачков. Значит, по десять? При пятикратной навеске взрывчатки на каждый снаряд многовато...

Александр Раскатов. Навеску можно уменьшить за счет неидеального состояния металла — все-таки столько лет прошло.

Усачков. Согласен. Испробуем на первой партии снарядов...

Корреспондент. А зачем такая мощная навеска взрывчатки?

Усачков. Наша задача состоит не только в разрушении оболочки снаряда, но и в том, чтобы силой этого взрыва разрушить отравляющее вещество, тогда оно будет безвредным. Все нужно сделать здесь, в траншее, так как при малой силе взрыва аэрозольное облако может выйти за границу полигона, и дегазация его станет невозможной. Дегазируется только земля.

Связист. «Амур-1» ориентир 23 прошел нормально... Выходят на границу полигона.

Усачков. Пусть выходят непосредственно к траншее-2.

Связист. Есть. *(Передает.)* «Амур-1», выходите непосредственно к траншее-2.

Александр Раскатов.

Любить иных — тяжелый крест.

А ты прекрасна без извилин,

И прелести твоей секрет

Разгадке жизни равносильен.

Весною слышен шорох снов

И шелест новостей и истин.

Ты из семьи таких основ.

Ты смысл, как воздух, бескорыстен...

Корреспондент. Странно...

Александр Раскатов. Что?

Корреспондент. Странно. Все, что здесь происходит... И Пастернак...

Александр Раскатов. Наверное...

Связист. «Амур-1» вышел к траншее-2. Просят разрешение на разгрузку.

Усачков. Разгрузку разрешаю. Соблюдать все меры предосторожности!

Связист. Разгрузка разрешена. Соблюдать все меры предосторожности!

Корреспондент *(Раскатову)*. Извините, чем для вас лично интересен этот склад?

Александр Раскатов. Интересного мало. Типично фашистское иезуитство... диверсия замедленного действия...

Корреспондент. Диверсия?! Через столько лет.

Александр Раскатов. Это была заранее подготовленная и надолго вперед спланированная акция. Расчет был на полную со временем коррозию металла и вытекание ОВ в грунт, а оттуда попадание его в подпочвенные воды, которые разнесли бы его на значительное расстояние, заразив источники воды, сельскохозяйственные угодья, растения...

Корреспондент. Значит, только случай помог избежать такую беду?

Александр Раскатов. Не случай. Есть объективная закономерность во всем, что происходит...

Корреспондент. Я понимаю. Для этих снарядов война не закончилась...

Связист. Машина разгрузилась, боеприпасы в траншее.

Усачков. Ясно. Машине покинуть зону!

Связист. «Амур-1»! Покинуть зону!

Александр Раскатов (*корреспонденту*). Извините, теперь моя очередь.

Корреспондент. Я понимаю.

Александр Раскатов (*встает, берет защитный комбинезон*). Коварство еще и в том, что склад был размещен в трех метрах от железной дороги и саперы после войны регистрировали показания миноискателей как реакцию на металл рельс.

Корреспондент. Понятно.

Связист. «Амур-2» загружен и готов к выходу на трассу.

Усачков. Хорошо. Ждать команду...

Связист. «Амур-1» из зоны вышел.

Александр Раскатов. Ну, пошел.

Усачков. Осторожней с зарядами... Вес взрывчатки солидный, возможны оползни в траншее, сдвиг почвы, а взрыватели в снарядах, сам знаешь...

Александр Раскатов. Знаю...

Усачков. Давай. Машину держи на скорости... Мало ли что...

Александр Раскатов. Знаю.

Александр Раскатов уходит. Шум отъезжающей машины.

ПРОШЛОЕ

Особняк командующего.

Алла. Кажется, кто-то подъехал... *(Выходит.)*

Входят Раскатов, Дыбов, Ольга Максимовна, Кучкин.

Раскатов. Вот мы и дома! Сейчас отметим это событие!

Ольга Максимовна. Если кому-нибудь нужно руки помыть, то я провожу.

Кучкин. Я бы не отказался.

Дыбов. Я за вами.

Все, кроме Раскатова, выходят. Появляется бабушка.

Раскатов. Зря ты с нами не поехала! Такое было торжество и так мне было не по себе, просто даже не объяснить.

Бабушка. Тебя хоть похожим на себя сделали? Или так... просто фигура?

Раскатов. Бюст, мама! Из бронзы! Сам себя я, конечно, не признал, но говорят, похож. Цветов нанесли. Речей наговорили. Пионеры... Никогда еще я себя так неловко не чувствовал.

Бабушка. Пережил, и ладно. Теперь вся семья в сборе. Александр к твоему празднику подоспел.

Раскатов. Подоспел... Точнее и не скажешь.

Бабушка. Ладно ворчать, перебесится. Пироги-то можешь принести или после бюста неловко?

Раскатов. Ловко, ловко, пошли...

Входят Ольга Максимовна и Александр Раскатов.

Ольга Максимовна. Шурик! Приехал! А мать-то промолчала.

Александр Раскатов. Скрывает, бережет от отцовского гнева.

Ольга Максимовна. Как ты?

Александр Раскатов. Да ничего.

Ольга Максимовна. Отец ждет тебя.

Александр Раскатов. Я знаю.

Ольга Максимовна. Тогда зачем вот...

Александр Раскатов. Давай готовиться к чаепитию, мама.

Ольга Максимовна. Поберег бы отца сегодня.

Праздник ведь...

Александр Раскатов. Мама... Не будем врать в праздники.

Ольга Максимовна. Нервничает он с утра. Письмо твое разорвал... Может, наденешь форму, хоть на сегодня?

Александр Раскатов. Мама!..

Ольга Максимовна. Ладно, молчу, молчу.

Голос бабушки: «Пошли ко мне».

Уходят.

Возвращаются Кучкин и Дыбов.

Раскатов (*Кучкину*). Никак у меня из головы не выходит то, что ты мне, Кучкин, рассказал...

Кучкин. Это про наши областные дела-то?

Раскатов. Да. Какое же это варварское отношение к народному добру!

Кучкин. Хуже любой язвы... А что я могу поделывать?

Раскатов. Жаловаться! Требовать!

Кучкин. Сергей Тимофеевич! Кому жаловаться?

Раскатов. У вас в области начальства разве нет?

Кучкин. Есть начальство, есть! Да вы поймите: каждая вышестоящая организация требует от подчиненных заветной цифры. А строители по разным причинам выполнять работу не хотят. И тогда необходимая цифра плана начинает создаваться искусственно. Прорабы, начальники участков, руководители треста насаждают на заказчиков и просят подписать им липовые процентовки. Ко мне, директору совхоза, раздаются звонки из райкома, из сельхозуправления и так далее... Если я проявлю волю и продержусь в обороне, то строители заявляют: «Ах, так! Хорошо! Мы достроим тебе коровник. Но больше ты нас в своем совхозе не увидишь». Тут уж, как правило, директор совхоза не выдерживает, сдается и подписывает все, что от него хотят. Ведь ему, хозяину, еще строить и строить.

Дыбов. У них в области Болотников такой был, недавно освободили. Управляющий Совхозстройтрестом Бражников под суд пошел.

Раскатов. Чего же они раньше этих прохвостов не убрали?

Дыбов. Понимаешь, за этого Бражникова в министер-

стве горой стояли — с планом справлялся, брался за строительство любого объекта, не считаясь с реальными возможностями. Итог оказался плачевным: приписки превысили три миллиона рублей.

Кучкин. При годовом плане в семнадцать.

Дыбов. За одиннадцать месяцев перерасходовано шестьсот тысяч рублей зарплаты, а самим Бражниковым получено три тысячи рублей премии. А ведь его, я слышал, чуть к ордену не представили.

Раскатов. Слушать стыдно!

Входит Усачков.

Усачков. Здравия желаю, товарищ генерал! Друг вашего сына — лейтенант Александр Усачков!

Раскатов. Тезки, значит? Здравия желаю. А где же мой лейтенант Александр Раскатов?

Усачков. Пошел переодеваться. Я его сейчас позову с вашего разрешения.

Раскатов. Зови, зови!

Усачков быстро выходит.

Я прошлой зимой по всей области проехал, и в ряде районов возникло у меня ощущение, что еду сразу после войны: то в одном месте, то в другом остовы заброшенных строений, дома без крыш, ну и тому подобное разорение. Все это безжизненно и засыпано снегом. Стал выяснять. Докопался, что это элементарное следствие варварского отношения к народному добру. Такое впечатление, что советской власти там нет.

Дыбов. Главное, такая постановка дела развращает людей, вырабатывает наплевательское отношение к работе и к срокам ее сдачи, путает органы планирования.

Раскатов. Я спрашиваю: что, на них советской власти, что ли, нету?

Дыбов. Есть власть. Наказываем людей, из партии выгоняем... Первым у них тогда был Колпаков. Вскоре после всех этих неприятностей он вынужден был уйти на пенсию.

Раскатов. Да-а-а! В невеселом месте вы мой брон-

зовый бюст установили. Знал бы, в другой области родился бы!

Появляются Ольга Максимовна, Усачков и Александр Раскатов в гражданском костюме.

Ольга Максимовна. Принимай, генерал, сына!
Александр Раскатов (*целует отца*). Здравствуй, папа!

Раскатов. Я тебя офицером хотел увидеть, а ты...

Ольга Максимовна. Сережа!

Александр Раскатов. Надоело в погонах ходить, перед начальством тянуться, а тем более перед тобой, перед генерал-полковником! Для меня уже капитан — начальство!

Раскатов. Как положено.

Александр Раскатов. Вот я и переоделся, чтобы почувствовать себя раскованным.

Раскатов. Ну, и как? Почувствовал?!

Пауза.

Ольга Максимовна. Да ладно вам, встретились...

Одно слово — Раскатовы! Отложим на потом...

Александр Раскатов. Отложим, отец, ладно?

Раскатов. Ладно так ладно. (*Дыбову.*) Знакомьтесь, мой сын — лейтенант Раскатов. Это — наш новый секретарь обкома Дыбов Артем Петрович. Председатель колхоза Кучкин Владимир Сергеевич. Мои старые фронтовые друзья.

Александр Раскатов. Здравствуйте!

Знакомятся.

Ольга Максимовна. Прошу к столу, товарищи! Бабушка волнуется, что пирог остынет. Прошу!

Все не спеша рассаживаются. Начинается застолье.

Дыбов. Узнаю пироги Дарьи Ефимовны — красавцы! Прикоснуться боязно!

Кучкин. Ну, прямо произведения искусства.

Раскатов. Мать у нас — магистр кулинарных наук!

А где Алла?

Бабушка. Сейчас явится... Дело у нее какое-то неотложное.

Александр Раскатов. Ну, что пьем?

Раскатов. Сегодня пьем только шампанское!

Дыбов. Исключительно шампанское!

Александр Раскатов. Ну, шампанское так шампанское. Хотя я бы предпочел...

Ольга Максимовна. Шампанское! Напиток нашей молодости! Помню, до войны, в гарнизоне, где стоял наш полк, мы, офицерские жены, всегда имели свой НЗ — две-три бутылки. Придет мой капитан, запыленный, охрипший, злой, первым делом воды спросит, а я тайком налью ему полный стакан, шархнет он его сгоряча, потом зажмурится, потянет носом, и все как рукой снимет... Шампанское — святая вода нашей молодости!

Дыбов. Ольга Максимовна, вы — умница!

Раскатов. Вот мы и выпьем за Ольгу Максимовну, за всех наших жен, добрых и терпеливых.

Кучкин. За вас, Ольга Максимовна.

Александр Раскатов. За тебя, мама!

Усачков. За вас!

Ольга Максимовна. Спасибо... По правде говоря, праздник сегодня не мой...

Раскатов. Твой, твой!

Ольга Максимовна. Но так уж случилось, что жизнь моя — это его жизнь и праздники его — мои... Сколько их было?! Не перечить! И в разных, совсем разных местах... А кидало нас из одного конца страны в другой — с востока на запад, с севера на юг! Успевай только паковаться и распаковываться... Но праздники были... Когда училище кончил, когда роту принял, каждая удача на смотрах и учениях, повышения в звании... Часы от наркома... Жили трудно, но весело...

Раскатов. Мать, не расклеиваться!

Ольга Максимовна. Приказ есть приказ! Я пью за всех вас! За всех!

Раскатов. Вот это другое дело! Ты же у меня веселая! Ох, и озорная была — верховодила вечно среди офицерских жен. Женсовет у них был, так они там такую деятельность развели, что комендант вызвал меня и прямо сказал: «Ты, Раскатов, жену свою угомони, а то она так осадила меня со своими требованиями и предложениями, что не знаю — на нее работать или обороноспособность страны укреплять!» А танцевала как?! Переплясывала всех!

Ольга Максимовна. Ну, уж переплясывала! Жена начфина побойчее была!

Раскатов. Не помню.

Дыбов. Не скромничайте, не скромничайте, как-то после войны и я свидетелем был! А что, Ольга Максимовна, по случаю такого события, а?

Ольга Максимовна. Да что вы? Скажете тоже!

Раскатов. А что, мать? Давай уж докажем собравшимся! Давай.

Александр Раскатов. У меня как раз записи новые — Челентано!

Раскатов. Челентано — это превосходно! Но у нас есть своя! Давай под нашу!

Ольга Максимовна. Под нашу? Давай.

Раскатов (*выбирает пластинку*). «Брызги шампанского»!

Александр Раскатов. Ну и выбрали! Современнее будет — брызги джина, брызги рома!

Раскатов. «Брызги шампанского» — танго нашей молодости. (*Ставит пластинку, подходит к Ольге Максимовне.*)

Они танцуют, чувствуется, что этот танец когда-то они танцевали хорошо и слаженно. Неожиданно Раскатов останавливается, отстраняется от жены. Секунду постоял, закрыв глаза, и молча вышел.

Ольга Максимовна. Сережа! Куда ты? Что с тобой? (*Устремляется за ним.*)

За ними следует Александр Раскатов.
Долгая пауза.

Кучкин. Переволновался Сергей Тимофеевич!

Появляется Ольга Максимовна.

Ольга Максимовна (*взволнованно*). Ему плохо! (*Выбегает из комнаты. В дверях сталкивается с Аллой.*)

Алла испуганно уступает ей дорогу.

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Усачков (*корреспонденту*). Это отравляющее вещество нервно-паралитического действия. В организме человека оно блокирует холинэстеразу, что нару-

шает передачу нервных импульсов. На это мгновенно реагирует центральная нервная система, и человек погибает в конвульсиях. Наши советники во Вьетнаме видели последствия применения подобного оружия.

Корреспондент. Именно этого?!

Усачков. Нет, не совсем. Там американцы примерялись к химической войне, пристреливались, что ли... Как «Амур-А»? *(Обращается к связисту.)*

Связист. Нормально.

Усачков. Их интересовало, будут ли проявляться последствия в плане генетического воздействия на людей. Варварство немыслимое, так как даже через десять лет, вследствие даже небольшого поражения генетического аппарата родителей, дети рождались уродами... Кстати, женщины погибали чаще — их организм более восприимчив...

Шум подъезжающей машины. Возвращается Александр Раскатов.

Александр Раскатов. Заряды готовы. Можно взрывать.

Усачков *(связисту)*. Вызовите первого!

Связист. Первый, я «Амур»... Есть первый!

Усачков *(подходит к аппарату)*. Товарищ первый, заряды готовы. Прошу разрешение на подрыв... Да, все готово... Есть!

Александр Раскатов. Навешиваю на снаряды взрывчатку и думаю, что за профессия у меня?.. Разворачиваю землю, разворачиваю... Вандализм какой-то... Долго здесь расти ничего путного не будет... Долго...

Усачков. Ничего не поделаешь.

Александр Раскатов. Да, ничего не поделаешь. Люди мудрят, напридумывают черт-те что, а отдувается земля.

Усачков. В тебе заговорил хлебороб! Вроде в вашей генеалогии таковых не наблюдалось.

Александр Раскатов. Не наблюдалось, потому что мои предки вынуждены были заниматься другими делами.

Усачков *(связисту)*. Метеобюллетень!

Связист. Двенадцатый, двенадцатый, метеобюллетень!

Александр Раскатов. Чертовы болванки! Лежат
смирно и на вид такие безобидные!

Усачков. Что за лирика на тебя нашла?

Александр Раскатов. Майор! Некоторые снаряды
основательно коррозированы, так что после подрыва
нужно будет тщательнее дегазировать металл — в порах
ржавчины может остаться ОВ.

Усачков. Спецмашины готовы. Обработаем после
каждого взрыва и металл и грунт.

Связист. Метеоданные!

Усачков. Слушаю.

Связист. Направление ветра двести шестьдесят граду-
сов, скорость ветра пять метров в секунду, темпера-
турный градиент положительный.

Усачков. Понял. Делаем подрыв. *(В микрофон.)* Вни-
мание! Всем постам! Химическая тревога! Сигнал
оповещения для оцепления!

Взвились спецракеты.

Полная готовность к подрыву!

Офицер-подрывник. Готов!

Усачков. Внимание!

Офицер-подрывник. Есть внимание!

Усачков. Подрыв!

Офицер-подрывник. Есть подрыв.

Мощный взрыв.

Александр Раскатов. Да, ничего себе! Мощная
сила — детонация.

Связист. Дегазационные машины готовы.

Пауза.

Усачков. Машины вперед!

Связист. Машины вперед!

Слышится мерный гул моторов.

Усачков. Запросить готовность «Амура-2» к прохож-
дению трассы!

Связист. Есть запросить. «Амур-2», доложите готов-
ность. «Амур-2» готов.

Сержант. Группа контроля тамбур-1 прошла. Показа-
ния по индикации чисты.

Усачков. Передохнем... (*Достает термос, отвинчивает крышку.*) Кофе! Прошу, есть желающие?
Корреспондент. Есть.
Усачков (*Александру Раскатову*). А ты?
Александр Раскатов. И я...

Усачков разливает, пьют кофе.

Корреспондент. Крепкий! Великолепно! Пьем кофе, и будто ничего и нет!

Александр Раскатов. Как будто...

Корреспондент. А знаете, я встречался с вашим отцом. Очень давно... Писал о нем очерк во время войны. Он тогда командовал полком, а я работал в редакции. Со мной жена служила... Анна... Наборщицей. Я все отговаривал ее — свинец, мол, вредно для здоровья... А она отшучивалась: «Все сейчас свинец — и шрифт, и пули...» Завяжет косыночку и пальцами по буквам так... быстро-быстро... Посмотреть любо-дорого... Говорила, хорошая статья набирается втрое быстрее... Смеялась...

Александр Раскатов. Вот как...

Корреспондент. Странно... чувствую себя вроде как на войне. Вот-вот появится моя Анюта в косыночке и скажет: «Что же ты так написал плохо — война ведь!» Да... как на войне...

Александр Раскатов. Это и есть война, эхо ее, которое докатилось до нас...

Корреспондент. Трудно себе представить, что все это происходит сейчас, почти через сорок лет после Победы.

На полигоне появляются Дыбов и генерал Семенов.

Семенов. Здравствуйте, товарищи.

Усачков. Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

Все поднимаются.

Семенов. Секретарь обкома товарищ Дыбов.

Дыбов. Здравствуйте. (*Здоровается со всеми, затем поворачивается к Александру Раскатову, всматривается.*)

Семенов. Узнали?

Дыбов. Узнал...

ПРОШЛОЕ

Особняк командующего. Раскатов, в легкой пижаме и домашних туфлях, молча ходит по комнате. Ольга Максимовна сидит в кресле и смотрит на него.

Ольга Максимовна (*мужу*). Сережа, может, тебе лучше отдохнуть? Напрасно ты встал.

Раскатов (*шутливо*). Отдохну еще...

Ольга Максимовна. Вчера встретила жену лейтенанта Петрова, идет вся зареванная. Спрашиваю, что стряслось. Говорит, к лейтенанту во взвод прибыл солдат — мастер спорта по гимнастике и на первом же занятии по физподготовке перецеголял командира — на двадцать шесть раз больше подтянулся на перекладине. Так лейтенант в комнате соорудил турник и все свободное время висит на нем, семью забросил, хозяйство. Во дворе спортплощадка, а он в комнате висит, чтобы никто не видел. Все равно, говорит, уделаю этого мастера! Мальчишка!

Раскатов. Лейтенант Петров — отличный офицер...

Ольга Максимовна. Ты бы прилег.

Раскатов. Некогда мне лежать...

Ольга Максимовна. Как это некогда?! Не понимаю...

Раскатов. Всему свое время... Время пить и время...

Ольга Максимовна. О чем ты, Сережа?

Входит Дыбов.

Артем Петрович, дорогой, здравствуйте.

Обнимаются.

Раскатов (*радостно*). Здравствуй! Присядем, Артем!

Дыбов. С возвращением тебя. Ну, что врачи?

Раскатов (*усмехнувшись*). Лучше, Оля, поставь-ка нам ту бутылочку, что мне из Киева прислали. (*Дыбову.*) Помнишь, на Третьем Украинском был у нас начальник связи полковник Серобаба? Ну так вот, этот Серобаба, теперь уже отставник-пенсионер, как узнал, что я приболел, прислал мне бутылку домашней настойки, сообщил при этом, что считает свою настойку лучшим и вернейшим средством от всех хворостей! Так и написал: «хворостей». Крепость у нее самогонная, а на вкус — вроде на каких-то ягодах настояна.

Ольга Максимовна ставит на столик две хрустальные рюмки.

Дыбов. Ну что ж, коли так... Попробуем.

Ольга Максимовна. Пейте на здоровье! (*Наполняет рюмки.*)

Дыбов (*поднимая рюмку*). За тебя, Сергей! За вас, Ольга Максимовна!

Ольга Максимовна. Спасибо, Артем Петрович!

Раскатов. Будь здоров и ты!

Дыбов залпом выпивает рюмку. Раскатов, пригубив рюмку, ставит ее на край стола. Ольга Максимовна выходит.

Дыбов. А ты чего же не до конца?

Раскатов. Растягиваю удовольствие! Серобаба мне ведь всего одну бутылку прислал! Вот я и экономлю! Шучу, шучу! (*Наливает другу вторую рюмку.*) Ничего, правда? А вот на какой ягоде настояна, так и не разберу...

Дыбов (*помолчав*). Ну, что? Полагаю, что раз тебя домой выписали, значит, на поправку пошло?

Раскатов (*спокойно*). Дело мое, Артем дорогой, думаю, как это по-немецки говорится, «швах»!

Дыбов. Да что ты, Сергей, в самом деле! Смотрю на тебя — орел орлом!

Раскатов. Ты мне комплименты не отваливай! Сам знаю, что я сейчас из себя представляю. У меня в комнате весы стояли, так Ольга убрала, чтобы я по утрам не взвешивался. Но дело не в этом. Слышал, будто ты в ближайшее время куда-то за рубеж собрался, далеко ли?

Дыбов. В Италию. С делегацией ветеранов войны.

Раскатов. Надолго?

Дыбов. Недели на две.

Раскатов (*помолчав*). Значит, я правильно сделал, что решил повидаться с тобой до твоего отъезда.

Дыбов. Мне решительно не нравится твой настрой, Сергей! Решительно!

Раскатов (*задумчиво*). Нет, дружище, скажу тебе прямо, по-солдатски: я ведь не первый год на земле живу, все вижу, все понимаю, все знаю... И Ольга тоже все понимает, все видит и все знает... И ты видишь. И все вокруг понимают... Общая молчанка! Вот уже две недели, как я вернулся домой. Голова еще работает, а сил нет. Сердце окончательно сдает...

Звонок телефона.

(*Берет трубку.*) Раскатов. Здравствуйте, Анна Сидоровна. Ничего... Пока ничего, держусь... Так... Так... Ну что ж, просьба выполнимая. Дадим вам тягач, перетащим вашу машину. Позвоните генералу Кострову. Может, зайдете на чаек? Вам тут улицу перейти, соседи ведь как-никак...

Дыбов. Кудряшкина? Давай-ка ее сюда, есть разговор.
Раскатов. И Артем Петрович приглашает. Да... пожаловал... Ждем. (*Передавая трубку Дыбову.*) Сейчас придет.

Дыбов (*берет трубку*). Что там у вас вчера произошло на бюро, я что-то так и не понял. Овсепяну вынесли партийное взыскание? За что? (*Слушает.*) Кто вел бюро? Ясно. Ну, зайдешь расскажешь! (*Кладет трубку.*)

Раскатов. Переборщила наша Анна Сидоровна?

Дыбов. Разберемся. (*Помрачнев.*) Ну а светила различные что говорят?

Раскатов (*усмехнувшись*). Сделали все, что могли.

Дыбов. Я слышал, что операция прошла удачно!

Раскатов. Удачно, удачно. Видишь, домой отпустили. Назначили курс лечения. Однако, со временем, стало хуже. Еще два месяца в клинике провалялся. Сколько одних консультаций с участием светил. Но перед этой «хворостью», видимо, пока и светила пасуют...

Дыбов (*не сразу*). Знаешь, не надо предрешать. Бывает, и врачи ошибаются. На одного нашего секретаря райкома доктора окончательно махнули рукой, что-то у него там было с горлом, осип совсем... Но нашелся в районе травник, который за полгода его на ноги поставил. Теперь на активах он самый громкий. Могу доставить к тебе этого лекаря. Хуже-то ведь не будет, если попробуешь?

Раскатов. Хуже некуда.

Дыбов (*поднимается*). Ну, Сергей! Честное слово, я тебя в первый раз таким вижу! Ты же волевой командир! Помнишь, когда в сорок втором на наш командный пункт немецкие танки вырвались, а у нас — горстка командиров и взвод охраны с ручными пулеметами. Помнишь?

Раскатов (*улыбнувшись*). Помню.

Дыбов. Признаться, я тогда мысленно простился с жизнью. А ты матюкнулся, взял две противотан-

ковые гранаты, мне одну протянул: «Бери! Сейчас мы им покажем!» У меня тогда невольно мелькнула мысль: уж не рехнулся ли ты? Выжили! Героя за бой получил! Помнишь?

Раскатов (*серьезно*). Помню, помню... Не вовремя все это.

Входит Кудряшкина.

Кудряшкина. Добрый день, Артем Петрович.

Дыбов. Здравствуйте!

Раскатов. Чаю, Анна Сидоровна?

Кудряшкина. Не откажусь.

Пьют чай. Пауза.

Дыбов. Ну, Анна Сидоровна, как дела в горкоме?

Кудряшкина. Да неважно.

Дыбов. Чего это?

Кудряшкина (*волнуясь*). Уж не знаю с чего начать, Артем Петрович!

Дыбов (*добродушно*). Начинайте от печки!

Кудряшкина (*помедлив*). Начну, пожалуй, с того, что мы в горкоме, к сожалению, не были осведомлены о некоторых чертах характера нового начальника строительства товарища Овсепяна. Ашот Папкенович не в меру самолюбив, не терпит в свой адрес никакой критики, не считается с партийной дисциплиной.

Дыбов. Поясните свою мысль, Анна Сидоровна!

Кудряшкина. Начну с камня преткновения — со Дворца культуры того строительства, которым руководит уважаемый товарищ Овсепян. Это лучший Дворец культуры в городе. Само строительство завода еще далеко не закончено, а Дворец у них функционирует уже второй год.

Дыбов. Хороший Дворец!

Кудряшкина. Хороший Дворец! Народ сегодня хочет петь, танцевать, развивать свои способности, проводить смотры, конкурсы, викторины, фестивали. А помещения Дворца подчас пустуют. Ответственность просила нас уговорить партком завода: сцену и другие помещения Дворца предоставлять коллективам других предприятий. Партком ответил, что без указания начальника строительства они

решить это не смогут. Мы обратились к Ашоту Папкеновичу. Товарищ Овсепян просто отмахнулся от нас. Тогда мы решили обсудить этот вопрос на бюро, которое пришлось дважды откладывать из-за неявки на него товарища Овсепяна. Вчера наконец он явился.

Дыбов. А стоило ли на бюро рассматривать этот вопрос?

Кудряшкина. Стоило, Артем Петрович! Стоило!

Дыбов. Ну и что же произошло?

Кудряшкина. Ашот Папкенович в довольно бестактной форме заявил, что у него есть более важные задачи и что горкому следовало бы помогать строительству в их решении, а не сводить все проблемы к песням и пляскам. Бюро большинством голосов вынесло коммунисту Овсепяну выговор без занесения в учетную карточку. Тогда он позволил себе по отношению ко мне бестактность, я о ней умолчу, и демонстративно покинул заседание, хлопнув дверью и сказав, что вылетает в Москву и не вернется на стройку до тех пор, пока меня на моем посту не заменят.

Дыбов (*скрывая улыбку*). Ну, до этого, полагаю, дело не дойдет! Как ты думаешь, Сергей Тимофеевич? Однако мне неясно одно: улетел Овсепян в Москву или нет? Полагаю, что секретаря горкома партии ради поддержания авторитета коммуниста Овсепяна мы менять не будем.

Кудряшкина. Дикость какая-то! Если же он действительно улетел, вернее, удрал со стройки, то это можно будет рассматривать как явное дезертирство. И тогда уже...

Дыбов (*звонит по телефону*). Дыбов. Выясните, где сейчас находится Овсепян? Позвоните к нему домой, в аэропорт, не вылетел ли он сегодня или вчера в Москву. Одним словом, найдите живого или мертвого! Лучше живого! (*Кладет трубку. Кудряшкиной.*) Есть еще небольшой вопрос.

Кудряшкина. Слушаю вас, Артем Петрович!

Дыбов. На днях у вас в горкоме состоялась беседа с некой Павловой Марией Анатольевной. Год рождения 1943-й. Беспартийная. Кандидат наук, младший научный сотрудник одного из наших институтов.

Кудряшкина. Помню. Павлова М. А.

Дыбов. Собралась она за свой счет в туристскую поездку за границу.

Кудряшкина. Я знаю. Собралась.

Дыбов. Так вот, в результате этой беседы вы предложили ей воздержаться от туристской поездки, в которую она собралась.

Кудряшкина. Значит, были основания, Артем Петрович. Я подготовлю вам соответствующую справку. Вы знаете, что мы иногда проводим предварительные беседы с некоторыми товарищами, выезжающими за рубеж. Знакомимся с их кругозором. Что в этом плохого?

Дыбов. Да ничего плохого в этом нет. Я имею в виду данный случай. Некий товарищ Головня, персональный пенсионер, член партии с 1930 года, задал ей вопрос, на который она не смогла ответить. Вернее, ответила вопросом.

Раскатов. Каким вопросом?

Дыбов. Ее попросили назвать фамилию президента братской Народной республики. Она честно призналась, что не помнит. На это ей заявили, что она не подготовлена для поездки в страну, если не сможет ответить на данный вопрос. Тогда Павлова Мария Анатольевна неожиданно попросила товарища Головню назвать фамилию президента Белорусской Советской Социалистической Республики. Товарищ Головня растерялся и, в свою очередь, не смог ответить на вопрос. В результате младшему научному сотруднику вами, Анна Сидоровна, было отказано в туристской поездке и рекомендовано поехать в Беловежскую пушу, посмотреть на зубров. А ее поведение на комиссии вы признали вызывающим.

Кудряшкина. Я вас не понимаю, Артем Петрович!

Дыбов. Тут нечего понимать! Пусть товарищ Павлова едет за свой счет в эту туристскую поездку, где она на месте узнает или вспомнит фамилию президента братской республики и заодно пополнит свои знания многими другими полезными сведениями. Установленный порядок соблюдать надо. Но зачем лишние формальности, обижающие людей. Давайте уж больше доверять тем коллективам, где они работают, и партийным организациям, которые их рекомендуют. Ну, у меня все! Это, так сказать,

я вам на закуску! *(Смеется.)* А вы, Анна Сидорова, кстати, не помните фамилию президента Узбекской Советской Социалистической Республики?

Кудряшкина *(смутившись)*. Знала... не помню... Кажется...

Дыбов. Уточните. На всякий случай! Может быть, вам придется побывать в Ташкенте. Мы подчас обращаем внимание на такие мелочи, которые никак не характеризуют сущность человека.

Кудряшкина. Ну и учинили вы мне разнос, Артем Петрович! Знала бы, не приходила.

Раскатов. Это он для меня старается, вовлекает...

Дыбов. Да нет, соединяю приятное с полезным, здесь разговор душевнее, не официальный, что ли...

Кудряшкина. Спасибо и на этом. *(Раскатову.)* Значит, поможете нам, Сергей Тимофеевич?

Раскатов. Помогу. Куда же вы? Еще чайку?!

Кудряшкина. Спасибо. Я пойду. Поправляйтесь, Сергей Тимофеевич. *(Прощается. Уходит.)*

Раскатов. Скоро начнут собираться мои генералы... *(Дыбову.)* Черт хитрый...

Дыбов. Сколько же мы еще допускаем нелепостей.

Раскатов. Да, допускаем.

Дыбов. А я тоже хорош! Зашел на полчаса, а засиделся часа на два. Голову тебе морочу...

Раскатов. Мне это в радость — осточертело без дела шататься из угла в угол.

Дыбов. Еще наработаешься. А хозяйка-то где?

Раскатов. Прилегла... умаялась она со мной.

Дыбов. Ну и хорошо.

Пауза.

Боли-то утихли?

Раскатов. Учения на носу, дел по горло, а я...

Дыбов. Может, к учениям и поправишься...

Раскатов. Поправлюсь, поправлюсь. Артем Петрович! Присядь, дорогой! Есть у меня к тебе просьба. Просьба эта доверительная. Думал я, думал и решил к тебе с этой просьбой обратиться.

Входит Ольга Максимовна. Пауза.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Дыбов. Сколько же тебе лет? Давно не виделись...
Александр Раскатов. Тогда я был, если помните, аспирантом химфака. Потом защитился, но после того, что случилось, подал рапорт с просьбой принять меня в кадры Советской Армии.

Дыбов. Не раскаиваешься?

Александр Раскатов. Не раскаиваюсь. Тема моей диссертации была связана с проблемой обеспечения безопасности при работе с агрессивными веществами, и поэтому мне легко было переключиться на обезвреживание аналогичных веществ, которые фашистская армия накопила в годы войны. Словом, у меня все хорошо — работу свою считаю нужной и полезной.

Дыбов. Ты лауреат Государственной премии?

Александр Раскатов. Да.

Дыбов. Отец бы за тебя порадовался... Поздравляю...

Александр Раскатов. А я вас, Артем Петрович, с избранием в члены ЦК...

Дыбов. Спасибо. Мне так часто его не хватает... Твоего отца...

Александр Раскатов. Мне тоже...

ПРОШЛОЕ

Особняк командующего. Появляется Ольга Максимовна с лекарством.

Ольга Максимовна (*Дыбову*). Недисциплинированный у нас генерал, Артем Петрович! С других спрашивает, а сам нарушает... Сегодня с самого утра на ногах. Все вас ждал...

Раскатов. Что же это я при госте, да еще при таком дорогом, валяться буду!

Дыбов. Значит, лучше себя чувствует, если есть потребность двигаться.

Ольга Максимовна. Я тоже это замечаю. Он стал значительно лучше выглядеть, но от рук отбивается — режим не соблюдает. Всыпали бы вы ему по старой дружбе. Врачи ругают меня, а не его — гене-

рал все-таки... Я перед ними за него ответчица.
А ему хоть бы что...

Дыбов. Нехорошо, генерал...

Раскатов. Да знаю, что нехорошо... Гуляю!

Ольга Максимовна. Разгулялся! Храбрый какой!
А вот вчера маршал звонил, справлялся, как лечение идет, так он так ему клялся, что все выполняет, не знаю, как трубка-то выдержала, не треснула.

Дыбов. Обманул, значит, маршала?

Ольга Максимовна. Обманул, как мальчишка какой-то!

Раскатов. Да не поверил он мне, сказал: «Доложу министру, он тебя приструнит!»

Ольга Максимовна. Скажи спасибо, я тебя выручила — словечко замолвила.

Дыбов. Поручилась, значит?

Ольга Максимовна. Поручилась!

Смеются.

Дыбов. Оправдывай доверие, Серега!

Ольга Максимовна. Врачи-то хорошие и верно советуют...

Раскатов (*машет рукой*). Что они там советуют... Ну, давай приму, что накапала! (*Залпом выпивает лекарство.*) Я бы на месте докторов прописывал таким больным, как я, более приятное лекарство, перцовку, например, или «пять звездочек». А это все равно как мертвому припарка.

Ольга Максимовна. Припарка не припарка, а что положено, то положено! Зачем это ты мундир парадный из шкафа вытащил?

Раскатов. Я, Оля, на восемнадцать членов военного совета к себе вызвал.

Ольга Максимовна. Это по какому же случаю?

Раскатов. По привычке.

Ольга Максимовна (*Дыбову*). Полюбуйтесь на него! (*Мужу.*) Ты же болен! И твой заместитель на месте. Вчера с ним три часа говорил. Кажется, обо всем договорились!

Раскатов (*решиительно*). Надо, Оля! Надо! Учения на носу — дел невпроворот.

Ольга Максимовна. Ну, как знаешь, товарищ командующий! (*Дыбову.*) Артем Петрович, надеюсь, вы с нами отобедаете?

Дыбов. Нет, извини меня, Ольга Максимовна, но я в горкоме у первого, видимо, задержусь. О многом надо потолковать. (*Раскатову.*) Как у вас тут Полупарнев прижился? Я ведь его еще по Дальнему Востоку знаю.

Раскатов. Федор Федорович человек, можно сказать, здравомыслящий.

Дыбов. Когда я секретарем горкома был, он у нас отделом административных органов руководил. Немного резковат. Но самоотвержен. Этого у него не отнимешь.

Раскатов. Да, этого у него не отнимешь. Ну, Артем, ты мне разрешишь пойти привести себя в порядок? Должен быть по всей форме. А потом и поговорим.

Дыбов. Да, да, Сергей, ты не стесняйся, иди, а мы тут посидим с Ольгой Максимовной.

Раскатов медленно поднимается с кресла и выходит.

(*Помолчав.*) Действительно так плохо? Действительно безнадежно?

Ольга Максимовна (*тихо*). Да... Есть болезни, от которых человек может умереть в любую минуту, но когда эта минута наступит, он не знает, и это равняет его со всеми людьми. Но эта... Даже приговоренные к смертной казни могут надеяться на помилование. А здесь нет никакой надежды...

Дыбов (*после паузы*). Держится!

Ольга Максимовна. Вы же его знаете... Иногда его одолевают приступы мучительной боли. Я научилась делать ему уколы. А так... больше терпит... Ночью, во сне, начинает иной раз стонать... Я бужу его, хочу сделать укол, а он начинает объяснять свои стоны тем, что якобы привиделся ему фронтовой сон. В последние дни перешел спать в кабинет... Тяжело, Артем Петрович!..

Дыбов. Его телеграмма встревожила меня. Таким образом он меня еще никогда не приглашал. Поэтому сразу же вылетел.

Ольга Максимовна. Спасибо. Он вас очень ждал. Мне кажется, что он принял какое-то важное для себя решение и, может быть, хочет знать ваше мнение. Я уже его изучила: как только он приходит к какому-то решению, он сразу же успокаивается.

Вот и в последние дни он заметно изменился. Меня даже пугает, что он стал так спокоен.

Дыбов. Как сын?

Ольга Максимовна. Сдержан, старается не показывать отцу свою тревогу.

Дыбов. Сколько ему сейчас?

Ольга Максимовна. Двадцать четыре. Защитил кандидатскую. Ушел из армии... Тяжело это генералу — род, говорит, солдатский прервался. Была династия, говорит, и нет ее... И отношения натянутые...

Дыбов. Поговорили бы...

Ольга Максимовна. Кто?

Дыбов. Отец с сыном, может, кое-что и прояснили бы.

Ольга Максимовна. Не хочет генерал. Задело его за живое. Как-то сказал мне, что не терпит в армии случайных людей. Вон Саша Усачков, капитан уже, два ордена получил, служит, приезжал раза два, так генерал не отпускал его от себя, гордился... И не важно ему — сын или не сын. Тяжело только... Да и болезнь эта проклятая...

Дыбов (*задумавшись*). Да-а-а... Трудно смириться с мыслью, что ничем нельзя помочь.

Ольга Максимовна (*в раздумье*). Не знаю... Обещали достать какое-то чудодейственное новое лекарство... Сам министр распорядился выписать его. Кажется, из Швейцарии... Хочется верить.

Дыбов. Я тоже хочу верить. Только что-то все эти западные «чудодейственные» лекарства ограничивают свое действие дорогостоящей рекламой. Впрочем, будем верить.

Ольга Максимовна. Страшные дни и ночи... Ведь мы, Артем Петрович, как вы знаете, с Сережей больше трех десятилетий прошагали рука об руку. Чего только не пережили... Сколько раз хоронила его в последнюю войну. Все прошел — выжил, столько раз был ранен, а вот теперь, в мирное время... Горе, Артем Петрович!

Появляется Раскатов. Он в парадном мундире с погонами генерал-полковника, при многих наградах и двух Звездах Героя Советского Союза. На лацкане мундира значок депутата Верховного Совета СССР. Дыбов и Ольга Максимовна невольно поднимаются ему навстречу.

Ольга Максимовна (*не сразу*). И зачем это ты так вырядился, Сережа?
Раскагов (*пытается отшутиться*). На парад!

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Связист. Докладывает «Амур-2». Ориентир 19 прошли... нормально. Водитель Андреев, запасной Славин. Служба оцепления контроль продолжает.

Усачков. Ясно. Не ори, пусть старший лейтенант поспит.

Связист. Есть не орать. Уши заложило, сам себя не слышу. Взрыв за взрывом...

Усачков. Помолчи.

Связист. Есть помолчать... Сколько же он взрывчатки перетащил... Сменили бы его.

Усачков. Не хочет. Зубами держится.

Связист. Упрямый.

Усачков. Помолчи!

Связист. Есть помолчать!.. Ориентир 21 прошли нормально.

Усачков. Да не ори ты!

Связист. Виноват, не ориентируюсь никак... товарищ майор...

Усачков. Слушай, сержант!

Связист. Виноват, докладывает железнодорожный пост.

Усачков. Давай.

Связист. На соседнюю станцию прибыл тяжеловесный состав с грузом особой важности... Железнодорожники спрашивают, что делать...

Усачков. Где «Амур-12»?

Связист. В квадрате 14.

Усачков. Задержать состав!

Связист. Пост 26! Пост 26! Задержать состав!

Дыбов подходит к Усачкову.

Дыбов. Жаль... Долгожданное импортное оборудование. Ждут его в Землянске. Неделю в полной боевой готовности стоят четыре бригады разгрузки. Железнодорожники напутали, с большим трудом исправились, и вот... Иностранцы специалисты

нервничают... Жаль... Хотели с утра начать монтаж...

Корреспондент. Ну, днем раньше, днем позже. Дыбов. Днем позже... За каждый день простоя платим валютой! Огромные деньги... (Усачкову.) Пропустить никак невозможно?

Усачков. Не положено.

Дыбов отходит.

Корреспондент. Надолго задержат состав?

Усачков. Не знаю... может, и надолго...

Пауза.

(Связисту.) Вызовите первого!

Связист. Первый, я «Амур»... Есть первый.

Усачков берет трубку.

Усачков. Майор Усачков. Пост 26 докладывает прохождение литерного состава с грузом особой важности... На трассе «Амур-12»... в квадрате 14... Да... Пока зона для прохождения состава безопасна... Я понимаю, что нельзя... Понимаю... Состав мной задержан... Есть... Есть! (Дыбову.) Остановить «Амур-12» нельзя... к сожалению. Взрыватели могут... Дороже обойдется. Не положено.

Дыбов. Я понимаю, ничего не поделаешь.

Связист. Ориентир 21 прошли нормально... Посты ведут наблюдение.

Усачков. Теперь уже поздно.

Дыбов. Сколько теряем... каждый час... принятые меры безопасности влетают нам в копеечку!

Корреспондент. А какие меры приняты?

Дыбов. Остановлена работа всех предприятий в зоне опасности. Население из прилегающих районов эвакуировано.

Корреспондент. Куда?

Дыбов. В зеленую зону. Все размещены в санаториях, домах и базах отдыха на полном пансионе. Городское начальство обеспечило их всем необходимым, даже выработало целую культурную программу с концертами и танцами. При обкоме создан штаб, специальный штаб под моим руководством.

Корреспондент. Тяжело было?

Дыбов. Нелегко. А главное, случилось неожиданно.

Как снег на голову.

Связист. Ориентир 23 прошли нормально...

Дыбов (на спящего Александра Раскатова). Спит?

Корреспондент. Дремлет... Двужильный малый.

Дыбов. Пойду позвоню в обком, как они там... (*Выходит.*)

Связист. «Амур-13» к выходу на трассу готов. Водитель Сильнов, запасной Дюжев.

Усачков. Подобрали команду на чертову дюжину, нечего сказать — Сильнов и Дюжев.

Связист. Значит, осилят и сдюжат, товарищ майор.

Усачков. Будем надеяться.

Просыпается Александр Раскатов.

Александр Раскатов. Отлежался, как в Сочи на пляже! Не работа, а курорт!

Усачков. Курорт...

Александр Раскатов. А где Артем Петрович?

Корреспондент. Вышел... Непокойно ему... И понятно — такая область на плечах, а тут еще и это...

Связист. «Амур-1» выходит к границе полигона.

Усачков. Добро. (*Александру Раскатову.*) Осунулся Артем Петрович за эти дни...

Александр Раскатов. Да... Любили они с отцом друг друга... всю жизнь.

ПРОШЛОЕ

Особняк командующего.

Раскатов (*не сразу*). Я уже говорил тебе, Артем, что есть у меня к тебе большая просьба. Как к товарищу по партии, как к фронтовому другу, как к самому близкому из друзей. Просьба эта весьма доверительная.

Дыбов. Понял.

Раскатов (*достает из бокового кармана мундира конверт*). Вот это мое письмо адресовано в Центральный Комитет. Прошу тебя передать его.

Дыбов (*принимает конверт*). Хорошо. Передам. Когда надо? Сергей!

Раскатов. Правде надо смотреть в глаза. Я не жалею и не паникую. Я благодарен судьбе за то,

что она дала мне возможность служить моему отечеству, и оно щедро наградило меня. И рядом были боевые друзья. Их стало меньше. Уходят люди. Мы сражались за дело нашей жизни. Бой не окончен, а времени нет совсем. *(После паузы.)* У меня уже нет сил сейчас выполнять свой воинский долг. Поэтому пусть не удивляет тебя моя просьба. *(Иронически улыбается.)* Наверное, мне, как и каждому в конце жизни, необходимо сказать о самом сокровенном, поскольку время для этого у меня еще есть. Так вот... Ты, мой дорогой, член Ревизионной комиссии ЦК, и ты найдешь, как лучше выполнить мою просьбу.

Дыбов. Просьбу твою выполню точно. Не сомневайся.

Раскатов. Содержание письма я тебе не буду пересказывать. Оно сугубо личное. Можешь поверить, что оно написано коммунистом, который просит понять его.

Дыбов. Выполню просьбу твою, Сергей, не сомневайся. Только рано ты все это задумал. Торопишься. *(Прячет письмо.)*

Раскатов *(грустно улыгнувшись)*. Я не тороплюсь... Я так... на всякий случай.

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Усачков, Александр Раскатов наблюдают за происходящим на полигоне. Корреспондент сидит поодаль и что-то записывает.

Связист. «Амур-26» вышел на границу полигона.

Усачков. Траншея-13!

Александр Раскатов. Максимальное внимание — там небольшой уклон местности!

Связист. «Амур-26»! Траншея-13... внимание — уклон местности. Понял? *(Усачкову.)* Понял... Цифра тринадцать — его любимая!

Усачков. Отлично... Парень несусеверный!

Связист. Докладывает служба индикации!

Усачков. Слушаю.

Связист. Признаков ОВ не наблюдается... Проведены анализы почвы, воды, зеленых насаждений... Наблюдение продолжается...

- Усачков. Ясно... Перепахали поле, как после бомбежки...
- Связист. «Амур-26» к траншее-13 вышел, просит разрешение на разгрузку.
- Усачков. Разгрузку разрешаю.
- Связист. Разгрузка разрешена.
- Корреспондент. Сколько уже обезврежено снарядов?
- Александр Раскатов. Считайте: двадцать пять машин по десять... Половина половины.
- Корреспондент. Адская работа...
- Усачков. Работа как работа... (*Связисту.*) Почему заминка?!
- Связист. «Амур-26»! Почему заминка?.. (*Усачкову.*) Траншея-13 аварийная... Сдвиг почвы... Очевидно, в результате предыдущих взрывов... Траншея полузасыпана...
- Усачков. Отставить траншею-13!
- Связист. Отставить траншею-13!
- Усачков. Этого еще не хватало! Не верь после этого в приметы! (*Берет трубку у связиста.*) «Амур-26»!
- Голос по радио. Я «Амур-26». Ефрейтор Кузнецов.
- Усачков. Выходите к траншее-14! Понял?!
- Голос по радио. Есть выходить к траншее-14.
- Усачков. Предельная осторожность! Скорость минимальная! Пошел! (*Бросается к стереотрубе.*) Медленнее... медленнее... так... так... (*Внезапно кричит.*) Стоп! Стоп!
- Голос по радио. Товарищ майор! Оползень... под задними колесами! Машина скользит по уклону!
- Усачков. Тормоз!!!
- Связист. Они тормозят...
- Усачков (*выхватывает трубку*). Запасному водителю поставить тормозные колодки! Как снаряды?
- Голос по радио. Пока в порядке.
- Усачков. Хорошо... хорошо... Спокойней, ребята, спокойней... Ничего... Ничего... Так... Так...
- Александр Раскатов (*у стереотрубы*). Остановились...
- Усачков (*в трубку*). Аварийная группа! Немедленно тягач к траншее-13! Тащить осторожно! Без рывков! Пошел!

Послышался шум тяжелого мотора.

«Амур-26»! Приготовиться к буксировке! Проверить крепление троса!

Голос по радио. Трос в норме.

Усачков. Спокойней, ефрейтор... спокойнее... Все будет нормально... Ты понял меня, ефрейтор?!

Голос по радио. Понял, товарищ майор. Понял.

Усачков. Не торопись... Все будет отлично... Ты слышишь меня, ефрейтор?.. Слышишь! Все будет отлично! Это же твоя цифра тринадцать!

Голос по радио. Моя... Всю жизнь вывозила.

Усачков. Вот и хорошо... Где запасной? Так...

Голос по радио. Запасной в кузове... придерживает снаряды...

Связист. Иванцов?!

Александр Раскатов. Вы его знаете?

Связист. По первому году вместе служили... Тихий такой... Краснел при каждом крепком выражении... А позавчера встретились, обрадовался... Неделю назад из дома приехал — командование отпустило жениться...

Александр Раскатов. Молодец, солдат...

Связист. Сержант он...

Александр Раскатов. Солдат...

Связист (*Усачкову*). Трос закреплен. Разрешите буксировку.

Усачков. Давай! (*Прильнул к стереотрубе*). Отлично работают ребята... Отлично...

Связист. Вышли на ровное место.

Усачков. Стоп!

Связист. Стоп!

Усачков. Иванцову пересесть в кабину!

Связист. Иванцову пересесть в кабину!

Усачков. Чего он там распластался? Пересесть!!!

Голос по радио. Не может он, товарищ майор! Просит разрешения полежать... Не может — свело ноги... Просит передохнуть.

Усачков. (*Взволнованно*.) Передохни, Иванцов, передохни, умница...

Раскатов отошел в сторону.

Корреспондент. У вас семья есть?

Александр Раскатов. У меня семьи нет.

Корреспондент. Считаете, что это дает вам допол-

нительное право заниматься такой опасной профессией?

Александр Раскатов. Раньше считал. Теперь — нет.

Связист. Пошла машина...

Усачков. Вижу...

Связист. Пошла машина!

Усачков. Хорошо, ребята, хорошо... Теперь можно и побыстрее... Так... Так... (*Связисту.*) Сообщите первому об инциденте.

Связист. Есть! (*Негромко вызывает первого и докладывает.*)

Александр Раскатов (*продолжает разговор с корреспондентом*). Когда ждут дома, работаешь тщательнее, вернее, что ли... Когда ждут дома, больше пользы для дела. Я много лет гнал от себя эту сторону жизни... Теперь нет... Люди не мустанги, им чертовски нужны близкие, единственные, как еще сказать... не знаю...

Связист. Первый благодарит за оперативность... «Амур-26» у траншеи-14!

Усачков (*берет трубку*). «Амур-26»! Спасибо, ребята. Голос по радио. Стараемся, товарищ майор!

Усачков. Командующий вас благодарит! Иванцов пусть готовится к поездке домой, лично буду просить командование.

Голос по радио. Разрешите разгрузку.

Усачков. Да... да... разгрузку разрешаю... (*Корреспонденту.*) Вот вам материал для очерка! Иванцов!

Корреспондент. Да... повезло Иванцову... К жене поедет, нет худа без добра!

Усачков. Не в этом главное.

Корреспондент. Я понимаю... Я так... рад за него... Расскажет жене, та и не поверит.

Усачков. Поверит.

Корреспондент. Это очень много... Когда не стало моей Анюты, не стало очень многого в моей жизни, я даже не предполагал, сколь многого, и с каждым годом это все увеличивается и увеличивается по линии потерь...

Александр Раскатов. Как много глупостей мы делаем при их жизни... суетимся... чего-то ищем... забываем, теряем... а вновь обрести порой невозможно... Сложно, во всяком случае...

ПРОШЛОЕ

Вечер. Особняк командующего.

Александр Раскатов. Здравствуй! Как живешь?

Алла. Я без тебя живу плохо, лейтенант.

Александр Раскатов. Старший лейтенант!

Алла. В воинской табели о рангах я не признаю ни младших, ни старших лейтенантов. Мне нравится просто — лей-те-нант!

Александр Раскатов. Я раньше думал — лейтенант звучит вот так — «налейте нам!». Поэтому?

Алла. Нет. Слово звонкое... Что-то есть в нем молодое и обещающее... Талант, может быть. Вот поручик Лермонтов, если бы служил сейчас, носил бы лейтенантские погоны. Смешно?

Александр Раскатов. Нет. Забавная ты.

Алла. Да, я забавная, я очень и очень забавная, то-то ты столько лет умираешь от хохота, взирая на меня издалека.

Александр Раскатов. Вот я и приехал.

Алла. Вижу. Чем обязаны?

Александр Раскатов. Поручение особой важности!

Алла. Даже так?

Александр Раскатов. Именно. Командирован к тебе управлением министерства.

Алла. Значит, этими снарядами займешься ты? Почему из всех столичных специалистов выбрали тебя?

Александр Раскатов. Я — единственный в своем роде, это во-первых...

Алла. А во-вторых?

Александр Раскатов. А во-вторых, здесь проживает некая особа, которую надо бы повидать.

Алла. Повидал?

Александр Раскатов. Вижу сейчас, в этот самый момент.

Алла. И что испытываешь?

Александр Раскатов. Испытываю легкое чувство презрения к одному лейтенанту с тремя звездочками.

Алла. За что?

Александр Раскатов. За тупоумие, черствость, не-далекость и т. д. и т. п.

Алла. С чего это ты, блестящий кавалергард, на себя такое? Шибануло, что ли?

Александр Раскатов. Ага, шибануло! В темечко!
Алла. Да, удар пришелся в самое слабое твое местечко.
Военным врачам есть над чем поломать голову!
Александр Раскатов. Врачи не помогут — бессильны..
Алла. Болтун! Господи, какой болтун! Лейтенант — болтун, это немыслимо!
Александр Раскатов. Как видишь, мыслимо.
Алла. Ну, и чего тебе надобно, старче?
Александр Раскатов. Тебя, золотая рыбка.
Алла. Долго думал?
Александр Раскатов. Все это время.
Алла. Без перерыва?
Александр Раскатов. Был перерыв — чуть не женился.
Алла. Интересно..
Александр Раскатов. Была одна очаровательная аспирантка. Телепатка. Все мои мысли угадывала. И не только мои. Участвовала в сеансе передачи мыслей на расстоянии. Из десяти мыслей точно приняла восемь — процент чрезвычайно высокий.
Алла. Тебе повезло. Схватился бы за нее — не выпускал.
Александр Раскатов. Да я схватился. Совсем обалдел. Но вот однажды она для окончательного подтверждения своих феноменальных способностей предложила мне задумать номер телефона в любом городе Союза, а я возьми и сдуру задумай твой..
Алла. Сногшибательно? Что же дальше?
Александр Раскатов. А дальше она взяла мою руку и осторожненько так набрала код твоего города, а потом и цифры шесть сорок восемь пятьдесят три..
Алла. Господи, вот, значит, чем я обязана тому неожиданному звонку полгода назад? К несчастью, я была дома.
Александр Раскатов. К счастью! Ты болела, и я услышал твой слабый, но вредный голос.
Алла. И понял, что жизнь без меня — мрак, что девушка издалека не вынесет твоего счастья без нее! Бедная телепатка... Да она бездарна. Это-то она могла бы протелепать!
Александр Раскатов. Не протелепала! К счастью!
Алла. Дурак.

Александр Раскатов. Это я уже слышал когда-то.
Алла. Послушай еще. А лучше я наговорю тебе этим словом целую кассету, и ты слушай ее вечерами.

Я постараюсь записаться разнообразно, с разными интонациями.

Александр Раскатов. К черту кассету, хочу слышать это лично и вечно, весной и летом, длинными зимними вечерами.

Алла. Да ты поэт!

Александр Раскатов. Я не поэт... я очень по тебе скучаю...

Алла. Я тоже по тебе скучаю. Я давно тебя выбрала, извини, слово это странное, но мне понятно оно... Мне оно очень понятно. Между нами сложились отношения, которые я ненавидела. Есть такая дружба между мальчиком и девочкой, дружба, намертво включающая все остальное, не имеющая выхода, дружба в никуда! Она меня мучила, я врала себе, заставляла следовать правилам этой глупой игры, этих пикировок, обменов шутками, ни к чему не обязывающими, оскорбляющими то, что существовало где-то внутри меня и совершенно независимо от меня. Ты же принял эти правила, они были легки для тебя, это — твоя сфера, ты в ней как рыба в воде, ты... ты...

Раскатов обнимает ее.

Александр Раскатов. Дорогая моя...

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Связист. «Амур-31» у траншеи-19. Просят разрешение на разгрузку.

Усачков (в микрофон). «Амур-31»! Разгрузку разрешаю. Осторожнее, ребята, эта партия снарядов наиболее корродирована... Повезливее там с контейнерами.

Голос по радио. Они у нас смиреннькие, лежат как покойнички.

Усачков. Повезливее.

Голос по радио. Да, знаем, товарищ майор!

Усачков (кричит). Да знаю, что вы знаете. Знаю! Повезливее! Это приказ! (Окружающим.) Пацаны!

Первогодки! Романтики чертовы! Никакая опасность им не опасность! Веселятся! А эти «смирненькие» могут отправить на тот свет половину областного центра!

Связист. Дегазационные машины готовы!

Усачков. Ясно... Как «Амур-32»?

Связист. Только что доложили: заканчивают погрузку, груз в порядке.

Усачков. Хоть с этой не мучиться!

Связист. Еще десять — двенадцать машин — и все!

Усачков. Спасибо, успокоил!

Связист. Да нет, я к тому...

Усачков. Помолчи!

Связист. Есть помолчать...

Александр Раскатов. Спокойнее, майор! Устали парни... И ты устал...

Усачков. Сиди уж, супермен! Ему одному все нипочем! Еще неизвестно, как твой мазок аукнется! Разжалобил меня!

Александр Раскатов. Тебя разжалобишь!

Корреспондент. А современное химическое оружие, простите, еще страшней?

Александр Раскатов. К сожалению... Из зарубежных источников, из наших спецданных известно, что на Западе активно продолжается его усовершенствование... Нам известны даже примеры применения этого оружия в разных горячих точках... Причем, нацелено все это настолько варварски против человека, его здоровья... Чего стоят психохимические ОВ?!

Корреспондент. Психохимические?! Признаться, первый раз слышу.

Александр Раскатов. Они делают человека неуправляемым, вызывают в нем ярость, жестокость... или, наоборот, полную депрессию...

Связист. Докладывает служба индикации.

Усачков. Слушаю.

Связист. Анализы почвы, воды и растительности заражения не показывают.

Усачков. И на том спасибо. Чего тридцать первый валандается там?!

Связист. Сами же приказали повежливее, вот они и стараются.

Усачков. Что-то разговорился ты у меня!

Связист. Виноват, товарищ майор!

Усачков. Вот закончим, посажу тебя суток на пять, намолчишься...

Связист. Отосплюсь! Я так думаю, товарищ майор...

Усачков. Тебе что, рот завязать?

Связист. А как я вам докладывать буду?

Усачков. Вот попался говорун на мою голову!

Связист. Молчу...

Александр Раскатов. А еще додумались до ОВ, вызывающее повышение температуры тела вплоть до тепловых ударов, повышение или понижение кровяного давления.

Корреспондент. Невероятно.

Александр Раскатов. Непостижимо... Это еще не все... Разрабатывается геофизическое оружие, действие которого маскируется под природные явления — используются ультрафиолетовые лучи солнца...

Корреспондент. Каким же образом?

Александр Раскатов. По идее просто — разрушают озоновый слой атмосферы, и мощное природное ультрафиолетовое излучение будет беспрепятственно проникать к поверхности земли в заданный район и уничтожать все живое.

Корреспондент. Мне всегда казалось, что чем сильнее становится наука, тем добрее должен быть человек. И никак не могу примириться, что это не так!

Александр Раскатов. Все зависит от того, в каких целях человек стремится использовать достижения науки. Можно исследовать космос, а можно, например, изучая магнитные поля планеты, сажать мощный импульс на определенную магнитную линию, и она в необходимом месте разрушающе воздействует на нужный объект.

Связист. «Амур-31» разгрузку закончил... Снаряды в траншее. Говорят, ни один даже не пикнул... Самый поврежденный снаряд они прозвали «Матвейчем», говорят, положили в серединку, чтобы старику теплее было...

Корреспондент. Почему «Матвейчем»?

Связист. Это сержант на местной гауптвахте, вредный, как...

Усачков. Отставить разговоры!

Корреспондент. Извините...

Усачков. Я не вам, я этому... говоруну... «Амур-31», покинуть зону.

Александр Раскатов. Ну, пошел... подарки на елку вешать... бенгальские огни...

Усачков. Давай... повежливее там с этим... Матвейчем... К нему уж ничего не цепляй — сдетонирует сам...

Александр Раскатов. Есть... (*Уходит.*)

Шум отъезжающей машины.

Связист. Товарищ майор, можно вопрос?

Усачков. Давай, все равно для тебя молчать мучение...

Связист. Неужели все, о чем говорил старший лейтенант, может...

Усачков. Если мы с тобой не будем хлопать ушами, то не сможет... Для этого мы с тобой и погоны носим, и не спим, и ругаемся...

Связист. И дело делаем.

Усачков. И дело делаем...

Корреспондент. Нет, но есть же Женевский протокол тысяча девятьсот двадцать пятого года о запрещении этого оружия, его подписало большинство стран! А международная конвенция, которую подписали по нашей инициативе после второй мировой войны!

Усачков. Странно...

Корреспондент. Что именно?

Усачков. Странно... вы опытный корреспондент... журналист... прошли такую войну и сохранили непонятную наивность... странно...

Корреспондент. Наверное... очень даже наверное... Я видел войну, видел убитых и раненых, сам ранен дважды, но даже тогда никак не мог понять смысл убийства человеком человека... Иногда думаю, ведь это существует со дня сотворения мира, многие века! Проти-во-естественно! Значит, мир жил проти-воестественно! Вот горький вывод, который я иногда делаю...

Усачков. Вы милый человек... Но мир жил по-разному, жил и так, как вы говорите, и по-другому...

Корреспондент. Я знаю... И все равно печально становится за мир, если он начинен такими «Матвейчицами»...

Усачков. Мир жалеть не нужно, мир останется миром, потому что естественного в нем неизмеримо больше.

Корреспондент. Я тоже хочу в это верить.

Шум подъезжающей машины. Возвращается Раскатов.

Александр Раскатов. Готово. И «Матвейча» уговорил, подвесил ему хлопушку!

Усачков. Старший лейтенант! Вы на службе! На военной! И если вам старший по званию дает приказ, то его нужно выполнять! И не проявлять дурацкой инициативы!

Александр Раскатов. Виноват, товарищ майор. Извини, Саша, не удержался, злость взяла.

Усачков не отвечает, молчит. Пауза.

Корреспондент. Устал он... Я понимаю, дикое напряжение...

Александр Раскатов. Он прав...

Усачков. Готовность к подрыву?

Офицер-подрывник. К подрыву готовы.

Усачков. Метеоданные?

Связист. Двенадцатый! Метеоданные!

Усачков. Живее!

Связист. Направление ветра и сила ветра в норме. Температурный градиент отрицательный.

Александр Раскатов. Черт его побери!

Усачков. Отставить подрыв!

Офицер-подрывник. Есть отставить подрыв!

Усачков. Задержать «Амур-32».

Связист. Шестой! Задержать «Амур-32»!

Усачков. Всем дозорам произвести выброс дымовых гранат и анометрическую разведку! Метеослужба, следить за температурным градиентом!

Связист. Есть! *(Передает.)*

Корреспондент. А что это за градиент?

Александр Раскатов. Разница температур у земли и на высоте одного метра. Если он положительный, то есть конвекция — движение слоев воздуха вверх, только тогда можно взрывать — облако от взрыва идет вверх и быстрее рассеивается, при отрицательном градиенте оно стелется у земли и представляет большую опасность.

Корреспондент. Значит, пауза?

Александр Раскатов. Пауза... если не считать огромного напряжения сотен людей.

Корреспондент. Я могу задать вам вопрос?

Александр Раскатов. Задавайте.

Корреспондент. Как вы, лично вы, расцениваете личность своего отца?

Александр Раскатов. Он был солдат, из рода солдат, по духу и по мыслям солдат... от рождения и до конца. Вот так я расцениваю личность своего отца...

ПРОШЛОЕ

Особняк командующего.

Раскатов сидит в глубоком раздумье. Тихая музыка. В передней послышались голоса. Начинают собираться генералы. Раскатов встает, выключает музыку. Генералы с некоторым удивлением переглядываются, увидев командующего в парадном мундире.

Демин (*протягивает руку*). Здравствуйте, Сергей Тимофеевич!

Раскатов. Здравствуйте, Петр Акимович!

Семенов. Здравия желаю, товарищ командующий!

Раскатов. Сергей Николаевич!

Гусев. Здравия желаю!

Раскатов. Леонид Михайлович, здравствуйте!

Тимофеев. Здравия желаю!

Раскатов. Здравствуйте, Владимир Васильевич!

Рыбаков. Здравия желаю, товарищ командующий!

Раскатов. Здравствуйте, Александр Трофимович!

Костров. Здравия желаю, товарищ командующий!

Раскатов. Здравствуйте, Степан Михайлович! (*Обращается ко всем, указав на большой круглый стол.*)

Прошу, садитесь, товарищи! Располагайтесь. Проведем небольшое заседание.

Все неторопливо рассаживаются: справа от Раскатова — Демин, слева от него — Семенов и Гусев.

(*Оглядев товарищей.*) Товарищи генералы! Я решил пригласить вас, чтобы подвести итог работы, проделанной по подготовке к учениям. О плане проведения говорить не будем. Он вами изучен и не вызывает возражений. Поэтому попросим начальника штаба еще раз коротко доложить о готовности войск и штабов к учениям.

Гусев (*поднимаясь*). Товарищ командующий! Товарищи генералы, штабы и войска, привлекаемые на учение, в основном успешно завершили все мероприятия, предусмотренные календарным планом. Во всех штабах проведены командно-штабные учения и тренировки. В соединениях и отдельных частях с командно-начальствующим составом проведены сборы, а с подразделениями — тактико-строевые занятия и тактические учения. Техника и вооружение проверены. У меня все, товарищ командующий!

Раскатов. Спасибо. Попросим генерала Тимофеева доложить о готовности ракетных частей, артиллерии.

Тимофеев. Товарищ командующий! Ракетные части и артиллерия к учению готовы. С подразделениями, участвующими в боевых стрельбах, проведены соответствующие занятия и учения. У меня все!

Раскатов. Попросим генерала Рыбакова доложить о готовности авиации.

Рыбаков (*волнуясь*). Товарищ командующий! Все подготовительные мероприятия проведены полностью. Авиационные соединения и части завершают отработку вопросов взаимодействия с сухопутными войсками. Учебно-тренировочные бомбометания и пуски ракет проведены успешно. Словом, мы готовы начать учение по первому сигналу.

Раскатов. Генерал Костров! Доложите о состоянии материально-технического и медицинского обеспечения.

Костров. Товарищ командующий! Товарищи генералы! Соединения и части обеспечены всеми видами боеприпасов для проведения боевых стрельб, горючим, а также специальным имуществом и продовольствием на весь период учения. Для медицинского обеспечения участников учения предусмотрено реальное развертывание соответствующих медицинских частей и учреждений. У меня все, товарищ командующий.

Раскатов (*обращается к Демину*). Петр Акимович, у вас есть замечания и пожелания?

Демин (*голос его дрожит*). Сергей Тимофеевич! Прделана большая работа по мобилизации личного состава учения. Завершена в основном подготовка

к проведению партийно-политических мероприятий в ходе учения. Воины одного из подразделений приняли обращение, в котором, в частности, говорится (*читает*): «Мы будем действовать на земле, политой кровью наших отцов, обелиски на братских могилах будут напоминать нам, какой ценой наши отцы отстояли Родину. Наш девиз: «Действовать на учении, как в бою!» Хорошее обращение!

Раскатов. Спасибо. Обращение воинов рекомендую распространить по всем подразделениям. Возражений нет?

Все участники совещания (*единодушно*). Нет! Нет! Нет!

Раскатов (*твердо*). Ну, что, товарищи, я думаю, мы имеем все основания одобрить проделанную работу. А теперь позвольте мне высказать следующие рекомендации. Во-первых, надо особое внимание обратить на меры по обеспечению полной безопасности людей. Однако не следует забывать также, что нам доверены очень дорогостоящие техника и вооружение. В них вложен огромный труд советских людей и большие материальные ценности. Следовательно, нельзя допустить ни одного случая применения особо ценной боевой техники без тщательного изучения условий местности. Особое внимание следует уделить вопросам управления в ходе наступления и при осуществлении маневра. И последнее, на что хочу нацелить ваше внимание, это на мероприятия, направленные на предотвращение ущерба сельскому и лесному хозяйству. Этот ущерб должен быть минимальным! Каждая потрава или порубка, каждый сантиметр испорченной дороги, любая поломка — все должно быть зафиксировано и согласовано с местными властями. (*Помолчав.*) Сам я, как вы понимаете, к большому сожалению, принять участие в учениях не смогу. (*Помолчав.*) Кстати, хочу вам сообщить... Мой рапорт министром принят... и удовлетворен. Я ухожу с поста командующего округом. Это, пожалуй, все, что мне хотелось вам сказать по этому вопросу... (*Обращается к генералу Семенову.*) А на вас, Сергей Николаевич, как на моего первого заместителя, ложится особая ответственность за успех в предстоящих учениях. Желаю вам, товарищи гене-

ралы, и всем участникам учений успехов!.. Вопросы есть?

Семенов (*не сразу*). Для проведения разбора учения готовить вам материал?

Раскатов. Проведение разбора полностью возлагается на вас. Еще есть вопросы?.. Тогда позвольте на этом закончить, так сказать, официальную часть нашей сегодняшней встречи.

Поднимается первым. Генералы выходят из-за стола. Все явно взволнованы необычностью заседания. Тяжелая пауза.

(*Бодрым голосом.*) Ну что ж, товарищи! (*Направляется к бару. Достает из буфета коньяк, рюмки, лимоны и десертные вилки.*)

Генералы открывают бутылки, разливают коньяк и нарезают лимоны. Раскатов поднимает рюмку, все следуют его примеру.

(*Серьезно*). Поднимаю первый тост за наше Отечество! За партию! За наши Вооруженные Силы!

Все чокаются, осушают рюмки. Раскатов показывает Кострову на пустые рюмки. Тот разливает коньяк.

А теперь, дорогие мои соратники и друзья, разрешите предложить тост за наш военный округ, за вас, за ваше здоровье!

Демин. А мы пьем за ваше, товарищ генерал-полковник!

Раскатов. Спасибо, товарищи! (*Проникновенно.*) Спасибо вам за все! За вашу поддержку, которую я постоянно ощущал, за вашу дружбу. И за вашу службу.

Все чокаются, медленно осушают рюмки.

А теперь давайте прощаться. (*Крепко жмет руку каждому и обнимает, приговаривая: «Всего доброго тебе».*)

Первым, глубоко задумавшись, к двери идет Демин, за ним, незаметно от Раскатова, переглядываясь, остальные генералы. Раскатов следует сзади и у двери делает прощальный взмах рукой. Затем медленно возвращается к столу.

Ну вот, кажется, и все... Попрощались...

Входит Александр Раскатов.

Александр Раскатов. Папа! Что это ты при всех наградах?

Раскатов. А что?

Александр Раскатов (*пожав плечами*). Странно как-то. Будто на парад собрался или на прием.

Раскатов. Шура! Я хотел тебе что-то сказать.

Александр Раскатов. Что, папа?

Раскатов (*серьезно*). Ты понимаешь, что я... уйду от вас...

Александр Раскатов. Не надо об этом...

Раскатов. Надо! Надо. Будь мужчиной и выслушай меня. Когда меня уже не будет, ваша жизнь, я имею в виду тебя и маму, изменится. Сейчас вы для всех члены семьи командующего. Отсюда многие привилегии: машина, особняк и прочее. Ничего этого не будет. Вам придется начинать жить по-иному. То, что вы сейчас имеете, чем пользуетесь, это все за мои заслуги. Меня не будет, и от этого вам придется отказаться. Береги мать. Жаль, что я не увижу твоего сына — моего внука.

Александр Раскатов. Отец! Я тоже хотел тебе что-то сказать.

Раскатов. Говори.

Александр Раскатов. Я решил идти на военную службу, в кадры. Я решил. Твердо. И я хотел тебе это сказать именно сегодня.

Раскатов (*растроганно*). Спасибо, сын! Я верю в тебя.

Входит Ольга Максимовна.

Ольга Максимовна (*мужу*). Ты себя, Сережа, совсем не бережешь. Сначала заседание, а потом пирушку устроил. Что ж ты меня не позвал, я бы быстро все организовала. О чем вы тут без меня беседовали?

Раскатов. Так... о жизни. О вас и о себе... Мы вместе прошли хорошую жизнь!

Ольга Максимовна. Хорошую! Я помню каждый день, каждый год этой жизни... И каждую секунду войны... каждую секунду... Провожала тебя и не плакала, перед эшеленом какое прощание — паровоза не слышно — все режут, а я не могу, стою, как каменная, и каждую твою черточку запомнить ста-

раюсь — морщинки на лбу, брови, глаза, руки, плечи... Ты мне шепчешь, мол, только не плачь, жена командира, мол, все смотрят, не плачь... А я и не могу... Ушел состав. Так до ночи и простояла... И год слезы не проронила... Потом, через год, адъютант твой заскочил на часок после госпиталя... Я как увидела его, обхватила, он слова не успел сказать, а я все, за весь этот страшный год, и выплакала... Он трясет меня, кричит почти, что все уже хорошо, что поправился ты, что зажило плечо, а я не слышу... Потом многое было... Звездочку первую твою отпраздновала... Сели с матерью, выпили и песни пели... громко... в голос...

Раскатов. А помнишь, вернулся я, ты в Москву прилетела встречать... Стоишь на перроне, а в руках два бокала и шампанское... Я выскочил, а ты пробку долой, оно как грохнуло, пена вверх — все в сторону шарахнулись, отряхиваются, а ты стоишь и бокал мне... Помнишь?

Ольга Максимовна. Помню! Такой салют устроила — за всю войну! Потом Шура родился... Ты приволок к роддому патефон, и в три часа ночи грянуло наше танго... Я на подоконник вскочила, смотрю — танцует под окнами с патефоном в обнимку...

Александр Раскатов. Господи, почему вы об этом никогда мне не рассказывали?

Ольга Максимовна. А это принадлежит только нам... Ты извини... Это наше... только наше — его и мое... Только наше... как «Брызги шампанского». *(Неожиданно начинает петь.)*

НАСТОЯЩЕЕ

Полигон.

Александр Раскатов только что пришел, снимает защитный костюм. Сел рядом с Дыбовым.

Усачков (Раскатову). Внимание! Готовим подрыв!

Офицер-подрывник. К подрыву готовы.

Усачков. Понял. Внимание! Всем постам! Сигнал оповещения для оцепления! Химическая тревога!

И опять взвились спецракеты.

Всем службам занять свои места! Команда химической разведки.

Связист. Есть!

Усачков. Команда дегазации?

Связист. Есть!

Усачков. Аварийно-спасательная команда.

Связист. Есть.

Усачков. Внимание!

Офицер-подрывник. Есть внимание.

Усачков. Подрыв!

Офицер-подрывник. Есть подрыв!

Мощный взрыв.

Усачков. Дегазационные машины!

Связист. Есть дегазационные машины!

Усачков. Вперед!

Связист. Вперед!

Слышны моторы.

Усачков (*берет микрофон*). Тщательнее, ребята... Осторожнее... идем к финалу... Шестой! Приготовить «Амур-43»! Готов? Отлично! Пошел, сорок третий! Докладывать прохождение ориентиров!

Александр Раскатов. Артем Петрович, я давно хотел у вас спросить...

Дыбов. Спрашивай.

Александр Раскатов. Я тогда случайно оказался невольным свидетелем вашего последнего разговора с отцом. Я не слышал его, но видел, что отец передавал вам письмо... Я понял, что он вас о чем-то просит... Я хотел войти в комнату, но, увидев отца в парадном мундире, при всех регалиях, задержался за дверью... Что за письмо?.. Скажите, если можете...

Связист. «Амур-43» ориентир 17 прошел нормально!

Усачков. Понял.

Дыбов. Скажу. Дело прошлое, и ты имеешь право знать правду. Я выполнил последнюю просьбу твоего отца, моего друга, — передал его письмо в ЦК. Тогда я был членом Ревизионной комиссии ЦК, и меня сочли нужным ознакомить с его содержанием.

Связист. «Амур-43» ориентир 19 прошел нормально.

Постами ведется наблюдение.

Усачков. Ясно.

Дыбов. Твой отец был человеком кристально честным перед партией, преданным армии. Он был стойким, мужественным человеком. Он многое повидал, за многое сражался и очень близко к сердцу принимал все наши победы и все неудачи. Он понимал, что неизлечимо болен, он все понимал... Страдал не только физически, но и морально... Больше всего его мучило, что он не в состоянии по-прежнему выполнять свой воинский долг...

Связист. «Амур-43» ориентир 21 прошел нормально.

Наблюдение продолжается!

Усачков. Ясно.

Дыбов. Он так хотел, чтобы жили мы еще чище и светлее... так ненавидел все, что мешает этому... Он многое видел... и удачи и просчеты... Писал он в ЦК и об этом... Честно писал, как коммунист, как солдат партии... Видел все конкретно, умел анализировать, умел мыслить партийно...

Связист. «Амур-43» ориентир 23 прошел нормально!

Подходит к границе полигона.

Усачков. Выводи сорок третий к траншее-21!

Связист. Есть! «Амур-43», выходите к траншее-21!

(Усачкову.) Поняли!

Усачков. Прекрасно!

Дыбов. Он был очень болен... Да что я тебе это говорю!.. Так вот, зная, что дни его сочтены, что дальнейшая борьба за жизнь потеряла для него всякий смысл, он принял решение «шагнуть — как он писал в письме — навстречу»...

Связист. «Амур-43» на полигоне! Подошли к траншее-21. Просят разрешение на разгрузку.

Усачков. Отлично. Разгрузку разрешаю.

Александр Раскатов. Да... мы все, особенно мама, понимали, что отец принял какое-то чрезвычайное решение... Хорошо, что отец не успел его осуществить...

Дыбов. Сердце не разрешило...

Внезапно раздается негромкий взрыв. Все вскочили.

Александр Раскатов. Что?! Что случилось?!

Усачков. На сорок третьем взрыв! Связь!!!

Связист. «Амур-43»! «Амур-43»! Связи нет!
Усачков. Я тебе дам — связи нет! Связь!
Связист. «Амур-43»! «Амур-43»! «Амур-43»!
Усачков. Связь!!
Связист. Есть связь...
Голос по радио. Я «Амур-43». При снятии последнего контейнера сработал взрыватель... Осколки пробиты кабину...
Усачков. Машине покинуть зону.
Голос по радио. Я ранен, товарищ майор.
Усачков. Запасной?!
Голос по радио. Запасной ранен...
Усачков. Водителям немедленно ввести себе антидот!
Александр Раскатов. Надо срочно вывести машину из зоны.
Связист. Дозоры зарегистрировали заражение атмосферы!
Александр Раскатов. Счет идет на секунды... Пятнадцать секунд! Их нужно срочно вывести из зоны.
Усачков. Ребята, не двигаться! Лежать! Не двигаться! Движение опасно! Смертельно!
Александр Раскатов. Двадцать секунд!
Усачков. Аварийно-спасательная группа номер четыре и четвертый полевой специализированный медпункт.
Связист. Спецмедпункт! Есть аварийно-спасательная группа! *(Вызывает.)* 5 АСГ, 5 АСГ, 4 СМП, 4 СМП.
Александр Раскатов. Не успеют они... Двадцать пять секунд! Их нужно срочно вытащить. *(Бросается к выходу, хватая противогаз.)*
Усачков *(кричит)*. Назад! *(Бросается к выходу. Перехватывает Александра Раскатова. Связисту.)* Пошла аварийная группа?
Связист. Аварийно-спасательная группа выходит. Полевой спецмедпункт выходит через одну минуту.
Александр Раскатов. Сорок секунд! Пусты! Пока машины будут петлять по воронкам, я добежу быстрее!
Усачков. Не смей! Я приказываю тебе! Пойдешь под суд!
Александр Раскатов. Пятьдесят секунд, Саша! *(Неожиданно сбивает Усачкова с ног, тот падает.)* Ты прости меня — там мои солдаты!

Усачков. Назад! Стой!

Раскатов бежит к машине.

Костюм! Надень костюм! Шура! Вернись! Вернись, я приказываю тебе, вернись!

Шум резко отъезжающей машины.

Дымов. Их может что-нибудь спасти?!

Усачков. Нет. Только чудо... *(В микрофон.)* Всем службам! Тревога! Взрыв на «Амуре-43»! Группам к траншее идти на максимальной скорости. Быстрее! Быстрее! Быстрее!!!

Звуки машин, сирена.

Дыбов. Будем надеяться на чудо...

Корреспондент. Без войны война... Что же это?!

Дыбов. Это эхо войны. Эхо! И для того чтобы заглушить его, нужен подвиг... Нужен подвиг... И слава тем, кто его совершает, выполняя свой долг.

Конец

1980

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕАТР ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Раки	7
Охотник	64
Дикари	124
Памятник себе...	170
Осторожно, листопад	210
Эцитоны бурчелли	257
«Зеленый кузнечик»	303
Балалайкин и К°	348
Пощечина	407
Пена	447
Постоялец	496
Пассаж в Пассаже	546
Эхо	592

М69 **Михалков С.**
Собрание сочинений. В 6-ти т. — М.: Худож.
лит., 1980 —
Т. 5. Театр для взрослых. 1982. 655 с.

Том составляют широко известные сатирические комедии писателя: «Раки», «Осторожно, листопад», «Пена», «Постоялец», «Пощечина» и другие пьесы.

М $\frac{4702010200}{028(01)-82}$ — подписное

P2

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений в шести томах
ТОМ ПЯТЫЙ

Редактор З. Кондратьева
Художественный редактор Е. Ененко
Технический редактор Л. Ковнацкая
Корректоры Н. Замятина и В. Широкова

ИБ № 2433

Сдано в набор 13.10.81. Подписано к печати 11.10.82. А 10885. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 34,44. Усл. кр.-отт. 34,44. Уч.-изд. л. 35,53. Тираж 75 000 экз. Изд. № III-86. Заказ № 133. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

2p.50k